

Редакція вважає необхіднимъ заявити, що опозданіе вихода настоящего соединеннаго № журнала произошла по совершенно независящимъ отъ нея обстоятельствамъ.

Неустойчивое положеніе издательскаго и типографскаго дѣла въ Москвѣ не даетъ увѣренности въ томъ, что виходъ послѣдующихъ №№ журнала будетъ своевремененъ.

РЕДАКЦІЯ.

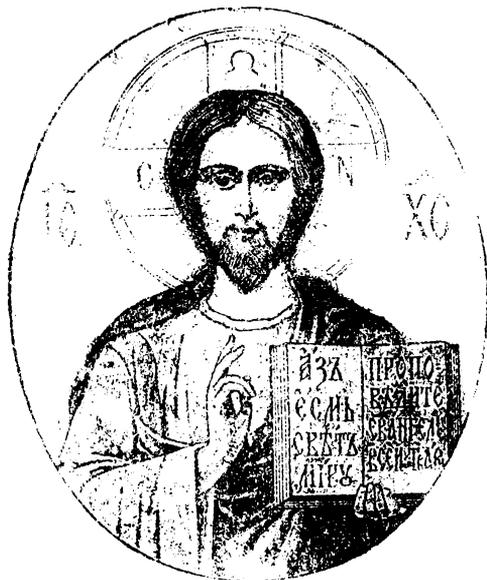
ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОЕ ВНЕШНЕОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЩЕСТВО

ОРГАНЪ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ МИССИИ.

Издаіе Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Блговѣстите дѣнь ѿ дне сіеіе Кѡга нашего, возвѣстите во гѣзыцѣхъ слѣвѣ
Егѡ, во всѣхъ людехъ чдеса Егѡ. (Ис. 95, 2—3).

Свѣтъ Хрѣтовъ
просвѣщаетъ всѣхъ.

Шѣдше начіте всѣ
гѣзыки, кѡтѣше ихъ во
имѣ Оца и Сна и
Сѣаго Дѣа, оучаще ихъ
влюстѣ всѣ, ѣлика запо-
вѣдахъ вамъ.

(Мѡ. XXVIII, 19—20).

Рцйте во гѣзыцѣхъ, тако Едъ воцаріса. (Ис. 95—10).

Адресъ Редакціи и Конторы: Москва, Лиховъ пер., Епарх. Домъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стр.

I.

1. Архипастырскій новогодній привѣтъ на 1917 годъ.
Митрополитъ Макарій 1—2
2. Архипастырская бесѣда въ недѣлю Сыропустную
(на вечернѣ). **Митрополитъ Макарій** 5—12
3. Во дни войны. Протоіерей **Іоаннъ Восторговъ**. 13—74
4. Благовѣстіе Христова въ Русской землѣ отъ древ-
нѣйшихъ ея временъ до сего дня. (Продолженіе).
Епископъ Макарій 74—91
5. Очерки православно-христіанскаго вѣроученія и его
превосходство надъ исламомъ. Священникъ **Алексій**
Урбанскій 92—114
6. Поученіе, произнесенное въ Иркутскомъ соборѣ 6
декабря 1916 г., въ день св. Николая Мирликій-
скаго чудотворца. Протоіерей **Василій Флоренсовъ** . . 115—119

II.

7. О положеніи и преподаваніи Закона Божія въ школахъ
въ связи съ бытомъ духовенства. **Д. Аннинскій** . . 120—133
8. Обученіе гольдскихъ и гилякскихъ дѣтей русскому
разговорному языку и русской грамотѣ. Свящ. **Па-
вель Кудрявцевъ**. Начальникъ инородческой миссіи
Благовѣщенской епархіи 134—147
9. О преподаваніи русскаго языка въ инородческихъ
училищахъ 148—157

III.

10. Учрежденіе миссіонерскаго монастыря въ Удскомъ у.
Благовѣщенской епархіи. Свящ. **Павель Кудрявцевъ**. . 158—182
11. О православной миссіи въ Монголіи. **А. Г.** 183—194
12. Религіозное броженіе среди черемисовъ. **П. М.** . . 195—198
13. Обзорніе становъ и приходовъ Верхнеленскаго
уѣзда начальникомъ Иркутской духовной миссіи
епископомъ **Зосимою** въ октябрѣ 1916 г. **В. Флоренсовъ**. 199—215

II.

IV.

14. Свѣтлой памяти Н. И. Ильминскаго. Проф. К. Хар-
ламповичъ 216—119
15. Памяти добрыхъ дѣлателей. Н. Д. Казминъ. 220—222
16. Изъ алтайской жизни. Павлия Алтайскій 223—225
17. Корсаковскій станъ. Миссіонеръ Василій Огай 226—231
18. Интересный историческій документъ. Архимандритъ
Макарій 232—233
19. Письмо въ редакцію. Протоіерей Евфимій Маловъ 234—236
20. Національность І. Христа. Д. Аннинскій 237—247

V.

21. Опытъ православно-нравственнаго богословія. ,
(Окончаніе.) И. Г. Пятницкій 248—278

VI.

22. Миссіонерская дѣятельность христіанскихъ церквей
Запада. Бывшій Миссіонеръ 279—301

VII.

23. Изъ жизни Иркутской православной миссіи С. Н. П. 302—310
24. Первые шаги Посьетской миссіонерской дружины . 307—308
25. Корейскія души , 308—310

VIII.

26. Библіографія 311—314

Архипастырскій новогодній привѣтъ на 1917-й годъ.

Боголюбезной Московской паствѣ шлю привѣтъ:

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!

Вотъ и новый годъ—уже 17-й двадцатаго столѣтія. Что дастъ намъ этотъ годъ для личнаго счастья каждаго изъ насъ? Что-то принесетъ наступающій годъ для дорогой нашей родины? Конечно, будетъ то, что мы заслужимъ своею жизнію. Вѣдь, человѣкъ самъ куетъ свое несчастье. Хотѣлось бы сказать, что онъ же самъ—ковачъ и своего счастья, но удержимся отъ этого, потому что счастье не отъ него одного зависитъ, а отъ Единого Источника всякаго счастья. Итакъ, будетъ то, что опредѣлитъ о насъ святая воля Божія. О, если бы она опредѣлила не то, что мы заслуживаемъ по грѣхамъ нашимъ, а то, что изволить безмѣрная милость Его, ради имени Своего Святаго, ради неизмѣримо великой жертвы, принесенной за грѣхи міра Единымъ Безгрѣшнымъ Ходатаемъ Бога и человѣка! Но что бы ни ожидало насъ въ будущемъ, мы не перестанемъ выражать другъ предъ другомъ въ новый годъ свои благія пожеланія, привѣтствуя словами: съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Говоря такъ, мы, конечно, произносимъ не пустыя слова, но сознаемъ, что въ этихъ звукахъ заключаются смыслъ и сила. Нужно думать, что у перваго человѣка, произнесшаго эти слова благожеланія, была та глубокая мысль, что новый годъ есть счастье, потому что каждый день бытія нашего лучше небытія; жизнь, какова она ни есть, уже счастье; она дана Благимъ Творцомъ для счастья; тѣмъ болѣе жизнь вѣрующаго христіанина.

Впрочемъ, въ словахъ благожеланія заключается не только смыслъ, но и сила. Слово человѣческое есть образъ Живаго, Дѣйственнаго, личнаго Слова Божія. Слово Божіе есть сила, и въ человѣческомъ словѣ, сказанномъ сознательно, убѣдительно, заключается также нѣкоторая сила. Слово человѣческое можетъ вызывать слезы, смѣхъ и горе, и радость. Слово любящаго человѣка умягчаетъ жестокость сердца, растепливаетъ и умиляетъ его. Напротивъ, кому неизвѣстна сила словъ недоброжелательства и проклятія! Иногда грубое, жестокое слово дѣйствуетъ на насъ, какъ ударъ по головѣ. Благо тому, кого всѣ благословляютъ; но горе—кого проклинаютъ.

Смыслъ непонятнаго яснѣе открывается изъ противоположнаго. Представимъ себѣ, что въ наступающій новый годъ вмѣсто словъ благожеланія всѣ стали бы высказывать свои злыя пожеланія, вмѣсто благословенія—проклятія: вмѣсто словъ: желаю всего добраго,—стали бы говорить: желаю вамъ всего дурнаго, чтобы постигло васъ то-то и то-то несчастье и горе,—какъ бы мы встревожились, огорчились этимъ зложеланіемъ, и отъ чего бы? Вѣдь, слово, говорятъ, пустой звукъ. Значить: оно не звукъ, какъ біеніе воздуха; значить, не суевѣріе изобрѣло обычай выражать благожеланія словами, а вѣра въ силу слова, вложенная въ насъ; мы дѣлаемъ это сознательно и убѣждаемся опытомъ, что благо тому, кого благословляютъ, но горе тому, кого проклинаютъ. На этомъ основана и сила родительскаго благословенія; въ этомъ тайна церковнаго благословенія.

Итакъ, съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!

Да благословитъ Господь этотъ вѣнецъ лѣта Своя благости для всѣхъ.

Да даруетъ Онъ дорогой родинѣ миръ внѣшній и внутренній; Благочестивѣйшему Государю нашему и побѣдоносному воинству его побѣду на враги. Всѣмъ и каждому да ниспошлетъ Господь Свое благословеніе.

Митрополитъ Макарій.

Архипастырская бесѣда.

Въ недѣлю Сыропустную (на вечерни).

Мы стоимъ въ преддверіи покаянія. Войдемъ ли въ самыя двери? Пожелаемъ ли мы перемѣниться, исцѣлиться? Ибо въ этомъ и состоитъ вхожденіе въ дверь покаянія. „Въ чемъ же перемѣняться—подумаетъ кто-нибудь,—развѣ есть въ насъ что-либо неблагообразное? Отъ чего врачеваться? Развѣ есть въ насъ что-либо болѣзненное“? Не убѣжденъ ли болѣе или менѣе каждый изъ насъ, что все у насъ въ порядкѣ? Не увѣрены ли мы въ честности нашихъ поступковъ, въ исправности по службѣ, безупречности въ жизни общественной и семейной? Не правда ли, мы готовы, указывая на другихъ, говорить: мы не таковы, какъ прочіе? Словомъ, по собственному нашему убѣжденію, мы такъ безупречны, что не знаемъ, въ чемъ намъ перемѣняться, отъ чего врачеваться. Въ этомъ-то и заключается нашъ первый нравственный недугъ: мы потеряли чувствительность къ нашимъ духовнымъ недугамъ.

Вотъ у насъ, по слову пророка, *вся голова въ язвахъ, все сердце изчало: отъ подошвы ноги до темени головы нѣтъ здороваго мѣста: язвы, пятна, гноящіяся раны* (Ис. 1. 6). А кто изъ насъ сознаетъ эти недуги нашей общественной и личной жизни изъ насъ жизни?

Если бы кто, переходя изъ дома въ домъ, искалъ среди насъ вѣры, то во многихъ ли домахъ обрѣлъ бы ее? И еще меньше нашелъ бы сознающихъ себя виновными въ этомъ тяжкомъ грѣхѣ—невѣрїи. Вотъ второй нашъ недугъ—потеря вѣры. Мы разумѣемъ не мертвую, холодную вѣру, которую и бѣсы имѣютъ, но живую, дѣйственную, выражающуюся дѣлами. Мы оставили братскую любовь, другъ-друга угрызаемъ, другъ-друга съѣдаемъ, другъ-другу роемъ яму, бросаемъ грязью и прямо въ лицо, и изъ-за угла, и однако же мы столь же далеки отъ покаянія въ

этомъ, сколько далеки отъ изначальной заповѣди о любви. Это третій нашъ недугъ—оскудѣніе любви.

Мы щедры для себя, охотно тратимъ наши капиталы, а иногда и послѣднія деньги на свои удовольствія, на угощеніе друзей, на зрѣлища, на предметы роскоши, но — не правда ли — весьма скупы для другихъ, напримѣръ: на безкорыстную помощь изнывающимъ отъ недостатка пищи, на призрѣніе вдовъ и сиротъ; и однако же, какъ далеки мы отъ мысли о возвращеніи къ первымъ временамъ христіанства, когда *у множества утѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго, и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду* (Дѣян. 4, 32, 34).

А мы какъ далеки отъ такого образа мыслей, какъ далеки отъ покаянія! Вотъ четвертый нашъ недугъ—чрезмѣрное себялюбіе, которое говоритъ: знать никого не хочу! Я — и больше никто! Мнѣ — и больше никому! Потерявши вѣру, утративъ нелицемѣрную братскую любовь, обративъ ее исключительно на себя, мы разорвали живой союзъ съ церковію. Мы живемъ жизнію грѣховнаго міра, находящагося подъ властію князя тьмы, подчиняемся требованіямъ и обычаямъ этого міра, лежащаго во злѣ, но не живемъ жизнью церкви, пренебрегаемъ ея уставами и обычаями. Если продолжать счетъ, то это пятый нашъ недугъ — отчужденіе отъ церкви. На этотъ недугъ обратимъ особенное наше вниманіе. Если бы намъ даровано было исцѣленіе отъ послѣдняго недуга — отчужденія отъ церкви, то за симъ могло бы легко послѣдовать исцѣленіе и отъ всѣхъ прочихъ. Къ сожалѣнію послѣдніи грѣхъ — пренебреженіе къ уставамъ церкви вообще, теперь сталъ распространяться повсюду. То, что начато было сознательнымъ самочиніемъ многознающаго меньшинства, теперь становится наслѣдіемъ маловѣдущаго большинства. Грѣхъ соблазненнымъ, но горе и тѣмъ, отъ кого начался и къмъ поддерживается соблазнъ. Имѣющіи разумъ пусть самъ рѣшить, къ кому должны быть отнесены слова евангельской угрозы: *горе человѣку тому, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ; тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской* (Матѣ. 18, 6, 7). *Скорбь и тѣснота на всякую душу человѣка, творящую злое* (Римл. 2, 9), по невѣдѣнію или по немощи; но большее горе тому, кто творитъ сіе по презорству: *ибо кто зналъ и не сотворилъ, битъ будетъ много* (Лук. 12, 47).

Предлагаемъ вашему вниманію одну благочестивую повѣсть, изъ которой вы усмотрите, къ чему приводитъ жизнь нераскаянная, отчужденіе отъ церкви, самочиніе и непокорливость богоучрежденному порядку, и, если угодно, сдѣлаете изъ нея для себя заключеніе.

Одному пустынноку, изнемогавшему отъ унынія и желавшему знать, будетъ ли какая польза душѣ его отъ трудовъ и подвиговъ, которые онъ несъ уже много лѣтъ, явившійся Ангель, ободряя и утѣшая его, показалъ слѣдующее видѣніе.

— Въ лѣвой сторонѣ отъ себя, покрытой густымъ мракомъ, читаемъ въ сочиненіяхъ одного маститаго іерарха, старецъ услышалъ шумъ и смятеніе. Всмотриваясь внимательно въ мракъ, увидѣлъ онъ широкую рѣку, по которой волны ходили взадъ и впередъ, вправо и влѣво,—и кто-то всякій разъ, какъ мелькала предъ очами его волна, какъ бы на ухо, внятно, произносилъ старцу: это—волна невѣрія, безпечности, холодности, это—немилосердія, разврата, взяточничества, это—нѣги, забавы, зависти, раздора, а это—пьянства, нечистоты, лѣности, невѣрности супруговъ и пр. и пр.,—и всякая волна поворачивала на себѣ предъ нимъ несмѣтное множество людей, поднимая ихъ изъ рѣки и снова погружая въ глубь ея. Въ ужасѣ старецъ воскликнулъ: Господи! ужели всѣ сіи погибнуть и нѣтъ имъ надежды спасенія? Ангель сказалъ ему: смотри далѣе, и узришь милость и правду Божию!

Старецъ взглянулъ еще на рѣку и увидѣлъ ее по всей широтѣ и по всей долготѣ своей покрытую малыми ладьями, въ которыхъ сидѣли свѣтлые юноши со всякаго рода орудіями во спасеніе утопающихъ. Они всѣхъ призывали къ себѣ и инымъ подавали руки, другимъ спускали жерди и доски, тѣмъ бросали верви, а иногда погружали въ глубь багры и крюки, не хватится ли и тамъ кто? И что же? Рѣдкій, рѣдкій откликнулся на призывный гласъ ихъ, и еще менѣе было такихъ, которые пользовались, какъ слѣдуетъ, даваемыми имъ орудіями спасенія. Наибольшая часть съ презорствомъ отвергали ихъ и съ какимъ-то дикимъ услажденіемъ погружались въ рѣкъ сей, издававшей чадъ, смрадъ и гарь. Старецъ простеръ взоръ свой вдаль рѣки и въ концѣ ея увидѣлъ бездну, въ которую низвергалась она. Юноши въ большомъ количествѣ стремительно плавали туда и сюда, у самага края бездны, заботливо подавая помощь; но несмотря на то, каждую минуту, на каждой точкѣ рѣки цѣлыя тысячи людей вмѣстѣ съ рѣкою низвергались въ бездну, откуда были слышны одни стоны отчаянія и скрежетъ зубовъ. Старецъ закрылъ лицо свое и зарыдалъ. И былъ къ нему гласъ съ неба: „горько, но кто

виновенъ? Скажи, что бы еще могъ Я сдѣлать для спасенія ихъ, чего не сдѣлалъ? Но они съ ожесточеніемъ отвергають всякую подаваемую имъ помощь. Они отвергнутъ Меня, если я низойду на помощь къ нимъ въ самыя безотрадныя мѣста ихъ страданій“.

Успокоившись нѣсколько, старецъ обратилъ очи свои на правую сторону, къ свѣтлому востоку и утѣшенъ былъ отраднымъ видѣніемъ. Тѣ, кои, внимая зову свѣтлыхъ юношей, подавали имъ руку, или хватались за какое-нибудь спасительное орудіе, были извлекаемы ими на правый берегъ. Здѣсь принимали ихъ другія лица, вводили въ небольшія стройныя зданія, разсѣянные въ большомъ количествѣ по всему протяженію берега, гдѣ обмывали чистою водою, облекали въ чистыя одежды, опоясывали, обували, давали посохъ и, подкрѣпивъ пищею, отсылали въ путь— далѣе къ востоку, заповѣдавъ имъ, не озираться вспять, идти безъ остановки, внимательно смотрѣть подъ ноги и не пропускать ни одного подобнаго зданія безъ того, чтобъ не зайти въ него и не подкрѣпить себя въ немъ пищею и совѣтомъ отъ тѣхъ, чьему попеченію ввѣрены сін зданія, равно какъ и всѣ заходящіе въ нихъ.

Старецъ провелъ глазами по берегу и увидѣлъ, что на всемъ протяженіи его готовятся въ путь эти избавленные. На лицѣ всѣхъ отпечатлѣвались радость и воодушевленіе. Видно было, что они всѣ чувствовали особенную легкость и силу и съ нѣкоторою неудержимостію устремлялись въ путь, первыя стадіи котораго усѣяны пріятными цвѣтами.

Старецъ обратилъ потомъ взоръ свой далѣе къ востоку, и вотъ что ему открылось. Пріятный лугъ оканчивался невдали отъ берега; далѣе начинались горы, лежавшія хребтами въ разныхъ направленіяхъ. Онѣ шли, поднимаясь все выше и выше и пресѣкаясь пропастями,—то голыя и утесистыя, то покрытыя кустарниками и лѣсами. Повсюду по нимъ видны были путники-труженики. Иной карабкался на крутизну, другой сидѣлъ въ утомленіи или стоялъ въ раздумьѣ, тотъ боролся со звѣремъ или змеею; одинъ шелъ прямо къ востоку, а другой по косвенному направленію, а иной перерѣзывалъ поперечно пути другихъ; только всѣ были въ трудѣ и потѣ, въ борьбѣ и напряженіи силъ и душевныхъ и тѣлесныхъ. Рѣдкій путникъ всегда видѣлъ дорогу: часто она совсѣмъ пропадала или раздроблялась въ распутія; въ иномъ мѣстѣ скрывали ее туманъ и мракъ, въ иномъ пересѣкла пропасть или крутой утесъ; тамъ преграждали ее звѣри изъ дубравы или ядовитыя гады изъ ущелій. Но вотъ что дивно! Повсюду по горамаъ разсѣяны были красивыя зданія, подобныя тѣмъ,

въ которыя принимаемы были въ первый разъ спасенные отъ воды. Коль скоро путникъ заходилъ въ нихъ, какъ ему заповѣдано вначалѣ, то какъ бы онъ ни былъ изможденъ до того времени, выходилъ оттуда бодрымъ и полнымъ силъ. Тогда звѣри и гады не могли выносить взора его и бѣжали отъ него; никакія препоны надолго не останавливали его: и онъ легко и скоро отыскивалъ скрывавшійся какимъ-либо образомъ путь по тѣмъ указаніямъ, какія получалъ въ тѣхъ зданіяхъ. Всякій разъ, какъ преодолевалъ кто препятствіе или одолѣвалъ врага, становился крѣпче, выше, статнѣе; чѣмъ кто выше восходилъ, тѣмъ болѣе хорошѣлъ и свѣтлѣлъ. Къ вершинѣ горы мѣстность опять становилась гладкой и цвѣтистой, но вступившіе на нее вскорѣ входили въ свѣтлый облакъ или туманъ, изъ котораго уже не показывались болѣе.

Старецъ приподнялъ очи выше сего облака и изъ-за него или изъ-за горы увидѣлъ чудный, неописанной красоты свѣтъ, изъ котораго доносились къ нему сладостные звуки: святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѣ! Старецъ въ умиленій палъ ницъ, и надъ нимъ звучно пронеслось слово Господне: *такъ тецъте, да постигнете.*

Поднявшися снова на ноги, старецъ увидѣлъ, что съ разныхъ высотъ горы немалое число путниковъ въ разныхъ мѣстахъ стремительно бѣжали снова къ рѣкѣ, то молча, то съ крикомъ и хульными, бранными словами. Къ каждому изъ нихъ и сверху, и съ боковъ обращено было воззваніе: „остановись, остановись!“ Но, гонимые какими-то малорослыми муринами, они не внимали остороженію и снова погружались въ смердящую рѣку. Тогда старецъ въ изумленіи воззвалъ: Господи! что сіе?—и услышалъ въ отвѣтъ: „плодъ самочинія и непокорливости богоучрежденному порядку!“ Тѣмъ видѣніе кончилось.

Ангель, показывавшій видѣніе старцу, спросилъ его наконецъ: „утѣшенъ ли?“ И старецъ поклонился ему до земли.

Что значить это видѣніе? Рѣка на лѣвой сторонѣ—жизнь по обычаямъ міра, лежащаго во злѣ. Приятный берегъ на правой сторонѣ, а потомъ горы, скалы и пропасти—жизнь христіанская подъ сѣнію церкви и руководствомъ богоучрежденной іерархіи—пастырей и учителей.

Волны на рѣкѣ, несущія въ бездну множество людей, суть невѣріе, гордость, любостыжаніе, супружеская невѣрность, нечистота и другіе пороки и страсти, господствующіе въ мірѣ и увлекающіе людей въ бездну гибели.

Стройныя зданія по берегу и на пути къ вершинѣ горы—церковь съ ея спасительными учрежденіями, таинствами, обрядами и уставами.

Свѣтлые юноши, въ ладьяхъ плывущіе по рѣкѣ въ различныхъ направленіяхъ съ спасительными орудіями для утопающихъ, это—служебные духи, посылаемые на спасеніе людей, и разнообразныя пути промысла Божія, призывающаго людей ко спасенію и людьми нерѣдко отвергаемые. Подобныя имъ бѣлоризцы, на берегу срѣтающіе спасенныхъ изъ глубины рѣки, вводящіе ихъ въ зданія, это—служители спасенія: апостолы, благовѣстники, пастыри и учителя, которыхъ Господь поставилъ въ *церкви своей на дѣло служенія, къ совершенію святыхъ* (Еф. 4). Они облачаютъ приходящихъ въ церковь чрезъ спасительныя таинства въ одежду спасенія, укрѣпляютъ ихъ на подвигъ, питаютъ *словомъ* и *хлѣбомъ* жизни, руководятъ ихъ въ дѣлѣ спасенія. Отдѣляющіеся отъ нихъ отдѣляются отъ церкви, отрекающіеся отъ церкви отрекаются отъ Христа, безъ Котораго нѣтъ спасенія.

Пути на правомъ берегу, то легко усматриваемые, то скрывающіеся, то взаимно пресѣкающіеся, то развѣтвляющіеся на распутія, но всѣ ведущіе къ вершинѣ горы,—это пути спасенія, весьма разнообразныя, у cadaго почти свой особый, всѣ сопряжены съ трудностями, препятствіями, всѣ требующіе отъ путника внимательности и усилія, какъ отъ подымающагося въ гору, и всѣ они ведутъ въ горнія обители. Горныя хребты, пропасти, утесы, это суть: разнообразныя труды, препятствія и искушенія, которыми обставлены пути спасенія.

Звѣри и змѣи, встрѣчающіеся на пути, это—враги нашего спасенія: страсти, соблазны міра и демоны.

Путь на правой сторонѣ, въ области церкви, сперва—ровный, пріятный, потомъ гористый, сопряженный съ препятствіями и и опасностями, а затѣмъ опять ровный. Это означаетъ то, что путь спасенія въ началѣ бываетъ лепокъ: ибо тогда грѣшникъ какъ бы несется на рукахъ благодати Божіей. Вступающій на путь спасенія хотя и подвергается нападеніямъ враговъ, но въ то же время, почти осязательно для себя, получаетъ для борьбы съ ними и благодатную помощь; онъ чувствуетъ здѣсь скорбь, иногда тоску объ оставленномъ имъ мірѣ, удовольствіяхъ, которымъ онъ предавался съ друзьями: но въ то же время получаетъ отъ благодати Божіей и утѣшеніе, при которомъ онъ забываетъ причиненную скорбь и получаетъ готовность терпѣть еще большія скорби ради царствія небеснаго. Затѣмъ путь спасенія постепенно затрудняется; враги нападаютъ на путника съ боль-

шею яростию; утѣшенія бываютъ рѣже, а скорбей и трудовъ больше; христіанинъ вводится въ борьбу, болѣе трудную, чѣмъ сначала. Но Господь взыскающему Его никогда не посылаетъ искушенія выше силъ, но всегда *при искушеніи даетъ и облегченіе, такъ чтобы онъ могъ понести* (1 Коринѳ. 10, 10). На лѣвой сторонѣ рѣка увлекаетъ людей внизъ и низвергаетъ ихъ въ бездну. Это погибель, въ которую низвергаются невосхотѣвшіе воспользоваться предложенными имъ средствами спасенія. Въ безднѣ погибели будетъ плачь, скрежетъ зубовъ и проклятія.

На правой сторонѣ гладкая къ вершинѣ мѣстность, это — умиротвореніе сердца, освобожденіе отъ страстей. Свѣтлое облако на вершинѣ горы, скрывающее путниковъ, — мирная кончина. Свѣтъ изъ-за горы — рай блаженный, обитель нескончаемаго блаженства, гдѣ слышны славословія небожителей и празднующихъ гласъ непрестанный, и пребываетъ „неизреченная сладость зрящихъ Божія лица доброту неизреченную“.

На лѣвой сторонѣ бѣлоризцы плаваютъ съ спасительными орудіями у самой бездны, ожидая, не воспользуются ли ими здѣсь, на краю погибели, въ виду бездны тѣ, которые отвергали ихъ въ началѣ. Это означаетъ, что Промыслъ Божій не оставляетъ грѣшника до конца его жизни, призывая его къ покаянію и подавая благодатную помощь ко спасенію и на краю его погибели. Но и здѣсь нѣкоторые отвергаютъ это и низвергаются въ погибель.

Но вотъ на правой сторонѣ видится: множество людей — изъ числа восходившихъ на гору спасенія — бѣгутъ назадъ; гонимые малорослыми муринами, они, не внимая призыву возвратиться, опять стремятся къ погибельной рѣкѣ. Кто это?

Это тѣ, которые, оставляя спасительный ковчегъ церкви, ввергаются въ бурныя волны міра, которые, пренебрегая Богомъ поставленныхъ пастырей и учителей, идутъ пасть подъ руководствомъ лжепастырей къ самозваннымъ учителямъ, проповѣдающимъ свое евангеліе, а не Христово, свою вѣру, а не вѣру вселенской церкви, и которые въ религиозныхъ вѣрованіяхъ дошли до такого безразличія, что трудно узнать, къ какой вѣрѣ они принадлежатъ: христіане ли они, или евреи, или буддисты?

Это тѣ, которые хотя именуются членами церкви, но не живутъ ея жизнью, которые принадлежности своей къ церкви не выражаютъ ничѣмъ: ни послушаніемъ ея уставамъ, ни участливымъ отношеніемъ къ ея нуждамъ, ни приношеніями на содержаніе вдовъ, сиротъ и нищихъ, призрѣваемыхъ церковію.

Это ты, юноша, который былъ воспитанъ въ семьѣ и школѣ въ правилахъ церкви, который, быть-можетъ, любилъ читать Слово

Божіе, совершать утренія и вечернія молитвы, посѣщать неопустительно храмъ Божій. Но потомъ ты, увлеченный дурнымъ товариществомъ, оставилъ все это и вступилъ на путь отчужденія отъ церкви, и попалъ въ круговоротъ жизни міра, откуда возвратъ уже весьма труденъ.

Это ты, добывающій себѣ средства къ жизни путемъ купли и продажи, ремесломъ и вообще трудомъ. Ты былъ нѣкогда добръ, набоженъ; но потомъ, когда, сталъ побогаче, возгордѣлъ, оставилъ прежнюю добрую жизнь подъ сѣнію церкви, подъ руководствомъ пастырей; по страсти къ пріобрѣтенію, ты оставилъ дѣла милосердія; якобы по недосугу, пересталъ посѣщать храмъ Божій: по челоуѣкоугодию оставилъ посты. Если иногда и благотворишь, то ради славы челоуѣческой; если и приходишь въ церковь, то не по влеченію сердца, а по привычкѣ, по неизбѣжно-обязательному закону, приходишь, притомъ, весьма рѣдко, весьма поздно, скучаешь тамъ, ибо стоишь разсѣянно и поспѣшаешь оставить храмъ, не дождавшись конца службы.

Кто эти, возвращающіеся къ погибельной рѣкѣ, то молча, то съ богохульными и бранными словами?

Это тѣ, которые, отступивъ отъ церкви, хулой и злословіемъ на нее хотятъ оправдывать свое отступленіе и увлечь другихъ вмѣстѣ съ собою въ погибель.

Сдѣлаемъ краткій выводъ изъ всего сказаннаго.

Мы имѣемъ нужду въ покаяніи во грѣхахъ невѣрія, самоугожденія, небратолюбія, отчужденія отъ церкви, пренебреженія къ ея уставамъ. Назидательная повѣсть о видѣніи пустыника да послужитъ намъ указаніемъ, къ какимъ пагубнымъ послѣдствіямъ приведутъ исчисленные пороки и въ особенности грѣхъ отчужденія отъ церкви.

Макарій, Митрополитъ Московскій.

Во дни войны.

Богъ во плоти ¹⁾.

(I. Тим. III, 16).

Послѣ обильныхъ наставленій пастырямъ и пасомымъ, послѣ упоминанія о томъ, что для епископа Тимофея, для подчиненнаго ему клира и для всѣхъ вѣрующихъ особенно нужно знать, „какъ должно поступать въ домѣ Божіемъ, который есть Церковь Бога Живого, столпъ и утвержденіе истины“, — св. апостоль Павелъ сразу и непосредственно за симъ указываетъ и главную, величайшую тайну истины и Церкви: „Безирекословно, — говоритъ онъ, — великая благочестія тайна, — *Богъ явился во плоти*, оправдалъ Себя въ Духѣ, показалъ Себя ангеламъ, проповѣданъ въ народахъ, принятъ вѣрою въ мѣрѣ, вознесся во славу“ (I Тим. III, 15 — 16).

Вѣрующіе всегда искали и ищутъ „благочестивой“ вѣры, т.-е. вѣры правой, чистой, неповрежденной. И вотъ основная истина такой вѣры: признаніе Бога, явившагося и пришедшаго во плоти. Кто не имѣетъ такой вѣры, тотъ не Христовъ, а антихристовъ, и, по особо настойчивому предупрежденію апостола любви Іоанна Богослова, тотъ — не отъ Бога, а отъ діавола, отъ духа лжи и обольщенія (I Іоан. IV, 1; ср. 2 Іоан. 7). И когда мы и предъ праздниками, и въ самый праздникъ Рождества Христова слушаемъ повѣствованія святыхъ евангелистовъ Матѳея и Луки (Мѳ. I, II, гл., Лук. II гл.) о рожденіи Спасителя, то и эти повѣствованія могутъ быть сокращены для вѣры въ краткія и вѣковѣчныя положенія или Евангелія Іоанна Богослова: „Слово плоть бысть“ (Іоан. I, 14), или же проповѣди апостола языковъ: „Богъ явился во плоти“ (I Тим. III, 16), „родился отъ сѣмени Давидова по плоти“ (Римл. I, 3). Такъ мы можемъ говорить при воспоминаніи о началѣ пути спасенія человѣческаго, чрезъ безмѣрное истощеніе Божества и уничтоженіе. Такъ же можемъ мы

¹⁾ Къ Рождеству Христову.

говорить и въ концѣ Его уже побѣднаго исхода жизни и служенія: „пострадавъ *плотию* (I Петр. IV, 1), упраздивъ вражду *плотию* Своею (Ефес. II, 15),—Онъ воскресъ *съ плотію* и *съ плотію* показался ангеламъ, вознесся во славу и вѣчно сѣдитъ одесную Бога“ (Лук. XXIV, 39).

Богъ явился во плоти! Мы такъ привыкли къ свѣту и радости этой тайны, что и не замѣчаемъ, что она есть тайна отъ вѣковъ и родовъ, что къ ней прикинули ангелы желаютъ, что ее искали, къ ней стремились, ея ожидали всѣ народы міра, всѣ религіи, какъ бы онѣ ни были грубы и какъ бы онѣ ни были древни въ исторіи человѣческой. Возвѣщенная, какъ первоевангеліе, падшимъ людямъ, какъ обѣтованіе о Сѣмени Жены, т.е. о воплощеніи отъ нѣкоей Дѣвы,—тайна эта была сохранена чело-вѣчествомъ на всѣхъ путяхъ его исторической жизни, сохранена глубоко и непоколебимо въ тайникахъ души и сердца, и отобразилась на всѣхъ его религіозныхъ исканіяхъ. Блистающая, какъ свѣтъ солнца, въ Ветхозавѣтномъ Откровеніи, въ безчисленныхъ прообразованіяхъ и пророчествахъ (Рим, I, 2), она предносилась сознанію и всѣхъ языческихъ религій, какъ наслѣдіе первобытнаго Божественнаго Откровенія и первоевангелія. Религіозное сознаніе чело-вѣчества такъ и не было бы удовлетворено, и тоска такой неудовлетворенности навсегда осталась бы достояніемъ людей, если бы Богъ дѣйствительно не явился во плоти.

Какъ умѣстно здѣсь напомнить себѣ и другимъ величайшее слово одного изъ самыхъ раннихъ христіанскихъ писателей, св. мученика и философа Іустина: „Все, что сказано было къмъ-либо хорошаго, принадлежитъ намъ, христіанамъ!“

Не ожидаютъ ли и на вашихъ глазахъ доселѣ іудей явленія Бога во плоти, Мессіи? Не познавшіе Явившагося, они обречены на вѣчную тоску такого исканія и ожиданія, и этимъ только подтверждаютъ ту истину религіознаго сознанія, безъ котораго религія не можетъ имѣть своего завершенія: религія, какъ богообщеніе, какъ союзъ чело-вѣка съ Богомъ и Бога съ чело-вѣкомъ, должна въ своемъ стремленіи къ богочеловѣчеству непременно завершиться Эммануиломъ, „Съ нами Богъ“, Богочеловѣкомъ.

Не такъ давно намъ лично пришлось близко подойти къ отпрыску древнѣйшей вѣры чело-вѣчества, вѣры странной, самопротиворѣчивой, вѣры философской и вмѣстѣ атеистической,—я разумѣю буддо-ламаизмъ. Мы видѣли непостижимое для здраваго разсудка поклоненіе „живому богу“, Хутухтѣ въ Монголіи, открытому блуднику и пьяницѣ; видѣли безмолвное подчиненіе многочисленнаго народа огромному — до половины количества всего

населенія — числу вымогателей и невѣжественныхъ тунеядцевъ ламъ... Мы видѣли и формы и проявленія почитанія различныхъ боговоплощенцевъ, гыгеновъ, хубилгановъ, даже ихъ бакшей (учителей), столь отталкивающія (до употребленія ихъ физическихъ отправленій включительно), что намъ прямо казалось, не сплошное ли предъ нами безуміе? Въ чемъ же сила и тайна живучести этой религіи, которую по первому взгляду трудно и назвать религіей? Въ томъ, что основное ея ученіе есть ученіе о воплощеніи Божества на землѣ, въ средѣ людей. Ради этого исконнаго и непреодолимаго стремленія и факта человѣческаго религіознаго сознанія терпится все въ культѣ, въ укладѣ жизни буддо-ламаизма. Приходятъ разочарованія, мрачная дѣйствительность убиваетъ вѣру, — но ламанты тѣмъ съ ббольшимъ увлеченіемъ, до самозабвенія, привѣтствуютъ особыми торжествами, шествіями, церемоніями и своего рода религіозными плясками и представленіями въ лицахъ новое грядущее воплощеніе Божества-Майдера... И вспоминалось намъ на противоположномъ концѣ культурной лѣстницы, на верху европейскаго сознанія бывшихъ христіанъ, нашихъ новыхъ богоискателей, что и тамъ—жажда и ожиданіе третьяго завѣта царства Духа, Церкви будущаго, воплощенія Параклита. Какъ сильны эти исканія Бога воплощеннаго и какъ безконечно жаль, что люди стоятъ предъ Христомъ-Богочеловѣкомъ съ какою-то повязкою на очахъ и не видятъ Того, Кого Единаго ищетъ душа вѣрующаго и Кто есть Богъ во плоти, Путь, Истина и Жизнь!

Сильны исканія Бога во плоти. Исторія религіи, все болѣе и болѣе теперь открывающая съдую древность человѣческаго рода съ религіозной стороны, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуешь все болѣе и болѣе о такихъ именно исканіяхъ. Вотъ „религія тайнъ“ и „религія загадокъ“ религіознѣйшей въ мірѣ страны — Египта. Новые изслѣдователи даже въ обоготвореніи египтянами быка, кошки, змѣи и другихъ животныхъ теперь опредѣлительно указываютъ появленіе вѣрованія въ переселеніе душъ и божествъ, чѣмъ объясняется и отвращеніе египтянъ отъ скотоводства ¹⁾. Въ другой, пантеистической окраскѣ, но то же ученіе мы видимъ въ древнемъ браманизмѣ, гдѣ не только человѣческая жизнь, но и весь міровой процессъ мыслится, какъ актъ постепеннаго воплощенія Божественной сущности, гдѣ ученіе о воплощеніи бога Кришну впослѣдствіи даже скопировано съ христіанства... Возьмите древній буддизмъ. Жизнь зваменитаго основателя буддизма

¹⁾ Рождественскій: „Апология“, 1, 302.

Сакіа-Муни, по баснословіямъ буддистовъ, начинается съ предсуществованія его къ небесной области, на землѣ же онъ является уже не первымъ воплощеніемъ Божества. Буддизмъ выродился изъ браманства; много въ немъ отвергнувши и передѣлавши, онъ, однако, продолжилъ далѣе и еще болѣе укрѣпилъ ученіе о душепереселеніи и безконечныхъ воплощеніяхъ Божества, чѣмъ и силенъ доселѣ среди буддо-ламаитовъ. То же ученіе, даже, можетъ-быть, вопреки сущности парсизма, признававшего и цѣнившего личность въ человѣкѣ, проходитъ въ немъ ясно, передается въ христіанскія секты гностицизма (воплощеніе, Плирома), манихейства, эвхитства, богомилства, въ нашу русскую хлыстовщину и, наконецъ, въ наши дни настоячиво повторяется въ оккультныхъ религіозныхъ ученіяхъ, въ теософіи, спиритизмѣ, въ кружкахъ спиритуалистовъ-догматиковъ, по существу противоположныхъ христіанству. Нелегко представить, что здѣсь повторены исканія древняго Востока, а между тѣмъ это такъ. Давно ли боялись, что сухой разсудочный рационализмъ протестантства создастъ огромную опасность для Церкви въ протестантствующихъ сектахъ, которымъ предсказывали огромное развитіе. А случилось такъ, что хлыстовскія вѣянія захватываютъ нынѣ и интеллигенцію, и низшіе классы народа, создаютъ вѣру во всякихъ „старцевъ“ и „пророковъ“, какъ носителей Божества и воплощенныхъ Христовъ... Нужно ли говорить, что на-ряду съ этими боговоплощеніями, о которыхъ говорилъ Востокъ, о томъ же, но въ другихъ только формахъ, говорилъ и Западъ, религія греко-римская, своими апопееозами? Еще св. Іустинъ и впослѣдствіи Оригенъ ссылались на эллинскіе мненія о сынахъ Божіихъ, чтобы показать величіе, истинность и необходимость рожденія Христа отъ Дѣвы ¹⁾).

Нужно ли говорить и о томъ, что всѣ эти религіозныя ученія древняго человѣчества были только предчувствіями и вмѣстѣ искаженіями истины, что древнее первоевангеліе Эдемское съ теченіемъ времени омрачилось въ сознаніи человѣчества, и теперь знакомство наше съ этими искаженіями имѣетъ для вдумчивыхъ людей только значеніе яркаго и непререкаемаго свидѣтельства жизненности и вѣчной истинности христіанства? Да, Воплотившійся Богъ, Эммануиль, есть вмѣстѣ и *Сынъ Человѣчскій*, второй Адамъ, ибо Онъ есть цѣль исторіи человѣчества, ея завершеніе, увѣнчаніе всѣхъ чаяній и исканій человѣческаго сердца!

¹⁾ См. цит. въ Аполлог. Лютарда, стр. 874.

Ибо, что такое древнія воплощенія и апофеозы? Въ нихъ или могила для человѣческаго духа, для человѣческаго сознанія, уничтоженія человѣческой личности, или могила для божества, низведеннаго до человѣка и олицетворенія его свойствъ. И если бы только возвышенныхъ свойствъ человѣка! Нѣтъ, на-ряду съ ними—и самыхъ низкихъ!

Воплощеніе Божества въ освѣщеніи такого ученія есть нѣчто воистину недостойное Бога.

Но въ христіанствѣ, въ его богооткровенномъ ученіи, здѣсь все—свѣтъ, все—слава, все—добро, все—правда и все—полное и глубочайшее удовлетвореніе извѣчныхъ запросовъ человѣческаго сердца, жажды нашей и исканія милости и правды, жизни въ Богѣ и съ Богомъ и вѣчнаго блаженства!

Справедливо говорить по этому поводу одинъ ученый апологетъ: „Всѣ эти воплощенія (браманизма и буддизма) не могутъ быть названы въ строгомъ и собственномъ смыслѣ воплощеніями. Формы, въ которыя фантазія язычниковъ воплощала свои божества, эфемерныя, призрачныя формы, въ которыя божество облакалось лишь на извѣстное опредѣленное время для совершенія того или другого дѣйствія, которыя потомъ сбрасываются“. Здѣсь нѣтъ ничего общаго съ христіанствомъ, „гдѣ воплощеніе понимается, какъ дѣйствительное, реальное единеніе Божества съ человѣчествомъ въ лицѣ Богочеловѣка“. Далѣе. Христіанство указываетъ на воплощеніе Сына Божія, какъ на единственный фактъ ¹⁾, тогда какъ въ язычествѣ это—безконечный рядъ воплощеній и не только въ человѣческомъ образѣ,—притомъ не въ нравственныхъ даже цѣляхъ,—но даже, какъ мы видѣли, въ цѣляхъ космическихъ, и притомъ помимовольно, по силѣ какой-то слѣпой необходимости.

Въ христіанствѣ Богъ единственно по свободному изволенію Любви приблизился къ намъ,—„Съ нами Богъ“; и человѣкъ приблизился къ Богу,—„Съ Богомъ человѣкъ“, и сего ради высокій Богъ на землѣ явился, какъ смиренный человѣкъ, „да насъ на небеса возведетъ“ ²⁾. Человѣческая природа возвышена, но не уничтожена. Человѣческая личность не подавлена. Наша воля не упразднена. Надъ человѣкомъ не произведено сокрушающаго насилія, и онъ остается существомъ разумно-свободнымъ. Отсюда вмѣненіе намъ человѣческой нашей дѣятельности, отсюда, выражаясь человѣкообразно,—какъ бы нѣкая заслуга человѣка

¹⁾ Рождественскій: „Апологетика“, II, 28.

²⁾ Акае. Спасителю.

предъ Богомъ и воспріятіе блаженства и по неизреченной милости Бога, и по правдѣ. Отсюда открывается жизнь христіанина въ Богѣ и съ Богомъ, жизнь вѣчная, но безъ умерщвленія свободы и сознанія,—слѣдовательно, съ сохраненіемъ тѣхъ условій, при которыхъ единственно возможно счастье и блаженство.

И въ этомъ—оправданіе нашей вѣры,—то, что сказалъ еще древній христіанскій писатель Тертулліанъ: „Неужели вочеловѣченіе (какъ оно проповѣдуется въ христіанствѣ) недостойно Бога? Нѣтъ, оно въ высшей степени Его достойно. Вѣдь ничто такъ не можетъ быть достойно Бога, какъ наше спасеніе!“ ¹⁾

Спасенные люди, спасенные народы, спасенный міръ—воскликните нынѣ Господеви во всей землѣ, пойте же имени Его, дадите славу хвалѣ Его. Спаси насъ, Сыне Божій, Рождейся отъ Дѣвы, поющія Ти: Аллилуія!

Новый годъ.

„Подъ какимъ знакомъ“ приходитъ къ намъ новый 1917 годъ?

Трудно гадать о будущемъ вообще,—но если жизнь течетъ спокойно, она до нѣкоторой степени даетъ намъ возможность, на основаніи данныхъ явленій, какъ причинъ, предугадывать съ большею или меньшею вѣроятностью ожидаемыя слѣдствія и, такимъ образомъ, судить о будущемъ. Но если жизнь исполнена случайностей, или общаго направленія ея мы никакъ угадать, уловить и опредѣлить не въ силахъ, тогда и будущее представляется болѣе, чѣмъ когда-либо, случайнымъ и темнымъ. Въ такой именно темнотѣ и неизвѣстности, во власти случая, представляется намъ и грядущій годъ,—и это естественно вселяетъ въ насъ особливую тревогу.

Хотѣлось бы вѣрить, что наступающій годъ приходитъ къ намъ „подъ знакомъ мира“... Миръ землѣ измученной и истерзанной нѣкогда возвѣстили небожители въ часъ рожденія Богочеловѣка; о мирѣ всего міра учитъ насъ молиться ежедневно Церковь; о мирѣ воздыхаютъ теперъ народы Европы, даже и не принимающіе непосредственнаго участія въ войнѣ; о мирѣ для „Стараго свѣта“ раздалось слово изъ далекаго „Новаго свѣта“, изъ Америки; наконецъ, о мирѣ заговорилъ и самъ кровавый кайзеръ, виновникъ міровой бойни, полунормальный поэтъ и бардъ военной грозы, крови и насилія. Ради мира ведется и самая война, особенно же тѣми народами и государствами, которые

¹⁾ Цит. по Лютарду, стр. 878.

отвѣтили на надменный вызовъ Вильгельма и подняли оружіе для того, чтобы защитить себя отъ разбойничьяго нападенія и вмѣстѣ съ тѣмъ спасти маленькія племена и страны отъ ига жаднаго и жестокаго порабитителя.

Искуситель всегда для успѣха своего злого дѣла, для лучшаго достиженія цѣлей соблазна, избираетъ моментъ духовнаго ослабленія своей жертвы. Искуситель, сверхъ того, прикрываетъ свое злое дѣло всегда флагомъ добрыхъ цѣлей, возвышенныхъ чувствъ и привлекательныхъ фразъ. Онъ, наконецъ, дальновидно способствуетъ созданію для своей жертвы такихъ условій, которыя бы вынудили намѣченную жертву, даже въ случаѣ полного отвращенія ея отъ соблазна, пойти на уступки подъ страхомъ тяжелыхъ опасностей и неминуемыхъ несчастій.

Всѣ эти условія прекрасно учель коварный нашъ врагъ, когда выступилъ недавно съ предложеніями мира. Всѣ народы устали отъ войны, вздыхаютъ о мирѣ: здѣсь Вильгельмъ и думалъ найти духовное ослабленіе противниковъ и благопріятную почву для принятія своихъ предложеній, хотя бы подъ ними таился ядъ аспида.

Кайзеръ Вильгельмъ, далѣе говорить о великодушіи Германіи въ ея готовности пойти навстрѣчу томительнымъ воздыханіямъ народовъ о мирѣ, невзирая на то, что поза побѣдителя, въ которой онъ себя мнитъ, якобы даетъ ему право на классическое *pollice verso*, на присужденіе меча склоненной выѣ народовъ... Но поза побѣдителя не къ лицу новому Навуходносору; его народы болѣе другихъ мятутся и стонутъ подъ бременемъ войны, воздыхаютъ о мирѣ, его страна истощена до послѣдней степени!

И невольно же встаетъ и заданіе на Новый годъ для всякаго благомыслящаго гражданина, патріота, церковнаго и общественнаго дѣятеля: хранить миръ внутри нашей страны, способствовать ему всѣми силами и средствами.

Много, быть-можетъ, немощей и язвъ въ нашей внутренней жизни. Теперь время называть и лѣчить изъ нихъ только тѣ, которыя губительно отзываются на войнѣ нашей со врагомъ, препятствуютъ нашей побѣдѣ. О всемъ прочемъ не время теперь говорить, а чаще всего и преступно говорить. Нужно ли здѣсь напоминать и доказывать, что въ этомъ отношеніи служителямъ

Церкви нужно быть особенно осторожными, что на нихъ въ такіе историческіе дни лежать особо важныя обязанности?

Поддерживать и возгрѣвать постоянно воодушевленіе и мужество народа; укрѣплять его терпѣніе; утѣшать въ лишеніяхъ; разъяснить и разъяснять, что миръ, предлагаемый врагомъ, вовсе не заманчивъ, ибо, очевидно, если онъ и предлагается якобы снисходительно, а не усиленно выпрашивается, то онъ выгоденъ не намъ, а врагу; показать и доказать, что спокойствіе наше внутри и всеобщее единеніе, стоящее выше личныхъ счетовъ, исканій, интересовъ и самолюбія, есть главнѣйшее условіе для скорой и прочной побѣды, слѣдовательно, и для скораго почетнаго мира: вотъ подъ какимъ „знакомъ“ обязанностей вступаютъ въ Новый годъ всѣ сыны Россіи и особенно служители родной православно-русской Церкви!

Отрезвленіе.

Къ новому 1917 году.

Третій годъ продолжается великая міровая война, и третій разъ народы Европы встрѣчаютъ новолѣтіе съ чувствами величайшей тревоги за будущее.

За внѣшними, полными захватывающаго интереса, событіями и явленіями огромному большинству людей не видно того глубокаго внутренняго процесса переоцѣнки многихъ духовныхъ цѣнностей, глубокаго и отраднаго отрезвленія во взглядахъ и сужденіяхъ, до войны настолько укоренившихся, что возражать противъ нихъ было такимъ же бесполезнымъ дѣломъ, какъ проповѣдывать глухому.

Но вотъ, повидимому, теперь, подъ вліяніемъ войны, и глухіе начинаютъ слышать, слѣпые прозрѣваютъ, и люди, прежде опьяненные шумихою фразъ, начинаютъ отрезвляться.

Чѣмъ далѣе идетъ война, тѣмъ болѣе и болѣе выясняются основы протестантизма и германизма, какъ причины, уясняющія тѣ факты жестокости, безсовѣстности, жадности и наглости, факты полного аморализма Германіи, предъ которыми въ ужасѣ и изумленіи стоитъ теперь весь міръ. Послѣ двухсотлѣтняго преклоненія передъ лютеранствомъ (вспомнимъ хотя бы похвальное слово Петра Великаго въ Германіи предъ статуей Лютера), которымъ характеризуется русская историческая наука, школьная педагогика и русская общественность, является прямо большимъ мужествомъ вскрывать характеръ протестантизма именно, какъ религіи, способствовавшей озвѣренію германскаго народа. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія и является въ высшей степени симптоматической только-что появившаяся въ печати небольшая книжечка графини Толь подъ характернымъ и рѣзкимъ заглавіемъ: „Причины и послѣдствія осатавѣнія нѣмцевъ“. Авторъ указываетъ три такія причины: лютеранство, масонство и особенныя свойства, спеціально принадлежащія Гогенцоллернамъ, какъ правителямъ германскаго народа. Съ нашей точки зрѣнія, причина одна: именно характеръ протестантизма, укврѣпившаго, а не подавившаго естественныя отрицательныя стороны духа германцевъ, которыя давно подмѣчены еще Цезаремъ, способствовавшего, далѣе, появленію деизма, невѣрія и масонства, объясняющаго, наконецъ, и отталкивающія свойства Гогенцоллерновъ, этихъ убѣжденныхъ носителей реформаціи съ первыхъ дней ея существованія.

Что такое реформація? Бунтъ противъ повиновенія церковному преданію,—бунтъ на основѣ безграничнаго преклоненія предъ человѣческой личностью и ея правами; бунтъ противъ Церкви и всякаго „ствѣсненія“ человѣка, противъ повиновенія іерархіи, церковному догмату, церковному общеобязательному ученію. Это—анархія религіозной жизни. Но истинною подпочвою реформаціи служили еще болѣе низменныя стремленія: зависть германскихъ владѣтелей къ церковнымъ имуществамъ, захватъ ихъ въ собственную пользу, грабежъ непринадлежащаго князьямъ достоянія, для Лютера же—свобода чувственности, свобода отъ принятыхъ молитвенныхъ обѣтовъ, пьянство и разгулъ страстей, особенно—жестокости, ненависти, постоянныхъ проклятій, злобвысокомѣрія, упрямства,—всего того, что мы видимъ въ характерѣ Лютера и что невольно заставило проговориться одного учинаго историка реформаціи: „Лютеръ былъ истый нѣмецъ“. „Если вамъ станутъ возражать, — писалъ самъ Лютеръ, — сейчасъ же начинайте ругаться“. „Сочиненія Лютера,—говоритъ Луи Бланъ,—

наполнены гнѣвомъ, тривіальными выходками, сочиненія страшныя, чудовищныя“. „Самоувѣренность его,—такъ отзывается о Лютерѣ историкъ Робертсонъ,—переходила въ гордыню, смѣлость въ защищеніи своихъ мнѣній—въ дерзость, твердость—въ упрямство и ревность, въ опроверженіи же своихъ противниковъ,—въ бѣшенство и сквернословіе“. Другъ Лютера Меланхтонъ писалъ о немъ: „Я содрогаюсь, когда подумаю о страстяхъ Лютера: онъ не уступаетъ въ нихъ и Геркулесу“. Самъ Лютеръ признавался, что „въ его неукротимой плоти пылають тысячи огней“, что „нельзя найти ни одного императора, ни короля, ни дьявола, которому захотѣлъ бы онъ уступить, и что онъ не уступитъ даже цѣлой вселенной“. „Молитесь,—пишетъ Лютеръ,—я не могу иначе, какъ съ проклятіями. Я долженъ сказать: да святится имя Твое. Но къ этому я долженъ прибавить: да будутъ прокляты, осмѣяны, осквернены имена всѣхъ папистовъ“.

„Такъ молюсь я каждый день безостановочно устами и сердцемъ“.

И при этомъ Лютеръ признавалъ себя посланникомъ отъ Бога, заявлялъ, что его вѣра „не должна быть судима даже ангелами“, и одновременно призывалъ „къ убійству папъ, кардиналовъ, чтобы—*manus nostras in sanguine lavamus*, т. е. чтобы умыть себѣ руки въ ихъ крови“.

Таковъ былъ кумиръ нѣмцевъ,—творецъ реформаціи.

„Какъ пѣли старика, такъ чирикають и молодые“,—гласитъ нѣмецкая пословица. И вотъ что творили первые послѣдователи Лютера. „Грабятъ католическія церкви и монастыри считалось священною обязанностью. Чернь врывалась въ нихъ, вытаскивала иконы и статуи святыхъ сваливала все въ одну кучу, зажигала костеръ и, взявшись за руки, при пѣсняхъ и крикахъ плясала вокругъ огня. Предметы же изъ золота и серебра уносились подъ видомъ святой добычи“...

Теперь не ясно ли, откуда жестокость и грубость современныхъ нѣмцевъ, грабежи кронпринца, поруганіе и грабежъ нашихъ храмовъ, разстрѣлы семилѣтнихъ дѣтей, поруганіе всѣхъ завѣтовъ гуманности и договоровъ международнаго права, издѣвательства и пытки, всевозможныя жестокости по отношенію къ плѣннымъ,—и это безконечное высокомеріе, наглость, надменность нѣмцевъ, противъ которыхъ, наконецъ, возсталъ весь міръ?!

Итакъ, предъ міромъ открылось, наконецъ, какою мрачною силою была реформація, предъ которою такъ долго и такъ ревностно преклонялись наши русскіе ученые и мыслители. Наступаетъ въ этомъ отношеніи отрадное отрезвленіе.

Есть такое же отрезвление и въ оцѣнкѣ всѣхъ вообще духовныхъ основъ современной и религіозной и аморальной культуры, которую также породила та же реформація. Въ этомъ отношеніи, симптоматической является другая книга,—сочиненіе извѣстнаго современнаго писателя Ферраро подъ заглавіемъ „Европейская война“. Онъ самъ такъ опредѣляетъ свои выводы: „Самую большую неожиданностью является тотъ переворотъ, какой война уже вызвала въ мысляхъ и чувствахъ народовъ. Если до сего времени война не измѣнила еще карту Европы, то во всякомъ случаѣ она уже до основанія измѣнила духовную жизнь этой Европы“. И, далѣе, въ книгѣ авторитетнаго писателя подвергаются сокрушительной критикѣ всѣ тѣ на вѣру воспринятые и всѣми образованными людьми и вождями европейской мысли усвоенныя положенія, которыя поистинѣ являются идолами современныхъ поклонниковъ современной культуры.

Перевѣсъ количества элементовъ и цивилизаціи надъ ихъ качествомъ; увлеченіе матеріальными благами въ ущербъ духовнымъ; вѣра въ прогрессъ, оптимистическая увѣренность въ томъ, что „человѣческая природа сама по себѣ хороша“, и что „освобожденная отъ всѣхъ обязательствъ, какія налагали на нее религія и законъ, и предоставленная инстинкту, она станетъ постепенно улучшаться и въ концѣ-концовъ создастъ около себя ореолъ счастья“; эмансипація отъ Церкви, націи и государства; признаніе мѣры добродѣтели въ самой личности человѣка и вообще крайній индивидуализмъ; идея демократіи, интернаціонала,—вотъ тѣ кумиры, которые, по мнѣнію Ферраро, ниспровергнуты современной войной. Одинъ рецензентъ книги Ферраро такъ характеризуетъ и опредѣляетъ ея выводы въ этомъ отношеніи:

— Вспыхнула война, и всѣ мы видимъ, какъ интересы личности, ея благополучіе, счастье и даже сама жизнь отходятъ на второй планъ, а на первый планъ выступаютъ интересы государства и народовъ.

Этого мало. Очутившись лицомъ къ лицу передъ смертью, человѣкъ почувствовалъ, что его жизнь не кончается на землѣ. Война вездѣ и всюду вызвала возрожденіе религіознаго чувства, которое покоится прежде всего на сознаніи связи человѣка съ духовнымъ міромъ.

Война показала современному европейцу, что онъ не является самостоятельною независимою силою, что онъ—только частица человѣческаго общества, частица того или другого народа. Война убѣждаетъ, что выше интересовъ личности стоятъ интересы другого высшаго порядка, что человѣческая жизнь регулируется

вѣчными законами, нарушеніе которыхъ не проходитъ безнаказанно. Опытъ нынѣшней войны учить современные народы, насколько въ борьбѣ велико значеніе такихъ вещей, какъ вѣра, патриотизмъ, организація, дисциплина, самопожертвованіе личности въ интересахъ массы, авторитетъ, іерархія, нравственная подготовка народа къ войнѣ и пр.

Война кончится, но человѣчество не въ состояніи уже будетъ возвратиться къ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ. Если это такъ, то нынѣшняя война вызоветъ огромный внутренній кризисъ человѣчества. Послѣ войны начнется періодъ переработки пріобрѣтенныхъ опытовъ. Это вызоветъ огромную духовную работу, вызоветъ новыя могучія теченія мысли, положитъ начало реорганизаціи внутренняго устройства и внутренней жизни народовъ, при чемъ національные и государственные интересы будутъ ставиться выше интересовъ личности, а принципъ обязанностей будетъ поставленъ выше принципа правъ.

Человѣчество будетъ стремиться согласить пріобрѣтенія новыхъ вѣковъ съ традиціями древнихъ и среднихъ вѣковъ, что подниметъ человѣческую мысль на новыя высоты, а человѣческую жизнь сдѣлаетъ болѣе богатою, болѣе могущественною и болѣе глубокою одинаково какъ въ радости, такъ и въ страданіяхъ. Это будетъ періодомъ поворота отъ матеріи къ духу, отъ количественной оцѣнки благъ цивилизаціи и культуры къ оцѣнкѣ качественной.

Поклонники ошибокъ XIX вѣка назовутъ этотъ періодъ реакціей, а труженики будущаго назовутъ его періодомъ возрожденія духа и его перевѣса надъ матеріей.

Думаемъ, нетрудно вывести выводы изъ сказаннаго по отношенію и къ нашей русской дѣйствительности. Мы крѣпко связаны съ настроеніями и переживаніями Европы, и если моменты увлеченій европейскихъ мыслителей всегда сказывались и у насъ въ Россіи потерей духовнаго равновѣсія въ руководителяхъ общественной мысли, то, естественно, и начинавшееся отрезвленіе въ Европѣ не должно пройти мимо насъ. Протестантство сказывалось у насъ въ Россіи не однимъ только теоретическимъ преклоненіемъ ученыхъ и педагоговъ предъ реформаціей, но и болѣе непосредственно—учрежденіемъ и развитіемъ протестантскихъ религіозныхъ сектъ баптизма, адвентизма, редстоковщины и имъ подобныхъ. Реферируя недавно вышедшую книжку г. Карташова „Реформа, реформація и исполненіе Церкви“,— даже такой писатель, какъ Мережковскій, замѣчаетъ, что религіозный духъ реформаціи дѣлаетъ непріемлемость идеи Церкви современнымъ человѣкомъ.

Продолжая и доканчивая Карташова о томъ, что реформація упраздняетъ церковно-христіанство и что ея принципъ—„полное одиночество религіозной личности передъ Богомъ“, Мережковскій высказываетъ и свой приговоръ подъ дѣломъ Лютера: „Церковь утверждаетъ соединеніе людей,—общество въ Бога, реформація утверждаетъ каждаго отдѣльнаго человѣка въ Богѣ, а соединеніе людей—общество безъ Бога“...

Послѣ того, можно ли не видѣть все заблужденіе и пагубу того сектофильства, которымъ пропитана вся русская прогрессивная литература и которое объясняется лишь глубокимъ невѣжествомъ въ вопросахъ религіи?

Со времени начала настоящей войны выяснилось и теперь совершенно стало доказаннымъ фактомъ, что баптисты всюду, во всей Россіи, уклоняются отъ воинской повинности и прямо сочувствуютъ „благодатному кайзеру“, молятся о „дарованіи ему побѣды“, какъ заявили въ свое время сектанты одного изъ поселеній въ Забайкальѣ. Во время путешествія автора настоящей статьи въ минувшее лѣто по Сибири, имъ собрано очень много такихъ фактовъ, не опубликованныхъ въ печати. Въ Омской епархіи, по Амуру, среди казаковъ, во флотъ Тихаго Океана,—всюду въ крайнихъ и рѣзкихъ формахъ проявляется измѣнническое настроеніе сектантовъ по отношенію къ своему отечеству. Скажутъ: это—политическая сторона сектантства, и это—не аргументы въ сужденіи о религіозной его сторонѣ. Но факты, приведенные выше изъ книги графини Толь, краснорѣчиво говорятъ за то, что протестантское сектанство въ Россіи, въ случаѣ успѣха, несетъ полную подмѣну самой психологіи русскаго народа психологіей нѣмецкой, и что русскій народъ, въ случаѣ, если протестантскія идеи возобладаютъ въ его религіозномъ міровоззрѣніи, съ теченіемъ времени неизбежно станетъ тѣмъ же народомъ-Иродомъ—народомъ-звѣремъ, какимъ сталъ подъ влияніемъ лютеранства народъ нѣмецкій. И если теперь на противоположныхъ концахъ Европы писатели и наблюдатели жизни уразумѣютъ, наконецъ, что дала Европа народамъ реформація черезъ 400 лѣтъ,—то зачѣмъ же производить опасные опыты надъ русскимъ народомъ?

Съ другой стороны, крушеніе основныхъ идей чисто внѣшней и безрелигіозной культуры Запада и яркое отрицательное влияніе ихъ на нѣмцевъ пусть заставятъ отрезвиться тѣхъ русскихъ мыслителей, писателей и передовыхъ руководителей жизни русскаго общества, которые доселѣ повторяли съ увлеченіемъ не-офитовъ „послѣднія слова“ европейской цивилизаціи и не видѣли ея темныхъ сторонъ, не видѣли, къ чему приводятъ подавленіе и

полное игнорированіе запросовъ и потребностей духа,—вѣры, Церкви, богообщенія, вѣчной жизни... Пресловутыя идеи права, свободы личности, прогресса, демократіи и исповѣданіе принципа, что „человѣкъ есть мѣра вещей“, не замѣняютъ никогда этихъ вѣчныхъ цѣнностей!

Сознать это значитъ дѣйствительно стать на путь спасительнаго отрезвленія.

Судь надъ богатыми и бѣдными ¹⁾.

О богатомъ Закхеѣ, прежде жестокомъ, потомъ милостивомъ, прежде погибавшемъ, а потомъ спасенномъ, слышимъ мы во святомъ Евангеліи (Лук. XIX гл.).

О другомъ безумномъ богачѣ, обреченномъ окончательной гибели, читаемъ въ томъ же Евангеліи,—о томъ, какъ у него оказался огромный урожай въ полѣ, какъ онъ размечтался о назначеніи и употребленіи этого богатства, увеличившаго его благосостояніе, какъ онъ помнилъ только себя и забылъ о смерти, какъ Богъ ему объ этомъ властно напомнилъ...

Такъ бываетъ съ тѣмъ, кто въ себя, а не въ Бога богатѣетъ,—заключаетъ Свою притчу Спаситель (Лук. XII гл.).

Предъ нами—два богача, но съ различною судьбою!

О богатствѣ и богатыхъ кто не говоритъ, кто не упрекаетъ ихъ, кто ихъ не осуждалъ? Это вѣдь такъ легко,—къ сожалѣнію, только до того времени, пока это богатство не попадаетъ въ наши собственныя руки. Возьмемъ ли мы народную мудрость,—она гласитъ пословицу: „На саванѣ (мертвеца) нѣтъ кармановъ“, т. е. ничего не возьмешь съ собою въ могилу. Возьмемъ ли художественную литературу, тамъ найдемъ мѣткое слово знаменитаго писателя: „Люди дорого цѣнятъ позолоченную пыль и дешево—запыленное золото“ ²⁾, т. е. часто не разбираются въ томъ, что есть истинное, и что—мнимое богатство. Возьмемъ ли отдѣльныя мысли мудрецовъ и учителей жизни, мы слышимъ не менѣе мѣткое выраженіе: „Бывали скупы великіе люди, но никогда—великія души“. „Всѣ двери растворяются предъ золотомъ, но не двери рая“.

Возьмемъ ли область правоучительныхъ рассказовъ,—ими полны дѣтскія книги, мы всѣ любимъ ихъ повторять. Вотъ одинъ изъ мало извѣстныхъ: „Къ богатому человѣку пріѣхалъ гость. Хозяинъ вывелъ его на балконъ и показалъ свои владѣнія: лѣса

¹⁾ Къ нед. о Закхеѣ.

²⁾ Шекспиръ.

поля, рѣки, мельницы, заводы, стада, и сказалъ: „все это—мое; я былъ бѣденъ, но приобрѣлъ все своимъ умомъ, трудомъ и стараніемъ“. Гость молчалъ. Но когда хозяинъ продолжалъ величаться своимъ богатствомъ, гость показалъ на небо и спросилъ: „А тамъ у васъ что приобрѣнено?“—Гдѣ?—спросилъ хозяинъ.— „На небѣ,“—повторилъ гость. Тамъ, на небѣ у миллиардера, ничего не было“. Здѣсь, въ этомъ разсказѣ, какъ бы повтореніе сегодняшней евангельской притчи.

„Граждане одного виднаго нѣмецкаго города,—говорить одинъ видный писатель,—отчисляютъ 5.000 талеровъ въгодъ на миссію христіанскую, на проповѣдь Евангелія язычникамъ, и они же вносятъ 17.000 талеровъ налога... на собакъ. Первое,—говорить онъ—они дѣлаютъ по любви къ Богу, къ Евангелію и ближнимъ, а второе по привязанности къ собакамъ; сюда не вошла стоимость содержанія собакъ. Кого же они любятъ больше?“¹⁾

Что сказали бы мы о любомъ русскомъ городѣ, если бы поставили себѣ этотъ вопросъ?

У одного богача послѣ смерти нашли небольшую записную книжечку, на которой было написано: „Чистая прибыль“. Въ ней оказались записи всѣхъ тѣхъ подаяній и пожертвованій, которыя онъ давалъ для бѣдныхъ.

Многіе ли понимаютъ такъ по-евангельски, въ чемъ наша прибыль и велика ли она у бѣдныхъ людей?

Но довольно. Когда мы, проповѣдники, такъ говоримъ, знаемъ, что мы вызываемъ сочувствіе къ своимъ словамъ, ибо, повторяемъ, мы сами и наши слушатели, въ огромномъ большинствѣ—люди небогатые, а часто и нуждающіеся, всѣ мы очень склонны, очень любимъ осуждать, бичевать богатство и богатыхъ; мы думаемъ при этомъ, что и Спаситель въ Евангеліи дѣлалъ то же.

Но я бы просилъ васъ, братіе, перейти теперь вниманіемъ ко второй части нашего поученія, которая, къ сожалѣнію, окажется и покажется, вѣроятно, для насъ менѣе пріятной.

Спаситель вѣдь проповѣдывалъ народу, проповѣдывалъ чаще всего бѣднякамъ. Зачѣмъ же Онъ для нихъ сказалъ Свою притчу? Очевидно, она относится въ равной степени и къ богатымъ и бѣднымъ, и часто къ бѣднымъ въ большей степени, чѣмъ къ богатымъ. Если ты, будучи бѣднымъ, только и помышляешь о богатствѣ, ропщешь, страдаешь, сгораешь отъ зависти и ненависти, готовъ итти на преступленіе, обманъ, не щадишь никакихъ усилий, чтобы приобрести богатство, то развѣ ты не любостыжатель-

¹⁾ Эти примѣры заимств. изъ кн. прот. Остроумова: „Правосл. вѣроч. въ изречен. и примѣр.“

ный человекъ? Чѣмъ же ты по душѣ, по настроенію своему, по направленію твоего ума отличаешься отъ евангельскаго богача, выведеннаго въ притчѣ? Стоитъ тебѣ случайно и неожиданно получить урожай въ полѣ, большой прибытокъ въ дѣлѣ, и ты станешь думать и говорить такъ же, какъ онъ, ты забудешь всѣ тѣ разсужденія о богачахъ и противъ богачей, которыя теперь выслушиваешь и высказываешь съ такою охотою и съ удовольствіемъ.

Спаситель, правда, часто осуждалъ богачей, но не за богатство само по себѣ, а за жадность; Онъ восхвалялъ и бѣдныхъ, но не за бѣдность саму по себѣ, а за вѣру, смиреніе, терпѣніе, покорность, незлобіе и даже за щедродательность, какъ ту вдову, положившую въ сокровищницу храма все, что она имѣла, хотя это было только двѣ лепты, меньше нашей полкопейки. Бѣдныхъ міра избралъ Богъ,—говоритъ апостолъ,—но для чего? Быть богатыми вѣрою и наслѣдниками царствія, которое Онъ обѣщаль любящимъ Его (Іак. II, 5). Но въ это царство не войдетъ ничто нечистое, ни злоба, ни зависть, ни жадность. Припомните при этомъ притчу Спасителя о талантахъ: кто тамъ получилъ похвалу, тотъ ли рабъ, который имѣлъ и получилъ меньше всѣхъ, всего одинъ талантъ? Ничего подобнаго! Именно этотъ-то, получившій меньше другихъ, оказался и лживымъ и лукавымъ, и завистливымъ, и злымъ, и лѣнивымъ...

Вѣчный укоръ той бѣдности, которая хуже богатства по своей жадности!

Давно ли социализмъ всколыхнулъ все море русской жизни? Давно ли раздавались пламенные рѣчи его противъ капитала?

Вы думаете, это изъ ненависти къ капиталу и капиталистамъ? Вы думаете, что съ социализмѣ отрицаніе капитала? Нѣтъ, только зависть: возьми у другого и дай мнѣ! Но тогда въ чемъ же разница? И оказывается, когда присмотришься и вдумаешься, что социализмъ и капитализмъ вовсе не враги, а родные братья, ибо и тотъ и другой за благо считаютъ только одно—обладаніе богатствомъ.

Какой это урокъ нашему времени! Урокъ смотрѣть не на вѣшнее, а на внутреннее, расцѣпывать людей не по словамъ и даже поступкамъ, а по внутреннимъ настроеніямъ, и что я говорю—людей? Нѣтъ, расцѣпывать прежде всего себя самихъ, ибо справедливо говорить одинъ св. отецъ (св. Тимоѳей Александрійскій), что „укорять себя есть уже часть спасенія“.

Да, братіе, есть опасность и въ нищетѣ, какъ и въ богатствѣ, и въ томъ-то величіе нравственнаго суда христіанства, что

отъ него нельзя укрыться никакими внѣшними положеніями. Онъ найдетъ тебя въ богатствѣ и бѣдности, на высотѣ и въ безвѣстной долѣ; онъ найдетъ тебя во власти и низкомъ общественномъ положеніи, онъ укоритъ тебя и въ ризахъ пастыря, и въ скромномъ одѣяніи мірянина, и меня, стоящаго на этомъ священномъ мѣстѣ проповѣди, и тебя, стоящаго безмолвно тамъ вдали въ укромномъ уголкѣ или у порога, или за порогомъ церковнымъ! Царство Божіе не приходитъ внѣшнимъ, примѣтнымъ образомъ; оно внутри насъ есть (Лук. XVII, 21) „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“. Нѣтъ такого внѣшняго положенія, которое само по себѣ обезпечивало бы вѣчное спасеніе. Такъ должно смотрѣть на богатство, равно и на бѣдность.

Какъ прекрасно поучаетъ и заповѣдуетъ о семъ мудрый Соломонъ! Онъ умоляетъ Бога: „Нищеты и богатства не давай мнѣ, питай меня насущнымъ хлѣбомъ, дабы, пресытившись, я не отрекся отъ Тебя и не сказалъ: кто Господь, и чтобы, обѣднѣвъ, не сталъ красть и употреблять имя Бога моего всуе“ (Притч. XXX, 8—9).

Какъ глубоко жизненно поучаетъ и апостоль своимъ словомъ и своимъ собственнымъ примѣромъ: Я,—говоритъ онъ,—научился быть довольнымъ тѣмъ, что имѣю. Умѣю жить въ скудости, умѣю жить и въ изобиліи; научился всему и во всемъ; быть въ сытости и терпѣть голодь, быть въ обиліи и въ недостаткахъ (Филип. 4-11—12). Да, великая наука жить въ изобиліи, не работая грѣху, но не менѣе великая наука жить и въ бѣдности, не теряя нравственнаго величія и тоже не предаваясь грѣху!

Не то ли это самое, что говоритъ древній псалмопѣвецъ: „Когда богатство умножается, не прилагай къ нему сердце“? (Пс. 61, 11). Но, оказывается, къ нему можно прилагать сердце и тогда, когда оно умалывается, уходитъ или даже вовсе не приходило. Такимъ образомъ вѣчное наставленіе Спасителя: „жизнь чловѣка не зависитъ отъ изобилія имѣнія его“—равно относится и къ богатымъ и бѣднымъ. „Сыне, дай мнѣ твое сердце“, вотъ въ чемъ разгадка нравственнаго развитія, нравственнаго достоинства, духовной красоты, ибо отъ сердца исходятъ помышленія злая (Мѣ. 15, 19). Больше всего хранимаго храни сердце твое, ибо изъ него источники жизни (Притч. 4, 23).

Не такъ ли и въ области другихъ страстей и пороковъ? Можно не имѣть спиртныхъ напитковъ и только помышлять о нихъ, и можно имѣть ихъ около себя море и не коснуться ихъ. Можно быть въ бракѣ и сохранить цѣломудренную чистоту по-

мысловъ, и можно быть въ безбрачїи и загрязнять мысль нечестивыми образами.

Вотъ почему одинъ великій ученый говоритъ: „Я люблю бѣдность потому, что Иисусъ ее любилъ; я люблю и богатство потому, что оно приноситъ возможность творить добро и помогать бѣднымъ“¹⁾.

Не внѣшнюю жизнь человѣка устроялъ Господь нашъ и Спаситель: Онъ хотѣлъ и хочетъ преобразить нашу душу, наше сердце тѣмъ единственнымъ внутреннимъ преобразованиемъ самоотреченія, самоотверженія, свободы отъ страстей и особенно отъ себялюбія,—борьбою съ нимъ и побѣдою надъ нимъ,—тѣмъ духовнымъ преобразованиемъ, безъ котораго всякіе внѣшніе законы, реформы, всякое внѣшнее устроеніе, и въ томъ числѣ какое угодно такъ-называемое справедливое распредѣленіе житейскихъ благъ и имуществъ, о которомъ теперь такъ много пишутъ и говорятъ, не принесетъ никакой пользы, не дастъ людямъ желаннаго счастья. Всѣ эти теперешнія заботы, крики, споры о такомъ распредѣленіи имуществъ есть повтореніе, буквальное повтореніе мечтаній бузумнаго евангельскаго богача. Онъ мечтаетъ: получу, сложу богатства мои и скажу душѣ: *покойся*, ѣшь, пей, веселись... Не говоря уже о томъ, что всѣмъ обиліемъ хлѣба не накормить души, безумецъ не спросилъ себя—вѣдь онъ уже былъ и раньше богатъ, почему же не имѣлъ доселѣ покоя? И почему же вдругъ онъ увѣрился, что теперь его получить? Если душу точитъ червь любостыжанія—этого покоя онъ никогда не увидитъ! Слѣдующій урожай будетъ меньше—новое безпокойство: житницы будутъ пусты, будетъ урожай больше—опять безпокойство: надо опять выстроенныя прежде житницы ломать и строить новыя. Такъ рѣзсуждаетъ одинъ изъ святыхъ отцовъ (блж. Теофилактъ), и это относится рѣшительно ко всѣмъ устроителямъ внѣшней жизни людей, не заботящимся о внутреннемъ переустроеніи сердца человѣка. „Внѣшнимъ попеченіемъ единѣмъ попекохся, внутреннюю презрѣвъ Богообразную скинію“... (Канонъ св. Андрея Критскаго).

Пора прійти къ концу нашего слова. Станемъ же теперь предъ этимъ вѣчнымъ судомъ христіанства.

Имѣемъ ли мы такое внутреннее преобразование сердца? Имѣемъ ли эту внутреннюю Богообразную скинію души?

И если нѣтъ, то прїостановимся, подождемъ столь быстро и столь охотно судить богатство и богатыхъ, но въ себѣ самихъ,

¹⁾ Паскаль.

хотя бы мы были и бѣдны, поищемъ того, за что Господь въ одной изъ притчъ назвалъ евангельскаго богача безумнымъ, въ себѣ самихъ поищемъ старательно и внимательно: не поддаемъ ли и мы вѣчному осужденію Господняго слова: „Такъ собирая себѣ, а не въ Бога богатѣя...“ Аминь.

В ъ ш к о л ѣ.

(Изъ поученій учащимся).

В ъ н е д ѣ л ю о З а к х е ѣ.

Возьмите себѣ, учащіеся, въ примѣръ мытаря Закхея для уясненія цѣли вашихъ занятій и способовъ ея достиженія. Закхей хотѣлъ быть богатымъ, но такъ какъ путь къ богатству идетъ въ большинствѣ случаевъ чрезъ обманъ и несправедливость, то и Закхей избралъ его, какъ болѣе вѣрный и надежный. Онъ сдѣлался мытаремъ, сборщикомъ податей, обижалъ и грабилъ своихъ ближнихъ и, дѣйствительно, разбогатѣлъ. Но привелъ ли его этотъ путь къ счастью и довольству? Пришелъ Иисусъ, напомнилъ ему однимъ Своимъ видомъ о благахъ неба, о требованіяхъ добродѣтели, — и померкъ для Закхея весь блескъ собраннаго имъ золота, охладѣла душа его къ нему, онъ готовъ теперь половину имѣнія раздать нищимъ, чтобы другою половиною расплатиться съ обиженными, отдавъ каждому въ четверо болѣе несправедно взятаго. Достигъ Закхей и другого блага, за которымъ гоняются люди: онъ былъ не только простымъ мытаремъ, но сдѣлался начальникомъ ихъ,—значить, человѣкомъ весьма важнымъ и вліятельнымъ въ обществѣ и почетнымъ въ средѣ своей.

И богатство, и власть, и почести!

А смотрите, какъ тоскуетъ, мятется и болитъ душа его! Слышитъ онъ, что идетъ великій Учитель, и боится, стыдится прямо подойти къ Нему, не смѣетъ позвать Его въ домъ; какъ дитя, влѣзаетъ онъ на дерево, чтобы только посмотрѣть на Него, забывая, что это, при его важномъ положеніи, для него униженно, что люди могутъ осудить и осмѣять его.

Такъ, дѣти, дурныя средства, правда, иногда приводятъ къ цѣли, обогащаютъ человѣка и возвышаютъ; но вмѣсто искомаго счастья они даютъ одну пустоту сердечную, угрызения совѣсти, томленіе духа. И когда отрезвится человѣкъ духомъ, — а это непременно и скоро случится, — то сколько бы далъ тогда человѣкъ, чтобы вычеркнуть изъ жизни прошлое, загладить и уничтожить содѣянное! Итакъ, лучше поставить себѣ въ жизни и дѣлахъ

такія цѣли, осуществленіе которыхъ потомъ принесло бы отраду и спокойствіе духа, а не мученія и терзанія. Вы стоите теперь предъ своимъ будущимъ, почти не имѣя прошлаго, въ смыслѣ сознательной дѣятельности. И если вы для своего ученія поставили, по примѣру многихъ, однѣ матеріальныя выгоды обогащенія и возвышенія, если вы для успѣха дѣла пользуетесь всѣми средствами безъ разбора, — и обманомъ, и ложью, лишь бы они были выгодны, — то вѣрьте, что и вы вмѣсто ожидаемаго хлѣба получите камень и вмѣсто рыбы — змію. Но прошлаго потомъ не воротите, все содѣянное послѣ уже не уничтожите. Хорошо, если найдется возможность наше имѣніе отдать нищимъ, а обиженныхъ вознаградить четверницею: но опытъ учить, что въ погонѣ за внѣшними благами люди обыкновенно такъ растрчиваютъ свое душевное имѣніе, что на долю ихъ приходится одни безпокойства и горькія сожалѣнія о прошломъ, безъ возможности исправить ошибки; пріобрѣтается одна слабость воли, приходятъ только новыя и новыя паденія, новыя и новыя сожалѣнія.

Поставьте себѣ, дѣти, въ своемъ ученіи цѣли высокія и благородныя. Любите науку, потому что она прекрасна сама по себѣ, просвѣщайте и украшайте душу добродѣтелью, а будущее представляйте себѣ не иначе, какъ поприще труда во славу Бога и во благо ближнихъ.

(„Церковность“ № 322).

Въ школѣ.

(Изъ поученій учащимся).

Къ недѣлѣ о мытарѣ и фарисеѣ.

Въ прошлыхъ собесѣдованіяхъ указаны были вамъ разумныя и достойныя цѣли ученія, а также и средства къ достиженію этихъ цѣлей: серіозность и сосредоточіе, усердіе и любовь. Теперь, на основаніи прочитанной сейчасъ притчи, узнайте еще одно безусловно необходимое и благоплодное средство: это — смиреніе.

Въ притчѣ выведенъ не совсѣмъ дурной фарисей, но гордость, которая овладѣла имъ, лишила цѣны всѣ его добродѣтели, и онъ оказался осужденнымъ. Неизвѣстно, каковъ былъ мытарь; но, съ одной стороны — общее свойство людей его званія, съ другой стороны — отзывъ о немъ фарисея, заставляють думать, что мытарь не чуждъ былъ недостатковъ своихъ собратій по грѣховному ремеслу. И, однако, смиренная молитва даровала ему прощеніе въ очахъ Всевѣдущаго, послужила залогомъ будущаго исправленія, и онъ вышелъ изъ храма оправданнымъ.

Таковы плоды сокрушенія.

Что же такое это смиреніе?

Это скромность въ сужденіи о своемъ достоинствѣ, это признаніе своихъ недостатковъ и своихъ грѣховъ, отъ которыхъ не свободенъ никто изъ насъ. Безъ смиренія невозможны ни нравственная жизнь, ни умственное развитіе, невозможно вообще совершенствованіе. Только голодный и несытый хочетъ и будетъ ѣсть: только смиренный, а не гордый, хочетъ и будетъ трудиться падъ своимъ совершенствованіемъ, потому что невысокое мнѣніе о себѣ равносильно признанію, что предшествующее состояніе наше было неудовлетворительно, а это стыднымъ и унижительнымъ кажется для гордаго.

Но если смиреніе такъ важно вездѣ, то какъ же необходимо оно вамъ, дѣти! И ваши молодые годы, и вашъ небольшой опытъ, и ваше положеніе учениковъ, — все это говоритъ вамъ о томъ, что вы многого не имѣете, многого не знаете, что во многомъ вы нуждаетесь; все это естественно должно развивать въ васъ смиреніе.

Тѣмъ болѣе горько видѣть иногда отсутствіе смиренія въ вашемъ возрастѣ. Кто грубъ съ учителями и воспитателями, кто высокомерно обсуждаетъ ихъ познанія и дѣятельность, кто въ оцѣнкѣ своихъ успѣховъ со стороны старшихъ склоненъ постоянно видѣть то несправедливость и пристрастіе, то неумѣнье, — развѣ этотъ ученикъ смиренный?

А такъ, дѣти, иногда бываетъ.

Знайте же, что гордость никому не приноситъ столько вреда, какъ самому гордецу. Гордость, это—сухое дерево: сколько его ни поливай, жизни не вызовешь и плодовъ не получишь. А смиренный, это—дерево, способное къ жизни, жадно принимающее каждую каплю влаги: и онъ будетъ, по слову Писанія, какъ дерево, посаженное у источника воды, которое плодъ свой дастъ во время свое и листь его не упадетъ, и во всемъ, что дѣлаеть, онъ будетъ успѣшенъ (Пс. 1.) Научитесь же у евангельскаго мытаря его смиренію, этой величайшей христіанской добродѣтели. Чѣмъ скромнѣе вы будете во мнѣніи о себѣ, тѣмъ сильнѣе будете желать большаго совершенствованія нравственнаго, больше и больше познаній научныхъ, — и тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе вы все это получите. Аминь.

Священнодѣйствіе жизни ¹⁾,

Памяти Леонида Ивановича Рагозина.

У гроба твоего, дорогой другъ нашъ Леонидъ Ивановичъ, мѣсто думамъ важнымъ и глубокимъ. Не говорю: скорбнымъ. Конечно, смерть говоритъ о немощи нашего бреннаго естества, грѣхомъ приведеннаго къ истлѣнію. Конечно, жаль, тяжело, грустно близкимъ и роднымъ, всѣмъ намъ, прекращать съ тобою видимое, земное общеніе. Конечно, скорбно видѣть, что идешь ты въ путь всея земли.

Но было бы непросительно мнѣ, какъ священнику и духовному отцу, въ этотъ часъ прощанія съ тобою остановиться только на этой общей для всѣхъ людей скорбной судьбѣ смерти, и умолчать, скрыть то высокое, цѣнное, рѣдкое, что составляло особенность твоего духовнаго облика, тебѣ одному принадлежавшую. И вотъ почему говорю я, что у гроба твоего мѣсто думамъ—важнымъ и глубокимъ.

Когда услышалъ я впервые о твоей кончинѣ и сталъ думать, какъ кратко охарактеризовать тебя и твой жизненный путь, то мнѣ представилось сразу слово, выражающее выводъ изъ долгихъ наблюденій надъ тобою: *священнодѣйствіе жизни*. Да, ты именно провель всю долгую жизнь, какъ нѣкое священнодѣйствіе, и все, что ты думалъ, что говорилъ, всѣ твои дѣйствія, возрѣнія, сужденія,—все ты совершалъ подъ вдумчивымъ контролемъ, подъ постоянною провѣркою твоей совѣсти христіанской, все ставилъ предъ собою—опять-таки не могу выразиться иначе,—какъ нѣкое священнодѣйствіе. Ничего легкомысленнаго, ничего шуточнаго, ничего не продуманнаго, не выношеннаго въ глубинѣ духа, ищущаго истины и высшаго освѣщенія. И все—такъ скромно, такъ мягко, такъ любовно!

Конечно, и ты былъ человѣкъ, и ничто человѣческое тебѣ не было чуждо; не были чужды и ошибки, заблужденія, недоумѣнія, сомнѣнія; но и здѣсь ты дѣйствовалъ только въ жаждѣ истины, и здѣсь хотѣлъ ты жить и мыслить подъ ударъ сердца. И, что главное,—ты умѣлъ отказываться отъ своихъ возрѣній и сужденій, если видѣлъ ихъ несоотвѣтствіе съ истиной и послушаніемъ вѣрѣ и совѣсти.

Ученикъ отдаленнаго времени, проведеншій молодость въ знаменитые шестидесятые годы, Леонидъ Ивановичъ до конца дней сохранилъ юношескій свѣтлый идеализмъ и особенный энтузіазмъ

¹⁾ Рѣчь при погребеніи 16 янв. 1917 г.

того времени и, выражаясь языкомъ той эпохи, сохранилъ честныя стремленія, честную мысль, честность дѣйствій. Врачъ по образованію, любимый ученикъ знаменитаго Захарыина, онъ немедленно ушелъ отъ врачебной практики, какъ только увидѣлъ въ первыхъ двухъ-трехъ случаяхъ лѣченія больныхъ свое безсиліе и неумѣнье помочь страждущимъ. Онъ не могъ согласиться на «святой обманъ», на условную правду... Это не значитъ, что онъ не сталъ вѣрить въ науку, какъ это мы видимъ и читаемъ у одного врача-писателя, изобразившаго такого именно разочарованнаго въ себя доктора. По натурѣ чуждый озлобленія, Леонидъ Ивановичъ и здѣсь честно мыслилъ и чувствовалъ и строго провѣрялъ только себя, а въ другихъ съ любовью и довѣріемъ онъ привѣтствовалъ, онъ признавалъ и познанія, и опытъ, и дерзновение.

Отъ врачебной дѣятельности обратился онъ къ тому, о чемъ такъ много говорилось въ 60-хъ годахъ: къ служенію промышленности, торговлѣ, устройенію внѣшней культуры, внѣшней стороны жизни государства и общества. Здѣсь ему, вмѣстѣ съ его братомъ принадлежитъ высокая честь пионера въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности и торговли. И тутъ проявилъ онъ свою молодую энергію: мы видимъ его и въ Турціи во время нашей русско-турецкой освободительной войны, на самомъ фронтѣ, и въ Персіи въ числѣ лицъ, созидающихъ русскіе торговые интересы въ этой полудикой странѣ.

Но близость къ торговлѣ, къ капиталу и его функціямъ не подавила мягкости души Леонида Ивановича, не сдѣлала его жесткимъ и глухимъ къ духовнымъ запросамъ. Онъ и въ этой новой области служилъ дѣлу не какъ рабъ, а какъ свободный человѣкъ: служилъ не мамояѣ, какъ богу, какъ идолу, какъ цѣли, а высокой культурной работѣ образованнаго человѣка, какъ средству духовнаго служенія благу людей.

Постепенно, особенно подъ влияніемъ одной рѣшительной бесѣды съ проф. Захарыинымъ, потомъ подъ влияніемъ опыта жизни и глубокихъ размышленій сложились его духовныя воззрѣнія и склоняли его къ благороднымъ славянофильскимъ убѣжденіямъ въ духѣ бессмертнаго Достоевскаго. Съ ними, въ общей основѣ ихъ, онъ остался до конца дней, только углубляя и провѣряя ихъ въ свѣтѣ религіознаго, православнаго міропониманія.

Печальныя событія русской революціи десять лѣтъ назадъ не могли пройти мимо него. И онъ, будучи уже на склонѣ лѣтъ, на седьмомъ десяткѣ жизни, съ юношескимъ жаромъ работалъ въ дѣлѣ защиты попираемыхъ тогда вѣчныхъ духовныхъ цѣнно-

стей—вѣры и патриотизма. Но и въ борьбѣ онъ не озлоблялся. И въ борьбѣ онъ священнодѣйствовалъ на алтарѣ своей совѣсти! Постепенно такая патриотическая работа принимала формы политической партіи и, къ сожалѣнію, вносила въ дѣло неизбежную страстность, часто въ такъ-называемой партійной дисциплинѣ требовала компромиссовъ съ совѣстью,—и я помню, какъ и меня ты поддерживалъ, дорогой Леонидъ Ивановичъ, въ стремленіи, а потомъ въ рѣшимости отойти отъ всего ничистаго, недобраго, отягчающаго совѣсть въ этой работѣ... И мы стобою вмѣстѣ отошли... Не забуду я твоихъ тогдашнихъ бесѣдъ, твоихъ писемъ! И все же мысль твоя не ослабѣла, душа твоя попрежнему жила высшими запросами, жаждала вѣры, Бога, Церкви, покаянія, очищенія. Ты читалъ, писалъ, работалъ, на все юношески отзывался. И современная тяжкая война томила тебя, и скромно чрезъ мои руки любовь твоя передала не одну сотню рублей на нужды нашихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ.

Помню твою долгую въ теченіе не одного часа исповѣдь во время твоей болѣзни два года назадъ, когда ты уже готовился къ смертному исходу. Помню твои заботы объ устроеніи храма въ томъ тихомъ уголкѣ, который ты избралъ себѣ для жизни на склонѣ лѣтъ. Помню и твою радость, когда дѣло это совершилось.

Спокойно ожидалъ ты уже недалекой смерти, о которой говорилъ и напоминалъ тебѣ твой преклонный возрастъ. Ты имѣлъ рѣдкую награду, рѣдкую радость: ты видѣлъ въ твоей семьѣ такое рѣдкое теперь единодушіе и согласіе съ тобою и съ твоею другою жизни въ духовныхъ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ, такъ что мы можемъ и въ правѣ теперь сказать о тебѣ библейскимъ словомъ: „Умеръ праведный, и яко не умре, подобныхъ бо оставилъ по себѣ“.

Твои дѣти, которыхъ ты любилъ такую хорошею одухотворенною любовью, понесутъ въ міръ высокія сокровища твоего духа, продолжатъ тихое мерцаніе той духовной лампы предъ святою иконою, съ которою можно сравнить твою жизнь. Ахъ, доброю завистью завидно было смотрѣть на твою ясную душу, милый нашъ Леонидъ Ивановичъ, на твое священнодѣйствіе жизни,—и какъ всегда хотѣлось взять, позаимствовать отъ тебя тепла и свѣта!

Нынѣ погасла твоя лампада. Но погасла только въ жизни тѣла. И возвратится тѣло въ землю, якоже бѣ, а духъ возвратится къ Богу, иже даде его: такъ гласитъ слово общей нашей съ тобою вѣры.

Но, вѣримъ, духъ твой предстанеть предъ Богомъ не въ ужасѣ и смятеніи, а въ упованіи и радости. Отъ утра дней и до вечера жизни пронесъ ты огонь и свѣтъ твоей лампы, пронесъ бережно, благоговѣнно, благочестно. И се нынѣ открывается тебѣ Солнце незаходимое, день невечерѣющій, свѣтъ немеркнущій, идѣже веселящихся жилище и радущихся гласъ непрестанный, и несказанная сладость зрящихъ лица Божія доброту неизреченную.

Иди же къ вѣчному дню твоему въ благодатномъ покоѣ, и насъ всѣхъ тамъ у Бога помяни въ твоей нѣжной любви, а въ чемъ мы погрѣшили предъ тобою, прости, — прости насъ, нашъ родной!

Ибо гремитъ міру на-вѣки сказанное слово: любовь никогда не умираетъ. А ты такъ много любилъ, такъ умѣлъ любить!

Прости и прощай, нашъ милый и родной, нашъ чистый и свѣтлый, нашъ добрый и ласковый Леонидъ Ивановичъ! У Бога да будетъ тебѣ милостей много! Аминь.

Уроки праздника Срѣтенія Господня.

I.

Отцы и дѣти.

Старость, ожидающая смерти, въ лицѣ праведнаго Симеона, встрѣчаетъ нынѣ во храмѣ только-что вступившую въ жизнь младость, въ лицѣ Богомладенца Иисуса. Радуется старецъ Симеонъ, привѣтствуетъ родившагося Христа, видитъ онъ въ вѣкахъ грядущихъ свѣтъ для всѣхъ народовъ, славу для Израиля,—и съ миромъ желаетъ отойти отъ жизни къ своей могилѣ. А Отроча, то-есть Иисусъ Христосъ, растящися и укрѣпляешся, исполняся премудрости, и благодать Божія бѣ на Немъ: такъ говоритъ Евангеліе.

Встрѣча старости и молодости, отживающихъ и нарастающихъ поколѣній, отцовъ и дѣтей, это—вѣчный законъ исторіи и жизни. И блаженно то общество, въ которомъ смѣна поколѣній совершается такъ же безболѣзненно, мирно и покойно, какъ мы наблюдаемъ ее въ природѣ, когда деревья, теряя свой лѣтній уборъ, бросаютъ листья на землю, когда они, умирая, сгнивающими корнями и вѣтвями утучняютъ землю и обезпечиваютъ ростъ и развитіе будущимъ поколѣніямъ, своимъ преемникамъ. Счастливо общество, въ которомъ старость отходитъ отъ жизни съ вѣрою въ будущее, съ благодарностью за прошлое, съ благожелательностью къ тѣмъ, кто, по законамъ естества, являются на смѣну старости въ грядущей работѣ. Счастливо и жизнеспособно общество, въ которомъ молодое поколѣніе бережно и уважительно относится къ поколѣнію прошлому и даетъ ему счастье умирающей жизни, подобное свѣтлому осеннему дню, исполненному своей особой прелести...

Я помню одинъ большой столичный городъ за границей, который мнѣ пришлось посѣтить въ разгаръ недавно минувшаго въ Россіи общественнаго и государственнаго развала. Былъ ясный зимній день. На улицѣ я встрѣтилъ старушку: ее вели подъ-руки два сына, оба уже почтенные по лѣтамъ люди, видимо, состоятельные и занимавшіе хорошее общественное положеніе. Они сопровождали мать на прогулку,—и сколько почтительной и заботливой внимательности видѣлось въ ихъ взорахъ и движе-

ніяхъ! И мнѣ невольно вспомнились отвратительныя картины нашей русской дѣйствительности: какъ въ селеніяхъ сынъ бранить отца площадными словами и толкаетъ его въ пьяномъ видѣ въ грудь; какъ въ среднемъ нашемъ классѣ юнцы-гимназисты и студенты не иначе отзываются о старшихъ, какъ съ улыбкою презрѣнія и снисхожденія; какъ у насъ не хотятъ часто даже выслушать мнѣніе старшихъ поколѣній, якобы „выжившихъ изъ ума“... Мнѣ вспомнилась вся тогдашняя литература съ порывами и приглашеніями: „Отречемся отъ стараго міра, отрясемъ его прахъ съ нашихъ ногъ“. Мнѣ вспомнилась уже давно отмѣченная гениальнымъ художникомъ слова, лѣтописцемъ русской жизни, рознь „отцовъ и дѣтей“, въ которой, — увы! — на долю стариковъ пало пережить мятущагося сына, погибшаго въ „базарѣ“ житейской суеты, и оставить столь и трогательный образъ любви къ нему, и тихой безысходной тоски на его могилѣ...

Вотъ какія воспоминанія и сближенія сами собою просятся намъ сегодня въ сознаніе при видѣ Симеона-Богопріимца, державшаго на рукахъ Младенца Христа.

О, вы, люди отживающаго поколѣнія! Проникнемся любовью и благожелательностью къ тѣмъ, кто станетъ на наше мѣсто послѣ неизбежной нашей смерти; проникнемся радостью за молодость, выступающую въ дѣятельности, будемъ снисходительно, а не со старческимъ недоувѣріемъ и брюзжаніемъ относиться даже къ увлеченіямъ ея и паденіямъ, тѣмъ болѣе — съ любовью къ ея идеалистическимъ вѣрованіямъ и порывамъ!

О, вы, люди молодые и вступающіе въ жизнь! Не будьте горделивы только вашею молодостью: это вѣдь только счастье, а не ваша заслуга. Нельзя и смѣшно гордиться украшеніями, намъ не принадлежащими, по словамъ древняго отца Церкви. Помните, что отъ молодости будете неизбежно съ каждымъ годомъ освобождаться, и незамѣтно подойдете и сами къ возрасту зрѣлому, потомъ — и къ преклонному. Не переполняйте же чаши горести, которой и безъ того много у людей пожилыхъ, и не гнушайтесь въ легкомысліи и надменности сѣдого опыта и сѣдой мудрости людей пожилыхъ и много испытавшихъ. Нѣтъ ничего, — скажемъ прямо и рѣзко, — нѣтъ ничего глупѣе этихъ общихъ положеній глупцовъ, въ родѣ того, что молодость зелена и неразумна потому только, что она — молодость, или что старость достойна презрѣнія потому только, что она — старость и „изъ ума выжила“.

И знаете ли, почему такъ расходятся часто въ нашей жизни молодость и старость, отцы и дѣти? Потому, что не всегда они имѣютъ даже общее мѣсто, равно почитаемое обонми, для встрѣчи.

Гдѣ встрѣтились Симеонъ-старецъ и Христосъ-Младенецъ? Во храмѣ. Одинъ пришелъ, другого принесли родители. Но уже отрокомъ двѣнадцатилѣтнимъ мы видимъ Христа во храмѣ, куда Оля ужъ Самъ пришелъ и гдѣ такъ Ему понравилось, что Онъ, забывъ о родителяхъ, о домѣ, о пищѣ и питъѣ, три дня пробылъ здѣсь, въ домѣ Отца Небеснаго.

Нѣтъ ничего другого, что связывало бы такъ преемство поколѣній прошлыхъ, настоящихъ и грядущихъ, какъ общность святой вѣры и богопочтенія. При такой духовной общности, равно доступной и равно свободно-обязательной для всѣхъ, навсегда сохранится мирное и доброе преемство поколѣній, преемство молодости и старости, отцовъ и дѣтей. Аминь.

II.

Миръ душевный.

Отпущаеши раба Твоего съ миромъ!

Старецъ Симеонъ отходитъ сегодня отъ жизни съ миромъ въ душѣ, съ тѣмъ миромъ, который является желаннымъ удѣломъ всѣхъ людей, о которомъ, какъ о величайшей наградѣ, говорилъ Господь престарѣлому Аврааму: „ты же отыдеши къ отцемъ твоимъ въ мирѣ, препитанъ въ старости добрѣй“...

Доброй преклонной, — препитанной достигъ и Симеонъ старости. Преданіе, не занесенное въ Евангеліе, говоритъ, что онъ былъ въ числѣ 72 переводчиковъ-толковниковъ, которые дали міру греческій текстъ еврейскаго закона вѣры, т.-е. перевели Священное Писаніе съ еврейскаго языка на греческій, по приказанію египетскаго царя Птолемея Филадельфа. Если такъ то неудивительно, что, по сообщенію преданія церковнаго, онъ скончался 360 лѣтъ отроду. Въ такомъ случаѣ, какая это была полная тревогъ и наблюденій жизнь! Это были вѣка непрерывныхъ войнъ въ Палестинѣ, когда Іерусалимъ сдѣлался игрищемъ для всевозможныхъ завоевателей, претендентовъ на престолъ, постоянныхъ войнъ и опустошительныхъ нашествій, непрерывной смѣны первосвященниковъ, князей, вліятельныхъ членовъ Синодона, самозванныхъ мессій, — при постоянныхъ кровавыхъ переворотахъ.

Но если Симеонъ прожилъ даже обычный человѣческій вѣкъ до глубокой старости, то и тогда на его глазахъ прошла самая безпокойная страница жизни родного его народа. Вѣдь это было время царствованія Ирода, знаменитаго въ лѣтописяхъ человѣческаго

грѣха и преступленій. Вотъ отзывы о немъ безпристрастныхъ историковъ. Иродъ былъ простой идумейскій похититель престола, болѣе, чѣмъ подозрѣваемый вѣроотступникъ, тиранъ, ненавидѣнный презиравшему его народу, святотатственный расхититель гробницъ Давида. Господствующими страстями этого способнаго, но порочнаго властелина были самое необузданное честолюбіе и самая мучительная зависть. Весь его жизненный путь залитъ кровью убійствъ. Онъ избивалъ священниковъ и знать, массами казнилъ членовъ Синедріона; заставилъ предъ собственными глазами, въ нарочно устроенномъ увеселеніи, утопить первосвященника, своего шурина, молодого и благороднаго Аристовула, приказалъ задушить свою любимую жену, прекрасную Асмонейскую княжну Маріамну, хотя она, повидимому, была единственнымъ человѣческимъ существомъ, которое онъ любилъ. Сыновья его, Александръ, Аристовулъ и Антипатръ, дядя Іосифъ, дядя по женѣ Антигонъ, тестъ (Александръ) и теща (Александра), родственникъ Кортобанъ, друзья Досноей и Гадій—вотъ лишь *немногіе* изъ тѣхъ, кто пали жертвою его кровожадныхъ, подозрительныхъ и преступныхъ опасеній. Убійства чрезъ повѣшеніе, убійства чрезъ сожженіе, убійства чрезъ растерзаніе, убійства тайныя, признанія, вымученныя невыносимыми пытками, дѣла безстыдной и скотской похоти, — вотъ чѣмъ переполнены лѣтописи этого царствованія, которое было такъ жестоко, что, по выраженію современниковъ, „оставшіеся въ живыхъ при немъ были несчастнѣе даже замученныхъ“ ¹⁾.

Въ такія-то времена жилъ Симеонъ, терпѣливо ожидая Утѣхи Израилевы, т.е. Христа-Мессіи, и хранилъ въ себѣ миръ, и отошелъ отъ жизни съ миромъ. И, отходя, онъ предрекъ Маріи-Богоматери, что Богомладенецъ Христосъ „лежитъ на паденіе и на возстаніе многимъ въ Израилѣ“, какъ пререкаемое, спорное знамя, вокругъ котораго загорится ожесточенная брань, и что Самой Маріи душу пронзитъ нѣкогда острое оружіе, такъ что откроются отъ многихъ сердець помышленія ихъ. Однако, и при такихъ пророчествахъ Симеонъ уходилъ отъ жизни въ мирѣ, а въ грядущемъ видѣлъ свѣтъ во откровеніе языковъ и славу Израиля.

Неужели же можно сохранить миръ при такихъ обстоятельствахъ и отходить отъ жизни съ миромъ? И если да, то что же тогда значить наше время, съ его жалобами на текущіе дни, на личныя тяжкія переживанія, на смуту общества и государства,

¹⁾ Фарраръ. „Жизнь І. Христа“.

которая якобы такъ сильна, что, по словамъ пылѣвшихъ нѣкоторыхъ писателей, обращаетъ жизнь въ бессмыслицу?!

Потому-то и нужно хранить въ себѣ миръ, этотъ плодъ вѣры и жизни въ Богѣ и съ Богомъ,—потому, что его такъ мало въ окружающей средѣ. Потому-то и можно сохранить именно внутри себя эту способность мира, что туда не проникнуть своими жестокостями никакіе Ироды, ни прошлые, на настоящіе, ни будущіе! Потому-то и надобно искать мира, какъ искалъ его Симеонъ, что нѣтъ ничего дороже этого блага. Многъ миръ у любящихъ Господа, и нѣтъ имъ ни въ чемъ преткновенія,—говорить древній пророкъ.

Поэтому и война ведется самая жестокая, чтобы былъ миръ. Поэтому и не щадятъ люди никакихъ усилій, жертвъ и средствъ, чтобы обезпечить миръ. Поэтому и гнушаются, и опасаются, и бѣгутъ такого мира, который таитъ подъ собою еще большую вражду, и хотятъ мира дѣйствительнаго и прочнаго. Ибо не всякіе миролюбцы суть на дѣлѣ миротворцы..

Хранить миръ въ душѣ, чтобы утверждать его вокругъ, хранить миръ внутри, чтобы проявлять его во внѣ,—вотъ задача христіанина. И какъ Симеонъ, мы найдемъ ея осуществленіе только во Христѣ. „Не старецъ Меня держитъ, но Азь держу его, той бо отъ Мене отпущенія проситъ“... Воспринемъ же и мы на руки наши, и на лоно нашей вѣры и любви Вѣчное Отроча Младо, Христа-Искупителя; у Него съ вѣрой будемъ просить избавленія, спасенія и отпущенія; въ Немъ найдемъ исполненіе всѣхъ затаенныхъ желаній нашей души и всей человѣческой исторіи. Что изъ того, что этотъ міръ человѣческій не миренъ? Что изъ того, что люди живутъ злобою, ненавистью, завистью, клеветою, что большіе и малые Ироды неистовствуютъ, обладая властью,—властью во всѣхъ видахъ, во всѣхъ сферахъ жизни? Что изъ того, что они силятся поколебать миръ нашъ?

Они не сильнѣе Христа, Который силенъ утѣшить всякую бурю, Который силенъ извести изъ темницы душу нашу, если мы хотимъ дѣйствительно исповѣдаться имени Его (Пс. 141, 6). Они не сильны вызвать христіанина на отвѣтныя чувства такой же злобы и кровожадной мстительности. Христосъ есть миръ нашъ, и Онъ, пришедши, не только возвѣстилъ, но и дѣйствительно даровалъ миръ всѣмъ намъ, ближнимъ и дальнимъ.

„Мене ждуть праведницы, дондеже воздаси ми“ (Пс. 141, 7); въ этомъ мирѣ духа нашего, подаваемомъ отъ Бога и Христа, отъ вѣры, молитвы, упованія, отъ Церкви,—величайшее торжество

праведниковъ, живущихъ со Христомъ и вѣчно срѣтающихъ Его въ жизни.

Тяжела наша жизнь: но все-же да будетъ миръ намъ,— миръ всѣмъ! Аминь.

„Сынъ блудный“ ¹⁾.

Вся поучительность притчи Спасителя о блудномъ сынѣ,— притчи міровой, вѣчной, всегда трогательной и даже потрясающей,—заключается въ образѣ именно этого впадшаго во грѣхъ, ушедшаго на страну далече, но потомъ возвратившагося къ отцу грѣшника. Пусть онъ оказался въ началѣ жестокимъ, несправедливымъ и неблагодарнымъ, когда безъ всякихъ основаній сталъ тяготиться зависимостью отъ воли любящаго отца и безъ всякаго права сталъ требовать,—именно не просить, а требовать, достойную часть имѣнія, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ она ему принадлежала. Пусть онъ оказался грубо-чувственнымъ въ своихъ воззрѣніяхъ на жизнь и порываніяхъ къ счастью, когда изжилъ свое имѣніе съ пьавицами и любодѣйцами, живой блудно. Пусть наконецъ, дошелъ онъ до самыхъ глубинъ паденія, когда жилъ и ѣлъ съ свиньями, самыми нечистыми для іудея животными. Все-таки въ немъ осталась, сохранилась жизненность: онъ мертвъ бѣ, и оживе, изгиблѣ бѣ, и обрѣтется. Какъ корень, сохранившійся въ землѣ и не усохшій, не сгнившій, весною отзывается на тепло и свѣтъ и даетъ отпрыскъ и побѣги, такъ этотъ грѣшникъ сохранилъ въ глубинѣ паденія жизнеспособный корень—способность въ себя прійти, сознать свое паденіе, стать выше самолюбія и гордыни, смирится, и чрезъ смиреніе придти къ

¹⁾ Къ нед. о Блудн. сынѣ.

истинному и искреннему, созидающему и спасающему покаянію. Отверзши двери покаянія, столь тугія и трудно открывающіяся у многихъ изъ насъ, сынъ блудный обрѣлъ то, что чудодѣйственно давало и дало покаяніе безчисленнымъ спасеннымъ грѣшникамъ, ибо оно изъ мытаря Маттея сдѣлало апостола и евангелиста, изъ блудницы Маріи Магдалины—равноапостальную благовѣстницу, изъ хищника Закхея—благодѣтеля обиженныхъ, изъ разбойника—обитателя рая.

Чистая притчу, чувствуешь, съ какою любовью останавливался Спаситель на этомъ образѣ нѣкогда блуднаго, потомъ раскаявшагося сына; читая притчу, и мы невольно съ замираніемъ сердца слѣдимъ за его судьбою и радуемся его нравственному возстанію. Въ этомъ приточномъ образѣ, конечно, центръ поучительности притчи, указаніе на торжество положительныхъ и нравственныхъ силъ человѣка надъ отрицательными сторонами его жизни.

Не обращали ли вы, однако, вниманія на то, что остается здѣсь въ тѣни сынъ неблудный? О немъ дѣйствительно очень рѣдко говорятъ проповѣдники, о немъ мало думаемъ и мы. А между тѣмъ Божественная Премудрость не напрасно же изрекла эту притчу, въ которой каждое слово, каждая подробность глубоко жизненны и имѣютъ вѣчное приложеніе. Сынъ неблудный, какое явленіе изъ себя представляетъ—положительное или отрицательное? Онъ вѣдь ни разу не нарушилъ заповѣди отца; онъ ни разу не попросилъ себѣ не только тельца, мясо котораго вкусно и на востокѣ подавалось для избранныхъ гостей и для особливо торжественнаго веселья, но даже козленка, пища котораго употреблялась больше простонародьемъ; онъ не веселился съ друзьями своими, не образецъ ли это исправности, исполнительности и скромности? Не образецъ ли воздержанія? Не образецъ ли это для подражанія?

А между тѣмъ, читая притчу, мы чувствуемъ, что Спаситель въ лицѣ сына неблуднаго изображаетъ того же фарисея, что стоялъ во храмѣ, высчитывалъ свои заслуги и осуждалъ мытаря,—того фарисея, который пошелъ въ домъ свой изъ храма осужденнымъ. Мы чувствуемъ, что Спаситель даетъ и сыну неблудному тотъ же приговоръ осужденія. И сами мы, читая притчу, съ горечью въ недоумѣніи останавливаемся, предъ обидчивыми, укоризненными словами сына неблуднаго, предъ этимъ тягостнымъ моментомъ, который вноситъ такое неожиданное и досадное омраченіе въ радость отца,—предъ этимъ жесткимъ, сухимъ и неумѣстнымъ укоромъ сына неблуднаго по отношенію къ

умиленному и любвеобильному отцу... Мы чувствуемъ, что предъ нами мертвая и не созидающая праведность, застывшая въ самомнѣннн и самодовольствѣ, дважды умершая для чувствъ любви и никому не дающая радости. И часы заведенные „ходить“, время показываютъ, иногда со звономъ и шумомъ, но кто скажетъ, что они живые? И зимнее солнце такъ бываетъ ярко, но недаромъ сказано о немъ, что оно свѣтитъ, а не грѣетъ. Не бываетъ ли оно особенно ярко при сильнѣйшемъ морозѣ? И говорить ли этотъ морозъ о жизни?

О, и этотъ образъ сына неблуднаго, какъ и образъ самохвала-фарисея въ притчѣ о мытарѣ и фарисеѣ, долженъ останавливать на себѣ наше вниманіе, долженъ остерегать насъ въ опредѣленіи и оцѣнкѣ нравственной жизни прежде всего въ насъ самихъ, а потомъ и въ окружающихъ насъ общественныхъ и государственныхъ настроеніяхъ и теченіяхъ.

Вы или, лучше сказать, мы, такъ-называемые „порядочные“ люди, тѣ, что не украли, не убили, не любодѣйствовали открыто и хотя бы и скрыто,—всѣ мы не бываемъ ли часто этими сынами Отца Небеснаго неблудными? Не наемники ли мы, холодные и расчетливые, въ исполненіи нравственнаго закона? Не слѣдуемъ ли мы той отрицательной нравственности, которая, можетъ-быть, достаточна была для дѣтскаго и несовершеннаго духовнаго возраста подзаконнаго, ветхаго человѣка, и которую давно рѣшительно переросъ человѣкъ завѣта новаго? И богатъ, облачавшійся въ порфиру и виссонъ и веселившійся во всѣ дни свѣтло, не сдѣлалъ никому прямого зла, и фарисей не былъ пьяницею, хищникомъ и прелюбодѣемъ, и однако около нихъ и отъ нихъ, отъ ихъ отрицательной добродѣтели никому не жилось радостнѣе и теплѣе, и только слова осужденія и высокоумія удостоили фарисей тоскующаго въ сознаніи грѣха мытаря. Кому тепло и радостно отъ нашей „порядочности“? Когда приходятъ на исповѣдь люди этого „порядочнаго“ общества, въ которомъ жизнь идетъ чинно, въ которомъ избѣгаютъ не только „скандала“, но и вообще всякаго нарушенія спокойствія, всякаго выступленія за уровень принятыхъ рамокъ жизни, въ которомъ душа, мятущаяся и ищущая правды и приближенія къ Богу, вызываетъ беспокойство, удивленіе и боязнь за такую неприличную „экспансивность“,—то что мы большею частью слышимъ? „Большихъ грѣховъ не имѣю: не укралъ, не убилъ, не поджегъ, не выгналъ жены, не сдѣлалъ ничего, оскорбляющаго общественную нравственность, принятые обычаи и взгляды“. Неужели этого довольно? Неужели это можетъ питать нравственное само-

довольство? А злоба, вражда, зависть, зложелательство, гордыня, себялюбіе, скверномысліе, замкнутость отъ ближнихъ, холодность къ добру, невѣріе въ добро, равнодушіе къ истинѣ, — неужели все это „малые“ грѣхи? Неужели такія язвы не беспокоятъ совѣсти?

Вотъ гдѣ погибель нравственной жизни, вотъ гдѣ опасность фарисейства, вотъ гдѣ высокомерное, жесткое и завистливое засилье сыновъ „неблудныхъ“, великихъ въ своихъ собственныхъ очахъ. Велики ли они въ очахъ Господнихъ? Велики ли они въ созиданіи жизни?

Здѣсь гласить евангельскій приговоръ: всякъ, возносяй себя, смирится,—смирится принудительно, а смиряяй себе —добровольно вознесется. Здѣсь гласить горделивымъ „неблуднымъ“ сынамъ отеческій укоръ: возвеселиться и возрадоваться подobaетъ, если гибнуцій спасается и мертвый оживаетъ.

Духъ гордыни разрушаетъ жизнь, а спасаетъ и созидаетъ ее духъ любви, смиренія и всепрощенія.

Двери покаянія ¹⁾.

Покаянія отверзи ми двери.
Жизнодавче!

Къ самую торжественную минуту всеобщаго бдѣнія, когда вѣрующіе въ псалмахъ поліелейныхъ восхвалили Господа, услы-

¹⁾ Къ Великому посту.

шли потомъ евангельское сказаніе о воскресеніи Спасителя и прославили Воскресшаго возвышеннымъ гимномъ, взятымъ изъ Пасхальной службы— *Воскресеніе Христово видѣвши*, вдругъ теперь врывається неожиданно вопль покаянія и сокрушенія о грѣхахъ: *Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!* Уже задолго до Великаго поста слышимъ мы эту пѣснь, и будемъ внимать ей до самаго окончанія великопостной четыредесятницы. Ясно отсюда, что Церковь придаетъ ей особое значеніе, приглашаетъ насъ обратить на нее особенное вниманіе, вдуматься въ нее глубже и сознательнѣе.

Покаянія отверзи ми двери... Почему же теперь? Развѣ не всегда нужно покаяніе? Но всегда нужна и пища для тѣла; однако, бываютъ особо назначенныя времена для нея, и даже особые роды пищи, и не только съ точки зрѣнія пользы и необходимости для тѣла, но и съ высшей религиозно-правственной точки зрѣнія, когда это входитъ въ предписанія Церкви относительно провѣденія дней заповѣданнаго поста. Если же даже пища тѣлесная составляетъ въ эти дни предметъ вниманія для Церкви, то неудивительно, напротивъ, естественно и безусловно необходимо предписать въ постъ вмѣстѣ съ усиленіемъ тѣлеснаго воздержанія усиленіе, особое напряженіе и покаяннаго чувства, въ виду святыхъ таинствъ, насъ ожидающихъ во дни поста, исповѣди и причащенія, въ виду скоро грядущихъ воспоминаній о самыхъ великихъ событіяхъ въ исторіи и дѣлѣ нашего спасенія,—о страданіяхъ и крѣстной смерти нашего Искупителя. Вѣдь и великій Предтеча Христа, приготавливая міръ къ достойному срѣтенію Его, взывалъ: „Покайтесь, ибо приближается царствіе небесное!“ И Самъ Совершитель спасенія нашего, начавъ дѣло открытаго служенія спасенію рода человѣческаго, также возвѣщала по всѣмъ городамъ и весямъ: „Покайтесь, ибо приблизилось царствіе небесное“. Онъ же всѣ поражающія современниковъ Его событія обращалъ въ поводъ для призыва къ покаянію: не думайте, говорилъ Онъ, что погибшіе подъ развалинами башни Силоамской или убитые Пилатомъ во время священнодѣйствія жертвы церковной были грѣшнѣе всѣхъ живущихъ тогда во Израилѣ,—„нѣтъ, говорю вамъ, но если не покаетесь, то всѣ также погибнете“ (Лук. XIII, 1—5). И Онъ, уже по воскресеніи, когда начерталъ апостоламъ исторію міра въ грядущіе вѣка, указалъ что надлежитъ и предлежитъ Христовымъ соработникамъ, апостоламъ и Церкви Его возвѣстити евангеліе *покаянія* и отпущенія грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ, наченше отъ Иерусалима (Лук. XXIV, 47). Покаяніе содѣлало фарисеевъ, мытарей, грѣшниковъ

блудницъ—апостолами, лодвижниками, свѣточами міру, разбойнику открыло двери рая, Петра возвратило къ апостольскому лику, а Павла изъ гонителя обратило въ насадителя царства Христова на землѣ.

Но кто же, спросите, возражаетъ противъ необходимости и важности покаянія? Кто отвергаетъ его? Конечно, никто! Но въ такомъ случаѣ, опять спросите,—о чемъ же молиться? Зачѣмъ эта пѣснь о покаяніи? Зачѣмъ съ силою толкаться въ открытыя ворота? Зачѣмъ говорить, напоминать о покаяніи?

О, братіе! Церковь за двѣ тысячи лѣтъ воспитанія человѣческаго рода и приготовления его для неба знаетъ лучше насъ нашу природу. Знаетъ и поэтому—то и влагаетъ въ уста наши моленіе: *Покаянія отверзи ми двери...* Ахъ, очень тугими бываютъ эти двери на самомъ дѣлѣ, а не на словахъ только и мысляхъ! Очень тугими бываютъ онѣ и съ трудомъ поддаются усиліямъ открыть ихъ! Желаете знать: кто же ихъ такъ крѣпко закрылъ? Закрылъ, затворилъ ихъ грѣхъ, а въ грѣхѣ—самолюбіе, упорство и лѣность.

Справедливо, конечно, что всѣ чувствуютъ свою грѣховность. Общечеловѣческое сознаніе въ основѣ духовнаго міра человѣка, съ первыхъ дней появленія его на землѣ, открываетъ чувства не только вѣры, религіи, но рядомъ, послѣ грѣхопаденія, и чувства покаянія. *То за древній грѣхъ, о Боже,*—читаемъ мы въ древнѣйшихъ Ведахъ Индіи,—читаемъ эти вопли къ Богу отъ лица человѣка. О томъ свидѣтельствуютъ и „Книга мертвыхъ“ Египта, и „Книги“ Китая, и „Зендавеста“ Персіи, и всѣ письменныя памятники древняго греко-римскаго міра, признанія его философовъ и поэтовъ. Нужно ли говорить о Библии? Я видѣлъ недавно снимокъ съ едва сохранившейся мозаичной картины VI вѣка—изъ одного древнѣйшаго храма увы!—обращеннаго турками въ мечеть. Ночь. Садъ. Тьма вокругъ. Кругомъ и вдали еле замѣтны зданія дворцовъ. А на землѣ лежитъ въ темной одеждѣ, съ короной на головѣ, ницъ лицомъ—обладатель и этихъ дворцовъ, и сада, и короны. И надпись, чуть сохранившаяся въ сторонѣ картины, гласитъ: „Покаяніе Давида“... Становится страшно смотрѣть на эту картину, страшно сознавать, что дѣйствительно „въ жизни насъ ничто не успокоитъ“, по словамъ нашего великаго поэта, если въ совѣсти нашей „единое пятно лишь завелось“... И не оттого ли слово покаянія такъ отзывчиво было принято сердцами, когда о немъ возглаголалъ Христосъ, нашъ Спаситель? Не оттого ли и мы съ вами, когда послѣ большого перерыва впервые въ году вдругъ услышимъ эту привычную и зна-

кому пѣснь: *Покаянія отверзи ми двери*, то чувствуемъ, что сами собою сгибаются наши колѣна, и мы готовы склониться предъ Богомъ до праха земного въ тоскѣ покаянной?

Но сколько насъ неустойчивыхъ и непостоянныхъ! Какъ часто мы подобны той каменистой почвѣ, сверху покрытой небольшимъ слоемъ земли, на которую падаетъ сѣмя Божьяго слова, скоро прорастаетъ, и... скоро же вянетъ и засыхаетъ отъ зноя страстей и соблазновъ! Признаться во грѣхѣ, осудить, „окаять себя“ мѣшаетъ наше самолюбіе. О, этотъ врагъ нашъ, о которомъ древніе оставили мѣткое замѣчаніе: первымъ въ насъ рождается и послѣднимъ умираетъ (*primum oriens, ultimum moriens*).

Оно и производитъ въ насъ то бессмысленное упорство, которое ставитъ преграду для нашего нравственнаго восхожденія и развитія и тянетъ насъ все больше и больше внизъ, въ тину грѣха,—упорство, которое подсказываетъ безумнѣйшую мысль и рѣшимость не уступать даже Богу, не обращать вниманія ни на какія доказательства и доводы ума, ни на какія велѣнія сердца, ни на какія обнаруженія гибельности грѣховнаго пути жизни. И,—увы!—на языкѣ міра, на языкѣ нашихъ нерѣдко язычествующихъ писателей, это именуется героическимъ характеромъ, демоническою натурою, достойною удивленія и преклоненія. Здѣсь не только грѣхъ, но самое худшее изъ золъ,—возвеличеніе, оправданіе, идеализація грѣха. И тогда естественнымъ является исходъ нравственнаго паденія: Ёгда же придетъ нечестивый во глубину золъ, *нерадитъ* (Притч. XVIII, 3). Это уже самое опасное духовное состояніе: сознаніе подавляется гордыней, порывъ къ исправленію подавляется упорствомъ, и все покрывается духовнымъ разлѣненіемъ, уныніемъ, какъ бы нѣкимъ духовнымъ параличомъ. Двери покаянія тогда крѣпко, крѣпко заперты..

И вотъ, молимъ мы и просимъ: отверзи мнѣ, Жизнодавче Милостивый, эти двери покаянія! Кто-то другой долженъ придти къ намъ на помощь. Кто-то другой отворить эти двери, мы же сами и слабы, и безсильны, и безвольны, и сонливы, и никакъ не можемъ сдѣлать усиліе и заставить себя подойти къ закрытымъ дверямъ, со всѣмъ усердіемъ толкнуть ихъ и открыть входъ къ покаянію.

И вѣримъ, Онъ придетъ, нашъ Помощникъ и Покровитель, придетъ на нашъ призывъ, Онъ только ждетъ нашего вопля. „Гласомъ моимъ ко Господу возвахъ, гласомъ моимъ ко Господу помолюся, пролюю предъ Нимъ моленіе мое, печаль мою предъ Нимъ возвѣщу“: и Онъ придетъ и услышитъ вопль кающагося (пс. 142).

Лишь бы было моленіе, лишь бы было сознаніе нашей немощи. Оно и подсказывается словами пѣсни церковной: утреннюю, рано утромъ,—въ эту утреннюю службу,—обращается духъ мой ко храму святому Твоему, нося *храмъ тѣлесный весь оскверненъ*.

Въ этомъ признаніи и сознаніи нашей скверны черпаемъ мы силы и побужденія къ покаянному подвигу. Какъ малая болѣзнь не заставляетъ насъ лѣчиться, а сильная и мучительная сразу обращаетъ насъ ко врачу и лѣкарствамъ, такъ и здѣсь, испытывая высшую степень страданія душевнаго при видѣ тѣла нашего, какъ храма души, всецѣло нечистаго и грѣховнаго, мы вызываемся на пересмотръ своего душевнаго состоянія, на жалость къ себѣ самимъ, на покаяніе и молитву. И мы взываемъ: „яко Щедръ очисти благоутробною Твоею милостію“.

Кто не видитъ такого своего жалкаго состоянія, у кого самолюбіе, упорство и нерадѣніе застилаютъ умственные очи,—у того слишкомъ мелкая душа, занятая только самолюбованіемъ, неспособная зрѣть во глубину. Вотъ почему даже апостоль называетъ себя первымъ изъ грѣшниковъ (I Тим. 1, 15), и всѣ величайшіе святые считали себя тоже грѣшниками, и это у нихъ не было только фразою, а дѣйствительнымъ сознаніемъ, глубокимъ сокрушеніемъ духа. Ибо утонченная совѣсть не довольствуется внѣшнимъ видомъ добродѣтели, она слѣдитъ и за малыми проявленіями грѣха, она входитъ въ мысли, въ тайныя движенія сердца, въ побужденія и цѣли поступковъ и видитъ въ себѣ въ этой области много недостойнаго и несовершеннаго. Она и поддерживаетъ то спасительное и святое *недовольство собою*, безъ котораго человѣкъ не можетъ быть смиренно-мудреннымъ, не можетъ вступить на первую ступень нравственнаго восхожденія, въ нищету духовную. По выраженію одного изъ церковныхъ учителей, рассматривая въ полутьмѣ одежду, мы не видимъ на ней и большихъ пятенъ, а на яркомъ солнцѣ мы, наоборотъ, замѣчаемъ и маленькія пятнышки: такъ и люди невысокаго нравственнаго строя не замѣчаютъ въ себѣ даже крупныхъ и тяжелыхъ грѣховъ, а люди возвышеннаго духовнаго состоянія, святые и праведные сразу чувствуютъ въ себѣ, мучительно сознаютъ и такъ-называемые малые грѣхи, которые кажутся малыми только при недостаточно чуткой совѣсти.

И вотъ почему эта молитва предъ подвигомъ поста является общею и глубоко трогательною для всѣхъ христіанъ, для людей всѣхъ нравственныхъ ступеней и состояній: *Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавец!* Амнь.

Упованіе ¹⁾.

Боже, Боже мой, призывай мя!
Утѣшеніе буди нынѣ дому моему,
плачь бо велій случился имъ!..

(Изъ чина погребенія).

Это—молитва отъ лица усопшихъ...

И вотъ нынѣ утѣшеніе на гробѣ усопшей Елисаветы Павловны, для опредѣленія ея духовно-нравственного облика, мы съ полнымъ правомъ и съ полною справедливостью могли бы сдѣлать надпись: *Упованіе на Бога*. А ей самой въ загробное напутствіе, близкимъ же ея, любящимъ и любимымъ, въ ослабу скорби при разлукѣ, а вмѣстѣ, какъ ея и цѣложизненное и предсмертное завѣщаніе и наставленіе, можно сказать словомъ Божественнаго Откровенія: *Упованіе не посрамитъ* (Римл. V, 5).

Рожденная въ духовной средѣ, близкая сродница великаго Московскаго святителя Филарета, съ дѣтства возросла она въ благоуханной атмосферѣ глубокой церковной вѣры, какъ путеводительницы и устроительницы жизни.

Всю жизнь проведенная въ Москвѣ, помнившая ту старую Москву, которая дѣйствительно была „храмомъ Россіи“,—она глубоко ввѣдрила въ душу и усвоила древле-русское, народное благочестіе, благочестіе церковное. Эту преданность и послушаніе церковному водительство, эту почтительную любовь къ служителямъ Церкви, довѣріе къ ихъ молитвамъ, дѣтскую привязанность къ церковному укладу и обряду, любовь къ святынямъ и святымъ, коихъ благодатному покрову и предстательству ввѣрила она свою жизнь и самые предсмертные вздохи и помышленія,—это постоянное хожденіе предъ Богомъ, это трогательное, безъ тѣни сомнѣнія, довѣріе ко всему тому, что Церковь даетъ православному христіанину, какъ посредство и залогъ общенія съ Богомъ и блаженства въ вѣчныхъ обителяхъ Неба.

Ни высокое образованіе ума, ни жизнь въ свѣтской средѣ, ни художественные и литературные запросы и интересы, которые ее занимали,—ничто не отдалило ее отъ Церкви. Но самое главное, и долготѣнія страданія тѣла, разнообразныя и тяжкія болѣзни,—и такое тяжелое бремя не подавило въ ней этого старорусскаго уклада, этого строго-церковнаго характера и облика прекрасной православно-вѣрующей русской женщины. Напротивъ, страданіями она все болѣе и болѣе навывкала молитвъ и послушанію Богу, и надеждъ на Его милосердіе.

¹⁾ Рѣчь на гробѣ † Елисаветы Павловны Назаревской 15 фѣвраля 1917 г.

И въ часъ послѣдняго прощанія съ нею мы вспоминаемъ отрадное обѣтованіе вѣры,—что сѣющіе въ духъ отъ духа пожнутъ въ жизнь вѣчную (Гал. VI, 8), что сѣющіе слезами радости пожнутъ (Пс. 125, 5); мы видимъ въ ея глубокой вѣрѣ, исполненной живого упованія на Бога, залогъ свѣтлыхъ о ней чаяній.

Иди въ благодатномъ мирѣ, въ путь всея земли, куда призвалъ тебя Господь! И пусть твоя крѣпкая вѣра и твое неизмѣнное упованіе на Бога послужатъ тебѣ крылами въ горнемъ полетѣ и восхожденіи, и пусть до конца и во всей полнотѣ сбудется надъ тобою оное слово написанное, какъ неложное обѣтованіе и Божественный несокрушимый законъ и завѣтъ: *Упованіе не посрамитъ*. Аминь.

Протоіерей *И. Восторговъ*

Благовѣстіе Христово въ Русской землѣ отъ древнѣйшихъ ея временъ до сего дня.

(Продолженіе.)

Юго-западная Русь и Литва. Политическія отношенія Юго-зап. Руси къ со-сѣднимъ народностямъ — венграмъ, полякамъ, нѣмцамъ и Литвѣ. Нѣмецкіе ордены Меченосцевъ и Тевтонскій. Первые литовскіе князья—до Ягайло и отношенія ихъ къ христіанству вообще и православію въ частности.

Татарское нашествіе и завоеваніе Руси монголами имѣли крайне неблагопріятныя послѣдствія для политической и церковной жизни Юго-западной и Западной Руси. И прежде всего единая Русь,—единая въ сознаніи народномъ и по единству въ родственномъ отношеніи княжескихъ родовъ, правящихъ множествомъ великихъ и удѣльныхъ княжествъ,—послѣ татарскаго разгрома невольно перестаетъ быть таковою. Изначала бывшее дѣленіе Руси на разныя племена, ко времени нашествія татаръ постепенно исчезнувшее—было, теперь вновь возникаетъ, хотя и не въ первоначальномъ видѣ и не съ такимъ дробленіемъ, какъ при началѣ русской исторіи; новое дѣленіе, постепенно упрочиваясь, пріобрѣтаетъ ту форму, которая удерживается и до настоящаго времени: Великая, Малая, Бѣлая, Червонная и Черная Русь, при чемъ два послѣднихъ отдѣла Руси значительно уступаютъ въ своей, такъ сказать, популярности, т.-е. много рѣже упоминаются подъ своими названіями. На это, конечно, были свои причины. Такое дѣленіе не могло не отразиться такъ или иначе на жизни и взаимныхъ отношеніяхъ образовавшихся болѣе или менѣе крупныхъ группъ русскаго народа. Постепенно стали возникать разные говоры, укрѣпляться нѣкоторая отчужденность, а съ развитіемъ политическихъ дальнѣйшихъ событій начали развиваться нерѣдко противорѣчащія другъ-другу общественно-гражданскія и даже по временамъ и церковныя стремленія.

Всему этому много способствовала, вновь создавшаяся политическая обстановка жизни и дѣятельности различныхъ частей русскаго народа. Сѣверо-восточная Русь быстро освоилась съ

новымъ своимъ положеніемъ и приняла со временъ Александра Невскаго точную, опредѣленную политическую программу и уже не отступала отъ нея ни при какихъ условіяхъ и ни предъ какими препятствіями и вражескими силами. Эта программа: собираніе Руси, объединеніе разрозненныхъ ея силъ вокругъ одного центра, постепенное подготовленіе освобожденія Руси отъ татаръ и возвращеніе отторгнутыхъ въ періодъ татарскаго лихолѣтя разными врагами, преимущественно западными, русскихъ областей. Такая политика сразу же наложила на Сѣверо-востокъ Руси особый отпечатокъ, имѣвшій великое значеніе не только для самой этой Руси, но и для всѣхъ остальныхъ ея частей. Въ суровой, тяжелой борьбѣ за свободу выработался постепенно и характеръ народный съ оттѣнкомъ той же суровости, непреклонности и прямолинейности. Довольно быстро отбившаяся отъ западныхъ враговъ, медленно, но прочно возводившая свое зданіе самостоятельнаго бытія, вскорѣ послѣ Александра Невскаго установившая твердый центръ государственной и церковной жизни, Сѣверо-восточная Русь и въ своемъ сознаніи и въ сознаніи другихъ частей явилась главенствующей, руководящей силой, и, сообразно съ этимъ, она и стала дѣйствовать по отношенію и ко врагамъ русскаго народа, и самому русскому народу, оказавшемуся теперь въ различныхъ отломленныхъ кускахъ Руси. Положивъ во главу угла всей своей жизни вѣрность православной церкви, ея ученію, она съ этой же точки зрѣнія стала разсматривать жизнь и дѣятельность и всѣхъ остальныхъ частей Руси. Обладая политической дальнозоркостью и стойкостью въ принятомъ направленіи, Владимірскіе, а потомъ Московскіе князья съ необыкновеннымъ искусствомъ и успѣхомъ сумѣли повернуть не только политическія, но и религіозныя симпатіи всего русскаго народа отъ Кіева къ Москвѣ, создавши въ этой послѣдней всѣ необходимыя условія, чтобы раздробленный и поставленный въ равныя условія политической и церковной жизни русскій народъ тянулся къ Москвѣ не только тѣломъ, но и душой, искалъ въ ней силъ не только для политическаго своего существованія, но и для церковной и религіозной жизни. Въ силу особенностей духовной жизни великорусскаго народа и особенно вслѣдствіе крайне тяжелыхъ условій, въ которыхъ оказалась православная церковь въ Юго-западной и Западной Руси,—вопросы о вѣрѣ и церкви пріобрѣли въ скоромъ времени первающующее значеніе, и во всѣхъ столкновеніяхъ между Москвой и западными сосѣдями—Литвой и Польшей—они занимаютъ существеннѣйшее мѣсто, служа и возбудителями тѣхъ или другихъ отношеній, и руководителями

при разрѣшеніи возникавшихъ даже политическихъ недоразумѣній. Положеніе Юго-западной Руси съ первыхъ же временъ татарскаго разгрома было совершенно иное и неизбѣжно должно было повести и къ послѣдствіямъ инымъ, болѣе печальнымъ для русскаго народа.

Заднѣпровская Русь по характеру своей жизни и до татаръ отличалась отъ Владимірской. Несмотря на грозные уроки непрестанной борьбы съ разными кочевниками, несмотря на то, что лучшіе князья уже начинали указывать на необходимость утвержденія единой княжеской сильной власти, здѣсь еще были крѣпки начала удѣльнаго строя; поэтому борьба за великокняжескій престолъ и при татарахъ не прекращалась и тѣмъ самымъ обезсиливала Русь не только въ матеріальномъ отношеніи, но и въ нравственномъ. Единства въ дѣйствіяхъ не было даже въ такое страшное время, какъ борьба съ татарами при первомъ столкновеніи съ ними (на берегахъ р. Калки) и при второмъ и самомъ ужасномъ. Такъ же, какъ и на Сѣверѣ, въ областяхъ Владимірскаго княжества, и въ Заднѣпровской Руси ни князья, ни населеніе не хотѣли и слышать о добровольномъ подчиненіи татарамъ; но, разъединенные, они не могли спасти ни Кіева, ни другихъ городовъ.

Особенно печальна была участь славнаго города Кіева. Еще въ 1238 году одинъ изъ татарскихъ отрядовъ приближался къ Кіеву, чтобы развѣдать объ его положеніи и средствахъ обороны. Остановясь на лѣвой сторонѣ Днѣпра, предводитель этого отряда Менгу, по сказанію нашей лѣтописи, любовался красотой и величіемъ древняго русскаго города, расположеннаго живописно на холмистыхъ берегахъ, и блиставшаго бѣлыми стѣнами и позлащенными главами своихъ многочисленныхъ храмовъ. Владѣвшій въ это время Кіевомъ князь Михаилъ Всеволодовичъ, увѣренный въ новомъ нашествіи татаръ, малодушно оставилъ городъ и удалился въ Угрію (Венгрію). Послѣ этого первопрестольный городъ перешелъ въ руки знаменитаго князя Даніила Романовича Волынскаго и Галицкаго. Однако и этотъ князь при всемъ своемъ мужествѣ и обширности своихъ владѣній не явился въ страшные дни гибели Кіева для личной обороны его отъ варваровъ, а поручилъ это дѣло тысяцкому своему Димитрію. И Даніиль, какъ и Михаилъ, искалъ для защиты своихъ владѣній помощи у своихъ западныхъ сосѣдей.

Эта особенность въ борьбѣ за свободу, совершенно неизвѣстная на сѣверо-востокѣ, сразу же придавала особый характеръ всей дальнѣйшей дѣятельности князей Заднѣпровской Руси и цер-

ковно-политической жизни всего населения. Въ то время, какъ Сѣверо-восточная Русь, безсильная въ борьбѣ съ татарами, разоренная, и опустошенная, самымъ энергичнымъ образомъ боролась съ западными сосѣдями, обрадовавшимся ослабленію Руси и спѣшившими использовать это ослабленіе для цѣлей и политическихъ, и церковныхъ, — Юго западная Русь въ лицѣ своихъ князей, даже такихъ, какъ Даниилъ Галицкій, съ особымъ упованіемъ начинаетъ взирать на Западъ, ищетъ тамъ поддержки военной и не останавливается даже предъ объединеніемъ съ Римскою церквю, лишь бы только избавиться отъ татаръ. И это избавленіе отъ татарскаго ига здѣсь, дѣйствительно, наступило скорѣе, чѣмъ, на Сѣверо-востокѣ, — но какою жертвою? Русь потеряла свою независимость и стала достояніемъ на долгое время тѣхъ народовъ, у которыхъ во дни борьбы съ татарами искала помощи. Юго-западная Русь должна была вслѣдствіе этого испытать на себѣ всѣ ужасы долговременной религіозной борьбы и многое-многое изъ завѣтовъ своей старины или потерять, или исказить.

Въ 1240 году Кіевъ погибъ: 6-го декабря былъ взятъ послѣдній его оплотъ — Десятинный храмъ. Отчаянная оборона ожесточила варваровъ, мечъ и огонь ничего не пощадили, жители большею частью были избиты, а величественный городъ съ его великолѣпными храмами превращенъ былъ въ огромную груду развалинъ. Главныя святыни, Кіево-Софійскій и Десятинный храмы погибли, въ первомъ сохранилась только алтарная стѣна съ мозаичной иконой Богоматери (Нерушимая Стѣна); Печерская обитель была опустошена, монахи ея разбѣжались по лѣснымъ дѣбрямъ и пещерамъ. Краса русской земли — стольный городъ великаго князя и митрополита — обратился въ ничтожное мѣстечко.

Страшному опустошенію подверглись и Волынская и Галицкая земли; почти всѣ города были разрушены. Даниилъ Романовичъ, усердно искавшій помощи у поляковъ и угровъ, не получилъ ея и не могъ спасти своихъ лучшихъ и любимыхъ городовъ. Значительнѣйшая часть и этой Руси разбѣжалась въ разныя стороны; многіе укрывались въ пещерахъ и лѣсахъ, тамъ и погибли отъ голода. Нужно отмѣтить, что Юго-западная Русь была болѣе опустошена, чѣмъ Сѣверо-восточная: она была обращена почти въ сплошную пустыню; кромѣ того монголы и послѣ ея опустошенія продолжали кочевать по ея степнымъ украинамъ и были постоянно грозою для народонаселенія. Вслѣдствіе этого земледѣльческое и промышленное ея населеніе стало массами переселяться на Сѣверъ. Когда установился болѣе или менѣе порядокъ жизни, когда бѣжавшіе къ сосѣдямъ князья возвратились

обратнѣ и заняли свои престолы, возникъ самъ собою вопросъ о заселеніи обезлюдившихъ земель. Даніилъ Романовичъ, ставшій какъ бы во главѣ всей разоренной земли и вошедшій въ довѣріе даже къ самому хану, принялся съ лихорадочной поспѣшностью за благоустройство своего княжества. Малочисленность оставшагося населенія указала ему, какъ на наилучшее разрѣшеніе вопроса объ оживленіи края, именно на то, чтобы призвать изъ сосѣднихъ земель, менѣе опустошенныхъ, столь для его цѣлей необходимое населеніе. Толпами стали на Галицію и на Волынь переселяться поляки, венгры, евреи и другія народности. Край, дѣйствительно, оживился, земледѣліе и промышленность быстро оправались. Но это былъ край уже не чисто русскій. Разнородное населеніе, явившееся на мѣста новаго своего поселенія со своими религіозными вѣрованіями, своими особыми и разнохарактерными привычками,—населеніе, среди котораго, особенно по городамъ, стало немало такихъ элементовъ, какъ евреи, для которыхъ въ томъ смыслѣ, какъ это другія народности понимаютъ, государства, отечества не существуетъ, въ дальнѣйшихъ судьбахъ Юго-зап. Руси, въ частности Волыни и Галиціи,—оказалось во многихъ отношеніяхъ совершенно непригоднымъ для цѣлей государственнаго строительства и прежде всего для тѣхъ цѣлей, ради которыхъ привлекъ его на свои земли Даніилъ Романовичъ: въ борьбѣ Волыни и Галиціи съ сосѣдями населеніе не проявило надлежащаго патріотизма и потянуло въ разныя стороны. Между тѣмъ борьба-то за самостоятельность началась самая упорная. Вотъ во время этой-то борьбы и сказалась все несовершенство политики Даніила Романовича, конечно, любившаго свой народъ и свободу не менѣе Сѣверо-восточныхъ князей, но къ, несчастью, избравшаго ложный путь для спасенія своей родины отъ ига татарскаго.

Борьба за независимость началась въ Юго-западной Руси тотчасъ же и прежде всего съ татарами. Даніилъ Романовичъ никакъ не могъ, несмотря на ласку и уваженіе къ нему со стороны хана, примириться съ зависимостью отъ татаръ. Неоднократно онъ ѣздилъ въ Польшу и Венгрію, прося у королей этихъ земель помощи. Обратился даже къ папѣ, открылъ съ нимъ переговоры о соединеніи Церкви. Папа обѣщаль поднять крестовый походъ противъ татаръ; сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ указанія Польшѣ и Венгріи. Но дѣйствительной помощи ни папа, ни сосѣди не оказали Даніилу. Единственнымъ плодомъ всѣхъ этихъ сношеній съ папою пока былъ королевскій титулъ для Даніила. Правъ былъ Даніилъ, когда послѣ посѣщенія ханской ставки говорилъ: „О, злѣе зла

честь татарская“. Но въ борьбѣ съ этимъ зломъ великій князь неосторожно открылъ или, вѣрнѣе, пріоткрылъ на Западъ двери своего княжества, и въ эти двери съ особенной настойчивостью стали стремиться Римскіе первосвященники, стараясь всѣми средствами отторгнуть Юго-западную Русь вообще отъ православія, а впослѣдствіи, по крайней мѣрѣ, отъ великороссійской Церкви. Папы много поработали надъ этимъ дѣломъ и еще больше вызвали крови и страданій у русскаго народа. Въ возбужденной ими религіозной борьбѣ, усиленной потомъ политическими побужденіями, положено было начало той вражды между двумя, близкими и по крови, и по мѣсту жительства братьями-славянами,—русскимъ народомъ и польскимъ,—которая, къ сожалѣнію, и до сего времени не угасла.

Юго-западная Русь, какъ и Сѣверо-восточная, обезсиленная послѣ разгрома татарскаго, должна была неустанно отбиваться и отъ враговъ съ Запада и Сѣвера. Такими врагами явились венгры, поляки и новый, доселѣ почти неизвѣстный народецъ—литовцы. Князья этой Руси сами впутывали въ свои дѣла и въ дѣла и судьбы Руси своихъ сосѣдей. Начавшіеся родственныя связи между княжескими и королевскими домами спутали наследственныя права, широко открыли двери для внѣдренія въ составъ служиваго сословія Юго-западной Руси венгерцевъ, поляковъ и литовцевъ. И въ то время, какъ Сѣверо-восточная Русь съ успѣхомъ отстояла себя отъ шведовъ и ливонцевъ, Юго-западная стала сначала достояніемъ Литвы (1340 году), а потомъ—Венгріи и Польши. Съ этого времени и началась страдная пора Юго-западной Руси и въ политической, и церковной жизни.

Воынь и Галиція, это—достояніе Владиміра Святого, находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ польскими и венгерскими землями. Естественно, что между ними были съ самаго начала исторической совмѣстной жизни частыя и близкія сношенія. Владиміръ Святой распространилъ свою власть до самыхъ Карпатъ. Принявши христіанство, онъ утвердилъ его и на Воыни и Галиціи. Начавшіяся послѣ Владиміра смуты дали возможность полякамъ и венграмъ отнять во время смутъ эти русскія области. Но Ярославъ Мудрый вернулъ ихъ обратно. Дѣти и внуки Ярослава не сумѣли слѣдовать его завѣтамъ. Междоусобія на Воыни среди мелкихъ удѣльныхъ князей крайне ослабляли эту землю и вовлекали все чаще и чаще въ дѣла русскихъ князей и ихъ земель польскихъ и венгерскихъ королей. Что особенно было пагубно въ политическомъ отношеніи для Воыни,—такъ это все болѣе и болѣе усиливавшееся своеволие бояръ, на-

учившихся, вслѣдствіе постояннаго общенія съ польскими и венгерскими вельможами, тѣмъ же приемамъ государственнаго управленія, какъ и эти послѣдніе, т. е. постоянной борьбѣ съ своими великими и удѣльными князьями за права служилаго сословія и для ограниченія власти княжеской.

Стольнымъ городомъ Волыни былъ гор. Владиміръ. Сохранившійся до послѣднихъ временъ храмъ во имя св. Василія, небольшой и каменный, считается построеннымъ самимъ Владиміромъ Святымъ, какъ и самый городъ. Владиміру же святому приписывается основаніе соборнаго храма во имя Успенія Богородицы. Во второй половинѣ XII вѣка князь Мстиславъ Изяславовичъ вмѣсто пришедшаго въ ветхость этого храма построилъ новый великолѣпный храмъ—соборъ Успенскій, въ которомъ и былъ погребенъ. Изъ многихъ церквей и монастырей Владимірскихъ извѣстны еще церковь св. Димитрія и монастырь св. Михаила. Какъ стольный городъ обширнаго княжества, Владиміръ-Волынский стоялъ въ числѣ первѣйшихъ городовъ древней Руси. Во время нашествія татаръ Владиміръ особенно жестоко пострадалъ. Среди другихъ городовъ Волыни извѣстны были Луцкъ съ Пречистенскимъ монастыремъ, Доргобужъ, Дубень, Кременецъ, Червень и др. Всѣ они, конечно, имѣли свои болѣе или менѣе богатые храмы, монастыри.

Обитатели Волыни составляли южно-русскую вѣтвь, извѣстную въ лѣтописи подъ именами волынянъ, дулебовъ и бужанъ. Сѣверъ этого княжества, именно Пинское Полѣсье, заселяли дреговичи. Здѣсь же Волынь соприкасалась съ ятвягами и другими литовскими племенами. Въ этомъ углу съ самыхъ раннихъ временъ началась уже борьба между Русью и Литвою. Раздробленная, слабая, бѣдная, Литва была безсильна въ борьбѣ съ Русью и, естественно, должна была постепенно подчиняться русскимъ князьямъ и русскому вліянію. Болѣе быстрому обрусѣнію Литвы мѣшали постоянныя княжескія междоусобія на Волыни, какъ и въ другихъ прилегающихъ къ Литвѣ княжествахъ (Кіевскомъ, Смоленскомъ). Владиміръ Св. передалъ Владиміръ-Волынской одному изъ своихъ сыновей. Вначалѣ Волыню обыкновенно владѣли сыновья и другіе близкіе родственники Кіевского князя. Но горе Волыни, какъ и общее горе Руси, состояло въ томъ, что никогда она не находилась во власти одного князя, а дѣлилась съ другими членами княжескаго рода, что и порождало безчисленныя распри и междоусобія за тѣ или другія волости. Извѣстны жестокія усобицы, возникшія послѣ ослѣпленія Василька. ужъ половинѣ XII вѣка Волынь значительно обособилась отъ Кіева,

и здѣсь утвердилась линия князей Мстиславовичей, раздробившихъ ее окончателно. Однимъ изъ знаменитѣйшихъ князей Волынскихъ былъ Романъ Мстиславовичъ. Съ немалыми трудами онъ объединилъ-было всю землю подъ своею властію, заставилъ удѣльныхъ князей ходить предъ собою въ страхѣ, навелъ страхъ на половцевъ и ятвяговъ. Пѣвецъ „О полку Игоревѣ“ обращается къ Роману и его двоюродному брату Мстиславу съ такими словами: „А ты буй Романе и Мстиславе! Храбрая мысль возноситъ васъ на подвиги! Высоко вы стремитесь, какъ соколъ парящій на вѣтрахъ, когда хочетъ одолѣть какую птицу. У васъ стальные папорзи (нагрудники) подъ латинскими шлемами. Отъ васъ потряслись многія земли ханскія, Литва, ятвяги, деремела и половцы повергли свои сулицы, а головы свои преклонили подъ вашими мечами булатными“. Сильный, смѣлый, Романъ много сдѣлалъ и для обузданія своевольныхъ бояръ какъ въ своемъ княжествѣ, такъ и въ Галицкомъ, которымъ онъ послѣ большихъ усилій овладѣлъ.

Галицкая земля раскинулась на сѣверо-восточныхъ склонахъ и отрогахъ Карпатскаго хребта, орошаемыхъ многочисленными притоками Вислы, Днѣстра и Прута. Она начиналась недалеко отъ впаденія Сана въ Вислу и простиралась до самыхъ устьевъ Дуная. Волны народныхъ движеній, имѣвшихъ такой широкой просторъ на восточно-европейской равнинѣ, встрѣчали всегда естественную границу въ Карпатахъ. Эти же волны вмѣстѣ со многими другими народностями вынесли къ подножію Карпатъ и часть русскаго племени, образовавшую здѣсь, у горъ, Угорскую Русь. Эта страна возвышенна, холмиста, богата лѣсомъ, текучими водами, тучными нивами и лугами, богата всякаго рода дарами природы — минеральнаго, растительнаго и животнаго царства, особенно же соляными копами,—и потому была едва ли не самымъ благодатнымъ краемъ древней Руси. Будучи довольно густо населена, она занимала выгодное политическое и торговое положеніе между Кіевомъ и Волынью съ одной стороны, Византіей, Венгріей и Польшей—съ другой. Населеніе ея составляло вѣтъ все того же южно-русскаго племени, и карпатскіе славяне или червоно-руссы въ древности носили еще названіе „бѣлыхъ хорватовъ“. Въ сѣверной части Галицкой земли на рѣкѣ Санѣ стояли города Перемышль и Ярославль. Первый былъ отнятъ у поляковъ Владиміромъ Святымъ и служилъ надежнымъ оплотомъ Руси со стороны Польши. Вблизи этого города и Ярославля шла (почти по рѣкѣ Вислоку) граница русскаго православнаго населенія, хотя остатки принятаго когда-то поляками греко-восточнаго

обряды были распространены и по лѣвому берегу Вислы; здѣсь встрѣчалось и славянское богослуженіе, и православныя храмы.

Главнымъ городомъ Галицкой земли,—послѣ того, какъ Червоная Русь объединилась и составила самостоятельное и сильное государство, а именно со временъ князя Владиміра, былъ Галичъ. Главнѣйшей святыней города былъ соборный храмъ Богородицы; этотъ храмъ, отличавшійся обширностью и прочностью постройки, по архитектурѣ своей подобенъ кievскимъ храмамъ, сохранился, несмотря на всѣ перевороты, постигавшія Галицію, до настоящаго времени. Изъ монастырей былъ извѣстенъ монастырь св. Іоанна. Несомнѣнно, что очень рано сюда стали проникать вмѣстѣ съ венграми, поляками и нѣмцы: такъ, въ городѣ были извѣстны „Нѣмецкія ворота“. Богатства края, а равно торговыя дороги, ведшія ко всѣмъ значительнымъ тогдашнимъ центрамъ, очевидно, привлекали сюда многихъ и разнообразныхъ переселенцевъ. Особенно высоко Галицкое княжество стояло и при томъ во всѣхъ отношеніяхъ во времена Ярослава Осмомысла. Продолжительный внутренній міръ, наступившій послѣ долгой впрочемъ борьбы Ярослава съ разными раздорниками, способствовалъ процвѣтанію торговли, промышленности и земледѣлія. Нижнедунайскія владѣнія этого княжества связывали его съ Болгаріей, а чрезъ эту послѣднюю съ Византіей. Кромѣ торговыхъ сношеній Галицкій княжій домъ вмѣлъ и родственныя связи съ императорскимъ домомъ Комненовъ. Понятно само собой, что эти связи, какъ и торговыя сношенія, упрочивали и связи церковныя. Насколько высоко было значеніе галицкихъ князей и земель въ данное время, видно изъ словъ пѣвца „О полку Игоревѣ“: „Галицкій Осмомысле Ярославе! Ты высоко сидишь на своемъ златокованномъ столѣ; подперъ горы Угорскія своими желѣзными полками, заступивъ путь королю; затворилъ ворота Дунаю, метая бремены (стѣнбитные камни) за облака, творя суды до самаго Дуная. Гроза твоего имени облетаетъ земли; ты отворяешь ворота Кіеву и стрѣляешь съ отцовскаго золотого стола въ дальнихъ салтановъ (половецкихъ). Стрѣлай, господине, Кончака, поганаго Кащея, за землю русскую, за раны Игоревы, бугега Святославича“.

Славенъ и могуществененъ былъ Ярославъ Осмомысль. Но и онъ, какъ и всѣ южнорусскіе князья, не могъ стать выше тѣхъ представленій о государствѣ, которыя господствовали еще въ то время на югѣ и, кажется, всего болѣе въ Галичѣ: онъ не только не установилъ единства въ своей землѣ, чего могъ бы достигнуть при своей силѣ, но даже еще болѣе, чѣмъ это было прежде, способствовалъ дальнѣйшимъ беспорядкамъ въ Галицкомъ княже-

ствѣ именно своими распоряженіями по престолонаслѣдію. Онъ объявилъ, что главный столъ—„отчій“, Галичъ—оставляетъ меньшему своему сыну Олегу (незаконному), а дѣдній—Перемышль—старшему Владиміру—(законному). Хотя земскій соборъ или вѣче и согласилось при жизни Ярослава съ такимъ распоряженіемъ его но тотчасъ же послѣ его смерти возгорѣлось междоусобіе,—Олегъ былъ изгнанъ изъ Галича, и Владиміръ на-время объединилъ-было распавшееся княжество. Вскорѣ и этотъ князь возбудилъ недовольство бояръ, и смуты все болѣе и болѣе начали раздирать Галицкое княжество. Въ борьбу за это княжество вмѣшались Романъ, князь Волинскій, Бела III, король Угорскій (Венгерскій), при чемъ послѣднему удалось посадить въ (Галичѣ) своего сына Андрея. Съ этого времени началось продолжительное вмѣшательство Венгровъ въ дѣла Галича и ихъ притязанія на господство въ этой коренной Русской землѣ. Какъ Угры относились къ русскому населенію и православной вѣрѣ, можно видѣть изъ такого факта: однажды они въ борьбѣ за своего королевича Андрея захватили Галичъ; надменные успѣхомъ,—Угры, христіане по имени, предались разнымъ неистовствамъ: отнимали у гражданъ женъ и дочерей, ставили своихъ коней въ православныхъ храмахъ, производили грабежи. Такія отношенія христіанъ къ христіанамъ же начали все болѣе и болѣе учащаться вслѣдствіе того, что Римская Церковь, окончательно уже отдалившаяся отъ Восточной, поставила себѣ цѣлю отторгнугъ не только Венгрію и Польшу отъ Восточной Церкви,—чего она и достигла уже,—но всю Русскую землю, при чемъ вся ея дѣятельность приобрѣла крайне воинственный и нетерпимый характеръ. На нѣкоторое время въ Галиціи установился было порядокъ и миръ,—именно, когда овладѣлъ этимъ княжествомъ Романъ Волинскій; но это продолжалось недолго и ознаменовалось новыми происками со стороны папы Иннокентія III по отношенію къ Православной Церкви въ Галиціи.

Узнавши, что Романъ, объединившій Волинь и Галицію и суровыми мѣрами подавившій своеволие Галицкихъ бояръ, достигъ, повидимому, прочнаго и высокаго могущества, такъ что его стали величать Самодержцемъ всей русской земли,—папа Иннокентій III отправилъ посольство къ нему съ предложеніемъ королевскаго вѣнца, если онъ приметъ латинскую вѣру, и съ обещаніемъ помочь ему мечомъ апостола Петра приобрести новыя земли. Въ отвѣтъ на это Романъ будто бы спросилъ, указывая на свой мечъ, „таковъ ли мечъ у папы? Доколѣ онъ при бедрѣ моемъ, не имѣю нужды покупать себѣ городовъ иначе, какъ кровію,

по примѣру нашихъ отцовъ и дѣдовъ, умножавшихъ землю русскую“. Нужно замѣтить, что именно вслѣдствіе усилившагося соперничества съ Византіей Римская курія не пропускала ни одного удобнаго случая, чтобы осуществить свою завѣтную цѣль—подчинить себѣ Русскую Церковь. Въ этомъ отношеніи она находила всегда дѣятельную помощь со стороны польскаго католическаго духовенства, хотя это послѣднее въ тѣ времена, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, имѣло много хлопотъ и въ собственной землѣ, именно въ областяхъ Краковской, Судомірской и Люблинской, гдѣ не только жило православное русское населеніе, но между и самими поляками сохранились въ довольно значительномъ количествѣ греко-славянскіе обряды. Таковыя же обряды сохранялись еще и въ сосѣдней Чехо-Хорватской землѣ. Около половины XII вѣка для окончательнаго искорененія этого обряда у западныхъ славянъ, и преимущественно для борьбы съ русскою Церковію, епископъ Краковскій Матвѣй призывалъ самаго знаменитаго католическаго проповѣдника своего времени Бернарда, аббата Клервосскаго. „Россія, это—какъ бы особый міръ,—писалъ еп. Матвѣй.—Русскій народъ, безчисленный, какъ звѣзды небесныя, только именемъ исповѣдуетъ Христа, а дѣлами отвергаетъ Его“; только одинъ онъ, аббатъ Клервосскій, можетъ своею проповѣдію, какъ „обоюдоострымъ мечомъ“, сокрушить заблужденія этого народа и привлечь его въ католичество, ибо „внѣ католической церкви нѣтъ истиннаго святого таинства“. Неизвѣстно, что помѣшало знаменитому аббату исполнить просьбу еп. Матвѣя и отправиться къ славянскимъ народамъ. Нотѣмъ не менѣе попытки папства, направленныя къ обращенію русскаго народа въ лоно католической церкви, продолжались и особенно усилились въ началѣ XIII вѣка, когда съ одной стороны нѣмецкіе крестоносцы начали успешное покореніе Балтійскаго края, а съ другой—французскіе крестоносцы завоевали Византію,—это средоточіе православія,—и водворили тамъ Латинскую Имперію (1204 г.). Всѣ эти обстоятельства особенно окрылили надеждами папу Иннокентія III на успѣхъ въ Галицкомъ княжествѣ и по отношенію къ Роману Волинскому. Думаютъ, что отказъ Ромаца воспользоваться мечомъ Рима для приращенія земель, а главное, отказъ принять католичество былъ одною изъ причинъ гибели самого Романа: католическое польское духовенство возбудило сильную вражду между нимъ и польскими князьями, вспыхнула война, во время которой Романъ и погибъ.

Ранняя смерть Романа имѣла крайне печальныя слѣдствія для Червонной Руси. Онъ слишкомъ недолго владѣлъ Галицкимъ столомъ, чтобы утвердить его за своимъ родомъ, и слишкомъ

былъ жестокъ съ непокорными боярами, чтобы они были на сторонѣ его дѣтей. Тотчасъ же послѣ смерти Романа начались междоусобія. Еще чаще стали вмѣшиваться въ дѣла Червонной Руси и Волыни польскіе короли и князья, а равно и Венгерскіе. Во время этихъ смуть, когда Галичъ, переходя изъ рукъ въ руки, оказался во власти Коломана, сына короля Венгерскаго Андрея,— папа Иннокентій III поручилъ архіепископу вѣнчать короной королевской Коломана, конечно, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Галицкая Церковь была подчинена Римской. Въ это время создалось уже такое положеніе для Червонной Руси, что она оказалась какъ бы навсегда отторгнутой отъ остальной Руси: поляки и венгры подѣлили ее между собою. Но сами новые владѣтели русской земли испортили все свое дѣло: не говоря уже о томъ, что они постоянно ссорились между собою, католическое духовенство своими иритѣсеніями, гдѣ это оказывалось возможнымъ, и непрестанными домогательствами возбудило противъ себя народъ и православное духовенство; гордость и заносчивость завоевателей, презрительное отношеніе ихъ ко всему русскому, особенно же къ православнымъ храмамъ и святынямъ крайне обострили отношенія между завоевателями и русскимъ населеніемъ. Взоры послѣдняго все чаще и чаще стали обращаться къ сыновьямъ Романа Волынскаго—Даниилу и Васильку. Какъ-разъ передъ нашествіемъ татаръ Волынь, Галичъ и Кіевъ оказались въ рукахъ Даниила Романовича.

Краткія вышеприведенныя свѣдѣнія о политическихъ отношеніяхъ Галицкаго и Волынскаго княжествъ въ періодъ до Монгольской уже ясно указываютъ, чего Южная Русь должна была ожидать отъ своихъ западныхъ сосѣдей; немало было уже признаковъ, указывавшихъ на грядущую судьбу этихъ земель въ періодъ ихъ жестокаго разоренія. Венгрія и Польша, принявшія было вначалѣ христіанство по греко-восточному обряду, а въ рассматриваемое время уже ставшія вѣрными дочерьми католичества, — стояли на-стражѣ и готовы были воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ для окончательнаго захвата исконныхъ русскихъ земель. Это и случилось, но только не тѣмъ путемъ, который какъ бы начертывался совершавшимися предъ нашествіемъ монголовъ во всѣхъ смежныхъ земляхъ событіями на сѣверѣ Волыни; такъ, гдѣ русскіе соприкасались съ малоизвѣстнымъ пока народомъ Литвою, быстро выросло Литовское княжество. Вслѣдствіе особенно благопріятныхъ условій, главнѣе же всего вслѣдствіе крайняго ослабленія Кіевской Руси, оно пошло быстро по пути завоеваній, захватило сначала Кіевъ, а за нимъ

потянуло въ себя и Волынь. Объединившись въ послѣдствіи съ Польшей, — Литва ввела въ составъ польскаго королевства, и Кіевъ, и Волынь, и такимъ образомъ вся Южная Русь (Галиція еще раньше объединенія Литвы и Польши вошла въ составъ послѣдней) и значительная часть Западной стали составною частью Польши.

Литовское княжество, такимъ образомъ, имѣетъ въ исторіи русскаго народа весьма важное значеніе. Къ литовскому народу, образовавшему это княжество, съ юга примыкали русскія земли, кромѣ Волыни, Кіевскаго и отчасти Черниговскаго княжествъ, съ востока — земли Смоленскаго и Полоцкаго княжествъ. Сами же литовскія племена занимали пространство вдоль восточныхъ береговъ Балтійскаго моря, отъ устьевъ Вислы до нижняго теченія Западной Двины съ углубленіемъ къ югу до глухихъ, непроходимыхъ лѣсныхъ пущъ, орошаемыхъ правыми притоками Западнаго Буга и лѣвыми — Нѣмана, гдѣ эти племена подъ названіемъ ятвяговъ врѣзывались клиномъ между русскими и польскими славянами. Подъ общимъ названіемъ литовцевъ на этой обильной рѣками, богатыми озерами, лѣсами равнинѣ жила собственно Литва — (на среднемъ Нѣманѣ и Вилии), Жмудь (между низовьями Нѣмана и Виндавой), — изъ Латышской вѣтви — Корсь или Куроны (въ углу между Балтійскомъ моремъ и Рижскимъ заливомъ), Зимгола (на лѣвой сторонѣ З. Двины, на востокъ отъ Куроновъ), собственно Латыши (на правомъ берегу р. Аа), — на западъ отъ при-Нѣманской Литвы находилась третья вѣтвь Литвы — Прусская (отъ нижняго Нѣмана до нижней Вислы).

Во время великихъ народныхъ движеній Литовцы были занесены въ Прибалтійскій край и здѣсь въ глуши своихъ лѣсовъ долгое время жили въ сторонѣ отъ историческихъ переворотовъ и иноземныхъ вліяній, такъ что русская исторія застаётъ ихъ на первобытныхъ степеняхъ гражданственности. По языку, отчасти вѣрованіямъ и правамъ литовцы очень близко стояли къ славянамъ и могутъ быть признаны родственными послѣднимъ. Религія Литвиновъ въ общемъ была такова. Грозное божество олицетворявшее огонь, какъ силу разрушительную и въ то же время благодѣтельную, носило названіе Перкунъ (русскій Перунъ). Предъ идоломъ Перкуна горѣли неугасимые костры. Этотъ священный огонь назывался Зничъ. Солнце, какъ источникъ свѣта и тепла, чтилось подъ разными именами (какъ и у русскихъ славянъ). Въ числѣ литовскихъ божествъ встрѣчаются и чисто славянскіе — Лель и Ладо, означавшіе такъ же, какъ и у славянъ, солнечнаго или свѣтлаго бога. Много было и другихъ наиме-

нованій различныхъ, а иногда и однихъ и тѣхъ же божествъ. Вслѣдствіе того, что литовцы дольше, чѣмъ славяне, сохраняли язычество, сравнительно долго стояли вдали отъ вліянія своихъ соотѣдей,—ихъ религіозныя воззрѣнія получили большее, сравнительно съ славянами, развитіе. Этому же немало способствовало и сильное жреческое сословіе. Въ основѣ вѣрованій литовцевъ лежало обоготвореніе разныхъ силъ (стихіи) природы. Вся видимая природа наполнена божествами, и вся жизнь человѣка, всё его дѣйствія находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ сверхъестественныхъ добрыхъ и злыхъ существъ, которыхъ необходимо умиловивлять почитаніемъ и жертвами. Лѣсныя дебри, болота и вообще вся природа страны, конечно, налагали свой отпечатокъ на вѣрованія литовцевъ, придавая имъ характеръ суровый. Нѣкоторыя животныя, птицы, даже гады, особенно ужи особенно почитались литовцами. Среди грубаго идолопоклонства, по преимуществу у жрецовъ, были и болѣе высокія представленія. Перкунь — повелѣваетъ небомъ, Атримносъ — водой; этотъ богъ изображался въ видѣ водяного ужа, свившагося въ кольцо, съ головою мужчины среднихъ лѣтъ; подземное царство принадлежало Поклусу (славянское—Пекло), котораго народное воображеніе рисовало блѣднолицымъ старцемъ съ сѣдой бородой и съ головою, небрежно повязанной кускомъ полотна. Самъ Перкунь, являвшійся какъ бы главою всего божескаго міра, изображался крѣпкимъ мужемъ съ каменнымъ молотомъ или съ кремневою стрѣлою въ рукѣ. Богамъ посвящались особые лѣса и озера, которые черезъ это остановились заповѣдными и неприкосновенными для народа; дубъ считался по преимуществу деревомъ Перкуна и святилище послѣдняго обыкновенно устраивалось среди дубовыхъ рощъ. Главнѣйшее изъ нихъ, *Ромово*, находилось гдѣ-то въ Пруссіи. Здѣсь подъ вѣтвями священнаго дуба стояли изображенія выше названныхъ трехъ боговъ, а передъ ними горѣлъ неугасимый огонь. За этимъ огнемъ должны были смотрѣть особые жрецы, отличившіеся чистотою жизни; если же онъ угасалъ, то виновные въ недосмотрѣ сжигались живыми, а огонь вновь добывался изъ кремня, который былъ въ рукѣ Перкуна. Здѣсь же, въ *Ромово*, подлѣ главнаго святилища жилъ верховный жрецъ — *Криве-Кривейто*.

Жреческое сословіе у литовцевъ пользовалось особымъ уваженіемъ и было многочисленнымъ. Общее названіе его было вайделоты. Главнымъ назначеніемъ жрецовъ было, конечно, жертвоприношеніе богамъ и охрана святилищъ; кромѣ того, оно занималось наставленіемъ народа въ правилахъ вѣры, лѣченіемъ,

гаданіями, заклинаніями отъ недобрыхъ духовъ. Высшую жреческую ступень занимали *кревы*, которые надзирали за святилищами и войделотами и, кромѣ того, являлись народными судьями. Отличительнымъ знакомъ ихъ достоинства былъ жезлъ особаго вида. Они вели жизнь безбрачную. Нѣкоторые *кревы* достигли особаго почета и уваженія и получали тогда названіе *Криве-Кривейто*. Изъ послѣднихъ наибольшею духовною властью пользовался тотъ, который жилъ въ Прусскомъ Ромовѣ. Его власть простиралась на всѣ литовскія племена. Приказанія свои онъ рассылалъ посредствомъ войделотовъ, которыхъ снабжалъ своимъ жезломъ, предъ которымъ одинаково преклонялись и простые, и знатные люди. Криве-Кривейто всегда принадлежала третья часть всей военной добычи. Бывали примѣры, что этотъ верховный жрецъ, достигши глубокой старости, самъ приносилъ себя въ жертву за грѣхи народа и для этого сжигался торжественно на кострѣ. Кромѣ жрецовъ у литовцевъ были и жрицы-войделотки, которыя поддерживали священный огонь въ святилищахъ женскихъ божествъ и подъ страхомъ смерти обязаны были сохранять цѣломудріе. Были также войделотки, занимавшіяся знахарствомъ, гаданіями, прорицаніями, лѣченіемъ и т. д. Религіозное усердіе литовцевъ выражалось въ обильныхъ жертвоприношеніяхъ животныхъ—коней, быковъ, козловъ и др. Въ торжественныхъ случаяхъ были въ обычаѣ и человѣческія жертвы.

Литовцы, какъ и славяне, вѣрили въ загробную жизнь: тамъ такъ же, какъ и на землѣ, люди будутъ жить и будутъ существовать тѣ же отношенія между ними, что и при жизни. Поэтому знатныхъ покойниковъ сожигали съ ихъ любимыми вещами—конемъ, оружіемъ, рабами и рабынями, охотничьими собаками и соколами. Погребеніе совершалось такъ же, какъ и у русскихъ, и сопровождалось пиршествами. Надъ могилами иногда насыпались курганы. Вѣра въ очистительную силу огня была такъ велика, что были нерѣдки случаи, когда старцы, больные и увѣчные заживо восходили на костеръ и сожигались, считая такую смерть самою пріятною для боговъ. Вообще религіозныя вѣрованія Литовцевъ глубоко захватывали, душу ихъ и имѣли болѣе точно, чѣмъ у русскихъ, выраженные формы, что впоследствии не могло не отразиться на ихъ отношеніяхъ къ христіанству.

Характеръ страны и вѣрованія опредѣлили и внѣшній образъ жизни Литовцевъ. Въ домашнемъ быту добродушные, обходительные и гостепріимные, Литовцы во время войнъ отличались суровостію, хищничествомъ и упорствомъ. Въ до-Монгольскій періодъ русской исторіи Литва была очень бѣдной, занималась почти

исключительно звѣроловствомъ и изъ своихъ трущобъ почти не выходила. Ея дремучіе лѣса изобиловали множествомъ пушнаго, рогатаго и всякаго другого звѣря, каковы: медвѣди, волки, лисицы, рысь, зубры, олени, лоси, вепри. И только по мѣстамъ Литовцы занимались земледѣліемъ. Богатыя рыбою озера и рѣки давали много для пропитанія жителей бѣдной другими произведеніями страны. Литовцы жили небольшими поселками среди своихъ лѣсовъ, въ землянкахъ или въ бревенчатыхъ дымныхъ хижинахъ, освѣщаемыхъ лучиною, и съ отверстіями, затянутыми звѣриною кожею вмѣсто оконъ. Были ли въ то время города въ Литвѣ — неизвѣстно, но многіе остатки валовъ, городищъ, въ особенности на берегу озеръ или посреди ихъ на островахъ, указываютъ на существованіе укрѣпленныхъ мѣстъ, въ которыхъ, вѣроятно, проживали мелкіе владѣтели Литовской земли. Сношенія Литвы съ другими народами были рѣдки и поддерживались только немногочисленными промышленниками, приходившими, съ одной стороны изъ Славяно-балтійскаго поморья, гдѣ въ то время были уже такіе торговые города, какъ Любекъ, Волынь, Щетинъ, а съ другой—изъ земли Кривичей. Сношенія съ Балтійскимъ поморьемъ, какъ увидимъ, имѣли немаловажное значеніе въ послѣдующей жизни Литвы.

Литовскія племена выступаютъ на историческое поприще только со временъ нападеній и утѣсненій ихъ со стороны южныхъ, западныхъ и восточныхъ сосѣдей. Дробленіе этихъ племенъ, уединенное и неподвижное состояніе Литвы, нарушаемое только мелкими мѣстными незначительными столкновеніями, продолжались только до тѣхъ поръ, пока ни откуда не грозила опасность ихъ независимости. Съ другой стороны, бѣдность и дикость Литвы побуждали ее иногда предпринимать набѣги на болѣе зажиточныхъ сосѣдей, т.е. на Русь и Польшу, а князья этихъ странъ въ свою очередь начинали все болѣе и болѣе тѣснить Литву. По мѣрѣ развитія среди русскихъ и поляковъ гражданственности и расширенія предѣловъ ихъ княжествъ, отчасти даже вслѣдствіе дробленія на мелкія удѣльные княжества, и Русскіе и Поляки: первые—съ востока, а вторые—съ юга начали все настойчивѣе налагать свою руку на сосѣднія мелкія литовскія племена, и этимъ послѣднимъ поневолѣ приходилось объединяться въ болѣе или менѣе крупныя союзы. Лѣса и болота оказывались уже не всегда надежною защитою отъ внѣшнихъ непріятелей, создалась невольная потребность собирать и объединять свои силы. Въ это именно время явилась у Литвиновъ воинственность и усилилась власть военныхъ вождей, — т.е.

власть княжеская, которая постепенно беретъ верхъ надъ властью жреческою. По свидѣтельству лѣтописи нашей, уже св. Владиміръ и его сынъ Ярославъ ходили на ятвяговъ и Литву. Съ тѣхъ поръ извѣстія о враждебныхъ столкновеніяхъ между Русью и Литвой становятся все чаще и чаще. Долгое время перевѣсъ былъ на сторонѣ русскихъ князей, которые съ своими дружинами проникали въ глубь Литовскихъ земель и брали съ жителей ихъ дань скотомъ, челядью, звѣриными шкурами, а съ бѣднѣйшихъ жителей будто бы собирали дань лыками и вѣниками.

Борьбу вели преимущественно Волынскіе и Полоцкіе князья. Ко времени извѣстнаго Волынскаго князя Романа Мстиславича столкновенія между Русью и Литвой особенно усилились, и Литва уже приобрѣла достаточно прочный государственный бытъ. Для Романа Волынскаго начавшаяся серьезная борьба съ Литвой была удачна. Нельзя того же сказать о борьбѣ Полоцкихъ князей. Насельники Полоцкихъ княжествъ въ качествѣ торговцевъ и переселенцевъ проникали далеко въ земли Литовскія и тѣмъ самымъ открывали доступъ и литовцамъ въ свою землю. Во второй половинѣ XII вѣка Полоцкая земля начинаетъ уже многое терпѣть отъ литовскихъ набѣговъ. Вооруженная дубинами, каменными топорами, пращами и стрѣлами, Литва совершала набѣги большею частью на своихъ лѣсныхъ коняхъ и старалась напасть внезапно. Сношенія съ сосѣдями и награбленная добыча дали потомъ литовцамъ возможность приобрѣтать желѣзное вооруженіе. Воинственный духъ все болѣе и болѣе воспламенялся. Литва, видимо, крѣпла. Къ началу тяжкихъ событій на Руси у Полоцкихъ князей встрѣчаются уже наемные литовскіе отряды, а Литовскія князья оказываются настолько богатыми, что нанимаютъ къ себѣ на службу отряды и русской вольницы. Они уже не ограничиваются одними набѣгами, но облагаютъ данью пограничныя земли Кривичей и Дреговичей и даже завоевываютъ пѣлыя области. Полоцкіе князья во время своихъ междоусобій сами наводили *поганую* Литву на свою землю. Такъ постепенно выросталъ на границахъ Руси новый врагъ, который все болѣе и болѣе усиливался, въ то время какъ сама Русь, раздробляясь все болѣе и болѣе на мелкія княжества, становилась болѣе слабою, а потомъ должна была подвергнуться такому тяжкому удару, какъ Монгольскій. Образовавшіеся по временамъ, для набѣговъ или для защиты своей земли, болѣе или менѣе значительные союзы Литовскихъ князей естественно проложили путь къ болѣе прочнымъ объединеніямъ, къ собиранію подъ единой властію литовскихъ племенъ и родовъ въ единую политическую силу, т. е. къ единодержавію. Появились ста-

рѣйшіе Литовскіе князья. Объединенію литовцевъ въ одно сильное государство, ставшее очень опаснымъ не для одной Руси, много способствовала появившаяся новая опасность для Литвы, именно основавшіеся вблизи Литвы два нѣмецкихъ рыцарскихъ ордена. Эти враги стали открыто угрожать Литвѣ не одними набѣгами, но полнымъ завоеваніемъ и уничтоженіемъ литовской религіи.

Христіанство въ Литву, именно въ страну пруссовъ, сдѣлало попытку проникнуть изъ Польши еще въ концѣ X вѣка. Архіепископъ Чешскій Войтехъ ходилъ проповѣдывать Евангеліе языческимъ народамъ къ берегамъ Балтійскаго моря. Эта проповѣдь носила не только чисто миссіонерскій характеръ, но и политическій. Войтеху покровительствовалъ польскій король Болеславъ Храбрый, извѣстный въ русской исторіи участіемъ въ междоусобной борьбѣ сыновей св. Владимира. Войтехъ и два его спутника, углубившись въ страну пруссовъ, однажды зашли въ лѣсную чащу и, остановясь среди ея на полянѣ, прилегли отдохнуть. Ихъ разбудили дикіе крики: оказалось, миссіонеры, сами не зная того, очутились въ священномъ лѣсу, куда запрещенъ былъ входъ чужеземцамъ подѣ страхомъ смерти. Жрецы и сбѣжавшіеся язычники убили Войтеху и его спутниковъ. Болеславъ выкупилъ тѣло Войтеху у туземцевъ и торжественно перенесъ его въ Гнѣзненскій соборъ. Около 1109 года въ Литвѣ постигла такая же мученическая кончина и другого миссіонера, Бруно, того самаго, который былъ въ южной Руси, гостилъ у св. Владимира въ Кіевѣ, стараясь обратить великаго князя Кіевского въ христіанство и ввести его въ лоно католической церкви. Болеславъ опять выкупилъ тѣло Бруна и замученныхъ вмѣстѣ съ нимъ его спутниковъ. Но пруссы за такое отношеніе къ проповѣдникамъ христіанства жестоко поплатились. Убіеніе Войтеху и Бруна возбудило великое негодованіе при папскомъ дворѣ, и Болеславъ Храбрый долженъ былъ съ большимъ войскомъ стправиться противъ язычниковъ. Походъ былъ предпринятъ зимой, когда болота и озера, служившія для литовцевъ самою надежною защитою, покрылись льдомъ, который и явился какъ бы мостомъ для Болеслового войска. Не имѣя другой защиты кромѣ своихъ болотъ, пруссы не могли оказать болѣе или менѣе значительнаго сопротивленія. Поляки сожгли и разграбили много литовскихъ поселковъ, проникли въ самое Ромово, разрушили здѣсь главное святилище, идоловъ уничтожили, а жрецовъ истребили, на пруссовъ наложили дань. Такъ закончилось пока первое знакомство прибалтійскихъ язычниковъ съ христіанствомъ.

Епископъ Макарій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Очерки православно-христіанскаго вѣроученія и его превосходство надъ исламомъ.

(Продолженіе.)

Измысливъ въ своихъ преданіяхъ цѣлый рядъ сказочныхъ чудесъ, коими была обставлена постройка Каабы, мухаммедане не удвоились однимъ этимъ преданіемъ, но, въ огражденіе своего вѣрованія въ высокое достоинство своей кыблы, и для большаго ея прославленія, ученые мухаммедане измыслили для своихъ темныхъ послѣдователей и написали въ своихъ книгахъ рассказы о томъ, почему христіане установили своей кыблой восточную сторону свѣта. Само собою поятно, что эти рассказы мухаммеданъ носятъ уже совершенно иной характеръ: въ нихъ не только нѣтъ ничего чудеснаго, но придумано такое, чѣмъ придумывавшій ихъ мухаммеданинъ намѣренно желалъ осмѣять, оскорбить и возмутить религіозное чувство христіанина.

Вотъ рассказъ непогрѣшимаго для мусульманъ толковника Корана Бейзавія, который онъ приводитъ въ своемъ толкованіи 16 и 17 стиховъ 19-й главы Корана: *„Въ этомъ писаніи—въ Коранѣ, вспомяни Марію, т.-е. исторію ея: Вотъ она устранилась, отлучилась... отъ своихъ домашнихъ въ одно на восточной сторонѣ мѣсто; на восточной отъ святаго храма или на восточной отъ своего дома: по этой причинѣ назаряне установили для себя востокъ кыблой... закрылась отъ нихъ завѣсой, покрываломъ: тогда послали Мы къ ней духа Нашего: предъ ней онъ принялъ образъ совершеннаго человека“.* „Говорятъ, что она на восточной сторонѣ сѣла ut lavaret se, postquam passa erat menstrua, за какимъ-то занавѣсомъ, который закрывалъ ее. Изъ храма она обыкновенно уходила въ домъ своей тетки, quum menstrua pateretur и опять возвращалась въ храмъ quum a menstruis libera et pura fierit. Въ то самое время, когда она была на мѣстѣ lotionis, пришелъ къ ней Гавріилъ“.

Въ исторіи Иисуса Христа Ахмедъ Биджанъ передаетъ ту же причину обращенія христіанъ во время молитвъ къ Востоку, какую нашель и Бейзавій, но разнится отъ Бейзавія только въ

порядкѣ обстоятельствъ разсказа. „Въ одинъ день Ангелъ Гавріиль пришелъ къ святой Маріи и сказалъ ей: „Господь Богъ Всевышній тебя сотворилъ чистою, и во чревѣ твоёмъ есть сынъ, который родится безъ отца. Марія! Господь Богъ, всехвальный и всевышній, благовъствуетъ тебѣ о Словѣ (здѣсь разсказчикъ, въ цѣляхъ скрыть отъ единовѣрцевъ истинный смыслъ словъ Корана, неточно передалъ слова Корана, гдѣ сказано „о Словѣ *своемъ*“): имя ему Иисусъ. Онъ будетъ угоденъ Богу и въ настоящей и въ будущей жизни. Въ колыбели онъ будетъ говорить такъ же, какъ говорить будетъ въ полномъ возрастѣ своемъ“. Сказавъ это, онъ отошелъ отъ нея. Послѣ того святая Марія въ одинъ день *sensit se menstrua passam esse; postquam menstruis libera et pur fasta erat*, пошла въ одно мѣсто на восточной сторонѣ *et ibi se lavavit*. По этой причинѣ, потому что святая Марія обратилась къ восточной сторонѣ, *ut se lavaret*, назаряне восточную сторону сдѣлали для себя кыблой (стороной, къ которой становятся лицомъ во время своихъ молитвъ).

Третій мухаммеданскій писатель, Сираджъ-уд-динъ-бну-Абдулахъ, рьяный, злобный полемикъ противъ христіанской вѣры, въ своей книгѣ „Маджмъ-уль-лятоифъ“,—„Сборникъ тонкихъ рѣчей“,—передавая исторію св. апостола Павла, составленную имъ изъ странныхъ и нелѣпныхъ вымысловъ, выставляетъ установителемъ христіанской кыблы св. апостола Павла. Вотъ его разсказъ:

„Въ нѣкоторый день народъ, опять собравшись, пришелъ къ нему... (Павлу) и просилъ его сказать назидательное поученіе. Онъ, согласясь на прошеніе его, взошелъ на кафедру и сказалъ поученіе такое, что нѣкоторыхъ изъ народа привелъ въ изумленіе. Ибо этотъ нечестивецъ былъ человекъ умный, краснорѣчивый и искусный въ словахъ, въ знаніи іудейской вѣры не было равнаго ему. Вѣра христіанъ, еще новая, не успѣла въ это время утвердиться. Сдѣлавъ на нихъ сильное впечатлѣніе своимъ поученіемъ, сбивъ ихъ съ толка, онъ сказалъ имъ: Слушатели! Въ прошедшую ночь мнѣ, убогому, явился Иисусъ и сказалъ: скажи моимъ послѣдователямъ, чтобы они при совершеніи молитвъ, обращали свои лица уже не къ святому Дому (Іерусалимскому храму), а къ востоку солнца, потому что звѣзда моего счастья возшла съ той стороны, солнце каждый день будетъ передавать имъ привѣтствіе отъ Меня, поэтому они и должны воздавать честь востоку, и эта страна при молитвахъ ихъ будетъ имъ кыблой. Также скажи имъ, чтобы они воздавали честь дереву, на которомъ они повѣсили (распяли) Меня; видя это дерево, они какъ бы Меня видѣтъ бу-

дуть. Еще скажи имъ: до пророка Моисея употреблялось въ пищу свиное мясо; народу Моисееву запрещено ѣсть его; чтобы дѣлать вопреки тому, Мои послѣдователи пусть ѣдятъ его. Оно очень хорошее изъ мясныхъ яствъ: яденіе его разрѣшается для нихъ.

„Народъ! ты слышалъ, что передать тебѣ я долженъ былъ; теперь ты уже знаешь это“. Онъ кончилъ свое поученіе, а тѣ, бѣдные, повѣрили словамъ его, и съ того времени во время молитвъ стали обращаться лицомъ къ востоку, стали поклоняться кресту и вѣшать его себѣ на шею, начали ѣсть свиное мясо“.

Эти сказочные рассказы служатъ основаніемъ для мусульманскаго пустословія о христіанской кыблѣ. Муллы рассказываютъ ихъ, а простодушные и темные ихъ прихожане, не смѣя усомниться ни въ одномъ словѣ своихъ ученыхъ руководителей и не имѣя дѣйствительныхъ свѣдѣній о томъ, почему христіане обращаются при своихъ молитвахъ къ Востоку, принимаютъ эти нелѣпыя и бессмысленныя выдумки своихъ ученыхъ за чистую истину и дивятся, какъ малосмысленны христіане, т. е. русскіе и, какъ хороша, какъ чиста мусульманская вѣра,—вѣра патріарха Авраама; и пользуются каждымъ подходящимъ случаемъ, чтобы похвалиться предъ христіаниномъ своей кыблой, похвалиться уставами своей вѣры, относящимися къ ихъ молитвословіямъ, и съ глумленіемъ пересказать христіанину вышеприведенныя измышленія объ его молитвенной супротиви.

Темные крещеные ивородцы немало смущаются такимъ поведеніемъ мухаммеданъ; напротивъ, знающіе истину, слыша или читая такіе рассказы мухаммеданъ, дивятся, какъ у нихъ, гордящихся тѣмъ, что *все знаютъ вѣрно*, могутъ держаться и имѣть вѣру такіе рассказы, когда каждый безпристрастный разумный человѣкъ, услышавъ ихъ, съ перваго раза долженъ почувствовать непримѣримость этихъ рассказовъ съ общимъ здравымъ смысломъ, несогласимость ихъ съ достовѣрно извѣстною исторіею лицъ и событій, съ которыми соединены эти рассказы.

Первѣе всего надо сказать, что слова Корана „вотъ она Марія устранилась отъ своихъ домашнихъ въ одно на восточной сторонѣ мѣсто“ (Коранъ 19, 16) вовсе не имѣли того смысла и значенія, какое придалъ имъ Бейзавій. Придавъ словамъ Корана желательный ему смыслъ, Бейзавій обнаружилъ въ себѣ, во-первыхъ полное отсутствіе историческихъ свѣдѣній въ евангельскихъ событіяхъ, а вмѣстѣ и географическихъ свѣдѣній объ іудейской странѣ или вообще о Палестинѣ, а, во-вторыхъ, показалъ, что онъ правильно не руководился своею мухаммеданскою теоріею о толкованіи Корана. Сопоставляя приведенныя слова Корана съ словами Еван-

Гелія, легко можно видѣть, что они сближаются со слѣдующими словами Евангелія: „*Воставши же Марія въ сіи дни (послѣ благовѣщенія), съ поспѣшностію пошла въ нагорную страну въ городъ Іудинъ. И вошла въ домъ Захаріи, и привѣтствовала Елисавету... Марія, пробывши у ней около трехъ мѣсяцевъ, возвратилась въ домъ свой*“ (Лук. 1, 39, 40, 46).

Мекканскій арабъ, неграмотный язычникъ, никогда не читавшій Евангелія, не знавшій географическихъ положеній въ іудейской странѣ, Мухаммедъ, слышавшій отъ христіанъ евангельское сказаніе о пресвятой Дѣвѣ, когда вздумалъ передать это событіе въ Коранѣ, передалъ его, какъ упомнилъ, темно, сбивчиво; поэтому въ Коранѣ удержались только намеки на приведенныя слова Евангелія.

Марія изъ Назарета пошла къ родственницѣ своей Елизаветѣ въ горную страну—съ сѣвера на югъ, изъ Галилеи въ Іудею. Не зная географіи Палестины, Мухаммедъ въ Коранѣ ошибочно указалъ на „одно въ восточной сторонѣ мѣсто“; въ ту же ошибку впалъ и толкователь Корана, который, подобно Мухаммеду, не былъ знакомъ ни съ Евангеліемъ, ни съ географіей, ни съ исторіей христіанской религіи. Заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что своимъ толкованіемъ приведеннаго мѣста Корана Бейзавіи отступилъ отъ принятаго у мухаммеданъ способа выработаннаго наукою толкованія Корана. Богословскіе учебники мухаммеданъ утверждаютъ, что Коранъ заключаетъ въ себѣ восемь смысловъ: 1) „мюкямъ“—твердый или понятный, 2) „мюфесеръ“—толкуемый, 3) „наасъ“—очевидный, 4) „загиръ“—явный, 5) „хафій“—скрытый, 6) „мюшкиль“—труднопонимаемый, 7) „мюджмалъ“—сжатый и 8) „мютошабичъ“—непонятный. Сдѣланный Бейзавіемъ выводъ изъ указанныхъ словъ Корана не можетъ оправдаться ни однимъ изъ указанныхъ восьми смысловъ Корана и долженъ быть признанъ такимъ, который внушенъ не Кораномъ, а собственнымъ разумомъ и измышленіемъ толковника. Между тѣмъ всякому понятно, что историческій фактъ долженъ основываться на историческихъ же свѣдѣніяхъ, а не на произволѣ, хотя бы произволъ этотъ и прикрывался неприложимою къ нему теоріей.

Причину событія, какую выставилъ Бейзавіи и въ какой указалъ поводъ установить христіанамъ молитвенную супротивъ, могъ внушить ему только всецѣло проникнутый чувственностію духъ Корана, по своему свойству чувственно направляющій умъ и притупляющій нравственное чувство мухаммеданина. Это вредное вліяніе Корана на нравственное чувство мухаммеданъ еще сильнѣе подтверждается писаніями Ахамеда Бид-

жана, ибо онъ не только бессмысленно повторилъ въ нихъ слова Бейзавія о поводѣ къ установленію христіанами своей супротиви при молитвахъ, пересказавъ ихъ рѣзче, наглѣе, но выразилъ это и другими неумѣстными толками о томъ, чего не понимаетъ и о чемъ доброе чистое религиозное чувство не позволяетъ толковать,—таковы, напр., его толки о Благовѣщеніи архангела Пресвятой Дѣвѣ.

Изъ сопоставленія словъ Корана о Святой дѣвѣ Маріи, принятыхъ мусульманскими учителями за основаніе къ установленію христіанами своей молитвенной супротиви, со словами Евангелія видно, что слова Корана не давали мухаммеданамъ повода дѣлать того вывода, который они сдѣлали, и что выводъ, сдѣланный этими „учеными“, есть ихъ собственный вымыселъ. Это подтверждается съ одной стороны противорѣчіемъ между этими учеными: Сираджъ-уд-динъ, конечно, знавшій Бейзавіево толкованіе, не согласился съ нимъ и приписалъ основаніе молитвенной супротиви у христіанъ Апостолу Павлу, при чемъ ни одинъ изъ нихъ не приводитъ достаточныхъ основаній для подтвержденія своего безразсуднаго и безсовѣстнаго вымысла; съ другой стороны тѣмъ, что Бейзавій даже самъ какъ бы не считаетъ своего толкованія на Коранъ достовѣрнымъ и передаетъ свое толкованіе, какъ рассказъ другихъ — *говорятъ*, чѣмъ какъ бы ссылается на преданіе. Но если бы онъ дѣйствительно руководился достовѣрнымъ, хотя бы съ мусульманской точки зрѣнія, преданіемъ, онъ долженъ былъ прямо указать на такое преданіе, указавъ лицъ, которыя его передали,—какъ это дѣлаютъ мухаммедане о своихъ нѣкоторыхъ уставахъ, — передаютъ хадисы и риваяты, указывая рядъ лицъ, которыя передавали ихъ. Однако онъ ничего этого не сдѣлалъ. Спрашивается: гдѣ хранилось это преданіе о христіанской кыблѣ до внесенія его Бейзавіемъ въ свой Тавсиръ — толкованіе на Коранъ? У кого изъ мусульманскихъ писателей хранилось оно? И кто они поименно? Внося свои вымыслы въ толкованіе на Коранъ, Бейзавій говоритъ: *„рассказывается“* или *„говорятъ“* — но кто говоритъ, — онъ прямо не указалъ. А такое преданіе даже съ мусульманской точки зрѣнія считается неимѣющимъ никакой исторической опоры. О значеніи этого „говорятъ“ въ толкованіи Бейзавія извѣстный мухаммеданскій библиографъ Хаджи Хальфя говоритъ буквально слѣдующее: „Тѣ способы объясненія, которые онъ (Бейзавій) упоминаетъ во-вторыхъ, или въ-третьихъ, или въ-четвертыхъ, съ присовокупленіемъ слова *„говорятъ“*, — тѣ способы составляютъ мнѣнія слабыя, т. е. мало-достоверныя, или даже созвѣтъ отвергнутыя“. Такимъ образомъ

для мухаммеданъ приведенные доводы являются несостоятельными. Для христіанина же и вообще для человѣка, знающаго истину, измышленія мухаммеданскихъ ученыхъ о христіанской молитвенной супротиви являются настолько странными, что свидѣтельствуя лишь: 1) о крайнемъ невѣжествѣ и ограниченности знаній сихъ писателей въ знаніи Священнаго Писанія, ва которое они показываютъ всегда невѣрно и лживо; 2) о жалкомъ невѣжествѣ ихъ въ исторіи народовъ бывшихъ и нынѣшнихъ и 3) обнаруживаютъ въ нихъ то растлѣніе ума и сердца, какое установилось во всемъ мухаммеданскомъ мірѣ и отъ какого не могутъ освободиться и ученые его, какимъ поражаетъ ихъ чувственность, разнузданная въ нихъ мухаммеданскимъ ученіемъ, ученіемъ Корана, ласкающимъ тѣло, и не заботятся о поддержаніи духовной части человѣка. Такимъ образомъ, рассказы мухаммеданъ о христіанской молитвенной супротиви не подтверждаются исторіею, суть вымыслы, противные дѣйствительности, унижающіе ихъ самихъ, какъ крайнихъ невѣждъ, какъ злобныхъ, неразборчивыхъ въ средствахъ клеветниковъ. Всякому понятно, что для того чтобы вѣрно знать и справедливо оцѣнить обрядность богослуженія той или другой религіи, надобно хорошо знать ея вѣроученіе, какъ по сложившемуся полному его составу (системѣ), такъ и по его источнику, по историческому его развитію. Между тѣмъ, названные мухаммеданскіе ученые даютъ объясненія обрядамъ христіанской вѣры, не имѣя о ней правильныхъ достаточныхъ для того свѣдѣній; очевидно, что берутся они за это дѣло частью по легкомыслію, которое хватается и за то, что ему не по силамъ, частью по невѣжеству, которое любитъ говорить и о томъ, чего совсѣмъ не знаетъ; главное же—по злобѣ. Сознывая свое безсиліе предъ христіанствомъ и желая такъ или иначе оправдать и восхвалить свое вѣроученіе, не имѣющее исторической опоры въ свою пользу, мухаммеданскіе ученые не стыдятся прибѣгать къ сознательной лжи, къ клеветѣ, къ вымысламъ и сказкамъ.

Приведенные нами вымыслы Бейзавія и Биджана о томъ, почему христіане при молитвѣ обращаются на Востокъ, назвать только нелѣпыми и недобросовѣстными значить сказать мало, такъ какъ къ легкомыслію ихъ ума здѣсь примѣшивается еще нечистота сердца, какою обычнѣо грязнить души всѣхъ мухаммеданъ ихъ религія. Читая эти рассказы, христіанинъ видитъ, какое низкое нравственное чувство высказывается въ словахъ ихъ, видитъ, что умъ ихъ погрязъ въ плотской нечистотѣ, что наполненная плотскими образами, навѣянными Кораномъ мысль ихъ не можетъ подняться

къ чистому и духовному. По истинѣ къ нимъ во всей полнотѣ относятся слова св. апостола: „Живущіе по плоти только о плотскомъ помышляютъ“ (Рим. 8, 5—8) „какъ безсловесныя животныя, управляемыя влеченіемъ природы; переполненные чувственными представленіями, они злословятъ то, чего не понимаютъ, они срамники, марающіе не насъ, христіанъ, а самихъ мухаммеданъ,— забавляются тѣмъ, что обманываютъ своихъ послѣдователей (2 Петр. 2, 1, 12—13). Они лжецы, сожженные въ своей совѣсти (I Тимоф. 4, 2). Мало этого, измышляя оскорбительное для христіанъ, они забыли о томъ сами, они и своимъ мухаммеданскимъ ученіемъ, и словами Корана обязаны были благоговѣть предъ тѣмъ, о комъ мыслили и говорили такъ неуважительно. Излагая эти кощунственные вымыслы въ своихъ сочиненіяхъ, Бейзавитъ и Биджанъ не обдумали того, что этими вымыслами они унизили и опозорили не себя только самихъ, но и все мухаммеданское разумѣніе и всѣхъ своихъ учениковъ и послѣдователей, которые по своей умственной слѣпотѣ и религіозному невѣжеству вслѣдъ за ними повторяютъ слова ихъ. Вѣдь, согласно словамъ Корана, сами мухаммедане вѣрятъ, что Марія—матерь Иисуса Христа, была *святая* (Кор. 5, 79; 66, 12), что она всегда пребыла *Дѣвою* (Коранъ 21, 91; 19, 20), что Коранъ строго осуждаетъ іудеевъ за ихъ клеветы на Марію (Коранъ 4, 154—155), говорить, что за эту клевету іудеевъ „Богъ положилъ печать на сердца ихъ“,—выраженіе это, часто употребляемое Кораномъ, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что Богъ сдѣлалъ сердца ихъ безчувственными ко всему святому, ко всему, что требуетъ благоговѣнія къ себѣ. Далѣе, многіе мухаммедане, когда говорятъ или пишутъ о св. Дѣвѣ Маріи, къ имени Ея приписываютъ титулъ *казрятъ*, каковое титуло прилагается къ именамъ всѣхъ пророковъ для выраженія благоговѣнія къ нимъ, а ученые мухаммедане, ослѣпленные ненавистію и злобою къ христіанамъ, позволяютъ себѣ говорить о св. Маріи такъ безстыдно и нечестиво. Поэтому къ Бейзавію и Биджану вполне приложимы тѣ слова и обличенія Корана, какія Мухаммедъ сказалъ объ іудеяхъ, злобно говорившихъ о Маріи: „Богъ положилъ печать на сердца ихъ, за ихъ нечестіе, за то, что они говорятъ великую клевету на Марію“ (Кор. 154—155). Христіанами же въ отвѣтъ на всѣ злобныя хулы на Богоматерь давно составлена дивная церковная пѣснь: „Яко одушевленному Божію кивоту, да никакоже коснется рука скверныхъ; устнѣ же вѣрныхъ Богородицѣ немолчно гласъ ангела воспѣвающе, съ радостію да вопіють: истинно выше всѣхъ еси Дѣво чистая“. (Кононъ на Введеніе, ирмосъ 9-й пѣсни).

Православные христіане строятъ свои храмы главною стороною ихъ—алтаремъ—къ восточной сторонѣ, а потому при совершеніи Богослуженія въ храмахъ, молящіеся стоятъ лицомъ къ Востоку. Когда совершаютъ моленія внѣ храмовъ, совершаютъ ихъ такъ же стоя лицомъ къ Востоку; такъ, при водоосвященіяхъ въ установленныя времена на рѣкахъ, при молебствіяхъ внѣ селеній, на поляхъ, для испрошенія благословенія Божія на нивѣ и пажити предъ началомъ полевыхъ работъ; для испрошенія дождя при засухахъ или для молитвъ о прекращеніи безведрія христіане становятся лицомъ къ Востоку. Равнымъ образомъ и всегда, находясь или ночуя въ полѣ, вставъ отъ сна или предъ началомъ работъ, предъ принятіемъ и послѣ принятія пищи и отхода ко сну христіане молятся, обратившись лицомъ къ Востоку. Погребаютъ умершихъ христіане, также обративъ ихъ лицомъ къ Востоку.

То обстоятельство, что вышеприведенные рассказы мухаммеданскихъ ученыхъ о христіанской молитвенной супротиви встрѣчаютъ довѣріе у современныхъ мухаммеданъ, ясно свидѣтельствуешь, что и современные мухаммедане такъ же, какъ и прежде нихъ жившіе ихъ учителя, не знаютъ истинныхъ основаній обращенія христіанъ при совершеніи молитвъ на Востокъ; въ этомъ и во многихъ другихъ вопросахъ они находятся въ жалкомъ самообольщеніи и ослѣпленіи: думая что „они вѣрно знаютъ все“, въ дѣйствительности мухаммедане ложь, вымыслы, сказки принимаютъ за истину; и все это потому, что никто изъ нихъ сознательно не желаетъ познакомиться съ Св. Писаніемъ и вѣроучительными книгами христіанъ и свѣрить съ ними лживыя измышленія своихъ учителей. Поэтому мухаммеданамъ необходимо объяснить, что обращаться во время молитвъ къ Востоку христіане имѣютъ основаніе:

1) въ одномъ изъ способовъ, какими Священное Писаніе, передавая ученіе о Богѣ, приближало высоту его истинъ къ удобнѣйшему пониманію ихъ вѣрующими: именно въ *символическомъ способѣ передачи и изъясненія понятій о Богѣ*;

2) въ тѣхъ образахъ, какими откровеніе Божіе, указывая главную, существенную истину ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго Писанія, передавало ее вѣрующимъ: и именно въ образныхъ (символическихъ) откровеніяхъ о Спасителѣ падшаго человѣческаго рода;

3) въ тѣхъ обрядахъ ветхозавѣтнаго богослуженія, которыми, какъ символами, прообразовательно указывалось на новозавѣтныя событія.

Чтобы лучше уразумѣть символическій способъ Писанія, скажемъ, что вообще называется словомъ *символь*. Символь есть какой-либо вещественный видимый предметъ, который своимъ видомъ (своей формой) или своимъ какимъ-либо качествомъ легко напоминаетъ что-либо невидимое, постигаемое только умомъ; есть знакъ, которымъ указывается представленіе или идея, которую извѣстный классъ людей или цѣлый народъ соединяетъ съ нимъ по сходству, въ нихъ находимому. Такъ напр., кольцо берется знакомъ непрерывности, или, есть символъ вѣчности. У различныхъ народовъ эти символы бываютъ очень различны: они болѣе и чаще употребляются въ религіозныхъ обрядахъ. Въ нашей православно-христіанской церкви всѣ богослужебные обряды суть символы, изъ которыхъ каждый служитъ выраженіемъ какой-либо идеи понимаемой христіаниномъ въ наружномъ ея знакѣ, таковы, на примѣръ: употребленіе свѣтильниковъ, кадила и прочаго видимаго. Не понимая этого, мухаммедане, будучи обставлены въ своей религіи обрядностью весьма скудною, безсодержательною и безжизненною, для утѣшенія себя силятся объяснить христіанскую обрядность самымъ нелѣпѣйшимъ образомъ.

Символическій способъ указывать видимымъ на невидимое ощущаемымъ на умосозерцаемое, вещественнымъ на духовное, возникаетъ изъ качества языка человѣка,—изъ его слова, которое, все мыслимое умомъ означая устными звуками, описываетъ невещественное—вещественнымъ, существующее безъ очертаній—образами. Символическій характеръ человѣческаго слова во всѣхъ языкахъ состоитъ въ томъ, что слово человѣческое непосредственно употребляетъ символъ описаніемъ, опредѣленіемъ для того, что означается имъ. Это обыкновенно бываетъ тогда, когда мысль стремится выразить себя и понятно и вмѣстѣ кратко: и для того она, выражая себя въ словѣ, означаемое символомъ сливается съ самимъ символомъ.

Мухаммедане легко могутъ понять это, если внимательно разсмотрятъ, напр. слѣдующее выраженіе Корана: „Богъ есть свѣтъ небесъ и земли“ (Коранъ 24, 35). Слово свѣтъ (*нуръ*), сказанное здѣсь о Богѣ, которое мухаммедане называютъ *мяджазъ* (тропическимъ переноснымъ словомъ), есть въ то же время и *мясалъ* (подобіе)—есть символъ, и сказано непосредственно, прямо для опредѣленія Бога. Въ этомъ и многихъ подобныхъ ему выраженіяхъ сокращенно, сжато передается то, что обширнѣе, когда бываетъ нужно, описывается притчею, сравненіемъ, подобіемъ.

Въ Священномъ Писаніи ветхаго и новаго завѣтовъ Богъ очень часто употребляетъ этотъ символическій языкъ, передавая

вѣрующимъ премірное, не имѣющее въ себѣ ничего сходнаго съ видимымъ міромъ. И такъ какъ изображать подобіями духовное, сравненіями пояснять малодоступное пониманію есть общій законъ человѣческаго познанія, то употребленія, сравненія не только не излишни, не неумѣстны, а необходимы для человѣка, и потому символическій языкъ о Богѣ самимъ Богомъ допущенъ въ Свящ. Писаніи.

Этотъ способъ выраженія, свойственный каждому языку, понятенъ не только ученому, но и неграмотному человѣку, лишь бы онъ приложилъ къ нему свое пониманіе,—потому Св. Писаніе употребляетъ его.

Такъ какъ въ видимомъ мірѣ намъ ощутительны солнце и различныя дѣйствія его чрезъ свѣтъ, теплоту на землю, потому Богъ, открывая человѣку въ Писаніи невидимое (Римл. 1, 20). свое величіе, свою славу, свои благодатныя дѣйствія въ человѣкахъ, прямо или просто называетъ Себя *свѣтомъ*, *солнцемъ*, описываетъ Себя качествами, дѣйствіями свѣтилъ, зари, разсвѣта и тому подобныхъ явленій (1 Иоан. 1, 5; Іак. 1, 17; 2 Петр. 1, 19; Псал. 103, 1—2; Псал. 111, 4; Исаи 60, 1—2).

Христіане, читая въ Писаніи такія слова, въ которыхъ Богъ изображаетъ Себя подъ образомъ свѣта, свои благія дѣйствія на человѣка приравниваетъ къ дѣйствіямъ солнца въ мірѣ, безъ сомнѣнія, должны были остановить свое вниманіе на той странѣ міра, гдѣ преимущественно и ощутительнѣе является свѣтъ; припоминая слова Бога, приспособлявшаго истины своего откровенія къ явленіямъ міра, они естественно обратили свой взоръ къ Востоку, а особливо при своихъ молитвахъ Богу, Отцу Свѣтовъ. Такимъ образомъ символическій языкъ Писанія далъ христіанамъ первоначальное основаніе поставить для себя Востокъ, предпочтительно предъ другими частями свѣта, молитвенною супротивью. Востокъ, гдѣ встрѣчаемъ послѣ ночной темноты денницу, зарю, солнце, дневной свѣтъ, сильнѣе ощутительнѣе для насъ многими тихими, но живыми, отрадными и радостными дѣйствіями на умъ и сердце человѣка, нежели впечатлѣнія на насъ явленій другихъ странъ міра.

Другимъ основаніемъ для избранія Востока молитвенной супротивью христіанъ служитъ основная истина ветхозавѣтнаго Писанія.

Изъ Священнаго Писанія, а мухаммеданамъ даже изъ Корана, извѣстно, что первый человѣкъ, безгрѣшный и блаженный въ раю, нарушивъ заповѣдь Божию, ему данную, согрѣшилъ, лишился блаженства, изгнанъ изъ рая (Быт. 3, 1—24. Коранъ 2, 33 34;

7 18—23; 20, 114, 118—119); но какія были существенныя послѣдствія этого преступленія; какой указанъ былъ Богомъ Адаму путь или способъ получить оправданіе предъ Богомъ и достигнуть первобытнаго блаженства? Этого Коранъ мухаммеданамъ не сказалъ. Въ книгахъ же Священнаго Писанія это открыто и ясно сказано. Такъ, въ книгѣ пророка Моисея или въ законѣ (Таурятъ), гдѣ передана исторія первыхъ людей, открыто, что Богъ, возвѣщая Адаму и Евѣ гибельныя для нихъ и для всего ихъ потомства послѣдствія за ихъ непослушаніе Ему и за повиновеніе совѣту собольстителя, въ то же время возвѣстилъ имъ, что въ потомствѣ ихъ явится имъ *Избавитель* (Быт. 3, 15). Это обѣтованіе о Спасителѣ уяснилъ Богъ въ своихъ откровеніяхъ пророкамъ, конхъ онъ посылалъ къ народу еврейскому: пророкамъ было открыто, что это „*сѣмя жены*“ уничтожитъ власть искушителя—дѣвола, оправдаетъ людей предъ Богомъ и, давъ имъ силу дѣлать угодное предъ Богомъ, укажетъ вѣрный путь достигнуть полнаго блаженства, къ какому люди были первоначально предназначены Богомъ. *И въра въ этого Избавителя, чаяніе въ Немъ получить спасеніе была основною проповѣдію всѣхъ пророковъ ветхозавѣтной церкви.* Пророки, по внушенію Духа Божія говорившіе о грядущемъ Спасителѣ, указывая на время и мѣсто Его явленія въ мірѣ, на характеръ Его ученія, на Его жизнь, дѣла, на плоды, то-есть послѣдствія Его дѣлъ и ученія, именовали Его различными именами, представляли Его въ различныхъ образахъ, а иногда изображали Его символами: такъ, называя Его *свѣтомъ*, дѣйствія Его въ родѣ человѣческомъ они описывали тѣми явленіями, какія производятъ въ видимомъ мірѣ свѣтъ и тѣ свѣтящія тѣла міра, отъ которыхъ свѣтъ, проливаясь на нашу землю, производитъ тѣ явленія, какія производятся на землѣ свѣгомъ и свѣтилами,—почему пророки называли Его *Солнцемъ*, *Звѣздою*, *Востокомъ* и другими именами. Такъ, пророкъ Исаія утѣшалъ вѣрныхъ спасеніемъ въ Эммануилѣ (съ нами Богъ) (Исаи гл. 7, 8, 9, 1—4; Матѣ. 1. 22—23). Описавъ бѣдственное религіозное состояніе колѣнъ Завулонова и Нефѣалимова, подъ образомъ мрака, пророкъ обѣщаетъ имъ въ будущемъ утѣшеніе и радость подъ образомъ *свѣта* (Ис. 8, 20—22, 9, 1—2). Пророкъ Малахія описываетъ обѣщаннаго Спасителя подъ именемъ Ангела завѣта, а Его дѣйствія—подъ образомъ *Солнца правды* (Малахія 3, 1; 4, 1, 2, 5—6). Пророкъ Валаамъ называлъ Его звѣздою (Числ. 24, 15—17). Пророки Іеремія и Захарія называли Его *Востокомъ* (Іерем. 23, 1—8; Захаріи 6, 12, 13; сн. 3, 8) и много другихъ.

Для христіанъ, читающихъ все безъ исключенія Божественное Писаніе, понятнo къ кому эти названія и уподобленія прямо и вѣрно прилагаются. Объ этомъ Лицѣ, на которое они указываютъ, есть въ Писаніи множество прямыхъ и ясныхъ указаній и пророчествъ, ясно указывающихъ на Него не символами, а словами. При пророческихъ словахъ христіанину понятны и символическія его описанія.

Священное Писаніе намъ говоритъ, что *„никогда пророчество не было произносимо по волю челоувческой: но изрекали его святые Божіи челоувки, будучи движимы Духомъ Святымъ“*, и вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ *„вѣрующимъ, что никакого пророчества въ Писаніи нельзя разрѣшить самому собою“* (2 Петр. 1 20—21). Потому объяснять пророчество никто самъ отъ себя не можетъ, а объясняется оно Духомъ Божіимъ, или тѣмъ же Писаніемъ. Само Евангеліе или слово Духа Божія указано намъ къ кому относились тѣ символы ветхозавѣтнаго Писанія. Вотъ что передаетъ Евангеліе для поясненія приведенныхъ символическихъ пророческихъ словъ: пророкъ Захарія, послѣ того, какъ родился сынъ его Іоаннъ, а обстоятельства его рожденія удивили всѣхъ, живущихъ вокругъ нихъ, исполнясь Святаго Духа (Лук. 1, 57—67) въ пророческой пѣсни благословилъ Господа Бога, что Онъ, исполняя свои обѣтованія о спасеніи Израиля и всего челоувческаго рода, воздвигъ Спасителя въ домѣ Давида, и предъказывая о пророческомъ служеніи своего сына Іоанна при совершеніи этого избавленія Спасителемъ (Лук. 1, 68—75) говоритъ о Іоаннѣ: *„и ты, младенецъ, наречешься пророкомъ Всевышняго; ибо предъидеши предъ лицемъ Господа, приготовить пути Ему, дать уразумѣть народу Его спасеніе въ прощеніи грѣховъ ихъ, по благоутробному милосердію Бога нашего, которымъ постѣтилъ насъ Востокъ свыше просвѣтитъ сидящихъ во тьмѣ и тѣни смертной, направитъ ноги наши на путь мира“* (Лук. 1, 76—79). Изъ этихъ словъ Захарія пророка, отца Іоанна (Яхьи пророка) видно, что тотъ Востокъ, о которомъ предсказывали пророки Іеремія и Захарія сынъ Варахія,—посѣтилъ Израиля, или явился ему, чтобы просвѣтитъ его и всѣхъ, сидящихъ во тьмѣ и тѣни смертной. Кто этотъ Востокъ, мы узнаемъ, когда далѣе увидимъ указаніе на исполненіе другихъ приведенныхъ пророчествъ. Такъ „ангелъ Господень явился Іосифу во снѣ и сказалъ: Іосифъ, сынъ Давидовъ! Не бойся принять Марію, жену твою, ибо родившееся въ ней есть отъ Духа Святаго. Родитъ же сына, и наречешь Ему имя: Іисусъ, ибо Онъ спасетъ людей Своихъ отъ грѣховъ ихъ. А все сіе произошло, да сбудется речен-

ное Господомъ черезъ пророка, который говоритъ: Се, дѣва во чревѣ приметъ, и родить сына, и нарекутъ имя ему: Еммануиль, что значить: съ нами Богъ“ (Мѡ. 20—23). „Когда Иисусъ родился въ Виѡлеемѣ Іудейскомѣ, во дни царя Ирода: пришли въ Іерусалимъ волхвы (мудрецы) съ востока и говорятъ: гдѣ новорожденный царь Іудейскій? ибо мы видѣли звѣзду Его на востокѣ и пришли поклониться Ему. Услышавъ сіе, Иродъ царь смутился и весь Іерусалимъ съ нимъ. И собравши всѣхъ первосвященниковъ и книжниковъ изъ народа, спрашивалъ у нихъ: гдѣ должно родиться Христу? Они сказали ему: въ Виѡлеемѣ Іудейскомѣ; ибо у пророка написано такъ: и ты, Виѡлеемъ, земля Іудина, ничѣмъ не меньше главныхъ *городовъ* Іудиныхъ: ибо изъ тебя изыдетъ вождь, который упасетъ народъ мой, Израиля (Мих. 5, 2). Тогда Иродъ, тайно призвавъ волхвовъ, выведалъ отъ нихъ время явленія звѣзды, и, пославъ ихъ въ Виѡлеемъ, сказалъ: идите, тщательно развѣдайте о младенцѣ, и когда найдете *Его*, извѣстите меня, чтобъ и я пошелъ поклониться Ему. Они, выслушавъ царя, пошли: и се звѣзда, которую видѣли они на востокѣ, шла предъ ними, какъ наконецъ пришла и остановилась надъ мѣстомъ, гдѣ былъ младенецъ. Увидѣвъ же звѣзду *остановившеюся*, они возрадовались весьма великою радостію; вошли въ домъ; увидѣли младенца съ матерію Его Маріею, и падши поклонились Ему; и, открывши свои сокровища, поднесли Ему дары: золото, ливанъ, и смирну. И получивши во снѣ повелѣніе не возвращаться къ Ироду, инымъ путемъ отправились въ страну свою“ (Мѡ. 2, 1—12). Изъ этого евангельскаго сказанія становится понятнымъ, что звѣзда, приведшая съ востока въ Іерусалимъ мудрецовъ-астрономовъ на поклоненіе Иисусу Христу, была вмѣстѣ указаніемъ и на то, что звѣзда, которая по словамъ вдохновеннымъ Валааму, должна была взойти отъ Іакова, указывала въ лицѣ Иисуса обѣтованнаго Мессію, который явился въ міръ для того, чтобы путеводить и привести Израиля къ познанію высшего откровенія, и быть свѣтомъ для просвѣщенія языческихъ народовъ, ниспавшихъ во тьму идолослуженія; какъ на это указалъ и другой, въ это же время жившій въ Іерусалимѣ, праведникъ, умъ котораго, просвѣщаемый Духомъ Божіимъ, ясно зрѣлъ тайны домостроительства Божія.

Въ то время, когда родился Иисусъ Христосъ, въ Іерусалимѣ былъ нѣкто, именемъ Симеонъ, человекъ праведный, благочестивый, чающій утѣшенія Израилева, и Духъ Святыи былъ на немъ. Ему предсказано было Духомъ Святымъ, что онъ не увидитъ смерти, пока не увидитъ Христа или Мессіи Господня.

Когда младенец Иисусъ, въ 40 день послѣ рожденія, принесенъ былъ въ храмъ для совершенія надъ нимъ законнаго обряда: во храмъ пришелъ по внушенію Святаго Духа и Симеонъ. Онъ взялъ Иисуса на руки свои и сказалъ: „Нынѣ отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, съ миромъ: ибо видѣли очи мои спасеніе Твое, которое Ты уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ народовъ, свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ, и славу народа Твоего Израиля“ (Луки 2, 95—32).

На Иисуса Христа указывалъ и пророкъ Исаія, когда возвѣщаль о свѣтѣ для земли Завулона и Нефѣалима, долго покрывавшейся тьмою и скорбію. Св. Евангеліе повѣствуетъ намъ, что здѣсь именно прежде всего, когда Иисусъ вступилъ въ полное свое служеніе роду человѣческому, для спасенія котораго явился въ міръ,—возсіялъ свѣтъ Божественнаго ученія невѣдущимъ, возвѣстилась радость евангельской проповѣди. Иисусъ, по взятіи Іоанна подъ стражу (Мѣ. 4, 3—5), „Оставивъ Назаретъ, пришелъ и поселился въ Капернаумъ приморскомъ въ предѣлахъ Завулоновыхъ и Нефѣалимовыхъ; да сбудется реченное черезъ пророка Исаію, который говоритъ: „Земля Завулонова и земля Нефѣалимова, на пути приморскомъ, за Іорданомъ, Галилея языческая, народъ, сидящій во тьмѣ, увидѣлъ свѣтъ великій, и сидящимъ въ странѣ и тѣни смертной возсіялъ свѣтъ“ (Мѣ. 4, 13—16; Исаіи 9, 1—2).

Ученіе Иисуса Христа по высотѣ и силѣ своего содержанія, по простотѣ и ясности, съ какими оно передавалось и ученымъ жителямъ Іерусалима и неграмотнымъ обитателямъ Галилеи, равно удивляло всѣхъ (Іоанна 7, 35, 45, 46; Мѣ. 7, 28—29); чудеса Иисуса Христа по своей многочисленности, свидѣтельствующей широту человѣколюбца Божія, по своему превосходству надъ естественными силами природы, показывающему въ совершенствѣ ихъ необыкновеннаго чудотворца, заставляли современниковъ Иисуса Христа признавать въ Немъ Обѣтованнаго міру Спасителя (Мѣ. 8, 27; Марк. 1, 27; 2, 12; Лук. 5, 26; Іоан. 7, 31).

Христіане, которые нося это имя, желаютъ умомъ и жизнію быть христіанами, зная ученіе Евангелія, зная его превосходство надъ ученіемъ всѣхъ другихъ религій, какія только были и нынѣ есть въ мірѣ ¹⁾, ясно видятъ свѣтъ его ученія и твердо,

¹⁾ Чтобы правильно понять и опредѣлить, что такое христіанство въ своемъ существѣ, надобно знать, Кто и Чѣмъ былъ его Основатель. Въ томъ, между прочимъ, и заключается коренное различіе христіанства отъ всѣхъ другихъ религій, какія когда-либо были на землѣ, что оно представляетъ собою точный отпечатокъ личности Иисуса Христа. Изучать и представлять христіанство само

основательно убѣждены въ истинѣ тѣхъ словъ, въ которыхъ Иисусъ Христосъ называетъ себя Свѣтомъ, именно сихъ словъ Его Евангелія:

по себѣ, отдѣльно отъ его Основателя, значило бы вовсе его не изучать или изучать въ извращенномъ видѣ. Если видѣть въ христіанствѣ только *ученіе*, систему религиозныхъ и моральныхъ понятій (хотя и съ этой точки зрѣнія разсматриваемое христіанство можетъ быть понято какъ вѣчто, выше всѣхъ другихъ человѣческихъ учевій стоящее), то это будетъ вовсе не христіанство въ его истинной сущности. Это будетъ только его остоу, скелетъ, можетъ-быть, покрытый красивой кожей, но безъ души, безъ влутренней живой силы. Душа христіанской религіи, ея живая и притомъ вѣчная сила, это—Иисусъ Христосъ. „Вѣчная сила“, не меньшая и тепеѣ, и всегда, какъ и въ первые дни христіанства на землѣ, животворящая, укрѣпляющая и возрождающая, „источникъ живой воды“ (какъ объ этомъ сказано въ бесѣдѣ съ Самарянкой (Іоан., гл. 3), никогда не оскудѣвающей, непрерываемо дающей потокъ духовной жизни, навѣки утоляющей жажду ищущихъ правды, труждающихся и обремененныхъ. „Хлѣбъ жизни“ (Іоан., 6.), удовлетворяющій всѣ высшіе, благороднѣйшіе, изысканные въ духовномъ отношеніи вкусы, насыщающій всѣхъ истинно алчущихъ—не желающихъ жить „единымъ хлѣбомъ“ тлѣннымъ. „Какъ пирамиды возвышаются надъ равнинами Египта, такъ Христосъ высоко стоитъ надъ всѣми человѣческими учителями и основателями религіи и сектъ“,—говорятъ о Христѣ многіе богословствующіе писатели. Но такое сравненіе мало подходящее, ибо въ сущности оно ничего не объясняетъ, такъ какъ вѣшняя высота, количественная степень тутъ не имѣетъ значенія. Ближе всего сравнить Иисуса Христа съ солнцемъ, которое даетъ не только земному міру, но и міру небесныхъ свѣтилъ обильный свѣтъ и теплоту жизни. Предъ Намъ всѣ величайшіе люди человѣческой исторіи, не исключая богодухновенныхъ пророковъ ветхаго завѣта,—только планеты, свѣтящіяся Его свѣтомъ (а не своимъ собственнымъ). Но если міръ всѣхъ небесныхъ свѣтилъ не вѣченъ, а подлежитъ разрушенію въ опредѣленное время, то Онъ, Христосъ, есть вѣчное Солнце, которое никогда не померкнетъ, но будетъ свѣтитъ безъ конца, безъ предѣла.

Предъ образомъ Христа не только маловѣрующіе, но и совсѣмъ невѣрующіе по-христіански писатели останавливаются какъ передъ безпримѣрнымъ въ человѣческой исторіи, какъ передъ чудомъ необъяснимымъ съ обычныхъ точекъ зрѣнія. Всякій человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ великъ и гениаленъ, всегда представляетъ собой человѣка извѣстной эпохи, извѣстной національности, мѣстности. Явленія всѣхъ людей въ мірѣ такъ или иначе поддаются историческому объясненію, на основаніи тѣхъ или иныхъ данныхъ по закону естественной эволюціи. Тѣ или иныя типическія черты ихъ міровоззрѣнія, личной жизни и характера отпечатываются съ достаточной опредѣленностью и рельефностью; по отношенію ко многимъ изъ нихъ математически точно выводятся причины ихъ появленія въ данное именно время. Ничего подобнаго нельзя сказать о Христѣ. Онъ родился и жилъ въ Іудеѣ, происходилъ изъ рода Давидова, говорилъ Онъ языкомъ іудеевъ того времени, ученики Его были іудеи, никуда изъ іудейской земли Онъ не уходилъ („Я посланъ погнѣшимъ овцамъ дома Израилева“,—говорилъ Онъ). И однако же ни въ Его жизни, ни въ Его ученіи нѣтъ никакихъ слѣдовъ іудаизма, какъ нѣтъ признаковъ безпоч-

„Я свѣтъ міру: кто послѣдуетъ Мнѣ, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни (Іоан. 8, 12). Мнѣ надлежитъ дѣлать дѣла пославшаго Меня, пока есть день: придетъ ночь, когда никто не можетъ дѣлать. Доколѣ Я въ мірѣ, Я свѣтъ міру (Іоан. 9, 4—5). Еще на малое время свѣтъ есть съ вами; ходите, покауда есть свѣтъ, чтобы тьма не объяла васъ; ибо ходящій во тьмѣ не знаетъ, куда идетъ. Покауда свѣтъ съ вами, вѣруйте во свѣтъ, да будете сынами свѣта. Я свѣтъ пришелъ въ міръ, чтобы всякій вѣрующій въ Меня не остался во тьмѣ (Іоан. 12, 35—36, 46).

Святые апостолы, просвѣщенные свыше свѣтомъ Духа Божія, передавая христіанамъ ученіе язычниковъ, показали имъ, въ чемъ состоитъ *свтѣтъ*, явившійся въ ученіи Евангелія, какая сила, какое дѣйствіе его на умъ, на сердце христіанина; какъ этотъ свѣтъ долженъ обнаруживаться и обнаружился въ жизни многихъ христіанъ (1 Петр. 2, 9; Дѣян. 26, 17—18; 2 Коринѳ. 4, 6; Ефес. 5, 4—7; Рим. 13, 12—13; 1 Іоан. 2, 9—11). Священное Писаніе, именуя Бога *свѣтомъ*, вмѣстѣ указываетъ, что въ этомъ свѣтѣ нѣтъ ни малѣйшей тьмы, *нѣтъ измѣненія и ни тѣни перемѣны*“ (Іак. 1, 17). Именуя Бога свѣтомъ, Св. Писаніе называетъ этотъ свѣтъ „*непреступнымъ свѣтомъ, котораго никто изъ человѣковъ не видѣлъ и видѣть не можетъ*“ (1 Тим. 6, 16) въ здѣшней жизни. Этими указаніями Св. Писаніе учитъ насъ, что мы

вѣчнаго космополитизма: Онъ стоялъ выше всякихъ подобныхъ чисто земныхъ и преходящихъ настроеній. Онъ одинаковъ и для Востока, и для Запада, будучи величиною непреходящею, общечеловѣческою, всеобъемлещею. Онъ стоитъ, несомнѣнно, выше времени, мѣста, выше всякихъ политическихъ, народныхъ и общественныхъ условій, вѣ и выше всякихъ школъ, сектъ, толковъ и направлений. Поэтому Онъ не принадлежитъ только къ одной какой-либо эпохѣ, а на всѣ времена Онъ одинъ и тотъ же. Онъ живетъ въ исторіи на всемъ ея пространствѣ такъ полно и существенно, что для Него нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, а только одно настоящее. Около Его имени велись и ведутся ожесточенные споры всевозможныхъ религіозныхъ, моральныхъ, философскихъ мировоззрѣній, другъ-друга опровергающихъ и низлагающихъ: одни падаютъ, другіе возстаютъ и вновь рождаются. А Онъ—единый и все тотъ же неизмѣнно изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Изучается, оцѣнивается, ставится на судъ науки и культуры, какъ „предметъ пререканій (о чемъ предсказалъ праведный Симеонъ-Богопріимецъ), и все-же пребываетъ неизчерпаемымъ, какъ истина абсолютная и безконечная. И враждуютъ противъ Него, поднимаютъ бунтъ, вызываютъ на послѣдній крайній бой въ повятіяхъ, сужденіяхъ, воззрѣніяхъ уставахъ и обычаяхъ;—иногда отходятъ отъ Него далеко, но снова возвращаются къ Нему, какъ единственному маяку, дающему всегда обильный свѣтъ среди непроницаемой тьмы, среди свирѣпыхъ волнъ житейскаго моря. И только Его свѣтъ всегда свѣтится и во тьмѣ, и только Его свѣтъ никакая тьма не обнимаетъ.

не должны понимать и представлять Бога свѣтомъ вещественнымъ, каковъ свѣтъ солнца и другихъ свѣтилъ на небѣ, свѣтъ которыхъ имѣетъ движеніе, скорость, измѣненія, подлежитъ пространственнымъ измѣреніямъ; и что мы должны понимать образныя выраженія Св. Писанія о Богѣ не чувственно, а духовно. Но такъ какъ именованіе Бога—*свѣтъ* есть только образное и взято отъ вещественнаго предмета видимаго міра, а этотъ вещественный свѣтъ, послѣ мрака, какимъ покрываетъ насъ ночь, является къ намъ отъ востока, съ восходящимъ тамъ при началѣ дня солнцемъ: то явленіе вещественнаго свѣта на востокѣ, напоминающее христіанамъ о невестественномъ свѣтѣ, Богѣ, просвѣщающемъ ихъ умы свѣтомъ истины, послужило естественнымъ основаніемъ въ молитвахъ своихъ обращаться къ восточной странѣ міра, напоминающей о Богѣ—неприсутномъ свѣтѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ христіане поступаютъ такъ и по божественному указанію Писанія. Каждый разумный человѣкъ изъ наблюдений, надъ собою знаетъ, что когда мы о чемъ-либо размышляемъ, когда что-либо представляемъ себѣ въ умѣ: тогда тотъ предметъ, который мы представляемъ себѣ въ умѣ, какъ бы носится предъ нами, мыслимое нами какъ бы предстоить предъ нами въ опредѣленныхъ образахъ, очертаніяхъ, и мы какъ бы стоимъ лицомъ къ тому, что воображаемъ или о чемъ размышляемъ. Равно и тогда, когда мы что-либо мыслимъ невестественное, духовное, мыслимъ то въ опредѣленныхъ образахъ и въ нѣкоторыхъ очертаніяхъ созерцаемъ очами ума своего. Это естественный законъ нашей души, ибо разсудокъ нашъ развиваетъ свою дѣятельность не иначе, какъ въ формахъ пространства и времени. Потому, когда христіанинъ, разсуждая о смыслѣ словъ Писанія, что Господь есть свѣтъ, есть солнце, дающее благодать и славу (Псалом. 83, 12), что слово Бога есть свѣтильникъ ногамъ его и свѣтъ стезѣ его (Псалом. 118, 105), что во тьмѣ восходитъ свѣтъ праведникамъ отъ Благого, Милосерднаго и Праведнаго (Псалом. 111, 4), что отъ Него свѣтъ изливается на праведника и на правыхъ сердцемъ веселіе (Псалом. 96, 11) естественно ему, и соотвѣтственно самымъ словамъ Писанія представлять въ умѣ востокъ, откуда является намъ естественный свѣтъ; а обратно видимый востокъ въ свою очередь возбуждаетъ въ насъ представленіе о востокѣ, свѣтѣ, солнцѣ мысленномъ, невидимомъ, духовномъ. На такомъ отношеніи видимаго къ невидимому, вещественнаго къ духовному, христіане установили, руководствуясь словомъ Самого Бога, обращаться при молитвѣ лицомъ къ востоку.

Далѣе всякому извѣстно, что когда одинъ человѣкъ обращается съ просьбою къ другому, то, высказывая свою просьбу, обычно становится къ нему лицомъ. Это такъ естественно и сообразно съ чувствами просящаго и того, у кого онъ просить, что несоблюденіе этого, какъ называютъ, приличія почитается за грубость и невѣжество просителя. Христіанинъ, когда обращается съ молитвою къ Богу, котораго Писаніе называетъ Востокомъ, Солнцемъ правды, Свѣтомъ, молясь словами Писанія или что то же—словами Самого Бога, научившаго такъ молиться, нерѣдко въ своихъ молитвахъ говорить: „яви свѣтлое лице Твое рабу Твоему, спаси меня милостію Твоею“. (Псалом. 30, 17), „Осіяй раба Твоего свѣтомъ лица Твоего и научи меня уставамъ Твоимъ (Псал. 118, 136). „Пошли свѣтъ Твой и истину Твою, пусть они ведутъ меня и приведутъ на святую гору Твою, и въ обители Твои!“ (Псал. 42, 3). Поэтому христіане въ своихъ молитвахъ къ Богу, употребляя слова Писанія, въ которыхъ благодатныя дѣйствія Его на человѣка описываются словами подъ образомъ свѣта, являющагося намъ на востокѣ, и еще болѣе сообразно смыслу молитвенныхъ словъ его, какими молятся, становятся лицомъ къ востоку, напоминающему намъ „умный“ свѣтъ который освѣщаетъ умъ истинною, сердце озаряетъ радостію, оживляетъ волю нашу силою въ исполненіи заповѣдей Божіихъ.

Наконецъ основаніе обращаться при молитвахъ лицомъ къ востоку христіане видятъ въ обрядахъ ветхозавѣтнаго Богослуженія, прообразовательно указывавшихъ на новозавѣтныя событія.

Обѣщанный Спаситель міра въ Ветхомъ Завѣтѣ предсказанъ былъ ясными словами пророковъ и въ то же время Онъ начертанъ былъ въ подобныхъ вещахъ видимаго міра; эти послѣднія указанія извѣстны подъ именемъ *прообразовъ*. Прообразы давались въ различныхъ лицахъ, въ событіяхъ и въ самомъ устройствѣ ветхозавѣтнаго богослуженія. Первый ветхозавѣтный храмъ для совершенія общественнаго богослуженія извѣстный подъ именемъ *скинии собранія*, устроенный по образу, показанному Богомъ пророку Моисею на горѣ Синайской (Исх. 25, 9), былъ прообразомъ будущаго совершившагося въ Новомъ Завѣтѣ. Все устройство скинии, начиная съ постановки ея сторонъ по отношенію къ частямъ *свѣта*, отдѣленія этого храма, вещественная утварь скинии, обряды богослуженія, лица совершавшія его—все имѣло прообразовательное значеніе.

Смыслъ прообразовательнаго устройства скинии собранія ясно раскрытъ въ Свящ. Писаніи Новаго Завѣта, которое, указавши про-

рочества Ветхаго Заѣта, указало и смыслъ прообразовъ (Езр. 10, 1; Колос. 2, 17). объяснило какъ главное, существенное отношеніе ветхозавѣтной церкви къ новозавѣтной, такъ и значеніе обрядового богослуженія ея по отношенію къ обрядовому богослуженію въ новомъ завѣтѣ, и даже внѣшняго положенія скинии къ странамъ свѣта, къ постановкѣ христіанскихъ храмовъ. Такъ черезъ пророка Іеремію Богъ предвозвѣстилъ, что Онъ вступитъ въ новый завѣтъ съ народомъ своимъ (Іерем. 31, 31—34), а пророку Іезекіилю открылъ въ видѣнннхъ устройствѣ храма, въ которомъ положенъ будетъ новый завѣтъ. Пророкъ, передавая слова ангела, указавшаго ему, какъ, съ какой стороны вступить въ этотъ храмъ, Господь предвозвѣстилъ здѣсь и то, что совершится при установленіи и съ установленіемъ новаго завѣта. „И опять привелъ онъ (ангелъ) меня ко внѣшнимъ вратамъ святилища, которыя стоятъ лицомъ на востокъ, и они были заперты. И сказалъ мнѣ Господь: врата сіи будутъ заперты, не отворятся, и никакой человѣкъ не будетъ входить ими: ибо Господь, Богъ Израилевъ, войдетъ ими, и будутъ заперты... И привелъ меня путемъ вратъ сѣверныхъ предъ Домъ, и я видѣлъ, и се слава Господа наполняла весь домъ Господа, и палъ я лицомъ на землю“ (Іез. 34, 1, 2, 4). „И привелъ меня ко вратамъ, къ тѣмъ вратамъ, которыя стоятъ лицомъ къ востоку. И се слава Бога Израилева шла отъ востока, и гласъ Его, какъ гласъ водъ многихъ, и земля освѣтилась отъ славы Его... И я палъ на лице свое. И слава Іеговы вошла въ Домъ путемъ вратъ, которыя стоятъ лицомъ къ востоку. И поднялъ меня духъ и перенесъ во внутренній дворъ, и се, слава Господа наполняла весь Домъ. И я слышалъ говорящаго мнѣ изъ Дома, въ то время, какъ мужъ нѣкій стоялъ возлѣ меня, и сказалъ мнѣ: сынъ человѣческій! се мѣсто престола Моему, и мѣсто стопамъ ногъ Моихъ, гдѣ Я вѣчно буду жить среди сыновъ Израилевыхъ“ (Іезек. 43, 1—7).

Сопоставляя съ этимъ пророчествомъ Іезекіиля пророчество Малахіи объ ангелѣ завѣта, который придетъ въ храмъ, построенный евреями во Іерусалимѣ по возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго „Се, я пошлю ангела моего, чтобы онъ уравниалъ путь предо Мною, и тотчасъ придетъ въ храмъ свой Господь, котораго вы ищете, и Ангелъ завѣта, котораго вы ожидаете. Се, Онъ идетъ, — говоритъ Господь воинствъ.—Для васъ, боящіеся имени Моего, взойдетъ Солнце правды, и подъ крыльями Его исцѣленіе“ (Малах. 3, 1, 4), видимъ, что оба эти пророка говорятъ объ одномъ и томъ же событіи. Какъ совершилось вступленіе Ангела завѣта въ этотъ храмъ, въ чемъ состояло совершеніе этого завѣта,—за-

вѣта новаго, лучшаго того, какой поставленъ былъ между Богомъ съ сынами Израиля,—это объясняетъ Св. Писаніе новаго завѣта такъ: „Первый завѣтъ имѣлъ постановленіе о Богослуженіи и святилище земное. Тамъ устроена была скинія: первая, въ которой свѣтильникъ, столъ съ хлѣбами предложенія, и которая называется святое. За вторую же завѣсою *вторая* скинія, называемая святое святыхъ, имѣвшая золотую кадильницу и обложенный со всѣхъ сторонъ золотомъ ковчегъ завѣта; тамъ былъ золотой сосудъ съ манною, расцвѣтшій жезлъ Аароновъ и скрижали завѣта, а надъ нимъ (ковчегомъ завѣта) херувимы славы, осѣняющіе очистилище“ (Евр. 9, 1—5).

„При такомъ устройствѣ, въ первую скинію всегда входятъ священники совершать богослуженіе, а во вторую, однажды въ годъ, одинъ только первосвященникъ, не безъ крови, которую приноситъ за себя и за грѣхи невѣдѣнія народа. Симъ Духъ Святыи показываетъ, что путь во святилище еще не открытъ, доколѣ стоитъ прежняя скинія. Она есть образъ настоящаго времени, въ которое приносятся дары и жертвы, не могущія вполнѣ успокоить совѣсти приносящаго жертву, и которыя съ яствами и питіями, и различными омовеніями и обрядами, относящимися къ плоти, установлены были только до времени исправленія“ (до времени лучшаго установленія) (Евр. 9, 6—10).

„Но Христось, Первосвященникъ будущихъ благъ, пришедъ съ большею и совершеннѣйшею скиніею, нерукотворенною, то есть не такого устройенія (какъ прежняя) и не съ кровію козловъ и тельцовъ, но съ Своею кровію, однажды вошелъ во святилище и приобрѣлъ вѣчное искупленіе“ (Евр. 9, 11—12). „Если кровь тельцовъ и козловъ... освящаетъ оскверненныхъ, дабы чисто было тѣло, то колыми паче кровь Христа, Который Духомъ Святымъ принесъ Себя непорочнаго Богу, очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ, для служенія Богу живому. И потому Онъ есть ходатай новаго завѣта, дабы, вслѣдствіе смерти Его, бывшей для искупленія отъ преступленій, сдѣланныхъ въ первомъ завѣтѣ, призванные къ вѣчному наслѣдію получили обѣтованіе“ (Евр. 9, 13—15).

Такъ, изъ сличенія однихъ священныхъ книгъ съ другими книгами Откровенія Божія видимъ, что Иисусъ Христось есть тотъ Ангелъ завѣта, пришествіе Котораго во храмъ, воздвигнутый послѣ Вавилонскаго плѣна, ждали строители этого храма (Малх. 3, 1), есть Тотъ, который, по откровенію пророку Іезекилю, вошелъ въ храмъ вратами, обращенными къ Востоку, и послѣ Котораго ни одинъ человекъ уже не будетъ входить ими (Іезе-

кнл. 43, 1, 2, 4—7; 44, 1—4), есть тотъ Установитель новаго за-
вѣта, замѣнившаго завѣтъ, установленный съ Израилемъ при
Моисеѣ, какъ предвозвѣщено было пророкомъ Іереміею (Іерем. 31,
31—34); есть Тотъ, Который, по указанію Писанія, былъ чашиемъ
всѣхъ народовъ (Быт. 49, 1; Исаи 42, 4; Матѳ. 12, 17—21). Такъ
слово Божіе указало намъ, что Богъ, повелѣвшій изъ тьмы воз-
сіяты свѣту, озарилъ наши сердца, просвѣтилъ наши умы позна-
ніемъ славы Божіей въ лицѣ Іисуса Христа (2 Коринѳ. 4, 6;
Іоан. 1, 18), предвозвѣщеннаго у пророковъ подъ именемъ Звѣзды,
Солнца правды, Свѣта утренняго, Востока (Числ. 24, 17; 2 Цар. 23,
3, 4; Іерем. 23, 5, 8; Зах. 6, 12; Малах. 4, 5, 6). Принявшая эти
пророчества и прообразованія о Спасителѣ ветхозавѣтная церковь,
устроя храмы для служенія Богу, по указанію Самого Бога, ста-
вила ихъ къ востоку, къ странѣ, откуда является намъ утренній
свѣтъ, откуда восходитъ солнце. Знаменованіе этому было то, что
ветхозавѣтная церковь *ожидала къ себѣ пришествія Мессіи*—во-
стока, солнца правды; что свѣтъ откровенія не вполне озарялъ
вѣрующихъ въ грядущаго Спасителя, что Богъ хотя и открывалъ
Себя великими знаменіями, но Онъ все еще обиталъ во
мракѣ для нея (3 Цар. 8, 12; 2 Парал. 6, 1) и для того святая
святыхъ, главная часть скивіи, гдѣ Богъ давалъ свои откровенія
(Иск. 25, 22), занимала западную часть ветхозавѣтнаго храма,
была безъ освѣщенія, была во мракѣ до того времени, когда
должна была освѣтити ее слава Господня, имѣвшая придти въ
него, по предсказанію пророка Іезекіиля, съ востока. Когда же
пришелъ въ міръ Обѣтованный Спаситель, Мессія Іисусъ Хри-
стосъ, какъ пророкъ, возвѣстившій намъ въ Евангеліи истинное,
полное, совершеннѣйшее Боговѣдѣніе (Іоан. 1, 18; Второзакон. 18,
15—19; Дѣян. 3, 22—23; 7, 37), какъ первосвященникъ не по чину
Ааронову, а по чину Мельхиседека (Евр. 6, 20; 7, 14—21, 28;
псал. 109, 4—5), вошедшій во святилище, водруженное Господомъ,
а не челоуѣками (Евр. 9, 11; 8, 2), съ кровію не тельчею и
козлію, а съ Своею собственной кровію, и приобрѣтшій намъ вѣч-
ное искупленіе (Евр. 9, 12), на что указала вѣрующимъ и завѣса
храма, отдѣлявшая святое святыхъ отъ святаго, и раздравшаяся
въ ту минуту, когда совершалась тайна новозавѣтнаго священ-
нодѣйствія на Голгоѣѣ; какъ царь, доказавшій истину своего про-
рочества и священства своимъ воскресеніемъ, а потому возсѣвшій
одесную престола величества на небесѣхъ (Евр. 8, 1; Марк. 16, 18;
Римл. 8, 34) въ той славѣ, которую Онъ имѣлъ прежде бытія
міра (Іоан. 17, 5), православная христіанская церковь, воздвигая
храмы для поклоненія ихъ Богу, ставитъ ихъ главною частію,

алтаремъ, къ востоку. Въ этомъ своемъ постоянномъ уставѣ она выражаетъ, что древнее все прошло, что теперь все новое (2 Коринѳ. 5, 17), какъ по основнымъ началамъ въ вѣрѣ и дѣятельности, такъ и самой обрядности, чтобы служить Богу въ новомъ духѣ, а не по ветхой буквѣ (Рим. 7, 6); тогда—въ ветхомъ завѣтѣ Богъ обиталъ во мракѣ святое святыхъ и давалъ Свои откровенія, являясь отъ запада; нынѣ, въ новомъ завѣтѣ, Богъ въ свѣтломъ ученіи Евангелія возвѣщаетъ Свои откровенія, свѣтлыя, какъ востокъ, и потому со стороны востока. Потому же христіане, погребая умершихъ, полагаютъ ихъ тѣла лицомъ къ сторонѣ, гдѣ восходитъ солнце. Этимъ означается, что и похороненный во время своей жизни вѣровалъ и погребаящіе вѣрують словамъ Иисуса Христа, сказаннымъ въ Его Евангеліи, что „праведники просвѣтятся яко солнце во царствіи Отца ихъ“ (Мѳ. 13, 43).

Читая Священное Писаніе, которое символически называетъ Бога востокомъ, свѣтомъ, солнцемъ, мы вѣруемъ и, вѣруя, уразумѣваемъ, что только Богъ, какъ востокъ на землѣ нашей, изводитъ благодатный свѣтъ, прогоняющій отъ душъ мракъ невѣдѣнія и просвѣщающій умы вѣрующихъ въ Него свѣтомъ истины; Богъ есть солнце правды, согрѣвающее сердца вѣрующихъ въ Него, для любви Его, Всевышняго, и для любви нашихъ ближнихъ, и удаляющій отъ душъ холодъ безпечности къ дѣланію добра во славу Бога и во спасеніе ближнихъ.

Самое устройство нашего Богослуженія таково, что въ немъ все видимое или подлежащее чувствамъ, все вещественное употребляемое при немъ, должно возбуждать мысль христіанина къ невидимому, умосозерцаемому, къ духовному. Поэтому соотвѣтственно словамъ Писанія, называющимъ Бога свѣтомъ, въ нашихъ богослужебныхъ молитвахъ изъ слова *свѣтъ* и другихъ словъ, имѣющихъ къ нему близкое отношеніе, каковы: *утро, заря, день, озарить, просвѣтитъ* и подобныхъ имъ по смыслу, составлены выраженія, въ которыхъ этими образными словами и выраженіями указывается то на просвѣщеніе ума нашего истинною Божію откровенія для истиннаго вѣдѣнія Бога, то на согрѣваніе нашего сердца благодатною силою Бога, для любви Его. Сказанное всякій ищущій правды можетъ провѣрить, прочитавъ самыя молитвы нашего богослуженія, напр., псаломъ 103, который читается на каждой вечерни, пѣснь „Свѣте тихій“; ирмосы 5-й пѣсни канонъ всѣхъ 8 гласовъ, славословіе Богу, которое поется или читается послѣ возгласа священника: „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!“ на каждомъ утреннемъ богослуженіи, молитву „Христе, свѣте истинный“ и мн. др.

Сказаннаго о христіанской молитвенной супротиви достаточно для того, чтобы понять, что въ основаніи христіанскаго устава при совершеніи молитвъ становится лицомъ къ востоку лежить высокая мысль о Богѣ. Сообразно слову Откровенія Божія, сообразно своимъ понятіямъ о Богѣ, христіане основательно обращаются къ востоку и поучительно для того, кто умѣетъ и хочетъ понять это.

Если бы мухаммедане сознательно не измышляли лжи, а желали бы знать дѣйствительное основаніе къ обращенію христіанъ во время богослуженія къ востоку и обращенію нашихъ св. храмовъ алтаремъ къ востоку, они могли бы узнать это изъ нашихъ христіанскихъ книгъ, въ которыхъ объясняется обрядность нашего богослуженія. Изъ нихъ они узнали бы, что уставъ этотъ есть древній уставъ христіанской церкви, и даже изъ учебниковъ, по которымъ обучаются наши дѣти, на вопросъ, какое значеніе имѣетъ обращеніе нашихъ храмовъ алтаремъ къ востоку, мухаммедане нашли бы слѣдующій обстоятельный отвѣтъ: „храмъ обращается на востокъ алтаремъ потому, что востокъ, какъ въ физическомъ, такъ и духовномъ отношеніи, есть источникъ свѣта и оживотворенія: ибо и вѣра съ востока, и рай былъ на востокѣ, и спасеніе наше содѣлано на востокѣ, и Господь самъ именуется свѣтомъ и востокомъ; посему мы и обращаемся на востокъ“.

Такимъ образомъ измышленія мусульманъ о христіанской молитвенной супротиви не имѣютъ ничего общаго съ христіанскимъ о семъ ученіемъ и свидѣтельствуютъ не только о полномъ невѣжествѣ мухаммеданъ въ христіанскомъ ученіи, но и о сознательной лживости мухаммеданскихъ ученыхъ, желающихъ сознательной ложью и злостной клеветой на христіанское ученіе поддержать и возвысить явно несостоятельное, полное лжи и явныхъ противорѣчій, ученіе своей религіи, оправдать которое другимъ способомъ, въ виду лживости и несостоятельности этого ученія, они не имѣютъ возможности. Нужно ли говорить, что, выдавая свои злостныя измышленія за правду, мухаммеданскіе ученые въ существѣ дѣла унижаютъ этимъ не насъ, христіанъ, а своихъ несчастныхъ, темныхъ учениковъ, которыхъ они сознательно обманываютъ, предлагая имъ завѣдомую ложь вмѣсто истины, чѣмъ кладутъ неизгладимое темное пятно и на свою религію, которая нуждается въ защитѣ сознательной ложью.

Священникъ *Алексій Урбанскій.*

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПОУЧЕНІЕ,

произнесенное въ Иркутскомъ соборѣ 6 декабря 1916 года, въ день свят. Николая, Мирликійскаго чудотворца.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Мы торжественно празднуемъ нынѣ день памяти свят. Николая. Да и одни ли мы? Не чувствуемъ ли угодника Божія вся Россія?

Сколько однихъ храмовъ, а еще болѣе того придѣловъ, посвящено у насъ св. Николаю! Какое множество православныхъ христіанъ носить его св. имя. Почти въ каждой христіанской семьѣ вы встрѣтите изображеніе сего угодника; каждый православный христіанинъ считаетъ долгомъ помолиться 6 декабря и 9 мая, въ дни его памяти, въ храмъ Божіемъ. Этого мало. Святителя Николая чтутъ люди неправославные, католики, даже нехристіане; у магометанъ онъ въ большомъ почетѣ и называется „великимъ русскимъ богомъ“, какъ сообщилъ намъ на-дняхъ одинъ татаринъ-извозчикъ. Святителя Николая, подъ видомъ бѣлаго, бороdataго старца, — саган-убучуна, — изображаютъ и чтутъ наравнѣ съ своими кумирами даже въ глубинѣ Монголіи — монголы и другіе инородцы.

Почему же такъ чтится всѣми угодникъ Божій? Чѣмъ снискалъ св. Николай такую всемірную извѣстность и любовь? Своимъ добрымъ и отзывчивымъ сердцемъ. *Милостынею Бога одолжи и того ради пріянь стократное воздаяніе* (стихиря на вечернѣ), — поетъ про него св. Церковь. Бога Самого сдѣлалъ своимъ должникомъ и получилъ въ 100 разъ больше, чѣмъ далъ, св. Николай! И какимъ образомъ? „Милостынею“, дѣлами милости, дѣлами любви. Ничего Богъ такъ не цѣнитъ, какъ этихъ дѣлъ. Онъ Самъ весь есть любовь, какъ говоритъ Его возлюбленный ученикъ св. Іоаннъ Богословъ: „*Богъ любви есть*“ (1 Іоан. IV, 8, 16) и понятнo, что и въ людяхъ Ему угодна болѣе всего любовь. Св. Николай былъ однимъ изъ самыхъ добрыхъ людей, какихъ только знавала миръ. Св. Николай не написалъ такихъ сочиненій, какія

намъ оставили другіе святители: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ. Онъ служилъ Господу Богу и ближнимъ своимъ именно доброю и отзывчивчивою на всякое горе людское душою, своимъ, горѣвшимъ пламенною любовію, сердцемъ. Гибнуть ли мореплаватели, невинные ли осуждаются на смерть, голодаетъ ли кто, въ безвыходномъ ли кто положеніи, въ неоплатныхъ долгахъ, безъ средствъ къ жизни, въ тяжкихъ болѣзняхъ,—всѣмъ помогъ святитель: однихъ спасъ, другихъ освободилъ, третьихъ накормилъ, успокоилъ, обогатилъ и т. д. Не могъ онъ узнать ни объ одномъ несчастномъ, чтобы сейчасъ же не поспѣшить къ нему на помощь, не могъ видѣть около себя бѣды, никакую бѣду не считалъ чужою, а всякую своею. Зато и получилъ отъ Бога великую славу, награду дѣйствительно сто-кратную.

Земная жизнь святителя Николая была необычайною. Онъ вѣчно пламенѣлъ любовію къ Богу и ближнему. Жизнь его была сплошнымъ подвигомъ вѣры, она недаромъ стяжала ему наименование „*правила вѣры*“.

Вскорѣ по переселеніи св. Николая изъ Патаръ въ г. Миръ, скончался архіепископъ всеі Ликіи Іоаннъ. При избраніи преемника ему собрались, по церковному правилу, епископы изъ всей области, но, не достигнувъ соглашенія между собою, положили предоставить это дѣло Божию промыслу и молились объ указаніи имъ достойнѣйшаго святителя. И Господь, неизмѣнно отзывающійся на вѣру призывающихъ Его, указалъ въ сновидѣніи старѣйшему изъ епископовъ, кого имъ избрать, какъ достойнѣйшаго. „Стань ночью у дверей церковныхъ и наблюдай, кто первый явится къ утреннему богослуженію, того движеть Духъ Мой... Того и поставьте архіепископомъ; имя же ему Николай“,—сказалъ старцу-епископу явившійся ему мужъ, сіяющій свѣтомъ.

Увидѣвъ входящаго въ церковь прежде всѣхъ, по своему обыкновенію, Николая, старецъ-епископъ спросилъ его объ его имени. Смущенный неожиданнымъ вопросомъ, смиренный Николай сначала умолчалъ, но когда старецъ настоятельно повторилъ вопросъ, какъ его зовутъ, угодникъ Божій тихо отвѣтилъ: „Николаемъ называюсь я, рабъ святыни твоей, владыко“. Такъ чудно и назидательно совершилось избраніе Николая во епископа.

Но вотъ началось гоненіе на христіанъ соправителя импер. Діоклитіана — Галерія. Гоненіе это, начавшись въ Никомидіи, гдѣ въ самый день Пасхи сожжено было въ храмъ до 20.000 христіанъ, пронеслось смертоносною бурей по многимъ областямъ, дошло и до Миръ Ликійскихъ, гдѣ, между тѣмъ, открыто и смѣло утвѣр-

ждалъ вѣру св. Николай, готовый самъ первый положить душу свою за Христа. Дѣйствительно, св. Николай подвергся преслѣдованію и, вмѣстѣ со многими другими христіанами, заключенъ за вѣру въ тюрьму. Здѣсь томился онъ довольно долго и во все время не переставалъ проповѣдывать Христа, утверждать слабыхъ въ вѣрѣ и, забывая собственные страданія, утѣшалъ другихъ узниковъ, подавая примѣръ терпѣнія.

Сохранилось преданіе, что въ 325 г. въ городѣ Никеѣ, когда происходилъ первый вселенскій соборъ противъ лжеученія еретика Арія, въ одно изъ соборныхъ засѣданій свят. Николай, ревностію о славѣ Божіей подобный пророку Илии, не стерпѣвъ богохульства Аріева, въ присутствіи всѣхъ нанесъ ударъ этому еретіку. Обвиненный въ излишней ревности, онъ за этотъ поступокъ былъ лишенъ соборомъ отличій своего святительскаго сана... Но по особенному видѣнію, котораго удостоились нѣкоторые епископы, именно, видя, что Самъ І. Христосъ подаетъ св. Николаю Евангеліе, а Матерь Божія возлагаетъ на него архіерейскую одежду—омофоръ, члены собора уразумѣли, что порывъ ревности святителя не былъ неугоденъ Богу, и поспѣшили снять съ него осужденіе.

Что сказалъ бы ревнитель вѣры Христовой св. Николай теперь, когда бокъ-о-бокъ съ нами, христіанами, коснѣетъ во тьмѣ и сѣни смертной, во тьмѣ буддизма и ламаизма, сопредѣльная съ нами Монголія, когда въ нашей Иркутской губерніи есть уѣзды, напр., Верхоленскій, куда, какъ страшный гнилостный грибокъ въ деревянное строеніе, начинаетъ проникать ламаизмъ? А край Тункинскій? Развѣ не заполоненъ онъ сѣтями паразитовъ ламъ, опутавшихъ бурятъ, какъ паутиной, своею опекою, не дающею имъ выхода ни къ просвѣщенію (въ иркутскихъ учебныхъ заведеніяхъ не учатся буряты изъ Тунки), ни къ культурѣ: у тункинскихъ бурятъ нѣтъ даже сельскохозяйственныхъ машинъ, ни даже къ матеріальному достатку: край Тункинскій замѣтно бѣднѣетъ отдавая въ ламы своихъ лучшихъ сыновъ, а на содержаніе ламъ—большую часть своего достатка, своихъ продуктовъ. И, странное дѣло: находятся защитники буддо-ламаизма изъ русскихъ, не видящіе, что доктрина эта возстаетъ противъ самой личности и жизни человѣка, проповѣдуя ихъ отрицаніе, потуханіе (нирвану) и уничтоженіе.

Находятся защитники буддійской морали, съ ея какъ бы нѣжною симпатіей ко всему живущему, даже животнымъ и насекомымъ. Однако и здѣсь вы не найдете положительнаго нравственнаго совершенства, здѣсь нѣтъ указаній на то, что нужно

дѣлать, а есть указанія только на то, чего не нужно дѣлать. Буддійская этика не есть этика дѣланія, труда бодрого и жизне-радостнаго, а этика недѣланія, квіетизма; это этика не нравственнаго прогресса, а косности и застоя. Любовь въ буддизмѣ—чувство съ характеромъ отрицательнымъ. Это скорѣе уклоненіе отъ вражды, чувство пассивное, недѣятельное, холодное, столь отличное отъ христіанской любви—силы дѣятельной, полной энергіи, проявленной такъ ярко св. Николаемъ.

Въ книгѣ описанія путешествія А. Позднѣва, подъ заглавіемъ „Монголія и монголы“, въ статьѣ „Отъ Калчана до Хухухото“, мы видимъ иллюстрацію буддійской морали: фотографіи умершихъ съ голода. Вотъ трупъ человѣка, еще молодого, лѣтъ 30. „Голодный и совершенно нагой бродилъ онъ, напрасно ища подаянія, пока не упалъ изнеможенный на этомъ мѣстѣ своей смерти. Страшная, но вмѣстѣ и поучительная картина для синологовъ, рекомендующихъ намъ поучиться китайскимъ принципамъ жизни“,—заключаетъ путешественникъ (стр. 36—37).

„Около Цагань-Булуна мы снова попали на труп умершаго съ голоду нищаго. Про этого человѣка намъ рассказывали, что еще недавно онъ жилъ въ Цагань-Булунѣ цѣлою семьею, состоявшею, помимо него, изъ его матери, его жены и двухъ сестеръ. Голодь и бѣдность заставили эту семью прежде всего продать своихъ дѣвушекъ: одну, 14 лѣтъ, за 5 лань серебра, другую, 9 лѣтъ,—за 2 ланы. Засимъ умерла съ голода старуха. Мѣсяца два назадъ отъ этого бѣдняка ушла жена съ какимъ-то отчаяннымъ чахарскимъ ламою, послѣ чего самъ онъ жилъ исключительно подаяніями, ходилъ совершенно голымъ, пока, съ недѣлю тому назадъ, не увидали его мертвымъ на этомъ мѣстѣ. Вѣроятно, никто не далъ ему пристанища на ночь и онъ умеръ отъ голоднаго истощенія и мороза“ (стр. 48—49).

Посѣтившій не далѣе, какъ 15 іюля настоящаго 1916 г. столицу автономной Монголіи, городъ Ургу, о. прот. І. Восторговъ въ своей проповѣди тамъ говорилъ: „Вамъ, живущимъ въ столицѣ ламайскаго кумирслуженія, видящимъ ежедневно жалкое положеніе насельниковъ Монголіи и въ духовномъ и въ гражданскомъ отношеніяхъ, уроки исторіи ясны сами собою. Вотъ она, тьма безъ Христа! Вотъ она, гибель духовная безъ Евангелія! Вотъ онъ разбродъ духовный, дикость, безсиліе духа безъ руководства Христовой Церкви!“ „Для иллюстраціи,—пишетъ онъ же,—сообщаемъ одинъ фактъ. При нашемъ выѣздѣ изъ Урги мы наблюдали поразительное явленіе: старый монголь, совершенно обнаженный, больной смертельно, былъ выброшенъ далеко за го-

родомъ въ кучу мусора; онъ лежалъ, по временамъ слабо двигая руками, показывая тѣмъ, что онъ живъ; надъ нимъ уже сидѣла собака, терпѣливо ожидая смерти старика, чтобы потомъ начать ѣсть его тѣло... Трудно представить себѣ большую животную дикость“ („Правосл. Благовѣстникъ“ 1916 г., № 8—9, стр. 55).

Печать могилы; вѣяніе смерти, рабство, уныніе, бездѣятельность, умираніе прежде смерти несетъ съ собою слово буддо-ламаизма,—этой религіи безрелигіозной, этой вѣры безъ Бога, этой нравственности безъ слова о воскресеніи, безъ силы, безъ жизни. Какъ слово смерти и потуханія, буддизмъ является носителемъ смерти исповѣдывающей его Монголіи и гасителемъ просвѣщенія для нашихъ бурятъ, частію которыхъ ему удалось завладѣть.

Да не обманетъ же здравый смыслъ и чутье большинство балаганскихъ и верхоленскихъ бурятъ, которые съ тревогой видятъ усилія нѣкоторыхъ своихъ богатѣевъ и выходцевъ изъ Монголіи, радѣющихъ о насажденіи у нихъ этой мертвящей религіи! Свят. Николай, котораго буряты такъ чтутъ и любятъ, пусть и для нихъ, какъ для насъ, русскихъ, будетъ лучшимъ „правиломъ вѣры“. Свят. Николай, родомъ грекъ, а не русскій, является собою лучшее подтвержденіе той истины, что прав. вѣра Христова дана всѣмъ народамъ, что она всеобща, неограниченна ни временемъ, ни народомъ, ни пространствомъ.

Пусть и наши русскіе, особенно власть имущіе, умѣрятъ свои пощечія о снабженіи бурятъ ламами и кумирнями, прочитавъ описанія о вліяніи ламства въ Монголіи позднѣйшихъ путешественниковъ, хотя бы, напр., англичанина Каррутерса, подъ заглавіемъ: „Невѣдомая Монголія“, 1914 г.

Въ этотъ день св. Николая мы обращаемся ко всѣмъ вамъ, христіане православные, съ просьбою: помогите бурятамъ нашимъ, стоящимъ нынѣ на распутіи въ дѣлѣ ихъ искренняго богоискательства, помогите имъ выйти изъ ихъ религіознаго тупика, выйти на дорогу христіанства, подъ руководство такихъ путевоителей, какимъ является всѣмъ прославляемый св. Николай!

Пламенная ревность о вѣрѣ св. Николая да будетъ и намъ руководственнымъ урокомъ, да пробудитъ нашу религіозную теплохладность, сонливость, да напомнимъ религіознымъ индифферентистамъ и противникамъ, что безпредѣльная любовь и милость святителя можетъ проявляться и въ грозныхъ его наказаніяхъ нечестивцамъ и злымъ...

Протоіерей *Вас. Флоренсовъ.*

II.

О положеніи и преподаваніи Закона Божія въ школахъ въ связи съ бытомъ духовенства.

Настоящее время знаменуетъ собою два явленія въ жизни Россіи: одно—борьба съ страшнымъ врагомъ—нѣмцемъ, на одолѣніе котораго государство напрягаетъ всѣ свои силы, а другое—усилія къ устраненію того несовершенства въ строѣ государственной жизни, какое съ войной особенно ярко обозначилось и сознается всѣмъ народомъ отъ верха до низа. Съ войной пробуждается народное сознаніе, что эти два явленія тѣсно связаны между собою: военная мощь зависитъ отъ степени умственного и моральнаго состоянія государства, что внутренній строй государства, духъ народа—самая суть жизни: если граждане не проникнуты уваженіемъ къ законамъ, сознаніемъ необходимости исполнять ихъ каждому добровольно, а не по принужденію, то это ведетъ къ расшатанности, а расшатанность къ слабости, почему нѣмцы и старались производить у насъ смуты; вся суть не столько въ самихъ законахъ, сколько въ проведеніи ихъ въ жизнь, а для этого необходимъ образовательный и главное нравственный подъемъ общества. Вотъ въ Англіи свято чтутъ и неуклонно исполняютъ законъ при личной свободѣ каждого, въ ней высоко чтутся всѣми законы и потому она сильна. Провести эту задачу и составляетъ долгъ собственно Духовнаго вѣдомства и министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ Историческомъ Вѣстникѣ (мартъ 1915 г. стр. 954) въ статьѣ „Въ странѣ нашихъ союзниковъ“ (японцевъ) сказано: „Въ правильной постановкѣ воспитанія дѣтей и всеобщаго образованія въ японскихъ школахъ главнымъ образомъ и заключается та сила, съ помощью которой эти пигмеи сумѣли побѣдить такого колосса, какъ Россія“. И это—аксіома, которую излишне доказывать.

Съ нынѣшней войной у насъ открылись глаза, что, съ одной стороны, у нѣмцевъ техника развита весьма сильно, у насъ же слабѣе, а потому и намъ нужны образованіе и техника не ниже

нѣмецкихъ, нужно дойти до нихъ и даже превзойти, у нихъ весьма сильно развиты дисциплина, порядокъ, трудолюбіе и тщательная работа, патріотическое чувство, которое соединяетъ во едино всѣхъ нѣмцевъ на пользу отечества—даже ихъ социалисты добровольно стали въ ряды войскъ, единогласно въ рейхстахѣ ассигновываются суммы на веденіе войны; съ другой стороны, нѣмцы безсердечны, безчеловѣчны даже, горды, лживы, проявляютъ гнусные безнравственные поступки, не имѣютъ основы христіанства и культуры—любви и гуманности, хотя кричатъ: „съ нами Богъ! мы культурнѣе всѣхъ народовъ и желаемъ покорить міръ во имя культуры“! И это возмущаетъ весь міръ. Съ войной мы оглянулись и на себя и увидѣли, что и въ нашей жизни образовались два противоположныхъ теченія: съ одной стороны, съ войной сильно проявилось патріотическое національное чувство, стремленіе къ единенію всего народа, во всѣхъ слояхъ общества сознается необходимость новой разумной, правовой, дѣятельной жизни, въ массѣ народной сознается потребность въ удовлетвореніи религіознаго чувства, или, иначе, пробудилось основное народное чувство, народный духъ, а русская душа по природѣ своей—христіанка; съ другой стороны, у многихъ рѣзко обнаружались грубый эгоизмъ, отсутствіе христіанской любви и чувства патріотизма: эксплуатація, спекуляція, взяточничество, недобросовѣстное торгашество, а это—позоръ и измѣна отечеству! Вѣдь барыши эти отъ народнаго бѣдствія, отъ крови, слезъ, горя и отчаянія бѣдняковъ, бѣжавшихъ съ родины, отъ нѣмецкаго нашествія и нѣмецкихъ жестокостей. Что бы теперь сказали Мининъ и Пожарскій?!

На этотъ второй путь сталъ не весь народъ, а собственно наша, называющая себя „прогрессивною“, интеллигенція, воспитавшаяся на нѣмецкомъ раціонализмѣ, философіи, на материалистической наукѣ Запада, подпавшая подъ гипнотическое внушеніе враговъ православія и русскаго патріотизма, и подъ этимъ внушеніемъ добывающаяся такихъ свободъ, которыя дали бы возможность проявлять своеволие и распущенность, лѣнность, безпечность, отношеніе къ дѣлу кое-какъ при высокой цѣнѣ за недобросовѣстный трудъ, большую возможность обдѣлывать темныя дѣла, но мало сознающая, что только разумныя свободы возвышаютъ личность по ея достоинству, ограждаютъ отъ произвола, насилія, уравниваютъ всѣхъ безъ исключенія предъ закономъ, а вмѣстѣ требуютъ порядка и подчиненія закону, основывающихся на сознаніи его святости и необходимости, на уваженіи и неприкосновенности правъ каждаго и собственности общественной и частной.

на сознаниі долга. Ложно понимаемая свобода есть великое зло. Къ несчастію, такая наша интеллигенція понемногу увлекаетъ на свой путь и народъ. Съ войной же у народа пробуждается самосознаніе, народъ сталъ нѣсколько разбираться, что увлеченіе западническимъ матеріализмомъ, безвѣріемъ приводитъ къ разрухѣ, что не образованіе только ума, не техника дѣлаетъ человѣка человѣкомъ въ собственномъ смыслѣ, а образованіе ума въ соединеніи съ нравственнымъ развитіемъ, что истинное просвѣщеніе достигается внутренней культурой, а потому намъ надлежитъ быть послѣдователями Христа, заповѣдь Котораго—любовь, кротость, смиреніе, нравственность, правда. Но такое самосознаніе въ народѣ еще туманно, неопредѣленно, а потому у насъ шатаніе изъ стороны въ сторону.

Слѣдуетъ воспользоваться благоприятнымъ моментомъ, когда военная буря всколыхнула житейское море до дна, не упускать его, чтобы направить народъ не внѣшними только порядками и установленіями, а исправить его духъ, воспитать юное поколѣніе въ желательномъ направленіи. Основа жизни—религія, она—самый корень жизни. „Какъ вѣруешь“—это составляетъ программу жизни каждаго человѣка, каждый располагаетъ свою жизнь по своимъ убѣжденіямъ въ соотвѣтствіи съ своею вѣрою. Между тѣмъ этотъ корень не имѣетъ у насъ надлежащей крѣпости, о немъ недостаточно заботятся, не удобряется, не поливается, хотя о немъ много говорятъ, и онъ постепенно сохнетъ. Что ни дѣлайте съ вѣтвями, какъ ни ухаживайте за стволомъ дерева, а если корень не имѣетъ силы, то плоды хорошихъ ожидать нельзя. Такъ и государственная жизнь: корень ея въ духѣ народа; если духъ здоровъ, то и государственный строй на высотѣ. Поэтому не религія, какъ основа русскаго духа, должна идти за государствомъ, а обратно, государство должно базироваться на религіи ¹⁾.

¹⁾ Философъ Вл. Соловьевъ сказалъ: „Внѣшняя государственная жизнь основывается на внутренней духовной сторонѣ человѣка. Тотъ, кто говоритъ объ отдѣленіи Церкви отъ государства, совершенно не понимаетъ смысла и значенія религіи, тотъ отрицаетъ самого Бога: если я убѣжденъ, что Богъ есть, что Онъ промыслитель, помню, что Онъ правосуденъ, всевидящій и всезнающій, то какъ я могу располагать свою жизнь вопреки Его волѣ“?—Между тѣмъ съ Петра Великаго получилось какъ разъ наоборотъ: Церковь пошла за государствомъ, она въ полномъ подчиненіи у свѣтской власти, она получила государственную организацію, какъ разъясняютъ Вл. Соловьевъ (его соч. „Россія и вселенская Церковь“) и Аксаковъ (т. IV полное собр. соч.): назначеніе епископовъ опредѣляется свѣтскою властью, степени священства приурочены къ военнымъ чинамъ, награды орденами такія же, какъ у свѣтскихъ и у военныхъ:

Отсюда ясно, что задача Министерства Народ. Просвѣщ. и особенно духовнаго вѣдомства состоитъ въ постановкѣ такого образованія и воспитанія, которыя выработали бы ту силу, благодаря которой Японія въ короткое время стала въ разрядъ первоклассныхъ государствъ, ту силу, которая высоко ставитъ англичанъ въ ихъ внутренней жизни, ту силу, которая и насъ поставила бы такъ же высоко въ религіозно-моральномъ отношеніи, какъ необходимо условіи для счастливой жизни гражданъ и для вѣшняго могущества государства.

архіереямъ пишутъ: „кавалеру разныхъ орденовъ“; Церковь до послѣдняго времени (до дарованія свободы вѣроисповѣданія) охранялась свѣтскою властью, свѣтскимъ судомъ и полиціею. Что же случилось? Аксаковъ такъ охарактеризовалъ (т. IV): „Если Церковь становится государственнымъ учрежденіемъ, т.-е. государствомъ, царствомъ отъ міра сего, она перестаетъ быть Церковью и сама обрекаетъ себя на судьбу мірскихъ царствъ“ (стр. 111). „Повидимому, Церкви дано лишь правильное благоустройство, введенъ, наконецъ, необходимый порядокъ. Повидимому такъ; но случилась только одна бездѣлица: убыла душа, подмѣненъ идеаль, т.-е. на мѣстѣ идеала Церкви очутился идеаль государственный, и правда внутренняя замѣнена правдою формальною, вѣшнею, подсунуто другое мѣрило, замѣненъ прежняго—духовнаго и нравственнаго; все пошло извѣщиваться и измѣряться на вѣсь и аршинъ правительственный, клейменный... стѣснило разумѣніе до такой степени, что живой смыслъ настоящаго признанія Церкви становится уже ей теперь малодоступенъ“ (стр. 125—126). „Что же касается насилія въ дѣлахъ вѣры, то оно возведено въ принципъ и во всѣхъ подробностяхъ развито въ нашемъ уголовномъ Уложеніи... Отучать острогомъ отъ алканія духовной пищи, не предлагая замѣны ничего, отвѣчать острогомъ на искреннюю потребность вѣры, на запросы непремлющей религіозной мысли, острогомъ доказывать правоту православія,—это значитъ посягать на самое существенное основаніе святой вѣры—основаніе искренности и свободы, подкапываться подъ самое вѣроученіе православной церкви и давать въ руки своему противнику, протестантизму, побѣдоносное оружіе. При такихъ средствахъ защиты, при такихъ способахъ утвержденія въ истинѣ православія, само собою оскудѣваетъ и упраздняется, становится излишнею ревность пастырей, меркнетъ и гаснетъ въ духовныхъ дѣятеляхъ священный огонь, и никакія строгія предписанія епархіальнаго начальства подъ угрозами штрафа о заведеніи школъ не создадутъ дѣйствительно народной школы“ (стр. 72). „Если судить по словамъ ея защитниковъ, наша Церковь „уже не малое, но вѣрное стадо“, а стадо великое, но невѣрное, котораго „пастыремъ добрымъ“ полиція, насильно, дубьемъ загоняющая овецъ въ стадо!“ (стр. 91—92).—Эти слова Аксакова, характеризующа тогдашнее положеніе русской Церкви, вмѣстѣ уясняютъ положеніе ея и въ наше время: почему народъ сталъ маловѣренъ и даже безвѣренъ, почему духовенство въ большинствѣ не на высотѣ своего призванія? Да потому, что пастыри „не привыкли“ стоять на стражѣ православія—они были покойны за него въ теченіе долгаго времени: за нихъ дѣйствовала полиція, которая принуждала всѣхъ быть формально православными, и этого было для нихъ довольно; если же кто изъ пасомыхъ начиналъ колебаться или переходить въ иновѣріе, то пзъ страха наказанія скрывалъ свои убѣжденія, и

Въ Министерствѣ Народ. Просвѣщенія и идетъ подготовительная къ реформамъ работа, но пока, какъ видно усилія направляются на выработку новаго болѣе внѣшняго строя; между тѣмъ теперь-то особенно благовременно серьезно заняться вопросомъ о поднятіи религіозно-нравственнаго уровня нашего юности. Почему бы поэтому Министерству Народ. Просвѣщ. не войти въ соглашеніе съ духовенствомъ, сообщая съ нимъ не

гастырѣ былъ въ невѣдѣніи, когда же узнавалъ, то прибѣгалъ къ вѣрному средству—подъ защиту становаго, исправника, и непокорный или наружно возвращался въ лоно православія или отправлялся въ отдаленныя мѣста. Теперь же съ объявленіемъ свободы вѣроисповѣданія одному духовенству пришлось охранять православіе, и пастыри какъ-будто начинаютъ просыпаться, но только начинаютъ (заговорили миссіонеры, духовная печать): лишь немногіе идейные пастыри энергично воздѣлываютъ православную ниву. О результатахъ такого отношенія духовенства къ паствѣ предугадалъ Вл. Соловьевъ. „Самые искренніе защитники Церкви (напр. Погодинъ)—пишетъ онъ въ книгѣ „Россія и вселенская Церковь“—сознаютъ, что какъ только религіозная свобода будетъ признана въ Россіи, половина крестьянъ отойдетъ въ расколъ, а половина людей общества (женщины въ особенности) перейдутъ въ католичество“. Такъ и случилось: тотчасъ по объявленіи религіозной свободы масса народа перешла въ иныя исповѣданія, секты; послѣднія получили небывалое распространеніе. „Что свидѣлствуется этимъ признаніемъ?“—спрашиваетъ Аксаковъ: „То, что цѣлая половина членовъ православной Церкви только по наружности принадлежитъ къ ней и удерживается въ ней только страхомъ государственнаго наказанія... Какой преабытокъ кощунства въ оградѣ святни, лицемѣрія вмѣсто правды, страха вмѣсто любви, растлѣнія при внѣшнемъ порядкѣ, безсовѣстости при насильственномъ огражденіи совѣсти. Однако жъ не въ томъ главная опасность, что закралось зло въ среду вѣрующихъ, а въ томъ, что оно получило въ ней право гражданства, что такое положеніе Церкви истекаетъ изъ положенія, созданнаго ей государственнымъ закономъ“ (стр. 91). „Вообще у насъ въ Россіи въ дѣлѣ Церкви, какъ и во всемъ, ревнивѣе всего охраняется благовидность, decorum, и этимъ большею частью и удовлетворяется наша любовь къ Церкви, наша лѣнивая любовь, наша лѣнивая вѣра! Мы охотно жмуримъ глаза и въ своей дѣтской боязни „скандала“ стараемся завѣсить для своихъ собственныхъ взоровъ и для взора міра многое, многое зло, которое подъ покровомъ внѣшняго „благолѣпія“, „благоприличія“, „благообразія“, какъ ракъ, какъ ржавчина, точитъ и подѣдаетъ самый основной нервъ нашего духовно-общественнаго организма“ (стр. 42). „Нигдѣ такъ не боятся правды, какъ въ области нашего церковнаго управленія; нигдѣ младшіе такъ не трусятъ старшихъ, какъ въ духовной іерархіи; нигдѣ такъ не въ ходу „ложь во спасеніе“, какъ тамъ, гдѣ должна бы быть въ омертвѣніи. Нигдѣ подѣ предлогомъ сдѣлокъ и компромиссовъ, унижающихъ достоинство Церкви, ослабляющихъ уваженіе къ ея авторитету. Все это происходитъ главнымъ образомъ отъ недостатка вѣры въ силу истинны“ (стр. 35). Какъ Аксаковъ мѣтко охарактеризовалъ русскую Церковь! Ясно изъ его словъ, что современное состояніе и пастырей и пасомыхъ создано исторически, какъ наслѣдіе прежняго полицейскаго режима и какъ результатъ господства свѣтской власти надъ Церковью.

обсудить, какъ поставить школу, чтобы она выпускала людей не съ однимъ только образованіемъ, но, главное, съ правильно развитымъ нравственнымъ понятіемъ и чувствомъ, которыя образуетъ лишь одна религія. Если Русь—православная, то и школа должна быть православною. Это высказывали многіе мыслители ¹⁾.

Казалось бы, объ этомъ излишне говорить: этотъ взглядъ общій и правительства и общества; но у насъ странная дѣйствительность: по формѣ одно, въ дѣйствительности другое. Много хорошихъ было циркуляровъ до сего времени въ этомъ направленіи, но мало проводились они въ жизнь и даже проводились въ обратномъ духѣ. Въ циркулярахъ и министерства и попечителей округовъ часто требовалось вести низшую и среднюю школы въ религіозно-нравственномъ духѣ. Нельзя не отмѣтить недавно изданнаго прекраснаго циркуляра попечителя Оренбургскаго учебнаго округа о мѣрахъ поднятія религіозно-нравственнаго просвѣщенія и воспитанія учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но какъ онъ будетъ проводиться въ жизнь школы—вотъ въ чемъ суть. По нашему личному наблюденію и по опросамъ многихъ педагоговъ, едва ли пятая часть начальствующихъ и учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ педагоги по призванію, дѣйствительно проникнуты сознаніемъ важности религіозно-нравственнаго воспитанія, больше преобладаетъ формализмъ, карьеризмъ, безучастное отношеніе къ учащимся и у большинства равнодушіе къ религіи и даже безвѣріе ²⁾.

Вотъ факты. Законоучитель одной гимназій съ тяжелымъ вздохомъ мнѣ повѣдалъ, что учитель сказалъ ему: „Вы, о. Сергіи, учите о сотвореніи міра по Моисею, а я доказываю ученикамъ, что это—миѣ и много въ священномъ писаніи фантастическаго“. Другой фактъ. Сельскій учитель, окончившій курсъ духовной семинаріи, уличенный мною въ невѣріи, на мой вопросъ: „Какъ же могли образоваться у васъ, духовнаго воспитанника, такіе взгляды на религію?“—отвѣтилъ: „У насъ въ семинаріи два учителя преподавали намъ такіе взгляды“. Еще фактъ приведенъ въ журналѣ „Законоучитель“ 1915 г. № 56, 15 нояб., стр. 982. Эти факты достаточно говорятъ за себя. Они указываютъ на необходимость выясненія учащимся истиннаго понятія о наукѣ и прогрессѣ какъ законоучителемъ, такъ даже включеніемъ въ самыя программы, учебники, что наука—это результаты изслѣдованій

¹⁾ См. мою лекцію „Нынѣшняя война—Мисс. Сборн. № 3—4 за 1915 г., стр. 308 и 309.

²⁾ См. мою статью въ Мисс. Сборникѣ 1915 г. № 7—8 и 12.

природы человѣческимъ разумомъ, разумъ же ограниченъ: онъ познаетъ лишь явленія, законы природы, но самой сущности не знаетъ и не можетъ знать, что внутренній духовный міръ, конечныя причины для нея непостижимы и разъясняются одною только христіанскою религіею, что счастье для человѣчества возможно лишь въ соединеніи науки съ религіею, что образование привело людей даже къ порчѣ нравовъ, къ жестокосердію ²⁾. Въдѣ не безъ причины же раздаются сѣтованія родителей и укоризны литературы по адресу педагоговъ, и, должно сознаться, нерѣдко заслуженныя укоризны и сѣтованія. Вотъ гдѣ кроется

²⁾ Невозможность для науки постигнуть сущность вещей утверждаютъ многіе ученые: Кантъ, Гюйо, Дюбуа Реймонъ, Деккертъ, Локкъ и др. и выдающіеся писатели: Л. Толстой, Достоевскій. Эта же мысль проводится и у Леона Андреса въ «Анатемѣ». Порча нравовъ съ развитіемъ культуры доказывалась также многими учеными и писателями. Энгельгартъ на основаніи этнографическихъ, біологическихъ, историческихъ и другихъ данныхъ современной науки доказываетъ въ своей книгѣ «Прогрессъ какъ эволюція жестокости», что теорія смягченія нравовъ отъ культуры ложная, что исторія цивилизаціи съ древнѣйшихъ временъ до XVIII столѣтія есть исторія постепеннаго ожесточенія нравовъ, развитія свирѣпости и мучительства, пониженія нравственности, ухудшенія человѣческихъ отношеній и расцвѣта взаимной гнѣзны и злобы, даже родительская любовь и заботливость вылились въ систему пытокъ и казней; человѣческія жертвы, людоедство, рабство, по отношенію къ рабамъ цинизмъ, лицемеріе, прикрываніе гнусностей священными принципами уваженія къ собственности, религіи и пр., развитіе мучительства съ развитіемъ цивилизаціи, опустошеніе цѣлыхъ странъ бѣлыми, истребившими въ послѣднія четыре столѣтія ^{2/10} населенія бѣлыхъ Америкъ, Австраліи и Океаніи (племя гасманійцевъ было истреблено окончательно до одного человѣка съ 1803 по 1878 г.), растлѣвающее вліяніе человѣчества (обращеніе ими американскихъ племенъ въ разбойниковъ, прavitіе имъ алчности, корыстолюбія, безсовѣстности, пьянства и пр. и пр.)—все это приводить къ выводу, что «исторія» цивилизаціи есть исторія постепеннаго озвѣрченія людей, что «цивилизованный человѣкъ—прирожденный преступникъ», что, прогрессируя умственно, человѣчество регрессировало нравственно. Вообще, по выводу Энгельгарта, исторія цивилизаціи есть исторія постепенной утраты человѣкомъ высшихъ атрибутовъ человѣчества—нравственности; дѣйствительный прогрессъ замѣчается только съ XVIII вѣка. Таковой же взглядъ на культуру и Летурно («Evolution de la morale»), Руссо, Л. Толстого, Бальберта, проф. Свѣтлова, отчасти Спенсера и др. А въ настоящее время нѣмцы развѣ не доказываютъ, что при высокой ихъ культурѣ нравы ихъ жестоки, свирѣпы, жестокосердны? Такой результатъ, получившійся отъ культуры, приводитъ къ несомнѣнному выводу о необходимости для счастья человѣчества нравственнаго его усовершенствованія, какое достигается только въ христіанствѣ, но при условіи правильнаго пониманія его духа: наука доставляетъ внѣшнее удобство, христіанская религія—внутренній покой, миръ и счастье. Уяснить это учащимся весьма важно. О наукѣ, прогрессѣ въ ихъ значеніи для блага человѣчества см. мои лекціи «Л. Н. Толстой какъ моралистъ» и «Нынѣшняя война».

зло! Какъ педагогъ-атеистъ (а таковыхъ немало) будетъ проводить религіозныя идеи! какъ будетъ вліять на доброе чувство, когда самъ эгоистъ, карьеристъ! Научить ли серьезно тотъ, кто самъ не заинтересованъ своимъ дѣломъ! Такъ одними педагогами насаждается то, что другими уничтожается.

Если весь педагогическій персоналъ не будетъ работать дружно въ единомысліи, не будетъ сознавать святости и высоты своей миссии и величайшей отвѣтственности предъ Богомъ и отечествомъ, а будетъ представлять изъ себя по баснѣ лебедя, шуку и рака, то никакіе циркуляры не помогутъ: будетъ лишь формальное исполненіе по внѣшности, воспитательнаго же вліянія ихъ не будетъ, внутренній міръ воспитываемаго останется внѣ ихъ вліянія, будетъ развиваться помимо школы, и, пожалуй, вопреки ея задачамъ.

Но такое раздѣленіе педагоговъ на два лагеря существуетъ только по отношенію къ Закону Божію и къ вопросу о религіозно нравственномъ воспитаніи: ни одинъ учебный предметъ, кромѣ Закона Божія не представляетъ такого явленія, такой двойственности. Законъ Божій стоитъ въ среднихъ школахъ по правиламъ и циркулярамъ на первомъ мѣстѣ, онъ—главный предметъ, въ дѣйствительности же самый послѣдній: на педагогическихъ совѣтахъ вопросъ о постановкѣ Закона Божія обыкновенно никогда не затрогивается, законоучителя въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ никто неprovѣряетъ, и всѣ мы знаемъ, съ какими слабыми познаніями по Закону Божію выходятъ изъ гимназій: ученикъ 8 класса одной гимназій не могъ прочитатъ 10-й заповѣди—это фактъ, сами студенты университета сознаются, что они Закона Божія не знаютъ, а о томъ, вліяетъ ли религія на поведеніе учащихся, обыкновенно и рѣчи не заводятъ. Поведеніе ихъ оцѣнивается часто съ внѣшней стороны: исполняетъ ли ученикъ правила, требованія начальства, если исполняетъ, ему 5 за поведеніе (упомянутый выше не вѣрующій учитель аттестованъ духовною семинаріею по поведенію балломъ 5); но каково его убѣжденіе, каковъ нравственный складъ, до этого никому дѣла нѣтъ. Провинится ученикъ, онъ поступаетъ въ руки класснаго наставника, инспектора, директора или ректора, тѣ разносятъ, наказываютъ, выбрасываютъ изъ учебнаго заведенія, но не поступаютъ въ руки законоучителя, который повліялъ бы на убѣжденія, чувство ученика и морально исправилъ бы его. Выходить учебное заведеніе не столько воспитательное, сколько карательное. Садовникъ не сразу выбрасываетъ заболѣвшее дерево, а вырываетъ больное мѣсто, замазываетъ, завязываетъ, испра-

вляеть кривизну и выбрасываетъ лишь тогда, когда убѣдится, что дерево окончательно испорчено и непоправимо. Эту мѣру предлагаетъ Спаситель въ притчѣ. Такъ и здѣсь: прежде чѣмъ выбросить провинившагося, надо поработать надъ нимъ, постараться направить его на вѣрный путь, подѣйствовать на его душу, а это—долгъ особенно законоучителя. Провинность бываетъ по молодости, по увлеченію, по неразумію. ¹⁾ Вспомнимъ себя: мы—пожилые люди, старики: съ кѣмъ изъ насъ не случались увлеченія, ошибки въ молодости! Почему же многие изъ педагоговъ не вспоминаютъ своей молодости и не прикладываютъ своей испытанной мѣрки къ юному потомству? Вотъ здѣсь-то особенно цѣнно вліяніе и престижъ Закона Божія съ его основнымъ ученіемъ—любовью и добросердечіемъ.

Игнорируется законоучитель-священникъ и въ большинствѣ земскихъ школъ. Здѣсь завѣдываніе поручается учителю или учительницѣ, законоучитель же отстраненъ: обыкновенно земскія управы и учебное начальство сносятся только съ завѣдующимъ или завѣдующею школою, а эти, бываетъ, отстраняютъ его отъ школы. „Даль свой урокъ, и уходи“, говорятъ ему, о чемъ мнѣ, какъ инспектору, нѣсколько законоучителей заявляли. Явленіе весьма ненормальное, весьма грустное! Школа для священника должна быть еще дороже, чѣмъ учителю: учитель можетъ быть временнымъ въ школѣ, а священникъ прикрѣпленъ къ своему приходу нерѣдко навсегда и потому лучше знаетъ быть населенія, забота же „пещись“ о паствѣ, о духовно-нравственномъ ея развитіи составляетъ его прямую обязанность, если онъ истинный пастырь. Дѣятельное участіе законоучителя-священника въ дѣлѣ воспитанія имѣетъ громадное значеніе: онъ побесѣдуетъ съ родителями при всякомъ удобномъ случаѣ, скажетъ слово съ церковной кафедрой, подѣйствуетъ на ученика и въ школѣ и на исповѣди и т. п. Такое значеніе священника вызвало, по моему докладу, когда я былъ инспекторомъ, слѣдующее циркулярное распоряженіе училищнаго совѣта по всѣмъ школамъ уѣзда: „Общее завѣдываніе школою принадлежитъ первому учителю или первой учительницѣ: но всѣ преподаватели имѣютъ одинаковыя права, и всѣ вопросы, касающіеся какъ учебно-воспитательнаго дѣла, такъ и хозяйственной стороны школы, должны рѣшаться по общему между ними согласію при непремѣнномъ участіи законоучителя школы, который по самому своему высокому званію входитъ во всѣ нужды школы: въ случаѣ же разногласія учащихся,

¹⁾ Фактическое доказательство см. ниже.

они должны представить свои мнѣнія инспектору народныхъ училищъ на его рѣшенія. При такомъ только условіи школа можетъ правильно работать.

Объектомъ воспитанія, какъ выяснено педагогикою, долженъ быть весь человѣкъ: психическая его сторона и физическая. Психическая сторона подраздѣляется на умъ, чувство (сердце) и волю. Воспитаніе и должно имѣть своимъ предметомъ эти три духовныя стороны человѣка и укрѣпленіе и развитіе его физической природы. Нарушеніе равновѣсія этихъ сторонъ дѣлаетъ человѣка одностороннимъ, ненормальнымъ. Воспитательная задача школы—войти въ тѣсное общеніе съ духовною стороною воспитываемаго, оберегать его отъ тлетворнаго вліянія среды, развращающей литературы, а для этого сѣять одни добрыя сѣмена безъ плевель и какъ можно чаще выпалывать гряды отъ сорныхъ травъ, чтобы онѣ не заглушали полезныя растенія. По идеѣ это, безспорно, такъ. Но какъ проводить ее въ жизнь, какія средства употреблять—рѣшеніе этого вопроса есть главная задача всѣхъ педагоговъ и духовныхъ пастырей. Учительство и воспитывающее вліяніе на народъ есть главное назначеніе, миссія духовенства. Христосъ сказалъ апостоламъ: „научите вся языки, крестяще ихъ“...; слѣд. апостолы должны были сначала научить, просвѣтить, и уже потомъ крестить, т. е. допустить обращеннаго къ богослуженію, таинствамъ. Церковь такъ и дѣлаетъ: сначала оглашаетъ иновѣрнаго, а потомъ уже по достаточной подготовкѣ принимаетъ въ лоно православія. Младенцы, не понимающіе ученія Христа, хотя и принимаются чрезъ крещеніе въ среду христіанъ, но съ непремѣннымъ условіемъ научить ихъ, почему и учреждены воспріемники. Учить же обстоятельно при настоящемъ состояніи общества возможно лишь въ школѣ. Хотя духовенство просвѣщаетъ свою паству посредствомъ проповѣдей,—и если проповѣдникъ самъ съ убѣжденіемъ, горячо относится къ своей миссии, выбираетъ жизненныя темы, а не шаблонныя, то онъ овладѣваетъ слушателями, увлекаетъ и дѣйствительно воспитываетъ (къ несчастію, такихъ проповѣдниковъ мало), но проповѣди цѣли своей вполнѣ не достигаютъ во-1-хъ потому, что слушаетъ ихъ небольшая часть паствы, многіе, особенно интеллигенты, даже не посѣщаютъ богослуженій, слѣд. такіе совсѣмъ лишены духовнаго просвѣщенія, а имъ-то именно оно и нужно, какъ слабовѣрующимъ и исповѣдующимъ; во-2-хъ, многіе не уловливаютъ смысла въ цѣломъ, въ-3-хъ, многіе не дослышатъ, и, въ-4-хъ, проповѣди не обнимаютъ всего вѣроученія и не всегда отвѣчаютъ на запросы времени и на личные интересы, быть слушателей.

Въ этомъ случаѣ бесѣды полезнѣе; но и онѣ не такъ плодотворны, какъ школа, гдѣ въ системѣ преподается весь законъ Божій, а не отрывочно разъясняются лишь нѣкоторыя стороны вѣроученія, гдѣ ученики „научаются“, а не просто слушаютъ. Слѣд. духовныя лица по своему назначенію суть учителя, миссіонеры.

Институтъ миссіонеровъ занимался доселѣ обращеніемъ въ православіе изъ иновѣрія, сектанства. Цѣль великая и необходимая; но по отношенію къ сектанству вообще пастырей и въ частности миссіонеровъ можно уподобить безпечному мельнику, который не заботится объ укрѣпленіи плотинъ на рѣкѣ. Когда же вода прососетъ плотину и польется широкимъ потокомъ, тогда только схватится, бѣгаетъ, охаетъ, но уже поздно: большихъ трудовъ стоитъ опять запрудить, а, бываетъ, такъ и не запрудить. Не нужно допускать сначала, чтобы вода прососала. Такъ и наши пастыри: появится баптизмъ, штунда, невѣріе и начнутся суетливыя заботы, какъ бы удержать. Почему же раньше не озаботились укрѣпить плотину православія, почему же законоучители не воспитываютъ юношество основательно въ должномъ направленіи, почему же и высшая духовная власть не послѣдитъ, не понавѣдуется въ учебныя заведенія, особенно среднія, посмотрѣтъ, какъ ведется преподаваніе Закона Божія, не парализуется ли антирелигіознымъ вліяніемъ иныхъ просвѣтителей? Производятся торжественныя экзамены по Закону Божію. Экзаменующійся отвѣчаетъ на программные вопросы, говоритъ тексты, показываетъ что онъ „зубрилъ“, и только, но проникся ли духомъ христіанства, сложилось ли въ немъ нравственное убѣжденіе, основанное на религіи, это остается невѣдомымъ для экзаменатора. Въ одномъ губернскомъ городѣ епископъ внезапно, запросто, пѣшкомъ пришелъ на урокъ Закона Божія въ реальное училище. Результатомъ этого посѣщенія было немедленное увольненіе законоучителя отъ должности преподавателя, а этотъ законоучитель былъ академикъ съ магистерскимъ крестомъ. Вотъ гдѣ корень зла! Вотъ откуда происходитъ, что прошедшіе даже разныя школы и вообще мы, именующіе себя православными, въ сущности сектантъ каждый по своему. Чѣмъ отличается, положимъ, баптистъ отъ раціоналиста-интеллигента, который раза два въ годъ придетъ въ церковь да не къ началу литургіи, а къ молебну, года черезъ 2—3 и болѣе причастится, но который отвергаетъ и обряды и установленія православной церкви, и вольнодумствуетъ по отношенію къ догматамъ, и восхищается ученіемъ Л. Толстого, отвергшаго и Божество І. Христа и Церковь съ ея ученіемъ и организаціею? Были и бываютъ въ среднихъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ иногда

очень некрасивыя явленія. Гдѣ же законоучитель? Тѣломъ-то онъ въ гимназіи, и уроки даетъ, и 20-го числа исправно жалованье получаетъ, а духомъ „да мимо идетъ меня чаша сія“. Писали объ одномъ священникѣ, который проповѣдывалъ, что не нужно привлекать учащихся къ богослуженію.¹⁾ Все это и другія наблюденія показываютъ, что лишь меньшинство самихъ духовныхъ сознаетъ важное значеніе школы, какъ самаго главнаго средства познанія религіи и развитія и укрѣпленія патриотизма.

Въ Миссіонерскомъ Сборникѣ (№ 5—6 1915 г.) миссіонеръ А. Платоновъ горько сѣтуетъ, что „миссіонерская литература, все, съ своей стороны, сдѣлала, убѣдительно и усиленно раскрыла зловредную суть баптизма, но тѣмъ не менѣе при всей громадной затратѣ энергіи на писаніе неподдѣльной правды результатъ этого писательства оказывается небольшимъ“. Причина этого ясна. Вотъ факты, выясняющіе ее. Недавно мнѣ пришлось проѣздомъ быть у одного сельскаго священника. Разговорились мы съ нимъ о моихъ лекціяхъ („Л. Толстой, какъ моралистъ, и „Нынѣшняя война“). Онъ ихъ не читалъ. Я указываю, что лекція „Нынѣшняя война“ напечатана въ Миссіонерскомъ Сборникѣ за № 5—6 за настоящей 1915 годъ. Священникъ достаетъ съ полки этотъ журналъ, а также Миссіонерское Обзоріе, и что же?—книги за нѣсколько мѣсяцевъ оказались не разрѣзанными. Я спрашиваю: зачѣмъ же вы пріобрѣтаете ихъ?—„Приказано“, отвѣчаетъ. Приходскій Листокъ (№ 172 1915 г.) пишетъ, что Пензенскія Епархіальныя Вѣдомости сообщаютъ: „Епархіальныя Вѣдомости и Церковныя Вѣдомости у священниковъ остаются на полкахъ не разрѣзанными, т. е. говоря проще, настоятели и сами не читаютъ и другимъ не даютъ“. Н. И. Остроумовъ въ статьѣ „Къ вопросу объ условіяхъ и средствахъ успѣшнаго выполненія новой программы по исторіи и обличенію расколо-сектантства“ (Мис. Сбор. № 7—8 1915 г.) помѣстилъ выдержки изъ письма „вѣрующаго учителя“, который пишетъ: „Мало (приходскіе священники) читаютъ, а если читаютъ, такъ только оффиціальный отдѣлъ Церковныхъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей, остальное даже не разрѣзано. Что же могутъ они сказать штундистамъ, пашковцамъ и др. начитаннымъ сектантамъ? Чтобы бесѣдовать успѣшно, нужно читать все, что касается религіи, и за и противъ. Только тогда онъ (пастырь-миссіонеръ) дастъ должный отпоръ противнику“. Міряне же и не слышатъ о миссіонерскихъ трудахъ, а сектанты и читать не станутъ. Значить, дѣйствительно цѣнные труды миссіонерской литературы остаются

¹⁾ Въ Курскѣ свящ. Іосифъ. Ломакинъ. Душеп. Чтеніе 1905 г.

достояніемъ однѣхъ полокъ; значить, литературная работа миссіонеровъ по этой причинѣ мало достигаетъ добраго результата.

Другая причина безрезультатности усилій миссіонеровъ— это оскудѣніе и отсталость духовенства, какъ аттестуетъ его пастырѣ въ газетѣ „Колоколь“ (№ 1276). Удивительную для нашего времени картину духовенства въ одной епархіи представила еженедѣльная газета „Славянофилъ“ (№ 19—20). Въ этой епархіи происходитъ „поголовное гоненіе на образованныхъ пастырей и замѣну ихъ безъ всякой подготовки совершенно безграмотными лицами, неокончившими даже сельскихъ школъ“ съ невысокими при этомъ нравственными качествами. Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (іюль 1915 г.) въ статьѣ „Изъ ветлужскихъ воспоминаній“ Оглоблинъ, говоря о немолякахъ, приписываетъ размноженіе ихъ и другихъ сектантовъ прямо „отрицательнымъ явленіямъ въ жизни господствующей церкви и ея духовенства относящагося къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ то совершенно безразлично, то чисто бюрократически, вмѣсто сердечнаго и проникновеннаго отношенія къ духовной жизни пасомыхъ интересующагося только обрядовой стороною религіи, взимая тутъ приличную мзду, и „даже преслѣдующаго своего собрата—идейнаго священника, всю душу вкладывающаго въ дѣло руководительства народомъ. Такого идеальнаго священника живо сократить своя же братія—заурядные попы, не переваривающіе живого укора собственной апатіи, недобросовѣстности, лицемѣрія“. Авторъ приводитъ на это факты изъ ветлужской жизни. Такія явленія въ средѣ священниковъ и мнѣ лично извѣстны.

Но и сами многіе миссіонеры, если только не въ большинствѣ, смотрятъ на свою высокую миссію формально, со стороны личной выгоды, сами недостаточно подготовлены, а главное не проникнуты духомъ ревности по Богѣ, а потому такъ мало добрыхъ результатовъ отъ ихъ миссіонерства.

Но слѣдуетъ быть справедливымъ. Иные сельскіе священники мало дѣятельны въ пастырскомъ служеніи въ силу тяжелаго вообще положенія сельскаго священника небогатыхъ приходовъ по двумъ главнымъ условіямъ жизни—необезпеченности и безправія. Приходъ даетъ священнику 600—700 рублей, бываетъ и менѣе, въ годъ, а у него 4—5 дѣтей, которыхъ онъ долженъ содержать въ учебныхъ заведеніяхъ. Подъ силу ли ему? Бываетъ, такъ неучеными и остаются именно вслѣдствіе бѣдности. При этомъ самый способъ доходовъ—поручная плата за требы особенно тяжело отзывается на чувствѣ пастыря и унижаетъ достоинство его въ глазахъ прихожанъ. Сектанты особенно упираются на таковую плату, упрекаютъ духовенство въ корыстолюбіи и

похваляются, что ихъ наставники даромъ учать (въ сущности самозванные пастыри сектантовъ, играя на этомъ, прекрасно эксплуатируютъ свою паству). Паства, по слову Спасителя и апостоловъ (Мѣ. X, 9—15, Мрк. VI, 11, 1 Посл. на Корин. IX, 9, 13, 14), должна обезпечить пастырей, это такъ; но только въ настоящее маловѣрное время дѣтки-то духовныя не хотятъ знать своихъ духовныхъ отцовъ, особенно въ городахъ: идетъ священникъ по приходу съ крестомъ, передъ нимъ двери захлопываютъ, не принимаютъ. Какъ можетъ священникъ сказать правду въ лицо своему прихожанину-толстосуму! Онъ наживетъ врага, лишится крупнаго дохода да рискуетъ получить большія непріятности отъ другихъ прихожанъ, возбуждаемыхъ этимъ толстосумомъ и зависимыхъ отъ него. Къ тому же бѣдный священникъ не всегда находитъ поддержку у своего начальства, которое его же обвиняетъ въ неумѣнн и ладить съ прихожанами, а черезъ это падаетъ уваженіе вообще къ духовенству и разслабляется само православіе. И рвется и страдаетъ бѣдный священникъ бѣднаго прихода, совсѣмъ времени не видитъ въ хлопотахъ по приходу, по школамъ, по хозяйству—днемъ намучается, да и ночью иногда не дадутъ отдохнуть: зовутъ причащать больного—ему не до книги. А Чеховъ написалъ разсказъ „Кошмаръ“. Именно кошмаръ: бѣдный священникъ и его жена буквально голодаютъ. Читая, ужасъ охватываетъ за судьбу священника, у кого хватить духа порицать его? Лишь немногіе исключительно сильныя духомъ способны стать выше такихъ гнетущихъ условій, зато они и страдаютъ, какъ пострадалъ ветлужскій священникъ.

Но недостаточность обезпеченія духовенства не всегда можетъ служить оправданіемъ малодѣятельности его: почему же одинъ священникъ отдаетъ всѣ свои силы на школьное дѣло, а другой при одинаковыхъ условіяхъ (два, три священника при одной и той же церкви) съ небреженіемъ относится? А нѣкоторые пастыри богатыхъ приходо́въ, хорошо обезпеченные, получающіе многотысячное содержаніе, напр., оо. протоіереи! (они имѣютъ недурный доходъ отъ собора и состоятъ обыкновенно законоучителями въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ получаютъ не одну тысячу въ годъ жалованья). Почему они заботятся преимущественно о собственномъ преуспѣянн, а не о спасенн душъ своихъ пасомыхъ, только говорятъ о высокнхъ матеріяхъ, а на дѣлѣ—да будетъ воля Божія? Имъ-то вѣдь, какъ высокоумнымъ, и слѣдовало бы сознать, что настало опасное время, со всѣхъ сторонъ враги дѣлаютъ яростный натискъ на православіе, невѣріе и сектантство все болѣе развивается.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Обученіе гольдскихъ и гилякскихъ дѣтей русскому разговорному языку и русской грамотѣ.

(Руководственныя указанія г. г. учащимъ гольдско-гилякскихъ церковно-приходскихъ школъ) ¹⁾.

I. Въ инородческихъ селеніяхъ многія дѣти, при поступленіи въ школу, совершенно не умѣютъ говорить по-русски, а говорящія по-русски такъ иногда неправильно произносятъ русскія слова, что отъ учащаго требуется много слухового напряженія и нѣкоторой привычки, чтобы понять рѣчь дѣтей. Вслѣдствіе этого обстоятельства, первая и главная забота инородческаго учителя состоитъ въ необходимости научить инородческихъ дѣтей, поступившихъ въ школу, правильно говорить по-русски и хорошо понимать русскую рѣчь разговорную, а потомъ и книжную.

Обученіе инородческихъ дѣтей русскому разговорному языку прежде всего полезно для инородческаго населенія, а во-вторыхъ—необходимо какъ для учениковъ, такъ и для самого учителя. Гольды и гиляки въ большинствѣ случаевъ живутъ среди русскаго населенія; очень часто приходится имъ имѣть съ русскими разныя сношенія (торговля, судъ, почта и проч.). Эти-то жизненныя повседневныя сношенія съ русскими и заставляютъ инородцевъ тѣмъ или инымъ путемъ изучить разговорный русскій языкъ, такъ для нихъ необходимый. Но правильно, быстро и успѣшно инородцы могутъ изучить русскій языкъ только въ школѣ и въ школьномъ возрастѣ. Съ другой стороны, приамурскіе туземные инородцы, не имѣющіе своей родной письменности и литературы на своихъ нарѣчіяхъ, лишены возможности научить своихъ дѣтей грамотѣ на своемъ родномъ нарѣчій, а принуждены обучать ихъ въ русскихъ школахъ по русскимъ

¹⁾ Руководство это имѣетъ большое мѣстное значеніе для Благовѣщенской епархіи, но оно также весьма полезно и для школьныхъ дѣятелей тѣхъ миссій, гдѣ инородцы не имѣютъ своей письменности и книгъ на родномъ нарѣчій. Настоящее руководство безъ сомнѣнія поможетъ миссіонерамъ и учащимъ въ составленіи соотвѣствующихъ пособій. *Ред.*

учебникамъ и по русскимъ книгамъ. Поэтому-то инородческому учителю, чтобы обучить дѣтей по программамъ курса начальной школы, является настойчивая необходимость предварительно обучить дѣтей говорить по-русски и сколько-нибудь понимать русскую рѣчь; въ противномъ случаѣ учитель ничему не научить своихъ учениковъ.

Въ настоящее время школьное обученіе инородцевъ русскому разговорному языку ведется *по натуральному методу*. Сущность этого метода состоитъ въ томъ, что русскій разговорный языкъ преподается безъ посредства инородческаго языка, исключительно на русскомъ языкѣ. Основанія натурального метода и способы преподаванія по нему подробно разработаны и достаточно ясно изложены К. Э. Шельцелемъ въ его „Практическомъ руководствѣ для первоначальнаго обученія русскому языку въ инородческихъ училищахъ“, ч. 1—2, а также: И. С. Михеевымъ—въ „Руководствѣ къ веденію разговорныхъ уроковъ по рус. яз. въ инородческихъ школахъ и В. А. Ислентьевымъ—въ „Руководствѣ къ преподаванію русскаго языка инородцамъ“. Однако, точное примѣненіе на практикѣ этихъ руководствъ, предназначенныхъ для инородческихъ школъ одной мѣстности, часто не приноситъ ожидаемыхъ плодотворныхъ результатовъ въ школахъ другой мѣстности, потому что многія народности, населяющія Россійскую имперію, слабѣе умомъ и малокультурнѣе тѣхъ народностей, для коихъ составлялись вышеперечисленныя „Практическія руководства“. Поэтому на обязанности каждаго инородческаго учителя лежитъ трудъ, не отступая отъ основаній натурального метода, приспособить и приноровить разработанный въ руководствахъ матеріалъ для нуждъ и потребностей своей школы, а не слѣдовать рабски чужому матеріалу, данному для инородческихъ школъ другой мѣстности. Этотъ трудъ—нелегкій, и менѣе опытные учителя въ первое время своей службы теряются и не знаютъ, что дѣлать. Особенно затрудняетъ инородческихъ учителей то обстоятельство, что, преподавая дѣтямъ русскій разговорный языкъ по матеріалу, предлагаемому для упражненій Шельцелемъ, Михеевымъ и другими, неопытные учителя въ первый годъ обученія дѣтей не могутъ приступить даже къ прохожденію съ дѣтьми азбуки, такъ какъ запасъ усскихъ словъ, обыкновенно медленно усваиваемый дѣтьми, не соотвѣтствуетъ содержанію русской азбуки даже того автора, „Практическое руководство“ котораго рабски и буквально примѣнялось учителемъ на урокахъ русскаго разговорнаго языка.

Чтобы облегчить трудъ учителей гольдекско-гилякскихъ школъ,

мы предлагаемъ ихъ благосклонному вниманію „Конспектъ учебнаго матеріала по русскому языку для учениковъ младшей группы перваго отдѣленія инородческихъ школъ“. Въ этомъ конспектѣ подробно указано, что въ каждый учебный день ученики могутъ основательно изучить на урокахъ русскаго разговорнаго языка. Однако, предлагая вниманію учащихся „Конспектъ учебнаго матеріала“, мы не предлагаемъ имъ такъ называемыхъ примѣрныхъ уроковъ по выполненію этого конспекта, потому-что, во-первыхъ, подобные примѣрные уроки подробно разработаны Шельцелемъ, Михеевымъ и другими педагогами (съ цѣлью показать учащимъ, какъ выполнить въ инородческой школѣ натуральный способъ обученія русскому разговорному языку), а во-вторыхъ — давать въ книгѣ, безъ примѣненія къ данной школѣ и къ данному составу учениковъ, примѣрные или образцовые уроки невозможно. Такъ какъ для каждой школы продуктивными будутъ только *свои* (учителя) уроки, то примѣрными уроками, имѣющими мѣсто въ руководствахъ, каждый инородческой учитель и долженъ пользоваться по собственному разумѣнію, примѣняясь къ умственному развитію своихъ учениковъ и къ наличному запасу русскихъ словъ и оборотовъ русской рѣчи, усвоенныхъ учениками. Необходимо при этомъ каждому инородческому учителю принять за правило: ежедневно самому лично основательно продумать и составить для слѣдующаго дня подробные конспекты примѣрныхъ уроковъ, примѣняясь къ типовымъ урокамъ, указаннымъ въ руководствахъ Шельцеля, Михеева и др. При составленіи конспектовъ учителю слѣдуетъ помнить: а) въ дѣлѣ веденія уроковъ русскаго разговорнаго языка на первомъ планѣ всегда должна быть наглядность, т.-е. — ознакомленіе учениковъ съ предметами, ихъ качествами, дѣйствіями и состояніями должно производиться непосредственно въ натурѣ (наглядно, путемъ зрѣнія); б) уроки русскаго разговорнаго языка очень важны, а посему во время этихъ уроковъ учителю нужно говорить съ учениками только о томъ, что входитъ въ содержаніе урока, а о постороннемъ учитель не долженъ говорить ни слова, чтобы ученики не утомились отъ слушанія излишнихъ и непонятныхъ фразъ и словъ учителя и чтобы цѣль урока не была затемнена; в) значеніе уроковъ русскаго разговорнаго языка требуетъ отъ учителя, чтобы учитель всегда говорилъ какъ со взрослыми инородцами, такъ особенно съ учениками—правильно, не спѣша, ясно, отчетливо и краткими предложеніями, ибо трудно научить инородцевъ русскому языку, если инородцы будутъ слышать неясно произнесенныя слова и неправильную рѣчь (жаргонъ) учителя; г) каж-

дое новое названіе, предлагаемое дѣтямъ для изученія, слѣдуетъ прибавлять, какъ дополненіе къ извѣстному уже дѣтямъ матеріалу, т.-е. при каждомъ новомъ предметѣ повторяются изученныя ранѣе названія качествъ и дѣйствій, которыя можно отнести къ этому новому предмету, а при каждомъ новомъ дѣйствіи или качествѣ повторяются изученныя ранѣе названія предметовъ, имѣющихъ эти дѣйствія или качества; вслѣдствіе такого постоянного повторенія изученнаго матеріала, одновременно съ вновь изучаемымъ матеріаломъ, скорѣе и легче будетъ достигнута цѣль уроковъ русскаго разговорнаго языка; д) начальная цѣль уроковъ русскаго разговорнаго языка — развить у инородцевъ органы слуха и произношенія для быстрого и правильнаго воспріятія и воспроизведенія чужихъ (русскихъ) звуковъ, словъ и фразъ и научить хоть кое-какъ выражать свои мысли на русскомъ языкѣ, а конечная цѣль уроковъ русскаго разговорнаго языка—пріучить инородцевъ не только говорить, но и *думать* на русскомъ языкѣ, т.-е. сдѣлать для нихъ русскій языкъ какъ бы языкомъ роднымъ; если перваго возможно достигнуть путемъ разныхъ методовъ, то послѣдней цѣли невозможно достигнуть безъ точнаго примѣненія натурального метода въ полномъ его объемѣ, ибо ученикъ, изучающій русскій языкъ при помощи перевода и привыкшій обдумывать фразу на своемъ нарѣчій, а только произносящій эту фразу (послѣ перевода ея въ умѣ) на русскомъ языкѣ, никогда не научится владѣть русскимъ языкомъ въ совершенствѣ.

При веденіи уроковъ русскаго разговорнаго языка нужно стремиться къ тому, чтобы всѣ дѣти группы работали дружно и чтобы по возможности всѣ дѣти усвоили матеріалъ урока основательно, ибо допущенныя однажды недружная работа дѣтей или неосновательное усвоеніе дѣтьми предложеннаго имъ матеріала будутъ немалымъ тормазомъ въ дальнѣйшей работѣ учителя. Основательное усвоеніе дѣтьми учебнаго матеріала не слѣдуетъ ограничивать однимъ только твердымъ запоминаніемъ словъ и фразъ, но особенно серьезное вниманіе учителя должно быть обращено на правильность произношенія. Органы рѣчи инородцевъ не могутъ правильно воспроизвести многихъ звуковъ русскаго языка. Поэтому крайне необходимо съ первыхъ же дней занятій стремиться къ тому, чтобы дѣти привыкали правильно произносить тѣ слова и тѣ звуки, которые съ трудомъ произносятся ими. Самымъ необходимымъ условіемъ успѣха въ дѣлѣ развитія рѣчи учениковъ мы считаемъ то, чтобы дѣти всегда говорили громко, не спѣшно, ясно, безъ скрадыванія звуковъ въ

словъ и окончаній слова. Пусть на первых порахъ обученія въ произносимомъ учениками словъ слышится раздѣльно каждый звукъ. Самъ учитель долженъ ежеминутно подавать примѣръ такого произношенія.

2. Однимъ изъ средствъ къ достиженію успѣха въ школьномъ дѣлѣ признается ежедневная новизна учебнаго матеріала и разнообразіе въ занятіяхъ. Посему я нахожу возможнымъ, удобнымъ и необходимымъ начать съ 10-го дня занятій въ инородческой школѣ письмо въ тетрадахъ основныхъ элементовъ буквъ, съ 20-го дня—изученіе звуковъ и буквъ, чтеніе и письмо, а съ 23-го дня занятій—занятія по арифметикѣ. При этомъ опытомъ дознано, что около половины звуковъ и буквъ русскаго алфавита слѣдуетъ изучать на словахъ инородческаго нарѣчія, ибо выдѣленіе и сліяніе звуковъ успѣшнѣе усваивается инородческими дѣтьми на хорошо знакомыхъ имъ словахъ родного нарѣчія, а уже впослѣдствіи, когда ученики начнутъ болѣе и менѣе осмысленно понимать русскую рѣчь и твердо усвоятъ механизмъ чтенія, представляется возможнымъ перейти къ чтенію русскаго букваря. Такой порядокъ занятій, кромѣ дидактическихъ преимуществъ, желателенъ и для экономіи учебнаго времени, столь непродолжительнаго въ инородческой школѣ, а потому—столь драгоцѣннаго.

Такъ какъ въ печати не имѣется букварей на гольдско-гилякскихъ нарѣчіяхъ, а напечатать ихъ для каждой народности не представляется возможнымъ по многимъ причинамъ, то инородческіе учителя вынуждены бываютъ лично заботиться о составленіи на каждый учебный день списка словъ, нужныхъ для цѣлей выдѣленія и сліянія звуковъ. Это обстоятельство весьма затрудняетъ учителя-новичка, не знакомаго еще съ нарѣчіемъ своихъ учениковъ. Желая придти на помощь учащимъ въ этомъ отношеніи, мы предлагаемъ ихъ вниманію „гольдскую азбуку“¹⁾, но печатаемъ ее не въ видѣ учебника, а какъ пособіе для учителя, потому что „гольдская азбука“, вслѣдствіе разнообразія инородческихъ говоровъ, не можетъ быть въ цѣломъ объемѣ примѣняема даже въ каждой гольдской школѣ, а для гилякскихъ школъ и совершенно непримѣнима, по различію гилякскихъ нарѣчій отъ гольдскихъ говоровъ. Цѣль нашей работы по состав-

¹⁾ Въ этой азбукѣ подобраны слова, имѣющія болѣе простое и чистое произношеніе. Въ инородческихъ нарѣчіяхъ есть много словъ съ гортанными звуками, трудными для произношенія русскимъ человѣкомъ; такіе звуки не всегда можно изобразить русскими буквами. Слова съ этими звуками мы избѣгали помѣщать въ азбуку.

влению азбуки та, чтобы учителям гольдскихъ школъ дать готовый учебный матеріалъ, который, въ случаѣ нужды, легко будетъ замѣнить соотвѣтствующимъ новымъ матеріаломъ, а учителямъ гилякскихъ школъ показать схему для личной ихъ работы по данному вопросу. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что количество и качество помѣщенного въ „гольдской азбуку“ матеріала для чтенія и для уроковъ русскаго разговорнаго языка рассчитаны такъ, чтобы учащіеся, по прохожденіи этой азбуки, могли свободно начать прохожденіе „русскаго букваря“ Тернавцева, принятаго къ употребленію въ церковныхъ школахъ Нижне-Амурскаго отдѣленія Благовѣщенскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Отсутствіе гольдско-гилякскихъ букварей не можетъ принести большого ущерба школьному дѣлу въ инородческихъ школахъ. Буквари могутъ быть съ успѣхомъ замѣнены подвижной русской азбукой. Даже въ школахъ съ русскимъ контингентомъ учащихся слѣдовало бы не давать ученикамъ на руки букварей до тѣхъ поръ, пока они твердо не научатся механизму чтенія по разрывнымъ азбукамъ. Преимущества первоначальнаго обученія дѣтей на разрывныхъ азбукахъ слѣдующія: а) наглядность звука выдѣленія и звукосліянія; б) общая работа учениковъ; в) вырабатывается привычка вниманія къ процессу чтенія даже со стороны невнимательныхъ и лѣнивыхъ учениковъ, когда слова и фразы составлены изъ буквъ на классной доскѣ; г) удобство для учителя слѣдить за степенью вниманія учениковъ; д) возможность диктовокъ на разрывныхъ азбукахъ даже въ то время, когда ученики еще плохо пишутъ буквы; е) диктовка на разрывныхъ буквахъ—лучшій способъ пріучить дѣтей къ письму безъ пропуска въ словахъ буквъ; ж) сбереженіе букварей отъ порчи учениками, не умѣющими еще ни читать, ни даже обращаться съ книгой; и многое тому подобное. Необходимо лишь вмѣсто букварей выдавать каждому двумъ ученикамъ изучаемыя буквы на руки и требовать отъ учениковъ бережливаго отношенія къ выданнымъ буквамъ. Для урока чтенія учитель составляетъ изъ буквъ слова и предложенія на классной доскѣ, а во время диктовокъ ученики работаютъ за партами.

3. Хотя въ каждомъ методическомъ руководствѣ разъясняются методическіе и дидактическіе приемы и способы обученія, коимъ учителя приглашаются слѣдовать, и, безъ сомнѣнія, всѣ учащіе знаютъ указанныя въ руководствахъ приемы и способы обученія, но считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе учителей инородческихъ школъ на нѣкоторые изъ этихъ приемовъ и спо-

собовъ обученія, такъ какъ неисполненіе ихъ въ первый годъ обученія инородческихъ дѣтей можетъ повлечь за собой неуспѣхъ всего дѣла.

Прежде всего, вслѣдствіе плохого знанія инородцами русскаго языка, учителю инородческой школы надлежитъ разучивать матеріаль, предлагаемый ученикамъ, *всегда въ классъ*, и новаго, неизвѣстнаго или плохо извѣстнаго, матеріала дѣтямъ никогда не давать для разучиванія на домъ. Послѣ разъясненій и объясненій никогда не надо предлагать ученикамъ вопроса: „поняли?“, а необходимо дать вопросы, исчерпывающіе объясненіе, чтобы изъ отвѣта учениковъ учителю ясно было видно, насколько хорошо ученики поняли его объясненіе. Вопросы слѣдуетъ давать правильно: они должны быть ясны по содержанию и кратки по формѣ. Самъ учитель долженъ говорить съ учениками не на полу-русскомъ жаргонѣ (что часто бываетъ), а всегда грамматически-правильно, громко и отчетливо. По возможности грамматически-правильно, громко и отчетливо должны отвѣчать и ученики. Въ теченіе всѣхъ учебныхъ часовъ, даже на перемѣнахъ, ученикамъ безусловно должно быть воспрещено говорить между собою по-инородчески: скорѣе дѣти изучать русскій разговорный языкъ и, что главное, приучатся думать по-русски. Учителю инородческой школы надлежитъ относиться особенно строго къ чистотѣ и порядку въ классной комнатѣ. Ученики всегда должны быть умыты, причесаны и опрятны. Тетрадей и нѣкоторыхъ учебниковъ рекомендуется не давать дѣтямъ на домъ, дабы онѣ всегда были чистыми и неизмятыми. Съ первыхъ дней обученія слѣдуетъ приучать учениковъ къ неторопливому и тщательному письму. Порядокъ, чистота, аккуратность и опрятность, при постоянной настойчивости учителя, скоро войдутъ въ привычку у дѣтей, которыя впослѣдствіи будутъ очень благодарны своему воспитателю и наставнику—учителю инородческой школы.

Нѣкоторые учителя думаютъ, что въ первое время обученія большого значенія не имѣетъ громкое и отчетливое чтеніе, которое будто бы вырабатывается постепенно и уже впослѣдствіи: взглядъ неправильный и очень вредный. Допустивши съ первыхъ уроковъ вялое чтеніе и неясное произношеніе, учитель этимъ самымъ даетъ понять ученикамъ, что иногда можно читать кое-какъ, а хорошо читать надо только въ извѣстныхъ случаяхъ напр., на урокахъ „выразительнаго“ чтенія. Въ цѣляхъ успѣшности занятій, *необходимо съ перваго же дня изученія азбуки требовать отъ учениковъ яснаго, отчетливаго и громкаго чтенія.*

Иногда приходится наблюдать во время занятій учителя съ

учениками-первогодками, не привыкшими къ внимательности и самостоятельной работѣ, слѣдующее ненормальное явленіе: одинъ ученикъ читаетъ и часть учениковъ слѣдитъ за чтеніемъ внимательно; нѣкоторые ученики начинаютъ слѣдитъ за чтеніемъ, но со второй или съ третьей строчки теряютъ читаемыя слова, но чтобы учитель не замѣтилъ ихъ невнимательности, они продолжаютъ водить пальцемъ не тамъ, гдѣ нужно; есть всегда и такіе ученики, которые совершенно не слѣдятъ за чтеніемъ. Этимъ ненормальнымъ явленіемъ и объясняется, между прочимъ, тотъ фактъ, что во многихъ школахъ въ младшемъ отдѣленіи нѣсколько учениковъ (иногда $\frac{1}{3}$ общаго количества) настолько плохо читаютъ, что учитель вынужденъ бываетъ выдѣлить ихъ въ особую группу, какъ неспособныхъ и отсталыхъ учениковъ. Конечно, всегда могутъ встрѣтиться ученики со слабыми умственными способностями; но научить читать можно и должно cadaго ученика. Малоспособность такъ - называемыхъ „отсталыхъ“ учениковъ — не оправданіе для учителя. Во второмъ отдѣленіи школы малоспособные ученики, вслѣдствіе массы учебнаго матеріала, могутъ отстать отъ товарищей, имѣющихъ богатое умственное развитіе, но % отставшихъ будетъ уже не столь великъ и отсталость малоспособныхъ учениковъ средняго отдѣленія будетъ естественная. *Въ младшемъ же отдѣленіи*, программный матеріалъ коего очень незначителенъ, *не должно быть отставшихъ учениковъ*. Наличіе отставшихъ учениковъ въ младшемъ отдѣленіи есть результатъ вышеуказаннаго ненормальнаго явленія въ школьной работѣ учителя и учениковъ.

Чтобы не было въ младшемъ отдѣленіи школы отсталыхъ учениковъ и чтобы не появилась необходимость выдѣленія такихъ учениковъ въ особую группу, нужно изученіе азбуки вести не спѣша, особенно—въ самомъ началѣ. Пока всѣ ученики отдѣленія хорошо не усвоятъ на первыхъ буквахъ механизма сліянія звуковъ, дальше итти вредно, потому что всѣ ученики, не усвоившіе механизма сліянія звуковъ, будутъ отставшими и никогда не догонять своихъ товарищей, имѣющихъ хорошія способности, хотя бы учитель неоднократно (что имѣетъ мѣсто на практикѣ часто) начиналъ снова и снова проходить азбуку. Полезнѣе будетъ для учениковъ и легче будетъ впоследствии для самого учителя, если онъ добьется нужнаго успѣха на первыхъ буквахъ азбуки.

Чтобы приучить дѣтей къ внимательности во время чтенія и чтобы, вслѣдствіе этого, научить читать cadaго ученика, необходимо учителю вести массовое обученіе, т.е. одновременное

обученіе всѣхъ учениковъ отдѣленія (группы). Потому только ученики, сидящіе за партами, и теряютъ читаемыя слова, что учитель пользуется системой одиночнаго обученія, т.-е. занимается отдѣльно съ каждымъ ученикомъ группы и каждому въ отдѣльности ученику „показываетъ“ правильное чтеніе, а остальные ученики бывають предоставлены въ это время самимъ себѣ и не заняты активной работой. Массоваго обученія возможно достигнуть: а) если учитель будетъ обращаться съ вопросами не къ одному ученику, а ко всей группѣ учениковъ, хотя бы къ отвѣту вызвалъ одного ученика; б) если учитель не будетъ долго спрашивать одного ученика; в) если учитель не будетъ спрашивать учениковъ по порядку; г) если учитель чаще будетъ поднимать къ отвѣту учениковъ невнимательныхъ и разсѣянныхъ, или же умственно-слабыхъ и страдающихъ недостаткомъ слуха; д) если учитель въ каждый урокъ (по возможности) успѣетъ спросить всѣхъ учениковъ группы; е) если ученики съ первыхъ дней обученія привыкнутъ выражать свое желаніе и свое умѣніе отвѣтить на предложенный всей группѣ вопросъ поднятіемъ руки; ж) если ученики будутъ приучены замѣчать ошибки въ отвѣтахъ товарищей и выражать свое желаніе исправить ошибку поднятіемъ руки; з) если каждый ученикъ будетъ знать, что учитель можетъ спросить его по каждому заданному (хотя бы и другому ученику вопросу, и л) если всѣ ученики будутъ приучены громко отвѣчать на вопросы и громко читать.

Встрѣчаются школы, въ которыхъ ученики на урокъ чистописанія или на урокъ списыванія съ книги въ одинъ урокъ испи-сываютъ по нѣскольку страницъ тетради. Но какой видъ имѣютъ эти письменныя работы! Каллиграфія отсутствуетъ, чистоты и опрятности никакой, масса ошибокъ... Ученикъ объ одномъ только и думаетъ, какъ бы больше написать, а о чистотѣ работы не заботится. Въ такой школѣ учитель обыкновенно начинаетъ урокъ словами: „пишите это... кто сколько напишетъ...“ и въ теченіе иногда цѣлаго часа не только не покажетъ, какъ и что писать, но даже не посмотритъ ни въ одну тетрадь. Ясно, что учитель даетъ письменную работу ученикамъ не для того, чтобы научить учениковъ хорошо писать, а для того, чтобы освободить себя на нѣкоторое время отъ одного отдѣленія. Результаты отъ такого отношенія къ дѣлу всегда получаются самые плачевныя. Чтобы научить учениковъ хорошо писать, учитель долженъ на урокъ чистописанія въ младшемъ отдѣленіи всегда показывать дѣтямъ, что и какъ писать, и постоянно долженъ разъяснять дѣтямъ, что нужно писать какъ можно меньше, но красиво, правильно

и тщательно, а самый материалъ для письменной работы долженъ давать въ томъ размѣрѣ, какой требуется временемъ и цѣлью урока. Ученики, приученные писать неторопливо, тщательно и по возможности правильно элементы буквъ и самыя буквы, и въ послѣдующее время всегда будутъ писать не спѣша, а потомъ уже будутъ невозможны случаи исписыванія въ одинъ урокъ разными каракулями, едва похожими на буквы, по нѣскольکو страницъ. Въ дѣлѣ выработки у учениковъ красиваго почерка немаловажное значеніе имѣетъ также *примѣръ учителя*, который всегда долженъ избѣгать неразборчиваго письма съ разными росчерками.

Почти во всѣхъ школахъ учителя съ большимъ трудомъ научаютъ дѣтей писать грамматически-правильно, въ объемѣ программныхъ требованій. На урокахъ грамматики и учителямъ и ученикамъ тяжело. Первые склонны бывають обвинять учениковъ въ отсутствіи способностей или въ привычкѣ (отъ семьи) неправильно произносить слова, которыя и пишутся учениками такъ, какъ произносятся, а вторые смотрять на грамматику, какъ на скучный, трудный и бесполезный предметъ обученія. Между тѣмъ, причина трудности и безуспѣшности зависитъ не отъ учениковъ и не отъ грамматики, а отъ самого учителя. Чтобы облегчить изученіе грамматики и улучшить качество письменныхъ работъ учениковъ, *необходимо съ первыхъ дней изученія азбуки ежедневно дѣлать диктовки на разрывныхъ (подвижныхъ) азбукахъ*. Учитель диктуетъ какое-либо слово, ученики повторяють это слово, указываютъ количество звуковъ въ немъ и перечисляють эти звуки, а затѣмъ составляютъ данное слово изъ буквъ. Кромѣ интереса этой работы, польза таковыхъ диктовокъ вѣдъ сомнѣній. Допустимъ, что ученикъ составилъ слово съ пропускомъ буквы. Учитель заставляетъ ученика прочитать то, что онъ составилъ. А прочитавши вслухъ и громко, ученикъ самъ уже догадается, въ чемъ онъ ошибся, и исправитъ свою ошибку. Вслѣдствіе частыхъ диктовокъ на разрывныхъ азбукахъ, ученики настолько хорошо приучатся составлять слова безъ пропуска буквъ, что впоследствии, при письмѣ въ тетрадяхъ, не будутъ допускать ошибокъ на пропускъ буквъ въ словахъ. Полезны, наконецъ, эти диктовки и въ отношеніи приученія дѣтей къ чистотѣ и опрятности письменныхъ работъ. Обыкновенно въ первый годъ обученія дѣти дѣлають много ошибокъ. Если въ школѣ не бываетъ диктовокъ при изученіи азбуки, то прибавляются еще ошибки на пропускъ буквъ. Въ концѣ концовъ, у иного ученика въ тетради нѣтъ слова, которое бы или учителемъ или учени-

комъ не было исправлено, а отсюда—некрасивый видъ тетради и отсутствіе чистоты. Ученикъ, привыкающій видѣть свою тетрадь изо-дня въ день съ пометками, исправленіями и съ подчеркиваніями, не скоро пріучится писать тщательно и держать свою тетрадь въ опрятности и въ чистотѣ. Къ тому же такой ученикъ не можетъ избавиться отъ разъ сдѣланныхъ ошибокъ, такъ какъ при массѣ ошибокъ онъ, естественно, не имѣетъ возможности обратить вниманіе на всѣ ошибки: онѣ будутъ только мелькать въ его глазахъ. Учителю не слѣдуетъ опасаться, что диктовки на разрѣзной азбукѣ отнимутъ у него много времени. Обыкновенно, при изученіи алфавита, окончивъ чтеніе, учитель даетъ ученикамъ или писать буквы или повторять (про себя) только что прочитанныя строчки учебника. Если правильно поставленное письмо буквъ приноситъ пользу, то этого никакъ нельзя сказать про повторительное чтеніе; оно бесполезно и вредно, потому что ученики-первогодки, читая про себя, привыкаютъ къ неправильному чтенію, а если будучи предоставлены самимъ себѣ, не читаютъ (что встрѣчается на практикѣ чаще), то привыкаютъ къ разсѣянности, лѣни и шалостямъ во время урока. Между тѣмъ, диктовки на разрѣзной азбукѣ продуктивно займутъ время въ младшемъ отдѣленіи, а учитель въ то же время имѣетъ полную возможность заниматься съ учениками другого отдѣленія.

Вообще, каждому учителю, а тѣмъ болѣе—учителю инородческой школы слѣдуетъ обращать на учениковъ-первогодковъ самое серьезное вниманіе. Ложно думаютъ тѣ учащіе, которые больше вниманія удѣляютъ выпускнымъ ученикамъ, ошибочно предполагая, что для первогодковъ впереди есть еще нѣсколько годовъ для ученія, и что они успѣютъ какъ слѣдуетъ пройти курсъ школы. Не надо упускать изъ вида, что знанія, пріобрѣтенныя учениками въ первый годъ обученія, являются фундаментомъ и основаніемъ для дальнѣйшаго обученія, а потому если въ младшемъ отдѣленіи было мало сообщено ученикамъ знаній или если сообщенное не было твердо усвоено учениками, то трудно, даже невозможно, учителю въ послѣдующіе годы наверстать опущенное.

Преподаваніе русскаго языка въ первый годъ обученія инородческихъ дѣтей обыкновенно и оканчивается букваремъ, т. е. наученіемъ дѣтей правильно читать, а также—писать подъ диктовку слова и предложенія безъ пропуска буквъ. Во второй годъ обученія инородческихъ дѣтей читается „Первое чтеніе“ Тернавцева, изучаются правила правописанія, указанныя въ концѣ книги Тернавцева, и продолжается обученіе русскому разговорному языку въ формѣ разсказовъ, игръ, бесѣдъ и разговоровъ.

4. Каждому учителю вѣряются дѣти впечатлительныя, не испорченныя, не окрѣпшія ни тѣлесно, ни духовно. Учитель долженъ научить ихъ грамотѣ и воспитать въ нихъ стремленіе къ добродѣтельной и трудовой жизни. Таково положеніе и значеніе учителя во всякой начальной школѣ. Но въ инородческой школѣ его положеніе и значеніе возвышается во столько разъ, во сколько разъ порученныя учителю инородческія дѣти стоятъ ниже русскаго населенія въ умственномъ и въ религіозномъ отношеніяхъ. Инородческій учитель является первымъ и самымъ полезнымъ сотрудникомъ своего приходскаго священника - миссіонера, ибо инородческому учителю надлежитъ научить своихъ учениковъ православной вѣрѣ и воспитать въ ученикахъ религіозное чувство. Въ этомъ отношеніи инородческому учителю никто изъ окружающихъ не поможетъ, такъ какъ и родители и сосѣди учениковъ сами нуждаются въ укрѣпленіи своей религіозной настроенности и нерѣдко не только ничего не понимаютъ въ вопросахъ религіи, но даже не знаютъ начальныхъ молитвъ. Слѣдовательно, и взрослые инородцы нуждаются въ наученіи очень многому. Поэтому-то школьное обученіе въ инородческихъ школахъ должно быть поставлено такъ, чтобы оно назидало дѣтей, чтобы оно представляло наилучшіе способы для укрѣпленія въ умѣ и въ сердцахъ дѣтей основныхъ истинъ вѣры и благочестія, чтобы пріобрѣтенныя учениками въ школѣ добрыя навыки остались у нихъ, какъ правила для всей послѣдующей ихъ жизни, чтобы *въ школѣ господствующимъ настроеніемъ учениковъ и самого учителя всегда было молитвенное настроеніе*. Желательно имѣть въ школѣ инородческой не одну икону, а нѣсколько иконъ. Очень полезно во время уроковъ возжигать предъ иконами лампадки. Кромѣ того, въ цѣляхъ религіозно-нравственнаго воспитанія, въ каждой инородческой школѣ слѣдуетъ безъ измѣненій и опущеній выполнять слѣдующій порядокъ молитвъ.

За $\frac{1}{2}$ часа до уроковъ дежурнымъ ученикомъ прочитываются по Часослову „утреннія молитвы“ съ общимъ пѣніемъ: „Царю небесный“... „Отче нашъ“... „Богородице Дѣво, радуйся“... Символа вѣры, тропаря свв. Кириллу и Меѳодію и тропаря храму (если въ стойбищѣ нѣтъ часовни и не установлено никакого праздника, то тропарь святого, ликъ коего изображенъ на иконѣ, имѣющейся въ классѣ). Въ дни предпразднествъ и попразднествъ учащіе поступаютъ, какъ указано во „Введеніи“ программъ церковно-приходскихъ школъ.

Предъ уроками и послѣ уроковъ нижеперечисляемыя молитвы слѣдуетъ пѣть, а не читать:

Предъ первымъ урокомъ: „Преблагій Господи“... (молитва предъ ученіемъ), а послѣ перваго урока: „Пречистому Твоему образу“... (тропарь нед. Православія).

Предъ вторымъ урокомъ: „апостоловъ первопрестольницы“... (тропарь свв. апп. Петру и Павлу), а послѣ второго урока: „Правило вѣры“... (тропарь св. Николаю Чудотворцу).

Предъ третьимъ урокомъ: „Свѣтильниче церкви Пресвѣтлый“... (тропарь св. Иннокентію Иркутскому), а послѣ третьяго урока: „Небесныхъ воинствъ архистратіи“... (тропарь св. Архистратигу Михаилу) и „Отче нашъ“... (если послѣ третьяго урока ученики отпускаются обѣдать).

Предъ четвертымъ урокомъ: „Благодаримъ Тя, Христе“... (молитва послѣ вкушенія пищи) и тропарь двенадцатаго праздника, а послѣ четвертаго урока: „Милосердія двери“... (тропарь Богородицѣ).

Предъ пятымъ урокомъ: „къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецемъ“... а послѣ пятаго урока: „Не умолчимъ никогда, Богородице“... Если заканчиваются учебныя занятія, то еще поется: „Благодаримъ Тебѣ, Создателю“... (молитва послѣ ученія), читается хоромъ вечерняя молитва: „Господи, Боже нашъ“... и поется— „Достойно есть“...

Въ неучебные дни (воскресные и праздничные) учитель обязательно ведетъ учениковъ въ церковь или въ часовню къ богослуженіямъ, за которыми дѣти принимаютъ посильное участіе въ пѣніи, чтеніи и въ прислуживаніи. Если въ стойбище нѣтъ часовни, то учитель собираетъ учениковъ и взрослыхъ инородцевъ въ школу и отправляетъ въ школѣ утреню съ часами, чинъ изобразительныхъ и прочитываетъ молящимся житіе празднуемаго церковью въ тотъ день святого или повѣствованіе о воспоминаемомъ въ тотъ день священно-историческомъ событіи.

Трудно ученикамъ школы будетъ разучить вышеперечисленные молитвы, если раньше они не знали ихъ; но приложить трудъ къ разучиванію этихъ молитвъ необходимо; въ послѣдующіе годы разучиваніе сихъ молитвъ не будетъ особенно труднымъ дѣломъ даже для новичковъ, такъ какъ они, ежедневно слыша пѣніе этихъ молитвъ, твердо могутъ усвоить ихъ и безъ особой помощи учителя.

Какъ ежедневное, такъ и праздничное чтеніе и пѣніе молитвъ, пѣснопѣній и псалмовъ всегда должны исполняться благоговѣнно. Примѣръ благоговѣйнаго отношенія къ молитвѣ и истоваго изображенія на себѣ крестнаго знаменія—долженъ давать учитель. Небрежность въ молитвѣ испортитъ все дѣло, вызоветъ въ ученикахъ неохоту молиться и унижитъ авторитетъ учителя

среди инородческаго населенія. Безъ совершенія же классныхъ молитвъ православную инородческую церковно-приходскую школу нельзя и представить.

5. Въ заключеніе, нельзя не обратить вниманія учащихся въ инородческихъ школахъ на отсутствіе у инородцевъ охоты къ ученію. Чѣмъ объяснить то печальное явленіе, что инородцы иногда противятся набору учениковъ въ школу. а ученики неохотно посѣщаютъ уроки? По нашему мнѣнію, *причиной появленія и распространенія среди инородцевъ неинтереса къ школь и неохоты къ ученію были сами учителя инородческихъ школь, которые не въ состояннн были научить инородцевъ ни грамотѣ, ни трудовой жизни, ни добродѣтелямъ.* Только трудолюбивый учитель ведетъ порученное ему учебное дѣло интересно и успѣшно; у такого учителя очень рѣдки случаи неаккуратнаго посѣщенія учениками уроковъ; у такого учителя раньше начинаются осенью учебныя занятія и позже оканчиваются онѣ весной; такой учитель всегда имѣетъ авторитетъ и значеніе среди инородческаго общества. Наоборотъ, лѣнливый учитель превращаетъ свою школу въ мастерскую художо ремесленника: въ школь скучно, неинтересно и безжизненно; неудивительно, что ученики отказываются посѣщать такую школу, отъ коей не видятъ для себя пользы.

Г.г. учащіе инородческихъ школь! Отъ васъ даже взрослые инородцы ждутъ наученія; поэтому, исполняйте свое дѣло съ усердіемъ и по совѣсти, будьте всегда трудолюбивыми и образцовыми учителями. Очень вредно будетъ, если ученики и взрослые начнутъ сомнѣваться въ вашихъ знаніяхъ или въ вашихъ нравственныхъ достоинствахъ. Будьте всегда правдивы со всѣми и никогда не употребляйте никакихъ бранныхъ словъ. Готовьтесь къ каждому уроку, чтобы ежедневно уяснять себѣ, чему учить и какъ учить на слѣдующій день, и чтобы содержаніе каждаго урока основывалось на матеріалѣ предшествовавшаго урока и имѣло нѣчто новое и интересное для учениковъ. Помните, что не школа для васъ существуетъ, а что вы присланы въ школу научить учениковъ уму-разуму; поэтому-то всѣ труды, заботы и усилія вы должны приложить къ тому, чтобы оправдать свое званіе и свое положеніе и чтобы инородческое общество могло аттестовать васъ, какъ добросовѣстныхъ и полезныхъ труженниковъ. При послѣднемъ только условіи перемѣнится недоброжелательное отношеніе инородцевъ къ школь и къ школьному ученію, ибо инородцы понимаютъ, что только хорошій учитель можетъ научить и научить ихъ дѣтей.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

О преподаваніи русскаго языка въ инородческихъ училищахъ.

Распредѣленіе занятій по русскому и родному языкамъ.
Родной языкъ инородцевъ—дѣтей не долженъ быть устраняемъ изъ школъ, какъ предметъ обученія, а только долженъ обособляться отъ русскаго языка. Занятія роднымъ языкомъ могутъ оказать большую услугу какъ общему развитію и религіозно-нравственному воспитанію дѣтей, такъ и дѣлу обученія ихъ русскому языку. Поэтому на первыхъ ступеняхъ обученія должны быть занятія и роднымъ, и русскимъ языками.

Эти занятія слѣдуетъ распредѣлять слѣдующимъ образомъ.

1. Послѣ приѣма дѣтей въ школу, въ теченіе первыхъ 7—8 дней, занятія ведутся исключительно на родномъ языкѣ дѣтей. Занятія эти должны носить характеръ вступительныхъ бесѣдъ и имѣть цѣлью облегченіе дѣтямъ перехода отъ домашней обстановки къ школьной, ознакомленіе ихъ съ новыми условіями и порядками и т. п. Бесѣды должны быть просты, естественны и жизненны.

2. Когда дѣти освоятся и попривыкнутъ немного къ школѣ, занятія слѣдуетъ распредѣлить по учебнымъ предметамъ: Законъ Божій, русскій языкъ, родной языкъ, ариметика.

Занятія по родному языку начинаются съ упражненій, подготавливающихъ къ письму и чтенію на родномъ языкѣ. Затѣмъ слѣдуетъ обученіе дѣтей родной грамотѣ. Обученіе грамотѣ ведется по звуковому методу съ примѣненіемъ приемовъ артикуляціи.

3. Въ то же время на особыхъ урокахъ идутъ занятія по русскому языку. Эти занятія называются разговорными уроками и носятъ характеръ наглядныхъ бесѣдъ объ окружающихъ предметахъ и явленіяхъ.

Бесѣды эти имѣютъ цѣлью научить дѣтей говорить по-русски и понимать простую русскую рѣчь; ведутся онѣ по смѣшанному методу.

4. Чтобы научить дѣтей немного говорить по-русски и понимать простую русскую рѣчь, въ среднемъ требуется отъ 12 до

16 учебныхъ недѣль. Въ теченіе этого времени дѣти овладѣвають родной грамотой, т. е. научаются читать и писать на родномъ языкѣ.

5. Послѣ этого съ дѣтьми нужно перейти къ русской грамотѣ. Обученіе русской грамотѣ нужно начать съ чтенія тѣхъ словъ, которыя можно составить изъ знакомыхъ ужъ дѣтямъ буквъ. Сдѣлать это не особенно трудно, т. к. для инородческой грамоты принять русскій алфавитъ съ незначительными измѣненіями для особыхъ звуковъ. Затѣмъ дѣтей нужно ознакомить съ тѣми русскими звуками-буквами, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ ихъ родномъ языкѣ. Произношеніе и сляніе этихъ звуковъ обычно трудно даются дѣтямъ. Дѣло учителя выработать у дѣтей правильныя рѣчевыя уклады, при помощи которыхъ эти звуки произносятся и сливаются съ другими.

Во время обученія русской грамотѣ разговорные уроки идутъ своимъ чередомъ (ихъ не слѣдуетъ прекращать въ теченіе всего школьнаго курса). Матеріаломъ для разговорныхъ уроковъ могутъ служить картины, а также содержаніе прочитанныхъ статей.

6. Въ дальнѣйшемъ занятія по русскому языку сводятся къ обученію дѣтей бѣглому, сознательному и выразительному чтенію, а также каллиграфическому, грамотному и толковому письму.

Разговорные уроки. Разговорные уроки являются на первыхъ ступеняхъ единственнымъ средствомъ обученія дѣтей разговорной русской рѣчи. Въ виду этого на правильность постановки разговорныхъ уроковъ необходимо обращать особенное вниманіе.

Въ частности нужно руководствоваться слѣдующими указа-ніями.

1. Въ первый годъ обученія разговорные уроки необходимо вести ежедневно.

Упражненіямъ въ разговорной рѣчи слѣдуетъ отводить не менѣе двухъ уроковъ въ день, отъ 20 до 30 минутъ каждый; 50-минутные уроки очень утомительны для дѣтей.

2. Разговорные уроки ведутся по опредѣленной, строго продуманной программѣ, при чемъ русскія слова нужно распре-дѣлять такъ, чтобы на каждый урокъ приходилось не болѣе 3—5 новыхъ словъ. Эти слова должны имѣть внутреннюю связь, кото-рая опредѣляется или родовымъ значеніемъ словъ (напр.: столъ, стулъ, табуретъ—мебель), или отношеніемъ ихъ къ одному како-му-либо предмету (напр., огородъ: гряды, картофель, капуста, лукъ, свекла и т. п.). Подобранныя такъ слова запоминаются легче, чѣмъ взятыя безъ связи.

3. Разработка каждого разговорнаго урока должна подчиняться опредѣленной грамматической темѣ: это вносить необходимую систему въ обученіе дѣтей русскому языку. Но ни грамматическая тема, ни вытекающія изъ нея грамматическія правила учащимся, конечно, не сообщаются: отвлеченныя грамматическія формулы недоступны дѣтскому пониманію.

4. Каждый новый разговорный урокъ слѣдуетъ связывать съ предыдущимъ, а также возможно чаще возвращаться къ ранѣе изученному матеріалу.

5. Разговорные уроки должны вестись въ вопросо-отвѣтной формѣ. Вопросы учителя должны удовлетворять всѣмъ требованіямъ, какія вообще предъявляются дидактикой хорошему вопросу. Кроме того, они должны вполнѣ соответствовать духу русскаго языка и по формѣ, и по отгѣнкамъ смысла. Поэтому совершенно недопустимы подобныя, напр., вопросы и выраженія:

Учитель: „Глазъ видитъ. *Видитъ ли ухо?*“. Ученики „Ухо не видитъ“. Учитель: „Да, ухо не видитъ, *ухо слышитъ*“.

Учитель: „Голова не видитъ и не слышитъ. *Голова думаетъ*. Что дѣлаетъ?—„Думаетъ“.

Учитель: „Это рука. *Видитъ ли рука? Слышитъ ли рука?*“

„Это нога. *Нога ходитъ. Думаетъ ли нога?*“

„Это ротъ. *Ротъ ѣстъ. Ёстъ ли носъ?*“.

Приведенные здѣсь примѣры взяты нами изъ довольно распространеннаго „Руководства къ веденію разговорныхъ уроковъ по русскому языку“. Составитель руководства, конечно, ошибался, если подчеркнутыя нами фразы считалъ фразами русскаго языка: онѣ лишь состоятъ изъ русскихъ словъ, которымъ придана въ цѣломъ форма, совершенно не соответствующая духу русскаго языка. Да едва ли существуетъ такой языкъ, на которомъ можно было бы серьезно спросить: думаетъ ли нога? ѣстъ ли носъ? видитъ ли ухо? Подобныя выраженія являются совершенно безцѣльной и крайне неудачной, безобразной поддѣлкой подъ русскій языкъ.

Дѣтей нужно учить подлинному русскому языку, со всѣми его характерными особенностями, а не тому нелѣпому нарѣчію, на которомъ у насъ часто говорятъ съ инородцами и которое тоже почему-то считаютъ русскимъ языкомъ. Но, чтобы учить подлинному русскому языку, учитель самъ долженъ владѣть имъ въ совершенствѣ, а для этого ему необходимо постоянно трудиться надъ углубленіемъ своихъ теоретическихъ познаній въ

области русскаго языка, а также надъ усовершенствованіемъ своей устной и письменной рѣчи. Учитель долженъ образцово говорить, образцово читать и образцово писать по-русски.

6. Разговорные уроки должны быть живыми и интересными. Для этого ихъ полезно соединять съ иллюстративнымъ рисованіемъ, вырѣзываніемъ и лѣпкой (объ этомъ см. ниже). Къ разговорнымъ урокамъ необходимо тщательно готовиться.

7. Учитель долженъ терпѣливо и настойчиво исправлять всѣ ошибки дѣтей въ разговорной русской рѣчи, никогда не смѣяться надъ ошибками, какъ бы смѣшны онѣ ни были, и никогда не наказывать за нихъ дѣтей. Истинной любовью, ласковымъ обращеніемъ и справедливостью долженъ привязать учитель дѣтей къ школѣ и большую часть своихъ досуговъ посвящать дѣтямъ, всячески поощряя ихъ къ разговору между собой по-русски. Для этого весьма полезно почаще устраивать занимательныя игры.

8. Если въ классѣ учатся дѣти различныхъ національностей, то рядомъ никогда не слѣдуетъ сажать дѣтей одной національности: общимъ разговорнымъ языкомъ для нихъ будетъ родной языкъ; если же рядомъ помѣщать дѣтей разныхъ національностей, то они будутъ говорить только по-русски. Но никогда не слѣдуетъ наказывать дѣтей и смѣяться надъ ними и за пользованіе роднымъ языкомъ. Школа должна быть для дѣтей источникомъ истиннаго свѣта, а учитель—истиннымъ воспитателемъ въ духѣ христіанской любви и милосердія къ меньшому брату.

Школьный музей. Обученіе русскому языку по смѣшанному методу, какъ указано выше, основывается на непосредственномъ наглядномъ ознакомленіи учащихся съ различными предметами и явленіями. Поэтому школа должна обладать достаточнымъ количествомъ наглядныхъ пособій. Коллекціи наглядныхъ пособій необходимо подбирать въ соотвѣтствіи съ матеріаломъ разговорныхъ уроковъ, первыхъ уроковъ граммоты и уроковъ объяснительнаго чтенія. Большинство пособій можетъ собрать самъ учитель при помощи учениковъ: дѣтямъ вообще очень нравится коллекціонированіе. Собранные такимъ образомъ предметы составлять школьный музей.

При обученіи русскому языку по смѣшанному методу школьный музей такъ же необходимъ, какъ необходимы, допустимъ, орудія письма для обученія этому искусству

Примѣчаніе. Устройство школьнаго музея, при умѣнїи и настойчивости учителя, не потребуетъ сколько-нибудь значительныхъ матеріальныхъ затратъ. Можно, напримѣръ, составить очень хорошіе альбомы картинъ, пользуясь ста-

рыми иллюстрированными журналами. Иллюстраціи вырѣзываются и наклеиваются на листы сѣрой оберточной бумаги; получаются очень изящныя картины. Подбирать картины слѣдуетъ по опредѣленнымъ темамъ, напр., картины изъ земной жизни Господа Иисуса Христа, картины изъ русской исторіи, картины труда человѣка и т. п.

Для пополненія школьнаго музея предметами растительнаго и животнаго царства отдаленныхъ мѣстностей, необходимо установить обмѣнъ коллекціями: учителя Таврической губ. высылаютъ, напр., свои коллекціи въ школы Архангельской губ. въ обмѣнъ на коллекціи, собранныя въ этой мѣстности, и т. д. Но осуществленіе подобнаго обмѣна возможно только при участіи земствъ или музеевъ при управленіяхъ учебныхъ округовъ.

Рисованіе, вырѣзываніе и лѣпка. Весьма серьезнымъ вспомогательнымъ средствомъ въ дѣлѣ обученія дѣтей инородцевъ русскому языку являются иллюстративное рисованіе, вырѣзываніе и лѣпка. Наши школы вообще небогаты учебными пособиями, хорошія же коллекціи картинъ встрѣчаются въ школахъ весьма рѣдко. Да и никакая коллекція картинъ не можетъ отвѣчать случаямъ дѣйствительной потребности въ иллюстраціи. Вотъ почему учителю необходимо владѣть искусствомъ иллюстративнаго рисованія.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Ванъ-Дейка, который говоритъ, что „мѣлъ въ рукахъ учителя, несомнѣнно, лучшее учебное средство послѣ слова“. Иногда бываетъ и такъ, что самый несложный рисунокъ учителя лучше уясняетъ дѣтямъ суть дѣла, чѣмъ самыя подробныя словесныя объясненія.

Какъ, напримѣръ, описать дѣтямъ степной тюльпанъ, если они никогда его не видѣли? Никакія толкованія учителя не вызовутъ у дѣтей нужнаго представленія. Между тѣмъ это представленіе легко вызвать самымъ элементарнымъ рисункомъ на классной доскѣ.

Чтобы научиться иллюстративному рисованію, нужно: 1) внимательно изучать основныя формы и основные цвѣта предметовъ и 2) развивать зрительную память постоянными упражненіями въ рисованіи по памяти. Если мы ясно представляемъ предметъ, какъ бы видимъ, предъ собой его форму и цвѣтъ, и подчиняемъ движенія руки глазу, то рисуемъ его безъ особеннаго труда. При рисованіи по памяти нужно стремиться достигать тождества между своимъ рисункомъ и образомъ представляемаго въ умѣ предмета.

Допустимъ, вы желаете нарисовать пасущуюся на лугу лошадь. Прежде чѣмъ приступать къ рисованію, нужно отчет-

ливо представить лугъ и лошадь, которая опустила голову и шиплетъ траву, оставивъ нѣсколько лѣвую переднюю ногу.

Когда въ умѣ возникнетъ ясное представленіе этой картины, дѣлается быстро контурный набросокъ, тщательно провѣряется, а затѣмъ ужъ выполняется и вся иллюстрація. Конечно, рисованіе нужно начинать съ самыхъ простыхъ задачъ, напр., рисованія по памяти обруча въ разныхъ положеніяхъ, яблока, спичечной коробочки и т. п., и только постепенно ихъ усложнять.

Для рисованія въ классѣ нужно имѣть аккуратно натянутый на передней стѣнѣ продолговатый кусокъ чернаго линолеума, до 12 квадр. футовъ, и наборъ цвѣтныхъ дешевыхъ мѣлковъ. Иллюстраціи, выполняемыя во время урока, должны быть просты и художественны; рисуя, нужно передавать только существенное, мелочныя подробности лишь затемняютъ ясность рисунка. Краски въ значительной степени оживляютъ иллюстрацію.

Иллюстративному рисованію родственно т.-н. вырѣзываніе.

Для вырѣзыванія пользуются бумагой различныхъ цвѣтовъ. Изъ бумаги вырѣзываются изображенія отдѣльныхъ предметовъ; затѣмъ, при помощи наклеиванія, составляются цѣлыя картины.

Чтобы иллюстрировать этимъ способомъ, напримѣръ, „Три пальмы“ Лермонтова, нужно вырѣзать изъ свѣтло-голубой бумаги продолговатый прямоугольникъ. Въ нижней части этого прямоугольника, приблизительно до $\frac{1}{3}$ его высоты, наклеивается во всю ширину полоса желтой бумаги съ верхнимъ, слегка волнистымъ краемъ. Получается довольно вѣрное изображеніе бесплодной песчаной пустыни и южнаго неба. На переднемъ планѣ, сверхъ желтой бумаги, наклеивается свѣтло-голубая полоска, напоминающая контуромъ очертанія родника. Возлѣ родника помѣщаются три пальмы; стволы ихъ вырѣзываются изъ коричневой бумаги, листья изъ темно-зеленой. Полосками же коричневой бумаги изображается отраженіе пальмъ въ водѣ родника. У основанія пальмъ, кусочками свѣтло-зеленой бумаги, изображается зелень родника. На песокъ отъ пальмъ падаютъ слегка красноватая тѣни. Вдали, на горизонтѣ, наклеиваются маленькія фигурки верблюдовъ. Въ цѣломъ получается очень наглядная и изящная иллюстрація къ стихотворенію.

Для вырѣзыванія, какъ и для иллюстративнаго рисованія, необходимо изучать формы и цвѣта предметовъ. Вырѣзываніе слѣдуетъ начинать съ самыхъ простыхъ сюжетовъ.

Не менѣе важное значеніе для учителя имѣетъ и лѣпка.

Для лѣпки употребляются особые сорта недорогой пластичной глины. Учиться лѣпить нужно также въ извѣстной послѣ-

довательности, начиная съ предметовъ основныхъ геометрическихъ формъ и постепенно усложняя темы.

Чтобы слѣпить, напримѣръ, группу грибовъ, нужно сдѣлать изъ глины нѣсколько шариковъ различной величины. Каждый шарикъ разрѣзывается затѣмъ пополамъ: одна часть служитъ шляпкой гриба, а изъ другой лѣпится ножка. Шляпка укрѣпляется на ножкѣ, а вся группа грибовъ — на общей подставкѣ, сдѣланной изъ той же глины. Подставка покрывается кустиками сухого мха. Когда грибы просохнутъ, ихъ можно окрасить въ соответствующіе цвѣта. Для этого употребляются самыя дешевыя акварельныя краски.

Учитель, умѣющій рисовать, составлять картины при помощи вырѣзыванія и лѣпки, никогда не будетъ чувствовать недостатка въ необходимыхъ для урока наглядныхъ пособіяхъ: онъ самъ можетъ ихъ приготовить.

Уроки такого учителя пріобрѣтутъ въ глазахъ дѣтей особый интересъ, особую занимательность и вызовутъ въ нихъ желаніе учиться этимъ искусствамъ. Учитель, конечно, долженъ итти навстрѣчу желаніямъ дѣтей: онъ долженъ учить ихъ и рисованію, и вырѣзыванію, и лѣпкѣ. Эти искусства являются могущественными орудіями гармоническаго развитія дѣтей. И слѣпнотѣ педагоги, которые на эти искусства въ школѣ смотрятъ какъ на пустую и ненужную забаву: для дѣтей это не пустая забава, а серьезныя средства познанаія окружающаго міра.

При помощи этихъ искусствъ глаза и руки ребенка, по народному выраженію, „дѣлаются умными“.

Нѣкоторыя замѣчанія относительно уроковъ объяснительнаго чтенія въ инородческой школѣ. Когда дѣти научатся читать и писать по-русски, ихъ нужно обучать бѣглому, сознательному и выразительному чтенію. Средствомъ для этого служитъ объяснительное чтеніе. Уроки объяснительнаго чтенія въ инородческой школѣ складываются изъ слѣдующихъ обязательныхъ занятій: 1) предварительной бесѣды, 2) чтенія статьи учителемъ, 3) чтенія статьи учениками, 4) катехизаціи прочитаннаго и 5) пересказа.

Предварительная бесѣда имѣетъ цѣлью возбудить вниманіе учениковъ и заинтересовать ихъ предстоящей работой. Иногда предварительной бесѣдой пользуются для связи даннаго урока съ предыдущими или для объясненія дѣтямъ наиболѣе трудныхъ словъ и выраженій, которыя встрѣчаются въ статьѣ, взятой для чтенія.

Послѣ предварительной бесѣды статья прочитывается учи-

телемъ. Чтеніе учителя должно быть образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Затѣмъ статья читается учениками, по частямъ и цѣликомъ, въ зависимости отъ ея объема и логическаго построенія. Каждая часть прочитывается учениками до тѣхъ поръ, пока чтеніе большинства будетъ вполне удовлетворительнымъ. Во время чтенія учитель долженъ настойчиво исправлять ошибки учениковъ, всякій разъ заставляя снова прочесть всю фразу, въ которой сдѣлана ошибка. Такое чтеніе извнѣ кажется медленнымъ, тяжелымъ и скучнымъ. Но это не должно смущать учителя: это та упорная основная работа, безъ которой нельзя достигнуть сколько-нибудь значительныхъ успѣховъ въ обученіи дѣтей хорошему чтенію.

Когда извѣстная часть статьи прочитывается учениками вполне удовлетворительно, учитель приступаетъ къ объясненіямъ прочитаннаго. Нужно замѣтить, что въ инородческихъ школахъ на урокъ объяснительнаго чтенія учителю приходится толковать дѣтямъ значеніе почти cadaго слова и cadaго выраженія читаемой статьи, при чемъ то или иное слово и выраженіе объясняются не только въ данномъ, но и въ другихъ значеніяхъ. Такимъ образомъ, если на урокахъ объяснительнаго чтенія въ русской школѣ мелочная катехизація признается совершенно излишней и даже вредной, то на урокахъ объяснительнаго чтенія въ инородческой школѣ такая катехизація является положительно необходимой: только путемъ самыхъ подробныхъ толкованій прочитаннаго можно довести учениковъ до полнаго пониманія читаемой статьи. Учитель долженъ забыть о внѣшнихъ эффектахъ уроковъ объяснительнаго чтенія: здѣсь важна не красота внѣшнихъ формъ обученія, а планомѣрная научающая работа, медленно, но вѣрно подвигающая учениковъ къ цѣли. При объясненіяхъ читаемаго иногда бываетъ необходимо пользоваться и роднымъ языкомъ дѣтей.

Когда вся статья будетъ объяснена и планъ составленъ, учитель заставляеть дѣтей пересказать прочитанное.

Пересказъ ведется сперва по вопросамъ: ученики даютъ полные отвѣты на вопросы учителя по содержанію статьи. Изъ полныхъ отвѣтовъ постепенно составляется пересказъ безъ вопросовъ. Сперва дѣти пересказываютъ медленно, неправильно и несвязно. Это объясняется тѣмъ, что они еще не умѣютъ думать по-русски и потому съ трудомъ справляются съ построеніемъ русской рѣчи. Съ теченіемъ времени, при внимательномъ отношеніи учителя къ ошибкамъ дѣтей, пересказъ ихъ совершенствуется.

Для чтенія въ инородческихъ школахъ должны выбираться статьи небольшія по объему и простыя по языку и логическому построению, усложнять ихъ нужно съ большой осторожностью.

Разобранныя на урокахъ объяснительнаго чтенія статьи могутъ служить богатымъ матеріаломъ и для уроковъ грамматики: учитель, пользуясь содержаніемъ прочитанной статьи, самъ составляетъ простые примѣры, примѣнительно къ грамматической темѣ урока.

Предлагаемой нами приѣмъ удобенъ въ томъ отношеніи, что составленные такимъ образомъ примѣры не требуютъ никакихъ объясненій съ смысловой стороны; если же примѣры берутся изъ учебниковъ грамматики, то подобныя объясненія необходимы, а они отвлекаютъ и учителя и учениковъ отъ прямыхъ задачъ урока грамматики.

Въ качествѣ грамматическихъ примѣровъ не слѣдуетъ пользоваться русскими пословицами, особенно тѣми, которыя не разбирались на урокахъ объяснительнаго чтенія: пословицы очень трудны для пониманія дѣтей-инородцевъ.

Можетъ ли учитель обучить дѣтей-инородцевъ русскому языку, не зная ихъ родного языка? Для быстрыхъ успѣховъ въ обученіи русскому языку дѣтей-инородцевъ, учителю необходимо знать ихъ родной языкъ. Тогда занятія русскимъ и роднымъ языкомъ могутъ итти параллельно: на урокахъ русскаго языка дѣти учатся живой разговорной рѣчи; на урокахъ родного языка они учатся родной грамотѣ. Родная грамота подготавливаетъ ихъ къ русской грамотѣ: по прошествіи 3—4 мѣсяцевъ дѣти научатся говорить по-русски и овладѣваютъ родной грамотой. При этихъ условіяхъ переходъ къ русской грамотѣ не представляетъ особыхъ трудностей, и со второй половины учебнаго года начинаются занятія ужъ исключительно русскимъ языкомъ.

Если же учитель не знаетъ родного языка дѣтей, то занятія идутъ въ другомъ порядкѣ: сперва учитель учитъ дѣтей только разговорной русской рѣчи. Научить же дѣтей говорить по-русски, совершенно не зная ихъ родного языка, безусловно можно: въ этомъ убѣждаетъ насъ опытъ весьма многихъ русскихъ учителей, успѣшно работающихъ въ инородческихъ школахъ, не зная родного языка дѣтей. Они пользуются чистымъ натуральнымъ методомъ.

Когда дѣти научатся немного говорить по-русски, учитель начинаетъ обучать ихъ русской грамотѣ, продолжая въ то же время и разговорные уроки.

Родной грамотѣ при этихъ условіяхъ дѣти не учатся.

Учитель, владѣющій только русскимъ языкомъ, можетъ безбоязненно итти въ инородческую школу: трудности, которыя онъ встрѣтитъ въ дѣлѣ обученія дѣтей, преодолимы: была бы живая любовь къ дѣтямъ и педагогическому дѣлу. Эта любовь— всепобѣждающая.

Г. Каминскій.

(„Начальное Обученіе“ № 7—8.)

III.

Учрежденіе миссіонерскаго монастыря въ Удскомъ у. Благовѣщенской епархіи

Значеніе монастырей въ дѣлѣ колонизаціи окраинъ Россіи и религіознаго воспитанія населенія огромно, какъ о томъ свидѣтельствуеетъ исторія Россійскаго государства. Обширная Благовѣщенская епархіа всегда остро чувствовала необходимость и нужду въ учрежденіи монастырей. Благодаря заботамъ благовѣщенскаго епархіальнаго начальства, нынѣ уже существуютъ въ епархіи три монастыря: женскій—въ г. Благовѣщенскѣ, мужской—въ близиг. Благовѣщенска и мужской—въ близиг. Хабаровска,—и намѣченъ къ открытію мужской миссіонерскій монастырь въ Удскомъ уѣздѣ, для котораго подыскивается удобный надѣлъ съ пахотной, луговой и лѣсной землей, что предположено было окончательно осуществить лѣтомъ 1916 года. Монастырь Удскаго уѣзда предполагается съ характеромъ миссіонерской дѣятельности, такъ какъ гиляки Удскаго уѣзда, въ количествѣ до 30%, упорно продолжаютъ исповѣдывать язычество (шаманизмъ); къ тому же и новопросвѣщенные гиляки, по обычаямъ своей жизни, болѣе приближаются къ язычникамъ, чѣмъ къ православнымъ. Кромѣ того, Удскій уѣздъ по преимуществу съ промышленнымъ и промысловымъ населеніемъ, треть котораго является сюда временно, а эти временные жители уѣзда—разныхъ націй (русскіе, нѣмцы, евреи, татары, корейцы, китайцы, японцы и т. д.) и разныхъ вѣрѣ (православные, язычники, іудеи, магометане, католики, лютеране, сектанты и пр.) Изъ домовладѣльцевъ г. Николаевска очень замѣтное количество евреевъ. Всѣ почти рыбалки, подряды и почтовая гоньба—въ рукахъ евреевъ; пароходство—въ рукахъ евреевъ и сектантовъ; торговля—въ рукахъ евреевъ, татаръ, нѣмцевъ и китайцевъ; рабочая сила—китайцы. Въ общемъ положеніе уѣзда напоминаетъ жизнь отдаленной колоніи, эксплуатируемой всѣми, кромѣ русскихъ. Чтобы русскому населенію уѣзда легче жилось, чтобы создать извѣстное настроеніе въ духов-

ной жизни мѣстнаго русскаго и инородческаго населенія, чтобы имѣть возможность оказанія нуждающемуся нравственной поддержки, необходимо въ уѣздѣ монастырь, какъ свѣточъ православія и какъ центръ, способный духовно сплотить и объединить немногочисленныхъ православныхъ людей уѣзда. Объ учрежденіи этого монастыря особенно и заботится благовѣщенское епархіальное начальство.

Существующіе монастыри Благовѣщенской епархіи начали свою жизнь и свою полезную дѣятельность почти безъ всякихъ средствъ; поэтому каждый изъ нихъ въ первые годы своего существованія терпѣлъ острую нужду даже въ хлѣбѣ насущномъ. Очень нежелательно, въ виду вышеизложеннаго, допустить, чтобы и проектируемый къ открытію монастырь Удскаго уѣзда влачилъ нѣсколько годовъ жалкое существованіе и чрезъ то терялъ драгоценное время и свой авторитетъ въ глазахъ инновѣрцевъ и иностранцевъ. Необходимо поставить его въ такія условія, чтобы онъ могъ развить свою просвѣтительную дѣятельность для блага церкви и для пользы отечества съ перваго же года своего бытія. А для сего необходимо при самомъ открытіи монастыря ассигновать на его первоначальное хозяйство средства: на постройку церкви—8000 р., на постройку двухъ домовъ—10000 р., на постройку пріюта со школой и богадѣльней—10000 р., на живой и мертвый инвентарь—7000 р., итого—35000 рублей.

Начальникъ инородческой миссіи

священникъ *Павелъ Кудрявцевъ*.

Приложеніе. Вѣдомость о населеніи и о вѣроисповѣдномъ составѣ населенія Удскаго уѣзда.

Необходимость учрежденія миссіонерско-инородческихъ приходовъ: Найхинскаго, Болоньскаго и Нижне-Тамбовскаго въ Хабаровскомъ уѣздѣ, Приморской области, Благовѣщенской епархіи.

I.

Доле-Троицкій миссіонерскій приходъ въ настоящее время состоитъ изъ трехъ русскихъ селеній (944 чел. об. п. жителей), разстояніи по рѣкѣ Амуру въ 45 верстѣ, и изъ 24 инородческихъ стойбищъ (1398 чел. об. п. гольдовъ), на разстояніи по рѣкѣ Амуру въ 120 вер. Кроме сего, въ составъ прихода входятъ ороченны (до 250 чел. об. п.), проживающіе по р. Онюю (на картахъ—рѣка Донденъ), но непосѣщаемые священникомъ по дальности раз-

стоянія (до 300 вер. отъ церкви) и по трудности путей сообщенія (вѣзда на лодкахъ и на собакахъ). Въ приходѣ 1 церковь, 1 часовня съ алтаремъ и 4 школы (изъ нихъ—двѣ школы у инородцевъ: въ Найхинѣ и въ Торгонѣ). Шамановъ въ приходѣ—9; языческихъ браковъ: одноженовъ—124 и двоеженовъ—7. Хотя въ настоящее время всѣ гольды уже приняли православную вѣру, но они находятся въ полуязыческомъ состояніи: храмовое богослуженіе не посѣщается ими по дальности разстоянія; изъ таинствъ они исполняютъ одно крещеніе; начальныя молитвы знаютъ лишь учившіеся въ школахъ; христіанскаго долга исповѣди и св. причащенія они не исполняютъ, браковъ не вѣнчаютъ въ церкви.

Для успѣха миссіи въ дѣлѣ наученія и воспитанія новопросвѣщенныхъ гольдовъ Доле-Троицкаго прихода необходимо уменьшить территорію прихода путемъ выдѣленія нѣкоторыхъ стойбищъ прихода въ самостоятельный миссіонерскій станъ, съ резиденціей миссіонерскаго причта (священникъ и псаломщикъ) въ центральномъ стойбищѣ Найхи, гдѣ имѣется въ настоящее время двухкомплектная двухклассная инородческаѣ церковно-приходская школа, помѣщающаяся въ специально-выстроенномъ на миссіонерскія средства зданіи, и уже съ 1910 года отведена для причта, церкви и школы отличная земля (жирная и незатопляемая) въ размѣрѣ болѣе ста дес. при устьѣ р. Онюя и Амура.

Съ раздѣленіемъ Доле-Троицкаго прихода на два прихода, мы будемъ имѣть.

а) въ Доле-Троицкомъ приходѣ: 3 русскихъ деревни съ населеніемъ въ 944 чел. об. п. и 9 инородческихъ стойбищъ съ населеніемъ въ 200 чел. гольдовъ, длина прихода по р. Амуру будетъ 60 верстъ; б) въ Найхинскомъ приходѣ: 15 инородческихъ стойбищъ (отъ Саяна до Моху) съ населеніемъ въ 1198 чел. инородцевъ; длина прихода по рѣкѣ Амуру будетъ 60 верстъ; къ Найхинскому-же приходу необходимо будетъ причислить и ороченовъ р. Онюя, впадающей въ Амуръ у Найхина.

II.

Вознесенскій миссіонерскій приходъ въ настоящее время состоитъ изъ 4 русскихъ деревень (768 чел. об. п. жителей), на разстояніи по р. Амуру въ 101 версту, и изъ 41 инородческаго стойбища (1554 чел. об. п. гольдовъ, ороченовъ и тунгусовъ), на разстояніи по р. Амуру —109 верстъ, по р. Хунгари—до 400 верстъ и по берегамъ Болоньскаго озера—около 170 верстъ. Въ приходѣ: 1 церковь, 3 часовни съ алтарями и 5 школъ (одна школа—у

инородцевъ). Шамановъ въ приходѣ—21; языческихъ браковъ: одноженовъ —314 и двоеженовъ—25. Язычниковъ въ приходѣ нѣтъ; новопросвѣщенная паства находится въ полуязыческомъ состояніи, какъ и въ сосѣднемъ Доле-Троицкомъ приходѣ.

Для успѣха миссіи въ дѣлѣ наученія и воспитанія новопросвѣщенныхъ инородцевъ обширнаго Вознесенскаго прихода необходимо уменьшить территорію прихода путемъ выдѣленія нѣкоторыхъ стойбищъ прихода въ самостоятельный миссіонерскій станъ, съ резиденціей миссіонерскаго причта (священникъ и псаломщикъ) въ стойбищѣ Болонь, гдѣ имѣется въ настоящее время одноклассная инородческая церковно-приходская школа, помѣщающаяся временно въ наемномъ зданіи. Церковь и причтъ могутъ быть обезпечены землей въ достаточномъ количествѣ изъ свободныхъ казенныхъ земель.

Съ раздѣленіемъ Вознесенскаго прихода на два прихода, мы будемъ имѣть:

а) въ Вознесенскомъ приходѣ: 3 русскихъ деревни съ населеніемъ въ 622 чел. об. п., 14 стойбищъ инородцевъ (отъ Демми до Чельчи) по р. Амуру и 9 стойбищъ инородцевъ по р. Хунгари, всего инородческаго населенія —721 чел. об. п.; длина прихода по Амуру будетъ 85 верстъ и по р. Хунгари—до 400 вер.;

б) въ Болоньскомъ приходѣ: 1 русская деревня (Малмыжь) съ населеніемъ въ 146 чел. об. п. и 19 инородческихъ стойбищъ (съ тунгусами) по берегамъ Болоньскаго озера съ населеніемъ въ 833 чел. об. п.; длина прихода будетъ около 200 верстъ.

III.

Уменьшеніе приходовъ Вознесенскаго и Доле-Троицкаго не окажетъ рѣшительно никакого матеріальнаго ущерба ни приходскимъ церквамъ, ни причтамъ сихъ церквей, такъ какъ инородцы не отбываютъ никакихъ повинностей по содержанію церквей, школъ и причтовыхъ домовъ, никогда не вознаграждаютъ священника за трудъ требоисправленія и молитвословіи и не привыкли еще покупать въ церкви восковыя свѣчи. Наоборотъ, уменьшеніе сихъ приходовъ будетъ благодѣяніемъ для Вознесенскаго и Троицкаго причтовъ, ибо много сократитъ ихъ непосильную пастырскую работу. Чѣмъ скорѣе будетъ осуществлено учрежденіе Найхинскаго и Болоньскаго причтовъ, тѣмъ больше пользы окажетъ миссія и для русскаго населенія и для инородческаго. Русское населеніе постепенно увеличивается путемъ переселеній изъ Европ. Россіи и изъ года въ годъ требуетъ отъ священника сугубыхъ

трудоѡ, а инородческое населеніе, не окрѣпшее въ православной вѣрѣ, очень нуждается даже въ постоянномъ пастырскомъ вліяніи. Съ теченіемъ времени (но не въ далекомъ будущемъ) все равно Переселенческое Вѣдомство будетъ ходатайствовать объ открытіи въ этихъ мѣстахъ приходовъ, такъ что если миссія нынѣ не используетъ возможности учрежденія указываемыхъ новыхъ миссіонерскихъ становъ, то въ будущемъ особенной нужды въ ихъ учрежденіи не возникнетъ, но при этомъ можетъ случиться, что резиденціи переселенческихъ причтовъ будутъ не въ центрѣ инородческаго населенія и послѣднее окажется только изъ милости приписаннымъ къ ближайшему переселенческому приходу. Согласно схематической карты переселенческаго Вѣдомства, въ предѣлахъ нынѣшнихъ обширныхъ Вознесенскаго и Доле-Троицкаго приходовъ заготовлены участки для заселенія въ первую очередь: Курунскій и Ближній, которые съ удобствомъ могутъ войти въ составъ Найхинскаго прихода, три чельчинскихъ, изъ которыхъ могутъ войти въ составъ Вознесенскаго прихода № 2 и № 3, а № 1-й— въ составъ Болоньскаго прихода; Островной и Силинскій вмѣстѣ съ существующей дер. Пермской составлять самостоятельный приходъ; два Хумминскихъ и Веселый войдутъ въ составъ Вознесенскаго прихода; Синдинскіе участки составлять одинъ или два самостоятельныхъ прихода.

Единовременный расходъ по открытію Найхинскаго и Болоньскаго миссіонерскихъ становъ долженъ быть нѣсколько болѣе, чѣмъ по открытію переселенческаго прихода. Въ здѣшнихъ мѣстахъ при открытіи каждаго новаго переселенческаго прихода ассигнуется: 6000 руб. на постройку церкви и 3000 руб. на постройку причтовыхъ домовъ; при этомъ имѣется въ виду, что крестьяне за свой счетъ сдѣлаютъ заготовку нѣкоторыхъ строительныхъ матеріаловъ. Инородцы дѣлу постройки ничѣмъ помочь не могутъ, а слѣдовательно при учрежденіи становъ необходимо ассигновать отъ миссіи: по 6000 руб. на постройку церкви и по 6000 руб. на постройку причтовыхъ домовъ, а всего на два ста—на—24000 рублей.

IV.

Существующій нынѣ въ Хабаровскомъ уѣздѣ Нижне-Тамбовскій миссіонерскій приходъ содержится на средства Денисовскаго прихода Удскаго уѣзда. Для пользы дѣла желательно было бы возвратить Денисовскій причтъ къ гиликамъ, а Нижне Тамбовскому приходу дать свой штатный миссіонерскій причтъ. Церковь и причтовая постройка въ с. Нижне-Тамбовскомъ имѣются. Не-

обходимъ лишь кредитъ отъ казны на жалованье причта. Въ Нижне-Тамбовскомъ приходѣ въ настоящее время состоитъ 9 деревень съ населеніемъ въ 765 чел. об. п. и приготовлены въ районѣ прихода земельные участки для четырехъ переселенческихъ деревень.

Начальникъ инородческой миссіи, священникъ

Павелъ Кудрявцевъ.

Примѣчаніе. Къ подлинному докладу была приложена Схематическая карта Доле-Троицкаго и Вознесенскаго приходоѡ.

Къ вопросу объ улучшеніи экономическаго быта и правового состоянія осѣдлыхъ туземцевъ Благовѣщенской епархіи.

Въ настоящее время въ Благовѣщенской епархіи 8685 чел. об. п. туземцевъ (гольдовъ, гиляковъ и др.) живутъ осѣдло-деревнями. Занятіе ихъ — рыболовство и охота. Пока рыбопромышленность въ Амурскомъ лиманѣ была еще слабо развита и русскаго населенія на Амурѣ было немного, инородцы матеріально были обеспечены въ достаточной степени, такъ какъ уловы кѣты были хорошіе и звѣря били больше. Нынѣ рыбопромышленники вылавливаютъ ежегодно въ низовьяхъ Амура до четырехъ милліоновъ пудовъ кѣты (это—вывозъ), и инородцамъ приходится жить уже въ проголодь. Кѣта же является единственной пищей не только самихъ инородцевъ, но и пищей ихъ ѣздовыхъ и охотничьихъ собакъ. Собаки отъ голода всѣ пропали, а нѣтъ собакъ—сократится до мінімумъ и другой видъ заработка охота. Инородцы обнищали. Чтобы не умерли они голодною смертію, гражданская власть время-отъ-времени раздаетъ инородцамъ буду и муку. Но что значитъ эта милостыня для голоднаго и обнищавшаго инородца? Она нисколько не улучшаетъ ихъ матеріальнаго положенія. Необходимо, въ предупрежденіе могущаго произойти исчезновенія амурскихъ туземцевъ, какъ можно скорѣе измѣнить ихъ правовое состояніе и провести въ мѣстную экономическую жизнь нѣкоторыя мѣропріятія.

1. Корейцы, сейчасъ по принятіи русскаго подданства, получаютъ участки земли. Туземцы же до сихъ поръ земельными участками не владѣютъ. Имъ дано право только жить на казенныхъ земляхъ, пользоваться тальникомъ и валежникомъ для своихъ хозяйственныхъ надобностей и право рыбной ловли въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Съ нихъ взимается, въ видѣ ясака (по 1 рубль работника), государственный налогъ и обложеніе (около

5 р. съ работника) на содержаніе волости и фельдшера. Кромѣ того, инородцы отбываютъ натуральную подводную повинность. Другихъ правъ инородцамъ не дано. Если инородцу потребуется для своихъ нуждъ (построить домъ, сдѣлать лодку или боченки для рыбы) строевой лѣсъ, хотя бы въ количествѣ нѣсколькихъ бревенъ, онъ долженъ платить попенныя; если инородецъ не имѣеть средствъ на приобрѣтеніе невода, онъ не можетъ ловить рыбу сѣтями; если инородецъ захотѣлъ бы заняться сельскимъ хозяйствомъ, онъ долженъ арендовать землю, и т. п. Правда, половинѣ инородческихъ стойбищъ произведенъ уже обмѣръ земель, но отводъ земли не сдѣланъ и земля еще не дана инородцамъ во владѣніе. Необходимо какъ можно скорѣе: а) всѣхъ гольдовъ и гиляковъ зачислить въ крестьянское сословіе; б) дать всѣмъ гольдамъ и гилякамъ земельныя и рыболовныя угодья въ той мѣрѣ, въ какой они даны крестьянамъ; в) предоставить инородцамъ одинаковыя права съ крестьянами по волостному самоуправленію; г) распространить на инородцевъ общеимперскіе законы о воинской повинности, о бракѣ и о кладбищахъ.

Владѣя землей, инородцы скорѣе и естественнымъ путемъ приступятъ къ сельско-хозяйственному труду, съ которымъ отчасти уже знакомы (огородничество и сѣнокошеніе), и путемъ поставки дровъ изъ своихъ надѣловъ на приходы могутъ улучшить свое матеріальное положеніе. Сытому же инородцу способнѣе будетъ слушать и проповѣдь миссіонера. Кромѣ того, будучи крестьянами, инородцы воспользуются казенными пособіями и ссудами для приобрѣтенія сельско-хозяйственныхъ орудій и на покупку лошадей. Какъ крестьяне, они обязаны будутъ отбывать воинскую повинность, а во время отбыванія сей повинности приобрѣтутъ познанія, могущія повысить съ одной стороны, ихъ религіозное міровоззрѣніе, а съ другой — культурный уровень ихъ жизни.

Главными проявленіями языческой настроенности туземцевъ Приамурья нынѣ являются многоженство ихъ и неравные браки, камланія шамановъ при болѣзняхъ, при похоронахъ и при отправленіи души умершаго въ „буни“ (по православной терминологіи, въ царство небесное, на лоно Авраамово); особенно сильнымъ вліяніемъ на инородцевъ пользуются шаманы въ послѣднемъ случаѣ. Чтобы подорвать вліяніе шамановъ, необходимо законодательнымъ путемъ распространить на осѣдлыхъ инородцевъ Приамурья общеимперскіе законы о бракѣ (одноженство, соблюденіе брачнаго возраста, правила о родствѣ и священническое повѣнчаніе въ церкви) и о кладбищахъ (ограда около кладбища, священ-

ическое отпѣваніе умершаго православнаго инородца и требуемая закономъ глубина могилъ).

2. Инородческое населеніе уменьшается главнымъ образомъ вслѣдствіе частыхъ эпидемическихъ заболѣваній, особенно отъ оспы. Очень желательно и полезно было бы учредить въ районѣ расселенія инородцевъ нѣсколько фельдшерскихъ пунктовъ, а именно (въ первую очередь): въ Найхинѣ, въ Болони, въ Тирѣ и на южномъ лиманѣ Амура. Должны быть классные фельдшера исключительно для обслуживания инородцевъ. Небезполезно также было бы, въ видѣ опыта, учредить въ Найхинѣ и въ Болони акушерскіе пункты.

3. Для подъема благосостоянія не только инородцевъ, но всѣхъ вообще амурскихъ жителей очень желательно было бы воспретить ловлю кѣты заѣздками, которые надо признать варварскимъ и хищническимъ способомъ ловли рыбы. Заѣздки обыкновенно устроятся въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ кѣта идетъ берегомъ. При хорошемъ ходѣ рыбы рабочіе не успѣваютъ чистить и засаливать пойманную рыбу, и послѣдняя (она скоро портится) массами уничтожается (или въ воду бросаютъ, или закапываютъ). Это—варварство. Съ другой стороны, заѣздковыя ловли, очень выгодныя для крупныхъ рыбопромышленниковъ, обездоливаютъ все населеніе Приморской области, живущее по Амуру, Уссури и другимъ притокамъ Амура, потому что главныя массы рыбы вылавливаются въ лиманѣ Амура, а для остального населенія области остается только та рыба, которую не въ состояніи были вмѣстить заѣздки. Естественно, что кѣта изъ общепотребительной и дешевой пищи дѣлается рѣдкой пищей, естественно также, что одна изъ самыхъ выгодныхъ отраслей крестьянскаго труда дѣлается невыгодной. Защитники заѣздковыхъ ловель и крупной рыбопромышленности обыкновенно указываютъ: а) что казна получаетъ съ рыбопромышленниковъ немалый доходъ; б) что заслуги предъ отечественной промышленностью и торговлей крупныхъ рыбопромышленниковъ громадны, такъ какъ только благодаря крупнымъ рыбопромышленникамъ завоеванъ рынокъ для Амурской и Камчатской кѣты, только благодаря имъ развилась торговля и промышленность въ низовьяхъ Амура, массы рабочихъ получили хорошій заработокъ, цѣны на рыбу крестьянскаго засола повысились, и т. д. Все это—правда, но не надо забывать и того обстоятельства, что отъ дѣятельности крупныхъ рыбопромышленниковъ голодаетъ иногда все крестьянское населеніе двухъ областей, не говоря уже объ инородцахъ. Что же касается вопроса о доходахъ казны отъ рыбопромышленности, то намъ думается, что

доходъ этотъ не умалится, если крупные рыбопромышленники вынуждены будутъ ловить рыбу неводнымъ способомъ или замѣнять свои рѣчные ловли ловлей кѣты въ Охотскомъ морѣ. Къ тому же возможно установить на вывозимые для продажи кѣтовые продукты опредѣленный налогъ, взимаемый не только съ арендованныхъ рыбалокъ и засолень, но и съ мѣстнаго крестьянскаго населенія. Очень необременительнымъ для торгующаго рыбой населенія было бы платить съ каждаго проданнаго суда кѣты: семужьяго засола—50 к., икры и балыковъ—25 к., копченой и вяленой рыбы—20 к., обыкновеннаго засола—15 к., а въ общемъ составитъ внушительная цифра, не меньшая нынѣ получаемой отъ рыбопромышленниковъ. Къ тому же, по запрещеніи заѣздовъ, вся кѣта пойдетъ въ верховья рѣкъ, а это обстоятельство будетъ имѣть немаловажное значеніе при заселеніи пустынныхъ береговъ Амура между Хабаровскомъ и Николаевскомъ. Опасаться упадка торговли, паденія цѣнъ на кѣту и безработицы для нѣкоторой части населенія болѣе, чѣмъ странно.

Начальникъ инородческой миссіи.

Священ. Павелъ Кудрявцевъ.

Необходимость расширенія церковно-школьной сѣти у туземныхъ инородцевъ Благовѣщенской епархіи.

Осѣдлыхъ туземныхъ инородцевъ (гольдцовъ, гиляковъ, ороченъ и тунгусовъ) въ предѣлахъ миссіонерскихъ приходоу Благовѣщенской епархіи къ 1 янв. 1916 г. было 8685 чел. об. п. Они живутъ въ 183 стойбищахъ. Дѣтей школьнаго возраста у нихъ—963 чел. об. п. Церковно-приходскихъ гольдско-гилякскихъ школъ имѣется 8. Существующія школы обслуживаютъ 28 инородческихъ стойбищъ съ населеніемъ въ 2064 чел. об. п. (дѣтей школьнаго возраста—248 чел. об. п.). Учениковъ въ 8 школахъ въ 19¹⁵/₁₆ уч. г.—102 чел. Слѣдовательно, и въ школьныхъ районахъ половина дѣтей школьнаго возраста не посѣщаетъ школу по дальности ея разстоянія отъ ихъ мѣстожительствъ и вслѣдствіе отсутствія въ школахъ (кромя Найхинской) пансіоновъ. Остальныя 155 инородческихъ стойбищъ, по малолюдству жителей и по отсутствію средствъ у миссіи, лишены возможности имѣть школы. По послѣдней причинѣ не устраиваетъ школъ въ инородческихъ стойбищахъ и Министерство Народнаго Просвѣщенія. Такъ какъ инородческія школы являются очень полезными для успѣховъ миссіи учрежденіями, то очень желательно было бы расширить

церковно-школьную сѣть у инородцевъ путемъ открытія новыхъ инородческихъ школъ. Но Благовѣщенская миссія не имѣетъ средствъ для этого. Изъ ассигнуемыхъ совѣтомъ православнаго миссіонерскаго Общества средствъ (около 12000 руб. въ годъ) Благовѣщенскій епархіальный миссіонерскій комитетъ расходуетъ на школьное дѣло у инородцевъ епархіи 8450 рублей, въ томъ числѣ 5200 руб. на жалованье учащихся. Слѣдовательно, расширеніе школьной сѣти у инородцевъ возможно: а) или при условіи увеличенія ассигнованій миссіонерскому Комитету отъ Совѣта миссіонерскаго Общества и б) или при условіи, если содержаніе учительскихъ вакансій въ нѣкоторыхъ инородческихъ школахъ отнести на средства казны. Первое трудно осуществить, чѣмъ второе, такъ какъ въ другихъ мѣстностяхъ инородческія церковныя школы (Благословенская у корейцевъ, Амурской области, и корейскія школы, какъ церковныя такъ и министерскія—приморской области), получаютъ содержаніе учащимъ отъ казны на общихъ основаніяхъ съ русскими школами. Слѣдовало бы изъ числа церковно-приходскихъ школъ Благовѣщенской епархіи, содержащихся на средства миссіи, передать на содержаніе казны: хабаровскую корейскую одноклассную школу, Найхинскую гольдскую двухклассную, торгонскую гольдскую одноклассную, Болоньскую гольдскую одноклассную, Кондонскую гольдскую одноклассную и Наанскую гольдскую одноклассную, всего семь учительскихъ комплектовъ. При осуществленіи этого предположенія явилась бы возможность, не прибѣгая къ увеличенію ассигнованій на содержаніе Благовѣщенской миссіи, во-первыхъ, увеличить до нормы жалованье учителямъ остальныхъ инородческихъ одноклассныхъ школъ: Саккачи-Алянской (у гольдовъ), уданской (у гиляковъ) и Пулинской (у гиляковъ) и тѣмъ привлечь на должности учащихся болѣе или менѣе опытныхъ учителей; во-вторыхъ, назначить законоучительское вознагражденіе учащимъ хабаровской, Найхинской и другихъ школъ (учащіе инородческихъ школъ теперь за преподаваніе Закона Божія ничего не получаютъ) и, въ-третьихъ, открыть новую школу на средства миссіи въ стойбищѣ Лангирь (у гиляковъ). Если при этомъ возможно было бы получить отъ казны содержаніе учительскихъ комплектовъ и для проектируемыхъ новыхъ школъ, то въ первую очередь необходимо открыть инородческія одноклассныя школы въ стойбищахъ: Бельды (тунгусы) и Карги (тунгусы) и въ монастыряхъ: на Тунгусскѣ (у огольдовъ) и въ Удскомъ уѣздѣ (для гиляковъ), чѣмъ была бы вполне удовлетворена первоочередная насущная нужда въ увеличеніи количества новыхъ школъ у инородцевъ. Въ результатѣ, получая

по-прежнему изъ Совѣта православнаго миссіонерскаго Общества ежегодно на содержаніе миссіи около 12000 р. и получая ежегодно отъ казны на жалованье учащихся и законоучителей инородческихъ школъ по 7600 руб., Благовѣщенская миссіи имѣла бы 4 школы съ пансіонами и 10 школъ безъ пансіоновъ (всего 15 учительскихъ комплектовъ: при этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что туземные инородцы, какъ не пользующіеся правами крестьянскаго сословія, не имѣютъ возможности составлять приговоры объ открытіи школъ и ихъ содержаніи. Благодаря этому обстоятельству, а также принимая во вниманіе бѣдность инородцевъ, необходимо самимъ учрежденіямъ придти на помощь инородцевъ, не ожидая отъ нихъ приговоровъ, какъ того требуютъ законоположенія по вопросамъ объ открытіи и содержаніи школъ. Равнымъ образомъ, имѣя въ виду бѣдность инородцевъ и невозможность для нихъ полученія казенныхъ пособій на постройку школьныхъ зданій, миссіи необходимо ходатайствовать предъ Совѣтомъ миссіонерскаго Общества объ отпускѣ 11000 руб. на постройку школьныхъ зданій у инородцевъ: въ Болони на зданіе съ пансіономъ—5000 руб., въ Кондонѣ на зданіе безъ пансіона,—3000 руб. и въ Наанѣ на зданіе безъ пансіона—3000 рублей.

Начальникъ инородческой миссіи
свящ. *Павель Кудрявцевъ.*

Приложеніе Проектъ церковно-школьной сѣти у инородцевъ Благовѣщенской епархіи.

Необходимость исходатайствованія миссіонерамъ Благовѣщенской епархіи повышенныхъ казенныхъ окладовъ содержанія и желательность полного использованія духовенствомъ Благовѣщенской епархіи предоставленныхъ ему закономъ преимуществъ службы въ Приамурскомъ краѣ.

Въ настоящее время инородческіе миссіонеры Благовѣщенской епархіи получаютъ очень неодинаковое казенное содержаніе: отъ 461 р. до 882 р.—священникъ и отъ 196 р. до 588 р.—псаломщикъ. Несмотря на то, что каждый причтъ получаетъ отъ казны разнѣздныя суммы, и нѣкоторые миссіонеры получаютъ еще пособіе изъ миссіонерскихъ суммъ, все же содержаніе миссіонерскихъ причтовъ надо признать очень низкимъ и не соответствующимъ правамъ и обязанностямъ миссіонеровъ, ибо въ инородческихъ приходахъ почти нѣтъ доходовъ отъ прихожанъ и, слѣдовательно, миссіонерамъ приходится жить на одно жало-

Проектъ церковно-школьной сѣти у инородцевъ Благовѣщенской епархіи.

Наименованіе инородческіхъ приходовъ.	Обслуживаемые школами районы.	Количество.		Количество существующ. школъ.		Количество учениковъ.	Размѣръ существующаго олада жалов. учащихся.	Правоспособность учащихся 1915—16 учебнаго года.	Желательное расширеніе школьной сѣти.					Примѣчанія и объясненія.
		Населенія.	Дѣтей школьнаго возраста.	Съ пансіон. помѣ.	Безъ панс.				Проектируема къ открыт. школъ.		Желательн. размѣръ жалованья.		Содержаніе школъ отъ миссіи.	
									Съ пансіон.	Безъ панс.	Казеннаго.	Миссіонерск.		
	Г. Хабаровскъ (у корейцевъ)	1980	132	—	1	38	500	Правоспос.	—	—	700	200	50	Отъ миссіи даются школѣ учебники и письменныя принадлежности на 50 р. Школа содержится средствами самихъ корейцевъ. Въ суммѣ жалованья испрашивается 300 р. законоучителю.
	Стойбище Вэльдъ	182	14	—	—	—	—	Нѣтъ школы	—	1	700	—	270	Въ суммѣ жалованья испрашивается 100 р. законоучителю; 200 руб.—наемъ квартиры съ отопленіемъ; 50 руб.—учебники и письменныя принадлежности; 20 руб.—на освѣщеніе школы.
	Рѣка Тунгузка (длины 70 верстъ)	229	17	—	—	—	—	Нѣтъ школы	1	—	700	—	100	Въ суммѣ жалованья испрашивается 100 руб. законоучителю; 50 р.—учебники и письменныя принадлежности; 50 р.—на школьный инвентарь. Содержаніе школы и пансіона предполагается на средства Богородично-Феодоровскаго монастыря.
	Стойбище Саккачи-аля	119	11	—	1	8	500	Правоспос.	—	—	—	700	200	Жалованье испрашивается съ законоучительскими не отъ казны, потому что вымирають дѣти; 160 р.—наемъ квартиры съ отопленіемъ; 25 р.—учебники; 15 р.—освѣщеніе.
	Стойбища: Эрга, Дада, Найли, Чиринда, Су-су, Гордама, Удзя, Кіень (діам.=11 в.)	442	56	1	—	20	1200	По штату—два правоспособныхъ учителя (школа двухкл.). Въ 1915—16 г. ученики 2-го кл. не явились въ школу, а потому, учитель былъ одинъ.	—	—	1300	200	1590	Въ суммѣ жалованья испрашивается 200 р. законоучительскихъ и 100 р. за заведываніе пансіономъ; 800 р.—на пищу; 390 р.—жалованье сторожу и повару; 200 р.—дрова; 50 р.—на учебники и письменныя принадлежности; 50 р.—освѣщеніе школы и пансіона; 100 р.—ремонтъ зданія и школьной мебели.
	Торгонъ и Дондонъ (1 в.)	432	35	—	1	15	600	Правоспос.	—	—	700	—	420	Въ суммѣ жалованья испрашивается 100 р. законоучителю; 150 р.—дрова; 150 р.—сторожу; 25 р.—учебники; 20 р.—освѣщеніе и 75 р.—ремонтъ зданія и мебели.
	Стойбища: Боловъ, Нэргэвъ, Нэргэка, Дуэнда, Беренда, Хулюсы, Натъки, Утъки, Нэргуль, Хывача (діаметръ=20 верстъ)	534	66	—	1	10	500	Неправоспособный, потому что мало жалованья и наемное для школы помѣщеніе очень плохое	1	—	700	100	1345	Въ суммѣ жалованья испрашивается 100 р. законоучителю и 100 руб. за заведываніе пансіономъ; 800 руб.—на пищу; 240 руб.—жалованье сторожу; 150 р.—дрова; 50 р.—учебники; 50 р.—освѣщеніе и 55 р.—ремонтъ зданія и мебели. Необходимо построить соответствующее зданіе (5000 р.).
	Кондонъ, Ямехта, Сорголь (2 вер.)	205	33	—	1	19	600	Правоспос.	—	—	700	—	190	Въ суммѣ жалованья—100 р. законоучительскихъ; 100 р.—сторожу; 25 р.—учебники; 15 р.—освѣщеніе; 50 р.—ремонтъ. Необходимо построить новое школьное зданіе (3000 р.).
	Наанъ, Хоннда (2 вер.)	136	18	—	1	11	500	Правоспос.	—	—	700	—	165	Въ суммѣ жалованья—100 р. законоучительскихъ; 100 р.—сторожу; 25 р.—учебники; 15 р.—освѣщеніе; 25 р.—ремонтъ. Необходимо построить новое школьное зданіе (3000 р.).
	Карги	188	18	—	—	—	—	Нѣтъ школы	—	1	700	—	250	Въ суммѣ жалованья—100 р. законоучительскихъ; 50 р.—учебники; 200 р.—наемъ квартиры съ отопленіемъ и прислужкой.
	Уданъ	132	18	—	1	11	300	Неправоспособна вслѣдствіе малаго жалованья	—	—	—	700	25	Въ суммѣ жалованья—100 р. законоучительскихъ; 25 р.—учебники. Жалованье не отъ казны, потому что инородцы думаютъ переселиться.
	Пуля	64	11	—	1	8	500	Неправоспос.	—	—	—	700	125	Въ суммѣ жалованья—100 р. законоучительскихъ; 100 р.—наемъ квартиры съ отопленіемъ; 25 р.—учебники. Жалованье испрашивается не отъ казны, потому что инородцы не надѣлены землей и населенія мало.
	Лангиръ	165	27	—	—	—	—	Нѣтъ школы	—	1	—	700	270	Въ суммѣ жалованья—100 р. законоучительскихъ; 50 р.—учебники; 200 р.—квартира съ отопленіемъ и прислужкой; 20 р.—освѣщеніе. Жалованье не отъ казны, потому что инородцы не надѣлены землей.
	Въ проектируемый миссіон. монастырь Удскаго уѣзда	—	—	—	—	—	—	—	1	—	700	—	150	Въ суммѣ жалованья—100 р. законоучительскихъ; 100 р.—на учебники и письменныя принадлежности; 50 р.—ремонтъ классной мебели. Содержаніе школы и пансіона предполагается за счетъ монастыря.
	Итого	—	—	1	8	140	5200	Итого	3	3	7600	3300	5150	Итого на постройку . . . 11.000 р.

Примѣчаніе: а) Средства отъ миссіи (8450 р.) на содержаніе школъ разъ ассигнованы въ суммѣ, нынѣ отпускающейся на содержаніе школъ. Для выполненія настоящей сѣти необходимо лишь ассигнованіе отъ казны на содержаніе учащихся — 7600 руб. и отъ миссіи или изъ другихъ источниковъ — 11000 руб. на постройку.
 б) Въ епархіи имѣется еще церковно-приходская школа у корейцевъ села Благословенскаго, но такъ какъ на содержаніе сей школы отъ миссіи средствъ не отпускается, то школа сія въ вѣдомости не отмѣчена.

Начальникъ инородческой миссіи, Священникъ Павелъ Кудравцевъ.

въ частности—въ Удскомъ уѣздѣ. Особенно полезно было бы для духовенства Благовѣщенской епархіи выяснитъ пенсіонныя преимущества службы въ Удскомъ уѣздѣ, льготы по воспитанію и образованію дѣтей, а также—вопросъ о пятилѣткахъ. Болѣе частое и подробное опубликованіе въ Церковныхъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ законоположеній относительно всѣхъ преимуществъ службы въ Благовѣщенской епархіи не могло бы не дать Благовѣщенской епархіи вообще и въ частности—инородческой миссіи дѣятелей съ достаточнымъ образованіемъ. Нынѣ духовенство епархіи знаетъ и старается использовать только Высоч. утв. 8 мая 1884 г. мн. Госуд. совѣта.

3. Не зная своихъ правъ и преимуществъ своей службы въ Удскомъ уѣздѣ, теперешніе миссіонеры не могутъ использовать всѣ способы содержанія, какіе опредѣлены имъ закономъ (Св. Зак., т. 3.), напр., въ вопросѣ о воспитаніи дѣтей и о пятилѣтнихъ прибавкахъ къ жалованью, а потому, кромѣ безсознательнаго неиспользованія всѣхъ способовъ своего содержанія, они лично тратятся до послѣдней копейки на воспитаніе и образованіе дѣтей, а иногда, по недостатку средствъ, оставляютъ дѣтей безъ образованія, когда есть законная возможность воспитать и обучить дѣтей за казенный счетъ. Этимъ наносится личный ущербъ своему матеріальному обезпеченію и ущербъ краю, такъ нуждающемуся въ образованныхъ людяхъ. Необходимо было бы путемъ официальныхъ разъясненій дать духовенству края возможность законнымъ путемъ улучшить свое матеріальное положеніе.

Свѣдѣнія о состояніи православія въ Хабаровско-Удскомъ округѣ, Благовѣщенской епархіи, и соображенія по вопросу объ улучшеніи въ этомъ округѣ пастырско-миссіонерской дѣятельности православнаго духовенства.

Населеніе Хабаровско-Удскаго округа Благовѣщенской епархіи (всего—174,139 чел. об. п.), очень разнообразное по національностямъ, имѣетъ еще ту особенность, что оно—выходцы изъ разныхъ губерній и областей Россіи, Японіи и Китая, съ разными привычками, обычаями, традиціями и наклонностями, при чемъ въ составѣ населенія 19% лицъ желтой расы. Въ вѣроисповѣдномъ отношеніи разнообразія не меньше: православныхъ—85% (въ этомъ числѣ новопросвѣщенные), послѣдователей разныхъ христіанскихъ религій и сектъ—3,2%, магометанъ и іудеевъ—1%, язычниковъ—10, 8%. Въ частности, старообрядцевъ и сектантовъ—954 человекъ.

Списокъ окладовъ казеннаго содержания причтамъ миссіонерскихъ приходовъ Благовѣщенской епархіи.

Наименованіе уѣздовъ.	Наименованіе прихода.	СОДЕРЖАНІЕ.					
		Священнику.		Псаломщику.	Причту на разъѣзды.		Пособіе оуъ мѣся священн. на 1916 г
		Р.	К.	Руб.	Руб.	Руб.	
Амурская область:							
г. Благовѣ- щенскъ . . .	Первый походный манджурскій.	784.—		392	300	—	
г. Зея . . .	Второй походный манджурскій. Зейско-Селемджинскій походный у Якутовъ и Тунгусовъ . .	784.—		392	300	—	
Бурсинскій гор- вый округъ .	Первый походный у Якутовъ и Тунгусовъ (на Нименѣ) .	490.—		196	120	—	
Екатерино - Ни- кольскій ста- ничный округъ.	Благословенскій корейскій . .	784.—		392	300	—	
		784.—		588	—	—	
Приморская область:							
Хабаровскій у. .	Вятскій	490.—		196	120	180	
	Доле-Троицкій	461.64		196	120	220	
	Вознесенскій	461.64		196	120	320	
	Средне-Тамбовскій (Горинскій).	461.64		196	120	240	
	ИТОГО . . .	5501.—		2744	1500	9745	
<p><i>Примѣчаніе:</i> а) Нижне-Тамбовскій причтъ получаетъ окладъ жалованья Денисовскаго причта Удскаго у.</p> <p>б) Открытіе приходовъ Найхинскаго и Болоньскаго испрашивается.</p>							

Наименованіе уѣздовъ.	Наименованіе прихода.	СО Д Е Р Ж А Н І Е.				
		Священнику.		Псагомщнику.	Причту на разъѣзды.	Пособіе отъ миссіи священн. на 1916 г.
		Р.	К.	Руб.	Руб.	
Сахалинская область:						
Удской у. . .	Софійскій	461.64	196	120	120	
	Маринскій	461.64	196	120	120	
	Богородскій	686.—	294	200	120	
	Больше-Михайловскій	461.64	196	120	60	
	Тырскій (Нижне-Амурскій)	461.64	196	120	320	
	Денисовскій (Сабахскій)	490.—	196	120	—	
	Пріохотскій (Машинскій нынѣ)	882.—	392	400	—	
	Дуйскій	686.—	245	120	—	
	Прамгунскій	882.—	392	400	120	
	Второй походный у Якутовъ и Тунгусовъ (на Буруканѣ)	784.—	392	300	1100	
	ИТОГО . . .	6257.—	2695	2020	10972	
	<p><i>Примѣчаніе:</i> а) Рождественскій приходъ (на южномъ берегу Амурскаго лимана), какъ переселенчeskій, въ вѣдомость не заносится.</p> <p>б) Окладъ священника второй походной у Якутовъ и Тунгусовъ церкви получаетъ начальникъ инородческой миссіи Благовѣщенской епархіи.</p>					
	Священникъ П. Кудрявцевъ.					

Болѣ крупныя старообрядческіе центры въ Хабаровскомъ уѣздѣ: с. Николо-Александровка (послѣдователи австрійскаго лже-священства, выходцы изъ Саратовской губ.), дер. Смирновка (послѣдователи австрійскаго лже-священства), г. Хабаровскъ (по преимуществу—послѣдователи австрійскаго лже-священства), дер. Цокровка (выходцы изъ Самарской губ. бѣглопоповцы, безпоповцы и послѣдователи австрійскаго лже-священства), дер. Верхне-Спасовка (выходцы изъ Румыніи—послѣдователи австрійскаго лже-священства) и дер. Самарка (выходцы изъ Самарской губ.—послѣдователи австрійскаго лже-священства); въ другихъ мѣстахъ—с. Вознесенское и Кіинская волость—количество незначительное. Въ с. *Николо-Александровскомъ* (9 верстъ отъ Хабаровска) имѣется церковь и священникъ, обслуживающій Николо-Александровскую, Князе-Волконскую и Кіинскую волости, г. Хабаровскъ и линію Уссур. жел. дороги, пользующійся, кажется, даже правомъ льготнаго проѣзда по жел. дорогѣ. Въ дер. *Верхне-Спасовкѣ* (67 вер. отъ Хабаровска) живетъ священникъ, обслуживающій Покровскую (тунгусскую) волость и Бирскій районъ; пропаганды со стороны послѣдователей раскола не замѣчается. Въ Иманскомъ и Удскомъ уѣздахъ болѣе или менѣе крупныхъ старообрядческихъ центровъ не имѣется.

Сектантство, по количеству послѣдователей, сильнѣе развито въ Удскомъ уѣздѣ, парходство и много рыбалоковъ коего принадлежатъ сектантамъ Амурской области. Въ Удскомъ уѣздѣ сектантская деревня—одна (ферма, Больше Михайловскаго прихода). Въ Хабаровскомъ у. сектантство только еще начинаетъ появляться; сектантская деревня—одна (Ильиновка, Нижне-Тамбовскаго прихода). Въ Иманскомъ у. сектанты имѣются въ Тихоновской волости (Тихоновка, Силанъ), и на Иманѣ. Въ самое послѣднее время сектантство появилось и въ г. Хабаровскѣ (приходъ Алексѣевской церкви). По Амуру сектантство распространяется изъ г. Благовѣщенска и Амурской области путемъ переселеній молоканъ, прыгуновъ и др. Въ Уссурійскомъ краѣ сектантство (адвентисты, баптисты и т. п.) распространяется изъ Харбина путемъ пропаганды (переселенцевъ-сектантовъ очень немного). Вслѣдствіе характера своего распространенія и зловредности лжеученія уссурійскихъ сектантовъ, пока не поздно, необходимо обратить особо серьезное и главное вниманіе именно на сектантство Уссурійскаго края, тѣмъ болѣе, что главное русское населеніе тамъ малороссы, очень склонныя отъ природы къ раціонализму. Въ Уссурійскомъ краѣ сектантство первоначально появилось въ селахъ около ст. Уссури (во Владивост. еп.)—почти на границѣ Благовѣщенской

епархіи, а отсюда начало перебрасываться на Иманъ и далѣе къ гор. Хабаровску.

Что же касается вопроса о статистическомъ обслѣдованіи расколо-сектантства и социализма и объ изученіи характера сектъ, то, въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлано, такъ какъ спеціальнаго миссіонера по расколо-сектантству въ округѣ не имѣется, а на-личнымъ приходскимъ священникамъ, какъ не получившимъ, въ большинствѣ, достаточнаго образованія и очень обремененнымъ приходскими и школьными обязанностями, этотъ вопросъ не подѣ силу. Существующая статистика расколо-сектантовъ ведется только полицейскими управленіями. Поэтому надо признать статистику послѣдователей раскола и сектъ только приблизительной, и можно даже предполагать, что она ниже дѣйствительности,—особенно въ отношеніи сектантовъ, которые, до оффиціального признанія ихъ общинъ, всегда скрываютъ свою принадлежность къ той или иной сектѣ.

Для огражденія, утвержденія и распространенія православной вѣры въ округѣ, а также для пресѣченія или, по крайней мѣрѣ, для ослабленія мѣстнаго расколо-сектантства и прочихъ вредныхъ лжеученій, желательно принять слѣдующія мѣры.

1. Въ Хабаровско-Удскомъ округѣ Благовѣщенской епархіи въ настоящее время имѣется 58 причтовъ (вмѣстѣ съ инородческими), а всего приходскихъ священниковъ 62. Если принимать во вниманіе только православное населеніе округа, то въ среднемъ на cadaго приходскаго священника приходится $147618:62 = 2381$ ч. об. п. жителей. Если принимать во вниманіе все населеніе округа, то въ среднемъ на cadaго приходскаго священника приходится— $174139:62 = 2809$ ч. об. п. жителей. Въ томъ и въ другомъ случаѣ мы видимъ, что большинство приходовъ округа имѣетъ въ своемъ составѣ количество населенія много выше нормы. Отъ 21 декабря—25 января 1884/5 года Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ: „Во всѣхъ епархіяхъ, за исключеніемъ западныхъ и закавказскихъ, церковные причты въ приходахъ, имѣющихъ менѣе 700 душъ муж. п., состоятъ изъ священника и псаломщика, а въ приходахъ, имѣющихъ болѣе 700 душъ,—изъ священника, діакона и псаломщика“. Въ Благовѣщенской епархіи, еще заселяющейся переселенцами, полезнѣе увеличивать не составъ причтовъ, а количество приходовъ, т.е. большіе приходы раздѣлять на два, на три и болѣе, чтобы постепенно уменьшать діаметръ приходовъ и чрезъ это естественнымъ путемъ улучшать болѣе близкое взаимообщеніе священника съ паствою. Не безъ причинъ опредѣлена норма прихожанъ на од-

ного священника, ибо отправленіе богослуженія, преподаваніе въ школахъ Закона Божія и другія многосложныя обязанности священника всегда отнимають у него такъ много времени, что иногда некогда бываетъ изучить религиозно-нравственное состояніе прихожанъ и поговорить съ тѣми изъ прихожанъ, которые склонны къ отпаденію отъ православной вѣры. Особенно послѣднее обстоятельство замѣтнымъ образомъ выдѣляется въ приходахъ Дальняго Востока. Приходы образуются изъ переселенцевъ разныхъ губерній, у прихожанъ разные обычаи, взгляды и требованія, районы приходовъ занимають довольно большую территорію, путей сообщенія нѣтъ. Немало труда и умѣнья требуется отъ священника только на то, чтобы при всѣхъ этихъ неблагоприятныхъ условіяхъ сплотить жителей прихода въ единую приходскую единицу, что, вслѣдствіе обширности приходовъ и отъ неопытности мѣстнаго молодого духовенства рѣдко удается сдѣлать. Чаще же всего можно видѣть въ мѣстномъ священникѣ приходскомъ не пастыря своихъ чадъ духовныхъ, а разѣздного чиновника - требоисправителя, который едва успѣваетъ совершать требы и не успѣваетъ въ праздники посѣтить со св. крестомъ всѣ дома своихъ прихожанъ. Отъ такой работы священникъ устаетъ и нервничаетъ, чувствуя, что на пастырскія дѣла въ приходѣ у него не остается времени. Ясно, что только при меньшемъ количествѣ прихожанъ священникъ успѣетъ и требы совершить, и неопустительно быть въ школѣ на урокахъ Закона Божія, и чаще посѣщать дома прихожанъ, и почитать, и пописать, и заняться пастырско-миссіонерской работой.

2. Противъ дробленія приходовъ обыкновенно стоитъ само приходское духовенство, не обезпеченное казеннымъ жалованіемъ въ достаточной степени, а потому учитывающее каждую лишнюю потребу, какъ улучшеніе своего матеріальнаго положенія. И дѣйствительно, съ этой точки зрѣнія духовенство вполне правильно разсуждаетъ, такъ какъ отъ 200—300 и болѣе требъ священникъ лучше обезпечиваетъ себя, чѣмъ отъ 50—100 требъ. Поэтому, при неустроенности мѣстныхъ приходовъ и при дороговизнѣ здѣшной жизни, крайне необходимо было бы повысить священникамъ немиссіонерскихъ приходовъ казенные оклады содержанія хотя бы до нормы оклада жалованья учителя начальной школы (600 руб.), не мечтая о большемъ.

Однимъ изъ способовъ къ улучшенію матеріальнаго состоянія причтовъ считается, кромѣ жалованія отъ казны, владѣніе надѣльной землей. Въ старинныхъ приходахъ Европейской Россіи земля, дѣйствительно, приноситъ духовенству немалую

пользу. Но не то мы видимъ въ приходахъ Дальняго Востока. При здѣшнихъ церквахъ есть земля въ достаточномъ количествѣ, но она рѣдко гдѣ приноситъ церкви и духовенству доходъ, такъ какъ приходы молодые и земля еще на разработана. Наличный составъ духовенства не приступаетъ къ разработкѣ земли, потому что духовенство, чувствуя свою необеспеченность, не держится крѣпко за свои приходы, а всегда мечтаетъ перемѣститься на болѣе обеспеченный приходъ. Если бы была возможность прикрѣпить духовенство къ своимъ приходамъ и если бы каждый священникъ и псаломщикъ былъ увѣренъ, что не только онъ проживетъ всю свою жизнь въ одномъ приходѣ, но что приходъ этотъ, по его желанію, останется и впредь за его сыномъ или дочерью, то думается, а) что многіе изъ духовенства занялись бы сельскимъ хозяйствомъ, б) что меньше было бы случаевъ неблаговеденія (изъ боязни лишиться прихода), в) что повысилось бы вліяніе причта на прихожанъ и г) что священникъ заботился бы объ искорененіи въ своемъ приходѣ сектантскихъ лжеученій, а не мечталъ бы уйти изъ испорченнаго прихода въ другой какой-либо приходъ, чтобы и послѣдній испортить, а потомъ опять перейти въ новый.

3. Однимъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ въ дѣлѣ улучшенія пастырства въ приходахъ считаю наличіе при каждой приходской церкви точныхъ и подробныхъ записей всѣхъ прихожанъ (такъ-называемыя „исповѣдныя росписи“). Въ приходахъ Европейской Россіи исповѣдныя росписи ведутся настолько точно и подробно, что онѣ являются самымъ правильнымъ документомъ о количествѣ вѣроисповѣднаго состава населенія въ приходѣ. Въ исповѣдныя росписи записываются не только постоянные жители прихода, но и временные (исключая случайныхъ проѣзжихъ и прохожихъ), проживающіе въ приходѣ ко времени составленія росписей въ нанятыхъ квартирахъ. Прихожане, уѣзжающіе на продолжительное время въ другія мѣстности, не вычеркиваются изъ списковъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ извѣстно, что окончательно поселились въ другой мѣстности. О каждомъ актѣ крещенія, бракосочетанія и погребенія у иноприходныхъ, временно-проживающихъ въ данномъ приходѣ, извѣщается по принадлежности. Кромѣ ежегоднаго исправленія и дополненія росписей по метрическимъ книгамъ, причтъ ежегодно въ теченіе Великаго поста, обходя дома прихожанъ съ молитвою, провѣряетъ правильность записей путемъ разспроса и отмѣчаетъ тѣхъ, кто отлучился на болѣе продолжительное время, кто состоитъ въ расколѣ или подверженъ сектантству, кто ино-

вѣрецъ и т. д. Исповѣдники обыкновенно записываются въ такъ-называемую „алтарную тетрадь“, на основаніи коей, при составленіи новыхъ росписей, отмѣчаются исповѣдавшіеся и причастившіеся. Благодаря этимъ росписямъ каждый приходскій священникъ можетъ изучить свой приходъ, какъ слѣдуетъ, и точно знать: кто именно и по какой причинѣ не исполняетъ христіанскаго долга исповѣди. Вновь поступившій въ приходъ священникъ только и можетъ начать изученіе вѣроисповѣднаго состава своихъ прихожанъ съ этихъ росписей. Во всемъ этомъ—громадное значеніе исповѣдныхъ росписей. Здѣсь, на Дальнемъ Востоку, исповѣдныя росписи во многихъ случаяхъ грѣшатъ противорѣчіемъ дѣйствительности, такъ какъ на правильность и точность веденія ихъ обращается очень мало вниманія. Къ тому же часто не всѣ жители прихода и записываются въ нихъ. Особенно избѣгаютъ, по какимъ-то соображеніямъ, записываться въ росписи раскольниковъ, сектантовъ и иновѣрцевъ, проживающихъ въ районѣ прихода.

4. Въ Хабаровско-Удскомъ округѣ, сравнительно съ другими частями епархіи, мало раскольниковъ и сектантовъ, но годовъ пять тому назадъ еще меньше было. Это свидѣтельствуешь о необходимости для округа, несмотря на незначительное распространеніе раскола и сектъ, учрежденія должности спеціального противо-сектантскаго окружного миссіонера-проповѣдника. Полезность и своевременность этого мѣропріятія отрицать нельзя, какъ нельзя отрицать того обстоятельства, что если бы годовъ 15 тому назадъ былъ открытъ въ селеніи Николо-Александровскомъ православный приходъ (онъ открытъ въ 1908 году), то не было бы тамъ раскола и не жилъ бы тамъ раскольнической причтъ. Сектантовъ нынѣ мало, но раньше ихъ совсѣмъ не было въ этомъ округѣ, а нынѣ докатилась сектантская волна по линіи Уссурийской желѣзной дороги и до г. Хабаровска, гдѣ начинаютъ свивать (въ предѣлахъ прихода Алексѣевской церкви) прочное гнѣздо. Обязанности окружного противораскольническаго миссіонера возможно возложить, за особое вознагражденіе, на одного изъ приходскихъ священниковъ г. Хабаровска. Соединить же въ одномъ лицѣ противосектантскую и противораскольническую миссію нельзя, такъ какъ приемы и способы вразумленія и обличенія у той и у другой миссіи разные до противоположности.

5. Въ Хабаровскѣ всегда сравнительно много стоитъ войска. Въ полкахъ, въ арсеналѣ и у амурской флотиліи есть священники, обслуживающіе религиозныя нужды своихъ воинскихъ частей, но, кромѣ полковъ, имѣется немало командъ: штабныхъ,

писарскихъ, артиллерійскихъ, саперныхъ, интендантскихъ и т. д., которыя, не имѣя своего священника, вынуждены обращаться къ приходскимъ священникамъ, обремененнымъ приходской работой. Между тѣмъ въ перечисленныя команды зачисляются всего болѣе развитые нижніе чины, а потому немалый вредъ будетъ, если случайно сектантская зараза проникнетъ въ эти части войскъ. Полковой священникъ знаетъ настроеніе солдатъ своего полка и всегда можетъ предпринять соотвѣтствующія мѣры противъ распространенія въ полку вредныхъ ученій. Но кто своевременно обратитъ вниманіе на пропаганду сектантства среди командъ? Въ распоряженіи Штаба Приамурскаго Военнаго Округа есть мулла и есть ксендзъ, но, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, нѣтъ православнаго священника. Очень желательно, для пользы православія, было бы, если бы Штабъ Приамурскаго Военнаго Округа нашелъ возможнымъ исходатайствовать къ Штабу причтъ въ составѣ: священника, діакона и причетника.

6. Для улучшенія въ округѣ пастырской работы очень полезно было бы, пользуясь особыми правами и преимуществами службы въ Благовѣщенской епархіи, вызвать, путемъ объявленія, изъ Европейской Россіи хотя бы по три священника съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ, на каждое благочиніе.

7. Для пресѣченія появившагося въ нѣкоторыхъ приходахъ округа расколо-сектантства и для предупрежденія появленія тамъ, гдѣ еще нѣтъ, вредныхъ лжеученій, очень полезно было бы ежегодно въ каждомъ благочиніи, подъ руководствомъ миссіонера, учреждать двухъ — трехнедѣльные курсы по расколо-сектантству для псаломщиковъ благочинія и для ревнителей православія. Содержаніе курсовъ — на средства церковей благочинія. Время — лѣто, когда школьныя зданія свободны отъ занятій. Лекторы — ежегодно очередные два священника изъ даннаго благочинническаго округа. Послѣдніе, уча другіхъ подъ руководствомъ миссіонера, сами усовершенствуются въ борьбѣ съ расколо-сектантствомъ.

8. Необходимо, путемъ оффиціальныхъ распоряженій, сдѣлать приходскаго священника завѣдующимъ не только церковно-приходскими школами, но всѣми министерскими и войсковыми школами прихода, съ обязанностью ежемѣсячнаго ревизіоннаго посѣщенія всѣхъ школъ прихода и донесенія о результатахъ ревизіи по принадлежности (благочинному — о всѣхъ школахъ, уѣздному наблюдателю — о церковно-приходскихъ, инспектору — о министерскихъ, наблюдателю войсковыхъ школъ — о войсковыхъ школахъ).

9. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на открытіе Библейскимъ Обществомъ въ г. Хабаровскѣ приблизительно въ 1912—1913 году торговли книгами священнаго писанія, потому что до появленія этой торговли о сектантствѣ въ г. Хабаровскѣ не было и помина. Этимъ я не хочу связывать появленіе сектантства въ Хабаровскѣ именно съ дѣятельностію Библейскаго общества, но совпаденіе во времени появленія того и другого нельзя не отмѣтить. Торговля Библейскаго Общества ютится на глухихъ улицахъ, объявленій объ ея существованіи нѣтъ, покупателей тоже какъ-будто незамѣтно, а торговля... существуетъ. Правда, нужда въ книгахъ священнаго писанія въ Хабаровскѣ всегда существовала: православный городъ, а негдѣ купить не только Библии, но даже Евангелія. Очень полезно и желательно было бы организовать, хотя бы на комиссіонныхъ началахъ отъ издательской Комиссіи Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, продажу духовенствомъ книгъ священнаго писанія въ г. Хабаровскѣ. Самое удобное мѣсто для этой торговли — уголь Большой ул. и Романовской ул., на сборномъ участкѣ. Для постройки небольшого красиваго кирпичнаго кіоска мѣста достаточно; мѣсто — самое бойкое въ городѣ. Кромѣ книгъ священнаго писанія, необходимо имѣть въ кіоскѣ: книги религіозно-нравственнаго содержанія, иконы и свѣчи для браковъ, тѣльные крестики, цѣпочки, шнурки и ленты для крестиковъ, поминанія, маленькія иконки — напутственныя, изображенія святыхъ (на картонѣ) съ краткимъ житіемъ ихъ.

Начальникъ инородческой миссіи Благовѣщенской епархіи,
Священникъ П. Кудрявцевъ.

Приложеніе: Вѣдомость.

Населеніе Хабаровско-Удскаго округа Благовѣщенской епархіи.

Наименованіе уѣздовъ и національностей.	Русско-подданные.	Иностранцы.	Итого.
Хабаровскій уѣздъ:			
Европейцевъ	75374	213	75587
туземныхъ инородцевъ	5036	—	5036
корейцевъ	923	2120	3043
китайцевъ въ	—	8002	8002
японцевъ	—	1076	1076
ИТОГО	81333	11411	92744
Сѣверъ Иманск. у. и Уссур. Казач. Войска:			
Европейцевъ	47031	21	47052
туземныхъ инородцевъ	203	—	203
корейцевъ	364	798	1162
китайцевъ	—	1522	1522
японцевъ	—	16	16
ИТОГО	47598	2357	49955
Удской уѣздъ:			
Европейцевъ	17562	64	17626
туземныхъ инородцевъ	6690	—	6690
корейцевъ	1352	1180	2532
китайцевъ	—	4189	4189
японцевъ	—	403	403
ИТОГО	25604	5836	31440
В с е г о:			
Европейцевъ	139967	298	140265
туземныхъ инородцевъ	11929	—	11929
корейцевъ	2639	4098	6737
китайцевъ	—	13713	13713
японцевъ	—	1495	1495
ВСЕГО	154535	19604	174139
<i>Примѣчаніе.</i> Благословенскій корейскій приходъ и другіе миссіонерскіе приходы, находящіеся въ Амурской области, въ сей вѣдомости не значатся.			

**Вѣроисповѣднѣй составъ населенія Хабаровско-
Удскаго округа Благовѣщенской епархіи.**

Наименованіе религіи и секты.	Хабаровскій у.	Сѣверъ Иманск. у. и Уссур. Каз. Войсга.	Удской уѣздъ.	И Т О Г О.
Православныхъ	72378	45514	15139	133031
Новопросвѣщенныхъ корейцевъ и ту- земцевъ	6906	521	7160	14587
Старообрядцевъ	1431	322	271	2024
Сектантовъ	104	276	574	954
Рямско-католиковъ	1127	601	358	2086
Армяно-григоріанъ	67	2	17	86
Лютеранъ, еванг. и реформ.	37	246	129	412
Магометанъ	271	72	572	915
Иудеевъ	172	19	566	757
Конфуціанъ и буддистовъ	9193	2174	5032	16399
Шаманистовъ-туземцевъ	17	48	943	1008
Шаманистовъ китайц. и корейц.	1041	160	679	1880
Итого православи. съ новопросв.	79284	46035	22299	147618
Остальныхъ	13460	3920	9141	26521
ВСЕГО	92744	49955	31440	174139
Священникъ <i>П. Кудрявцевъ.</i>				

Населеніе Удскаго уѣзда.		Русско-подданне.	Иностранц.
Европейцевъ		17562	64
Туземныхъ инородцевъ		6690	—
Корейцевъ		1352	1180
Китайцевъ		—	4189
Японцевъ		—	403
ИТОГО		25604	5836
ВСЕГО		31440	—
<p><i>Примѣчаніе.</i> 1. Въ томъ числѣ 849 чел. русско-подданныхъ ссыльно-поселенцевъ. 2. Въ вѣдомость не вошли временно проживающіе (коммерсанты, рыбопромышленники, рабочіе лѣтнихъ рыбалокъ и пароходскіе.)</p>			

Вѣроисповѣдный составъ населенія Удскаго уѣзда.

Наименованіе религій и сектъ.	Количество.
Православныхъ	15139
Новопросвѣщенныхъ туземцевъ и корейцевъ	7160
Старообрядцевъ	271
Сектантовъ	574
Римско-католиковъ	358
Армяно-григоріанъ	17
Лютеранъ, евангеликовъ и реформатовъ	129
Магометанъ	572
Иудеевъ	566
Конфуціанъ и буддистовъ	5032
Шаманистовъ-туземцевъ	943
Шаманистовъ китайцевъ и корейцевъ	679
Итого православл. съ новопросвѣщ.	22299
Остальныхъ	9141
ВСЕГО	31440
<p><i>Примѣчаніе.</i> Въ вѣдомость не вошли временно проживающіе коммерсанты, рыбопромышленники, рабочіе рыбалокъ и пароходскіе).</p>	

О православной миссии в Монголии.

Предъ нами небольшая статья священника Ургинской Св. Троицкой церкви Θεодора Парнякова: „Поѣздка священника по Монголіи“ (изъ рапорта Епископу, изъ „Забайкальскихъ епархіальныхъ вѣдомостей“ за 1915-ый годъ). Авторъ этой статьи сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія о своей поѣздкѣ по Монголіи отъ Урги до Улясутая, рисуетъ довольно мрачную картину религіозно-нравственнаго состоянія проживающихъ въ посѣщенныхъ имъ мѣстахъ русскихъ колонистовъ, свидѣтельствуешь о жаждѣ ихъ въ духовномъ руководствѣ и легкой возможности ихъ религіозно-нравственнаго обновленія, если бы означенные колонисты не были совершенно лишены пастырскаго попеченія. Въмѣстѣ съ тѣмъ авторъ прекрасно знакомитъ читателей съ тѣмъ, какъ за каждымъ шагомъ путешествующаго священника слѣдили монгольскіе ламы, и, оказывая всюду путешественнику видимую услужливость и предупредительную любезность, старательно оберегали его отъ соприкосновенія съ монгольскимъ народомъ и отъ какого-либо христіанскаго воздѣйствія на монголовъ, встрѣчавшихся путешественнику на пути его слѣдованія. Попутно путешественникъ подтверждаетъ обычно установленную относительно ламаитовъ истину, что многолы слѣпо преданы своему ламайскому жречеству. Принимая все это во вниманіе, а также особенности уклада общественной и частной жизни монголовъ, авторъ видитъ въ этомъ причину того, что „монголы не проявляютъ склонности принимать христіанскую вѣру“. На основаніи этого авторъ заявляетъ, что въ Монголіи очень трудно организовать миссіонерское дѣло. При этомъ по автору главнымъ препятствіемъ для миссіонерскаго дѣла являются строй общественнаго управленія въ Монголіи—церковный съ централизаціей власти духовной и свѣтской въ одномъ лицѣ, присвоившемъ себѣ божеское достоинство, и затѣмъ кочевой образъ жизни монголовъ и неспособность ихъ къ какому либо постоянному труду и опредѣленнымъ занятіямъ, напр., по земледѣлію, огородничеству, рыболовству, рубкѣ дровъ и пр. Монгола, принявшаго крещеніе.

пишетъ авторъ, и правительство и сородичи будутъ преслѣдовать и причинять ему всевозможныя непріятности. Они будутъ изгонять его изъ своей среды и даже территоріи. Куда онъ пойдетъ, гдѣ приклонить главу, чѣмъ займется? Такимъ образомъ всякаго монгола отъ принятія христіанства будетъ удерживать страхъ потерять семью, родственниковъ, имущество, любимый кочевой образъ жизни и право проживать въ Монголіи. Указанныя причины при настоящемъ положеніи дѣла устранить нельзя“. Наконецъ, въ подтвержденіе своихъ мыслей священникъ Парняковъ ссылается на мнѣніе приватъ доцента Казанской Духовной Академіи іеромонаха Амфилохія, путешествующаго два года по Монголіи съ цѣлью изученія религіозно-нравственной жизни монголовъ, который будто бы „рѣшительно заявляетъ о невозможности успѣшно организовать и вести миссіонерское дѣло среди монголовъ“.

Что касается послѣдней ссылки на мнѣніе, то мы склонны заподозрить, что священникъ Парняковъ какъ-нибудь неправильно понялъ то, что ему говорили о возможности миссіонерской дѣятельности среди монголовъ іеромонахъ Амфилохій. Мнѣнія о невозможности среди монголовъ миссіонерской дѣятельности о. Амфилохій ни въ коемъ случаѣ высказать не могъ. Здѣсь какое нибудь недоразумѣніе и вѣроятно іеромонахъ Амфилохій не замедлитъ выступить печатно съ опроверженіемъ того, что ему приписалъ о. Парняковъ и чего онъ по самому существу дѣла и по общему знакомству своему съ исторіей миссіонерскаго дѣла и способами распространенія христіанскаго ученія высказать никакъ не могъ. Посему мы, оставляя безъ вниманія ссылку о. Парнякова на приведенное имъ, но нами заподозрѣваемое въ достовѣрности, мнѣніе о. Амфилохія о миссіи среди монголовъ, попытаемся разобраться въ доводахъ, приводимыхъ самимъ о. Парняковымъ касательно трудности и, вѣроятно, по его личному мнѣнію, невозможности организаціи миссіонерскаго дѣла среди монголовъ. Мы ранѣе привели тѣ основанія, по которымъ о. Парняковъ считаетъ, что миссіонерскіе опыты среди монголовъ будутъ неудачны и что у монголовъ нѣтъ склонности къ принятію христіанской вѣры. Разчленивъ эти основанія на ихъ составныя элементы, мы получимъ слѣдующія положенія:

1) Монголы слѣпо преданы своему духовенству, 2) монгольское ламайское жречество бдительно надзираетъ за исповѣдниками ламаизма, 3) строй общественнаго управленія въ Монголіи—церковный съ централизаціей власти духовной и свѣтской въ одномъ лицѣ, присвоившемъ себѣ божеское достоинство, 4) коче-

вой образъ жизни монголовъ и неспособность ихъ къ постоянному труду и опредѣленнымъ занятіямъ, б) возможность преслѣдованія и изгнанія со стороны правительства и сородичей.

Теперь мы спросимъ о. Парнякова, сколько народовъ вселенной, которые въ свое время были слѣпо преданы своему духовенству, за которыми ихъ національное духовенство слѣдило такъ-же ревностно, какъ теперь за монголами слѣдятъ ихъ ламы, сколько такихъ народовъ сдѣлалось народами христіанскими? Сколько народовъ во вселенной, жизнь которыхъ въ свое время была всецѣло проникнута язычествомъ и въ общественномъ и въ домашнемъ быту, въ настоящее время являются исповѣдниками христіанскаго ученія? Вѣдь если хоть немного вспомнить исторію Христовой Церкви, въ частности исторію распространенія христіанства среди народовъ вселенной, то развѣ мы не встрѣтимся при обращеніи почти каждаго народа съ тѣми же неодолимыми, по мнѣнію о. Парнякова, трудностями, съ которыми теперь по его убѣжденію должно встрѣтиться миссіонерское дѣло въ Монголіи? Все то, что о. Парняковъ выставляетъ въ 1, 2, и 3 положенія,—все это самыя обычныя, вездѣ и повсюду встрѣчающіяся препятствія при проповѣди вѣры Христовой, препятствія, которыя борются съ христіанствомъ, иногда очень напряженно производѣйствуютъ его проникновенію въ жизнь того или иного просвѣщаемаго свѣтомъ христіанскаго ученія народа, но которыя всегда препобѣждаются силою Духа Божія, сопутствующаго дѣлу христіанскаго благовѣстія.

Царство Божіе, по Словесамъ Божественнаго Искупителя міра, подобно зерну горчичному, которое, будучи меньше всѣхъ сѣмянъ, когда вырастаетъ, то распускается въ громадное дерево, оно подобно малой закваскѣ, которая заквашиваетъ все тѣсто. Такъ и дѣло миссіи, какъ дѣло созиданія Царства Божія среди язычествующихъ народовъ, лишь бы только оно началось среди того или иного народа, оно развивается силою Духа Божія и жизнь христіанская, заквашивая язычество, претворяетъ его въ Церковь Божію. О. Парняковъ совершенно упустилъ изъ виду то, что апостолы, отправляясь на дѣло благовѣстія никогда не ставили себѣ вопроса о томъ, удобныя или неудобныя они встрѣтятъ условія для проповѣди христіанства среди того или иного народа. Они шли на дѣло благовѣстія во имя заповѣди Спасителя: „Шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, и основнымъ своимъ дѣломъ считали именно проповѣдь вѣры. Но сила апостольской проповѣди заключалась въ вѣрѣ и самоотверженіи. Апостолы вѣрили, что Еванге-

ліе живо и дѣйственно, что проповѣдь о Христвъ распятомъ сильна привлечь сердца и обратить ихъ отъ тьмы къ свѣту, какъ бы ни была могуча тьма и какъ бы крѣпко не держала она въ своихъ тискахъ язычествующіе народы. За вѣрой слѣдовало самоотверженіе по любви ко Христу и къ падшему человѣчеству. Самоотверженіе влекло на всѣ лишенія, на претерпѣніе всѣхъ скорбей включительно до смерти, лишь бы только кого либо изъ язычниковъ былъ привить къ Божественной маслинѣ-Христу. О. Парняковъ упустилъ изъ виду означенныя историческія условія успѣшности миссіонерскаго дѣла и на основаніи чисто виѣшнихъ соображеній думаетъ оправдать то положеніе, что если въ Монголіи трудно миссіонерское дѣло, то слѣдовательно, и не надо его тамъ начинать и тратить понапрасну силы тамъ, гдѣ не можетъ быть успѣха. Правда, у о. Парнякова эта мысль ясно нигдѣ не высказана, но она сквозить въ его статьѣ, какъ естественный выводъ изъ всѣхъ доводовъ о. Парнякова о трудности миссіонерскаго дѣла въ Монголіи. Та трудность, о которой говоритъ Парняковъ неизбежно должна быть во всякомъ миссіонерскомъ дѣлѣ по самому существу этого дѣла. Вотъ то, что мы отвѣчаемъ о. Парнякову по поводу его первыхъ трехъ положеній. Перейдемъ теперь къ дальнѣйшимъ положеніямъ и разберемъ ихъ.

Четвертымъ положеніемъ является положеніе о кочевомъ образѣ жизни монголовъ и неспособности ихъ къ постоянному труду и опредѣленнымъ занятіямъ, что по мнѣнію О. Парнякова, является также препятствіемъ къ успѣшнымъ дѣйствіямъ миссіи въ Монголіи. Но мы спросимъ, былъ ли хоть одинъ народъ въ Сибири при началѣ распространенія среди него христіанской вѣры, который бы не велъ кочевого образа жизни? А сколько было народовъ, ведущихъ бродячій образъ жизни? Сколько кочевыхъ народовъ просвѣщено свѣтомъ христіанства въ другихъ странахъ, кромѣ Россіи? Сколько народовъ просвѣщено свѣтомъ христіанскаго ученія, которые такъ же, какъ и монголы, были неспособны къ постоянному труду и опредѣленнымъ занятіямъ, а затѣмъ стали способны къ тому и другому? Развѣ авторъ ничего ни читалъ о дѣйствіяхъ нашей Алтайской миссіи, какъ эта миссія встрѣтилась въ лицѣ ея основателя блаженной памяти архимандрита Макарія (Глухарева) съ народомъ кочевымъ, живущимъ крайне разбросанно, народомъ, который былъ совершенно не способенъ ни къ чему, кромѣ своего кочевого образа жизни, и который, однако, подъ вліяніемъ проповѣди христіанства и воздѣйствія миссіонеровъ нынѣ имѣетъ не мало благоустроенныхъ осѣдлыхъ селеній, научился постоянному труду и всякаго рода опре-

дѣленнымъ занятіямъ. Да и среди монголовъ можно уже теперь указать лицъ, у которыхъ благодѣтельное вліяніе христіанства въ короткій періодъ времени измѣнило укладъ жизни до неузнаваемости. Мы хотимъ сказать о томъ крещеномъ монголъ, про котораго пишетъ самъ о. Парняковъ, монголъ, крещенномъ о. Амфилохіемъ. О. Парняковъ привелъ этого монгола въ качествѣ примѣра того, какъ дурно относятся къ крещенымъ сородичамъ сами монголы и ихъ ламы. Парняковъ пишетъ, что ламы преслѣдуютъ этого монгола, учиняютъ ему непріятности, что, вслѣдствіе этого новокрещенный пріѣзжаетъ въ Ургу тайно и на самое короткое время. Но о. Парняковъ забылъ упомянуть о другой сторонѣ дѣла, о томъ измѣненіи, которое совершилось съ означеннымъ новокрещеннымъ монголомъ подѣ вліяніемъ христіанства. Н. Парняковъ ничего не сказалъ о томъ, что этотъ новокрещенный теперь уже не ведетъ кочевого образа жизни, что онъ имѣетъ осѣдлость, имѣетъ арендованный участокъ земли и нынѣшнее лѣто скосилъ съ этого участка до 20 тысячъ пудовъ сѣна... Въдъ указанный нами примѣръ говоритъ совершенно объ иномъ, чѣмъ раньше говорилъ о. Парняковъ. Онъ говорилъ о томъ, что христіанство среди монголовъ явится силой культурной и что монголы быстро усвоятъ культурныя приспособленія жизни. Конечно, на основаніи одного примѣра нельзя дѣлать общихъ выводовъ и заключеній, но все таки нельзя не отмѣтить того, что примѣръ указаннаго монгола весьма характеренъ, какъ идущій совершенно въ разрѣзъ съ тѣмъ, что думаетъ сказать о монголахъ о. Парняковъ. Кочевой образъ жизни, какъ показываетъ исторія распространенія христіанства среди малокультурныхъ инородческихъ племенъ, никогда не являлся особеннымъ препятствіемъ къ распространенію христіанства, христіанство же, начинаясь распространяться среди кочевого народа, обычно вліяло благотворно на этотъ народъ въ культурномъ отношеніи и очень содѣйствовало измѣненію его кочевого быта въ осѣдлый и болѣе культурный.

Послѣднимъ положеніемъ выставляемымъ о. Парняковымъ въ подтвержденіе той мысли, что трудно надѣяться на успѣшную организацію миссіонерскаго дѣла среди монголовъ, является: возможность преслѣдованія крещеныхъ монголовъ со стороны некрещеныхъ, возможность причиненія крещенымъ монголамъ гоненія и всякаго рода непріятностей со стороны языческаго монгольскаго правительства. Мы удивляемся, какъ можно ставить подобныя возраженія, какъ можно то, на чемъ всегда созидалась сила и мощь христіанства, считать препятствіемъ къ распростра-

ненію христіанства. Не на крови ли Божественнаго Искупителя міра основана Церковь Христова, не на мученическихъ ли костяхъ она расширялась и возрастала въ могучее вѣтвистое дерево, распространившись своими вѣтвями по всей вселенной и не мученическіе ли кости лежатъ въ основаніи нашихъ церковныхъ престоловъ доннѣ, на конхъ мы приносимъ безкровную жертву? Да развѣ есть хотя одна страна, гдѣ бы христіанство распространилось безъ мученической крови, безъ гоненій и притѣсненій тѣхъ, кто его принималъ... „Не миръ пришелъ Я принести на землю, но мечъ“, говорилъ Спаситель. И слово это сбывается доннѣ, будетъ сбываться до скончанія вѣка и особенно тамъ, гдѣ впервые распространяется Евангельское благовѣстіе. Ужели о. Парняковъ предполагаетъ, что для Монголіи долженъ, быть какой нибудь иной путь воспріятія Евангельскаго благовѣстія, чѣмъ тотъ общій путь, которымъ его воспріали всѣ прочія страны? Странно этого ожидать, и странно на это надѣяться. Тѣмъ болѣе странно считать возможность гоненій и притѣсненій препятствіемъ къ успѣшному распространенію христіанства среди монголовъ. То, что исторически всегда вело къ торжеству христіанства, то и нынѣ должно вести къ тому же. Надо перестать вѣрить въ живую дѣйственность христіанской вѣры, чтобы сказать, что гоненія, притѣсненія, мученическая кровь являются препятствіемъ къ успѣху христіанства. Намъ думается совершенно наоборотъ. Если будутъ мученики вѣры въ Монголіи, то это будетъ лучшимъ показателемъ того, что на мученической крови расцвѣтаетъ пышно Царство Божіе среди монголовъ. Можно подумать, что мы высказываемъ недѣльность т. е. желаемъ гоненій и притѣсненій для успѣха вѣры. Нѣтъ, мы этого не желаемъ, но мы утверждаемъ то, что исторически было дѣйствительно фактомъ и что нынѣ въ силу одинаковости природы христіанства должно дать тѣ же результаты, какіе были въ историческомъ прошломъ Церкви Христовой.

По этому осмѣливаемся утверждать, что послѣднее положеніе о. Парнякова является положеніемъ совершенно ложнымъ по своему существу, что по мнѣнію о. Парнякова въ Монголіи надо ожидать распространенія Слова Божія по какимъ то новымъ законамъ и какимъ то новымъ способамъ, чѣмъ законы, по которымъ оно въ историческомъ прошломъ распространялось среди всѣхъ народовъ земного шара. Мы вѣримъ въ дѣйственность Евангельскаго благовѣстія, мы вѣримъ въ то, что Святая Божія Церковь не умерла, но жива и дѣйствительна нынѣ, какъ жива и дѣйствительна была прежде и какъ жива и дѣйствительна будетъ во

всѣ времена. И потому, если среди монголовъ раздѣлится гласъ благовѣстника, если ноги благовѣствующихъ станутъ обтекать съ живою вѣрой и смиреніемъ монгольскія кочевья, не считаясь съ земными препятствіями, то какъ бы сильно не вооружилось все препятствующее противъ христіанства, какія бы злобныя и коварныя ухищренія не придумалъ врагъ рода человѣческаго, чтобы заглушить сѣмена Евангельскаго благовѣсія, Духъ Божій переборетъ силы ада и сокрушитъ сатану подъ ноги благовѣствующихъ миръ. Такъ было во всѣхъ народахъ, такъ должно быть и среди монголовъ. Но горе наше въ томъ, что мы не можемъ проникнуться необходимостью исполнять Божественную заповѣдь Спасителя міра: „Шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. Мы гораздо болѣе склонны разсуждать, оцѣнивать, взвѣшивать и обсуждать, чѣмъ исполнять то, что намъ заповѣдано. Мы слишкомъ маломощны въ вѣрѣ, чтобы повѣрить въ дѣйственность Слова Божія и не врзая на всѣ видимыя неудобства и на всю видимую невозможность на успѣхъ проповѣди Слова Божія, все таки во имя заповѣди Спасителя идти съ проповѣдью вѣры и полагаться на силу и дѣйственность самого Слова благовѣстія.

Поэтому у насъ нѣтъ частнаго почина въ дѣлѣ благовѣстія, нѣтъ ревнителей обращенія въ христіанство невѣрныхъ, язычествующихъ племень, Мы все ждемъ почина со стороны высшей власти, ждемъ понуканія, приказа, а вмѣстѣ съ тѣмъ соответствующаго оклада и положенія. Окладъ и положеніе ставится на первое мѣсто, права заступаютъ мѣсто обязанностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ тухнетъ искра живого идеальнаго порыва, горячей ревности и пренебреженія во имя и заповѣди своимъ я, своимъ удобствомъ, положеніемъ, карьерой. Да, мы обычно ждемъ понуканія сверху. Мы думаемъ, что сверху все сдѣлать гораздо легче, чѣмъ снизу. Между тѣмъ организовать сверху дѣло миссіи на отдаленной окраинѣ и при томъ политически свободной гораздо труднѣе, по нашему мнѣнію, чѣмъ сдѣлать это на низу, т. е. на мѣстѣ, лицамъ, живущимъ въ самой Монголіи или по близости къ ней Вѣдь, чтобы что-нибудь устроить сверху, нужны предварительныя безконечно долгія дипломатическія сношенія между правительствами. Въ дѣло вмѣшиваются консулы, сплошь и рядомъ считающіе миссіонерскую дѣятельность помѣхой для своей консульской дипломатіи, начинаются всякаго рода затяжки и оттяжки, согласіе дается съ большимъ замедленіемъ и множествомъ гласныхъ и негласныхъ ограниченій и предостереженій. Если же находятся ревнители вѣры на мѣстѣ проживанія инородцевъ,

они могут проповѣдывать вѣру Христову за свой страхъ, не считаясь ни съ какими препятствіями, чинимыми имъ съ какихъ бы то ни было сторонъ. Говоря такъ, мы не хотимъ сказать того, что не надо хлопотать предъ высшей властью о необходимости организациіи православной миссиіи въ Монголіи. Лично мы ревностные сторонники немедленной организациіи подобной миссиіи и на возможно широкихъ началахъ. Намъ страшить, что мы доселѣ въ отношеніи монголовъ являемся ослушниками Божественной воли и неисполнителями ясно выраженной Божественной заповѣди о необходимости проповѣдовать вѣру Христову язычествующимъ племенамъ. Мы даже думаемъ, что если промедленіе наше продолжится еще и среди монгольскаго народа не будетъ проповѣдниковъ православнаго христіанскаго ученія, Господь въ поруганіе намъ отдастъ монгольскій народъ проповѣдникамъ инославія. Среди монголовъ, думается, въ недалекомъ будущемъ явятся католическіе, протестанскіе и англійскіе миссіонеры и съ успѣхомъ путемъ школъ, проповѣди, лечебной помощи и благотворительности распространять среди монголовъ христіанство. Мы же, обладающіе въ Церкви благодатными дарами Духа Святаго, полнотою не только человѣческихъ средствъ, но и изобиліемъ Божественной благодати, останемся не при чемъ и будемъ отвѣчать за свое нерадѣніе на страшномъ судищѣ Христовомъ. Трудно будетъ что-нибудь сказать на этомъ судѣ въ свое оправданіе. Тамъ не примутъ во вниманіе нашихъ сужденій о томъ, что миссіонерствовать среди монголовъ тяжело, что по теоретическимъ соображеніямъ человѣческаго ума среди монголовъ нельзя надѣяться на успѣхъ въ миссіонерской дѣятельности, что монголы по тѣмъ же соображеніямъ не склонны къ принятію христіанства въ виду своей привязанности къ національнымъ языческимъ вѣрованіямъ. Тамъ спросятъ насъ о томъ, почему не исполняли Божественное повелѣніе, почему не вѣрили Спасителю міра: „Азъ есмь съ вами до скончанія вѣка“ и духоносному Павлу, ясно намъ возвѣстившему: „вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ“. На эти вопросы мы останемся безотвѣтны. Въ заключеніе разбора положеній о. Парнякова мы должны сказать, что они при нѣкоторой внѣшней видимости ихъ основательности страдаютъ однимъ крупнымъ общимъ недостаткомъ, благодаря которому пропадаетъ даже вся ихъ внѣшняя, видимая основательность. Всѣ положенія о. Парнякова—плодъ теоретическихъ соображеній. Ни одно изъ этихъ положеній не проверено практикой жизни и въ настоящее время не можетъ быть проверено. Въ самомъ дѣлѣ, можемъ ли мы дать силу вѣры доводамъ о. Пар-

някава, если мы совершенно не знаемъ, такъ ли все будетъ въ практической миссіонерской дѣятельности среди монголовъ, какъ это думаетъ о. Парняковъ? Вѣдь, если бы въ историческомъ прошломъ или въ настоящемъ среди монголовъ существовала миссіонерская дѣятельность, если бы все то, о чемъ предполагаетъ о. Парняковъ, наблюдалось въ практической миссіонерской дѣятельности среди монголовъ, тогда, конечно, сужденія о. Парнякова имѣ ли бы за собой историческую основу и доказывались бы историческимъ положеніемъ вещей. Но вѣдь ничего подобнаго нѣтъ. Среди монголовъ района Урга-Улясуті-Кобдо миссіонерской дѣятельности не было и никакого серьезнаго историческаго омыта въ этомъ оти ошеңи не существуетъ. Какъ же теперь заключать, что миссіонерская дѣятельность среди монголовъ, если бы она была устроена встрѣтится съ чрезвычайными трудностями, такъ что никакъ нельзя надѣяться на успѣхъ Благовѣстія среди этого народа?! Ясно, что подобное заключеніе, какъ не построенное на исторической основѣ, и не имѣющее за собой никакой исторической базы, не можетъ имѣть степени принудительно доказательнаго сужденія; оно можетъ быть только предположеніемъ и при томъ предположеніемъ чисто-теоретическимъ. Подобный характеръ утвержденій о. Парнякова совершенно подрываетъ ихъ значеніе въ практическомъ смыслѣ.

Собственно говоря, одно изъ утвержденій о. Парнякова, именно о препятствіяхъ къ крещенію монголовъ со стороны ламайскаго духовенства, можетъ имѣть практически историческое оправданіе по аналогіи съ исторіей обращенія въ христіанство буряты. У буряты въ историческомъ прошломъ распространенія среди нихъ христіанства, равно какъ и въ настоящемъ положеніи дѣль миссіи всегда наблюдалось и наблюдается нынѣ протіводѣйствіе со стороны ламства, иногда очень энергичное и воинственное. Но намъ въ данномъ случаѣ важно не уничтоженіе этого протіводѣйствія, которое все равно не можетъ быть уничтожено никакими внѣшними мѣрами, и не то, что это протіводѣйствіе въ Монголіи будетъ быть можетъ во много разъ сильнѣе, чѣмъ среди буряты (протіводѣйствія мы должны ждаты, какъ самаго естественнаго и неизбѣжнаго явленія)—для насъ важно изыскать мѣры разумнаго воздѣйствія на это протіводѣйствіе, изыскать способы подточить идейные корни, на которомъ означенное протіводѣйствіе будетъ обосновываться и укрѣпляться. Вопросъ объ этомъ воздѣйствіи является вопросомъ для всей вообще протіволамайской миссіи и особенно, конечно, для миссіи въ Монголіи, гдѣ наиболѣе развито ламство и гдѣ самъ народъ наиболѣе вос-

питанъ въ духѣ и традиціяхъ ламскаго вѣроученія. Ламаиты имѣютъ громадное количество своихъ вѣроучительныхъ книгъ, они имѣютъ болѣе или менѣе стройное вѣроученіе, Ламаиты имѣютъ вѣроучительныя школы, въ которыхъ готовится къ жречеству молодое поколѣніе. Кромѣ такихъ рядовыхъ духовныхъ школъ, находящихся при каждомъ ламайскомъ дацанѣ, ламаиты имѣютъ еще школы повышеннаго типа, въ которыхъ изучается ламаизмъ въ его философскихъ основаніяхъ и гдѣ ламаиты пріучаются къ мистическимъ созерцаніямъ. Въ настоящее время среди ламайскаго юношества особенно замѣтно увлеченіе ламайской философіей, называемой „цанитъ“ и мистическими созерцаніями. Наиболѣе даровитые юноши, не ограничиваясь изученіемъ цанита въ Монголіи, отправляются въ Тибетъ, гдѣ въ монастырѣ Галданъ и въ другихъ монастыряхъ усерпшуются въ высшихъ познаніяхъ. Такимъ образомъ, если у простаго народа и малообразованнаго ламайскаго жречества и слабы познанія въ области ламайскаго вѣроученія, то у ламаитовъ образованныхъ, учившихся въ своихъ высшихъ духовныхъ школахъ имѣется идейное содержаніе, которое заполняетъ ихъ душу и не даетъ имъ видѣть тьмету и суету основоположеній своей вѣроучительной догмы.

Надо сумѣть разрушить это идейное содержаніе, сумѣть показать ламаиту ложность его упованій и необоснованность его жизненныхъ идеаловъ. Въ этомъ сознательномъ, научно-планомѣрномъ и методическомъ воздѣйствіи на классъ ламайскаго жречества мы и думаемъ видѣть залогъ успѣха православной миссіи среди ламаитовъ Монголіи. Классъ ламайскаго жречества доселѣ еще не подвергался методическому и практически разумному христіанскому воздѣйствію со стороны православной миссіи ни среди калмыковъ и бурятъ, ни тѣмъ болѣе конечно въ Монголіи, гдѣ вообще не было серьезныхъ благовѣстническихъ дѣйствій нашей миссіи. Если теперь классъ ламайскаго жречества услышитъ призывъ къ принятію православной вѣры съ выясненіемъ ложности своихъ вѣрованій, то ошеломленный вначалѣ никогда неслышанной имъ критикой своего вѣроученія, онъ затѣмъ не можетъ не обратить вниманія на слабость догматическихъ основъ своего ученія и не придти въ нѣкоторое сомнѣніе касательно правильности своихъ конечныхъ упованій. Но чтобы сумѣть заинтересовать ламаита разборомъ его вѣроучительной системы, чтобы сумѣть ввести его въ завлекающую его вниманіе бесѣду, надо начать говорить съ ламаитомъ на знакомомъ ему языкѣ его духовныхъ книгъ, надо заговаривать съ

нимъ по листамъ его священной письменности. Для этого надо знать тибетскій языкъ, на которомъ ламаиты читаютъ свои священныя книги, надо быть знакомымъ съ ламаизмомъ по его первоисточникамъ. Въ этомъ случаѣ, когда вы начнете говорить съ ламантомъ о томъ, чѣмъ онъ живетъ въ своемъ религіозномъ сознаніи, что его горячо интересуешь, онъ не можетъ остаться безучастнымъ къ вашей бесѣдѣ и станетъ охотно говорить съ вами о томъ, что его смущаетъ и что онъ не понимаетъ. Только подобнымъ образомъ миссіонеръ можетъ получить доступъ къ сердцу образованнаго ламаита, подточить корни идейнаго содержанія его жизни, показать ложность основъ ламаизма и привести къ сознанію истины христіанства... Такъ какъ доселѣ подобнаго способа воздѣйствія на ламаизмъ въ нашихъ миссіяхъ еще не практиковалось, то невольно думается, что указанный методъ миссіонерскаго воздѣйствія долженъ дать благотворные результаты и пренести желанныя плоды. Такъ какъ ламаизмъ держится въ народной массѣ не сознательнымъ отношеніемъ къ нему народной массы и не слѣпымъ фанатизмомъ, а исключительно классомъ ламайскаго жречества, то и паденіе ламаизма какъ религіи и какъ силы, борющейся съ христіанствомъ, возможно скорѣе всего въ томъ случаѣ, когда въ самомъ классѣ ламайскаго жречества колеблются основы національной вѣры и возбудится движеніе въ сторону христіанства. Это же лучше всего возможно въ томъ случаѣ, если будутъ употреблены описанные нами методы миссіонерскаго воздѣйствія на классъ ламайскаго жречества. Поэтому было бы очень хорошо, если бы мѣстные духовные православные дѣятели среди монголовъ обратили вниманіе на указанную нами сторону дѣла, и, приложивъ стараніе къ изученію первоисточниковъ ламайскаго вѣроученія, въ разговорахъ съ учеными ламаитами выяснили, *что* болѣе всего привлекаетъ монгольскихъ ламъ въ своемъ вѣроученіи и какія мѣста ихъ ученія кажутся имъ въ своемъ собственномъ сознаніи наиболѣе слабыми, а съ точки зрѣнія истины и христіанства наиболѣе уязвимыми. Это было бы великой заслугой и громадной подмогой для будущихъ труженниковъ въ дѣлѣ Евангельскаго благовѣстія среди монголовъ.

Не даромъ вѣдь доселѣ нашъ слухъ оглашается въ день памяти святителя Иркутскаго восхваленіемъ угодника какъ „проповѣдника вѣры среди языковъ монгольскихъ“ Этими словами Русская Церковь выражаетъ свое вѣрованіе въ то, что угодникъ Христовъ является особымъ молитвенникомъ за монгольскія племена, что онъ, просвѣщая ихъ при жизни свѣтомъ Христова ученія, и по смерти не оставляетъ безъ своего благо-

датнаго предстательства предъ Всевышнимъ великаго дѣла просвѣщенія христіанствомъ монгольскаго народа. По силѣ молитвъ славнаго чудотворца и мы уповаемъ неложно, что наступить тотъ моментъ, когда спадутъ оковы злобной силы, не допускающей въ настоящее время проповѣдниковъ Благовѣстія въ монгольскія кочевья, исчезнутъ ложныя опасенія и страхи за неуспѣхъ проповѣди Слова Божія, явятся ревнители, горящіе святымъ огнемъ вѣры, надежды и любви къ погруженнымъ въ мракъ язычества монголамъ, которые принесутъ имъ въ духоносномъ смиреніи слово Евангельской проповѣди и привлекутъ ихъ въ лоно царствія Божія.

26-го ноября. Въ память св. Иннокентія Иркутскаго чудотворца.

А. Г.

Религіозное броженіе среди черемисовъ.

Съ давнихъ временъ черемисы-язычники Казанской губ. Царевококшайскаго уѣзда, Шиньшинской, Моркинской и Себъ-Усадской волостей, ежегодно осенью, по окончаніи всѣхъ полевыхъ работъ и уборки хлѣбовъ, совершаютъ моленія въ своихъ священныхъ рощахъ, которыя имѣются почти при каждомъ черемисскомъ селеніи. На моленіяхъ обильно приносятся въ жертву скоть и птица, которыхъ убиваютъ и варятъ для ѣды, а несъѣденное увозятъ по домамъ. Существуетъ у черемисовъ осенью еще и особое моленіе, такъ-называемый „Кумалтышъ“, т. е. жертва Аврааму. Ово поочередно,—впрочемъ, не ежегодно, а черезъ два или три года,—совершается въ священныхъ рощахъ селеній: Варанчушъ, Нижнихъ Изъшей и Шоръ-Уньжи Царевококш. уѣзда, а иногда и въ уѣздахъ Казанскомъ и Вятской губ. Уржумскомъ и Яранскомъ. На „Кумалтышъ“ съвзжаются, съ жертвенными скотомъ и птицей, черемисы всѣхъ упомянутыхъ уѣздовъ.

Подъ вліяніемъ войны у черемисовъ-язычниковъ возникла въ прошломъ году мысль объ устройствѣ большого моленія. Инициаторомъ этого моленія былъ извѣстный среди черемисовъ ворожей и сновидецъ крестьянинъ Шиньшинской вол. дер. Шлань Оська Евсѣевъ Яксуткинъ, 50 лѣтъ. Необходимость такого моленія Яксуткинъ подкрѣплялъ указаніемъ на бывшіе ему сны, во время которыхъ онъ якобы получалъ приказъ устроить большое моленіе 9 октября. День моленія Яксуткинъ велѣлъ скрывать отъ православнаго духовенства, чтобы послѣднее не помѣшало совершенію моленія, тѣмъ болѣе, что на это моленіе Яксуткинъ усиленно привлекалъ и православныхъ черемисовъ, съ каковою цѣлью онъ развѣзжалъ по черемисскимъ селамъ и деревнямъ, разсылалъ посланія и даже мѣстами устраивалъ сельскіе сходы.

Однако, какъ ни скрывалъ Яксуткинъ мѣсто и время большого моленія, о немъ узнала казанская епархіальная власть, которая для отвлеченія православныхъ черемисовъ отъ посѣщенія этого моленія своевременно приняла столь широкія и дѣй-

ствительныя духовныя мѣры, что большое моленіе Яксуткина съ черемисами-язычниками 9 октября 1915 г. совершенно не оправдало надеждъ Яксуткина, который полагалъ сдѣлать его орудіемъ мощнаго отвлеченія крещенныхъ черемисовъ отъ православія въ язычество. Усиленныя проповѣди съ церковной каеедры, внѣбогослужебныя храмовыя и нарочитыя по черемисскимъ домамъ бесѣды духовенства и дѣятелей миссіи противъ язычества, обильная раздача черемисамъ противоязыческой литературы и, наконецъ, торжественныя архіерейскія богослуженія предъ днями и въ дни языческаго моленія въ ближайшихъ къ оному мѣстахъ,—все это разрушило планы и надежды устроителей языческаго большого моленія.

Интересная бесѣда состоялась у Яксуткина съ Казанскимъ епархіальнымъ миссіонеромъ въ с. Уньжи за шесть дней до большого черемисскаго моленія. На бесѣдѣ Яксуткинъ, съ пыломъ фанатика, защищалъ необходимость этого моленія указаніемъ на бывшіе ему четыре сна.

Во время перваго сна, около Троицы 1914 г., онъ, Яксуткинъ, якобы видѣлъ, что уньжинскіе черемисы собрались въ главной Уньжинской рошѣ дать обѣщаніе о совершеніи жертвоприношенія; неизвѣстнымъ картомъ (жрецомъ) была указана жертва—лошадь изъ Ямбатырева (деревня Уньжинскаго прихода), рыжеватой масти, которая затѣмъ была приведена и показана народу. Животное должно было быть принесено въ честь Адама—родоначальника (по-черемисски—Адамиленъ), послѣ чего всѣ разошлись изъ роши.

Въ декабрѣ 1914 года Яксуткинъ снова видѣлъ двѣ толпы тѣхъ же уньжинскихъ черемисовъ, которые измѣряли землю и шли навстрѣчу одна другой. Когда онѣ соединились, то якобы въ мѣстѣ ихъ соединенія выроста молодая липа, которая, въ дѣйствительности, и растетъ въ Уньжинской рошѣ. Это дерево было посвѣщено „бѣлсму богу“, жизнедателю, покровителю Ноя, при чемъ Яксуткинъ стождествлялъ и самого Ноя съ „бѣлымъ богомъ“.

Въ концѣ марта 1915 г. Яксуткинъ видитъ третій сонъ. Уньжинскіе черемисы находились въ рошѣ. Вдругъ съ неба прилетѣлъ человѣкъ на крыльяхъ въ военной формѣ съ эполетами, безъ шапки и съ саблей; опустившись въ рошѣ около своего дерева-березы (шке она пуже деке-свое ханъ дерево), при чемъ крылья у него исчезли, онъ объявилъ себя императоромъ Александромъ II и повелѣлъ черемисамъ принести жертву „Царскому богу“, или „богу бѣлсму“, потому что всѣ черемисы въ скорби. Въ то же

время онъ далъ приказъ Яксуткину достать для моленія отъ высокихъ лицъ монету съ орломъ и кусокъ чистаго холста, и вмѣстѣ съ Яксуткинымъ они оказались въ дер. Пертылгъ, гдѣ государь указалъ для жертвы жеребца гнѣдой масти, и исчезъ; съ 3 октября онъ ожидаетъ черемисовъ въ рошѣ на моленіе.

Наконецъ, въ маѣ 1915 г. Яксуткинъ снова во снѣ видитъ себя въ рошѣ съ черемисами. Одинъ изъ черемисовъ указалъ на березу для совершенія моленія богу Авраама. Найдено было и жертвенное животное—годовалый жеребенокъ изъ дер. Торэтъ-Кюварь Вятской губ.

Таковыми - то снами Яксуткинъ взбудоражилъ черемисовъ-язычниковъ, увлекаая ихъ на большое моленіе, а равно созывая на это моленіе и православныхъ черемисовъ. Взбудоражено было 51 общество Казанскаго и Царевококшайскаго уѣздовъ Казанской губ. и Малмыжскаго, Яранскаго и Уржумскаго уѣздовъ Вятской губ. На моленіи предполагалось принести 69 жертвъ: 3 лошади, 10 годовалыхъ бычковъ, 6 годовалыхъ телокъ, 8 жеребятъ-однолѣтокъ и, наконецъ, гусей и утокъ. Лошади предназначились въ жертву „великимъ“, жеребята — пуйрш'амъ — второстепеннымъ богамъ, телки — матерямъ великихъ боговъ, бычки—тамбар'амъ, пророкамъ великихъ боговъ, а гуси и утки—суксамъ, т. е. ангеламъ. Требовалось для совершенія крупныхъ жертвъ 27 картовъ (жрецовъ) и 27 уссо (помощниковъ жрецовъ). 4 октября должны были быть избраны жрецы, а 8 октября—торжественные проводы жертвенныхъ животныхъ изъ Унжи и встрѣча ихъ въ рошѣ съ возженными свѣчами, молитвословіями и игрою на гусяхъ. Къ вечеру 8 окт. всѣ жертвы должны были быть закланы, а съ утра 9-го предполагалось начать моленіе о принятіи божествами жертвъ, и затѣмъ яденіе жертвеннаго мяса. Всѣмъ руководилъ Яксуткинъ.

Моленіе 9 октября и состоялось. Однако, благодаря принятымъ казанской епархіальной властью духовнымъ мѣрамъ вразумленія и убѣжденія, отвлекшимъ черемисовъ отъ моленія, на послѣднее собралось всего около 2½ тысячъ человекъ, значительная часть коихъ прибыла изъ Вятской губ. Сверхъ того, многія жертвенныя животныя не были доставлены. Пришлось устраивать дополнительное жертвоприношеніе 15 и 16 окт., но эти моленія прошли уже при ничтожномъ числѣ участниковъ.

Подобныя моленія подъ руководствомъ того же Яксуткина предполагено было совершить и въ 1916 году. Сначала назначили для нихъ мѣсяць май, но въ виду бдительности Казанской миссіи и усиленной охранительной проповѣди, отложили время

моленія, тщательно скрывая приготовленія къ нему отъ православнаго духовенства и миссіи.

Тяготы переживаемой нами войны, несомнѣнно, будятъ религиозное чувство въ народѣ, и этимъ пользуются въ своихъ цѣляхъ разные ворожеи и сновидцы, которыхъ такъ много на Руси повсюду! Однако, какъ все-же грустно видѣть эти черемисскія языческія жертвоприношенія въ XX вѣкѣ!..

П. М.

(„Гол. Церкви“, № 10).

Обозрѣніе становъ и приходовъ Верхоленскаго уѣзда начальникомъ Иркутской духовной миссіи еписко- помъ Зосимою въ октябрѣ 1916 года.

Еще 12 іюля 1916 года Иркутскимъ Комитетомъ Православнаго Миссіонерскаго Общества постановлено было: „въ цѣляхъ усиленнаго миссіонерскаго дѣланія въ Верхоленскомъ уѣздѣ, составить особую миссіонерскую комиссію, возглавляемую Преосвященнымъ начальникомъ миссіи, епископомъ Зосимою, въ составъ которой назначить: предсѣдателя переводческой комиссіи протоіерея Василя Флоренсова, миссіонера Хоготовскаго стана священника Мих. Махочкѣва и священника Баяндаевской церкви Петра Миловзорова, предоставивъ при этомъ его Преосвященству право приглашать въ комиссію и другихъ лицъ, каковыя могутъ оказать пользу дѣлу“.

Во исполненіе этого постановленія, состоялась поѣздка Преосвященнаго начальника миссіи, епископа Зосимы, по заранѣе объявленному маршруту, отъ 12 по 28 октября 1916 года. Владыку сопровождали: протоіерей Вас. Флоренсовъ, начальникъ Обдорской миссіи іеромонахъ Никонъ, іеромонахъ Іоаннъ, архидіаконъ Симонъ, іеромонахъ Арсеній (секретарь), иподіаконъ и послушникъ. Кромѣ большихъ запасовъ крестиковъ, иконъ св. Иннокентія, брошюръ о свят. Иннокентіи и блаженномъ еп. Софроніи и листовъ, въ поѣздку взято: евангелій отъ Матвея на бурятскомъ языкѣ 15 экз., отъ Марка на русско-бурятскомъ языкѣ 50 экз., священной исторіи на бурятскомъ яз. 24 экз., столѣтіе 1812—1912 г. на русскомъ и бурятскомъ яз. 26 экз. и букварей для обученія грамотѣ и русск. языку въ бурятскихъ школахъ 200 экз. Взято также 30 экз. „молитвъ на славянскомъ и бурятскомъ языкахъ для церковно-школьнаго употребленія“, еще не окончанныхъ печатаніемъ, и 30 экз. „прошеній и молитвъ о дарованіи побѣды съ переводомъ на бурятскій языкъ“. Послѣднія молитвы и прошенія кромѣ того разсланы по всѣмъ миссіонерскимъ станамъ передъ самой настоящей поѣздкой въ количествѣ 60 экз. первыхъ и 100 экз. вторыхъ.

Въ среду 12 октября, въ 7 часовъ утра, Преосвященный въ сослуженіи спутниковъ предъ ракою Святителя Иннокентія отслужилъ напутственный молебень, и мы отправились.

Пасмурная, хмурая погода вполнѣ отвѣчала тому настроенію, которое невольнo создавалось въ виду серьезности и трудности предстоявшаго миссіонерскаго дѣланія, въ виду трудности переживаемаго времени, въ виду неизвѣстности того, какъ-то пройдетъ это путешествіе...

Около 12 часовъ мы прибыли въ с. Оекъ, гдѣ владыка, безъ особой встрѣчи, посѣтилъ храмъ, при чемъ розданы листки, а затѣмъ объ министерскія школы, въ которыхъ спрашивалъ о пройденномъ, объ учебникахъ, особенно по Закону Божію, въ коихъ чувствуется, по словамъ учащихся, недостатокъ, о преподаваніи пѣнія и участіи дѣтей въ чтеніи и пѣніи въ церкви. Подъ руководствомъ молодой учительницы А. И. Б. здѣсь пропѣто было нѣсколько молитвъ и даже Исполла-эти-дэспота. Послѣ трапезы въ квартирѣ мѣстнаго священника о. Іосифа Гурьева, мы отбыли въ Усть-Ординскій миссіонерскій станъ. Здѣсь, въ присутствіи учащихся мѣстнаго министерскаго училища и многихъ богомольцевъ, владыкою совершенно всенощное бдѣніе св. Иннокентію, при чемъ канонъ Пр. Богородицѣ и Святителю Иннокентію читалъ самъ Преосвященный, а запѣвы пѣли сослужащіе. Въ концѣ всепощной владыка самъ пригласилъ всѣхъ придти завтра и на литургію.

Послѣ ужина съ интересомъ и увлеченіемъ проведена спѣвка пѣснопѣній и молитвъ по-бурятски, при чемъ многія изъ нихъ только лишь переведены и еще не употреблялись при богослуженіи, напр.: Спаси, Господи, люди Твоя, кондакъ св. Иннокентію, запѣвы на молебнѣ и др. Исполненіе молитвъ по-бурятски вызвало неоднократное одобреніе со стороны о. Михаила Махочкѣва, какъ природнаго бурята. Спѣвка окончилась непринужденной бесѣдой оо. миссіонеровъ на тему о томъ, что дѣятельность миссіи въ настоящее время должна имѣть по отношенію къ ламству наступательный характеръ.

Торжественное архіерейское служеніе литургіи въ присутствіи учащихся изъ нѣсколькихъ училищъ (въ томъ числѣ многихъ бурятскихъ дѣтей, пріѣхавшихъ верстъ за 20) и богомольцевъ скрашено исполненіемъ по-бурятски нѣсколькихъ пѣснопѣній и молитвъ, а также проповѣдью Преосвященнаго, призывавшаго хранить великое благо вѣры Христовой, а не отречься отъ нея. „Русскіе,—говорилъ Владыка,—когда-то также были язычниками, но въ лицѣ посланныхъ отъ св. Князя Владимира въ Констан-

тинопольскомъ храмѣ познали небесную красоту вѣры Христовой, познали, что Христось снялъ съ человѣчества проклятіе на крестѣ, искупилъ насъ и открылъ намъ входъ въ Царство Божіе. Спасеніе Господь Іисусъ Христось подаетъ намъ чрезъ Тѣло и Кровь Свою, чрезъ таинства въ храмахъ, хотя бы и убогихъ, лишь бы горѣло въ сердцахъ нашихъ святое умиленіе, лишь бы заставляли себя молиться. Безъ Бога мы ничтожество, а съ Богомъ мы сильны. Дорожите же вѣрой Христовой, храните ее до конца жизни, не отрекайтесь отъ нея, не слушайте ламъ, желающихъ обратить въ суевѣріе и идолопоклонство, туда, гдѣ нѣтъ Христа, нѣтъ благодати, таинствъ, нѣтъ прощенія грѣховъ. Помните, что кто не увѣруетъ во Христа и не крестится, тотъ осужденъ будетъ. Да сохранитъ васъ всѣхъ Господь“...

Въ пять часовъ 13 октября въ довольно обширномъ залѣ о. протоіерея Василия Ларева, подъ предсѣдательствомъ владыки Зосимы, въ присутствіи прот. В. Флоренсова, В. Ларева, іеромонаха Никона, благочиннаго священника Н. Успенскаго и оо. миссіонеровъ: Ѡ. Корсунскаго, Мих. Махочкѣва, Петра Миловзорова и С. Рѣкина,—состоялся миссіонерскій съѣздъ, на которомъ Пресвященнымъ предсѣдателемъ отмѣчена пропаганда ламаизма. опасность ухода въ него всѣхъ мѣстныхъ буряты-шаманистовъ и даже крещеныхъ, и предложено всѣмъ совершенно свободно и искренно высказаться о томъ, что кому извѣстно, въ какомъ положеніи дѣло и что слѣдовало бы предпринять.

По словамъ о. Петра Миловзорова, буряты верхоленскіе переживаютъ кризисъ шаманства, особенно подъ вліяніемъ русскихъ и вслѣдствіе запрещенія вина. Выходъ въ ламство, это—де вѣра наша бурятская, хотя она и хуже вѣры русской. Знаютъ буряты и языкъ русскій, хорошо относятся къ священнику, сознаютъ и то, что даже бѣдняки-переселенцы, хохлы, на ихъ глазахъ богатѣютъ и множатся, тогда какъ буряты идутъ на вымираніе. По мнѣнію о. Миловзорова, полезно было бы давать крещенымъ бурятамъ при нарѣзкѣ земли сверхъ обычныхъ 15 десятинъ хотя бы десятины по три, и это послужило бы поощреніемъ для принятія христіанства.

Благочинный о. протоіерей В. Ларевъ отмѣтилъ, что есть гнѣзда ламской пропаганды, что проводники ламства, лѣкаря ламы, являются къ бурятамъ, какъ къ своимъ роднымъ, съ родною рѣчью, костюмомъ и пр. Между тѣмъ насъ, миссіонеровъ, мало; мы внѣ бурятской массы, въ ширь и глубь бурятской массы мы не идемъ. Мы связаны многосторонними обязанностями. У каждого изъ насъ по нѣскольку, *по 10 и болѣе училищъ*,—когда же миссі-

онерствовать, да и у себя принять буряты, при всемъ желаніи иногда нечѣмъ... Крещенные наши также въ большинствѣ народъ бѣдный, забитый. А будь у насъ побольше силъ, школъ, культурнаго просвѣщенія, медицины, средствъ,—и тогда пропаганда ламства падетъ и не будетъ имѣть успѣха.

О. Михаилъ Махочкѣевъ сообщилъ, что начавшаяся еще съ 1905/6 года пропаганда ламства ведется въ цѣляхъ наживы, но успѣха не имѣла. Связь съ ламами была лишь на почвѣ лѣченія больныхъ, и мѣстныя буряты, приверженцы черной вѣры (шаманства), къ буддо-ламаизму отнеслись безразлично. Для перехода въ ламство улусовъ Шинтойскаго и Токскаго нужно было руководство такихъ дѣятелей, какъ знаменитый Агванъ Доржиевъ, съ его яко бы предками изъ Нагатайскаго улуса, нужно было вліяніе богатѣевъ-верховиковъ, торжественныхъ ламскихъ праздниковъ, эффектнаго сумэ, наконецъ, даже такихъ мотивовъ, какъ заявленіе инородца о томъ, что онъ буряты, не особенно считающійся съ совѣстью. О. Махочкѣевъ находитъ нужнымъ: выступать съ проповѣдію христіанства и разоблачать суевѣріе; школы съ мисіонерскимъ характеромъ, фельдшерскіе пункты и снабженіе мисіонеровъ медикаментами, наличность учителей катехизаторовъ и разъясненіе предъ правительствомъ о ненормальности положенія ламайскаго духовенства.

О. Корсунскій и на сѣздѣ, и въ частной бесѣдѣ сообщилъ, что буряты стоятъ на распутіи: нельзя сказать, чтобы и ламство казалось имъ въ розовомъ цвѣтѣ, извѣстно имъ, какъ оно заплонило и задавило буряты Тункинскаго края, съ неохотой они дали самое мѣсто подъ устройство сумэ въ Кирмѣ, какой-то страхъ чувствовали буряты, когда въ ихъ юртахъ временно поставлены были истуканы, предназначенные для кирменскаго сумэ, а посѣтившій эту кумирню старикъ-буряты въ тотъ же день повѣсилъ, жена радѣтеля и строителя сумэ Бороева, посѣтивъ капище, тотчасъ неблагополучно разрѣшилась отъ родовъ и скончалась, а изъ троихъ буряты, заявившихъ-было намѣреніе отпасть отъ христіанства, двое несчастно умерли, а третій взялъ прошеніе объ отпаденіи обратно.

Послѣ руководственныхъ указаній Преосвященнаго предсѣдателя о томъ, что въ цѣляхъ успѣха мисіи желательно знакомить буряты съ христіанствомъ, нужно говорить, служить и совершать молитвы въ школахъ по-бурятски, нужно знать, что говорить имъ, для чего всего лучше пройти катехизаторскую школу, которой, къ сожалѣнію, у насъ пока нѣтъ,—сѣздъ формулировалъ свои постановленія въ протоколѣ, въ которомъ говорится:

1. Собраніємъ миссіонеровъ констатируется фактъ переживанія шаманствомъ своего кризиса, а у бурятъ подмѣчается потребность перемѣнить шаманство на другую религію.

2. Слѣдствіемъ этой потребности является предложеніе со стороны буддо-ламаизма, какъ новой религіи, при чемъ это предложеніе встрѣчаетъ нѣкоторый успѣхъ.

3. Существующіе станы съ ихъ прихожанами хотя и являются плодомъ миссіи, но надлежащаго успѣха въ смыслѣ распространенія и укрѣпленія христіанства среди бурятъ не достигаютъ.

4. Причины этого: недостатокъ христіанскаго наученія, прежній руссификаторскій характеръ христіанизации бурятъ, недостаточность миссіонеровъ, недостатокъ школъ миссіонерскихъ, а равно и дѣятелей изъ среды самихъ бурятъ, отсутствіе христіанской общины, крещеніе безъ достаточной подготовки, уклоненіе отъ браковѣнчанія, несоблюденіе нѣкоторыхъ христіанскихъ обрядовъ, вапримѣръ, при погребеніи и др.

5. Неблагопріятныя условія миссіи: 1. Законъ о вѣротерпимости, поставившій православіе едва ли не въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ другія исповѣданія. 2. Ненормально-привилегированное положеніе ламства, покровительствуемаго существующими узаконеніями.

6. Собраніе считаетъ необходимымъ просить надлежащія власти о томъ, чтобы, во-первыхъ, входъ въ приходскія-инородческія школы для миссіонеровъ-священниковъ былъ свободенъ, во-вторыхъ, чтобы во всѣхъ инородческихъ школахъ было обязательно введено исполненіе молитвъ на инородческомъ и славянскомъ языкахъ, изученіе священной исторіи и Евангелія. Кромѣ того, собраніе признаетъ необходимымъ: устройство чтеній, знаніе инородческаго языка миссіонерами, пользованіе учебными и свѣтовыми картинами при проповѣди и оказываніе миссіонерами медицинской помощи.

7. Собраніе признаетъ необходимымъ увеличить количество миссіонерскихъ становъ: а именно въ предѣлахъ Усть-Ординскаго миссіонерскаго стана открыть 3 новые стана; въ Курумчинскомъ улусѣ Курумчинской волости; въ Хазаргайскомъ улусѣ Кудинскаго вѣдомства; въ Капсальскомъ улусѣ Капсальской волости; въ предѣлахъ Ользоновскаго миссіонерскаго стана при Верхне-Кудинскомъ волостномъ правленіи; въ предѣлахъ Хорбатовскаго миссіонерскаго стана, въ Кырминскомъ улусѣ Кырминской волости; въ предѣлахъ Заложнаго миссіонерскаго стана въ Мало-Головскомъ выселкѣ Ангинской инородной управы. Входящій въ составъ Еланцинскаго миссіонерскаго стана Алагуевскій родъ Иркутскаго

уѣзда, а также и Огульскій улусъ Еланцинскаго вѣдомства для пользы дѣла причислить къ Косостепскому приходу.

8. Собраніе просить выдавать оо. миссіонерамъ прогоны хотя бы въ прежнемъ, несокращенномъ размѣрѣ и отпускать средства на содержаніе аптечекъ при каждомъ миссіонерскомъ станѣ.

9. Собраніе признаетъ необходимымъ богослуженій въ храмахъ миссіонерскихъ становъ и въ улусахъ совершать на бурятскомъ языкѣ.

Было уже 9 часовъ вечера, когда закончилось это непринужденное обсужденіе настоящаго знаменательнаго въ миссіонерскомъ отношеніи времени, когда, повидимому, еще не упущенъ моментъ для своевременнаго противодѣйствія идущему во всеоружіи ламству. Отрадно было даже со стороны наблюдать это воодушевленное объединеніе миссіонеровъ, изъ которыхъ многіе здѣсь почерпнули какъ бы новыя силы для своей тяжелой миссіонерской работы, какъ бы переродились отъ сознанія, что они несутъ свѣтъ во откровеніе языковъ и спасеніе сѣдящимъ во тьмѣ и снѣи смертнѣй, что они не одни, а члены объединенной дружины, укрѣпляемой благодатной силой Иисуса Христа...

14 октября, утромъ, владыка въ сопровожденіи протоіереевъ В. Флоренсова и В. Ларева и пристава И. И. Симоновскаго посѣтилъ Кулункунское министерское училище въ 8 верстахъ отъ Усть-Орды. Учителемъ тамъ состоитъ новокрещенный Борисъ Матхановъ,—лишь съ наступившаго учебнаго года,—а ранѣе въ этой школѣ учительствовала г. Скрипочикова. Учащіеся мальчики и дѣвочки всѣ буряты некрещенные, хотя и съ русскими именами: Ѳекла, Надежда и т. п. Имена эти въ обычаѣ давать сразу при рожденіи, по русскому календарю. Въ школѣ Кулункунской владыка сначала спрашивалъ самъ, а затѣмъ поручилъ протоіерею В. Флоренсову спросить учащихся по-бурятски священную исторію по картинамъ и рассказать имъ исторію благословенія дѣтей, что и исполнено. Отвѣты дѣтей были весьма удовлетворительны, ими обнаружено достаточное знакомство съ важнѣйшими фактами священной исторіи, а также знаніе молитвъ; жаль только, что недостаетъ лишь самаго главнаго, т.-е. они всѣ остаются некрещеными. Благопріятное впечатлѣніе отъ школы владыка отмѣтилъ въ визитаціонной книгѣ.

Около 3-хъ часовъ дня мы прибыли въ Ользоны, гдѣ послѣ краткаго отдыха началось служеніе архіерейской вечерни. Важнѣйшія эктеніи произносились здѣсь по-бурятски прот. В. Флоренсовымъ, литія совершена съ обхожденіемъ кругомъ храма съ крестнымъ ходомъ, при пѣвнѣи молитвъ по-бурятски; въ концѣ, по-

бурятски же, произнесено поученіе. Прибывшіе на сугланъ буряты въ началѣ пришли-было въ церковь, но, къ сожалѣнію, скоро или утомились, или отозваны были для занятій на сходѣ. Въ церкви оставались лишь не многіе, а также учащіяся дѣти. Все болѣе понятное и интересное для буряты при богослуженіи, какъ-то: пѣснопѣнія и чтеніе на ихъ языкѣ и поученіе,—очевидно, слѣдуетъ предлагать имъ сразу же, въ началѣ, пока еще не ослабло ихъ вниманіе, чтобы болѣе заинтересовать ихъ и расположить къ подвигу молитвы.

За вечерней трапезой мѣстный миссіонеръ о. Сергій Рѣкинъ рассказывалъ о трудности жизни на Ольхонѣ, откуда онъ только что переведенъ сюда и гдѣ жизнь для него оказалась непосильной, особенно теперь, во время войны и бывшей нынѣ на Ольхонѣ засухи.

Рано утромъ 15 октября мы отправились въ Баяндай, гдѣ въ присутствіи многихъ богомольцевъ-переселенцевъ, бѣженцевъ, учащихся русскихъ и буряты владыкою совершена литургія. Самимъ Преосвященнымъ проповѣдникомъ произнесено здѣсь приблизительно слѣдующее:

Было время, когда І. Христось жилъ на землѣ, Его видѣли, сердца людей согрѣвались Его любовію, Онъ призывалъ всѣхъ къ доброй жизни. Особенно Онъ любилъ дѣтей, повелѣлъ пускать ихъ къ Нему и, поставивши одно дитя, сказалъ взрослымъ: „если не будете такими же незлобивыми, чистыми, то не наслѣдуете царствія Божія“. Любовь къ людямъ Спасителя привела Его на крестъ—на такую жертву, о которой ужасались ангелы. Діаволь радовался, ибо не зналъ, что Христось—Сынъ Божій, что Онъ воскреснетъ и сниметъ съ рода человѣческаго проклятіе за непослушаніе волѣ Божіей. Въ природу человѣка вошло зло, оно тянетъ насъ ко грѣху. Нужна борьба съ грѣхомъ, а въ этой борьбѣ единственная помощь свыше. Чтобы сять съ людей проклятіе, уничтожить бездну, отдѣляющую человѣка отъ Бога, Онъ, Спаситель, пострадалъ за людей и даровалъ Свою помощь людямъ въ святой Церкви, основанной на Крови Его. Эта помощь дается въ храмахъ при совершеніи св. таинствъ и церковныхъ службъ, когда мы всѣ славославимъ Господа. Развѣ не видимъ, какъ враждующіе измѣняются, придя изъ церкви,—это дѣлаетъ молитва. Здѣсь въ храмѣ наиболѣе близокъ къ намъ Господь, особенно при совершеніи литургіи. И въ пустой церкви при совершеніи литургіи присутствуютъ святые и ангелы, о чемъ должны помнить и іереи, и всѣ. Молитесь же здѣсь за всѣхъ. Черезъ молитву возгорается вѣра и нестрашно ничто. Вѣра окрыляетъ наши

мысли, возносить ихъ къ небесамъ, вѣра отверзаетъ намъ входъ въ царство небесное, котораго да не лишитъ насъ Господь.

Посѣтивъ въ Баяндаѣ мѣстное министерское училище и подрайоннаго переселенческаго чиновника К. Ф. Кузе, а также Покровское переселенческое училище, гдѣ 23 учащихся, Преосвященный побывалъ въ Баяндаевскомъ переселенческомъ врачебномъ пунктѣ. Больныхъ здѣсь было пятеро, изъ нихъ трое бурятъ, всѣ—венерики. Осмотрѣна кухня, гдѣ пробовали хорошо приготовленную пищу, посѣтили помѣщеніе для медицинскаго персонала, для амбулаторіи и аптеки (еще не вполнѣ оконченное) и, распрощавшись съ г. Кузе и служащими пункта, прослѣдовали въ Горхонскій улусъ къ крещеному буряту Александру Барманхоеву. Въ его довольно чистой и просторной, по потолку даже выбѣленной избѣ скоро набралось много бурятъ всѣхъ возрастовъ, въ большинствѣ некрещеныхъ, къ которымъ, съ благословенія владыки, обратился съ рѣчью прот. В. Флоренсовъ. Разказавъ о томъ, какъ съ недѣлю тому назадъ въ духовной семинаріи проводжали молитвой и богослуженіемъ на бурятскомъ языкѣ взятыхъ на тыловыя работы здѣшнихъ бурятъ, протоіерей говорилъ слушателямъ, что чрезъ войну и общую защиту отечества русскіе и буряты стали еще болѣе близкими другъ-другу: одно у насъ отечество, одинъ Богъ, одна должна быть и вѣра. Слышно, что буряты не вполнѣ довольны своимъ шаманствомъ, что ихъ зовутъ въ другую ламскую вѣру, но истинная вѣра одна, какъ и Богъ, и вѣра эта—вѣра Христова, вѣра всѣхъ лучшихъ, наиболѣе сильныхъ и образованныхъ народовъ. Эта вѣра всегда спасала наше государство, она всегда давала великихъ угодниковъ, каковы Св. Иннокентій, Николай и др., эта только вѣра можетъ очистить человѣка отъ грѣха и привести его ко спасенію, о чемъ возвѣститъ вамъ и прибылъ сей высокій гость, государственный сановникъ, преосвященный архіерей.

Въ отвѣтъ буряты указывали на тяжесть современной жизни, на разстройство ихъ хозяйствъ вслѣдствіе взятія мужчинъ на войну, хотя соглашались, что если придутъ нѣмцы и захватятъ нашу землю и имущество, а насъ перебьютъ, то будетъ хуже. Въ заключеніе крещеный хозяинъ обратился съ просьбою о томъ, чтобы всѣмъ собравшимся помолиться во главѣ съ владыкою. И... знаменательное совпаденіе: не успѣли еще перевести Владыкѣ эту просьбу, какъ самъ архипастырь выразилъ свое пожеланіе помолиться и тотчасъ же самъ предъ иконою Спасителя, съ зажженнымъ небольшимъ огаркомъ, сталъ служить молебень святителю Иннокентію, при чемъ молитва ему прочитана протоіер.

В. Флоренсовымъ на бурятскомъ языкѣ. По окончаніи молитвы владыка высказалъ свои благожеланія, свой призывъ бурятамъ креститься въ вѣру Христову, дабы получить спасеніе, и благословилъ всѣхъ присутствующихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ имъ розданы брошюры о св. Иннокентіи, блаженномъ Софроніи, нѣсколько евангелій, священныхъ исторій и букварей на бурятскомъ языкѣ. Съ искренней благодарностью буряты провожали владыку, а нарочитый проводникъ ѣхалъ впереди, пока мы не выѣхали на трактъ для дальнѣйшаго слѣдованія.

Довольно поздно, уже около 7 часовъ вечера, началось служеніе всенощной въ Хоготѣ. Служба, по обычаю, отличалась строгой уставностью. Кромѣ учащихся и мѣстныхъ жителей, въ церкви было также нѣсколько взрослыхъ бурятъ. Нѣкоторыя пѣснопѣнія исполнены по-бурятски. О. Мих. Махочкѣвымъ по-бурятски произнесено поученіе о томъ, что какъ едино самосознаніе челоувѣка, такъ единъ Богъ на небѣ и едина Его истинная вѣра,—вѣра Христова.

Гораздо болѣе, чѣмъ наканунѣ, собралось и русскихъ и бурятъ къ литургіи 16 октября, при чемъ самимъ владыкою произнесено слѣдующее слово: „Сегодня въ Евангеліи мы слышали о дивномъ воскресеніи І. Христомъ сына вдовы Наинской. Горе безутѣшное было у вдовы: она потеряла единственнаго сына. Но, на ея счастье, былъ тутъ Господь и не оставилъ ее, а сказалъ ей: „не плачь“,—и воскресилъ сына ея, ясно показавъ, что Онъ—Сынъ Божій! Котораго ждали вѣка. Господь—радость и утѣшеніе для вдовъ. Гдѣ же и теперь искать сего, какъ не у Господа! Въ Немъ утѣшеніе и радость. Много горя на поляхъ брани, куда идутъ наши защитники, а здѣсь плачутъ о нихъ ихъ оставшіеся близкіе. Такъ гнѣвъ Божій караетъ людей, ибо они забыли Господа, перестали простирать руки къ Нему, надѣясь на земное благополучіе. Много неправдъ даже теперь омрачаютъ нашу жизнь. Но не плачь. Наши воины, какъ орлы понеслись, чтобы защищать свою родину. Они оставили по себѣ безсмертную славу, о нихъ будутъ распѣваться колыбельныя пѣсни. Нельзя не плакать о нихъ, но безутѣшно плачете: вѣдь они пошли проливать кровь за нашу грѣшную землю. Пусть это утѣшитъ васъ. Среди всевозможныхъ горестей даровано намъ великое утѣшеніе. Христомъ даровано въ храмахъ Божіихъ, когда здѣсь повергаясь въ прахъ предъ Богомъ, у Него ищемъ себѣ утѣшенія. Помните это, дорогіе братья и сестры о Христѣ. Пусть эта молитва поможетъ вамъ найти Христа, молитесь Ему ежедневно. Освящайте молитвой день свой, и вечеромъ, если свободнѣе, пусть

раскроется священная книга Евангеліе: здѣсь—благодатное утѣшеніе, здѣсь—примѣръ жизни. Пусть это чтеніе согрѣетъ сердца твоихъ домочадцевъ. Дорожите храмомъ Божиимъ, гдѣ лики ангеловъ и святыхъ воскрыляютъ наши молитвы. Постомъ и исповѣдію, какъ огнемъ, очищайте свои сердца. Приобщайтесь Тѣла и Крови Христовыхъ и, такимъ образомъ, здѣсь, еще на землѣ, становитесь гражданами небесной жизни. Къ этой-то жизни приготовляйте себя, чтобы свѣтитъ всѣмъ своими добрыми дѣлами“... Слово это глубоко захватило слушателей, многіе плакали. Послѣ литургіи мѣстнымъ миссіонеромъ о. Мих. Махочкѣвымъ совершенъ крестный ходъ въ зданіе Хоготовской инородной управы, гдѣ имъ сказано пространное поученіе съ критическимъ разборомъ самыхъ способовъ совершенія молитвы и участія въ ней въ шаманствѣ, буддизмѣ и православіи. Вскорѣ сюда пришелъ Владыка и предъ юбилейнымъ образомъ Св. Николая, пожертвованнымъ инородцами для управы совершенъ молебень съ водоосвященіемъ. Послѣ этого протоіереемъ В. Флорепсовымъ по-бурятски сказано бурятамъ, наполнившимъ управу, что ихъ прекрасный даръ—образъ Св. Николая дѣлаетъ имъ честь и невольно напоминаетъ о жизни и подвигахъ Св. Николая. Угодника сего недаромъ чтутъ не только русскіе, не только буряты, но и монголы, называя его бѣлымъ старцемъ—сагаи убугуномъ, даже китайцы и весь міръ. Святитель Николай былъ родомъ грекъ и прославился своею пламенною вѣрою и благодѣяніями неподражаемой любви. То онъ заступаетъ за обиженныхъ, то спасаетъ отъ голода, отъ кораблекрушенія, отъ разврата, отъ невинной казни, то обогащаетъ убогихъ, то грозно возстаетъ, даже ударяетъ по лицу еретика Арія, то наконецъ, за твердость въ вѣрѣ терпитъ тюремное заключеніе. Если великъ этотъ Николай, то великъ и Богъ его, велика его и вѣра, поэтому почитая Николу, постарайтесь присоединиться и къ вѣрѣ его, т.-е. креститься въ вѣру Христову.

Рѣчь эта прослушана съ достаточнымъ вниманіемъ, послѣ чего крестный ходъ возвратился въ храмъ и къ Владыкѣ подошла одна старушка переселенка съ просьбою учредить въ ихъ участкѣ школу (въ 8 верстахъ отъ Хогота).

Подкрѣпившись пищею, Владыка съ прот. В. Флоренсовымъ, о. Мих. Махочкѣвымъ, іеродіакономъ и приставомъ отправились въ улусъ 3-й Хоройскій, иначе Харагунскій, въ 13 верстахъ отъ Хогота, въ домъ некрещенаго бурята Косьмы Сѣндуковича Харихинова. Вошли въ большую комнату, оклеенную чистенькими свѣтлыми обоями, въ переднемъ углу икона Св. Николая съ лампадкою передъ ней, которую при насъ и зажгли. На стѣнахъ

карточка—группа учащихся въ Иркутскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ бурятъ обоого пола, въ томъ числѣ—учениковъ церковно-учительской и духовной семинаріи и ученицъ гимназій. Тутъ же висѣлъ портретъ покойнаго уже учителя протоіерея Флоренсова—Филиппа Павл. Инкижинова. Сынъ хозяина учится въ университетѣ. Хозяинъ сообщилъ намъ, что у него собрались было сосѣди, но не дождавшись насъ, разошлись по домамъ. Тогда рѣшили позвать ихъ и вскорѣ все обширное помѣщеніе наполнилось бурятами, въ томъ числѣ и дѣтьми. Первымъ, по предложенію Владыки, обратился къ нимъ съ рѣчью протоіерей В. Флоренсовъ. Указавъ на настоящее тяжелое военное время, онъ разсказалъ имъ, съ какой задушевностію и любовію, съ какою усердною молитвою на-дняхъ въ Иркутскѣ провожали взятыхъ на тыловыя работы здѣшнихъ инородцевъ. Печально было видѣть только то, что мы и буряты, дѣти одной Родины, твореніе одного истиннаго Бога, но, къ сожалѣнію, не одной истинной спасительной вѣры. Жаль, искренно жаль тѣхъ, у которыхъ глаза еще не видятъ спасенія, приготовленнаго всѣмъ людямъ Христомъ, жаль тѣхъ, которые еще не пользуются счастіемъ чрезъ крещеніе породниться съ Богомъ, стать вѣтвями несажденнаго Христомъ древа спасенія, войти въ ограду всемірнаго общества христіанъ православныхъ. А между тѣмъ, даже въ далекой Японіи люди уже оцѣнили вѣру Христову, вступаютъ въ нее сотнями и тысячами и сами становятся священниками и діаконами. Отчего бы и этимъ вашимъ мальчикамъ не стать священниками, какъ сталъ имъ этотъ нашъ почтенный батюшка о. Михаилъ Махочкѣвъ, украшенный наперснымъ крестомъ и камилавкою и въ то же время сынъ шамана, крестившійся лишь 19 лѣтъ отъ роду. Помолимся же, чтобы Господь открылъ вамъ вѣру правую и двери вѣчнаго спасенія.

Далѣе съ обстоятельною рѣчью выступилъ о. Михаилъ Махочкѣвъ.—Найдете ли людей безъ вѣры? говорилъ онъ.—Да и вѣра въ началѣ была единая, общая для всѣхъ. Отчего явились вѣры разныя? Оттого, что нѣкоторые люди заблудились, забыли единую истинную вѣру, и образовались разныя ложныя вѣры, каковы ламская, шаманская и другія языческія. Явились и жертвы,—жертвы кровавыя, страшныя, недушевыя, а люди, держащіе ложныя вѣры, отстали даже отъ своей личной молитвы, предоставивъ молиться людямъ наемнымъ—ламамъ и шаманамъ. Не то въ православной вѣрѣ: тамъ всѣ должны молиться сами, умоумъ сердцемъ и всѣмъ существомъ своимъ участвовать въ молитвѣ. Разъ вѣровать какъ слѣдуетъ не умѣете—не умѣете и молиться.

Напротивъ, въ Христовой вѣрѣ молятся не только міряне и духовные, но молятся съ ними и на небѣ святые угодники, каковы: Николай, Иннокентій и др. Найдете ли гдѣ такую простую и легкую, такую прекрасную и спасительную, очищающую отъ грѣховъ вѣру, какова вѣра Христова, данная Имъ чрезъ апостоловъ и ихъ преемниковъ, архіереевъ? Не думайте, что ламы вѣрують, — нѣтъ, они сами даже не понимаютъ, что читають, сами заблуждаются, а вы думаете, что они за васъ молятся...

Пріятно было видѣть, какъ въ присутствіи архипастыря, почтенный, уже посѣдѣлый старецъ-бурятъ іерей, съ сіяющимъ на груди наперстнымъ крестомъ, непринужденно, съ искреннимъ одушевленіемъ и ораторскимъ искусствомъ, произносилъ свое наставленіе... Рѣчь его слушалась съ глубокимъ вниманіемъ и интересомъ, нѣкоторые дѣти забрались на диванъ и стулья, чтобы лучше видѣть и слышать оратора. Владыка, облачившись въ мантию, омофоръ и митру, въ сослуженіи съ прот. В. Флоренсовымъ и свящ. Мих. Махочкѣевымъ, отслужилъ водосвятный молебенъ святителямъ Николаю и Иннокентію, а молитву послѣднему читалъ по-бурятски о. Махочкѣевъ. По окончаніи молебна, Преосвященный въ облаченіи обратился къ бурятамъ съ своимъ назиданіемъ, поручивъ быть его переводчикомъ протоіерею Флоренсову. Начавъ съ благословенія, владыка привелъ слова Евангелія: „такъ возлюби Богъ міръ, яко и сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруй въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный“

Разсказавъ вкратцѣ о Христѣ, Его страданіяхъ, смерти и воскресеніи, проповѣдникъ указалъ, какъ всѣ народы міра притекають къ нему, какъ Христось всѣхъ зоветъ къ Себѣ. Правда, не радость, не утѣхи, а скорби, подъ часъ и гоненія ожидаютъ Его послѣдователей, особенно, какъ это было въ началѣ, во время страшныхъ гоненій на христіанъ, однако всѣ эти скорби ничто въ сравненіи съ тѣми благами, съ тѣми дарами, какія подаются Христомъ въ Его Церкви. Этихъ-то благъ, этихъ даровъ вѣры Христовой и желаетъ Владыка всѣмъ бурятамъ и русскимъ. Несмотря на утомленіе, проповѣдь архипастыря буряты прослушали съ глубокимъ вниманіемъ и полнымъ сочувствіемъ, всѣ подошли къ нему подъ благословеніе и, получивъ книжки и крестики, были распущены по домамъ. Пріѣхавшимъ же гостямъ хозяйкою былъ предложенъ чай съ молокомъ и печеньемъ, послѣ котораго, уже довольно поздно вечеромъ, мы поѣхали въ Хоготь. Было темно, ѣхать пришлось осторожно, но свѣтло и радостно было на сердцѣ,—радостно отъ сознанія, что сѣяніе слова Божія продолжается и нынѣ, что и язычники-буряты не закры-

заютъ ушей своихъ отъ слышанія глаголовъ жизни вѣчной... Невольно вспоминались слова церковной пѣсни: „нощъ несвѣтла невѣрнымъ, Христе, вѣрнымъ же просвѣщеніе въ сладости словесъ Твоихъ“...

Въ понедѣльникъ 17 октября, рано утромъ, мы уже ѣхали въ Манзурку, гдѣ, безъ особой встрѣчи, владыка заходилъ въ церковь, ремонтомъ печей и побѣлкой еще не оконченную; затѣмъ, встрѣченный пѣніемъ, посѣтилъ оба класса мѣстнаго министерскаго училища, мѣстному священнику о. Александру Византійскому поручилъ теперь же, до полученія формальностей, приступить въ этихъ классахъ къ законоучительству и, преподавъ всѣмъ благословеніе, крестики и листки, прослѣдовалъ въ Харбатовскій миссіонерскій станъ. Храмъ Харбатовскій освященъ во имя св. Николая, при чемъ огромный наплывъ въ него богомольцевъ, особенно бурятъ, бываетъ зимой, къ престольному празднику 6 декабря. Въ храмѣ замѣтна чистота и опрятность; староста Илья Серафимовичъ Турхесановъ—изъ мѣстныхъ бурятъ. При встрѣчѣ владыки въ храмѣ было много богомольцевъ, русскихъ и бурятъ, особенно учащихся. По порученію его Преосвященства, начало всенощнаго бдѣнія, великая и сугубая эктениі съ прошеніями о побѣдѣ произнесены протоіереемъ Флоренсовымъ по-бурятски, по бурятски же имъ произнесено поученіе о спасительной вѣрѣ Христовой, о грѣхѣ отреченія отъ нея, о томъ, что не должно шаманить и поклоняться ламскимъ божествамъ. Дано понятіе о Богѣ всесовершенномъ, Троичномъ, о твореніи, грѣхѣ и искупленіи, о судѣ и будущей жизни. По отзыву церковнаго старосты-бурята, бывшимъ въ церкви бурятамъ особенно понравились пѣснопѣнія и молитвы, исполненныя въ церкви по-бурятски. Вполнѣ понятна была и первая половина поученія, изъ второй же половины кое-что было не совсѣмъ понятно. Послѣднее объясняется, вѣроятно, утомленіемъ слушателей, а также и болѣе труднымъ содержаніемъ, самымъ предметомъ рѣчи. По словамъ мѣстнаго миссіонера о. Ѡ. Корсунскаго, другіе буряты говорили, что для нихъ понятна была вся бурятская рѣчь проповѣди.

И здѣсь, какъ во всѣхъ предыдущихъ храмахъ, въ изобиліи розданы русскимъ и бурятамъ листки, крестики, брошюры, бурятскіе буквари и пр. Послѣ всенощной владыка посѣтилъ и осмотрѣлъ подробно помѣщеніе мѣстнаго министерскаго училища, учащихся, общежитіе и кухню при немъ, а послѣ чая, вечеромъ прослѣдовалъ въ Качугъ.

Около 11 часовъ вечера Преосвященный съ сопровождав-

шими его пѣшкомъ переходилъ Лену у Качугъ, въ предшествіи зажженнаго фонаря и при колокольномъ звонѣ на мѣстной церкви. Около 2 часовъ ночи въ Качугъ мы были разбужены новымъ звономъ, уже набатнымъ. Оказалось, что на задахъ дома Прибытковыхъ горѣла баня. Пожаръ увидѣлъ прежде всѣхъ церковный сторожъ и во-время забилъ набатъ, благодаря чему вскорѣ прибыла пожарная машина купчихи Громовой, сбѣжался народъ, и пожаръ удалось погасить. По отзыву жителей, пожаръ локализованъ отчасти благодаря пріѣзду Преосвященнаго: въ церковной сторожкѣ ночевалъ и церковный староста, и отецъ караульнаго, и всѣ сторожа, которые и сдѣлали во-время тревогу. Не даромъ законъ и администрація обыкновенно заботятся объ организаціи охраны храмовъ, являющейся охраной всего населенія.

Около 6 часовъ утра преосвященный выѣхалъ уже въ Бирюлюку. Шелъ снѣжокъ, покрывшій высохшую пыльную дорогу. Лошади везли съ трудомъ и съ полдороги шли все тише и тише; оставалось до Бирюлюки еще верстъ 8, а уставшія лошади уже начали идти шагомъ. Возможно, что мы и не добрались бы, если бы встрѣтившіеся изъ-подъ свиты, ѣхавшей въ ночь, ямщики не подпрягли къ экипажу Владыки пристяжку и часовъ около 10 утра мы были въ Бирюлюкѣ. Храмовъ здѣсь два—одинъ старый изъ крѣпкаго толстаго лѣса, съ хорошо сохранившимися слюдяными окнами въ верху—въ верхнихъ просвѣтахъ, построенный около 1769 года, при преосвященномъ Софроніи. Другой храмъ новый, просторный, во имя Покрова же, прилично обставленный иконами и утварью, рассчитанный человекъ на 800. Храмъ этотъ былъ полонъ народу. Началась торжественная архіерейская литургія. Только на клиросѣ было всего четыре пѣвца: о. Іоаннъ, о. Никонъ, мѣстный псаломщикъ Берденниковъ и прот. Флоренсовъ. Послѣдній, видя множество народа и учащихъся, во время чтенія апостола испросивъ благословеніе Владыки, со всѣмъ клиросомъ (4 чел.), выйдя на средину храма, пригласилъ весь народъ пѣть сугубое Господи помилуй, на что учащіеся и богомольцы охотно откликнулись и послѣ 2-хъ, 3-хъ не вполне стройныхъ вначалѣ пріемовъ, общее пѣніе наладилось, такъ что этимъ пѣніемъ спѣты и остальные эктени, Вѣрую, Милость мира, Достойно есть и разныя молитвы во время причастнаго. Чувствовался общій подъемъ духа, общее дружное участіе въ литургіи, незамѣтно было усталости, хотя времени было уже около часа дня. Съ глубокимъ вниманіемъ народъ слушалъ наставленіе епископа, который говорилъ приблизительно такъ: Всѣ мы, возлюбленные братіе, искуплены драгоцѣнною кровію І. Христа. Онъ приходилъ на землю

открыть намъ входъ въ царство Божіе, въ небесный Іерусалимъ. Но горе наше въ томъ, что мы этотъ небесный Іерусалимъ забываемъ. Какое благо, какое счастье было бы, если бы горній Іерусалимъ сіялъ предъ нашимъ взоромъ, какъ сіялъ онъ предъ святыми. Они всѣ стремились туда. Апостоль Павелъ восхищенъ былъ даже до третьяго неба. Св. Андрей, видѣвшій дивный Покровъ Божіей Матери, видѣлъ небесный престоль. Къ этому чертогу должны стремиться, его достигать и всѣ мы, христіане, въ основанной Христомъ Спасителемъ Церкви и таинствахъ. Возрожденіе человѣка для вѣчнаго блаженства созидается въ таинствахъ Церкви Христовой. Человѣку необходимо въ себѣ, внутри себя созидать царство Божіе. А какъ? Черезъ кротость, воздержаніе, молитву. Напримѣръ, Церковь призываетъ вѣрующихъ къ покаянію: представъ же себѣ всю тяжесть беззаконія, терзайся за все это, какъ огнемъ опаляемый. За это-то исповѣданіе, если есть глубокое раскаяніе, Господь прощаетъ тебѣ грѣхи твои. Тѣло и Кровь Христовы неразрывно соединяютъ тебя со Христомъ и Его вѣчной жизнію, только вѣруй въ Него, стремись къ Нему добрымъ дѣломъ, молитвою, воздержаніемъ, милосердіемъ, служеніемъ людямъ. Для очищенія насъ отъ грѣховъ и приготовленія къ святости устроены на землѣ, какъ бы нѣкія лечебницы—храмы Божіи. Здѣсь совершается перерожденіе духовное, здѣсь покой отъ невзгодъ житейскихъ. Какъ въ изсохшей отъ знойнаго солнца пустыни утомленный странникъ съ радостію спѣшитъ на зеленую траву, подъ тѣнь роскошныхъ деревьевъ, что около воды, чтобы утолить свою жажду, такъ сюда, въ храмъ Божій, подъ сѣнь зеленѣющаго прекрасными цвѣтами древа Креста Господня, долженъ стремиться христіанинъ. Не страшны тогда никакія печали, найдено тогда лучшее утѣшеніе въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Какъ бы ни былъ тяжелъ нашъ жизненный путь, съ терзающими насъ бѣдами и напастями, однако христіанинъ забываетъ здѣсь всѣ трудности жизненнаго пути, ибо видитъ дивнаго Мужа, помогающаго ему, Мужъ этотъ—Господь І. Христось, пострадавшій за всѣхъ насъ мерзкихъ, грѣшныхъ, нечистыхъ, всегда готовый спасти насъ, лишь бы мы не ожесточали сердецъ нашихъ. Дорожите же вѣрою во Христа; вѣра эта—отрада нашей жизни; Христось да будетъ всегда съ вами.

Послѣ литургіи, при благословеніи народа, преосвященнымъ раздавались крестики, иконки, брошюры и листки, коихъ, несмотря на большой запасъ, на всѣхъ все же нехватило. Послѣ литургіи Владыка заходилъ въ старую церковь, посѣтилъ мѣстную церковно-приходскую школу, поднимался и въ помѣщеніе учащаго

затѣмъ послѣ обѣда и краткаго отдыха, въ 4 часа вечера снова былъ уже въ церкви, гдѣ служилъ торжественную архіерейскую вечерню и куда, по приглашенію архипастыря, сказанному имъ послѣ литургіи, вновь въ большомъ количествѣ собрался народъ. Здѣсь опять при общемъ пѣніи, отслуженъ акаѣистъ Покрову Божіей Матери.

Около 9 часовъ утра въ среду 19 октября Владыка прибылъ уже въ Заложную миссіонерскую, во имя св. Иннокентія церковь, гдѣ и встрѣченъ рѣчью священника о. Іосифа Косцюкевича, просившаго для прихожанъ архипастырскаго утѣшенія и благословенія въ эту тяжелую годину. Пѣлъ довольно стройно мѣстный хоръ (смѣшанный). Послѣ часовъ Владыкою, при общемъ пѣніи отслуженъ акаѣистъ св. Иннокентію, а въ концѣ литургіи преосвященный преподаль приблизительно слѣдующее утѣшеніе:

Скорбями очищается наша жизнь. Не будь ихъ, мы забыли бы, что здѣсь, на землѣ, мы лишь временно, что есть еще новая жизнь, есть Царство Божіе, даровать которое приходилъ Иисусъ Христосъ. Особенно тяжела жизнь наша теперь, во время войны. Но скорби пройдутъ, ихъ замѣнитъ радость побѣды. Съ нами Богъ, съ нами Заступница рода христіанскаго. Правда, трудно не плакать намъ теперь, когда многіе наши отцы, мужья, братья, друзья и близкіе, какъ снопы на пашнѣ, устилаютъ поля битвы, полагая душу свою за други своя... А они, наши родные герои, были единственной нашей отрадой... Но горе твое не должно быть безутѣшно—утѣшеніе въ вѣрѣ въ Господа І. Христа. Иное дѣло, если бы войны наши умерли безславно; но вѣдь они ушли на защиту родины и святынь ея отъ поруганій враговъ нашихъ. Если и померли на войнѣ, то померли славной смертью мучениковъ за вѣру и отечество, какъ герои, коихъ не забудутъ, о нихъ изъ рода въ родъ пойдутъ рассказы, о нихъ будутъ пѣть колыбельныя пѣсни, а тамъ на небѣ они получили награду отъ Бога. Грѣшная Россія принесла ихъ въ жертву за грѣхъ и великая награда будетъ дана имъ. Господь же, основавшій Свою Церковь на Крови Своей, утѣшитъ тебя, только ищи этого утѣшенія въ храмѣ, гдѣ сіяютъ иконы, гдѣ пламенная молитва вѣрующихъ. Богу повѣдай скорбь свою и Онъ утѣшитъ тебя, лишь ищи Его. А для этого начало и конецъ дня освящай молитвою, съ участіемъ согрѣй и обласкай дѣтскія, особенно сиротскія сердца, придетъ ли безпріютный—подѣлись съ нимъ. Вечеромъ опять повѣдай Господу страданія свои, Онъ придетъ и отрадою наполнитъ сердце твое... Чаше очищайте сердца ваши покаяніемъ, приобщеніемъ Тѣла и Крови Христовыхъ.

Послѣ литургіи преосвященный благословлялъ народъ, а о. Косцюкевичъ громко выразилъ ему отъ лица всѣхъ прихожанъ благодарность за сердечное слово утѣшенія. Розданы по обычаю крестики и литература. Въ часовнѣ—надгробіи, на могилѣ храмоздателя Михаила Аггѣевича Сапожникова, въ присутствіи Владыки и народа отслужена литія. Послѣ посѣщенія мѣстной церковно-приходской школы и трапезы у о. Косцюкевича, мы двинулись въ Ангу, отстоящую верстъ на 17 отъ Залога, по дорогѣ нѣсколько покатою и не совсѣмъ удобною, по словамъ жителей, обилующими нынѣ волками, нападающими на коровъ. Приближаясь къ Ангѣ, невольно всматривались мы въ мѣстные холмы, равнины и кустарники, гдѣ ходилъ когда-то великій уроженецъ Анги—митрополитъ Московскій Иннокентій, воспитываясь и вдохновляясь на свой великій миссіонерскій подвигъ, доставившій ему всемірную извѣстность. Если не считать того, что мѣстность эта является болѣе плодородною, но и болѣе глухою, чѣмъ при трактовая, что она имѣетъ немало насельниковъ бурятъ и даже тунгусовъ и граничитъ на Сѣверо-востокъ съ суровой, дремучей, необитаемой тайгой и холоднымъ, угрюмымъ Байкаломъ, то мѣстная природа ничего особеннаго изъ себя не представляетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

IV.

Свѣтлой памяти Н. И. Ильминскаго.

(† 27 декабря 1891 г.).

25 лѣтъ назадъ въ Казани скончался замѣчательнѣйшій дѣятель, давшій свое имя особой системѣ инородческаго образованія не только Казанской губерніи, но и всего востока Россіи. Это былъ Н. И. Ильминскій, нѣкогда профессоръ Казанскихъ академіи и университета, потомъ директоръ основанной имъ Казанской инородческой учительской семинаріи. Его дѣло и его значеніе прекрасно охарактеризовалъ проф. П. В. Знаменскій, чрезъ годъ послѣ кончины его выпустившій книгу: „На память о Николаѣ Ивановичѣ Ильминскомъ“ (Каз. 1892), являющуюся лучшимъ памятникомъ великому человѣку. Вотъ что говоритъ здѣсь авторъ объ Ильминскомъ: „Онъ былъ основателемъ цѣлой новой системы инородческаго просвѣщенія, системы мудрой, многосторонней, глубоко продуманной во всѣхъ подробностяхъ и приносящей свои благіе плоды вотъ уже около 30 лѣтъ, виновникомъ цѣлой сѣти устроенныхъ по началамъ этой системы инородческихъ школъ, раскинутой по нѣсколькимъ губерніямъ съ инородческимъ населеніемъ, главною и живою пружиною, которая двигала всѣмъ сложнымъ механизмомъ образованія нашихъ инородцевъ въ христіанскомъ и русскомъ духѣ. Рѣдкій богословъ, литургистъ, педагогъ и изумительный полиглоттъ, знатокъ нѣсколькихъ инородческихъ языковъ, особенно татарскаго, онъ всю свою ученость и весь свой необыкновенный даръ языковъ посвящалъ на неусыпное служеніе святому дѣлу своей просвѣтительной миссіи посредствомъ многочисленныхъ переводовъ на инородческіе языки священныхъ, богослужебныхъ и школьныхъ книгъ, немало сдѣлалъ при этомъ для просвѣщенія и родного русскаго народа, особенно своими педагогическими работами и изслѣдованіями по части славянскаго текста нашихъ церковно-славянскихъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ и состава нѣкоторыхъ богослужебныхъ чиновъ“. Если къ этой характеристикѣ

прибавить черты нравственного облика Ильминскаго — его необычайную доброту и отзывчивость, его кротость и незлобивость, простоту и смирение, полное отсутствие эгоизма и тщеславія, неутомимое трудолюбіе, — то мы получимъ портретъ, достаточно напоминающій свой оригиналь...

Н. И. Ильминскій, пензякъ родомъ, прошелъ Казанскую духовную академію въ составѣ перваго ея курса (1842 — 1846) и до 1858 г. былъ ея профессоромъ. Отставленный отъ нея, онъ въ 1858 — 1861 гг. служилъ переводчикомъ въ Оренбургской пограничной комиссіи. Въ 1861 г. Ильминскій приглашенъ былъ на кафедрѣ турецко-татарскаго языка въ Казанскій университетъ, гдѣ и оставался до 1872 года, при чемъ съ 1863 г. по 1870 г. велъ параллельно преподаваніе и въ академіи. Университетъ Н. И. замѣнилъ учительской семинаріей, которая явилась завершеніемъ всей его просвѣтительной системы и которой онъ отдалъ послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни.

Сущность этой системы состояла въ слѣдующемъ: школьное образованіе на родномъ языкѣ инородца съ параллельнымъ изученіемъ русскаго языка: превращеніе русскаго языка въ органъ преподаванія по достаточномъ ознакомленіи съ нимъ; школьная литература, богослужебныя книги на языкѣ инородцевъ, языкѣ живомъ, разговорномъ; шрифтъ для печатанія переводовъ — русскій; привлеченіе къ педагогическому дѣлу и къ церковно-служенію среди инородцевъ по преимуществу ихъ сородичей, прошедшихъ школу, или русскихъ съ знаніемъ инородческихъ языковъ; конечный результатъ системы, — это незамѣтное, добровольное сліяніе инородцевъ съ великой семьей русскаго народа, сліяніе съ нимъ въ вѣрѣ, языкѣ, культурѣ.

И церковь русская, и государство удѣляли вниманіе просвѣщенію инородцевъ и до Ильминскаго. Заводились школы, поощрялась проповѣдь, дѣлались переводы. Въ Казанскомъ краѣ особенно занялись переводами послѣ многократныхъ отпаденій крещенныхъ татаръ въ мусульманство. Но при этомъ пользовались существовавшими уже литературными явками, подверженными, какъ татарскій, напр., сильному вліянію арабскаго, турецкаго и персидскаго языковъ съ одной стороны и мусульманскихъ идей — съ другой. Ильминскій же обратился къ живому, разговорному языку инородцевъ и тѣмъ сразу приблизилъ къ ихъ пониманію и содержаніе переводимыхъ книгъ, и смыслъ богослуженія. Замѣнивъ притомъ арабскій шрифтъ русскимъ, онъ создалъ транскрипцію, не только удовлетворяющую научнымъ

и практическимъ потребностямъ, но и давшую перевѣсъ русской культурѣ надъ господствовавшей прежде татарско-мусульманской.

Раціонально поставленные переводы на инородческіе языки дали возможность: а) замѣнить непонятныя церковно-славянскія богослужебныя книги понятными и тѣмъ привлечь въ пустовавшіе прежде храмы крещенныхъ инородцевъ, б) открыть доступъ инородцамъ въ духовное сословіе и в) создать инородческую школу.

Колыбелью инородческаго школьнаго просвѣщенія стала Казанская крещено-татарская школа, открытая въ 1864 г. въ Академической слободѣ и обратившая на себя сочувственное вниманіе и академической и университетской корпораціи. Профессора университета собрали въ ея пользу въ четыре года свыше 4 тысячъ рублей. Эта школа выпустила немало учениковъ, которые въ свою очередь открыли по деревнямъ цѣлый рядъ училищъ съ примѣненіемъ тѣхъ же педагогическихъ принциповъ и методовъ, какіе практиковались въ Казани Ильминскимъ. Главная же идея Николая Ивановича, это — мысль о предоставленіи материнскому языку дѣтей перваго мѣста въ школьномъ преподаваніи. Въ первоначальномъ обученіи на родномъ языкѣ онъ видѣлъ надежнѣйшее средство къ усвоенію инородцами и русскаго языка, и русской культуры. Какъ ни ясна эта мысль и какъ ни странной представляется школа, въ которой инородца обучаетъ русскій, не знающій его языка, — идеямъ Ильминскаго пришлось встрѣтить сильную оппозицію со стороны чиновныхъ и нечиновныхъ людей, которые видѣли въ нихъ нарушеніе даже государственнаго интереса, поводъ къ созданію новыхъ инородческихъ литературъ, препятствіе къ сліянію инородцевъ съ русскимъ народомъ, даже орудіе къ ихъ отторженію. Но тѣмъ не менѣе, система Ильминскаго нашла справедливую оцѣнку со стороны тогдашняго попечителя Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестакова и въ 1870 г. — со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое ее одобрило для мѣстностей съ инородческимъ населеніемъ и увѣнчало учрежденіемъ въ 1872 г. въ Казани учительской инородческой семинаріи. Первымъ директоромъ ея и былъ Н. И. Ильминскій. Подъ его руководствомъ семинарія сдѣлалась могучимъ факторомъ просвѣщенія инородцевъ не только Поволжья, но и всего востока Европейской Россіи и даже Сибири. Въ ней обучались представители чуть ли не всѣхъ инородческихъ племенъ востока Россіи, усвоивавшіе здѣсь идеи, а также педагогическіе и переводческіе принципы Ильминскаго и у себя потомъ на родинѣ содѣйствовавшіе просвѣщенію сопле-

менниковъ на почвѣ русской христіанской культуры. Въ Азіи система Ильминскаго одно время примѣнялась въ Туркестанѣ. Пользовались также ею и въ миссіяхъ сибирскихъ, особенно алтайской, начальники которой, архим. Владиміръ (впослѣдствіи Казанскій архіепископъ) и архим. Макарій (нынѣ митрополитъ Московскій), состояли въ дружескомъ и идейномъ общеніи съ Ильминскимъ. Педагогическая пригодность и государственная полезность этой системы признаны и въ Западной Европѣ.

Но у насъ, въ Казани, уже послѣ того, какъ прежнія сомнѣнія были разсѣяны и сотни школъ и храмовъ съ инородческими языками практически доказали правильность пути, по которому пошелъ Ильминскій, время-отъ-времени возникаютъ прежнія опасенія за цѣлость государства и организуются все новые походы противъ системы Ильминскаго, его школъ, его сотрудииковъ и продолжателей. Проф. Знаменскій не находитъ даже это удивительнымъ „при постоянной забывчивости нашего общества и нашихъ общественныхъ и административныхъ дѣятелей, рѣдко знающихъ сегодня то, что говорилось и рѣшалось по извѣстному дѣлу вчера, и постоянно повторяющихъ сначала свои прежнія недоразумѣнія и ошибки“. Бываетъ такъ, что иной видный администраторъ педагогическаго вѣдомства является издалека на службу въ Казань и начинаетъ рвать и метать противъ системы Ильминскаго и только послѣ знакомится съ сущностью ея и — умѣряетъ свои воинственныя стремленія. Но бывало и такъ, что изъ Петрограда пріѣзжали крупные ученые въ качествѣ ревизоровъ съ наказомъ убѣдиться во вредѣ школъ Ильминскаго и — уѣзжали отсюда убѣжденными сторонниками его системы...

Н. И. Ильминскій умеръ, но дѣло, имъ созданное, долго еще будетъ служить къ укрѣпленію связей между инородчествомъ и русскимъ міромъ, сплочивая ихъ въ единствѣ государственныхъ и церковныхъ идеаловъ.

Проф. К. Харламовичъ.

Памяти добрых дѣлателей.

Въ началѣ октября минувшаго года скончался въ далекой Пазрѣкѣ, на границѣ съ Норвегіей, *настоятель Пазрѣцкой Борисо-Глѣбовской церкви протоіерей о. Константинъ Прокопьевичъ Щеколдинъ*, достигшій преклонныхъ лѣтъ и утружденный отъ заботъ служенія церкви на далекой окраинѣ нашего Сѣвера. Нельзя забыть, что на духовной нивѣ Сѣвера почти одинъ за другимъ сошли со сцены два замѣчательныхъ дѣятеля; близкіе другъ-другу и духовно, и пространственно, какъ сосѣди: сначала— о. архимандритъ Іонаанъ, а потомъ и о. Константинъ. Не стало двухъ видныхъ работниковъ на окраинѣ церкви Архангельской. Оба посвятили себя далекому Сѣверу. Въ полномъ смыслѣ слова легли они костями тамъ, гдѣ начали свою дѣятельность на нивѣ Божіей. Оба трудились для просвѣщенія лопарей и промышленниковъ далекаго Мурмана. Оба стояли на стражѣ русскихъ интересовъ, высоко держа русское знамя. Кто изъ лопарей и нашихъ промышленниковъ не знаетъ о. Константина и кто изъ нихъ не слышалъ объ о. Іонаанѣ? Воистину это были герои духа, носители идеи, которой посвятили всю свою жизнь! Духовные дѣятели могутъ гордиться, имѣя передъ собою такіе образцы самоотверженія. Вѣдь надо знать прежнія условія работы на далекомъ Сѣверѣ, надо войти въ пониманіе одухотворенной работы,—работы будничной, сѣрой, не имѣя поддержки, а, напротивъ, будучи отрѣзаннымъ отъ общенія съ культурными людьми, чтобы познать рѣшимость того, кто при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ делаетъ свое дѣло...

Надо ли говорить, что о. Константину принадлежитъ первый починъ просвѣщенія лопарей путемъ школы? И это дѣло дѣлалось еще тогда, когда о Сѣверѣ шли споры власть имущихъ и еще очень немногіе понимали, что Сѣверъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Начатое о. Константиномъ дѣло пошло успѣшно, развилося и упрочилось. Побывайте въ Пазрѣцкой школѣ, въ этомъ вмѣстѣ молитвенномъ домѣ для взрослыхъ лопарей, присмотри-

тесть къ окружающей обстановкѣ, среди которой совершается въ тиши великое дѣло, и вы почувствуете опытно, что значить самоотверженная работа во имя идеи.

Я не собираюсь писать біографію почившаго дѣятеля, не располагая для этого матеріаломъ и временемъ, но думаю, что не многимъ извѣстно, что первая русская школа на Мурманѣ, это—не какая-либо другая, а именно школа о. Константина. Какъ же намъ, русскимъ, особенно сѣверянамъ, не любить эту школу? На далекій Сѣверъ, тогда еще бывший пасынкомъ у нашихъ администраторовъ, принесъ о. Константинъ наше просвѣщеніе. И кто знаетъ, было ли бы православіе на окраинѣ нашего Сѣвера, если бы не работа о. Константина, не водворилась ли бы, при иныхъ условіяхъ, здѣсь лютерова ересь, если бы нашъ русскій священникъ не стоялъ на стражѣ? А кто, какъ не о. Константинъ, расширяя дѣло духовнаго просвѣщенія ввѣренныхъ ему Богомъ инородцевъ, предпринялъ первый переводъ на лопарскій языкъ молитвъ, священно-историческихъ разказовъ и св. Евангелія отъ Матѳея и предпринялъ составленіе словаря лопарскихъ словъ и грамматики ихъ языка? Глубоко сознавая, что истинное просвѣщеніе нуждается для своего успѣха въ надежной основѣ. о. Константинъ и предпринялъ переводческіе труды. Азбука для лопарей, редактированная Архангельскимъ Епарх. Миссіонерскимъ Комитетомъ, составлена была о. Константиномъ. Такъ онъ создавалъ вѣрную психологическую основу просвѣтительнаго дѣла.

Перенесемъ мысленно въ далекія тундры Лапландіи. Припомнимъ времена, когда о желѣзныхъ дорогахъ на Сѣверъ не мечтали самые пылкіе изъ доброжелателей его, когда по морю-океану еще не ходили пароходы, а плавали только поморскія ладьи, а около береговъ надо было „о парусѣ бѣжать на шнякахъ“. Вотъ въ это время и отдается неутомимой дѣятельности о. Константинъ. О, ему были хорошо извѣстны и кережные путешествія „подъ снѣгомъ“, и бушующій снѣжный океанъ тундры, съ непроницательнымъ бѣлымъ мракомъ вокругъ и плаванье на шнякахъ по гребнямъ океанскихъ валовъ. Не дрогнула его мужественная душа и послѣ того, какъ близкая опасность гибели въ тундрѣ захватила его врасплохъ и онъ, коченѣя отъ холода, одинокій въ снѣгахъ, ожидалъ заплутавшагося лопаря, онъ не утратилъ присущаго ему самообладанія, и послѣ пережитаго тяжелаго испытанія не ушелъ изъ духовно-близкой ему Лапландіи.

Геройство духа, это — то наслѣдство, которое намъ оставляютъ выдающіеся работники среди насъ. Герои духа создаютъ для насъ цѣнности, на основѣ коихъ развивается жизнь въ высшія

формы. Работали о. Константинъ, о. Ионаанъ, укрѣпляя мысль о цѣнности Сѣвера, опровергая своей дѣятельностью ходячія сужденія о немъ и сберегая для послѣдующихъ поколѣній древнее достояніе. Они на Сѣверѣ — творцы, каждый въ своей области.

Но мы были бы неблагодарны къ нашимъ дѣятелямъ, если бы не сберегли ихъ достоянія.

Мы призываемъ всѣхъ земляковъ— сѣверянъ для увѣковѣченія памяти объ о. Константинѣ поддержать посильными жертвами его школу и въ ней создать ему памятникъ въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ. Пожертвованія принимаются Архангельскимъ Епархіальнымъ Наблюдателемъ.

Н. Д. Казминымъ.

(„Арх. Еп. Вѣд.“).

ИЗЪ АЛТАЙСКОЙ ЖИЗНИ.

Возлѣ валежины.

„На то и глаза человѣку даны, чтобы за всѣмъ приглядывать, за всѣмъ слѣдить... а она, разиня безтолковая... На то и руки даны человѣку, чтобы все крѣпко держать, а у ней руки, словно плети... Проглазѣла, какъ собака у ней кусокъ маралины выхватила... вотъ и получила обушину по заслугамъ... Чертъ съ ней, пустьдохнетъ!.. А порядкомъ я ее стукнуль, не охнула-повалилась; навѣрняка распрощалася съ жизнью, ну туда ей и дорога... не больно-то ее жаль... маралину-то труднѣе достать и найти, чѣмъ бабу... Бабъ-то сколько хочешь—вездѣ этого добра много... подохнетъ, другую возьму... ладно, что пришибъ то безъ людей—свидѣтелей не будетъ... Что за человѣкъ—не могла кусокъ мяса отъ собаки уберечь... а мало ли я за этимъ мараломъ горъ излазилъ, мало ли переломовъ изломалъ... сколько изъ-за него холоду и голоду натерпѣлся... десятокъ ночей безъ сна провелъ... вотъ этого-то она не цѣнить... ну вотъ теперь и получила за это что слѣдуетъ... Умѣй беречь чужіе труды, умѣй цѣнить заботы другого... по заслугамъ ей и смерть... Не могла она тогда задушиться-то, когда вѣсилась на дерево... Паршивый сучокъ не могъ сдержаться—сломался... Подохни она тогда, собака бы кусокъ маральяго мяса теперь не сожрала бы... Навѣрное, подохнетъ—что же пустьдохнетъ... въ убійствѣ заподозрить меня не могутъ, свидѣтелей нѣтъ... А если замѣтятъ ударъ на головѣ,—навѣрное, подумаютъ что сама она себя прикончила... топоръ-то такъ возлѣ ея лежитъ... Вѣдь люди такъ и должны подуматъ, что она сама себя пришибла, потому что еще раньше хотѣла себя жизни лишиться... Такъ и подумаютъ, что тогда не могла задушиться, такъ теперь расчеты съ жизнью свела... Я мучаться за нее не стану, потому что я ей благое дѣло сдѣлалъ... Она смерти всегда желала, молила, ну вотъ я ей ее и далъ... Все она тяготилась, да томилась жизнью, на себя руки накладывала и все никакъ не могла прикончить съ собою, а я благодѣтельствовалъ ее, пособилъ ей достигъ желан-

ной цѣли... Она мнѣ, признаться, надоѣла, опротивѣла... Я не могъ переносить ея присутствія, ея рѣчей... Вѣчно она плачетъ; хнычетъ, стонетъ... добраго слова никогда отъ нея не услышишь, улыбки никогда на ея лицѣ не увидишь... Что ея дорожить? Толку отъ нея никакого не было... Дѣтей она сбрасывала, когда ее поколотишь; за хозяйство ее постоянно приходилось ругать да бить: все у нея какъ-то плохо было... Дровъ носила помалу, да тонкихъ—скоро сгораютъ, и изъ-за ея лѣни часто мерзнешь... Обутки и шубу сошьетъ—тоже не совсѣмъ хорошо: изнашиваются. Зря за нее только калымъ уплатили... Отчишко ее взялъ гнѣдка въ калымъ, развѣ стоитъ она его... огонь, мысль онъ былъ, а не конь... Выхватила собака кусокъ мяса у нея изъ рукъ, надо было сейчасъ же отнять мясо у собаки, а она стала реветъ да ругаться... руганью, да ревомъ дѣла не поправишь... Пока она реветъ, а собака мясо сожрала... Развѣ есть въ этомъ толкъ, развѣ есть въ этомъ порядокъ?..—такъ вслухъ самъ съ собою разсуждалъ Мозай. Онъ ѣхалъ верхомъ по косогору изъ юрты, гдѣ совершилъ преступленіе, ѣхалъ взволнованный, встревоженный, и ѣхалъ, самъ не зная куда: ѣхалъ туда, куда конь хотѣлъ итти... ѣхалъ косогоромъ безъ тропки, между деревьями... Деревья похлестывали его вѣтками, но Мозай этого не замѣчалъ... Онъ и ничего-то вообще не замѣчалъ, и, навѣрное, его разсужденія были бы безконечны, повторялись бы, если бы не заставилъ его очнуться конь... Конь шель, шель и вдругъ остановился возлѣ большой вѣковой валежины... Ее нельзя было ни перешагнуть, ни перескочить, слишкомъ она была ужъ толста и велика...

Конь остановился, и Мозай очнулся. Онъ вскинулъ глазами впередъ и увидѣлъ валежину... Она была большая, да толстая... Валежина была вся въ сучкахъ, да во мху... Кора на валежинѣ пооблупилась и иструхла... Валежина была съ корнями выворочена изъ земли... Корни частью пообломались, частью погнили, частью уцѣлѣли. Мозай вперился глазами въ эту валежину... Смотритъ онъ на валежину и думаетъ: „отчего она свалилась, такая могучая, такая сильная лѣсина?.. Кому она помѣшала? Кому она досадила? Все это безумный вѣтеръ такіа жестокости творить... Стояла она въ сторонѣ, ну и стой бы... Сколько бы изъ нея человѣкъ могъ дровъ наготовить, сколько бы она еще любовалась жизнью, если бы не безтолковый вѣтеръ... Вотъ возьмется откуда-то, принесется, да и воюетъ... Дуй бы выше лѣсины, если надо, а то нѣтъ,—надо жизнь у лѣсины отнять... Къ чему, для чего подумаешь жизнь отнимать у нея?.. Мало развѣ простора и мѣста ему гулять на бѣломъ свѣтѣ?.. Чѣмъ могла лѣсина доса-

дить вѣтру такъ, чтобы ее жизни лишать?.. Злыхъ, раздражительныхъ словъ лѣсна не могла говорить вѣтру, худыхъ поступковъ она тоже не могла дѣлать... Сердиться на лѣсину вѣтру никакъ нельзя, нѣтъ причинъ... нѣтъ причинъ и губить ее“... Мозаю вдругъ стало жалко валежины, онъ закачалъ головою и, роняя слезы, заговорилъ: „бѣдная, несчастная лѣсна, какъ мнѣ жаль тебя, что безумный вѣтеръ надъ тобою такъ жестоко надглумился... Гнѣшь ты, бѣдная, вмѣсто того, чтобы жизнью наслаждаться... Трухнешь—вмѣсто того, чтобы любоваться небомъ и звѣздами... Стояла бы ты, вѣточками помахивала бы, да пошумливала бы, а то теперь ты куда годна?.. За что этотъ безумный вѣтеръ такъ нещадно сразилъ?.. Это безуміе, его... Въ первый разъ я увидѣлъ эту валежину, а какъ мнѣ ее жаль, какъ мнѣ больно за нее... Взялъ бы, этотъ вѣтеръ, поймалъ бы, да самого бы и наказалъ“...

Мозаю обнялъ лѣсину и захлебывался въ слезахъ...

И сквозь слезы, задыхаясь, произносилъ: „Милая моя жена! Что я сдѣлалъ съ тобою? То же, что буйный вѣтеръ съ этой лѣсиною...

...Безумный я!..“

Павликъ Алтайскій.

Корсаковскій станъ.

(Къ историческому очерку Православной Миссіи среди корейцевъ Уссурійскаго края.)

По словамъ крестьянина Іоанна Петрова Цой, первые корейцы, въ количествѣ 7 семей, появились въ Корсаковскомъ станѣ въ 1867 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Они поселились въ долину рѣчки Шуфана; она—притокъ рѣчки Суифуна, берущаго свое начало въ Китаѣ. Берега Шуфана мѣстами отличаются плодородною почвою, какъ на примѣръ: селенія Корсаковка и Кроуновка, кои теперь составляютъ Корсаковскій миссіонерскій станъ. 50 лѣтъ тому назадъ, когда селились здѣсь первыя корейскія семьи, тутъ жило нѣсколько десятковъ человѣкъ китайцевъ; они здѣсь имѣли большія хозяйства и въ большомъ количествѣ обрабатывали землю. Корейцы, селясь здѣсь, не избѣжали матеріальной зависимости отъ богатыхъ китайцевъ. Находясь съ ними въ постоянной близости, корейцы позаимствовали отъ нихъ способы обработки земли мѣстнаго характера; переняли отъ нихъ земледѣльческія орудія и мѣры хлѣба съ китайскими названіями. Китайцы вмѣстѣ съ тѣмъ передали корейцамъ и свои пороки: азартныя игры, куреніе опиума и проч. По сіе время въ станѣ замѣтно китайское наслѣдіе, хотя китайцевъ тѣхъ здѣсь не осталось, и въ станѣ давно уже проникло вліяніе русской культуры и Православной Миссіи. Первые корейцы, пригнанные сюда стихійнымъ бѣдствіемъ на своей родинѣ—недородомъ хлѣбовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, здѣсь устраивались быстро и неплохо. Извѣщенные пионерами родные въ Корей быстро стекались сюда и мѣстность вскорѣ представляла уже два большихъ селенія; число дворовъ доходило до 300. Плодородная почва сторицею вознаграждала трудолюбивыхъ корейцевъ и они здѣсь зажили безъ нужды. Близость города Никольскъ-Уссурійскаго (20 верстъ) и постоянный сбытъ тамъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ обогатили часть корейскаго населенія, и въ среду его уже стали проникать предметы европейской индустріи и даже предметы роскоши. Значительная часть населенія уже отвыкла отъ черной

работы и проводила время праздно. Вполнѣ естественно, что многіе другіе пороки первыхъ хозяевъ мѣстности китайцевъ и городской жизни здѣсь нашли благодарную почву и быстро укоренялись. Сюда часто проникали отъявленные порочные элементы: китайцы и корейцы, и здѣсь они имѣли большое вліяніе на доврѣчивыхъ и праздныхъ людей. Снимая каждый годъ богатый урожай съ полей, корейцы почти беззаботно предавались порокамъ и праздности.

Шло время, а корейцы бессознательно пришли въ полное отупѣніе... Всѣ мечты и стремленія ихъ были направлены на узкіе интересы личнаго благосостоянія и счастія; вся цѣль существованія свелась къ удовлетворенію преступныхъ страстей и порочныхъ желаній. Познавательныя способности были убиты, людьми руководила одна жажда чувственныхъ ощущеній самой низкой пробы. Христіанство, нелишенное аскетизма, не пришло имъ по вкусу, и это высокое ученіе было бессильно сдвинуть застывшую массу.

Вполнѣ естественно, что Миссіи весьма трудно было „переродить“ здѣсь корейцевъ ни св. крещеніемъ, ни школьнымъ просвѣщеніемъ, въ евангельскомъ смыслѣ этого слова. Пожилые люди, закоснѣлые въ язычествѣ и увлеченные пороками, были глухи къ словамъ евангельской проповѣди; а молодые, едва выучившіеся русскому языку и грамотѣ въ школахъ, быстро растворялись въ бытовыхъ условіяхъ и порокахъ отцовской жизни. Параллельно съ дѣятельностью Миссіи въ станѣ создавалась новая жизнь у корейцевъ, полная психологическихъ странностей. При нашей попыткѣ изучить эту жизнь и вынести впечатлѣніе о плодахъ духовнаго просвѣщенія и дѣятельности Миссіи, мы столкнулись съ параморфизмомъ корейской жизни: одновременно они проявляли христіанскую и языческую жизнь: строили храмъ, давали причту нужное пособіе, крестились, молились за умершихъ и проч., и въ то же время во всей полнотѣ сохранили вѣрованія и обряды язычества: шаманство, камланія, праздники, разные виды жертвоприношеній, поминки и проч., и по сіе время не поддались сильному измѣненію и едва замѣтно начало исчезновенія языческихъ обычаевъ.

Такова была духовная нива, на которой Миссія стремилась утвердить Божию Церковь.

Съ другой стороны, дѣламъ Миссіи въ станѣ сильно противодействовали вѣяніе культуры и духъ времени. Корейцы, получившіе образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, приобщились и къ социальнымъ и моднымъ философскимъ идеямъ Европы

и со всей пылкостью и усердіемъ учениковъ исповѣдуютъ эти ученія. Скорбно слышать изъ устъ корейцевъ, неуспѣвшихъ вполне освоиться съ истинами христіанства, осужденія и опроверженія этого ученія. Тяжело бороться благовѣстителемъ святой вѣры съ тьмою и невѣжествомъ грубаго язычества и пороками корейской жизни, но еще тяжелѣе бороться съ этими злыми вѣяніями современной идеологіи и развратнымъ духомъ вѣка сего. Но Миссія, не теряя надежды и вѣры въ торжество своей идеи и со словами въ устахъ: „Да святится Имя Твое, да придетъ Царствіе Твое“ твердыми шагами шла впередъ и утверждала Божью Церковь въ мірѣ язычниковъ.

Въ общихъ чертахъ, Корсаковскій станъ росъ въ слѣдующей постепенности: въ 1872 году здѣсь была устроена и освящена часовня во имя св. Иннокентія, епископа Иркутскаго. Часовня была фанзоваго типа: на столбахъ, обмазанная глиной и сверхъ крытая соломой. Въ 1887 году сооружена деревянная одноэтажная съ колокольною на каменномъ фундаментѣ церковь, освященная въ слѣдующемъ 1888-мъ году преосвященнымъ Гуріемъ во имя святого Иннокентія Иркутскаго. Средства на построеніе храма собраны были среди прихожанъ корейцевъ съ незначительнымъ пособіемъ изъ средствъ Миссіонерскаго Общества.

Первымъ священникомъ, завѣдывающимъ Корсаковскимъ станомъ, былъ о. Илья Пляскинъ, прослужившій съ 9-го іюня 1883 года по іюнь 1885 года. За это время имъ окрещено 56 человекъ корейцевъ обоюго пола.

Съ іюня 1885 года по 8-ое сентября 1887 года Корсаковскій станъ подлежалъ вѣдѣнію причта гор. Никольскъ-Уссурійскаго. Временно завѣдывающій священникъ о. Павелъ Мичуринъ окрестилъ 56 человекъ обоюго пола,

Съ 1887 года по 16-ое апрѣля 1892 года работалъ священникъ о. Александръ Новокшеновъ, окрестившій 439 человекъ.

Съ 1892 года по 13 декабря 1896 года—священникъ о. Алексій Михайловскій. Имъ окрещено 377 человекъ.

Съ 1896 года по августъ мѣсяць 1913 года служилъ о. Іоаннъ Литвинцевъ, окрестившій 1837 человекъ обоюго пола.

Съ 1913 года по августъ мѣсяць 1915 года миссіонерствовалъ священникъ изъ корейцевъ Романъ Кимъ. Онъ былъ боленъ чахоткой, потому онъ не могъ отдаваться дѣлу съ должною энергіею, вслѣдствіе чего дѣятельность его была неплодотворная, да она была и непродолжительная. Имъ окрещено 509 человекъ обоюго пола.

Съ 1-го августа 1915 года и по сіе время здѣсь миссіонерствуетъ священникъ Василій Огай, тоже изъ корейцевъ. Имъ окрещено 123 человекъ обоюго пола.

Всего за время существованія Миссіи по 1-ое ноября 1916 года въ станѣ окрещено 3297 человекъ, въ томъ числѣ 1565 женщинъ.

Среди корейцевъ Корсаковского стана особенно благодарную память заслужили священники (нынѣ протоіерей) о. Павелъ Мичуринъ и о. Александръ Новокшеновъ. Послѣдній былъ исполненъ духа благовѣстителя и жажды дѣланія. Онъ первымъ изъ названныхъ выше русскихъ о.о. миссіонеровъ пытался изучить корейскій языкъ; онъ часто произносилъ поученія въ храмѣ и частныхъ домахъ, пользуясь услугами переводчиковъ. О. Новокшеновъ стремился вникнуть въ духовный міръ язычниковъ-корейцевъ и съ этою цѣлью искалъ сближенія съ ними, часто бывалъ запросто въ домахъ пасомыхъ.

Дольше всѣхъ въ станѣ служилъ о. Іоаннъ Литвинцевъ; онъ здѣсь жилъ 17 лѣтъ, потому пройти его молчаніемъ невозможно. Въ первые два-три года своего миссіонерскаго служенія онъ пытался искоренить языческія вѣрованія своихъ пасомыхъ; съ этою цѣлью онъ часто ходилъ по фаязамъ съ церковнымъ старостою, служившимъ ему переводчикомъ, собиралъ предметы языческихъ почитаній и сжигалъ ихъ; преслѣдовалъ шамановъ и проч. Видя упорство корейцевъ въ своихъ вѣрованіяхъ и свои неудачи въ дѣлѣ искорененія родныхъ вѣрованій и обычаевъ ихъ, онъ оставилъ свои преслѣдованія. Этимъ, можно сказать, и кончилась его миссіонерская дѣятельность въ станѣ. Затѣмъ, онъ жилъ въ станѣ обыкновеннымъ приходскимъ священникомъ: совершалъ Богослуженіе и отправлялъ требы. Увы! миссіонерское служеніе о.о. пастырей въ станѣ заключалась въ преслѣдованіи шамановъ и языческихъ обрядностей. Понятно, что о.о. миссіонеры, при всемъ желаніи и стремленіи, не могли сдѣлать большаго, ибо они не имѣли общаго языка съ корейцами; не было литературы, которая могла бы содѣйствовать имъ и проч. Къ огорченію о.о. миссіонеровъ „слово Христово не вселялось въ нихъ (корейцевъ) богато“ (Кол. 3, 16). А хитрые язычники, съ своей стороны, были очень благодарны о.о. миссіонерамъ, что они не имѣли сильнаго вліянія на ихъ „духовную“ жизнь и они лицемѣрно исполняли всѣ ихъ требованія матеріальнаго порядка. Дѣти о. Литвинцева прекрасно знали корейскій языкъ, ибо всегда вмѣстѣ играли съ корейскими дѣтьми. Они могли бы быть преемниками миссіонерскаго служенія своего отца, но, къ сожалѣ-

нію, пока никто изъ нихъ не пожелалъ продолжать благовѣстническую дѣятельность своего родителя.

Помимо отмѣченныхъ выше мотивовъ, препятствовавшихъ воспріятію и усвоенію корейцами евангельскихъ истинъ, были и другія преграды, тормозившія распространеніе среди нихъ новыхъ истинъ. Издавна селенія Корсаковка и Кроуновка являлись излюбленнымъ мѣстомъ китайскихъ разбойниковъ. Они часто дѣлали сюда набѣги и по сіе время они свои грабежи совершаютъ почти безнаказанно. Населеніе парализовано страхомъ нападенія злодѣевъ и оно въ вечернюю пору замуравывается въ своихъ жилищахъ. Вечернее богослуженіе и бесѣды съ наступленіемъ тьмы, такъ благотворно возбуждающія людей къ религіозной жизни, здѣсь безсильны и лишены прелести и обаянія, ибо нѣтъ движеній людей въ эту пору дня. Какъ тернистъ путь миссіонера и какъ тяжелъ крестъ Христовъ на раменахъ его!

Въ станѣ имѣются двѣ церковно-приходскія школы: двухклассная и одноклассная; въ нихъ за послѣднія пять лѣтъ окончило сорокъ человѣкъ мальчиковъ и 3 дѣвочки съ знаніемъ курса одноклассной школы, а двухклассную окончили четыре человѣка, въ томъ числѣ одна дѣвочка. Это—свѣтлая страница въ жизни миссіонера. Въ скромной аудиторіи сельской школы съ корейскими дѣтьми о.о. миссіонеры часто находили нравственное удовлетвореніе и утѣшеніе отъ неуспѣховъ проповѣди среди остальной массы св. Евангелія. Они здѣсь только вполнѣ отдавались требованіямъ неудовлетворенной души и со рвеніемъ и пылкостью научали дѣтей святымъ истинамъ вѣры и нелегкимъ для инородцевъ наукамъ.

Корейскія дѣти въ школахъ посвящались въ глубины христіанскаго ученія и научныя свѣдѣнія, и они дѣтскимъ умомъ и чистымъ сердцемъ невольно сознавали суетность и невѣжество отцовской вѣры и искренно вѣровали въ Добраго Галилейскаго Учителя. Въ дѣтской душѣ возникала борьба, полная трагизма: вѣра ихъ въ новаго Бога отдаляла ихъ отъ родителей. Недаромъ Учитель говорилъ: „Не миръ пришелъ Я принести, но мечъ; ибо Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцемъ его“... (Матѣ. 10, 34—35). Правда, часто гибли эти молодые побѣги на Христовой нивѣ отъ вліянія отцовской вѣры, но, однако, иные уцѣлѣли и приносятъ уже плоды... Нѣкоторые изъ этихъ питомцевъ служатъ Богу въ санѣ іерея, въ качествѣ школьнаго учителя и т. д.

О.о. миссіонеры! Вашъ великій и святой трудъ мало кому извѣстенъ и васъ не благодарили бурными рукоплесканіями на площадяхъ и въ торжественныхъ собраніяхъ, но вы уже полу-

чили награду, ибо сѣмя, посѣянное вами, возросло въ пышное дерево и оно приноситъ плоды во много кратъ.

„Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ“.

Миссіонеръ *Василій Огай*.

Ноября 5 дня 1916 года.

Сел. Корсаковка.

Интересный исторический документъ.

Во время недавняго пребыванія на Алтаѣ Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Макарія, въ Алтайской миссіи найдена копія донесенія о. архимандрита Макарія (Глухарева), основателя алтайской церковной миссіи, писанная Преосвященному Агапиту, епископу Томскому. Содержаніе донесенія само по себѣ достаточно ясно. Для нѣкотораго освѣщенія повода къ написанію этого донесенія нужно сказать, что алтайская миссія основана была въ то время, когда нынѣшняя Томская епархія составляла еще часть обширнѣйшей Тобольской епархіи. Поэтому благословеніе на святое дѣло проповѣди приснопамятный о. архимандритъ принялъ отъ тобольскаго іерарха и состоялъ отъ него въ іерархической зависимости. Понятно, что съ образованіемъ въ 1834 году самостоятельной Томской епархіи, настояла нужда алтайской миссіи войти въ подчиненное отношеніе ко вновь назначенному въ Томскѣ епископу Агапиту. О. архимандритъ не могъ прибыть въ Томскъ и первое свое сношеніе съ новымъ архипастыремъ оформилъ въ видѣ слѣдующаго донесенія.

Преосвященнѣйшіи Владыко,
Милостивѣйшіи Архипастырь!

Вкупѣ со всею паствою, Великимъ Пастыреначальникомъ ввѣренною Вашему попеченію, служащая въ Бійскомъ Округѣ при обращеніи иновѣрцевъ въ христіанскую вѣру, церковная Миссія предастъ себя Вашему, Святителю Христову, Архипастырскому покровительству.

Сія миссія введена въ дѣйствованіе 1830 года Августа 3 дня, Архіепископомъ, нынѣ Рязанскимъ, Преосвященнѣйшимъ Евгениемъ и тогда же получила отъ Его Высокопреосвященства походную церковь во имя Всемилостиваго Спаса.

Первоначально сотрудниками моими были семинаристы Василій Поповъ и Алексѣй Волковъ. Первый, проживъ со мною два мѣсяца съ немногимъ въ Бійскѣ, скончался, а послѣдній въ 1832 году женился и вышелъ изъ церковнаго званія въ гражданскую службу.

Между тѣмъ въ 1831 году вступилъ въ сотрудничество со мною одинъ семидесятилѣтній старецъ изъ поселенцевъ, Петръ

Лисицкій, который и нынѣ проходитъ служеніе съ постояннымъ терпѣніемъ и усердіемъ и, по благословенію Архіепископовъ Тобольскихъ Преосвященнѣйшихъ Евгенія и Аѳанасія, въ нынѣшнемъ году представилъ Епархіальному начальству прошеніе о введеніи его въ духовное званіе и въ монашество. Кромѣ его, съ іюля 1832 года служить при Миссіи въ должности толмача одинъ изъ крещенныхъ мною татаръ, Ѳедоръ Михайловъ, сынъ Иштанаконъ.

Миссія служила доселѣ въ соединеніи 217-ти иновѣрцевъ съ Восточною христіанскою церковію.

Миссія имѣетъ станъ свой, можно сказать, у вратъ Алтая, въ селеніи, которое, по устью рѣки Маймы, впадающей здѣсь въ Катунь, называется Усть-Майминскимъ. Сей станъ есть домъ со-сновый, имѣющій 13 саж. въ длинѣ и $2\frac{1}{2}$ въ поперечникѣ, въ которомъ подъ одною кровлею находятся горница, длиною въ 12 аршинъ съ половиною, для открытаго въ походной церкви Бого-служенія, пріемная зала съ келліею для меня и съ кладовою, и поварня съ келліею для старца Петра и съ кладовою. Кромѣ сего на землѣ, Обществомъ Усть-Майминскихъ земледѣльцевъ назна-ченной для стана Миссіи, она имѣетъ домъ, состоящій изъ двухъ избъ подъ одною кровлею, въ которомъ прежде сего помѣщался толмачъ съ семействомъ своимъ и который теперь остается неза-нятымъ, ожидая своего назначенія, а за чертою стана принадле-жать Миссіи два дома, въ которыхъ помѣщаются безпріютные между новокрещенными, и которые имѣютъ также по двѣ избы въ своемъ составѣ.

По благотворному опредѣленію Высокопреосвященнѣйшаго Евгенія, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ Архіепископомъ Тобольскимъ Аѳанасіемъ, Миссія находилась доселѣ въ непосредственной отъ Архипастырей Епархіальныхъ зависимости и въ непосредственномъ къ нимъ отношеніи по службѣ. Какое опредѣленіе утвердить всепокорнѣйше просимъ Ваше Преосвященство.

Мысленно повергаясь къ стопамъ Вашимъ, предаю себя вкупѣ съ моими сотрудниками и со всеми новокрещенными свя-тительской молитвѣ Вашей и Архипастырскаго благословенія испрашиваю.

Вашего Преосвященства, Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца, всепокорнѣйшій послушникъ *) *Архимандритъ Макарій*.

1834 г. ноябрь

8 дня

Въ д. Майминской.

*) Основатель Алтайской миссіи.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Редакція „Православнаго Благовѣстника“ получила на этихъ дняхъ прилагаемое ниже письмо отца Протоіерея Евѣмія Александровича Малова. Безусловно соглашаясь съ авторомъ письма, Редакція считаетъ долгомъ дать мѣсто истинно отческимъ указаніемъ глубокоуважаемаго автора.

Вотъ эти указанія:

„Осмѣливаюсь порекомендовать Редакціи слѣдующее:

1) „Православный Благовѣстникъ“—это, конечно, серьезный органъ Православно-христіанской миссіи, и онъ долженъ быть такимъ.

Мухаммеданство, съ которымъ „Православный Благовѣстникъ“ нерѣдко имѣетъ дѣло, есть ученіе *не православное*, и исповѣдники мухаммеданства—*люди заблуждающіеся*. Они отнюдь *не „правовѣрные“*, *не „православные“*. Мухаммеданъ называть *правовѣрнымъ* нѣтъ причины. У нихъ у самихъ такого названія нѣтъ. Они себя называютъ *мусульманами* (въ переводѣ—*преданными*, и къ этому названію прибавляютъ поясненіе, преданными, т.-е. Богу). Называютъ они себя еще: *муминами* (т.-е. *вѣрующими*). Какъ? или въ кого? Опять поясняютъ или прибавляютъ къ этому названію поясненія: *вѣрующими въ единство Божіе* (кстати: насъ—христіанъ, они, по своему неразумію, считаютъ многобожниками). Дополненія въ арабскомъ, мухаммеданскомъ, ихъ ученіи, такого, какое существуетъ у христіанъ въ словѣ *ортодоксъ*—*православный, правовѣрный*, у мухаммеданъ рѣшительно нѣтъ.

Называютъ себя еще татары, живущіе въ Россіи (некрещеные), *послѣдователями* Мухаммеда, или *мухаммеданами*.

Лучше всего подходитъ къ *мухаммеданству* названіе „*ученіе Мухаммеда*“, а къ послѣдователямъ этого ученія—названіе „*мухаммедане*“.

Поэтому Редакція Миссіонерскаго журнала *должна принять* за твердое, *обязательное* для себя и г.г. сотрудниковъ, *правило*: во всѣхъ статьяхъ, касающихся мухаммеданства, не допускать

называть мухаммеданское учение *правовѣріемъ*, и мухаммеданъ— *правовѣрными*, или *ортодоксальными* мусульманами. Эти термины къ мухаммеданамъ не подходятъ.

2) Редакція должна имѣть миссіонерскіе принципы. Она должна еще строже обращать вниманіе на термины, какіе тѣ или другіе авторы употребляютъ въ отношеніи къ религіи христіанской и особенно къ Основателю христіанства, Спасителю рода христіанскаго, Иисусу Христу.

Я хочу представить нѣкоторые факты. Недавно получилъ я „Православнаго Благовѣстника“ 1916 г. книжку октябрь—ноябрь. Я прочиталъ сейчасъ же *окончаніе* интересной въ нѣкоторой степени статьи „Мухаммедъ и конецъ міра.“ Не буду говорить по поводу содержанія этой статьи: читатель вообще не скоро разберется въ этой статьѣ, полной разныхъ терминовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ дѣлу. Прошу развернуть 39 страницу. Здѣсь вы можете прочитать, что одно „мусульманское населеніе“ называется „*даже весьма правовѣрнымъ*“. А далѣе, на той же страницѣ *шиизмъ* называется „настоящимъ мусульманскимъ *правовѣріемъ*“. Наконецъ, на той же страницѣ, говорится что омейяды пытались уничтожить магдизмъ, а Абассиды хотѣли оживить его..., потому что политическая необходимость выбросила ихъ за бортъ „официальнаго *правовѣрія*“. Скажите, съ какой стати выставляются здѣсь термины: *весьма правовѣрныхъ и правовѣрія?*

Русскій языкъ настолько богатъ, что при желаніи легко найти *точное выраженіе* точно продуманной мысли. .

Перевернемъ страницу, и посмотримъ, что находится на стр. 40?

„Штраусъ утверждаетъ, что *фигура* Иисуса есть проэкція“... и проч. „Съ своей стороны Снукъ Гургронъе предпринялъ трудъ разъясненія *европейской публикѣ* этой любопытной *фигуры*“... и т. д. и т. д.

Читайте еще на стр. 52: „Мессія сынъ Маріи, или Миссіи Иса (т.-е. Иисусъ), сынъ *Маріи, который* не умеръ на крестѣ, но былъ вознесенъ на небо, *играетъ въ Коранѣ роль* простого пророка; слово *Мессія фигурируетъ* только какъ чисто почетный титулъ; но посланническая *роль* Иисуса не упомянута ни одною чертою.“

Скажите, ради Бога, какой это языкъ? Ужели это языкъ религіи? Когда истинные христіане слышатъ чей-либо отзывъ, что такой-то играетъ хорошо свои роли, тогда, конечно, заключаютъ, что дѣло идетъ о театрѣ, а отнюдь не о религіи. Это языкъ театральный. Итакъ, въ серьезномъ журналѣ религіознаго, особенно

миссіонерскаго характера подобные термины должны быть *непременно удалены*.

Авторы, допускающіе подобные термины, дают лишній трудъ миссіонерамъ. Когда миссіонеры говорятъ татарамъ-мухаммедамъ, что ихъ вѣра *неправая*, они отвѣчаютъ: только одни миссіонеры такъ говорятъ о мухаммеданствѣ, а многіе, даже спеціалисты по исламовѣдѣнію, называютъ исламъ или мусульманскую религію *правовѣрнѣмъ*. Нѣкоторые историки христіанской Церкви и очень многіе *изъ русскихъ ученыхъ литераторовъ* называютъ мухаммеданъ *правовѣрными*, значить, они сознаютъ, что ученіе, какое содержатъ мухаммедане, истинное....

Нѣкоторые авторы могутъ сказать намъ, что они въ этомъ случаѣ не авторы, а только переводчики, и за языкъ не отвѣчаютъ, а только за переводъ. Но Редакція журнала обязана отвѣтить сотрудникамъ, что она должна обращать вниманіе и на переводъ *и на языкъ перевода*. Въ данномъ, напримѣръ, случаѣ Иисусъ называется *фигурой*, о Немъ говорится, что Онъ *играетъ* въ Коранѣ (по словамъ Корана) *роль* простого пророка. Вотъ и требовалось бы отъ переводчика, чтобы онъ къ переводу прибавилъ, хотя бы подстрочное примѣчаніе, *что въ Коранѣ тѣлого выраженія нѣтъ*. Слѣдовательно, нѣмецъ или французъ, которые такъ говорятъ объ Иисусѣ Христѣ, несправедливы. Притомъ фраза *играть роль*, какъ всякому извѣстно, есть признакъ языка театральнаго. Переводчикъ гораздо лучше бы поступилъ, если бы замѣнилъ эту фразу, а равно и другіе неподходящіе термины словами *изъ языка богословскаго*. Въ богословскомъ, православно-христіанскомъ ученіи термина: *фигура* Иисуса не имѣется, и слово *роль*, или фраза: *играетъ роль* не употребляется. Въ христіанствѣ терминологія въ отношеніи къ Иисусу, напримѣръ, такова: Божественная Личность Господа нашего Иисуса Христа имѣетъ для нашего спасенія высокое значеніе и т. п. А читать о *фигурѣ* Его возмутительно, прискорбно и крайне тяжело. Переводчикамъ слѣдуетъ даже постараться, сколько возможно, узнавать: авторы статей на иностранныхъ языкахъ о мухаммеданствѣ, къ какой принадлежатъ *національности и какую сами исповѣдуютъ религію*? Когда это будетъ извѣстно, тогда переводчикамъ придется, быть-можетъ, имѣть побольше внимательности и осторожности. *Если авторъ, напримѣръ, еврей, то онъ не будетъ искать подходящихъ къ Иисусу Христу терминовъ...*

Да извинитъ меня Редакція, что я сдѣлалъ нѣкоторыя указанія, которыя могутъ служить къ улучшенію изданія журнала.

Протоіерей *Евѣмій Маловъ*.“

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ І. ХРИСТА.

Опроверженіе ученія Чамберлена, будто Христось по плоти не былъ еврей.

Въ обществѣ, особенно въ Москвѣ, въ послѣднее время распространяется мнѣніе, что І. Христось по происхожденію не былъ еврей, Божія Матерь—не еврейка. Это мнѣніе слагается подъ вліяніемъ брошюры Чамберлена Гаустона Стюарта „Явленіе Христа“, которая все болѣе заинтересовываетъ московское интеллигентное общество. Чамберленъ настолько увѣренъ въ своемъ открытіи, что Христось не былъ евреемъ, что называетъ несогласнаго съ нимъ „или невѣжественнымъ, или неправдивымъ: невѣжественъ, такъ какъ онъ смѣшиваетъ религію съ расой; неправдивъ, если онъ знаетъ исторію Галилея“. Обсудимъ его доводы и выяснимъ, къ кому слѣдуетъ примѣнить произнесенный имъ приговоръ: къ несогласнымъ съ нимъ или къ нему самому. Вотъ его доводы.

„Названіе Галилея (отъ *Gelil haggoyim*) означаетъ „языческой городъ“. Израильтяне въ короткое время слились съ остальными жителями и вслѣдствіе этого *исчезли безслѣдно*¹⁾.. Галилея и граничащія съ нею области были систематически колонизованы изъ Ассиріи. Предубѣжденіе противъ Галилеи сохранилось у евреевъ до такой степени, что когда во времена юности Христа Иродъ Антипа построилъ городъ Тиверіаду и хотѣлъ заставитьъ евреевъ поселиться тамъ, ему не удалось сломить ихъ къ тому ни обѣщаніями, ни силой. Итакъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода предполагать, что родители І. Христа были по племени евреями“.

„Въ Іудеѣ и пограничныхъ областяхъ во времена Христа говорили на арамейскомъ языкѣ: еврейскій языкъ былъ уже мертвымъ языкомъ, продолжавшимъ существовать въ свящ. Писаніи. Галилеяне говорили на такомъ своеобразномъ, чуждомъ нарѣчій арамейскаго языка, что ихъ можно было узнать съ перваго раза: „Рѣчь твоя обличаетъ тебя“,—замѣтили слуги перво-

¹⁾ Курсивъ нашъ.

священника ап. Петру. Еврейскому языку они не въ состояніи были выучиться вслѣдствіе физическаго недостатка въ устройствѣ гортани“.

„Вѣроятность того, что Христосъ не былъ евреемъ, что въ жилахъ Его не было ни капли еврейской крови, такъ велика, что почти равняется увѣренности. Къ какой расѣ принадлежалъ Онъ? На это нѣтъ точнаго отвѣта. Итакъ, на здоровомъ историческомъ основаніи мы можемъ сдѣлать лишь одинъ выводъ: во всей той части свѣта существовала лишь одна чистая раса—раса, которая путемъ строгихъ предписаній ограждала себя отъ смѣшенія съ другими народностями; эта раса—еврейская, что І. Христосъ не принадлежалъ къ ней, можно считать несомнѣннымъ“.

Чамберленъ слѣдовательно основываетъ свой выводъ на двухъ данныхъ: на характеристикѣ жителей Галилеи въ отличіе отъ жителей Іудеи и на особомъ нарѣчій галилеянъ, отличномъ отъ нарѣчій іудеевъ, и отсюда заключаетъ съ несомнѣнностью (?), что Христосъ не былъ еврей.

Какъ первое, такъ и второе его доказательство не выдерживаютъ критики.

Чамберленъ говоритъ, что израильтяне въ короткое время слились съ остальными жителями и вслѣдствіе этого „исчезли безслѣдно“. Правда, что въ ханаанскую эпоху евреи въ составѣ четырехъ племенъ Асира, Нефѣалима, Завулона и Иссахара, занявши Галилею, сохранили въ своей средѣ много покоренныхъ хананеевъ язычниковъ (Суд. 1, 30—33; 4, 2), и языческій элементъ всегда оставался сильнымъ въ этой области. Онъ сдѣлался даже господствующимъ, когда Феглавѣелассаръ, царь Ассиріи, увелъ въ плѣнъ обитателей верхней Галилеи и земли Нефѣалимовой (4 Цар. 15, 29; І. Флавій. Древн. 9, 11, 11—1), а по возвращеніи изъ плѣна, въ эпоху асмонеевъ, іудеи были малочисленны среди этихъ народностей, которыя вслѣдствіе этого ихъ притѣсняли. Но они не слились, а тѣмъ болѣе „въ короткое время“ съ язычниками, а возстали противъ нихъ подъ предводительствомъ Іуды Маккавея, и Іуда и братья его—Іонаанъ и Симеонъ нанесли рядъ пораженій язычникамъ (1 Мак. 5, 14—23, 55; І. Флавій. Древн. 12, 8, 2). Въ правленіе Іоанна Гиркана, сына Симеонова, и особенно вдовствующей царицы Саломеи Александры Галилея пользовалась общимъ благоденствіемъ, и въ это время іудеи стали переселяться въ Галилею, привлекаемые плодородіемъ и чуднымъ климатомъ страны, покрытой богатыми нивами, виноградниками и садами и кипѣвшей промышленною жизнью; въ эпоху же Христа Галилея была заселена въ большей своей части іудеями, но

содержала еще смѣшанную народность, состоящую изъ грековъ арабовъ, сирійцевъ и финикянъ. Галилея была родиной всѣхъ апостоловъ (Марк. 14, 70, Лук. 22, 59), кромѣ Иуды Искариота. Ангелы при вознесеніи Спасителя сказали апостоламъ: „Мужи галилейскіе! что вы стоите и смотрите на небо“? (Дѣян. 1, 11). При сошествіи Св. Духа на апостоловъ собравшійся народъ говорилъ про нихъ: „сіи говорящіе не всѣ ли галилеяне“? (Дѣян. 2, 7). Никодимъ, приходившій ночью къ Спасителю, былъ галилеянинъ (Іоан. 7, 52), а его Христосъ назвалъ учителемъ израилевымъ. Христосъ началъ свою проповѣдь въ Галилеѣ въ синагогахъ (Лук. 4, 15), въ Назаретѣ галилейскомъ, гдѣ онъ объявилъ себя помазанникомъ Божіимъ (Лук. 4, 16—28). Изъ Галилеи іудеи толпами ходили въ Іерусалимъ въ іерусалимскій храмъ особенно на праздникъ Пасхи, и Іосифъ съ Богоматерью и Ея Сыномъ ежегодно ходили туда на праздникъ Пасхи (Лук. 2, 41). Если бы всѣ эти галилеяне, ходившіе въ Іерусалимъ на праздники, не были іудеями и не содержали законъ Моисеевъ, развѣ могли бы они быть въ храмѣ—ихъ не пустили бы: ап. Павелъ былъ схваченъ асійскими іудеями въ храмѣ за то, что будто онъ ввелъ въ него еллиновъ и тѣмъ осквернилъ святое сіе мѣсто (Дѣян. 21, 27—28). Если бы евреи не жили въ Галилеѣ, развѣ были бы тамъ синагоги? Послѣ разрушенія Іерусалима Галилея сдѣлалась религіознымъ центромъ іудеевъ, мѣстомъ ихъ блестящихъ школъ и резиденцій ихъ наиболѣе знаменитыхъ раввиновъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся прекрасные остатки ихъ синагогъ. Тивериада особенно сдѣлалась ихъ святымъ городомъ. Тамъ утвердились устные законы и преданія, на которые такъ часто дѣлалъ намеки Спаситель и изъ которыхъ въ началѣ III вѣка образовался обширный сборникъ подъ названіемъ Мишка или второй законъ, дополненный позже Гемарой. Эти два сборника вмѣстѣ образовали Талмудъ іерусалимскій. Тамъ же появилась Масора или критическій трудъ на еврейскій текстъ Библии, плодъ долгаго и добросовѣстнаго изысканія. Все это ясно показываетъ, что въ Галилеѣ жило много іудеевъ, твердо содержавшихъ Моисеевъ законъ. Чамберленъ поэтому не имѣлъ основанія сказать, что въ Галилеѣ „израильтяне, въ короткое время слились“ съ остальными жителями и вслѣдствіе этого „исчезли безслѣдно“.

Да евреи и не могли слиться и исчезнуть вслѣдствіе особаго характернаго свойства своей природы: до Христа, въ Его время и послѣ даже до нашихъ дней евреи, разбѣянные по многимъ странамъ, не ассимилировались ни съ однимъ народомъ, среди котораго они жили и живутъ. Это исключительно еврейская черта.

Изъ исторіи мы знаемъ, какъ они строго и ревниво охраняли свою національность. „Не прикасаются жидове самаряномъ“—эти слова самарянки мѣтко охарактеризовали евреевъ. Безпредѣльная преданность ихъ своей вѣрѣ возбуждала иногда въ высшихъ образованныхъ классахъ греко-римскаго міра такое удивленіе, что немало знатныхъ лицъ обоего пола переходили въ еврейскую вѣру. О подобныхъ переходахъ сохранились свидѣтельства не только въ древней раввинской литературѣ, но и въ надгробныхъ надписяхъ, а также у римскихъ сатириковъ время императоровъ. Еще во время земной жизни І. Христа вся царская фамилія въ Адіабенѣ на рѣкѣ Тигрѣ перешла вмѣстѣ съ значительною частью народа въ еврейскую вѣру. Елена, мать адіабенскихъ царей Изата и Монобаза, жила большею частью въ Іерусалимѣ, дѣлала богатыя пожертвованія на храмъ, исполняла обѣтъ назарейскій и велѣла похоронить себя въ окрестностяхъ Іерусалима. Во время войны съ римлянами многіе храбрые люди изъ Адіабены поспѣшили на помощь своимъ единовѣрцамъ въ Палестинѣ ¹⁾.

Что галилейскіе евреи отличались отъ евреевъ въ Іудеѣ и представляли контрастъ между собою, какъ представляла контрастъ и природа этихъ двухъ странъ, это вовсе не доказываетъ, что первые перестали быть евреями по происхожденію и по вѣрѣ. Контрастъ же былъ поразительный: съ одной стороны, природа Галилеи, то жизнерадостная, то грандіозная, и населеніе въ ней простое и серьезное съ новыми и смѣлыми идеями, съ другой стороны, въ Іудеѣ бесплодная пустыня, народъ привязанный къ своимъ традиціямъ, не желающій признавать ничего, кромѣ буквы закона. Благодаря частымъ сношеніямъ съ сосѣдними народами, галилеяне пріобрѣли широту идей и примирительный характеръ, за что въ Іудеѣ смотрѣли на нихъ дурно и съ высокомернымъ пренебреженіемъ думали о нихъ, что ничего хорошаго, ни одного серьезнаго человѣка, ни одного пророка не могло произойти изъ Галилеи, въ частности изъ Назарета (Іоан. 1, 46; 7, 52). Умъ галилейскаго поселяннина охотно открывался новымъ вѣрованіямъ; у іудеевъ же Іерусалима, наоборотъ, господствовали рутина и предрассудки. Въ глазахъ гордыхъ и ревнивыхъ жителей св. города они слыли за невѣждъ и глушцовъ (Талмудъ Вавилон.; Ерубинъ); Іерусалимскій Талмудъ ставитъ имъ въ вину, что они болѣе заботились о славѣ, чѣмъ о день-

¹⁾ См. Энциклоп. словарь Брокгауза.

гахъ, какъ разъ наоборотъ съ тѣмъ, что было въ Иудеѣ. Историкъ Гіосифъ Флавій (В. іуд. 3, 3, 1) рисуеъ ихъ трудолюбивыми, открытыми и доблестными. Галилеяне были по темпераменту болѣе стремительны, легче возбуждались, чѣмъ жители Иудеи; поэтому тамъ часты были возстанія: возстаніе галилеянина Іуды, упоминаемое въ Дѣянїяхъ апостольскихъ (5, 37), извѣстный трагическій случай, происшедшій съ галилеянами въ Іерусалимѣ: по приказанію Пилата воины избили галилеянъ во время жертвоприношенія за нихъ, такъ что ихъ кровь смѣшалась съ ихъ жертвами (Лук. 13, 1); центромъ мятежа предъ паденіемъ Іерусалима въ послѣдніе дни іудейской исторіи была Галилея. Но и при такомъ темпераментѣ галилеяне отличались крѣпкой преданностью Моисееву закону, были болѣе строги въ религиозныхъ обычаяхъ; Талмудъ говоритъ: наканунѣ пасхи въ Иудеѣ еще работали, тогда какъ въ Галилеѣ уже всѣ работы прекращались.

Изъ сравнительной характеристики Іудеи и Галилеи становится понятенъ намъ премудрый Промыслъ Божїй, почему Христосъ началъ свою проповѣдь въ Галилеѣ, и въ ней преимущественно протекала дѣятельность Христа, почему Галилея была колыбелью христіанской вѣры. Въ Иудеѣ не могло бы такъ привиться ученіе Христа, и во всякомъ случаѣ тамъ Ему не дали бы проповѣдывать въ теченіе 3½ лѣтъ: Его вскорѣ бы убили фанатики саддукеи и фарисеи, и народъ, всецѣло погруженный въ рутинное буквенное пониманіе священнаго Писанія, въ предразсудки тотчасъ забылъ бы Его, какъ чрезъ нѣсколько дней послѣ криковъ „Осанна Сыну Давидову!“ забылъ Его и кричалъ: „расши Его!“ При такомъ характерѣ іерусалимскихъ іудеевъ Церковь христіанская едва ли могла образоваться, если бы она не возникла въ Галилеѣ и чрезъ галилеянъ. Для образованія новой религіи нужны были люди энергичные, живого темперамента, сильные духомъ, пламенные сердцемъ, безъ упорныхъ предразсудковъ, болѣе развитые, идейные и способные къ воспринятію великихъ тайнъ Божїихъ, а таковыми были апостолы-галилеяне. Характеристика же іерусалимскихъ іудеевъ была иная. Доказательствомъ служить ученикъ І. Христа Іуда Искаріотъ, единственный іудей среди апостоловъ, оправдавшій на себѣ древнюю поговорку: „Галилеянинъ любитъ славу, а іудей—деньги“: онъ великаго Чудотворца продалъ за 30 сребренниковъ, хотя всѣ чудеса совершались на его глазахъ, всеобъемлющая любовь Благодѣтеля могла бы, кажется, тронуть каменное сердце. Таково было сердце и вообще іерусалимскихъ іудеевъ: первомученикъ Стефанъ архидіаконъ сказалъ синаedrіону: „Жестоковѣйные! люди

съ необрѣзаннымъ сердцемъ и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому!“ Изъ таковыхъ нельзя было избрать апостоловъ.

Эту именно мысль высказалъ Спаситель, сказавши про апостоловъ: „Никто не вливаетъ вина молодого въ мѣхи ветхіе: иначе молодое вино прорветъ мѣхи и вино вытечетъ, и мѣхи пропадутъ; но вино молодое надобно вливать въ мѣхи новые“ (Марк. 2, 22). Это значить, вино молодое, т. е. новос ученіе Христа, не могло удержаться въ ветхихъ мѣхахъ, т. е. въ закоренѣлыхъ въ предразсудкахъ іерусалимскихъ іудеяхъ, для него нужны мѣхи новые, т. е. люди со свѣжими мыслями, крѣпкимъ духомъ, болѣе культурные, именно такіе, какими были галилеяне—апостолы; значить, новые крѣпкіе мѣхи, по слову Спасителя,—апостолы, а ветхіе, непрочные мѣхи—іерусалимскіе евреи.

Иуда, чистокровный еврей, также служить доказательствомъ, что Христосъ и другіе апостолы были евреи: онъ никогда не вступилъ бы въ число учениковъ Христа, если бы они не были евреи, а тѣмъ болѣе Христосъ.

Если бы Христосъ не жилъ въ Галилеѣ, а жилъ въ Іудеѣ, то буквоѣды фарисеи и саддукеи не имѣли бы повода сказать, что Мессія изъ Галилеи не приходитъ, и такимъ образомъ то, что Христосъ былъ галилеянинъ и нищій, а не изъ Іудеи и не царь могущественный, какимъ ожидали евреи Мессію, послужило къ тому, что они безъ колебанія убили Его; смерть же Богочеловѣка, по любвеобильному промыслу Божию, нужна была для спасенія рода человѣческаго.

Выяснивши, что въ Галилеѣ, вопреки утверженію Чамберлена, жили евреи, апостолы-галилеяне были евреи, выяснивши причину поселенія Христа въ Галилеѣ и избранія изъ нея учениковъ, перейдемъ къ уясненію происхожденія самого Христа.

Приведу доказательства еврейскаго происхожденія І. Христа изъ Евангелія, какъ самаго высокаго авторитета. Евангеліе отъ Матѳея начинается словами: „Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля“ (1, 1). Матѳеи далѣе перечисляетъ предковъ Христа, которыхъ называетъ „родствомъ“, Его самого сыномъ Давида, Авраама. Непонятно, какъ же Чамберленъ могъ сказать, что „нѣтъ ни малѣйшаго повода предполагать, что родители І. Христа были по племени евреями“. Развѣ это свидѣтельство евангелиста не утверждаетъ положительно еврейскаго происхожденія І. Христа? Перечисленіе родовъ не имѣло бы смысла, если бы Матѳеи не хотѣлъ доказать происхожденіе Христа отъ Давида, Авраама, т. е. если бы Христосъ не былъ по племени еврей. Съ этою же цѣлью перечисляетъ роды и евангелистъ Лука въ 3 й

главѣ. Была ли Мать Иисуса еврейка? Иосифъ, обрученный съ Марією, во исполненіе закона Моисеева, и считавшійся ея мужемъ но не бывшій имъ фактически, что видно изъ сказанія еванг. Луки (3, 23): „Сый, яко мнимъ (т.-е. какъ думали), сынъ Иосифовъ“, и изъ словъ ангела: „рождшеебоя въ Ней отъ Духа Свята“, и изъ словъ архангела Гавріила: „Духъ Святыи найдеть на Тя“ (Лук. 1, 35) т.-е. Сынъ Маріи имѣлъ отцомъ не челоуѣка,—Иосифъ былъ „отъ дому Давидова“ (Лук. 1, 27), т.-е. изъ царскаго рода Давида, и былъ родственникъ Маріи; значить, и Дѣва Марія была того же рода. Елизавета, жена Захаріи, іерея при Іерусалимскомъ храмѣ, была „отъ дщереи Аароновыхъ“ (Лук. 1, 5) и была „южика Маріи, т.-е. родственница (Лук. 1, 36); слѣд. Захарія и Елизавета были евреи, а также и Марія, какъ близкая имъ родственница. Затѣмъ Марія на привѣтствіе Елизаветы, когда Она пришла къ ней послѣ зачатія отъ Духа Свята, сказала ей: „Величить душа моя Господа!.. Яко же глагола ко отцемъ нашимъ Аврааму и сѣмени его до вѣка“ (Лук. 1, 46—55). Могла ли бы Богоматерь сказать „отцамъ нашимъ Аврааму“, если бы Она не была еврейкою? При благовѣстіи архангела Гавріила Дѣвѣ Маріи онъ сказалъ ей: „Сей будетъ велій, и Сынъ Вышняго наречетъся, и дастъ Ему Господь Богъ престоль Давида отца Его“. Изъ этихъ словъ архангела ясно, что Давидъ былъ родоначальникомъ Иисуса. Въ Евангеліи Іоанна (7, 40—42) разсказывается: „Многіе изъ народа: услышавши сіи слова, говорили: онъ точно пророкъ. Другіе говорили: это Христось. А иные говорили: развѣ изъ Галилеи Христось приходитъ? Не сказано ли въ Писаніи, что Христось придетъ отъ сѣмени Давидова и изъ Виелеема, изъ того мѣста, откуда былъ Давидъ“? Народъ этими словами призналъ на основаніи пророчествъ, что Мессія долженъ быть потомкомъ Давида. Не еврея евреи ни за что не стали бы слушать, а Иисуса слушали громадныя толпы народа, Онъ часто бывалъ и училъ въ храмѣ. Развѣ фанатики допустили бы Его не только учить, но даже и быть въ храмѣ, если бы Онъ не былъ еврей? Народъ не рѣшился признать Его Мессією, такъ какъ Онъ былъ изъ Галилеи, изъ Галилеи же Христось не приходитъ, а долженъ притти изъ Виелеема Іудейскаго. Виелеемовъ было два: одинъ близъ Назарета, другой Іудейскій. Христось родился въ Виелеемѣ Іудейскомъ (Мѣ. 2, 1); но этого народъ и книжники, фарисеи не знали, и это обстоятельство, повторяю, совершилось по премудрому Промыслу Божію: если бы они знали, гдѣ Онъ родился, то, можетъ-быть, Его и не убили бы, и міръ не былъ бы спасенъ Его смертію. Такимъ образомъ жизнь Его въ Галилеѣ, а не въ Іудеѣ, имѣла глубокое

значеніе въ дѣлѣ нашего спасенія. Евангелистъ Лука рассказываетъ (2, 3—4): „Пошли всѣ записываться каждый въ свой городъ. Попшелъ также и Іосифъ изъ Галилеи, изъ города Назарета, въ Іудею, въ городъ Давидовъ, называемый Вифлеемъ, потому что онъ былъ изъ дома и рода Давидова, записаться съ Маріею, и тамъ родила Сына своего первенца (ст. 6). Слѣдов., во-1-хъ, родной городъ Іосифа и Маріи былъ Вифлеемъ Іудейскій, они лишь жили въ Назаретѣ, во-2-хъ, Іосифъ былъ изъ дома и рода Давидова, въ 3-хъ, Марія была чистокровная еврейка, иначе Іосифъ не былъ бы признанъ за Ея мужа. Далѣе: въ восьмой день совершили надъ Іисусомъ, по закону Моисееву, обрѣзаніе, въ 40-й день принесли Его „во Іерусалимъ поставити Его предъ Господомъ“, и здѣсь встрѣтили Его Симеонъ, произнесшій пророчество: „Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко“... и Анна пророчица. Все это показываетъ, что Іосифъ и Марія были евреи, твердо держали и исполняли законъ Моисеевъ. Самарянка удивилась, что Христосъ попросилъ у нея пить: „Како Ты—жидовинъ сый отъ мене пити просиши, жены самаряныни сущей: не прикасаются жидове самаряномъ.“ І. Христосъ не возразилъ ей, что она ошибается, что Онъ не жидовинъ, а прямо ей сказалъ: „:это Я—Мессія, Который говорю съ тобою“. Спаситель назвалъ Себя Мессіею, а Мессія долженъ быть изъ рода Давидова, т.е. чистокровный еврей царскаго рода. Это же подтверждаетъ ап. Павелъ въ Посланіи къ Евреямъ (7, 14): „Ибо извѣстно, что Господь нашъ возсіалъ изъ колѣна Іудина“. Кто же ошибается, Чамберленъ или ап. Павелъ? Евангелистъ Матѳей рассказываетъ въ своемъ евангеліи (2, 4—6): „Иродъ царь, собравъ всѣхъ первосвященниковъ и книжниковъ народныхъ, спрашивалъ у нихъ: гдѣ должно родиться Христу? Они же сказали ему: въ Вифлеемѣ Іудейскомъ; ибо такъ написано чрезъ пророка: и ты, Вифлеемъ, земля Іудина, ничѣмъ не меньше воеводствъ Іудиныхъ; ибо изъ тебя произойдетъ Вождь, Который упасетъ народъ Мой Израиля (Мих. 5, 2). Достаточно, полагаю, сказаннаго изъ Евангелія, Посланія ап. Павла и пророчества, чтобы вполне убѣдиться въ заблужденіи Чамберлена, категорически утверждающаго, что І. Христосъ не былъ еврей, а былъ неизвѣстнаго племени и рода изъ Галилеи.

Опровергаетъ его ученіе и наша православная вѣра. Хотя въ Евангеліи и не говорится о введеніи Божіей Матери во храмъ, но Церковь празднуетъ это событіе 21 ноября. Не безъ основанія же установленъ этотъ праздникъ въ теченіе многихъ вѣковъ? Упоминается это событіе у многихъ св. отцовъ: Кирилла Александрійскаго, Григорія Нисскаго, Іоанна Дамаскина и др. Развѣ

не еврейку ввели бы въ храмъ, посвятили бы Ее Господу? Церковь никогда не сомнѣвалась, что Богоматерь и родившійся отъ Нея Сынъ были евреи.

Итакъ, исторія не за Чамберлена, а противъ него, и противъ него Евангеліе. Чамберленъ даже нелогиченъ въ своемъ выводѣ, „что нѣтъ ни малѣйшаго повода предполагать, что родители І. Христа были по племени евреями“. Это заключеніе онъ выводитъ изъ того, что, во-1-хъ, Галилея была колонизована изъ Ассиріи, и въ ней евреи исчезли безслѣдно, во-2-хъ, у евреевъ сохранилось предубѣжденіе противъ Галилеи, въ 3-хъ, Иродъ Антипа не могъ заставить евреевъ поселиться въ городъ Тиверіадъ. Противъ перваго и втораго его положенія мы доказали, что хотя и много было переселенцевъ изъ Ассиріи, и евреи смѣшались съ язычниками, какова была Самарія, и потому іерусалимскіе іудеи ихъ презирали, но много было и чистокровныхъ евреевъ, какъ свидѣтельствуешь Іосифъ Флавій и Талмудъ. Странное умозаключеніе Чамберлена по третьему его положенію: Иродъ Антипа не могъ принудить евреевъ поселиться въ Тиверіадъ, а потому Христосъ не еврей. Выводъ нелогичный: это не доказательство, что въ Галилеѣ не жили другіе евреи.

Нелогично его умозаключеніе и въ отношеніи языка, на которомъ говорилъ Христосъ. Чамберленъ такъ рассуждаетъ: въ Іудеѣ и пограничныхъ областяхъ (значитъ и въ Галилеѣ) во времена Христа говорили на арамейскомъ языкѣ, на еврейскомъ языкѣ уже не говорили: онъ былъ мертвымъ языкомъ; слѣд., Христосъ не былъ еврей. Самъ же Чамберленъ говоритъ: что на еврейскомъ языкѣ уже не говорили и въ самой Іудеѣ говорили на арамейскомъ языкѣ; слѣд., по его мнѣнію выходитъ, что и въ Іудеѣ не было евреевъ, такъ какъ они говорили по-арамейски. Таковъ прямой выводъ изъ его словъ, выводъ удивительный. Христосъ говорилъ по-арамейски, проповѣдывалъ и въ Іудеѣ, слѣдовательно, и въ Іудеѣ говорили по-арамейски. Но галилейское нарѣчіе отличалось отъ нарѣчія въ Іудеѣ. Это указываетъ только на областное нарѣчіе, подобно тому, какъ у насъ въ Россіи отличается московское нарѣчіе отъ владимірскаго, отчасти Рязанскаго и др.: въ московскомъ аканье, во владимірскомъ оканье: „харашо“ по-московски, „хорошо“ по-владимірски, московскій говоръ тягучій, костромской четкій—женщины тамъ говорятъ, какъ сыплется горохъ: въ Московской губерніи Коломенскаго уѣзда простолюдины говорили, да и теперь говорятъ: „сцо, цаво“, въ Рязанской губ. „що, чаво“, интеллигенты же говорятъ: „што, чево“; въ Тульской слово „загодя“, т.е. заранѣе, не извѣстно въ Рязанской; въ Костромской говорятъ: „лѣзьяшь, дѣлать, чигать“, вмѣсто лѣзешь

дѣлаешь, читаешь. Точно также говоръ галилейскій отличался отъ іудейскаго, языкъ же былъ одинъ и въ той и въ другой странѣ. Дѣйствительно, въ Галилеѣ не различали гортанныхъ буквъ. Вавил. Талмудъ, Мегилла, сообщаетъ: „жители Беэсана, Кифы и Тибаола смѣшивали въ произношеніи *айн* съ *алеф*“. Галилеянинъ попросилъ: *амр*, ему отвѣтили: чего просишь? *амор*—осла, или *эмер*—выпить вина, или *амар*—одежду, или *эмар*—овцу для закланія (Вавил. Талм., Ерубинъ).

Галилеяне не могли говорить на еврейскомъ языкѣ вслѣдствіе физическаго недостатка въ устройствѣ гортани, но они еврейскій языкъ знали. Это доказываетъ тѣмъ, что въ синагогѣ въ Назаретѣ Спаситель читалъ народу священное Писаніе, языкъ же свящ. Писанія, продолжавшій существовать, какъ говоритъ Чамберленъ, былъ еврейскій. Какъ и у насъ: языкъ священнаго Писанія славянскій, который мы понимаемъ, а говоримъ по-русски. Замѣчаніе слугъ первосвященника ап. Петру: „Рѣчь твоя обличаетъ тебя“—вовсе не доказываетъ, что ап. Петръ не былъ еврей, а указываетъ только на особый выговоръ, акцентъ. Так. об. и это доказательство Чамберлена не только не доказываетъ племеннаго происхожденія Христа, но прямо нелогично, противорѣчиво самому себѣ.

Итакъ, ни историческія свидѣтельства Іосифа Флавія и Талмуда, ни евангельскіе рассказы и изреченія, ни нарѣчіе арамейское нисколько не доказываютъ утвержденія Чамберлена, что „І. Христосъ не принадлежалъ еврейской расѣ, и это можно считать (будто?) несомнѣннымъ“. Онъ назвалъ несогласныхъ въ этомъ съ нимъ „невѣжественными или неправдивыми“. Ясно теперь, къ кому относятся эти эпитеты.

Съ слѣдующимъ же положеніемъ Чамберлена мы вполне согласны.

„Только черезъ Христа, говоритъ онъ, „человѣчество приобрѣло нравственную культуру, или, вѣрнѣе, возможность нравственной культуры... добровольный, властный поворотъ воли... Явленіе Христа остается единственной основой всякой нравственной культуры“. Къ этому мы подписываемся обѣими руками. Добавимъ отъ себя: Христосъ по плоти былъ чистокровный еврей царскаго Давидова рода, по духу Онъ принадлежитъ всему человѣчеству. Всѣми—и матеріалистами, и идеалистами, и толстовцами, и социалистами единогласно отмѣчается во Христѣ удивительная черта—это универсальность или общечеловѣческой характеръ Его личности. Хотя Онъ по рожденію еврей, но ничего специфически-еврейскаго въ Себѣ не имѣлъ; Онъ обаятеленъ по

своему ученію и по высокой, нравственной, безгрѣшной жизни для всѣхъ людей всего міра и во всѣ времена. Ап. Павелъ въ Посланіи къ Римл. (10, 12) сказалъ, что „во Христѣ нѣтъ различія между іудеями и эллинами, потому что одинъ Господь для всѣхъ“.

Д. Аннинскій.

V.

Опытъ православно-нравственнаго богословія.

(Продолженіе.)

ЧАСТЬ V.

Поведеніе христіанина въ жизни семейной, общественной и церковной.

I. Въ жизни семейной: бракъ; его христіанское значеніе и достоинство. Обязанности супруговъ. Сравнительное достоинство дѣвства и супружества.

Важнѣйшія формы всякой человѣческой общности, которыя установлены и освящены самимъ Богомъ и которыми поддерживается вся наша общественная жизнь, суть: семейная, гражданская и церковная. Такъ какъ семейство составляетъ первую основу, изъ которой развивается и въ которой вращается всякая другая общность, какъ сфера человѣческаго духовнаго развитія, то прежде всего мы и должны изложить христіанское ученіе о семейной жизни.

По изображенію книги Бытія, первый человѣкъ, щедро надѣленный отъ Бога всѣми дарами Его благодати, не испытывалъ вполнѣ опредѣленнаго ему блаженства, пока былъ одинъ. Его мысль искала другого существа — мыслящаго, и его сердце, полное любви, искало другого сердца, равнаго ему, способнаго вполнѣ понимать его движенія и сочувствовать имъ. Человѣку нужно было существо одной съ нимъ природы. Не добро человѣку, единому, — говоритъ Творецъ, — сотворимъ ему помощника по нему (Быт. 2, 18). И вогь Богъ создалъ жену, — существо одной природы съ мужемъ: и сотвори Богъ человѣка, по образу Божию сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ (Быт. 1, 27). Говоря далѣе о происхожденіи въ частности первой жены и о приведеніи ея къ Адаму, священннй бытописатель повѣствуетъ: и рече Адамъ: се нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моя: сія наречется жена, яко отъ мужа своего взята бысть сія (Быт. 2, 23).

Съ появленіемъ челоуѣка въ его полномъ, двупольномъ составѣ явился и законъ супружеской жизни. Мужъ и жена получили заповѣдь о размноженіи своего рода, о господствованіи надъ всѣми тварями и обладаніи всею землею (Быт. 1, 28—29; 2, 17; 3, 2). Такимъ образомъ первая чета предназначалась жить одною жизнью. Она тѣсно была связана не внѣшнею только, плотскою, но и внутреннею, нравственною связью. Выраженіе: будета два въ плоть едину (Быт. 2, 24) указываетъ не на односторонность связи первой четы, но на ея тѣсноту и неразрывность.

Христіанскихъ супруговъ соединяетъ горячая и преданная любовь другъ къ другу (Еф. 5, 25). Гдѣ нѣтъ этой любви, тамъ нѣтъ и брака въ христіанскомъ смыслѣ слова. Всякія другія побужденія, служащія къ заключенію брака между двумя лицами, являются несоотвѣтствующими требованіямъ христіанской жизни. Слѣдую указаніямъ своего нравственнаго чувства, воспитаннаго живымъ общеніемъ со Христомъ, христіанинъ отдаетъ свое чувство тому, кто достоинъ этого и съ кѣмъ онъ надѣется пройти житейское поприще согласно съ требованіями христіанской жизни. Для христіанина дороже всего въ мірѣ сладчайшее имя Іисуса Христа, и потому для него немислимо пожертвовать лучшимъ челоуѣковъ достояніемъ, жизненнымъ общеніемъ со Христомъ, самой обаятельной земной привязанности къ существу, съ которымъ духовная его жизнь не можетъ слиться гармоническимъ образомъ. Подругой его жизни и помощницей его можетъ быть поэтому только женщина христіанка, складъ ума, воли и чувства которой направленъ къ христіански-истинному, доброму и прекрасному.

То чувство, которое соединило христіанскихъ супруговъ предъ лицомъ самого Бога и по Его благодатному освященію, съ теченіемъ ихъ жизни естественно больше и больше возрастаетъ и возвышается въ своемъ нравственномъ достоинствѣ. Мужъ и жена все дороже и необходимѣе становятся другъ-другу, какъ двѣ взаимно воспитывающія другъ-друга силы. Тѣ недостатки, какіе были имъ свойственны и какіе нѣкоторымъ образомъ становились преградой между ними, сглаживаются и исчезаютъ. Тѣ хорошія стороны, какія особенно были развиты въ одномъ лицѣ, передаются незамѣтно другому. Благодаря такому расширенію самопознанія для супруговъ дѣлается болѣе и болѣе возможною и благотворною по своимъ послѣдствіямъ борьба съ разными неровностями и ненормальностями характера. Эта взаимная помощь, сблизая еще болѣе и болѣе мужа и жену и увеличивая ихъ симпатію другъ къ другу, поощряетъ ихъ на дальнѣй-

шую работу надъ своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ. вмѣстѣ съ этимъ христіанскіе супруги пользуются всей свѣжестью и чистотой семейнаго счастья, такъ какъ счастье и добродѣтель неразлучны.

По христіанскому ученію, бракъ есть не только тѣсный, единый и неразрывный супружескій союзъ, совершаемый по требованію природы, согласно Божественному установленію, но это еще союзъ такого рода, который имѣетъ высшее религиозное освященіе и таинственное значеніе, — есть образъ союза Христа съ Церковью (Еф. 5, 32). Такое высшее освященіе сообщаетъ особенную силу и жизнь супружескому союзу. И вотъ бракъ получаетъ значеніе таинства. Указывая на это особенное значеніе христіанскаго брака, апостоль говоритъ, что бракъ долженъ быть о чистотѣ и святости брака, по благословенію Божію, а не по простому влеченію похоти, какъ свойственно людямъ похоти, язычникамъ. Поэтому съ древнихъ временъ христіане, признавая бракъ не просто дѣломъ естественнымъ, но союзомъ высоконравственнымъ, идеаль котораго находится въ духовномъ союзѣ Христа съ Церковію и безъ помощи благодати не достигается, считали необходимымъ церковное освященіе или благословеніе брака, низводящее благодать Божію на брачующихся. Всѣ указанная выше условія христіанскаго брака получаютъ полную свою силу и осуществленіе только въ виду этого особаго, таинственно-благодатнаго значенія брака. Отсюда бракъ, заключаемый внѣ Церкви, или такъ-называемый гражданскій бракъ, не можетъ уже имѣть такого значенія. Какъ союзъ срочный, временный, легко расторгимый, гражданскій бракъ не благопріятствуетъ естественной привязанности женщины къ дѣтямъ и семьѣ. Будучи внѣшней сдѣлкой, не имѣя нравственной серьезности христіанскаго брака, гражданскій бракъ легче допускаетъ нарушеніе супружеской вѣрности, а съ тѣмъ паденіе семейства и униженіе женщины. Для христіанскаго супруга нарушеніе обязательства, даннаго предъ лицемъ Церкви и предъ престоломъ Божіимъ, дѣло весьма не безразличное: это возмущаетъ его нравственное и религиозное чувство; въ невѣрности къ женѣ онъ видитъ измѣну христіанскому долгу, непокорность Богу, согласно ученію апостола (I Солун. 4, 7, 8).

Если жена признана необходимой, неотдѣлимой и равноправной половиной мужа, если и она имѣетъ такую же власть надъ тѣломъ и сердцемъ его, какъ и мужъ надъ ея (I Кор. 7, 4, 5), если они составляютъ неразрывное цѣлое въ физическомъ и ду-

ховномъ отношеніи, то отсюда само собою слѣдуетъ, что и взаимныя отношенія ихъ въ жизни должны строго сообразоваться съ этимъ. Прежде всего вообще требованія христіанскаго долга, по которому христіане обязаны другъ-другу взаимною любовію (Іоан. 13, 35; Гал. 5, 13.), повиновеніемъ (Еф. 5, 21) и услужливостію (І Петр. 4, 8 — 10), имѣть приложеніе и къ супругамъ. Оба они одинаково обязаны имѣть взаимную любовь и уваженіе, съ терпѣліемъ и снисхожденіемъ, довѣріемъ и откровенностію (І Петр. 3, 7, 8); одинаково обязуются къ взаимной попечительности (І Кор. 7, 3 — 5), къ супружеской чистотѣ (І Кор. 7, 5; І Сол. 4, 7), соподчиненности (І Кор. 7, 15) и вѣрности (І Кор. 7, 2. 27, 39; Евр. 13, 1). Наконецъ, соображаясь съ различіями и особенностями, которыя всегда замѣчались въ естественныхъ силахъ и свойствахъ мужа и жены, христіанство должно было внести въ супружескія отношенія и нѣкоторыя черты различія, не давая въ то же время ни одной сторонѣ какихъ-либо преимуществъ, которыя клонились бы къ униженію и угнетенію другой. Въ физическомъ отношеніи женскій типъ характеризуется обыкновенно чертами большой вѣжности, немощности, раздражительности,—чертами, требующими для женщины опоры, услужливости, помощи. Въ нравственномъ отношеніи женскій типъ является также съ характеромъ кротости, скромности, чувствительности, преданности, покорности и т. п. Напротивъ, типъ мужчины выступаетъ съ своими болѣе грубыми, сильными чертами въ физическомъ отношеніи и съ болѣею твердостью, энергіей, разсудочностію—въ духовномъ отношеніи. Сообразно съ такими типическими свойствами мужчины и женщины христіанство называетъ женщину *немоцнѣйшимъ сосудомъ женскимъ* (І Петр. 3, 7), а мужчинѣ даетъ названіе *главы* ея. Эти выраженія нисколько не говорятъ въ пользу какихъ-либо рабскихъ отношеній жены къ мужу. Съ христіанской точки зрѣнія ни немощность и подчиненность женщины не служатъ къ ея униженію или безчестію, ни признаніе въ мужѣ главы не ведетъ къ деспотизму и произволу. Напротивъ, какъ то, такъ и другое служатъ источникомъ общаго благоденствія и достоинства супруговъ. Именно то обстоятельство, что жена есть существо слабѣйшее мужа, сосудъ немощный, побуждаетъ мужа обращаться съ нею очень осторожно и благоразумно. Христіанскій мужъ относится къ своей женѣ съ полнымъ уваженіемъ: онъ видитъ въ ней такую же, какъ и онъ, человѣческую личность, получившую совершенно равныя съ нимъ права въ царствѣ Божіемъ, сонаслѣдницу благодатной жизни (І Петр. 3, 7), подругу и помощницу въ настоящей жизни.

Мужъ есть глава жены такъ же, какъ Христосъ глава Церкви (Еф. 5, 23 и д). Но какъ являетъ себя Христосъ, будучи главою Церкви? Свою любовь къ Церкви Онъ простеръ до того, что пожертвовалъ даже собственною жизнью за нее. Вотъ идеаль христіанскихъ отношеній мужа къ женѣ. Равнымъ образомъ и слова Апостола: *жены своимъ мужемъ повинуются, якоже Господу* (Еф. 5, 22), и: *жена да боится своего мужа* (— 33) — также нисколько не говорятъ въ пользу какихъ-либо рабскихъ отношеній жены къ мужу. Требуя отъ жены повиновенія мужу, какъ Господу, апостолъ отнюдь не заставляетъ жену исполнять капризы, дурныя желанія и прихоти мужа, а обязуетъ ее подчиняться волѣ мужа настолько, насколько эта воля служить живымъ осуществленіемъ воли Божіей. Видя въ волѣ мужа болѣе или менѣе ощутительное осуществленіе воли Божіей, естественно жена боится итти противъ его внушеній и указаній. Подчиненіе жены мужу въ христіанствѣ не только не представляетъ собою для нея чего-либо тяжелаго, но служить источникомъ самыхъ чистыхъ и свѣтлыхъ радостей, именно потому, что оно естественно въ самомъ прямомъ смыслѣ слова. Любить кого-нибудь,—не значить ли жить думами этого человѣка, чувствованіями и стремленіями его? Такого рода подчиненіе сопряжено со всякой искренней и глубокой привязанностью. Но не тѣмъ ли естественнѣе для жены подчинять свою волю тому, кто любитъ ее, какъ самого себя, и готовъ отдать жизнь за нее (Еф. 5, 33, 25)?

Бракъ для женщины, какъ и для мужчины не есть однако состояніе необходимое, единственно нормальное, внѣ которой та и другой теряютъ всякое значеніе. „Кто хочетъ и можетъ оставаться въ состояніи безбрачія, пусть остается,—сказалъ І. Христосъ (Мѣ. 19, 11, 12). Въ христіанствѣ выше какого-нибудь частнаго служенія стоитъ служеніе человѣчеству вообще, гармонично сливающееся здѣсь съ служеніемъ Богу. Но это служеніе такого рода, которое вовсе не требуетъ того или другого состоянія, а возможно въ каждомъ положеніи. Женщина, въ силу какихъ-либо обстоятельствъ, хотя бы противъ собственнаго желанія, оставшаяся вдовою, равно какъ и мужчина, рѣшившійся не вступать въ бракъ, не лишаются никакихъ своихъ общечеловѣческихъ, нравственныхъ правъ, какъ граждане царства Божія, имѣющіе и свое служеніе въ этомъ царствѣ. Состояніе ихъ не только не можетъ служить источникомъ скорби и униженія, а напротивъ, является въ христіанствѣ такимъ состояніемъ, которымъ можно воспользоваться какъ средствомъ, удобнѣе ведущимъ къ высшему нравственному совершенству и величію. Ап. Павелъ въ посланіи къ

Ксривенямъ даетъ обстоятельное разъясненіе идеи христіанскаго дѣвства и его предѣловъ. Относительно дѣвства писалъ апостоль Коривенямъ: я не имѣю повелѣнія Господня, а могу только дать совѣтъ. Вступать въ бракъ нѣтъ ничего предосудительнаго, напротивъ, совершенно законно (1 Кор. 7, 27, 28) и похвально въ предупрежденіе опасности блудодѣянія (ст. 2, 9). Но кто можетъ воздержаться отъ брака, относительно того было бы желательно, чтобы онъ и оставался такъ, подобно мнѣ, прибавляетъ ап. Павелъ: впрочемъ въ этомъ дѣлѣ каждый имѣетъ свое дарованіе отъ Бога, одинъ такъ, другой иначе (ст. 78). Дѣло въ томъ, что съ бракомъ необходимо сопряжены разныя житейскія безпокойства, скорби по плоти, а мнѣ васъ жаль (ст. 28), и хотѣлось бы, чтобы вы были безъ заботъ мірскихъ (ст. 32). Между замужнею и дѣвицею есть разница. Незамужняя заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу, чтобы быть святою и тѣломъ и духомъ, а замужняя заботится о мірскомъ, какъ угодить мужу. Говорю это для вашей же пользы, не съ тѣмъ, чтобы наложить на васъ узы (дѣвства) но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу безъ развлеченія (ст. 35).

Такимъ образомъ апостоль повелѣваетъ не потому избѣгать супружества, что оно противозаконно, а потому пребывать въ дѣвствѣ, что оно свободно отъ заботъ. Мысль брачующихся, дѣлясь на многое, затрудняется въ томъ, чтобы преуспѣвать въ жизни строгой и совершенной. Избравшіе же жизнь одинокую всѣ мысли обращаютъ на попеченіе о божественномъ: посему православная Церковь высоко цѣнитъ дѣвство. Церковь чтитъ и чтить дѣвство не изъ благоговѣнія только къ его представителямъ, а и ради его самаго. Она чтитъ и чтить въ дѣвствѣ чистоту ангелоподобную, самоотверженіе, приносящее въ жертву Господу земныя радости, возвышенность помысловъ и стремленій, имѣющихъ своимъ постояннымъ предметомъ Господа.

Какъ высочайшій и чистѣйшій идеаль дѣвства, христіанство представляетъ Пресвятую Богородицу, приснодѣву Марію. Св. Дѣва Марія является родоначальницею и освятительницею дѣвственнаго состоянія, которое становится такимъ образомъ вдвойнѣ значимо для женщины. Не только само по себѣ, по своимъ внутреннимъ достоинствамъ высоко дѣвство, но и въ силу того, что Матерь Господа освятила это состояніе.

Семья. Взаимныя обязанности родителей и дѣтей, братьевъ и сестеръ и прочихъ родственниковъ. Господа и слуги.

Христіанскій бракъ какъ было изъяснено, имѣетъ чисто-воспитательное значеніе. Но это значеніе брака увеличивается, когда

онъ расширяется до родительскихъ отношеній и образуется въ семьѣ. Семья основывается на бракѣ. Семейныя чувства составляютъ внутреннюю, а семейныя нравы внѣшнюю связь, которая соединяетъ отдѣльныхъ членовъ семьи въ одинъ домъ. Отъ брака, какъ основы, развѣтвляются отдѣльные члены семейства въ своихъ разнообразныхъ расчлененіяхъ. Въ немъ вырабатывается отношенія между родителями и дѣтьми, между братьями и сестрами и, съ другой стороны, между господами и слугами, которые всѣ составляютъ одинъ общій домъ и взаимно связаны между собою. Къ нему затѣмъ примыкаютъ различныя родственныя отношенія, въ которыхъ домъ вступаетъ въ соприкосновеніе съ развѣтвленіями, образующимися отъ одного дома. На эти различные круги домашней жизни мы и обратимъ свое вниманіе.

По ученію христіанства, дѣти суть даръ Господень, и неиспорченное народное чувство смотритъ на дѣтей всегда какъ на благословіе. Это налагаетъ на христіанскихъ родителей и соотвѣтствующія обязанности. Самая первая изъ этихъ обязанностей есть *охраненіе* жизни ребенка. Пренебреженіе этою обязанностью есть преступленіе. Языческая древность видѣла въ ребенкѣ вещь, которую отецъ могъ распоряжаться произвольно, или также государство приписывало себѣ право распоряжаться судьбой юной жизни, смотря по тому, подавала ли она надежду на возможность служенія государству, или нѣтъ. Христіанство научило насъ и въ ребенкѣ видѣть личность, которая не только принадлежитъ людямъ, но и ихъ Богу, и которую прежде всего Богъ и имѣетъ право распоряжаться. Въ этомъ заключается великое значеніе крещенія и воцерковленія дѣтей. Передавая дитя Господу и Спасителю, какъ Его собственность, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что оно имѣетъ одинаковое право на вѣчное благо царства, какъ и мы, и предъ лицемъ Бога и Христа имѣетъ полное равенство со взрослыми.

Охраненіе жизни ребенка есть первый долгъ родителей. *Воспитаніе* его есть второй долгъ. Въ брачной любви коренится родительская любовь, и она-то есть главная сила въ дѣлѣ воспитанія. Родительская любовь должна быть не плотскою, эгоистическою любовію, а любовію священною. Она должна видѣть въ дѣтяхъ не только свою плоть и кровь, но и даръ Божій, и потому родители должны смотрѣть на свою задачу по отношенію къ дѣтямъ какъ на должность, которую они получили отъ Бога и которую должны исполнять во имя Божіе. Одушевленные ею родители не останутся ни передъ какими усиліями и трудами для того, чтобы своимъ непосредственнымъ влияніемъ воспитать

въ нихъ лица, достойныя назваться сынами Божиими и истинными гражданами царства Его. Чтобы своему вліянію сообщить благотворность и безукоризненную чистоту, они не только будутъ заботиться о своемъ духовномъ надлежащемъ развитіи, до поставятся съ корнемъ вырвать то, что въ нихъ уживалось порочнаго и недостойнаго. Они сами по себѣ знаютъ, какое глубокое значеніе имѣетъ семейное воспитаніе для всей дальнѣйшей жизни человѣка. Въ семьѣ человѣкъ научается мыслить, любить, терпѣть, постигаетъ святость важнѣйшихъ жизненныхъ отношеній, правъ и обязанностей, знакомится съ свѣтлой и темной сторонами жизни—съ ея радостями и скорбями, заботами и отрадами, пріобрѣтаетъ тѣ или другія привычки и навыки, вырабатываетъ основы характера, доброе направленіе котораго составляетъ все въ жизни. Нравственный, вообще духовный складъ семьи, среди котораго человѣкъ провелъ первые годы своей жизни, имѣетъ поэтому неотразимое вліяніе на всю послѣдующую жизнь его.

Сущность воспитанія состоитъ прежде всего въ приученіи къ послушанію. Послушаніе и есть именно путь къ свободѣ, равно какъ самообладаніе есть путь къ самостоятельности. Гдѣ, поэтому, дѣти не оказываютъ послушанія, тамъ должно принуждать ихъ къ тому. Въ этомъ заключается обязанность наказанія. Наказывать, конечно, должна любовь, а не простая вспышка и раздраженность, или простая слабость. Эта любовь найдетъ тогда и надлежащую мѣру для наказанія и сумѣетъ соблюсти въ немъ извѣстную мѣру. Для дитяти наказаніе имѣетъ то значеніе, что оно приводитъ дитя къ сознанію, что вина проступка заключается не въ его возможности, а въ томъ, что она совершена по доброй волѣ. Любовь и строгость въ должномъ сочетаніи—вотъ главныя силы въ дѣлѣ воспитанія. Въ чемъ же заключается задача христіанскаго воспитанія? Какъ христіане, родители знаютъ что ихъ дѣтямъ даны Богомъ не только естественные дары, но и духовные. Дѣти ихъ крещены и черезъ крещеніе приняты въ благодатный союзъ со Христомъ. Сохранять ихъ въ этомъ благодатномъ союзѣ, развивать въ нихъ жизнь въ духѣ Христова ученія—есть первая задача христіанскаго воспитанія. Вторая же—состоитъ въ томъ, чтобы побороть въ дитяти грѣхъ. Хотя мы обыкновенно смотримъ на дѣтей какъ на невинныхъ, но въ то же время мы знаемъ, что въ дѣйствительности они не таковы. И нужно слишкомъ поверхностно относиться къ дѣтямъ, чтобы въ самыхъ ихъ дѣтскихъ шалостяхъ не замѣчать уже скрытыхъ задатковъ страстей, которыя, въ случаѣ ихъ развитія, могутъ повлечь за собою испорченность на всю жизнь. Но христіанскіе ро-

дители знаютъ, что однихъ человѣческихъ силъ недостаточно для того, чтобы успѣшно вести борьбу противъ грѣха, а что для этого необходима помощь благодати Божіей. Конечно, родительскіе глаза должны быть постоянно открытыми по отношенію къ своимъ дѣтямъ—и, по силѣ своей возможности, они сами должны вести и руководить ихъ. Но лучшей воспитатель есть, несомнѣнно, тотъ, который менѣе всего даетъ замѣчать себя, и лучшее, что родители могутъ дѣлать, есть то, чтобы поручать своихъ дѣтей въ молитвѣ Богу и чтобы рано приучать ихъ къ благочестію. *Отцы, не раздражайте чадъ своихъ*, заповѣдуетъ апостоль, *но воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни* (Еф. 6, 4). Если бы дѣти принадлежали только родителямъ, то воспитаніе и образованіе дѣтей было бы только ихъ частнымъ дѣломъ. Но они принадлежатъ также Церкви и государству или обществу. Въ интересѣ Церкви заключается то, чтобы дѣти были воспитываемы и обучаемы въ вѣрѣ, въ которой они крещены, а въ интересѣ государства или общества заключается то, чтобы дѣти были подготовлены къ исполненію задачъ, предъявляемыхъ къ нимъ тою гражданскою и государственною жизнію, къ области которой они принадлежатъ.

Обязанностямъ родителей соотвѣтствуютъ *обязанности дѣтей*. Обязанности дѣтей къ родителямъ Слово Божіе поставляетъ, во-первыхъ, въ повиновеніи или послушаніи родителямъ: *дѣти, повинуйтесь своимъ родителямъ о Господѣ*, пишетъ апостоль, *ибо сего требуетъ справедливость* (Еф. 6, 1); во-вторыхъ, въ уваженіи и почтеніи къ нимъ (Исх. 20, 12) и, въ третьихъ, въ помощи имъ, особенно въ ихъ старости, что апостоль называетъ *возданіемъ взаемъ родителямъ* (1 Тим. 5, 4), какъ бы уплатою долга, сложившагося изъ прежнихъ попеченій родителей о своихъ дѣтяхъ.

Послушаніе дѣтей своимъ родителямъ: *справедливо* по самой природѣ. Дѣти первоначально и руководятся естественнымъ чувствомъ подчиненія отцу и матери, отъ которыхъ они всецѣло зависятъ и которымъ всецѣло преданы. Но по мѣрѣ того, какъ раскрываются въ нихъ умъ и воля, послушаніе ихъ родителямъ должно переходить изъ инстинктивнаго въ разумное и свободное, должно получать характеръ чисто-нравственнаго расположенія и дѣйствія. Это и означаетъ выраженіе апостола: „*повинуйтесь о Господѣ*“, т.-е. повинуйтесь потому, что этого требуетъ *Господь*, что порядокъ семейныхъ отношеній не есть дѣло случая, ни произвола человѣка, а установленіе божественное, что родителямъ принадлежитъ власть надъ дѣтьми не по праву сильныхъ, а по волѣ Божіей. Указаніе на Господа въ апостольской

заповѣди о повиновеніи родителямъ, утверждая справедливость такого повиновенія, назначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и границу ему, именно: повиновеніе родителямъ обязательно дотолѣ, пока требованія родителей не противорѣчатъ требованіямъ нравственнаго закона Господня. Дѣти, какъ скоро понимаютъ противозаконность дѣла, требуемаго отъ нихъ родителями, не только могутъ, но и обязаны уклониться отъ него, потому что Богу должно повиноваться больше, чѣмъ кому бы ни было (Дѣян. 4, 19—20). Только надобно всячески остерегаться злоупотребленія этимъ ограниченіемъ заповѣди о повиновеніи родителямъ, чтобы не сдѣлать изъ него прикрытія для своеволія и упорства. По поводу тѣхъ или другихъ требованій родителей, дѣти могутъ высказывать свои недоумѣнія, если такія рождаются въ нихъ естественно, съ тою искренностію и простотою, съ какою они и всегда должны относиться къ отцу и матери, и благоразумные родители не могутъ видѣть въ этомъ ничего оскорбительнаго для себя. Но если и за тѣмъ родители остаются при своихъ требованіяхъ, то дѣти обязаны повиноваться безъ всякаго ропота, хотя бы имъ и казалось, что лучше было бы сдѣлать то или иное иначе. Далѣе когда дѣти ясно сознаютъ, что отецъ или мать заставляютъ ихъ сдѣлать что-либо недоброе, то и въ этомъ случаѣ отказъ ихъ отъ исполненія требуемаго не долженъ имѣть характера рѣзкаго протеста. Не чувство негодованія или призрѣнія должно наполнять ихъ сердце, а чувство скорби и желаніе отворить какимъ-нибудь способомъ печальную необходимость поступать вопреки волѣ родителей.

Долгъ дѣтскаго послушанія родителямъ уменьшается по мѣрѣ того, какъ дѣти становятся самостоятельными въ жизни. Когда они въ состояніи сами, независимо отъ своихъ родителей, устроить свой домашній бытъ, то внѣшнее подчиненіе ихъ родительской волѣ естественно прекращается. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не должно прекращаться внутреннее уваженіе и внѣшнее почтеніе ихъ къ родителямъ. Долгъ такого уваженія и почтенія не только не уничтожается, но и не уменьшается ни въ какую пору ихъ жизни. Если дѣти дѣлаются со временемъ просвѣщеннѣе своихъ родителей, то это не даетъ имъ никакого права относиться къ родителямъ съ меньшею почтительностію, потому что уваженіе къ родителямъ основывается не на личныхъ только ихъ качествахъ но главнымъ образомъ на самомъ ихъ званіи родителей. Если дѣти, принадлежа по своему рожденію къ низшимъ сословіямъ общества, достигаютъ потомъ почетнаго положенія въ обществѣ, то и это не должно ослаблять въ нихъ уваженія и почтенія къ

своимъ родителямъ, потому что отецъ и мать не перестаютъ и тогда быть для нихъ тѣмъ же чѣмъ были прежде. Даже слабости, родителей не должны внушать дѣтямъ неуваженія къ нимъ, а тѣмъ болѣе подавать имъ поводъ къ какому-нибудь пренебрежительному обращенію съ ними.

Вѣчно поучительнымъ примѣромъ для дѣтей должно оставаться переданное намъ Словомъ Божиимъ событіе изъ жизни патріарха Ноя, надъ которымъ, по случаю неосторожнаго опьяненія его, позволилъ себѣ поглумиться одинъ изъ его сыновей. На цѣломъ потомствѣ Хама отразилось слѣдствіе его преступленія, и имя его осталось на всѣ роды нарицательнымъ именемъ недостойнаго сына.

Достигшія зрѣлаго возраста дѣти обязаны оказывать возможную помощь своимъ родителямъ въ ихъ матеріальныхъ нуждахъ. Они должны радоваться, если имѣютъ возможность вознаграждать чѣмъ-либо заботы и труды, понесенные для нихъ отцомъ и матерью при ихъ воспитаніи. Въ особенной помощи дѣтей родители могутъ нуждаться въ глубокой старости своей. Священный долгъ дѣтей—облегчать для нихъ бремя и недуги и терпѣливо переносить ихъ немощи. *Сынъ мой, прими отца своего въ его старости и не огорчай его, доколь онъ живъ. Если онъ становится слабъ умомъ, то имъй снисхожденіе и не презирай его въ полноту твоей силы. Милость, оказанная отцу, не будетъ забыта и пойдетъ въ уплату за твои грѣхи... Кто оставляетъ своего отца, тотъ то же, что богохульникъ и кто оскорбляетъ свою мать, тотъ проклятъ* (Сир. 3, 12—16).

Къ отношенію родителей и дѣтей примыкаетъ взаимное отношеніе *братьевъ и сестеръ*. Чѣмъ болѣе ихъ и чѣмъ разнообразнѣе они по возрасту и дарованіямъ, тѣмъ богаче и полнѣе бываетъ жизнь семейнаго дома, но также и тѣмъ ответственнѣе здѣсь каждый (членъ семейства) отдѣльный членъ дома. Въдъ каждый членъ семейства оказываетъ свое извѣстное вліяніе, содѣйствуя мирному согласію домашней жизни или нарушая его. Каждому изъ насъ свойственно выдвигать свою собственную личность, часто не обращая вниманія на другихъ. Черезъ это происходятъ неудовольствія, оскорбленія и нарушенія мира. Призваніе сестеръ въ братскомъ кругу состоитъ въ томъ, чтобы оказывать на братьевъ свое тихое умиротворяющее и уравнивающее вліяніе. А призваніе братьевъ состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ поощренія и ободренія содѣйствовать общему благосостоянію жизни дома. Предъ братьями ранѣе, чѣмъ передъ ихъ сестрами, раскрывается взглядъ на міръ исторіи и духовной

жизни человечества. Правда, съ теченіемъ времени эти круги раздробляются и изъ нихъ образуются новыя сочетанія, которыя вполне поглощаются своею внутреннею и внѣшнею жизнью. Но и въ позднѣйшее время, если жизнь въ родномъ домѣ была здоровою, воспоминавія о дняхъ юности связываетъ сестеръ и братьевъ между собою неизгладимыми чувствами любви и благодарности. Каждый семейный домъ имѣетъ свой опредѣленный характеръ, долженъ по крайней мѣрѣ имѣть его, и составляетъ законченный въ себѣ міръ. Но каждый тѣмъ не менѣе опять принужденъ входить въ извѣстныя отношенія съ внѣшнимъ міромъ, который его окружаетъ, и оказывать на него то или другое вліяніе. Отдаляться отъ него и заключаться въ себѣ самомъ—для внутренней жизни дома столь же вредно, какъ это бываетъ и съ отдѣльными людьми. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно тому, какъ это бываетъ и съ личною жизнью, задача дома состоитъ въ томъ, чтобы не теряться въ общественной жизни, съ которою онъ находится въ извѣстномъ сношеніи. Ближайшій кругъ есть *кругъ родства*. Родственное чувство должно быть поддерживаемо, общеніе съ родней должно быть сохраняемо, но постоянно лишь настолько, чтобы это не было въ ущербъ самостоятельности и опредѣленному характеру собственнаго дома. Только на такомъ взаимномъ признаніи какъ родственной связи, такъ и опредѣленнаго характера cadaго дома и основывается истинное поддержаніе родственнаго взаимообщенія. *Аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, въры отверглся есть и невѣрнаго горшій есть, говоритъ* апостолъ (Тим. 58).

Мало такихъ домовъ, которые бы не нуждались въ постоянной помощи. И съ другой стороны, есть дома, обладающіе преизбыткомъ силъ, которыми они могли бы подѣлиться съ другими. Вслѣдствіе этого образуется новая связь, съ цѣлію разнообразной помощи и оказанія разнообразныхъ услугъ. Важнѣйшая связь, которая образуется такимъ образомъ, есть отношеніе между *господами и слугами*. Мы знаемъ, какъ много зависитъ отъ этого благосостоянія дома. Слуги входятъ въ общеніе домашней жизни, могутъ, слѣдовательно, смотря по тому, какъ относятся къ нимъ, содѣйствовать этой жизни или разрушать ее. Они не должны только исполнять свою работу и дѣлать ее надлежащимъ образомъ, какъ оплачиваемые поденщики, но, вступая въ домъ, они вступаютъ также во внутренніе предѣлы этого дома и принимаютъ участіе въ его жизни, такъ что чувствуютъ себя какъ бы принадлежащими къ дому, что и должны проявлять во всей своей дѣятельности. Нужно вообще, чтобы слуги, согласно увѣ-

щанія апостола, повиновались господамъ своимъ не съ видимою только услужливостію, какъ человѣкоугодники, но какъ рабы Христовы, исполняя волю Божию отъ души (Еф. 6, 5. 6). Но нравственной зависимости слугъ соотвѣтствуютъ нравственныя обязанности господъ. Обязанности господъ апостоль кратно изобразилъ въ слѣдующихъ словахъ: *господіе, правду и уравненіе рабамъ подавайте, вѣрующе, яко и вы имате Господа на небесахъ. Господіе, таяжде творите къ нимъ, послабляюще—имъ преценія, вѣдяще, яко и вамъ самымъ и тѣмъ Господь есть на небесахъ, и обиновенія лица нѣсть у Него* (Колос. 4, 1; Еф. 6, 9). Отсюда, если слуга вступаетъ въ домъ, входитъ въ его жизнь и порядки, то господа должны обращаться съ нимъ человѣколюбиво, кротно и снисходительно, умѣряя свою строгость духомъ христіанской любви и кротости. *Прими его, не какъ раба, но выше раба, брата возлюбленнаго: прими его, какъ меня*, писалъ апостоль къ одному господину о слугѣ его (Фил. ст. 15—17). Слуги, не просто рабочіе, а члены, хотя бы и временные члены дома. Поэтому къ нимъ должно относиться съ извѣстною сдержанностію и не злоупотреблять ими. Они должны раздѣлять радости дома, чтобы также вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовать и скорби его; должны принимать участіе въ религіозномъ распорядкѣ дома и не быть исключаемы изъ него, чтобы также въ должномъ настроеніи и духѣ имѣть возможность исполнять обязанности своего призванія. Вообще нужно смотрѣть на нихъ, какъ на свободныя личности и относиться къ нимъ не какъ къ такимъ, которые куплены господами со всѣмъ ихъ временемъ и со всѣми ихъ силами, но которые имѣютъ право принадлежать самимъ себѣ и должны имѣть извѣстное время также для своей духовной жизни.

Поведеніе христіанина въ жизни общественной. Божественное установленіе власти. Обязанности къ начальникамъ разнаго рода. Отношеніе къ соотечественникамъ въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ.

Главное начало, которое должно лежать въ основаніи общественной жизни и обезпечиваетъ собою (насколько это возможно для человѣка) ея идеальную постановку, есть христіанство, несущее въ себѣ все необходимое для усовершенствованія и благоустройства человѣческихъ обществъ. Посему проявленія и управленія жизни государства (какъ великаго общества) лишь тогда могутъ происходить правильно, нормально и обезпечивать собою могущество, величіе и благоденствіе государства, если своимъ исходнымъ пунктомъ будутъ имѣть законъ Евангельскій. Напротивъ, отрицательное отношеніе къ этому закону въ той же мѣрѣ приводитъ государство къ распаденію, ослабленію и гибели.

Высшимъ началомъ въ гражданскомъ строѣ общества является *предержащая власть*. Источникъ власти, которою пользуются земные правители, заключается въ Богѣ, Который есть единый управляющій судьбою царей и народовъ.

Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть (Рим. 13, 1). Величіе народоправителей основано первѣе всего на томъ, что они принимаютъ власть отъ „владѣющаго царствомъ человѣческимъ“ (Дан. 4, 22) и чрезъ то являются ближайшими слугами (Рим. 13, 4) небснаго Царя. Фактъ существованія Предержащей власти нисколько не противорѣчитъ личной свободѣ подданнаго-христіанина, ибо истинному христіанину дорога та свобода, на которую посягнутъ никто не въ силахъ,—свобода духовная, которую отъ можетъ пріобрѣсти или не пріобрѣтатъ, сохранять или утратить совершенно независимо отъ того или иного положенія своего въ государствѣ или обществѣ. Вотъ почему нисколько неудивительно, что Евангеліе, ведя человѣка къ истинной духовной свободѣ, не обращаетъ прямого вниманія на свободу такъ-называемую гражданскую, и на формы правленія.

Отношенія между Предержащей властію и подданными можно охарактеризовать, какъ тѣсный *союзъ власти съ народомъ*. Судьба власти такъ тѣсно связана съ судьбою народа, что гнѣвъ или милость Божія къ власти простирается на весь народъ, и наоборотъ. Истинные правители народовъ облачаются властію не для самихъ себя, а для блага подвластныхъ имъ, чтобы привлечь на нихъ милость Божию своимъ благочестіемъ и правдою. Съ другой стороны, власть мудрая и благая дается народу лишь за его добрую жизнь и благочестіе, при чемъ во все время правленія вѣрнѣйшими хранителями власти являются молитвы и добродѣтели подданныхъ, грѣхи же народа—первыми его врагами, ибо власть есть первый пріемникъ какъ благословеній, такъ и гнѣва небесъ за благочестіе или нечестіе подданныхъ: въ судьбѣ власти заключается судьба всего царства. Земные *правители*, въ свою очередь имѣющіе надъ собою Господа на небесахъ (Кол. 4, 1), Который потребуеть отъ нихъ строгаго отчета, должны править такъ, чтобы явиться пріобрѣтателями для всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ, знать всѣ нужды своего народа, видѣть ходъ всемірныхъ событій и предотвращать опасности отечества. Подданные съ своей стороны должны имѣть глубокое уваженіе и благоговѣніе къ предержащей власти, какъ власти Божественной. *Позинитесь всякому чловѣчу начальству*,—пишетъ ап. Петръ, *во отмщеніе убо злодѣемъ, въ похвалу же благотворцемъ* (1 Петр.

2, 13—14). *Напоминай* всѣмъ повиноваться и покоряться начальствующимъ и влаждующимъ,—пишетъ ап. Павелъ къ Титу (3, 1). Онъ же умоляетъ: *молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія и благодаренія за всѣхъ иже во власти суть. Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ* (1 Тим. 2, 1—3). А о непокорныхъ власти говоритъ: *противляйся власти, Божію повелѣнію противляется: противляющіися же себѣ грѣхъ пріемлютъ* (Рим. 13, 2).

Нравственныя обязанности гражданина въ отношеніи къ государству совпадаютъ съ обязанностями его какъ подданнаго. Посему: а) первая обязанность гражданина состоитъ въ томъ, чтобы охранять сложившіяся формы и государственныя учрежденія; б) каждый христіанинъ долженъ *любить свое отечество*. Любовь къ отечеству (патріотизмъ), т.-е. къ извѣстнымъ образомъ сложившемуся быту, тогда только удерживаетъ христіанскій характеръ, когда она соединена съ убѣжденіемъ, что всѣ люди призваны къ осуществленію единаго царства Божія,—слѣдовательно, когда она чужда всякой исключительности. Истинный патріотъ лишь тотъ, кто возвращаетъ и укрѣпляетъ въ себѣ вѣру и добродѣтель; заботится о чистотѣ нравовъ и отношеній, правдивъ и безкорыстенъ, смиренъ и трудолюбивъ, и кто, въ случаѣ необходимости, какъ, напр., во время войны съ врагами, готовъ бываетъ охотно жертвовать и своимъ спокойствіемъ, и благосостояніемъ, и не щадитъ и самой жизни. Сущность христіанской любви къ отечеству прекрасно выражена въ словахъ св. первомученика Стефана: *мужіе, братія есте вы: вскую обидите другъ друга* (Дѣян. 7 26). Эта любовь была сильна между іудеями, одушевляла св. апостоловъ (Дѣян. 22, 1; Рим. 9, 1—5), она обнаруживается въ чудотворной дѣятельности Спасителя, обращенной преимущественно на іудеевъ (Матѣ. 9, 36; 10, 5).

Самымъ главнымъ преступленіемъ противъ патріотизма бываетъ то, когда люди приводятъ государственное общеніе на служеніе своимъ собственнымъ интересамъ собственнаго сословія, вмѣсто того, чтобы отдавать себя и свое сословіе на служеніе отечеству. Не менѣе погрѣшаютъ по отношенію долгу патріотизма и тѣ, которые служатъ тому космополитизму, для котораго безразлично, какъ обстоятъ дѣла въ собственномъ государственномъ общеніи, или который, мечтая о благѣ всего міра, въ то же время оставляетъ въ пренебреженіи свой собственный домъ, свой народъ, свое государство, или ставитъ даже ниже всего чужеземнаго, восторгаясь всѣмъ чужимъ, потому что оно чужое. Этотъ космополитизмъ получаетъ еще болѣе грубый характеръ, когда онъ распространяется на духовную область жизни народа, когда,

напр., вѣрующій народъ подвергается вліяніямъ чужеземнаго невѣрія и вольнодумства и въ жертву этимъ моднымъ увлеченіямъ приноситъ наилучшее достояніе своей духовной и религіозно-нравственной жизни. Въ составъ христіанскаго государства фактически входятъ христіане и нехристіане. Отношеніе христіанина къ первому роду членовъ понятно: онъ долженъ питать кроткія и снисходительныя чувства къ нимъ, принимать живое участіе въ благоустроеніи внутренняго и вѣшняго быта ихъ. Наша любовь должна обнимать въ особенности тѣхъ, кто дѣйствительно ближе всѣхъ другихъ—христіанъ нашего православно-христіанскаго исповѣданія; но она должна распространяться и на христіанъ другихъ исповѣданій. Сюда относится завѣщаніе любви ап. Іоанна всѣмъ христіанамъ: „дѣти, любите другъ друга!“

Въ отношеніи къ нехристіанскимъ членамъ, кромѣ общихъ обязанностей любви и справедливости къ ближнимъ, которыя внушаетъ намъ Евангеліе, на насъ лежитъ обязанность сохранять *въротерпимость*, не стѣснять свободы совѣсти *другихъ* на счетъ вѣрованія, быть снисходительными къ религіознымъ ихъ убѣжденіямъ и къ самымъ ихъ заблужденіямъ, если это не въ ущербъ нашей вѣрѣ и благочестію, не позволяя себѣ никакихъ мѣръ насилія и преслѣдованій. Христіанская вѣротерпимость, или добродѣтель терпимости къ несходному съ нашимъ убѣжденіемъ другихъ, однако не тождественна съ терпѣніемъ заблужденія, противъ котораго христіанинъ долженъ скорѣе бороться, не тождественна съ тою терпимостію, которая каждаго оставляетъ жить въ своей вѣрѣ и спасаться на свой образецъ, считая всѣ религіозныя убѣжденія одинаково достойными, или одинаково ничего не значащими. Христіанская вѣротерпимость, напротивъ, есть одна изъ сторонъ самой христіанской ревности объ истинѣ, именно свойственная есть черта благоразумія, мягкости и кротости. Она предполагаетъ рѣшительную любовь къ Евангелію Христову, убѣжденность въ безусловной необходимости этого Евангелія для спасенія каждой души человѣческой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она исключаетъ собою всякую страстность изъ этого убѣжденія. Поэтому и говорится о Христвѣ, Праведномъ Служителѣ Божіемъ, какъ о Немъ было предсказано: „Онъ трости сокрушенной не переломитъ и льна курящагося не погаситъ. Онъ не воспрекословитъ, ни возопіетъ, и никто не услышитъ гласа Его на распутияхъ“ (Мѣ. 12, 18—20). Христіанская терпимость требуетъ, далѣе, чтобы истина сообщилась другимъ и усвоилась ими путемъ совѣсти. Потому-то она сноситъ и уклоняющіяся убѣжденія, требуетъ во имя Евангелія религіозной свободы и объявляетъ себя противъ

всякаго насильственнаго навязыванія другимъ своихъ убѣжденій. Въ этомъ смыслѣ говорилъ Спаситель фарисеямъ: „горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, дѣлаете его сыномъ геенны, вдвое худшимъ васъ“ (Мѳ. 23, 15). Фарисеи хотя и обращали извѣстнаго человѣка въ іудея, но религію надѣвали на него, какъ какую-нибудь одежду, а сердце и чувство этого человѣка не перемѣняли, и онъ при такомъ ложномъ и лицемѣрномъ отношеніи къ истинѣ доходилъ тогда до гораздо худшаго состоянія, чѣмъ въ какомъ онъ былъ раньше.

Различные общественные классы. Дружескіе союзы. Гостепрѣимство. Международныя отношенія. Войны между народами. Обязанности война-христіанина.

Различныя потребности людскія по необходимости соединяютъ людей въ особые отдѣльные одинъ отъ другого *классы* или *сословія*. Такъ, потребность земледѣлія рождастъ классъ земледѣльцевъ; потребность охраненія городовъ и селеній отъ вторженія внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ—классъ воиновъ; потребность научнаго просвѣщенія—классъ учителей и наставниковъ и т. д. Принадлежащіе къ одному и тому же сословію имѣютъ то же самое призваніе къ жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ одинаковые интересы, одинаковый образъ мыслей, характеръ образованія и образъ жизни. Классы раздѣляютъ на общественные и частныя. Общественные классы суть тѣ, дѣятельность которыхъ служитъ *непосредственно* обществу, частныя же суть тѣ, которые трудятся для отдѣльныхъ лицъ и дѣятельность которыхъ только *посредственно* служитъ обществу. Общественные классы суть: дворянство, военное сословіе, гражданскій и духовный классы. Частныя сословія суть: классъ земледѣльческій или крестьянскій, промышленный и торговый. Къ послѣдней категоріи должны быть причислены также врачи, адвокаты, учителя и художники, насколько они прежде всего трудятся для отдѣльныхъ лицъ. Каждый христіанинъ долженъ помнить, что гражданское общество не можетъ достигать общаго своего блага, если каждый членъ не будетъ вѣренъ своему званію и состоянію, и своей дѣятельности не будетъ направлять къ общему благу (Рим. 12, 4). Въ этомъ отношеніи христіанская вѣра внушаетъ намъ смотрѣть на занимаемое нами въ обществѣ мѣсто и соединенныя съ нимъ обязанности какъ на призваніе и опредѣленіе Божіе (Мѳ. 25, 14, 1 Петр. 4, 10—11; Рим, 12, 4—8), и потому каждый долженъ проходить свое служеніе вѣрно и по совѣсти, не передъ глазами только людей, но въ чувствѣ вездѣприсутствія Божія (Еф. 6, 6—8), и не изъ

чаянія земныхъ только выгодъ, но преимущественно изъ сыновняго повиновенія Отцу Небесному и изъ чувства человѣколюбія и искренняго желанія содѣйствовать чрезъ то благу общества (Рим. 12, 4—7, 1 Кор 12, 12 и д).

Но въ широкомъ кругѣ человѣческаго общества образуются затѣмъ меньшіе кружки болѣе тѣснаго взаимоотношенія. Людей сближаетъ и связываетъ между собою не только одинаковая дѣятельность по призванію, но и внутреннее сродство по естественнымъ наклонностямъ и духу, которое связываетъ отдѣльныхъ лицъ и семейства болѣе тѣсными узами *дружбы и гостепрѣимства*.

Дружба есть единеніе между отдѣльными личностями для взаимной помощи и подкрѣпленія,—единеніе, основанное не на уваженіи только, но главнымъ образомъ на сочувствіи. Истинная дружба всегда есть признаніе взаимныхъ личныхъ достоинствъ, взаимное отношеніе довѣрія и преданности, въ которыхъ одинъ полагается на другого, и вполне увѣренъ въ его преданности и привязанности къ своимъ интересамъ, готовности оказывать личную помощь. Она всегда обуславливается одинаковымъ возрѣніемъ на жизнь, одинаковымъ убѣжденіемъ того, что есть самага высшаго и священнаго. Одно изъ главныхъ условій для поддержанія дружбы, когда она образовалась, состоитъ въ томъ, чтобы не льстить другъ другу. Мы должны относиться другъ къ другу, каковы мы въ дѣйствительности, должны говорить другъ другу истину съ любовью, быть способными имѣть терпѣніе по отношенію другъ къ другу, прощать и любить другъ друга, несмотря на явные недостатки. Такимъ образомъ для того, чтобы могла поддерживаться дружба, должна поддерживаться также *вѣрность*. Невѣрность несовмѣстима съ истинною дружбою. Если хочешь приобрести друга, приобретай его по испытанію: и не скоро ввѣрайся ему“ (Сирах. 6. 7).—Хотя въ Свящ. Писаніи нѣтъ прямыхъ заповѣдей касательно дружбы, но мы знаемъ, что Господь Иисусъ на тайной вечери назвалъ учениковъ Своихъ друзьями: *Вы друзи мои есте, аще творите, елика Азъ заповѣдаю вамъ. Не ктому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ Господь его: васъ же рекоушъ друзи, яко вся, яже слышахъ отъ Отца моего сказахъ вамъ*, (Іоан. 15, 14. 15). Назвалъ Онъ другомъ Своимъ и Лазаря (Іоан. 11, 11.). Извѣстна дружба между Давидомъ и Іонафаномъ, ап. Авдреемъ и Петромъ, Филиппомъ и Нафананломъ, великими отцами и учителями Церкви—Василіемъ Великимъ и Григоріемъ Богословомъ.

Гостепрѣимство, въ обширномъ смыслѣ, есть форма сочувственнаго отношенія къ другимъ людямъ, причѣмъ имъ откры-

ваютъ свой домъ, свой семейный кругъ, даютъ возможность стоящимъ внѣ этого круга принять участіе въ благахъ своей собственной семейной жизни. Въ собственномъ и первоначальномъ значеніи слова, гостепрѣимство означаетъ добродѣтель, которая по самому своему названію, указываетъ на дружелюбіе къ чужеземцамъ. Въ древности и средніе вѣка считалось долгомъ добровольно открывать свой домъ чужеземному гостю и заботиться о немъ. Принятому подъ домашній кровъ страннику приписывался характеръ извѣстной священности и неприкосновенности, и такое чувство существовало у всѣхъ народовъ. Какъ ни различны состоянія настоящаго времени отъ состояній прошедшаго, тѣмъ не менѣе и теперь гостепрѣимство какъ въ болѣе узкомъ, такъ и въ болѣе широкомъ значеніи этого слова, можетъ и должно находить себѣ мѣсто въ видѣ ли страннопрѣимства путешествующихъ (Рим. 12, 13) или въ предоставленіи доступа въ нашъ домъ страннику, внушающему намъ довѣріе, или когда будемъ созывать такихъ друзей, которые сами имѣютъ семейства для пользованія благами взаимообщенія. „Страннолюбія не забывайте, пишетъ апостоль, ибо чрезъ него нѣкоторые, не зная, оказали, гостепрѣимство ангеламъ (Евр. 13, 2). Апостоль имѣетъ въ виду тѣ патриархальныя времена, когда ангелы посѣтили Авраама подъ дубомъ Мамврійскимъ. И теперь, осуществляя гостепрѣимство или страннолюбіе, мы можемъ иногда случайно принять у себя ангеловъ, т.е. людей, пребываніе которыхъ въ нашемъ домѣ, бесѣда и вліяніе ихъ на наше сердце могутъ принести намъ благословеніе, далеко превосходящее все, что мы сами можемъ сдѣлать для нихъ. При увѣщаніи къ гостепрѣимству, укажемъ и на глубокое изреченіе Христа: „Я былъ странникомъ, и вы приняли Меня“. (Мѣ. 25, 35).

Всѣ народы находятся въ извѣстномъ отношеніи и взаимообщеніи другъ съ другомъ. Христіанство научило признавать всѣхъ людей и всѣ народы равноправными. Оно поставило всѣхъ подъ управленіе Божіе. Богъ, какъ проповѣдывалъ ап. Павелъ въ Аѳинахъ, всѣмъ народамъ назначилъ извѣстныя границы (Дѣян. 17, 26), въ которыхъ они и должны жить. Поэтому они свободны отъ произвола. Вслѣдствіе этого, подъ вліяніемъ христіанства, въ противоположность національному эгоизму и праву сильнаго выработалось *международное право*, которое требуетъ, чтобы взаимное отношеніе между народами опредѣлялось согласно съ началами справедливости и христіанской гуманности. Все, что до-христіанское время знало о международномъ правѣ, ограничивалось главнымъ образомъ соблюденіемъ извѣстныхъ формъ и условій во время войны. Но признанія самостоятельнаго права

за другими, какъ оно составляетъ основу всякаго международнаго права, тогда не существовало. Это признаніе установлено было въ мірѣ только христіанствомъ. Подобно тому, какъ оно учитъ, что каждый долженъ любить другого и служить ему, такъ оно проповѣдуетъ также и миръ, взаимообщеніе и взаимное содѣйствіе между народами. Національная ненависть, по воззрѣнію христіанства, есть основной грѣхъ въ народной жизни. Общій трудъ на пользу общей задачи человѣчества есть призваніе народовъ и мирное взаимообщеніе есть средство для него. Но жизнь народовъ не всегда совершается мирнымъ путемъ. Исторія народовъ есть исторія *войнъ*. Война есть одно изъ самыхъ сильныхъ свѣдѣтельствъ о глубокой испорченности человѣческой природы, одно изъ величайшихъ бѣдствій и казней на землѣ. Когда думаютъ, что война есть благо, то проповѣдуютъ только хитросплетенную ложь. І. Христосъ есть *князь мира*, Его царство есть царство мира; самое рожденіе Христа было начаткомъ на землѣ мира. Отсюда христіанскій народъ никогда не долженъ начинать войны по корыстному расчету, для завоеваній, для прихоти. Но онъ въ правѣ защищать съ оружіемъ въ рукахъ богоучрежденный порядокъ противъ незаконнаго нападенія; власти не напрасно данъ мечъ (Рим. 13, 4), а для того, чтобы защищать право противъ силы зла, будетъ ли это зло въ народѣ или внѣ его. Самый характеръ войны христіанскаго государства долженъ быть христіанскій: она должна исключать всякую личную ненависть; военное мужество не должно впадать въ злобную ярость.

Воинъ борется противъ безличной, всеобщей силы смерти, отъ этого его подвигъ получаетъ высшее значеніе. Сознаніе собственнаго безсилія въ борьбѣ противъ страшной смертной силы, дѣйствующей внезапно и мгновенно, должно вести къ мысли о промыслительной десницѣ Виновника всѣхъ тварей. Воины должны знать, что самъ Господь присутствуетъ въ полкахъ (Втор. 20, 14), Онъ спасаетъ отъ враговъ (Лев. 26, 6—8; Втор. 23, 14), вѣрою въ Него побѣждали древніе (Евр. 11, 32—34) и отъ Него зависитъ побѣда. И потому они должны быть исполнены духомъ вѣры и благочестія, должны удаляться обидъ, клеветы, недовольства, ропота и всего, что можетъ препятствовать вѣрному прохожденію своего служенія (Лук. 3, 14; 2 Тим. 2, 4). Повиновеніе и дисциплина суть главныя добродѣтели, требуемыя въ военномъ классѣ, такъ какъ при этомъ только условіи можетъ сохраняться воинскій порядокъ, предотвращаться своеволіе и съ успѣхомъ совершаться воинскіе подвиги. Повиновеніе, чтобы имѣть истинное внутреннее значеніе, должно проистекать изъ любви къ власти

и странѣ, такъ какъ она именно возбуждаетъ энтузіазмъ геройства и побуждаетъ къ тому добровольному самопожертвованію, въ которомъ воинъ дѣлаетъ своимъ девизомъ изреченіе Спасителя: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить* (Мѡ. 10, 28).

Поведеніе Христіанина въ жизни церковной: Церковь, какъ общество христіанъ. Значеніе въ Церкви служенія пастырскаго и главныя стороны сего служенія. Пастырь Церкви, какъ учитель вѣры и благочестія, какъ направитель духовной жизни пасомыхъ словомъ и дѣломъ, какъ совершитель таинствъ, какъ глава приходской общины, какъ руководитель въ дѣлѣ благотворительности и воспитанія дѣтей.

Кромѣ мірскихъ обществъ существуетъ на землѣ общество духовное, состоящее изъ гражданъ тѣхъ же обществъ. Общество это Церковь Христова, въ составъ которой входятъ всѣ правовѣрующіе въ І. Христа. Назначеніе Церкви само собою открывается изъ того, что требуется для духовно-нравственнаго обновленія. Такъ какъ по ученію Самого І. Христа, тотъ только можетъ имѣть истинную жизнь въ себѣ, кто соединяется съ Нимъ какъ вѣтвь съ лозою (Іоан. 15, 4—5), то всѣ вѣрующіе должны относиться другъ къ другу какъ части одного цѣлаго, управляемаго и одушевляемаго самимъ Господомъ. Не прививаясь къ этому цѣлому, не участвуя въ его общей жизни, нельзя обновиться душою и сердцемъ, ибо одно знаніе Евангельскихъ истинъ никому не даетъ еще силъ для внутренняго самообновленія или перерожденія.

Христіанинъ посредствомъ вѣры и молитвы въ Церкви, которой онъ живой членъ, находится въ тѣсномъ нравственномъ общеніи со всѣмъ неисчислимымъ множествомъ людей, когда-либо жившихъ, такъ какъ предъ взоромъ вѣрующаго всѣ живы (Мѡ. 22, 32), и съ міромъ безплотныхъ духовъ, не только готовыхъ принимать непосредственное живое участіе въ жизни людей, но и на самомъ дѣлѣ служащихъ человѣку въ нравственномъ отношеніи (Евр. 1, 14). Мысль объ этой живой связи съ духовнымъ міромъ и сознаніе живого общенія съ нимъ облагораживаютъ и возвышаютъ всѣ человѣческія отношенія въ нашей временной жизни и заставляютъ цѣнить въ нихъ именно то, что въ нихъ есть чистаго и святаго, неоканчивающагося со смертію человѣка, но переходящаго въ вѣчность. Благодаря своей живой связи съ Церковью всѣ земныя отношенія не только не ослабляются, но еще болѣе укрѣпляются и получаютъ высшій смыслъ и значеніе. Въ этой связи съ Церковію человѣкъ всегда остается, по выраженію ап. Павла, дикою маслиною, не имѣющею общенія съ кор-

немъ и сокомъ маслины, насажденной Самимъ Господомъ и оплодотворяемой Его Духомъ (Рим. 11, 17).

Посредствомъ Церкви и въ Церкви образуется союзъ святой любви между Богомъ и людьми. А чрезъ общеніе каждаго чловѣка со Христомъ производится духовное чисто внутреннее взаимное общеніе и единство всѣхъ вѣрующихъ во Христа между собою, это духовное живое общеніе и живое взаимное единство, въ которомъ находятся всѣ вѣрующіе во Христа чрезъ ихъ отношеніе ко Христу. *Да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во мнѣ, и азъ въ Тебѣ, да и тии въ насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21). Церковь есть именно такое общество, связію котораго служить любовь сочленовъ его къ Богу и къ проявленіямъ божественнаго въ существахъ добрыхъ и свободно-разумныхъ. Эта связь въ Церкви есть существенная черта ея, отличающая ее отъ всѣхъ обществъ, есть самая сущность Церкви, какъ общества.

Домашняя жизнь и внѣшнія отношенія пастыря къ пасомымъ. Отношеніе пастыря къ раскольникамъ, сектантамъ и иноверцамъ.

На пастырѣ, кромѣ высокихъ обязанностей его служенія, лежать и другія священныя обязанности, предписываемыя ему закономъ христіанскимъ: обязанности супруга, отца семейства, домовладыки. Эти обязанности, общія для него со всѣми отцами семействъ весьма многосложны. Онъ долженъ пецись о содержаніи собственнаго жилища, о благоустроеніи хозяйства, объ удовлетвореніи различнымъ потребностямъ своихъ домохадцевъ, а что всего важнѣе—долженъ пецись о воспитаніи чадъ своихъ, чтобы какъ во всемъ, такъ и въ этомъ отношеніи ему явиться примѣромъ для своей паствы. Ап. Павелъ говоритъ: *подобаетъ пресвитеру быти свой домъ добръ правящу* (I Тим. 3. 4).

По смыслу этого руководственнаго указанія св. апостола въ домѣ пастыря должно все быть, чего нужно желать для каждаго благоустроеннаго и благочестиваго семейства. Въ домѣ хорошо устроенномъ и управляемомъ, предполагается взаимная любовь и доброе согласіе между всѣми, въ немъ живущими. Всѣ члены его блюдутъ чистоту нравовъ и заботятся о безукоризненномъ поведеніи. Каждый, вступающій въ домъ священника, долженъ встрѣчать здѣсь скромность и привѣтливость.

По предписанію того же апостола, отъ пастыря требуется ревностная забота о своемъ семействѣ и дѣтяхъ, объ ихъ добромъ воспитаніи. *Аще кто своего дома не умѣетъ правити, говорить апостоль, како о Церкви Божіей прилежати возмозетъ?* (Тим. 3, 5). *И аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ,*

вѣры отверглся есть, и невѣрнаго горшій есть (I Тим. 5, 8). И судъ Божій постигаетъ карою небрегущаго о семействѣ своемъ пастыря, какъ можно видѣть изъ примѣра ветхозавѣтнаго первосвященника Илія (I Цар. 3, 11—14). Духъ воспитанія дѣтей въ домѣ пастыря долженъ быть строго-христіанскій. Дать дѣтямъ своимъ религиозное образование и религиозное направленіе—вотъ первое, что должно лежать на мысли отца—священника. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заботясь о религиозномъ воспитаніи своихъ дѣтей, пастырь долженъ такъ вести ихъ, чтобы они представляли изъ себя образцы послушанія и нравственной чистоты, какъ требуетъ его св. апостолъ (I Тим. 3, 4; Тим. 1, 6). Какъ добрый супругъ и попечительный отецъ, исполняя свои семейныя обязанности съ любовію, онъ привыкнетъ мало-по-малу находить въ нихъ самихъ источникъ для себя тихихъ удовольствій, которыя никогда не согласится промѣнять на шумныя удовольствія міра. Въ кругу собственнаго семейства онъ обрѣтаетъ все, что можетъ усладить его жизнь, какъ человѣка, а это семейство замѣнитъ тогда для него цѣлый міръ.

Служеніе пастыря, въ ряду другихъ общественныхъ служеній, есть служеніе наиболѣе духовное, требующее умственной или духовной работы. Соотвѣтственно такому характеру пастырскаго служенія наиболѣе приличный трудъ, какому онъ можетъ посвящать свободное время, есть трудъ духовный или умственный, трудъ книжный, требующій работы мысли и способствующій обогащенію ума. Само собою разумѣется, пастырь, какъ религиозный учитель вѣры, долженъ обогащать свой умъ прежде всего и главнымъ образомъ богословскими или религиозными познаніями, при помощи которыхъ могъ бы безъ затрудненій давать отвѣтъ всякому, *вспрошающему словесе о нашемъ упованіи*.

Но тогда какъ ревностное исполненіе своихъ семейныхъ обязанностей и умственный трудъ могутъ только содѣйствовать пастырю къ освобожденію или предохраненію себя отъ духа міра,—любовь къ уединенію можетъ сдѣлать для него еще болѣе: она пособитъ ему и отстать мало-по-малу отъ духа міра, и стяжать себѣ духъ священства, духъ молитвеннаго и благочестиваго настроенія. Молитва есть плодъ благочестія, и взаимно служитъ пищею для благочестія. Чтобы хорошо молиться, нужно быть благочестивымъ; и чрезъ молитву человѣкъ содѣлывается еще болѣе благочестивымъ. Но молитва можетъ быть совершаема надлежащимъ образомъ только человѣкомъ спокойнымъ, свободнымъ отъ всѣхъ нечистыхъ мыслей и совершенно занятымъ Богомъ. Будетъ ли приготовленъ къ подобающему углубленію въ самого

себя во время церковныхъ священнодѣйствій тотъ пастырь, который придетъ сюда съ воображеніемъ, разгоряченнымъ суетными помыслами? Принесетъ ли онъ къ алтарю Господню расположенія святаго и полезныя, если его умъ и сердце будутъ заняты въ то время мірскими пожеланіями и страстями? Нѣтъ, только въ уединеніи, вдали отъ шума и смутъ, душа сосредоточивается въ саму себя; чуждая для дѣлъ земныхъ, она возвышается къ небу. Склонность къ ученымъ занятіямъ и познанія пріобрѣтаются только въ уединеніи. Пастырь разсѣянный никогда не будетъ прилежнымъ и любящимъ науки. Только въ уединеніи, посредствомъ размышленія и молитвы, священнослужитель образуетъ свой умъ и проникается святыми истинами, которыя потомъ распространяетъ между пасомыми.

Пастырь долженъ воспитывать въ себѣ любовь къ уединенію, но отнюдь не къ уединенію совершенному и постоянному. Это—жизнь отшельниковъ, которые всецѣло посвятили себя созерцанію предметовъ божественныхъ, но не можетъ быть жизнію пастырей, которые поставлены для освященія ближнихъ. Пастыри должны часто удаляться изъ міра, но не могутъ совершенно отдѣлиться отъ міра. Между совершеннымъ разобщеніемъ съ міромъ, которое сдѣлало бы ихъ бесполезными, и частымъ явленіемъ посреди міра, которое было бы для нихъ вредно, они должны держаться законной середины. Побужденія, заставляющія пастыря являться въ мірѣ и въ частности между своими пасомыми, могутъ быть двухъ родовъ: одни повелѣваютъ ему это, другія только позволяютъ. Куда призываетъ его христіанская любовь, гдѣ онъ можетъ оказать какое-либо благодѣяніе, туда онъ не долженъ медлить своимъ приходомъ. Такъ, прилично пастырю и полезно посѣщать иногда жилища людей знатныхъ, если таковые есть среди его пасомыхъ. Его посѣщенія могутъ незамѣтно сообщить этимъ домамъ, примѣръ коихъ столь увлекателенъ для другихъ, благонравіе и назидательность. Онъ можетъ исходатайствовать здѣсь помощь для бѣдныхъ, можетъ пріобрѣсть здѣсь благосклонность и покровительство, весьма полезныя въ нѣкоторыхъ случаяхъ для св. вѣры и для добрыхъ нравовъ. Иногда заставляетъ пастыря искать сообщества и другое законное побужденіе. Духъ нашъ не можетъ находиться въ постоянномъ напряженіи. Чѣмъ болѣе наше служеніе требуетъ отъ насъ занятій, тѣмъ болѣе оно позволяетъ намъ и отдохновенія. Послѣ труда необходимо возобновлять свои силы и полезно выходить изъ уединенія для собранія силъ новыхъ. Правда, это необходимое отдохновеніе, это обновленіе силъ пастырь можетъ находить и въ кругу собственнаго

семейства, посреди тѣхъ занятій, которымъ онъ можетъ предаваться, какъ добрый супругъ и отецъ, ревностно пекущейся о воспитаніи своихъ дѣтей, и посреди многихъ другихъ невинныхъ семейныхъ удовольствій. Но ему не возбраняется посѣщать съ этою цѣлію и собранія, приличныя его званію. Только онъ долженъ всегда помнить, что онъ позволяетъ себѣ эти посѣщенія единственно для того, чтобы содѣлать себя еще болѣе способнымъ къ прохожденію своихъ обязанностей, и потому весьма важно не учащать такихъ собраній, которыя могли бы вовлечь его въ большую разсѣянность. Еще строже пастырь долженъ избѣгать собраній, неприличныхъ его званію. Пастырское достоинство обязываетъ его быть въ связи только съ лицами испытанной честности и благонравія. Благочестивый пастырь любитъ и благочестивыя собранія. Онъ избѣгаетъ не только собраній порочныхъ, но даже и такихъ, которыя міръ по излишней своей снисходительности, называетъ иногда хорошими собраніями, гдѣ ведутся рѣчи хотя и не безчинныя, но вольныя, гдѣ хотя и не поносятъ св. вѣры, но легкомысленно разсуждаютъ о ней. Посѣщая подобныя собранія, пастырь легко можетъ подвергнуться опасности сперва перенять у нихъ вѣдшее обращеніе, которое такъ мало прилично важности его сана, а потомъ и самый духъ, который такъ различенъ отъ того духа, какой обязанъ имѣть служитель Божій. Неприлично также пастырю безъ важныхъ побужденій являться въ большихъ собраніяхъ, имѣющихъ цѣлію увеселенія. Радость, которая царствуетъ здѣсь, не та радость, какую онъ долженъ имѣть. Онъ всегда найдетъ здѣсь разсѣянность, а ему неблагопрістойно раздѣлять ее. Если ему иногда и придется, по случаю, быть въ подобныхъ мѣстахъ, если правила благоприличія или обязанность приведутъ его туда, онъ долженъ сохранять тотъ важный видъ, скромный, и какъ скоро замѣтитъ слишкомъ сильное веселіе, доходящее до вольности, обязанъ, если возможно, тихо удалиться оттуда безъ малѣйшаго оскорбленія и соблазна для другихъ.

Для пастыря не довольно искать такихъ собраній, которыя были бы достойны принять его. Другая главная обязанность и существенный предметъ его вниманія есть образъ поведенія его въ этихъ собраніяхъ. Главною заботою пастыря должно быть то, чтобы не слишкомъ часто посѣщать міръ и въ частности свой приходъ, безъ особой на то нужды. Все, что для него исполнимо здѣсь и полезно, состоитъ въ томъ, чтобы онъ показывался въ мірѣ только тогда, когда его привлекутъ туда именно указанныя потребности. Не имѣя права совершенно прервать свои сношенія съ міромъ и въ частности съ своими прихожанами, онъ долженъ

сдѣлать оныя, сколько возможно рѣдкими; этого требуетъ отъ него попеченіе о собственномъ достоинствѣ. Что чаще видятъ, то обыкновенно меньше уважаютъ. Ему прилично держать себя такъ, чтобы люди желали его появленія въ обществѣ и живо чувствовали какъ его отсутствіе, такъ и присутствіе.

Пастыри суть служители І. Христа не во время только совершенія своихъ священныхъ обязанностей. Ихъ служеніе слѣдуетъ за ними всюду; во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ они должны имѣть его предъ глазами и являть другимъ. Пастыри не должны забывать никогда, что они по Христу посольствуютъ (2 Кор. 5, 20). Даже и въ то время, когда они не отправляютъ прямо этой святой должности, они должны сохранять на себѣ ея высокій характеръ. Если ихъ уста не возвѣщаютъ ея словомъ, пусть ихъ видъ, ихъ тонъ, ихъ поведеніе напоминаютъ о ней; пусть одно ихъ присутствіе, даже при самомъ молчаніи, будетъ наставленіемъ для вѣрующихъ и увѣщаніемъ. Благочестивое и назидательное обращеніе пастыря можетъ внушить имъ благочестивыя чувства и мысли, напротивъ, обращеніе непристойное можетъ отвратить ихъ отъ нихъ, можетъ возбудить въ нихъ презрѣніе къ священному служенію пастырей. Пастырь не только не долженъ произносить какихъ-либо непристойныхъ словъ, оскорбляющихъ невинность и чистоту совѣсти, но онъ никогда не долженъ и слушать ихъ безъ отвращенія или, по крайней мѣрѣ, безъ молчаливаго осужденія. Его священный санъ обязываетъ его не позволять себѣ въ обращеніи даже ничего такого, что имѣло бы только видъ легкомыслія, вѣтренности, дерзости (2 Тим. 2, 16). Не должно, впрочемъ, думать, будто пастырю запрещена и невинная радость. Ему отнюдь не заповѣдано являться въ собраніяхъ съ челомъ наморщеннымъ, съ глубокою скорбію, или язвительнымъ тономъ. Напротивъ, онъ долженъ вносить въ собраніе только пріятную снисходительность. Чтобы его присутствіе не стѣсняло и благопристойныхъ забавъ, онъ раздѣляетъ ихъ, оживляетъ солию остроумія, всегда пріятнаго и ни для кого не обиднаго (Кол. 4, 6). Это содѣлываетъ его любезнымъ въ собраніи и доставляетъ пастырю еще болѣе уваженія. Его радость есть радость священническая, которая никогда не даетъ ему терять изъ виду святость своего званія. Она поддерживается его достоинствомъ, сопровождается скромностію и степенностію, которыя удерживаютъ его въ приличіи и не позволяютъ другимъ выходить изъ границъ. Священнослужители должны искать по преимуществу общество, которое состояло бы изъ нихъ же самихъ. Въ этомъ взаимномъ сношеніи другъ съ другомъ добрые пастыри находятъ отдохновеніе отъ

своихъ трудовъ самое пріятное и самое полезное, связуясь между собою узами искренняго дружества. Будучи болѣе свободными въ такомъ случаѣ въ своихъ бесѣдахъ, они не боятся, чтобы ихъ слова были замѣчаемы зложелательствомъ, перетолковываемы злобою, пересуживаемы невѣріемъ.

Ихъ непринуждаемая радость становится отъ этого живѣе, не переставая однако быть радостію чистою. Люди одного званія естественно разговариваютъ о дѣлахъ своего званія, о своихъ занятіяхъ и обязанностяхъ. Въ этомъ обществѣ всѣ пользуются тѣмъ, что приносятъ сюда другіе, всѣ преподаютъ и принимаютъ наставленіе и назиданіе, и такимъ образомъ даже въ минуты, назначенныя для отдохновенія, содѣйствуютъ собственнымъ успѣхамъ въ знаніяхъ и благочестіи. Пастырямъ неприличны были бы дружескія общества и излишняя короткость съ лицами низшаго сословія. Подобная связь легко можетъ отнять у нихъ даже уваженіе того народа, съ которымъ они до крайности сближаются; потому что пріучаетъ народъ смотрѣть на нихъ, какъ на равныхъ себѣ и обращаться съ ними, какъ съ равными. Но это отнюдь не значитъ, будто пастырю запрещено и входить къ своимъ прихожанамъ, если они состоятъ въ низшемъ классѣ общества. Объ этихъ-то людяхъ онъ по-преимуществу долженъ заботиться, потому что они больше всѣхъ нуждаются въ его помощи. Пусть онъ всегда готовъ будетъ посѣтить самыхъ бѣдныхъ изъ своихъ прихожанъ, когда можетъ доставить имъ какую-нибудь пользу. Не посѣщеній онъ долженъ избѣгать, а учащенія ихъ; не участіе онъ долженъ уменьшать, а короткость; онъ долженъ входить къ нимъ не для своего отдыха и удовольствія, а для ихъ блага. Онъ долженъ являться къ нимъ, какъ ангелъ благодѣтель, и посѣщать ихъ всякій разъ, какъ только его присутствіе можетъ быть для нихъ полезнымъ. Но онъ долженъ помнить, что его мѣсто на извѣстной высотѣ, на которой прихожане смотрятъ на него съ почтеніемъ и съ которой онъ нисходитъ только для того, чтобы оказать имъ свою помощь. Въ этомъ отношеніи у священника есть прекрасное занятіе, отличающее истиннаго пастыря, именно: посѣщенія, дѣлаемыя имъ время отъ времени всѣмъ своимъ прихожанамъ. При этихъ особенно случаяхъ, съ достоинствомъ, безъ высокомерія, съ участіемъ сердечнымъ, отецъ духовный проникаетъ въ души своихъ пасомыхъ, учитъ ихъ дѣлать всякое добро и предупреждаетъ всякое зло; смотритъ, согласны ли между собою супруги, занимаются ли родители воспитаніемъ своихъ дѣтей, послушны ли дѣти; примиряетъ враговъ, утѣшаетъ печальныхъ, подкрѣпляетъ слабыхъ, оказываетъ вся-

кому несчастному помощь, сообразную съ его нуждами. И подобными-то дѣлами онъ пріобрѣтаетъ себѣ самую драгоценную награду, какой только можетъ ожидать на землѣ,—довѣренность своихъ прихожанъ и ихъ благодарность, встрѣчающія его на каждомъ шагу и сопровождающія его въ самую вѣчность.

Имѣя искреннее попеченіе о своихъ братіяхъ по вѣрѣ, православный пастырь имѣетъ свои обязанности и къ раскольникамъ, сектантамъ и иновѣрцамъ, если таковые есть въ той мѣстности, гдѣ онъ призванъ быть руководителемъ духовнаго стада. Въ этомъ отношеніи, кромѣ общихъ обязанностей любви и справедливости къ ближнимъ, а также терпимости къ религіознымъ убѣжденіямъ другихъ, которыя внушаетъ всѣмъ своимъ послѣдователямъ І. Христось, на пастыряхъ особенно лежитъ обязанность—стараться о вразумленіи и обращеніи въ лоно православной Церкви людей, принадлежащихъ къ другимъ религіознымъ обществамъ, или уклоняющихся отъ единенія съ православною Церковью. Господь нашъ І. Христось, во время земной жизни Своей и ученіемъ и дѣлами Своими всѣхъ старался привести на путь истины и праваго вѣрованія. Онъ грозно обличалъ заблужденія фарисеевъ и саддукеевъ, со всею святою ревностію старался просвѣтити заблуждающійся народъ, не щадилъ и самыхъ учениковъ Своихъ, когда видѣлъ въ нихъ слабость вѣры ихъ или погрѣшительныя какія понятія (Марк. 9, 14; 16, 14). Тоже видимъ и въ апостолахъ. Для нихъ не все равно было, какъ бы кто ни вѣровалъ и какъ бы кто ни поступалъ. Они всѣхъ желали привлечь ко Христу, не исключая и самыхъ упорныхъ враговъ Его. И какъ же они дѣйствовали? *Свободенъ сый отъ всѣхъ*, пишетъ о самомъ себѣ ап. Павелъ, *всѣмъ себе поработихъ, да множайшія пріобрязу: быхъ Иудеемъ яко Иудей, да Иудеи пріобрязу: подзаконнымъ яко подзаконенъ, да подзаконныя пріобрязу: беззаконнымъ яко беззаконенъ, не сый беззаконникъ Богу, но законникъ Христу, да пріобрязу беззаконныя. Быхъ немощнымъ яко немощенъ, да немощныя пріобрязу: всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Кор. 9, 19—22). Но ревность пастыря о пріумноженіи своего духовнаго стада и привлеченіи въ него *не сущихъ отъ двора его* должна быть сдерживаема и управляема благоразуміемъ. Она должна исключать рѣзкія и насильственныя дѣйствія по отношенію къ людямъ, живущихъ въ средѣ его прихожанъ, но не принадлежащихъ къ его духовному стаду. Пусть пастырь Церкви будетъ прежде всего пастыремъ своего стада, его охраняющимъ. Онъ, конечно, не отвергнетъ и чужихъ овецъ, а съ готовностію откроетъ для нихъ двери своей Церкви, когда

Господь приведетъ ихъ къ нему, или они сами, безпокоимыя сомнѣніемъ, обратятся къ нему. Но онъ, согласно наставленію Евангелія, не будетъ насильно навязывать спасеніе тѣмъ, которые не хотятъ принимать его (Мѣ. 10, 5. 14).

Пастырь всегда близко долженъ принимать къ сердцу достоинство своей Церкви и религиозные интересы того общества, во главѣ котораго онъ стоитъ. При представляющемся случаѣ онъ долженъ показывать предъ своими и чужими преимущества своей вѣры и защищать свою Церковь и ея учрежденія отъ нареканій и нападений, если такія слышитъ гдѣ-либо. Это поддержаніе и охраненіе достоинства православной Церкви онъ можетъ и долженъ принимать на себя при случайныхъ разговорахъ, въ смѣшанныхъ собраніяхъ, гдѣ встрѣчаются лица, принадлежащія къ разнымъ вѣроисповѣднымъ обществамъ, когда коснется дѣло различія и относительнаго достоинства того или другого вѣроисповѣданія. Изъ слова его должно быть ясно видно всякому, что онъ любящій сынъ своей Церкви, всецѣло ей преданный, не могущій равнодушно сносить нареканій на нее или позора ей причиняемаго неправдою или злобою иномыслящихъ. Въ случаѣ если сектанты или иновѣрцы не захотятъ слушать православнаго пастыря и будутъ позволять себѣ дѣйствія, могущія послужить соблазномъ и оскорбленіемъ для православныхъ, на примѣръ, поруганіе св. иконъ, чтимыхъ православными, публичное осмѣяніе учрежденій Церкви и выраженіе открытой хулы надъ ними, пастырь можетъ и долженъ обратиться за содѣйствіемъ къ подлежащимъ властямъ, на которыхъ возложена обязанность наблюдать за исполненіемъ установленныхъ законовъ.

Отношеніе пасомыхъ къ пастырямъ, къ своему храму, къ бѣднымъ приходомъ и къ дѣлу устроенія храмовъ и школъ. Одинаковая обязательность соблюденія правилъ христіанскаго поведенія какъ для пастырей, такъ и для пасомыхъ.

Высокое происхожденіе и назначеніе пастырей Церкви, высокія ихъ права и преимущества, и великое и многотрудное ихъ служеніе возлагаютъ на пасомыхъ особенныя къ нимъ обязанности, а именно: пасомые должны: а) любить и почитать своихъ пастырей, какъ духовныхъ отцовъ своихъ, ученіемъ и таинствами возраждающихъ и воспитывающихъ ихъ въ духовной жизни для наслѣдія вѣчнаго спасенія и блаженства: *молимъ вы, братіе, пишетъ апостоль, знайте труждающихся у васъ, и настоятелей вашихъ о Господь, и наказующихъ вы, и имѣйте ихъ пока преизлиха въ любви за дѣло ихъ* (1 Сол. 5, 12—13); б) съ сердечною готовностью принимать ихъ пастырскія наставленія и увѣщанія и съ сыновнею покорностью повиноваться имъ (Евр. 13, 17); в)

доставлять имъ все необходимое для безбѣднаго ихъ содержанія, дабы они безпрепятственнѣе могли посвящать себя на дѣло служенія общественнаго (Мѡ. 10, 10; 1 Кор. 9, 14; Гал. 6, 6); г) снисходительно судить объ ихъ слабостяхъ, если какія замѣтите въ нихъ, памятуя, что и они, подобные намъ, человѣки; д) молить о нихъ Бога, чтобы Онъ самъ наставлялъ и укрѣплялъ ихъ въ великомъ и многотрудномъ ихъ служеніи Своею благодатною силою (Рим. 9, 38; Кол. 4, 2—4); должны е) не только не препятствовать имъ въ ихъ служеніи и исполненіи священныхъ ихъ обязанностей, а напротивъ—содѣйствовать имъ всѣми зависящими отъ насъ средствами, стараясь дѣйствовать въ совершенномъ согласіи и единеніи съ ними.

Для такого содѣйствія нѣтъ нужды каждому принимать на себя званіе учителя. Учительство церковное, всенародное, соединенное съ авторитетомъ со стороны учащаго и обязывающее къ разумному послушанію со стороны слушающаго, такое учительство составляетъ право и обязанность только пастырей Церкви. Но распространеніе ученія христіанскаго безъ притязанія на пастырство всегда составляло и составляетъ въ Церкви долгъ вѣры и любви каждаго ея члена. Быть равнодушнымъ къ дѣлу распространенія христіанской вѣры для истиннаго христіанина значить быть мертвымъ членомъ Церкви. Это живое участіе въ распространеніи и утвержденіи христіанской вѣры можетъ принимать у различныхъ лицъ различныя формы. Одни, по благословенію Церкви, непосредственно принимаютъ на себя великое дѣло распространенія христіанской вѣры въ предѣлахъ ли своей родины или въ другихъ пунктахъ вселенной и, вдохновляемые любовію Христовою, охотно и радостно переносятъ всѣ лишенія и невзгоды, сопряженныя съ этимъ призваніемъ. Другіе служатъ этому дѣлу посредственно своими познаніями и матеріальными средствами. Содѣйствуя всѣми доступными средствами распространенію христіанской вѣры между иновѣрцами, истинный христіанинъ не остается равнодушнымъ, спокойнымъ и въ виду раздѣленій, образовавшихся въ нѣдрахъ самой единой христіанской Церкви, равно какъ и въ виду явнаго и тайнаго распространенія въ самыхъ христіанскихъ обществахъ между людьми ложныхъ ученій, подрывающихъ христіанское вѣроисповѣданіе и искажающихъ направленіе семейной, національной и государственной жизни, а употребляетъ доступныя ему средства къ тому, чтобы было едино стадо и единъ Пастырь (Іоан. 10, 16).

Принимая участіе того или другого рода въ распространеніи христіанской вѣры и вообще въ утвержденіи Церкви, истин-

ный христіанинъ естественно является живымъ членомъ того ближайшаго круга вѣрующихъ или прихода, къ которому онъ принадлежитъ. Церковные приходы состоятъ изъ всѣхъ тѣхъ, которые группируются около данной Церкви или храма Божія и своего непосредственнаго духовнаго Пастыря. Всѣ члены этого состава вѣрующихъ принимаютъ живое, дѣятельное участіе и въ духовныхъ и въ матеріальныхъ интересахъ другъ друга. Воспитаніе въ христіанскомъ духѣ дѣтей бѣдныхъ родителей, вспоможеніе бѣднымъ членамъ прихода, призрѣніе сиротъ, бѣдныхъ вдовъ и престарѣлыхъ, врачебная помощь больнымъ и т. п. суть отличительныя явленія въ жизни истинно вѣрующихъ христіанъ того или другаго прихода. Не могутъ не заботиться члены его и объ украшеніи храма, о чинности и назидательности совершенія богослуженія, о живомъ непосредственномъ участіи въ богослуженіи посредствомъ чтенія и пѣнія въ храмѣ, о достойномъ провозженіи общихъ и мѣстныхъ праздниковъ, а также о взаимномъ охраненіи отъ того, что недостойно христіанъ, и о взаимномъ исправленіи или вразумленіи.

Приходская церковная жизнь во всѣхъ отношеніяхъ течетъ подъ непосредственнымъ руководствомъ того *добраго пастыря*, который жизнь свою готовъ положить за овецъ своихъ (Іоан. 10, 11), и который стоитъ во главѣ всякаго добраго начинанія и предпріятія своихъ пасомыхъ.

Итакъ, каждый христіанинъ, поскольку онъ есть живой членъ Церкви, долженъ такъ дѣйствовать, чтобы эта дѣятельность была жертвою цѣлому, долженъ забыть себя, а имѣть въ умѣ одно благо общее, чувствовать себя и сознавать не начальнымъ лицомъ, а орудіемъ въ составѣ цѣлаго тѣла Церкви. Пусть каждый сознаетъ, чѣмъ можетъ и долженъ онъ дѣйствовать во благо всѣхъ, и пусть дѣйствуетъ такъ съ сознаніемъ долга, т.-е., по Апостолу, служить—служи, учить—учи, утѣшать—утѣшай, подавать—подавай (Рим. 7—8). Каждому сообщено дарованіе духа на пользу (1 Кор. 12, 7), которымъ и должны всѣ взаимно служить между собою (1 Петр. 4, 10). Это всѣмъ дѣйствіямъ христіанина сообщаетъ характеръ отрѣшенности, гдѣ личныя выгоды совсѣмъ исчезаютъ изъ вниманія, а въ виду имѣется одно духовное благо христіанъ, каково бы оно ни было.

И. Г. Пятницкій.

VI.

Миссіонерская дѣятельность христіанскихъ церквей Запада.

Одна недѣля среди католическихъ миссіонеровъ.

(Продолженіе).

Гостепріимство пастора.

— А теперь, сказалъ пасторъ, перейдемте въ столовую. Сейчасъ вамъ подадутъ ужинъ. И онъ провелъ насъ въ другую комнату, съ весьма скромными темными, коричневыми обоями, круглымъ посрединѣ столомъ, покрытымъ чистой скатертью. На столѣ было накрыто два прибора, стояли два подсвѣчника съ двумя зажженными свѣчами въ каждомъ, всего четыре свѣчи, и между ними корзина съ кустикомъ благоухающихъ китайскихъ розъ. Около нея корзина съ хлѣбомъ и вазочка съ фруктами.

Прочтя молитву, мы сѣли за столъ. Пасторъ не сѣлся такъ же какъ его жена, которая явилась съ дымящейся миской горячаго супа, который стоя разлила на тарелки и подала намъ; пасторъ же предложилъ намъ хлѣба и масла, настоящаго сливочнаго—рѣдкость въ этой мѣстности, гдѣ совсѣмъ нѣтъ пастбищъ для скота.

Трапеза.

Супъ оказался сладкій, нѣмецкій, но довольно сносный. Затѣмъ на столъ былъ поставленъ большой кусокъ пирога, который гостепріимные хозяева разрѣзали и сами положили намъ на тарелки. Послѣ этого пасторъ досталъ изъ буфета двѣ бутылки вина, которое и налилъ намъ по стаканамъ, а его хозяйка принесла специально для насъ зажаренныхъ по нѣмецкому способу въ сухаряхъ циплятъ, разрѣзанныхъ пополамъ, съ варенымъ рисомъ, густо посыпаннымъ паприкой и шафраномъ. Пока мы ѣли, хозяйинъ то и дѣло подливалъ намъ вина, а хозяйка то и дѣло приносила намъ изъ кухни и изъ погреба все новыя и новыя кушанія: заливное изъ рыбы, поджаренный картофель, окорокъ

ветчины, ломти какой-то невѣдомой мнѣ зелени, напоминающей вкусомъ пастернакъ, а видомъ баклажаны, поджаренные въ кокосовомъ маслѣ, салатъ, крутыя яйца и сыръ, привезенный вѣроятно изъ Америки.

Добрый самарянинъ.

Ужинъ завершился сладкимъ пирогомъ и фруктами, причемъ хозяинъ, засвѣтивъ свѣчку, спустился въ погребъ и принесъ оттуда бутылку самаго стараго своего вина, которую, онъ сказалъ, былъ радъ откупорить въ честь такихъ дорогихъ гостей, и на этотъ разъ взять стулъ и сѣсть вмѣстѣ съ нами; хозяйка же подала всѣмъ троемъ бокалы, а сама не сажалась. Вино оказалось старымъ токайскимъ, весьма доброкачественнымъ. Однимъ словомъ, гостепріимство было полное, какимъ встрѣчаютъ дорогого гостя, близкаго друга, родного, а не чужого, а тѣмъ болѣе не иновѣрцевъ, чужеземцевъ, чуть ли не соперниковъ и враговъ.

Богословскій диспутъ.

— Какъ я радъ видѣть за своимъ столомъ католическаго священника, началъ пасторъ: у меня столько недоумѣнныхъ вопросовъ, которыхъ мнѣ хотѣлось бы вамъ предложить, и я увѣренъ, что вы не оставите ихъ безъ отвѣта?—Конечно, отвѣчалъ отецъ Ираклій.

Я молчалъ, мнѣ было очень интересно, что они будутъ говорить.

— Вы конечно позволите, что я со всею откровенностью буду высказываться? Вѣдь мое искреннее желаніе доискаться истины. Я окончилъ университетъ, прослушалъ спеціальные богословскіе курсы въ Санъ-Франциско, изучалъ всевозможные секты, но представьте себѣ—о католичествѣ имѣю самое смутное понятіе. Несмотря на мое желаніе, я ни разу въ жизни не имѣлъ случая поговорить съ католическимъ священникомъ. Все, что я слыхалъ или читалъ о католичествѣ, почерпнуто мною изъ протестантскихъ источниковъ, скажу прямо—до крайности враждебныхъ этой церкви. Я бы имъ вѣрилъ, если бы одни изъ этихъ источниковъ не опровергали другихъ. Изучая самыхъ серьезныхъ, напимѣрь—Платина, историка, я нахожу, что онъ отвергаетъ и разрушаетъ до основанія даже такія обвиненія, которыя единогласно выдавались всѣмъ протестантскимъ міромъ за непреложные факты. Это заставило меня измѣнить мой взглядъ на католическую церковь, къ которой принадлежать двѣ трети христіанъ вселенной.

— Три четверти, поправиль о. Иракліі.

— Тѣмъ болѣе это подчеркиваетъ мою мысль. Можемъ ли мы, подумалъ я, претендовать на то, что только мы одни, исповѣдывающіе англиканское вѣроученіе, принадлежимъ къ избраннымъ овцамъ добраго Пастыря? Неужели Господь пострадалъ ради однихъ англо-бриттовъ? Неисповѣдимы пути Господни, и я признаю, что во всякомъ народѣ боящійся Его и дѣлающій правду, пріятель Ему (Дѣяніе X 35). Господь пришелъ всѣхъ спасти, а не однихъ американцевъ и англосаксовъ, и потому я вѣрю, что во всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ, а тѣмъ болѣе въ самой обширной и всеобъемлющей Римско-католической церкви существуютъ души, за которыхъ Господь Иисусъ пролилъ свою драгоценную кровь. Такъ сказалъ пасторъ.

— Вы думаете по-христіански, сказалъ отецъ Иракліі, и такъ какъ вы поступаете по-христіански, то я не сомнѣваюсь, что Господь взыщетъ ваше сердце и отверзетъ вашъ умъ во еже разумѣти писанія. И я готовъ съ радостью отвѣчать на всѣ ваши вопросы.

Много званыхъ и мало избранныхъ.

Позвольте мнѣ вставить свое слово, сказалъ я. Конечно, Господь пришелъ призвать всѣ народы, но это вовсе не значитъ что всѣ народы пошли за Христомъ, и изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что всѣ религіи безразличны. Истина можетъ быть только одна, и Господь оставилъ намъ одну только истину: свое ученіе, сущность котораго Онъ резюмировалъ въ своей прощальной бесѣдѣ съ учениками: „Сія есть заповѣдь Моя да любите другъ друга“ (Ин. XV 12) и въ Своей первосвященнической молитвѣ: „Отче Святыи, соблюди ихъ во Имя Твое ихже далъ еси Мнѣ, да будутъ едино якоже Мы (Ин. XVII 11). Итакъ, наша обязанность какъ учениковъ Христовыхъ, любить другъ друга и пребывать въ единеніи вѣры, мирѣ и согласіи. Нарушать это единеніе уже не есть любовь. Если мы любимъ нашего Спасителя и желаемъ сдѣлать Ему угодное, то мы не должны безразлично относиться къ Его ученію, а стремиться къ тому, чтобы понять истинный смыслъ, заключающійся въ немъ, и проводить это ученіе въ жизнь. Мы здѣсь всѣ трое миссіонеры, я изъ васъ самый младшій и самый неопытный, но я знаю, что для того, чтобы учить другихъ, я долженъ самъ знать чему я учу и сознавать, что я учу согласно съ ученіемъ Христовымъ и подавать примѣръ тѣмъ, кого я учу въ исполненіи ученія Христова: и опять-таки, для того, чтобы

поступать правильно, я долженъ знать, чего Господь отъ меня требуетъ, чтобы не оказаться слѣпымъ вождемъ слѣпыхъ“.

Критерій вѣры.

— Вы правы, мой дорогой другъ, сказали англиканскій пасторъ. Но для этого мы имѣемъ вѣрнаго руководителя, святую Библию. Я учу тому, что есть въ Библии и поступаю такъ, какъ учить Библия. „А я, возразилъ я, не могу полагаться при чтеніи Библии ни на свой разумъ, ни на авторитетъ отдѣльныхъ лицъ въ родѣ Кальвина и Лютера, истолковывающихъ Евангеліе такъ, какъ имъ казалось удобнымъ, я руководствуюсь при этомъ авторитетомъ святыхъ отцовъ и святыхъ вселенскихъ соборовъ: какъ они понимали писаніе, такъ понимаю и я, и какъ они его толковали, такъ толкую и я“.

И у святыхъ отцовъ, сказалъ о. Ираклій, встрѣчаются иногда разномыслія въ частныхъ мнѣніяхъ, а также бываетъ, что самое писаніе ихъ даетъ поводъ къ разногласіямъ, одинъ видитъ въ нихъ одно, другой—другое. Самая терминологія языка измѣнялась съ вѣками и то, что было допустимымъ въ древности, показалось бы соблазнительнымъ теперь, послѣ точнаго опредѣленія вѣроченія. Но и вселенскіе соборы требуютъ прежде всего, чтобы Церковь признала ихъ вселенскими. Вѣдь на соборахъ, прочтите ихъ исторію, не всегда дѣло происходило гладко. Еретики нерѣдко созывали свои собственные соборы рядомъ съ настоящими и чей авторитетный голосъ рѣшалъ, который изъ нихъ настоящій? На ефесскомъ разбойничьемъ соборѣ присутствовали епископы со всего свѣта, были и представители предержавшей власти: однако вселенской Церковью былъ признанъ и принятъ не ефесскій разбой, а халкидонскій вселенскій соборъ, состоявшій почти исключительно изъ однихъ восточныхъ епископовъ. Недовольные и неправомудрствующіе отвергали постановленія вселенскихъ соборовъ, созывали свои разбойничьи, и однако послѣдніе отъ этого не становились вселенскими, а первые не теряли своего достоинства. Аріане, захватившіе полъ Европы, не признавали Никейскаго собора; Египеть, Сирія и Арменія отказались признать Халкидонскій. Константинопольская церковь долго не принимала второй Никейскій, до самаго возстановленія иконопочитанія.

Итакъ, дорогие собесѣдники, необходимо руководиться и при чтеніи писанія и при разборѣ святоотеческихъ твореній и въ практикѣ христіанской жизни голосомъ Церкви, которая ни сама ошибаться не можетъ, ни ввести въ заблужденіе своихъ членовъ,

такъ какъ по обѣтованію Спасителя, Онъ съ Нею пребываетъ до скончанія вѣка и непрестанно руководитъ Ею посредствомъ Святаго Своего Духа.

— Вы говорите про Римскую Церковь? сказалъ пасторъ.

Католикъ о католичествѣ.

— Я говорю про вселенскую, отвѣтилъ о. Ираклій, во главѣ которой стоитъ Римская и въ составъ которой входятъ все католическія церкви міра, находящіяся между собой въ общеніи вѣры и таинствъ. Вы говорили о народахъ: назовите хоть одинъ, который оказался бы внѣ общенія или вліянія католической церкви. Какъ бы ни сильна была ересь, какими бы путями не укрѣплялся расколъ, всегда во всякой странѣ, хотя въ лицѣ немногихъ представителей оставалось и остается зерно христіанъ католиковъ, какъ это было въ Англіи въ эпоху гоненій. И что же мы видимъ? Развѣ вся Англія принадлежитъ къ англиканской національной церкви, развѣ не существуетъ англичанъ католиковъ, составляющихъ англійскую католическую церковь? Развѣ все армяне принадлежатъ къ армяно-грегоріанскому исповѣданію? Развѣ не существуетъ армяно-католической такъ же, какъ и греко-католической церквей? Развѣ весь Египетъ составляетъ коптскую монофизитскую церковь? Развѣ нѣтъ коптовъ католиковъ? Итакъ, господа, христіанство дѣйствительно открыто народамъ всего міра и проповѣдывается всемъ языкамъ по всему свѣту и все народы приобщаются и могутъ приобщаться къ Христовой Церкви. Каждый имѣетъ возможность услышать и принять Христово ученіе изъ чистаго источника. Отъ дальняго Сѣвера Шпицбергена и Исландіи до южныхъ льдовъ, среди знойныхъ пустынь Аравіи и Судана въ нѣдрахъ Тибета и Конго, Лабрадора, Патагоніи и Австраліи отъ Гренландіи до Новой Зеландіи слышится благовѣстіе чистаго Христова ученія. Это то ученіе, которое католическая церковь проповѣдывала и ранѣе и которое осталось неизмѣннымъ отъ Апостоловъ до св. Августина и отъ св. Августина до нашихъ дней. Не думаете ли вы, что все церкви міра вмѣстѣ съ Римской вдругъ измѣнили свое ученіе и притомъ все одинаково, а Лютеръ, Кальвинъ и Виклефъ сохранили въ непорочности Апостольскую вѣру и притомъ все разное?

Православное ученіе сохранилось на Востокѣ.

„Ученіе вѣры, сказалъ я, сохранилось въ Восточной церкви неизмѣнно со временъ семи вселенскихъ соборовъ и каеоличность этого ученія Православной Церкви опредѣляется афоризмомъ

святого Викентія Лиринскаго: quod ubique, quod semper, quod ab omnibus. То во что вѣровалось всюду, всегда и всѣми...

— Опять здѣсь говорится, сказалъ о. Ираклій, о католикахъ. То во что вѣрила католическая церковь всегда, что она исповѣдывала повсюду, что проповѣдывалось всѣми ея отцами.

„Вы съуживаете опредѣленіе, сказалъ я.

— Судите сами, отвѣтилъ тотъ. Чуть не полъ христіанскаго міра во времена Арія отвергали единосущіе, а въ настоящее время протестантская часть христіанства отвергаетъ Евхаристическую Жертву, молитву за усопшихъ и почитаніе святыхъ. Итакъ, и этотъ афоризмъ надо понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ и былъ произнесенъ, т.-е. въ католическомъ: и только въ католической церкви онъ и оправдывается.

„А по моему онъ оправдывается въ Православной.

Поскольку Восточная греческая церковь, сказалъ о. Ираклій, сохранила ученіе древней католической, онъ оправдывается и въ ней, но тамъ, гдѣ она расходится съ католической, этотъ афоризмъ къ ней непримѣнимъ. Хотите я поясню примѣромъ?

Пожалуйста, сказалъ я.

Вопросъ о Пасхѣ.

— Древняя католическая церковь вѣровала и учила въ согласіи и единомысліи съ Римской, считавшейся столпомъ православія. Древняя, т.-е. до раздѣленія, восточная церковь праздновала Пасху со времени Никейскаго собора одновременно съ Римской. А теперь?

— Но позвольте! Разъ Римъ перемѣнилъ Пасхалию? Мы тутъ при чемъ? Мы остались вѣрны прежнему календарю и традиціи Никейскаго собора!

— Никейскій-то соборъ и положилъ праздновать Пасху одновременно съ Римской церковью. Помните его опредѣленія? Изслѣдовавъ дѣло о томъ, что всѣ подъ небомъ должны праздновать Пасху согласно, мы нашли, что три части вселенной согласно ее творять съ римлянами и александрійцами, въ одной только частицѣ востока поступаютъ иначе. Поэтому, отложивъ всѣ розыски и пренія, и противорѣчія, мы находимъ нужнымъ, чтобы восточные братья поступали такъ, какъ римляне и александрійцы, и всѣ остальные, дабы всѣ въ одинъ день единогласно возсылали молитвы въ святой день Пасхи.

— Видите, отецъ,—сказалъ я,—совершенно такимъ же авторитетомъ, какъ и Римская, пользуется и Александрійская Церковь, съ которой мы, восточные, и празднуемъ Пасху одновременно.

— Подъ александрійцами надо подразумѣвать александрійскихъ ученыхъ математиковъ и астрономовъ, — сказалъ хозяинъ дома.

— А это въ свою очередь показываетъ, что Пасхалія должна быть согласна съ природою, и Пасха должна совершаться въ ближайшее полнолуніе послѣ дѣйствительнаго равноденствія, а не фиктивнаго.

— И если бы римляне совершали Пасху, какъ предписано Никейскимъ соборомъ, вмѣстѣ съ александрійцами, то тѣмъ самымъ и мы оказались совершающими ее одновременно съ тѣми и другими, — сказалъ я.

Вопросъ пастора.

— Мы уклонились отъ главнаго, — сказалъ пасторъ, — видимо, въ вопросѣ календаря стоявшемъ на сторонѣ католическаго миссіонера. — А главное, по-моему, не вопросъ о вѣрѣ, главныя основанія котораго у насъ одинаковы и покоятся на Евангеліи, и не въ календарѣ, который не имѣетъ значенія для спасенія душъ, и не въ отвлеченномъ понятіи о церкви, которая обозначаетъ общество спасаемыхъ, а въ дѣйствительномъ примѣненіи его къ идеѣ благовѣстія Христова ученія на землѣ. И вотъ въ этомъ отношеніи я и хочу васъ спросить. Отвѣйте мнѣ: зачѣмъ въ этомъ царствѣ не отъ міра сего нуженъ папа? Спрашиваю именно съ практической стороны.

Преимущество чести и преимущество власти.

— Именно, — поддержалъ я протестанта. — Объясните намъ, о. Ираклій, для чего понадобилось преимущество чести римскаго епископа превратить въ преимущество власти?

— Охотно, — отвѣтилъ тотъ. — Только замѣчу, что превращенія никакого не произошло, такъ какъ преимущество чести Римской кафедры проистекало отъ преимущества власти того, кому Христосъ Богъ поручилъ утверждать своихъ братьевъ и пасти овецъ и агнцевъ, — того, кому Господь далъ ключи Царствія и преимущественную власть вязать и разрѣшать.

— Мы не просимъ у васъ богословскихъ объясненій, съ которыми мы уже знакомы, а только практическихъ. Мы знаемъ, какъ исторически развилась власть папы, и на эту тему спорить не желаемъ. Но намъ интересно знать: зачѣмъ католичеству нужно папство?

— Власть папы развилась исторически, это вѣрно, но въ принципѣ она существовала въ церкви всегда, со временъ апостольскихъ...

— Къ дѣлу, къ дѣлу,—перебилъ пасторъ,—видя, что миссіонеръ опять хотѣлъ перейти къ преимуществамъ Петра и доказывать его главенство.

Католическій миссіонеръ начинаетъ сердиться.

— Если хотите слушать, то слушайте все, а иначе я не стану и говорить,—разсердился о. Ираклій.—Или вы боитесь правды? Тогда я помолчу. А если хотите ее знать, то дайте высказать. По вознесеніи Христа апостолы образуютъ дружную семью, среди которыхъ тотчасъ же выдѣляется Петръ. Въ Дѣяніяхъ Петръ двадцать два раза выдвигается противъ прочихъ апостоловъ, и ни разу вы не встрѣтите: „Іаковъ и апостолы“, „Іоаннъ и одиннадцать“, а каждый разъ: „Петръ и апостолы, Петръ и одиннадцать, Петръ и бывшіе съ нимъ“. Ему вездѣ принадлежитъ инициатива какъ на избраніи двѣнадцатаго, на мѣсто Іуды Искаріота, такъ и на апостольскомъ соборѣ.

— А заключенія кому принадлежать? Не Іакову ли?—сказалъ я.

— Совершенно вѣрно. Св. Іаковъ, пользовавшійся среди апостоловъ большимъ авторитетомъ, какъ братъ Господень и епископъ Іерусалима...

— А почему не Петръ былъ поставленъ Христомъ на Іерусалимскую кафедру, разъ онъ первый и по-вашему главный?

— Потому что, по словамъ Златоуста, епископство Петра не ограничивалось однимъ Іерусалимомъ, а простиралось на всю вселенную... Но вы меня прервали. Св. Іаковъ, сказалъ я, далъ свое заключеніе на основаніи тѣхъ же словъ Петра. Симонъ изъяснилъ,—сказалъ Іаковъ,—а потому я полагаю... А вы, господа, хорошо помните, что именно Симонъ изъяснилъ? Позвольте вамъ повторить эти слова: *Viri fratres, vos scitis quoniam ab antiquis diebus Deus in nobis elegit per os meum audire gentes Verbum Evangelii et credere* (XV гл.). (Онъ цитировалъ по Вульгатѣ, по славянски текстъ этотъ читается такъ: „Мужи братіе, вы вѣсте, яко отъ дней первыхъ Богъ въ насъ избра усты моими услышати языкомъ слово благовѣстія и вѣровати“. Въ устахъ католическаго миссіонера текстъ этотъ принималъ какое-то ультрамонтанское значеніе, тогда какъ слова апостола Петра относились всего-навсего къ обращенію язычника Корнилія).

— Итакъ,—продолжалъ о. Ираклій,—въ апостольской об-

щинѣ на первомъ мѣстѣ стояли апостолы, изъ которыхъ трое, Иоаннъ, Іаковъ и Петръ, почитались столпами, а изъ этихъ трехъ не Іаковъ, братъ Господень, и не любимый ученикъ Господа Иоаннъ, а теплый вѣрою Петръ почитается корифеемъ и архонтомъ всего лика апостольскаго. Онъ является грознымъ судіей отступниковъ—Ананія и Сапфиры и Симона волхва, онъ же по преимуществу является чудотворцемъ и цѣлителемъ, воскрешаетъ мертвыхъ, исцѣляетъ больныхъ своею тѣнью, онъ же получаетъ откровеніе относительно принятія язычниковъ въ лоно Церкви.

Св. Петръ и св. Павелъ.

— Вы все говорите о Петрѣ, почему вы не упоминаете Павла?—спросилъ пасторъ.—Вѣдь онъ не менѣ Петра потрудился и почитался съ нимъ наравнѣ.

— Хотя Павелъ и болѣе Петра потрудился, но онъ не былъ изъ числа тѣхъ двѣнадцати, которые въ теченіе трехъ лѣтъ сопутствовали Христу, слушали Его ученіе, посылались на проповѣдь, участвовали на Тайной вечерѣ и были свидѣтелями Его страданій, смерти и воскресенія, и вознесенія, и сошествія Святаго Духа въ Сіонской горницѣ. А теперь позвольте продолжать дальше. Петръ приходитъ въ Римъ.

— Какъ-разъ я объ этомъ хотѣлъ васъ именно спросить!—воскликнулъ пасторъ.—Есть ли историческое доказательство, что Петръ былъ въ Римѣ?

— Вы никогда не были въ Римѣ?—спросилъ о. Ираклій.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ пасторъ,

— А вы, отецъ?—спросилъ онъ меня.

— Какъ же,—отвѣтилъ я.—И могу засвидѣтельствовать, что буквально каждый камень вѣчнаго города вопіетъ объ его присутствіи. Конечно, это все мѣстныя легенды и преданія, но разъ никакой другой городъ ихъ не оспариваетъ....

— Но кромѣ преданій развѣ древніе храмы на мѣстѣ Мармертинской тюрьмы и другихъ мѣстъ заключеній, страданій, распятія, погребенія Петра ни о чемъ не свидѣтельствуютъ? А домъ Пуденса, сенатора, у котораго жилъ Петръ, а катакомбы Прискилла, гдѣ Петръ крестилъ: „ubi Petrus baptizabat“, какъ значится въ древнѣйшихъ итинераріяхъ? Да, наконецъ, самыя святыя мощи апостола, которыя тамъ сохраняются, при чемъ они неоднократно переносились и перекладывались изъ одной раки въ другую еще въ древнѣйшія времена.

Вавилонъ новозавѣтный.

— Не говорю ужъ, что въ самомъ Священномъ Писаніи есть нѣсколько указаній на то, что Петръ былъ и скончался въ Римѣ. Первое--въ словахъ Христа, предзнаменующихъ крестную смерть апостола. Единственное преданіе о крестной смерти Петра существуетъ и записано въ Римѣ. Затѣмъ въ посланіи Петра указано, что оно написано изъ Вавилона, т.-е. Рима, по толкованію св. Иеронима, такъ какъ сирійскаго Вавилона въ то время не существовало, а Вавилономъ христіане называли Римъ,—сравните съ Апокалипсисомъ. Затѣмъ Павелъ отказывается до поры, до времени идти въ Римъ, не желая строить на чужомъ основаніи, такъ какъ тамъ уже проповѣдывалъ другой апостоль и притомъ такъ успѣшно, что „вѣра римлянъ возвѣщалась во всемъ мірѣ“. Кто же былъ этотъ апостоль, если не Петръ? Прибавьте къ этому, что путь Петра, какъ и путь Павла, шелъ изъ Неаполя въ Римъ (вѣрнѣе, изъ ПUTEOLY, предмѣстья Неаполя) и ознаменовался учрежденіемъ епархій и постройкой храмовъ, слѣды которыхъ сохранились и донынѣ, и многія каѳедры называютъ Петра и его ближайшихъ учениковъ своими основателями. Въ самомъ же Римѣ, начиная съ Петра, не прерывается цѣпь епископовъ, при чемъ первые изъ нихъ, Линъ, Клиръ и Климентъ, были рукоположены самимъ Петромъ, и Климентъ въ своихъ посланіяхъ называетъ себя третьимъ по Петрѣ. И вся Церковь, какъ западная, такъ и восточная, всегда считала Петра первымъ римскимъ епископомъ, а послѣдующихъ папъ—его преемниками.

О. Ираклій уклоняется отъ прямого отвѣта.

— Знаете, что, отецъ, вы все не даете отвѣта на нашъ прямой вопросъ, а стараетесь перевести разговоръ на догматическую почву, но мы спорить съ вами не желаемъ...

— Вы увидите, что я отвѣчаю именно то, что вамъ нужно: васъ интересуеть обоихъ вопросъ: нужно ли папство для того, чтобы Церковь могла выполнить завѣщанную ей Христомъ миссію? И отвѣчаю на это утвердительно, доказывая это исторически. Итакъ, иду дальше. Петръ прибываетъ въ Римъ, дѣлается епископомъ этого города и оставляетъ послѣ себя епископовъ, которые, въ свою очередь, пасутъ свою общину, но, въ отличіе отъ другихъ архіереевъ, наблюдаютъ за дѣйствіями всѣхъ другихъ своихъ собратій и являются крайнимъ авторитетомъ всего христіанскаго міра, какъ въ дѣлахъ вѣры, такъ и въ церковномъ управленіи, и это въ силу своего преемства отъ Петра.

— Докажите это фактами.

— Извольте. Климентъ написалъ посланія, пользующіяся громаднымъ авторитетомъ.

— Это еще не доказательство. И другіе отцы въ это время писали и пользовались немалымъ авторитетомъ,— сказалъ я,— напримѣръ, св. Ириней Ліонскій.

— Понятно, въ эпоху гоненій каждый епископъ дѣйствовалъ самостоятельно, и сношенія съ Римомъ были рѣдки, по все-таки существовали. Въ важныхъ случаяхъ епископы обращались къ своему римскому коллегѣ, который братски ихъ наставлялъ и разбиралъ ихъ распри.

— Отецъ, пожалуйста факты...

— Въ 189 году папа Викторъ, предписываетъ всѣмъ христіанскимъ церквамъ согласоваться съ обычаями Рима въ дѣлѣ празднованія Пасхи, при чемъ грозитъ непослушнымъ отлученіемъ. Св. Поликарпъ, уже престарѣлый епископъ Смирнскій, ученикъ Іоанна Богослова, предпринимаетъ путешествіе въ Римъ по этому случаю.

— Это дѣлаетъ честь Поликарпу, но ничего не доказываетъ. Напротивъ, извѣстно, что греки продолжали праздновать Пасху согласно своему обычаю, а не римскому вплоть до Никейскаго собора, опредѣленію котораго и подчинились, тогда какъ приказанію Виктора не покорились.

— Въ 258 году папа Діонисій требуетъ къ отвѣту Александрійскаго епископа, который ему безприкословно и повинуется.

— Какъ его звали?—спросилъ я.— Это что-то для меня ново

— Ираклій, какъ меня,—отвѣтилъ миссіонеръ.

Мы оба разсмѣялись.—Ну про вашего тезку вамъ лучше знать,—сказалъ пасторъ.

— Наступаетъ миръ Церкви и возаряется Константинъ, который переноситъ столицу въ Византію. Къ кому обращается Константинъ, язычскій еще въ то время императоръ, для переговоровъ объ устроеніи христіанской церкви? Къ папѣ Сильвестру.

— Очень понятно,—сказалъ я.—Римскій императоръ обращается къ Римскому епископу. Не съ діакономъ же было ему переговариваться.

— Съ нимъ же условливается относительно перваго вселенскаго собора, и вообще смотритъ на папу, какъ на главу всего христіанства.

— Это вы изъ апокрифической дарственной Константина говорите.

— Нѣтъ, не оттуда, а изъ историка Евсевія. Впрочемъ, если

дарственная подложна, то она все-же отвѣчала дѣйствительному отношенію императора къ папѣ, котораго онъ окружилъ почетомъ, котораго облекъ въ царскіе ризы и которому предоставилъ первое мѣсто въ своей Имперіи. Онъ строитъ въ Римѣ великолѣпныя базилики, и Римъ, который до этого былъ столицей языческихъ императоровъ, становится при Константинѣ столицей христіанства, а римскій епископъ становится какъ бы монархомъ церкви.

— Ну ужъ это слишкомъ! Это при Никейскомъ соборѣ!

— Именно. Благодаря собору и выдвинулась власть папы. Къ сожалѣнію, подлинныя акты собора не сохранились, а потому я не стану на нихъ ссылаться.

Взглядъ католика на вселенскіе соборы.

Вселенскіе соборы выдвигаютъ власть папы, потому что папа является защитникомъ праваго ученія, и всѣ правосмыслящіе группируются вокругъ папы. Еретики стараются сманить на свою сторону императора, въ чемъ очень часто успѣваютъ, но папа ихъ осуждаетъ и нисколько не боится императоровъ. Вотъ теперь и судите сами, выгодно ли отозвалось на христіанствѣ развитіе папской власти, или нѣтъ? Не будь папы, какойнибудь Юліанъ Отступникъ или Констанцій легко бы раскассировали негодныхъ ему архіереевъ, изъ угодныхъ устроили бы церковный совѣтъ и изъ ихъ среды поставили бы патріарха, всецѣло отъ нихъ зависящаго. Такъ впрочемъ византійскіе цари и дѣлали, только не удалось имъ совершенно исказить христіанство, такъ какъ папы зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлается на Востокѣ, и защищали православныхъ епископовъ, гонимыхъ властью. Если бы не было папы, аріанство восторжествовало бы, Никейскій соборъ былъ бы отвергнутъ, а св. Афанасій Великій осужденъ. Не будь папы, восторжествовалъ бы Діоскоръ, а Халкидонскій соборъ былъ бы отринутъ какъ еретическій. Не будь папы, иконоборчество восторжествовало бы и на Западѣ, и на Востокѣ, и искусство было бы осуждено, а не служило бы на славу церкви и религіи.

— Не будь седьмого вселенскаго собора,—сказалъ пасторъ,—не было бы иконопочитанія, и Востокъ и Западъ оказались бы протестантскими.

— Именно,—продолжалъ о. Ираклій, не замѣчая насмѣшки.

Папы не исполнили своего назначенія.

— И все-таки,—сказалъ я,—папы не сумѣли отстоять Востока, а, напротивъ, вооружили противъ себя всѣ церкви Азіи, Африки и сѣверной Европы и послужили для многихъ камнемъ соблазна

и раздѣленія: если бы не папы, не было бы и раздѣленія церквей.

— Я съ вами не согласенъ,—сказалъ о. Ираклій.—Раздѣленіе произошло въ нѣдрахъ Восточной церкви, при чемъ часть ее осталась въ общеніи съ Западомъ, а Запада она не коснулась вовсе. Развѣ имѣла какое-нибудь значеніе для Запада ссора Фотія со св. Игнатіемъ или Михаила Керулларія съ папскими легатами? Британская церковь или Испанская или Галльская даже не подозрѣвали, что гдѣ-то на Востокѣ происходитъ расколъ...

— И что папа воспользуется этими смугами,—сказалъ пасторъ,—чтобы подчинить себѣ восточныя церкви, какъ уже сдѣлалъ съ западными.

— И обратить первенство чести въ первенство власти,—привавиль я.

Вы опять повторяете вашу фразу,—сказалъ о. Ираклій.—Ключи, данныя св. Петру, означаютъ, по-вашему, честь или власть?

Ключи Петра и ключи епископовъ.

— Наконецъ-то вы подошли къ нашему вопросу,—сказалъ улыбаясь, пасторъ, весьма хладнокровно разговаривавшій, тогда какъ о. Ираклій уже начиналъ волноваться.—Докажите что эта „власть“ нужна для проведенія христіанской идеи въ міръ, и тогда пусть она принадлежитъ святому Петру и его преемникамъ.

— Съ удовольствіемъ. Въ любомъ обществѣ, въ любомъ собраніи всегда бываетъ президентъ или предсѣдатель. Въ каждомъ государствѣ бываетъ монархъ, а въ республикѣ—президентъ. Тѣмъ болѣе въ арміи необходимъ главнокомандующій. Церковь есть армія и не можетъ существовать безъ центральной власти. Спрошу я васъ—и онъ обратился ко мнѣ: преимущество митрополита передъ епископами есть преимущество чести или власти?

— У насъ въ Россіи только чести,—отвѣтилъ я.

— А преимущество синода?

— Да, по это—коллективъ.

— Коллективъ, подчиненный въ свою очередь свѣтской власти. Иерархи пользуются въ отдѣльности преимуществами чести, въ совокупности же подчинены свѣтскому лицу, имѣющему преимущество власти. Такъ не лучше ли, чтобы, это преимущество власти принадлежало духовному лицу а не свѣтскому, монарху духовному, а не монархини свѣтской, какъ въ Англіи, коллегіи кардиналовъ, возглавленныхъ архіереемъ римскимъ, чѣмъ коллегіи свѣтской, парламенту, или что тоже коллегіи хотя бы духовныхъ, но избираемыхъ и назначаемыхъ туда свѣтскимъ лицомъ

и ведущихъ только тѣ дѣла, которыя онъ предложитъ, и рѣшающихъ ихъ такъ, какъ тому угодно, или иначе онъ поставитъ надъ рѣшеніемъ свое veto?

Патріархи.

— Вы забываете о патріархахъ, замѣтилъ я.—То, о чемъ вы говорите,—относятъ, хотя и неправильно, обычно только къ русской церкви, а на Востокѣ еще существуютъ патріархи, какъ были прежде у насъ.

— А патріаршее достоинство, по-вашему, преимущество чести или власти? Развѣ Никонъ могъ провести свою реформу, если бы ваши архіереи не были бы ему подчинены? Что же касается константинопольскаго, то соплюсь на 28 правило халкидонскаго собора, которое было, кстати сказать, отвергнуто папами. Въ этомъ правилѣ константинопольскій патріархъ домогается равныхъ правъ и преимуществъ съ Римскимъ. Какихъ: чести или власти? Ясно, что власти, такъ какъ права означаютъ власть, а честь онъ уже имѣлъ раньше, какъ второй, но папа больше этой чести ожидать не могъ. Но разъ онъ домогался этихъ преимуществъ, то очевидно, что они существовали.

Въ чемъ самая сущность различій воззрѣній католическаго и православнаго?

— Я не спору относительно власти патріарховъ, и мнѣ кажется, что я могу въ точности опредѣлить ту черту, которая раздѣляетъ католическое воззрѣніе отъ православнаго, и притомъ замѣтите, что я скажу: общаго католическаго воззрѣнія, раздѣляемаго не только крайними, но положительно всѣми западными отъ наиболѣе благопріятнаго по католичеству воззрѣнія самыхъ терпимыхъ къ католичеству православныхъ, которые не видятъ въ католичествѣ ереси, а въ римской церкви—вавилонской блудницы, простите за выраженіе. Вотъ эта черта: папа — патріархъ Запада. Ультрамонтанскій взглядъ дѣласть изъ него какъ бы единственнаго патріарха всего свѣта, распространяя его патріаршую власть за предѣлы Латинскаго міра на весь христіанскій міръ. По опредѣленію Ватиканскаго Собора, папа по всей вселенной пользуется полнотою архіерейской власти, являясь законнымъ и правильнымъ Архипастыремъ всего свѣта въ цѣломъ и каждой епархіи, монастыря и прихода въ отдѣльности: епископы католическіе дѣйствуютъ не только „Благодатію Божіею“, но и „Милостью Апостольскаго Престола“. Не такъ ли? Православный же взглядъ (и, опять повторяю, самый мягкій и терпимый), что

пана, патріархъ Запада, но отнюдь не Востока. Пусть онъ имѣтъ, согласно обычаю и законамъ, первенство, но первенство шагъ еще не означаетъ первенства власти. Востокъ имѣтъ своихъ патріарховъ, и замѣтите: патріархъ всего Востока, какъ и патріархъ всего Запада, является законнымъ преемникомъ и намѣстникомъ того же верховнаго Апостола Петра, каѳедру котораго въ Антиохіи вы сами признаете. Патріархъ Александрійскій, преемникъ святого Евангелиста Марка, поставленнаго и посланнаго на эту каѳедру святымъ Петромъ, также является въ нѣкоторомъ родѣ намѣстникомъ Петра,—точнѣе, преемникомъ его намѣстника. Вселенскіе соборы прибавляютъ къ тремъ патріархамъ „Петрова“ происхожденія еще двухъ: преемника Іакова Іерусалимскаго и св. Андрея, брата Петра. Какъ святой Андрей въ чинѣ апостольскомъ всегда упоминается на первомъ мѣстѣ вмѣстѣ съ Петромъ, такъ и его преемникъ получилъ въ рангѣ епископовъ второе мѣсто, а преемникъ св. Іакова — пятое. Но патріархъ, несмотря на всѣ свои преимущества, ограниченныя предѣлами патріархата, все-же не имѣтъ, кромѣ какъ въ своей, ни въ одной изъ подвѣдомственныхъ ему епархій, епископской власти и юрисдикціи. И если свой патріархъ этого не имѣтъ, то можемъ ли мы помириться съ тѣмъ, чтобы этой властью пользовался у насъ чужой, чужеземный и чужеобрядный?

Римъ и Іерусалимъ.

— Вы совершенно вѣрно опредѣлили эти два міровоззрѣнія. — сказалъ пасторъ,—но вы умалчиваете о третьемъ, протестантскомъ.

— Простите, я еще не докончилъ своей мысли. И что же мы видимъ? Востокъ уступаетъ западному первенство чести, но западному этого мало: онъ требуетъ полнаго подчиненія восточныхъ наравнѣ съ тѣми, кто ему канонически подчиненъ, какъ патріарху, и въ то время, какъ восточные патріархи его превозносятъ и почитаютъ какъ старшаго брата, онъ забываетъ, что братъ, хоть и старшій, все-же не отецъ и умаляетъ достоинство своихъ коллегъ-патріарховъ, унижая ихъ передъ своими „сыновьями“—кардиналами, пресвитерами и діаконами Римской церкви. Западному мало, что Римъ пользуется первенствомъ каѳедры. Онъ объявляетъ свою церковь Матерью и Магистрой всѣхъ церквей міра! Развѣ это справедливо? Развѣ не Іерусалимская церковь есть мать всѣхъ церквей вселенной? Развѣ не отъ нея онѣ получили начало? Развѣ не Іерусалимъ, въ которомъ принесъ крестную жертву Архіерей Вышній и Вѣчный, является истинной столицей христіанства? Развѣ не въ Іерусалимѣ въ Сіонской гор-

ницѣ сошелъ Св. Духъ на апостоловъ и не Сіонская ли горница, въ которой совершена была Тайная вечеря, является храмомъ храмовъ вселенской Церкви? Не отсюда ли началось благовѣстіе и не о ней ли пророчески восклицаетъ псалмопѣвецъ, называя ее Матерью: Мати Сіонъ рече: человекъ и человекъ родися намъ! (Пс. LXXXVI 5), не ей ли приличествуетъ званіе Магистры? Римскому же епископу, оказывается, недостаточно чести зваться преемникомъ св. Петра. Онъ почему-то скрѣпляетъ свои буллы словами: властію святыхъ апостоль Петра и Павла, т.-е. приписываетъ себѣ совокупность власти обоихъ, вѣроятно, для того, чтобы имѣть право употреблять выраженіе, никогда не употреблявшееся св. Петромъ, но употребляемое св. Павломъ: „такъ я повелѣваю по всемъ церквамъ“. И хоть все епископы преемники апостоловъ, но одинъ Римскій считаетъ себя апостоломъ и даже первоверховнымъ. Судите сами, могутъ ли восточные патріархи, такіе же намѣстники апостольскихъ престоловъ, на это согласиться?

Отвѣтъ католическаго миссіонера.

— Позвольте, наконецъ, отвѣтить: вы такъ много наговорили, что я не знаю, съ чего начать отвѣчать. Вы правильно изволили выразиться на счетъ того, какъ католики понимаютъ папскую власть. Дѣйствительно, они совершенно отождествляютъ ее съ апостольской и не ограничиваютъ ее предѣлами патріархата, приматства, митрополіи или Римской епархіи. Въ каждомъ изъ этихъ предѣловъ папа дѣйствуетъ соотвѣтственно положенію, но во всемъ мірѣ дѣйствуетъ, какъ папа.

Власть свѣтская и власть духовная.

— Вотъ это-то и плохо, — сказалъ протестантскій пасторъ.

— Для кого плохо? — возразилъ о. Ираклій. — Плохо для враговъ католической церкви, а для нее самой, это — сила, которая охраняетъ ея цѣльность и ея единство. Власть папы кажется чрезвычайной, но кому? Только тѣмъ, которые ее не испытываютъ, а для католиковъ она нисколько не тягостна. Напротивъ, католическіе епископы, т.-е. какъ-разъ тѣ лица, которые могли бы на нее претендовать, не только на нее не жалуются, а всеми мѣрами стараются, какъ это показалъ послѣдній вселенскій соборъ, еще болѣе и болѣе возвеличить. Согласитесь, что если бы они ею тяготились, такъ старались бы отъ нея избавиться, а между тѣмъ мы видимъ обратное. Читайте исторію! Отторгали епископовъ отъ Рима и создавали національныя церкви всегда свѣтскіе правители, для усиленія своей собственной власти. Сектанты и ереси-

архи изъ недоучившихся и порочныхъ священниковъ никогда не находили себѣ поддержки среди епископовъ, а искали ее у бароновъ и герцоговъ.

„Каменная стѣна“...

— Епископы католическіе чувствуютъ себя за папой, какъ за каменной стѣной. Они независимы отъ свѣтской власти, свободно правятъ своей епархіей, разѣзжаютъ по ней для визитаціи приходо- вѣ, когда и сколько хотятъ, строятъ церкви и ставятъ клири- ковъ, открываютъ школы и пріюты, судятъ клириковъ и лаиковъ, созываютъ сѣзды, — то, что называется у насъ епархіальными си- нодами, а митрополиты — соборы. Они могутъ навѣщать другъ- друга, брать отпуска для заграничнаго путешествія, посѣщать Римъ отъ времени до времени для нихъ обязательно; ихъ никто не въ правѣ низложить, перемѣстить, лишить катедры или отпра- вить на покой. Въ случаѣ чего, ихъ судитъ соборъ, но они всегда могутъ апеллировать въ Римъ. Митрополиты, которымъ чаще, чѣмъ простымъ епископамъ, приходится имѣть дѣло съ граждан- ской властью, чувствуютъ себя сильными опять-таки благодаря папѣ, который не даетъ ихъ въ обиду. Въ католической церкви до 300 митрополитовъ, и каждый изъ нихъ лично переписывается съ папой, котораго именно, какъ вы сказали, они зовутъ не отцомъ, а, старшимъ братомъ. Вы чувствуете, какая это сила?

Спорный вопросъ.

— Наконецъ, патріархи католическіе тоже не чувствуютъ тяжкаго ига папскаго и нисколько не считаютъ себя обиженными. Вы вѣдь были на Востокѣ и видѣли ихъ на мѣстѣ и могли срав- нить ихъ положеніе передъ не католическими...

— Ну ужъ позвольте, — не вытерпѣлъ я. — Вы хотите сказать, что въ политическомъ отношеніи ваши независимѣе православ- ныхъ?

— Да, что они остаются на мѣстахъ до самой смерти, никто ихъ не увольняетъ на покой, не требуетъ ихъ отставки и не вмѣшивается въ ихъ распоряженія.

— А въ духовномъ они зависятъ отъ апостольскаго делегата и отъ конгрегаціи пропаганды восточныхъ обрядовъ! И ихъ по пяти человекъ различныхъ обрядовъ въ одномъ городѣ и съ однимъ титуломъ, и объединяетъ ихъ и правитъ ими латинскій архіепископъ.

* Отецъ Ираклій не нашелся, что на это отвѣтить, и замѣтилъ, что намъ пора поблагодарить хозяина и ѣхать. Мы поднялись,

еще разъ отклонили любезное предложеніе переночевать, поблагодарили пастора и его жену, при чемъ о. Ираклій пригласилъ ихъ посѣтить миссію въ Гонолулу, и отправились въ обратный путь.

Дорогой о. Ираклій хотѣлъ-было продолжить недоконченный разговоръ, но я клевалъ носомъ и заснулъ въ экипажѣ, а когда очнулся, то мы уже стояли передъ воротами миссіи.

Я тотчасъ же отправился спать, а о. Ираклій,—я видѣлъ, несмотря на поздній часъ,—направился къ епископу, чтобы повѣдать ему о результатѣ поѣздки.

Пятый день.

Утромъ я былъ разбуженъ стукомъ въ дверь. На мое „войдите“ показался о. Ираклій, бодрый и улыбающійся.

— Простите, что я васъ разбудилъ, но я не счелъ себя въ правѣ уѣхать не предупредивъ васъ и не предложивъ вамъ ѣхать со мною... Я ѣду на острова.

Пожалуйста, отецъ, черезъ минуту я буду готовъ. не уѣзжайте безъ меня.

— Я поэтому васъ и побезпокоилъ, хотя зналъ, что вы еще не успѣли отдохнуть,—сказалъ миссіонеръ.

— О нѣтъ, я отлично выспался и очень благодарю васъ, что вы меня подняли.

Окатившись холодной водой и мигомъ одѣвшись я черезъ десять минутъ уже былъ готовъ и вмѣстѣ съ о. Иракліемъ направился къ пристани, гдѣ насъ ждала лодка, или, вѣрнѣе, челнокъ, выдолбленный изъ цѣльнаго дерева. Для устойчивости по бокамъ его были подвязаны толстыя жерди. На носу сидѣлъ гребецъ.

Въ тихоокеанской пирогѣ.

— Смотрите,—сказалъ миссіонеръ, усаживаясь на кормъ и сажая меня на скамью устроенную посрединѣ челнока,—это—обыкновенная пирога, которой еще пользовались предки нашихъ гавайцевъ и пользуются донинѣ всѣ островитяне Тихаго океана. Цивилизація гавайцевъ не коснулась ихъ и не измѣнила ихъ прежней формы. И это потому, что они очень удобны и быстроходны. А вы умѣете плавать?—вдругъ неожиданно спросилъ онъ меня.

— Какъ же,—отвѣтилъ я, улыбаясь,—умѣю.

— Это хорошо,—спокойно сказалъ онъ.—А то эти пироги ужасно неустойчивы, это ихъ единственный недостатокъ. При малѣйшемъ движеніи они кувыркаются. Если путешествіе въ нихъ продолжительно, а погода свѣжая, такъ за одинъ рейсъ случается два—три раза выкупаться.

Я ничего не отвѣтилъ, но на всякій случай сталъ снимать сапоги.

— Что это вы дѣлаете?—спросилъ миссіонеръ.

— Приготовляюсь къ обѣщанному вами купанью. Я въ сапогахъ не умѣю плавать.

Онъ расхохотался.—Я просто пошутилъ,—сказалъ онъ.—И я тоже,—отвѣтилъ я, смѣясь, и снова обулся.—А теперь давайте говорить серьезно: куда вы меня везете?

— На острова Тахура, Нигау, Мундопоману и другіе, на западъ отъ нихъ. Владыка поручилъ мнѣ ихъ объѣхать, а самъ, какъ я и предполагалъ, отправился къ китайцамъ, захвативъ съ собой слѣплого брата, который знаетъ китайскій языкъ, и будетъ имъ проповѣдывать на ихъ родномъ языкѣ.

Акулы.

— Это что за нарядныя рыбы плывутъ за нами, почти касаясь нашего челнока?—спросилъ я.—Неужели дельфины?

— Нѣтъ, это—акулы. Пятнистыя акулы или морскіе тигры, самый свирѣпый изъ видовъ.

— Жалко, что нѣтъ ружья, ихъ бы слѣдовало пристрѣлить.

— Намъ, духовнымъ, неприлично заниматься охотой и возбраняется проливать кровь животныхъ, даже хищниковъ, развѣ только защищаясь отъ нихъ. Да притомъ ихъ здѣсь такъ много, что на мѣсто убитыхъ сейчасъ же появятся новыя. А слѣдовало бы ихъ уничтожать, они причиняютъ немало вреда, истребляя рыбу и представляя постоянную опасность купающимся. Но гавайцы боятся нападать на нихъ. Суевѣрный страхъ, остатокъ языческихъ вѣрованій, заставляетъ ихъ щадить этихъ хищниковъ. Вотъ полюбуйтесь, нашъ проводникъ-гаваецъ вооруженъ револьверомъ, но онъ охотнѣе застрѣлитъ насъ съ вами, чѣмъ этихъ чудовищъ.

Нашъ челнокъ плавно неся по тихой поверхности моря. Солнце стояло еще невысоко надъ горизонтомъ и свѣтило намъ въ спину, такъ какъ мы плыли на западъ. Вдали показался пароходъ весьма примитивной конструкціи.

— Отчего мы не пользуемся пароходомъ?—спросилъ я.— Вѣдь это, вѣроятно, мѣстный пароходикъ, совершающій рейсы между островами?

— Вы отгадали,—отвѣтилъ о. Ираклій.—Но сейчасъ онъ останавливается въ разныхъ гаваняхъ нашего острова Оагу. и это взяло бы у насъ слишкомъ много времени. Мы плывемъ

прямо и будемъ раньше его въ Тахурѣ, и тамъ на него пересѣдемъ, если успѣемъ сдѣлать свое дѣло. А не успѣемъ—догонимъ его на слѣдующемъ островѣ, Нигау.

Въ погонѣ за пароходомъ.

— Такъ это челнокъ будетъ догонять пароходъ? Интересно!—сказалъ я.

— Пароходъ въ Нигау стоитъ 6 часовъ и пускается въ обратный путь уже вечеромъ, при чемъ идетъ прямо въ Гонолулу. А теперь передъ нами два часа времени, давайте читать бревіарій.

— Это будетъ довольно трудно,—сказалъ я,—челнокъ ка часть хоть и легко, но все-же въ немъ даже усидѣть становится трудно, не то что читать, да и солнце печетъ такъ ярко, что глазамъ больно. Почему вы не откроете вашъ зонтикъ?

— Потому что, если я его открою, мы моментально отправимся къ акуламъ, да и ходъ онъ замедлитъ. А давайте лучше, вотъ тутъ запасныя весла, поможемъ гребцу. У насъ пирога пойдетъ втрое скорѣе. Только осторожнѣе нагибайтесь, не поворачивайтесь, а то опрокинете челнокъ, мы будемъ грести впередъ, а не назадъ; вы сумѣете?—Попробую,—отвѣтилъ я и взялъ весла.

Дѣйствительно, челнокъ полетѣлъ, какъ стрѣла, по гребнямъ волнъ, качки не стало совсѣмъ замѣтно, но зато намъ стало нестерпимо жарко. Не прошло и часу, какъ мы врѣзались въ песчаную отмель Тахуры, гдѣ нѣсколько островитянъ въ причудливыхъ костюмахъ выбѣжали намъ навстрѣчу.

Островъ Тахура.

Мужчины были во фракахъ, бѣлыхъ жилеткахъ, бѣлыхъ галстукахъ и клѣтчатыхъ панталонахъ, но босые. На головѣ у нихъ красовались цилиндры, а въ рукахъ тросточки. Дамы были въ бальныхъ платьяхъ съ трэномъ, съ корсетомъ послѣдней парижской моды сверхъ лифа, съ перьями въ головѣ и вѣерами въ правой рукѣ, и тоже босыя. И тѣ и другіе, какъ есть въ полномъ парадѣ, бросились въ воду намъ навстрѣчу и, стащивъ нашу широгу съ отмели, причалили ее къ берегу. Мы вышли на берегъ и каналы (уроженцы острововъ) насъ обступили. Одинъ изъ мужчинъ, какъ я послѣ узналъ, староста мѣстечка, носившій въ знакъ своего высокаго званія два цилиндра, вмѣсто одного, одинъ на другомъ, произнесъ привѣтственную рѣчь, во время которой я кусалъ себѣ губы, чтобы не расхохотаться. Представьте себѣ босую фигуру, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, съ котораго со всѣхъ сторонъ капаетъ вода, и двойнымъ цилиндромъ на головѣ!

Миссіонеръ наскоро пожалъ всѣмъ руки, поблагодарилъ за встрѣчу и направился въ ближайшій домикъ, гдѣ уже все было приготовлено для богослуженія. Одинъ изъ канаковъ уже принесъ туда чемоданъ о. Ираклія и его походный алтарь, и разложили все на столикъ. Не теряя времени, о. Ираклій сталъ служить обѣдню, за которой всѣ присутствующіе причащались. Вотъ почему всѣ были въ парадѣ. Послѣ обѣдни я ожидалъ долгой проповѣди, но о. Ираклій ограничился нѣсколькими ободряющими словами къ населенію, послѣ чего совершилъ нѣсколько требъ: обвѣнчалъ двѣ пары, крестилъ младенцевъ и совершилъ литію по усопшимъ. Меня удивило, что онъ не выслушалъ ни одной исповѣди. Спросивъ, нѣтъ ли больныхъ, и получивъ отрицательный отвѣтъ, о. Ираклій велѣлъ собрать свои вещи и отнести на пристань. Староста пригласилъ насъ къ себѣ позавтракать. На открытомъ балконѣ, въ тѣни пальмъ, былъ накрытъ столъ, уставленный фруктами. вмѣсто тарелокъ лежали круглые банановые листья, а чашки были европейскія. Въ чашкахъ былъ налить густой шоколадъ, весьма ароматичный, только совсѣмъ не сладкій, такъ что въ него, какъ въ чай, пришлось положить сахару. Хлѣбъ отсутствовалъ, вмѣсто него хозяинъ предложилъ ломти какого-то плода, поджаренные на рошпорѣ, въ видѣ гренковъ. Я послѣ только догадался, что это были плоды хлѣбнаго дерева, и сожалѣю, что не обратилъ на нихъ въ то время должнаго вниманія.

Мѣстная хроника.

За завтракомъ, за которымъ присутствовали канаки, но не сѣли изъ уваженія къ миссіонеру, староста ихъ разсказывалъ о. Ираклію происшествія за послѣдній мѣсяцъ его отсутствія. Дѣла были самыя разнообразныя, но, что меня поразило, это то, что не было ни одной кляузы, ни одной ссоры, ни одного преступленія. Очевидно, народъ жилъ въ полномъ довольствѣ и не желалъ ничего лучшаго. Хроника мѣстныхъ событій состояла въ томъ, какъ праздновали лѣтніе каникулы, кто взялъ призъ на гонкахъ и въ плаваніи, какую громадную рыбу поймали въ сѣти и свезли въ подарокъ королевѣ, какъ желательно было бы завести свою школу, а то дѣти, которыя учатся въ Гонолулу, видятъ недобрые примѣры. Отецъ Ираклій давалъ совѣты, обнадеживалъ насчетъ школы. Вдругъ послышался гудокъ парохода. О. Ираклій торопливо всталъ и позвалъ меня, говоря, что пароходъ здѣсь стоитъ всего „одинъ мигъ“, выпустивъ и принявъ пассажировъ, моментально трогается дальше. Я наскоро допилъ чашку и, пожавъ руку старостѣ, бросился догонять о. Ираклія

Но спѣшить не было необходимости. Пароходъ простоялъ тутъ четверть часа; провозать насъ вышло все населеніе и устроило о. Ираклію овацію, закидавъ его цвѣтами.

На пароходѣ.

Когда пароходъ тронулся, я замѣтилъ за кормой привязанную широгу, въ которой сидѣлъ нашъ гребецъ. Пароходикъ былъ небольшой, напоминалъ наши рѣчные, финляндскаго пароходства. На рулѣ стоялъ штурманъ, а механикъ въ своемъ углубленіи спокойно сидѣлъ на скамейкѣ и читалъ, улыбаясь про себя, англійскій еженедѣльный юмористическій журналъ „Tit - Bits“. О. Иракліи нашель на пароходѣ своихъ знакомыхъ и завелъ съ ними разговоръ. Отъ жары черезъ весь пароходъ былъ накинута тентъ. Качки совсѣмъ не чувствовалось. Ко мнѣ подошла группа молодыхъ людей въ сюртукахъ и цилиндрахъ, несмотря на жару. По воротникамъ я принялъ ихъ за англиканскихъ духовныхъ, но это оказались ученики іезуитскаго коллегіума въ Сиднеѣ, прибывшіе сюда на лѣтніе каникулы. Они очень вѣжливо рекомендовались и какъ-то до приторности учтиво разговаривали, съ какимъ-то утрированнымъ вниманіемъ вслушиваясь въ каждое мое слово. Они очень интересовались Россіей и русской церковью, и я, сколько могъ, удовлетворилъ ихъ любопытство, рассказывая о вѣрѣ народа, о паломничествахъ, о преподобномъ Сергіи Радонежскомъ, о кіевскихъ пещерахъ и о кронштадтскомъ пастырѣ. Такимъ образомъ мы доѣхали до другого острова.

Островъ Нигау.

Выйди на пристань, мы разстались съ іезуитами и прошли вдвоемъ съ о. Иракліемъ къ его пасомымъ, которые, очевидно, его не ждали, такъ какъ не выходили встрѣчать. Дорогой я спросилъ о. Ираклія, почему въ Тахурѣ онъ никого не исповѣдывалъ и причащалъ безъ исповѣди, хотя болѣе мѣсяца тамъ не былъ.

— Это новообращенные,—отвѣтилъ о. миссіонеръ. —Всего два года, какъ они приняли Христово ученіе. Когда въ прошломъ году владыка къ нимъ пріѣзжалъ и предложилъ имъ исповѣдаться, они съ изумленіемъ ему отвѣтили: „Неужели вы думаете, что мы такіе благодарные къ Богу, что станемъ грѣшить послѣ того, что сподобились омыться водою крещенія отъ нашихъ презннихъ грѣховъ и сдѣлаться дѣтьми Божиими?“ Это—островъ святыхъ. Если кому-нибудь случится огорчить ближняго, онъ тотчасъ же просить у него прощенія. Если двое поссорятся, то

до заката солнца непременно помирятся. Совѣсть у нихъ ужасно чуткая, чистота нравовъ удивительная. Они и дѣтей такъ воспитываютъ: въ страхъ Божіемъ и взаимной любви. Мы ихъ представляемъ самимъ себѣ, такъ какъ боимся, что излишній контактъ съ европейцами и вліяніе на нихъ европейской цивилизаціи можетъ только повредить ихъ самобытности и простотѣ нравовъ. Наши священники навѣщаютъ ихъ каждый мѣсяцъ и снабжаютъ книгами и учебниками, совершаютъ требы и разъ въ годъ заставляютъ открывать совѣсть на исповѣди. Совершенную противоположность представляютъ канаки сосѣдняго съ ними острова Нагау, на который мы сейтасъ вступили. Это настоящіе разбойники.

Бывшій миссіонеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

VI.

Миссіонерская хроника.

Изъ жизни Иркутской миссіи.

Миссіонерскій Комитетъ въ засѣданіи своемъ 29 іюня с. г., подъ предсѣдательствомъ Высокопреосвященнѣйшаго Іоанна, Архіепископа Иркутскаго и Верхотурскаго, въ присутствіи Преосвященнаго Мелетія, Епископа Забайкальскаго, и прот. о. І. І. Восторгова, имѣлъ сужденіе по содержанію словеснаго доклада о. Восторгова по вопросамъ внѣшней и внутренней миссіи. Среди многихъ вопросовъ были разрѣшены слѣдующіе:

1) Въ виду наблюдающагося за послѣднее время значительнаго упадка притока матеріальныхъ средствъ на содержаніе миссіи, главнымъ образомъ орудія кружечныхъ и тарелочныхъ церковныхъ сборовъ, производимыхъ въ установленное для того время, что вынуждаетъ совѣтъ миссіонерскаго общества сокращать ежегодные кредиты на содержаніе миссій до 50%, комитетъ призналъ необходимымъ просить оо. настоятелей неопустительно приглашать пасомыхъ къ пожертвованіямъ на дѣло миссіи въ теченіе всей первой седмицы Великаго поста и самую педѣлю Православія, не ограничиваясь при этомъ вывѣшиваніемъ на дверяхъ храма воззванія, а возможно шире разъясняя пасомымъ цѣли и задачи миссіи и тѣ трудныя условія, въ которыхъ протекаетъ жизнь и работа дѣятелей миссіи. Оо. благочинныхъ просить убѣдительно располагать оо. настоятелей церковей къ возможно большому сбору кружками по церквамъ и листами въ теченіе года. Кромѣ того, просить Его Высокопреосвященство разрѣшить производство кружечнаго и тарелочнаго сбора по церквамъ епархіи ежегодно въ день Святителя Иннокентія — 26-го ноября;

2) въ цѣляхъ возможно широкаго ознакомленія населенія съ задачами миссіонерскаго дѣла и условіями, въ которыхъ протекаетъ работа дѣятелей миссіи, организовать въ Иркутскѣ и уѣздныхъ городахъ епархіи, а также въ такихъ наиболѣе населенныхъ пунктахъ, какъ селенія; Тулунъ, Зима, Слюдянка и т. п., чтенія, по образцу устраиваемыхъ совѣтомъ миссіонерскаго обще-

ства въ Москвѣ съ показываніемъ свѣтовыхъ картинъ и раздачей миссіонерскихъ листовъ. Картины и брошюры для чтеній просить выслать Совѣтъ общества; 3) для увеличенія средствъ миссіи озаботиться пріобрѣтеніемъ особыхъ земельныхъ участковъ по епархіи, каковыя могли бы быть воздѣлываемы съ миссіонерскими цѣлями или, когда будетъ нужно, уступлены для предполагаемыхъ въ епархіи миссіонерскихъ монастырей; 4) для ходатайства объ отпускѣ средствъ на содержаніе миссій, каковое въ недалекомъ будущемъ имѣетъ возбудить Совѣтъ православнаго миссіонерскаго общества предъ Государственной Думой, — составить подробный планъ-смѣту потребныхъ на содержаніе Иркутской миссіи суммъ въ годъ, съ указаніемъ содержанія начальнику миссіи, его помощнику, на школы (начальныя, катихизаторскую), пансіонеровъ, содержаніе церквей, причтовыхъ домовъ, развѣздного причта изъ инородцевъ и катихизатора и т. д.

12-го іюля засѣданіе комитета происходило въ присутствіи почетнаго члена комитета, члена совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія, профессора А. М. Позднѣва, предложившаго обсужденію вопросъ о томъ, насколько въ настоящее время является угрожающимъ дѣлу миссіи ламаизмъ, въ чемъ и какъ онъ проявляется.

Широкою волною ползущій изъ Монголіи, ламаизмъ въ сильной степени уже заполонилъ Тункинскій край, достаточно прочно свиваетъ гнѣздо въ Балаганскомъ уѣздѣ и уже осязательно перебрасывается къ инородцамъ-шаманистамъ Верхоленскаго уѣзда, гдѣ въ Кырмѣ Хоготовскаго стана ламаитами открытъ въ 1915 г. новый дацанъ, пріобрѣвшій тотчасъ же по открытіи до 200 прихожанъ изъ шаманистовъ, а въ нынѣшнемъ году предполагается еще одинъ дацанъ въ предѣлахъ стана Усть-Ординскаго, ближайшаго къ г. Иркутску. Изъ Забайкалья ламаизмъ ползетъ черезъ инородцевъ Ольхона, о чемъ въ свое время засвидѣтельствовалъ начальникъ миссіи Преосвященный Евгеній, и, по его мысли, былъ возбужденъ вопросъ объ открытіи самостоятельнаго стана на Ольхонѣ.

Изъ обмѣна мнѣній выяснилось, что ламаизмъ, имѣющій за собою „Положеніе 1853 года“, усердно, широко и нерѣдко съ насиліемъ пропагандируемый среди инородческаго населенія ламами, представляетъ изъ себя большую опасность въ дѣлѣ христіанизации инородцевъ-шаманистовъ и является положительно опасной гидрой, высоко поднявшей голову, въ дѣлѣ обращенія инородцевъ-ламаистовъ, старающейся всѣми силами, не стѣсняющейся въ средствахъ, не допустить обращенія ламаитовъ въ христіан-

ство. Отсюда въ настоящую минуту предъявляются къ дѣятелямъ миссии особенныя требованія въ дѣлѣ борьбы съ ламаизмомъ, требуется особенное напряженіе силъ въ христіанскомъ наученіи инородцевъ, особенная сила пастырскаго слова въ разъясненіи и раскрытіи ламайскихъ заблужденій, особое вниманіе и сила пастырскаго вліянія на духовную жизнь инородцевъ, большій авторитетъ христіанскаго пастыря, какъ служителя Церкви Пастыреначальника Христа, чѣмъ авторитетъ языческихъ ламъ, агитирующихъ во имя націонализма.

Комитетомъ постановлено: „въ виду явной опасности, которая надвигается вслѣдствіе усиленной пропаганды ламаизма среди инородцевъ-бурятъ со стороны ламъ, находящихся въ привилегированномъ положеніи по „Положенію 1853 года“ и являющихъ себя хранителями національной религіи отъ посягательствъ христіанства, иначе толкующихъ истинный смыслъ Высочайшаго манифеста 17 апрѣля 1906 года въ цѣляхъ совращенія инородцевъ въ ламаизмъ, призвать оо. миссіонеровъ епархіи къ самой дѣятельной работѣ въ борьбѣ съ растущимъ зломъ, пока не поздно, — черезъ посредство неустанной проповѣди и разъясненій инородцамъ всего лжевѣрія ламайскаго исповѣданія, путемъ проявленія къ заблуждающимся особаго пастырскаго участія и истинно-христіанской любви, являя примѣры христіанскаго милосердія и высокой авторитетъ Христова пастыря, со Святымъ Крестомъ впередъ..., заграждая уста язычествующаго ламы...

Для поддержанія верхоленскихъ инородцевъ, переживающихъ въ настоящее время религіозной переломъ, оставляющихъ шаманство и ищущихъ новой религіи, каковою можетъ оказаться ламаизмъ, заманчиво увлекающій своими національными перспективами, — требуется особенное вниманіе со стороны миссии, долженствующей направить блуждающаго шаманиста въ ограду Церкви Божіей, къ истинѣ свѣта Христова. Въ цѣляхъ усиленнаго миссіонерскаго дѣланія въ Верхоленскомъ уѣздѣ, составить теперь же особую миссіонерскую комиссію, возглавляемую Преосвященнымъ начальникомъ миссии, Епископомъ Зосимой, въ составъ которой назначить: предсѣдателя переводческой комиссіи протоіерея Василія Флоренсова, миссіонера Хоготовскаго стана священника Михаила Махочкѣва и священника Баяндаевской церкви Петра Милвзорова, предоставивъ при этомъ Его Преосвященству право приглашать въ комиссію и другихъ лицъ, каковыя могутъ оказать пользу дѣлу.

Затребовавъ предварительно отъ всѣхъ миссіонеровъ уѣзда свѣдѣнія о наиболѣе важныхъ пунктахъ дѣйствованія ламаизма,

поручить комиссіи непременно посѣтить эти пункты въ первую очередь и побывать, если представится возможнымъ, на о. Ольхонѣ. Въ предупрежденіе появленія ламаизма въ пунктахъ, гдѣ его пока нѣтъ, рекомендовать комиссіи посѣщать бурятскіе улусы вообще, гдѣ это будетъ признано комиссіей нужнымъ и цѣлесообразнымъ. Въ томъ же засѣданіи, по рассмотрѣніи доклада уѣзднаго наблюдателя школъ Балаганскаго уѣзда о. Аксенова о состояніи учебно-воспитательнаго дѣла въ Гречехенской миссіонерской школѣ, — комитетъ, между прочимъ, постановилъ: предложить завѣдующему школой миссіонеру-священнику: 1) обязательно завести въ школѣ большой образъ святителя Иннокентія съ лампадой и по временамъ совершать въ школѣ богослуженіе, дѣлая таковое особенно торжественнымъ въ дни праздниковъ школы, а также дни памяти святителя Иннокентія, приглашая къ посѣщенію богослуженія, помимо учащихся, все мѣстное населеніе; 2) позаботиться о приобрѣтеніи нужной классной мебели и устройствѣ ученическихъ партъ по принятому для школъ образцу; 3) расширить бібліотеку внѣкласснаго чтенія путемъ увеличенія числа названій, для чего, если нельзя изыскать средствъ на мѣстѣ, обратиться въ комитетъ, представивъ списокъ имѣющихся въ бібліотекѣ книгъ; 4) вести книгу школьной лѣтописи, по образцу таковыхъ книгъ въ школахъ церковно-приходскихъ; 5) учительницѣ Баторовой увеличить жалованье до 40 рублей въ мѣсяцъ, во вниманіе къ ея усердію и успѣхамъ въ занятіяхъ; 6) просить Его Высокопреосвященство преподать попечителю школы Т. П. Еланову Архипастырское благословеніе, съ выдачею грамоты, за доброе и отзывчивое отношеніе къ школѣ.

Изъ другихъ рассмотрѣнныхъ вопросовъ можно отмѣтить: а) отпускъ денегъ предсѣдателю переводческой комиссіи на провѣрку сдѣланныхъ и продолженіе новыхъ переводовъ на бурятскій языкъ Евангелія, молитвъ, тропарей и проч., а также для присканія и подготовки новаго переводчика изъ бурятъ; б) вопросъ о перенесеніи Нельхайскаго храма въ улусъ Бахтайскій, каковое дѣло поручено для детальнаго обслѣдованія на мѣстѣ и. д. благочиннаго священнику А. Стукову; в) возбужденіе ходатайства о преобразованіи станова Шимковскаго и Коймарскаго въ приходы, съ отпускомъ средствъ на содержаніе ихъ отъ казны.

С. Н. П.

Первые шаги Посъетской миссіонерской дружины.

Смирннѣйше доношу Вашему Преосвященству, какъ начальнику Корейской Миссіи, о посѣщеніи Тизинхискаго стана Посъетскою миссіонерскою дружиною.

Означенная дружина прибыла въ Тизинхэ 20-го ноября, наканунѣ праздника Введенія во храмъ Пресвятыя Дѣвы Маріи, въ составѣ начальника ея, священника о. Іерофея Опоко, священника Зарѣчъенской церкви о. Николая Котлярова, о. діакона с. Янчихэ М. Ковдратина, 2-хъ псаломщиковъ: с. Зарѣчья и с. Новокіевска, катехизатора И. Шегая и пяти корейскихъ дѣвиць пѣвчихъ изъ с. Янчихэ.

Вечеромъ началось всенощное бдѣніе. Молящихся собралось больше, чѣмъ когда бы то ни было, и, несмотря на продолжительность богослуженія, всѣ присутствующіе казались ничуть не утомленными, внимательно слушали истовое пѣніе; взоромъ, полнымъ восторга и удивленія, смотрѣли, какъ на литію и поліелей выходили на средину храма четыре священнослужителя. Свѣчей молящіеся ставили больше, чѣмъ въ обычные праздники.

21-го съ 9-ти часовъ утра отслужена была соборнѣ тремъ іереями съ діакономъ литургія, а послѣ нея молебень, и, по инициативѣ мѣстнаго миссіонера, устроенъ крестный ходъ вокругъ храма съ осѣненіемъ народа праздничной иконой и окропленіемъ святой водою. День былъ теплый, солнечный,—казалось, сама природа раздѣляетъ съ нами торжество.

Молящихся въ этотъ день была полная церковь, большею частью пришли корейскія женщины и дѣти.

Смотря на такое многочисленное собраніе въ храмъ, на соборное служеніе нѣсколькихъ іереевъ, невольно вспоминается празднованіе храмоваго праздника на св. Руси въ Европѣ, гдѣ и молящіеся собираются изъ нѣсколькихъ приходоу и священникисосѣди сѣзжаются на праздникъ вмѣстѣ помолиться Богу, подѣлиться впечатлѣніями пережитаго, раздѣлить братски праздничную трапезу...

Послѣ окончанія богослуженія всѣ присутствующіе въ храмѣ были приглашены на бесѣду въ школьное зданіе. Говорили о. Іе.

рофей Онопо, и катехизаторъ И. Шегай, переводилъ рѣчь перваго учителя мѣстной школы А. Ханъ; о. Іерофѣй говорилъ о значеніи настоящей войны, молитвахъ за воиновъ, сражающихся на полѣ брани, и о порядкѣ открытія кружковъ ревнителей православія для веденія зимнихъ бесѣдъ, И. Шегай—о правотѣ христіанской религіи и нравственной высотѣ ея съ приведеніемъ примѣровъ изъ Священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣтовъ.

Два часа бесѣды прошли незамѣтно, присутствующіе корейцы слушали очень внимательно и по окончаніи ея, казалось, говорили взорами, что готовы слушать еще и еще.

Миссіонеръ, Священникъ Іоаннъ Рейтнеръ.

Владивостокъ 1916 года 5 декабря.

Корейскія души ¹⁾).

(Къ характеристикѣ корейцевъ).

Какъ я думаю, многимъ мѣстнымъ жителямъ извѣстны осенніе и весенніе степные пожары Уссурийскаго края, причиняющіе населенію своимъ ураганнымъ огнемъ много несчастій.

Недобрый тотъ человѣкъ, который съ намѣреніемъ или ради своего любопытства устраиваетъ эти пожары, и несчастны тѣ люди которымъ приходится бороться съ ними, защищая свое заготовленное на зиму сѣно и даже свой родной домъ, свое хозяйство. И какъ бы старательно ни боролись съ этимъ зломъ, какъ бы ни старались уберечь отъ всепожирающаго пламени свой трудъ,—ежегодно приходится слышать отъ нихъ или иныхъ лицъ жалобы на степной пожаръ. Такъ случилось въ текущемъ году, по неосторожности одного лица, въ Адиминскомъ миссіонерскомъ станѣ.

7-го октября, послѣ обѣда, когда дневной вѣтеръ сталъ замѣтно затихать, это лицо, вмѣстѣ со своимъ рабочимъ отправились на лугъ, гдѣ было накошено у нихъ четыре стога сѣна. Обчистивши узкой полосой дерновой лугъ вокругъ перваго стога, они начали производить опаль сосѣдней, прилегающей къ стогу мѣстности, совершенно не обращая вниманія на то, что прямо на нихъ съ сѣверо-запада находила небольшая сѣрая тучка. Сначала все шло благополучно. Огонь ровнымъ пламенемъ пожигалъ полусухую кошенину вокругъ стога и легко поддавался присматривающимъ за его дѣйствіемъ лицамъ. Какъ вдругъ сѣрая тучка стала быстро расти и замѣтно надвигаться съ своего отдаленнаго сѣверо-запада. Въ нѣсколько минутъ она выросла и превратилась въ грозную черную тучу. Подулъ сильный, порывистый вѣтеръ. Необходимо пужно было въ скоромъ времени прекратить начинающій все болѣе и болѣе распространяться палъ. Но это оказалось невозможнымъ. Огонь черезъ нѣсколько минутъ совершенно вышелъ изъ повиновенія. Какъ ни старались работавшія лица его потушить, какъ ни стремились его задержать

¹⁾ „Владивосток. Вѣдом.“ № 22, 15 ноября 1916 г.

хотя на нѣкоторое время и не допустить до некошенной травы,—ничего не могли сдѣлать. Если въ одномъ мѣстѣ имъ и удавалось захлестывать его метелками, такъ въ другомъ мѣстѣ онъ принималъ угрожающее дѣйствіе. Наконецъ, послѣ недолгой борьбы онъ окончательно поборолъ своихъ укротителей: добрался до высокой некошенной травы и, какъ моляія, помчался къ селенію Н.-Адими, подгоняемый и ободряемый порывами сильнаго вѣтра. Пока рабочій бѣжалъ, послѣ неудачной борьбы, до селенія, съ цѣлью предупредить населеніе о неминуемой опасности, огонь успѣлъ добраться до ближайшихъ сосѣднихъ стоговъ сѣна, изъ которыхъ въ дыму и вечернемъ полумракѣ въ одну минуту запылали пять штукъ яркимъ пламенемъ, какъ свѣчи. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, когда ужъ собралось довольно много народа тушить пожаръ, вѣтеръ еще болѣе усилился, и огонь былъ переброшенъ черезъ мѣстную рѣчку, отдѣляющую деревню отъ степи. Въ мгновеніе ока была окружена огненной стихіей крайняя фанза селенія Н.-Адими. И несмотря на всѣ старанія собравшейся народной толпы предотвратить опасность, запылали во дворѣ фанзы овсяныя и чумизныя копны, а за ними сама фанза и всѣ надворныя постройки. Несчастные обитатели едва-едва успѣли выбраться изъ дому сами и вывести со двора скоть, а все прочее было предоставлено въ распоряженіе неумолимаго пламени.

Далѣе—благодѣтельный дождь, прекратившій дальнѣйшее распространеніе огня по селенію и степи. Безсонная ночь главнаго виновника описаннаго несчастія... Его душевныя страданія... Еще далѣе,—длинный томительный день съ тяжелыми размышленіями, а потомъ такая же бессонная ночь и утро съ валяющимся по полу обезумѣвшимъ отъ горя старикомъ-погорѣльцемъ... И, наконецъ, мѣстные общественные представители въ домѣ виновника и ихъ длинная до гроба памятная рѣчь...

Вотъ главныя выдержки изъ этой памятной рѣчи:

„Батюшка, не безпокойтесь, будьте веселы, что случилось, того не воротись. Мы знаемъ, что вамъ однимъ не въ силахъ вознаградить пострадавшихъ: возвратитъ имъ тысячный убытокъ. Но зато мы въ состояніи помочь имъ общественными силами. У насъ въ каждомъ домѣ есть корова или быкъ, на которыхъ мы привеземъ лѣсу и поможемъ устроить имъ новую фанзу. Вмѣстѣ съ вами мы усердно молились Богу о дарованіи въ настоящемъ году урожая, и Онъ далъ его намъ. Поэтому мы можемъ собрать пострадавшему семейству все необходимое для ихъ существованія: кто чумизы дать, кто кукурузы, кто картофеля... Нѣтъ нужды

вамъ залѣзать въ неоплатные долги для вознагражденія пострадавшихъ, какъ вы предлагаете. Мы все сдѣлаемъ ради васъ самихъ и т. д.“.

О, корейцы, корейцы! Девятый годъ я живу среди васъ и до сихъ поръ не зналъ благородства вашихъ душъ! Вы при моемъ несчастіи забываете злополучный май и іюнь 1914 года. Вы умѣете прощать кровныя обиды и любить своихъ враговъ, а это почти все, что требуется отъ христіанина. Я думалъ, при своемъ малодушіи, что Небо, избирая меня орудіемъ содомской казни, желаетъ окончательно разлучить насъ, вливая въ ваши сердца ненависть ко мнѣ и презрѣніе. Но выходитъ наоборотъ. Оно этимъ несчастіемъ еще ближе соединяетъ насъ, заставляя забывать все старое, заставляя сдѣлаться намъ истинными друзьями какъ въ этой жизни, такъ и въ будущей.

Миссіонеръ Адиминскаго стана
Священникъ *І. Толмачевъ*.

1916 г. 12-го октября.
С. Н.-Адими.

Библиографія.

Д. Е. Гусевъ. „*Маякъ*, вѣчный упрощенный показателъ пасхалий“. Москва, 1915 г.

Вотъ печатный документъ, производящій отрадное впечатлѣніе на русскаго православнаго человѣка. Одно уже появленіе такого документа ясно свидѣтельствуеетъ, что есть еще на Руси люди, которые отличаютъ среду отъ четверга, а воскресенье отъ понедѣльника, люди, для которыхъ важно знать, въ какой день недѣли придется Благовѣщенье, какого числа будетъ Вербное, Великій Четвергъ и Свѣтлое Воскресенье, когда будетъ русальская недѣля, какъ долго продлятся „петровки“ и скромный ли будетъ Петровъ день. Для всѣхъ, кто не отдалился отъ Церкви, кто живетъ ея интересами, кому близка и мила русская церковность, какъ несокрушимый щитъ народной и государственной жизни—для такихъ людей (охъ, съ каждымъ днемъ ихъ становится меньше!) изданіе г. Гусева—сущій кладъ.

Въ этомъ изданіи—стѣнной таблицѣ—всѣ свѣдѣнія, касающіяся подвижныхъ праздниковъ, главнымъ образомъ св. Пасхи и связанныхъ съ ними мясопустіе, мясопуста и сыропуста выложены, какъ на ладони. Для опредѣленія, какого мѣсяца и числа въ данномъ году будетъ день Свѣтлаго Хр. Воскресенія, грамотному человѣку не надо копаться въ 30 страницахъ зрячей пасхалии, не надо отыскивать врудѣлѣтія и ключа грани: ему достаточно одинъ разъ въ годъ повернуть слегка два кружка въ таблицѣ, чтобы найти нужный ключъ грани, который здѣсь же рядомъ показываетъ всѣ праздники, сыропустъ и мясопусты. „Маякъ“ совершенно правильно называется „вѣчнымъ“ показателемъ, ибо таблица обнимаетъ собою весь индикціонъ, т. е. полный—532-лѣтній кругъ Діонисія Малаго, и будетъ удовлетворять потребностямъ православнаго христіанина вѣки вѣчные, пока существуетъ земля и на ней Церковь Православная.

Конечно, стремленіе удовлетворить этой потребности не новость; знаменитый математикъ и астрономъ Гауссъ еще сто лѣтъ назадъ открылъ законъ чиселъ пасхалии и придумалъ очень остроумную таблицу для опредѣленія дня св. Пасхи, состоящую изъ

двухъ частей: первая кругъ—солнца, а вторая—кругъ луны, не выполнѣ, впрочемъ, совпадающій съ настоящимъ луннымъ цикломъ. Однако таблица эта, опредѣляющая только день св. Пасхи, для пользованія ею требуетъ нѣкоторыхъ предварительныхъ вычисленій. Между тѣмъ г. Гусевъ, вмѣсто 1-й таблицы Гаусса взялъ только вращеніе, а вторую совершенно отождествилъ съ луннымъ кругомъ и вслѣдствіе этого получили необычайно простой и наглядный способъ нахождения ключа грани и зависящаго отъ него опредѣленія всѣхъ подвижныхъ праздниковъ. Отъ души желаемъ автору успѣха въ распространеніи столь любопытнаго и полезнаго изданія. Одинъ только недостатокъ, хотя чисто внѣшняго характера, у г. Гусева—это крайне небрежная корректура. На „чистую публику“ этотъ легко исправимый недостатокъ можетъ произвести охлаждающее впечатлѣніе.

Въ прилагаемой къ „Маяку“ вспомогательной книжкѣ г. Гусевъ очень удачно отмѣтилъ нахальство нашихъ газетныхъ писакъ, которые пишутъ о чемъ угодно, не имѣя никакого понятія о данномъ предметѣ. Такимъ образомъ въ началѣ 1915 года, знаменательнаго по предѣльно раннему празднованію Свѣтлаго Воскресенія, въ „Русскомъ Словѣ“, въ „Моск. Листкѣ“ и въ другихъ газетахъ появились смѣхотворныя по своей нелѣпости замѣтки и разсужденія относительно пасхалии. Авторъ говоритъ, что прочитанныя имъ газетныя нелѣпости заставили его основательно заняться изученіемъ этой науки, и плодомъ этого изученія явился предлагаемый просвѣщенному вниманію читателей „Маякъ“.

II. В.

Складъ изданія у автора: Москва, Воронья улица, д. № 21.

Миссіонеръ-проповѣдникъ протоіерей Ефремъ Елисѣевъ „Первоначальныя свѣдѣнія о православной вѣрѣ, сообщаемыя готовящемуся ко святому крещенію“

Въ концѣ 1916 года ташкентскій миссіонеръ-проповѣдникъ протоіерей о. Ефремъ Елисѣевъ издалъ брошюру: „Первоначальныя свѣдѣнія о православной христіанской вѣрѣ, сообщаемыя готовящемуся ко святому крещенію“.

Брошюра имѣетъ три параллельныхъ текста. На русскомъ языкѣ, на сартовскомъ русскаго алфавита и на сартовскомъ арабскаго алфавита.

При крайней бѣдности въ катехизаторскихъ руководствахъ для нашихъ обращаемыхъ инородцевъ, брошюра эта имѣетъ неоспоримое значеніе. Въ ней, въ сжатой формѣ помѣщены самыя

необходимыя научительныя свѣдѣнія, а систему этихъ свѣдѣній можно уяснить изъ выписки послѣдовательныхъ заглавій.

Заглавія эти:

1) Блага принявшимъ истинную вѣру и окрестившимся. 2) Бесѣда объ истинномъ Богѣ. 3) Сотвореніе міра. 4) Какъ Богъ для спасенія человѣка приходилъ на землю. 5) Будущее второе пришествіе Сына Божія на землю судить людей. 6) Что нужно дѣлать человѣку, чтобы быть угоднымъ Богу. 7) Заповѣди Господни. 8) Почитаніе Богоматери, ангеловъ, святыхъ, крестное знаменіе, иконы, молитвы. 9) Таинство причащенія.

Брошюра эта входитъ какъ часть въ цѣлое, въ рядъ составленныхъ авторомъ миссіонерскихъ изданій, имѣющихъ цѣлью противомусульманскую проповѣдь. Изданія эти могутъ быть выписаны изъ Ташкента отъ автора.

Списокъ этихъ изданій:

Въ городѣ Ташкентѣ имѣются слѣдующія книги миссіонерскаго характера, составленныя миссіонеромъ протоіереемъ *Ефремомъ Елишевымъ*.

1) „О единой истинной вѣрѣ“. Возможно полная книга, для постоянной и, по возможности, живой, наглядной, простой, назидательной, но и содержательной миссіонерской проповѣди. На двухъ языкахъ, съ пятью рисунками, тремя текстами и двумя алфавитами — русскимъ и арабскимъ. Петроградъ. 1910 г. 2) „Первоначальныя свѣдѣнія о православной христіанской вѣрѣ, сообщаемыя готовящемуся ко св. крещенію“. На русскомъ языкѣ и на нарѣчій татаръ. г. Петроградъ. 3) „Объ Иисусѣ Христѣ и Мухаммедѣ. Проведена параллель между христіанствомъ и магометанствомъ съ доказательствомъ превосходства христіанства въ сравненіи съ магометанствомъ На русскомъ и татарскомъ языкахъ. 1905 г. Г. Тобольскъ. 4) „Имадединъ — Столпъ вѣры“, переводъ съ нѣмецкаго. Автобіографія ученаго мусульманина, обратившагося въ христіанство, какъ примѣръ, чтобы разсѣять вѣковое предубѣжденіе мусульманъ, что ученый мусульманинъ не можетъ согласиться принять крещеніе и убѣдиться въ превосходствѣ христіанства предъ магометанствомъ. На русскомъ и татарскомъ языкахъ. Тобольскъ. 5) „Практическіе совѣты и разъясненія по вопросамъ миссіонерской практики“. Разъясненіе законовъ, порядокъ приготовленія ко крещенію, указаніе необходимыхъ документовъ и способъ попеченія о новокрещенныхъ. Тобольскъ. 6) „Истинная христіанская вѣра есть вѣра православная“. Выясненіе превосходства православія надъ иновѣріемъ и инославіемъ. 7) „Учрежденіе противомусульманской миссіи въ Тобольской епар-

хін“. Рѣчь, читанная на общемъ собраніи Тобольскаго комитета Миссіонерскаго Общества, по случаю открытія миссіи. Петроградъ. 1912 г. 8) „Важность и значеніе миссіонерства“. Отвѣтъ П. Петрункевичу. Петроградъ. 1912 года. 9) „Житіе преподобномученика Герасима Новаго“. Примѣръ изъ жизни его, какъ твердо и непоколебимо нужно держаться святой Христовой вѣры и какъ бороться съ искушеніями и соблазномъ ислама. На русскомъ и татарскомъ языкахъ. 10) „Іоанно-Введенскій монастырь въ г. Тобольскѣ“. Петроградъ. 1903 г. 11) „Икона св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона въ Буконскомъ станѣ Киргизской миссіи“. Петроградъ. 1900 г. 12) „Русско-татарская азбука“. Посobie для изученія русской грамоты при помощи родного языка. На русскомъ языкѣ и на нарѣчій татаръ. Городъ Тобольскъ. 13) „Русско-татарскій словарь“. Гор. Тобольскъ. 1905 г. 14) „Русско-татарскій разговоръ“. Практическіе уроки русскаго и татарскаго языка. 1905 годъ. Гор. Тобольскъ. 15) „Записки миссіонера Буковскаго стана Киргизской миссіи за 1892—1899 г.“. Сборникъ статей и миссіонерскихъ записокъ, съ 13 рисун. изъ миссіонерской жизни. Петроградъ 1900 г. 16) „Записки миссіонера Буковскаго стана Киргизской миссіи за 1900 годъ“. Петроградъ. 1911 г. 17) „Записки Тобольскаго миссіонера за 1901 г.“. Петроградъ. 1902 г. 18) „Записки Тобольскаго миссіонера за 1902 г.“. Петроградъ 1903 г. 19) „О необходимости христіанской проповѣди при настоящихъ обще-государственныхъ реформахъ“. 1913 г. Гор. Вѣрный. 20) „Можно ли кореннымъ русскимъ православнымъ переходить въ исламъ.—Благое распоряженіе“. Гор. Вѣрный. 1913 г. 21) „Учрежденіе противомусульманской миссіи въ Туркестанской епархіи. Гор. Вѣрный. 1913 г. 22) „О необходимости и пользѣ русской грамоты для иновѣрцевъ Россіи“. 1913 г. Гор. Вѣрный. 23) Миссіонерскіе съѣзды въ городахъ Казани и Иркутскѣ въ 1910 году“. (13—26 іюня въ Казани и 24 іюля—6 августа въ Иркутскѣ). 1910 г. Тобольскъ. 24) „Грядущая опасность“. (Мусульманская секта бабизмъ, перешедшій изъ Персіи). О борьбѣ съ пропагандой этой секты въ Туркестанскомъ краѣ. Гор. Вѣрный. 1913 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО И МОРСКАГО ДУХОВЕНСТВА. (XXVIII годъ изданія). Журналъ въ 1917 году будетъ выходить по прежнему два раза въ мѣсяцъ въ размѣрѣ 2-хъ печатныхъ листовъ. «Вѣстникъ»—единственный журналъ, знакомящій съ особыми условиями службы духовенства въ арміи и флотѣ. Будучи прежде всего официально-руководственнымъ изданіемъ по вѣдомству о. Протопресвитера и постояннымъ органомъ взаимообщенія военнаго и морского духовенства «Вѣстникъ» вмѣстѣ съ тѣмъ не лишенъ интереса и для офицерскаго среды наряду съ другими органами военной печати. Цѣна годового изданія журнала «Вѣстника военнаго и морского духовенства» 8 руб. (съ 1 января), полугодого (1 июля) 5 руб. съ перес. и дост., при одномъ безплатномъ экземпляръ очередного «Воскреснаго Листка». Съ 1914 г. при «Вѣстникѣ» съ благословенія и разрѣшенія Св. Синода, издаются религіозно-просвѣтительные листки для арміи и флота подъ общимъ названіемъ «Воскресные листки» (примѣрная программа ихъ объявлена въ № 22 за 1913 г. стр. 75). Въ течение года выходитъ 48 названнйхъ листковъ. Цѣна годового изданія журнала «Вѣстникъ военнаго и морского духовенства» съ «Воскресными Листками» (листки 4 названнйхъ ежемѣсячно, по 25 экз. каждаго названія) 15 руб. (съ 1 января), полугодого изданія (1 июля) 8 руб. съ перес. и дост. Въ отдѣльной продажѣ 100 экз. листковъ 1 р. 25 коп. съ перес., тысяча экз. 10 руб. Возкр. листки 1916 г. двойного размѣра 1 р. 80 к. 100 экз. Разрѣзка при вносѣ подписной платы не допускается. При высылкѣ денегъ поштovýmъ переводомъ слѣдуетъ обозначать требованіе на одномъ переводѣ, а не въ отдѣльномъ письмѣ. Перебѣна адреса 25 к. Рукописи, присылаемыя въ Редакцію «Вѣстн. печат. возвращенію не подлежатъ. Отдѣльные номера журнала не продаются. Объявленіе «Вѣстника» и Листковъ объявлено въ циркулярѣ Главнаго Штаба—1913 г. № 210.

„МИССИОНЕРСКІЙ СБОРНИКЪ“ Журналъ, издаваемый Братствомъ св. Василия, еп. Рязанскаго. (XXVII-й (27) годъ изданія «Миссіонерскій Сборникъ» имѣетъ своею цѣлью путемъ раскрытія положительной истины Евангелія и Православія увѣзать заслужающимъ докъ расколосектанства, магометства и современнаго невѣрія во всехъ его видахъ, съ цѣлью привлеченія ихъ въ лоно Христовой Церкви. Цѣль эта,—какъ отмѣтна и «Синодальныя Церков. Вѣдомости»,—послѣдно выношается Редакціей «Миссіонерскаго Сборника» *при сотрудничествѣ нашихъ иерарховъ и многочисленныхъ святоцѣльныхъ и духовныхъ лицъ, заботившихъ свою апологетическими и миссіонерскими трудами.* (№ 49-й за 1914 г., стр. 2061.—Прѣва. къ Церк. Вѣд.)—Объединяя лучшія работы силы по спеціальному вопросу миссіи, «Миссіонерскій Сборникъ» всегда стремился и особенно стремится въ настоящее тяжелое время объединить и духовство и всехъ ревнителей православія въ великомъ и святомъ дѣлѣ защиты *Вѣры Христовой, Православія и національныхъ устоевъ общественной и государственной жизни Россіи, для славы и торжества Евангелія, для побѣды христіанства надъ современными язычествомъ, разлагающимъ Церковь и Государство, семейную и общественную жизнь.* «Миссіон. Сборникъ», призванный въ вѣрссійскимъ Свѣтлымъ спеціалитетомъ миссіонеръ полезнымъ для дѣла православной внутренней миссіи является самымъ доступнымъ, особенно въ настоящее тяжелое время, по цѣнѣ (4 р. за годовое изданіе съ пересылкой) для православнаго приходскаго духовенства, школы, духовно-учебн. завед., законоучителей и всехъ труженниковъ святого миссіонерскаго дѣла. По журналамъ учебн. Комитета, утвержд. *Св. Синодомъ*, «Миссіон. Сборникъ», 1916 г., одобренъ для бібліотекъ всехъ духовно-учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ (см. оф. ч. «Ц. Вѣд.» 1916 г. № 26). «Миссіонерскій Сборникъ» въ 1916 году издается по программѣ утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ: *Отдѣлъ первый* (спеціальный). *Отдѣлъ второй* (литературный). Сосѣдованія и бесѣды съ сектантами и раскольниками, равно какъ слова и поученія, направленные противъ нихъ.—Научно-литературныя статьи и замѣтки по исторіи и обществу сектанства и раскола.—Біографическія замѣтки о книжкахъ, журнальныхъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ миссіонерскому дѣлу и полезныхъ для мѣстныхъ миссіонеровъ и пастырей Церкви въ ихъ борьбѣ съ расколомъ, сектанствомъ и магометанствомъ. Списки для миссіонерскихъ бібліотекъ книгъ и брошюръ. Неизданные матеріалы для исторіи сектанства и раскола, а также и полемикъ съ ними. *Отдѣлъ третій* (спеціальный извѣстія) *Отдѣлъ четвертый* (инопархіальныя извѣстія). *Отдѣлъ пятый* («обзоръ періодической печати по вопросамъ миссіи и расколосектанства»). Кроме того, въ виду насущныхъ потребностей *народа и школы*. Редакція будетъ продолжать изданіе въ 1917 г. особымъ приложеніемъ къ журналу «Живое слово по вопросамъ вѣры и нравственности» (Вышло уже около 60-ти №№ въ). Цѣль изданія *изданы твердыя основы вѣры и нравственности чрезъ высненіе Евангелія, укрѣпленіе христіанскія начала семьи, общества и государства.* А въ переживаемый нынѣ 3-й годъ мировой войны Редакція въ спеціальномъ отдѣлѣ «Годна великаго общенароднаго испытанія въ лѣтскахъ» «Живое Слово» выясняя мировыя явленія въ жизни человечества, будетъ раскрывать самыя основы, на которыхъ зиждется наша государственная и религіозно-нравственная жизнь. «Миссіонерскій Сборникъ», выходя ежемѣсячно книжками отъ 5—6 печатныхъ листовъ, даетъ въ годъ подписчикамъ болѣе 63 печатныхъ листовъ. Цѣна за годовое изданіе 4 р. Адресъ: Рязань, редакція «Миссіонерскаго Сборника». Редакторъ, преподаватель семинаріи, Н. Остроумовъ.

„ВѢСТНИКЪ КРАСНАГО КРЕСТА“ Журналъ, издаваемый Главнымъ Управленіемъ нѣмѣ Россійскаго Общества Краснаго Креста. Журналъ имѣетъ своею главною задачею предоставить всемъ интересующимся дѣятельностью Краснаго Креста въ общественныхъ бѣдствіяхъ, какъ-то: война, голодъ, наводненія, пожары и проч. Кроме свѣдѣній о текущей дѣятельности Россійскаго Общества Краснаго Креста, журналъ содержитъ разработку медицинскихъ, гигиеническихъ, техническихъ и др. вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣятельности Краснаго Креста, и знакомитъ читателей съ положеніемъ дѣла Краснаго Креста въ иностранныхъ государствахъ. Въ тѣхъ же мѣсяцъ ознакомленія публики съ дѣломъ Краснаго Креста Главное Управленіе Общества издаетъ «Иллюстрированный Календарь Краснаго Креста», являющийся безплатной преміей къ журналу. Календарь этотъ можетъ служить каждому востальной сирочной книжкой, въ виду разнообразія и полноты помѣщенныхъ въ немъ свѣдѣній. Календарь на 1917 годъ иллюстрированъ фотографическими снимками. Помимо обширныхъ календарныхъ свѣдѣній общаго характера, въ «Календарѣ» даются также періодическіе обзоры дѣятельности Краснаго Креста. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами около 9—12 печатныхъ листовъ. Подписная плата—три рубля въ годъ съ доставкой и пересылкой; за границу—шесть рублей. Подписка на журналъ принимается въ Главномъ Управленіи Россійскаго Общества Краснаго Креста (Петроградъ, Инженерная, 9), во всехъ окружныхъ и мѣстныхъ управленіяхъ и Комитетахъ Общества, а также въ главнѣхъ книжныхъ магазинахъ.

„ДОШКОЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ“. Открыта подписка на 1917 год на журнал для матерей и воспитательниц (VII год издания). Программа журнала: 1) Пропаганда идей дошкольного воспитания, особенно народных детских садов, и обложение последних со школой. 2) Психология детства и экспериментальная педагогика. 3) Теория и практика детского сада: образцы уроков, беседы, прера, работы, песни и т. п. 4) Гигиена детского возраста и физическое воспитание детей. 5) Критика и библиография. Обзор русских и иностранных журналов. 6) Педагогическая хроника. 7) Письма в редакцию. 8) Объявления. В журнал принимают участие: П. П. Алексеев, академ. В. М. Бехтерева, М. В. Белообразова, К. И. Вентцель, В. А. Вукотич, доктор А. В. Владимирский, З. С. Веселина, А. А. Дернова-Ермоленко, А. С. Даргава, П. Егунцов, Е. П. Залеская, Н. Зарицкая, Е. И. Юрдаская, Ш. Ф. Каптерев, Н. Каринцова, Е. Н. Кавказская, Н. С. Карцева, Е. П. Ковалевский, В. С. Кострикова, Я. Д. Лубенец, Т. Г. Лубенец, К. В. Маевская, Н. Моравинова, А. Ф. Музыченко, В. Мураев, М. О. Петерсен, А. П. Ившкова-Толкаева, В. И. Родикова, Е. Е. Солонская, Е. И. Савицкая, М. X. Светлицкая, А. С. Симонович, М. И. Стрехова, Е. И. Тихцова, Л. И. Тютюнник, Г. А. Фальберг, А. Е. Цвиткова, Е. М. Чарнодуская, М. Черняева, М. А. Чехова, П. В. Чехов, д-р Л. И. Чукалина-Тихова, Екатерина Якушки, врач Е. П. Янцкая, Э. В. Яновская и друг. Журнал будет выходить 9 раз в год (в течение летних месяцев журнал не выходит). В каждом № журнала будет не менее 2-х печатных листов. Подписка цена: 3 рубля 30 коп. в год, на 1/2 года—2 р. Цена отдельного № в розничной продаже 35 коп. За перевод адреса—23 коп. Оставшиеся неиспользованные комплекты журнала за 1914 и 1915 гг. высланы за 1 р. 50 к. Подписка принимается в контор редакция (Киев, Стрелецкая, 4, кв. 3), в магазинах „Дожкольное Воспитание“ (Киев, Прорытная, 4) и во всех книжных магазинах. Издание Киевского общества народных детских садов. Редактор Н. Д. Лубенец.

„КИТАЙСКИЙ БЛАГОВѢСТНИК“. Орган Российской Духовной Миссии в Китае на 1917 год. Цена за год 3 рубля. Подается разорочка по полугодиям. Подписка принимается: 1) В Российской Духовной Миссии в г. Пекинъ 2) Петроградъ, на подворья Миссии—Вороньжская 110, 3) В г. Харбинъ-Присяжи при Благочиницкой церкви Миссии и 4) В г. Москвѣ на подворья Миссии—Покровская ул. № 80. Там же можно приобрести и другие издания Миссии.

„НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ“. Ежемесячный педагогический журнал. Издание Училищного Совета при Святейшем Синоде. Годъ издания XXII. В 1917 году журнал будет издаваться по следующей, утвержденной Святейшим Синодом, программе. I. Очерки, рассказы, характеристики, воспоминания из школьной жизни („Уголки школьной жизни“). II. Статьи по общим вопросам народного образования. III. Статьи по вопросам педагогики и дидактики. IV. Обзорные русские и заграничной литературы по вопросам воспитания и обучения. V. Из школьной практики (практические указания по методик учебных предметов начальной школы; примерные уроки; планы занятий; заметки по училищеведению). VI. Школьные дела и известия (известия, сообщения и заметки). VII. Известия учебного музея церковных школ. VIII. Из переписки с читателями. Почтовый ящик. IX. Библиографический список. X. Школьные и вне школы (статьи о преподавании в школах библиографическая заметки и ноты). Кроме книг журнала подписчики получают в виде отдельных приложений: 1) Школьный календарь на 1917—1918 учебный год. 2) Книжки для учительской библиотеки (содержания руководственно-педагогического) и книжки для учебической библиотеки (детские рассказы, сборники стихотворений). 3) Ноты для классного пения. Многие статьи и книжки (особенно научного содержания) иллюстрируются рисунками и чертежами. В журнал принимают участие: Н. И. Вахтин, проф. А. А. Бронзов, К. М. Ванчаков, проф. Д. Ш. Введенский, Н. С. Дзержинский, К. В. Ельницкий, Я. И. Ковальский, А. А. Коринский, священ. А. Кузлов, Кт. Лукашевич, П. Н. Луппов, А. И. Навилов, Н. Нович, И. И. Полянский, Г. Л. Попов, М. М. Попов-Платонов, В. Родников, В. Л. Розенберг, Я. И. Руднев, священ. Е. Суспенко, Н. Тичер, В. Федоров, проф. В. Шинкаревич, академ. М. В. Яновский и многие другие. Ученый Комитетом Министерства Народного Просвещения журнал доуцеля в народных библиотеки и читальни,—равно и в учительские библиотеки низших учебных заведений. На международной выставке „Детский Миръ“ 1904 года журн. „Народное Образование“ удостоен золотой медали. Подписка цена на журнал три рубля за год с пересылкою. Из виду того, что журнал „Народное Образование“ дает ежегодно 2 тома свыше 700 страниц каждый, кроме Календаря и безплатных приложений, указанная цена три рубля является до послѣдней степени низкой и равняется почти заготовительной стоимости издания. Таким пониженіем цены Редакция старается сделать журнал доступным для выиска начальным учителям, при их современном скудном годовомъ бюджетѣ. Подписка принимается в книжной лавкѣ Училищного Совета при Святейшемъ Синодѣ (Петроградъ, Кабинетская, 13). Иногородные подписчики благоволят адресовать требования так: Штг., Кабинетская ул., д. № 13, в Редакцію журн. „Народное Образование“. Редактор П. Мироносицкій.

СООБЩЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО ОБЩЕСТВА. (двадцать восьмой годъ издания). „Сообщения Императорскаго Палестинскаго общества“—единственный в Россіи журналъ, посвященный вопросам востоковѣдѣнія въ обширномъ смыслѣ. Его задача—изучение Востока Ближняго въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ и на протяжении всей многовѣковой его истории вплоть до нашего времени. Палестина, Сирія, Византия, Египетъ, Ассирія, Синай—вотъ страны и мѣстности, подлежащія изученію въ журналѣ, при чемъ преимущественное вниманіе уделяется Св.той землѣ, съ ея многочисленными святыми мѣстами. Въ журналѣ помещаются исследования по различнымъ научнымъ вопросам, очерки дѣятельности восточныхъ іерарховъ, описанія путешествій современныхъ и давнихъ, обзоры сношеній Востока съ Россіей и характеристики русскихъ дѣятелей, описаніе дѣятельности инославной пропаганды на Востокѣ, свѣдѣнія о положеніи вѣдь русскаго дѣла, вѣсти и корреспонденція о современной церковно-общественной жизни на Востокѣ, обзоръ иностранной литературы и переводы лучшихъ иностранныхъ сочиненій по востоковѣдѣнію, критики и библиографія русскихъ и иностранныхъ изданій, официальные отчеты. Цѣль изданія—служить духовному единенію между Православнымъ Востокомъ и Россіей путемъ научнаго изученія и объективнаго исследованія прошлаго и настоящаго состоянія Востока, а равно ихъ взаимныхъ отношеній. Въ пользу живности и важности назначенія журналъ выразительно говоритъ и одинъ фактъ вступленія его въ 28-й годъ изданія. Въ журналѣ участвуютъ профессора нашихъ духовныхъ академій и университетовъ. Подписка цена на „Сообщенія“ въ 1917 году три рубля съ пересылкою. Подписка принимается исключительно въ Календарь Императорскаго Православнаго Палестинскаго О-ва: Петроградъ, Вознесенскій пр., д. № 36. Рукошши, съ обозначеніемъ условій и четко перенесенная, посылаются въ редакцію: Петроградъ, Невскій пр., д. № 178, кв. 1. Редакторъ-профессоръ Нв. Нв. Соколовъ.

„ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ“. На 1917 годъ (Пятьдесятъ восьмой годъ издавiя). Журналъ будетъ выходить еже-мѣсячно книгами въ 10—15 листовъ; въ немъ будутъ помѣщаться слова и рѣчи, изъясненiя и трактаты по наукамъ, преподаваемымъ въ Академiи, статьи по современнымъ церковно-общественнымъ вопросамъ, историческiе материалы, сообщенiя изъ академической жизни, критическiе отзывы и библиографическiя замѣтки о новыхъ книгахъ. Въ приложенiяхъ къ журналу будутъ печататься: переводы творенiй бл. Августина, бл. Иеронима и Тертулiана, составляющихъ продолженiе издаваемой Киевской Академiей „Библиотеки творенiй св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“, изданные изъ журналовъ Совѣта Академiи и отчеты существующихъ при Академiи обществъ. Цѣна годового изданiя съ пересылкой 7 руб., за границу 8 руб. Подписка принимается въ Редакцiю журнала: Киевъ, Ильянская, 3, и въ книжныхъ магазинахъ

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“. Въ 1917 подписномъ году войны, которая не можетъ не понижать духовнаго уровня человечества, Дѣло Христово получаетъ особый смыслъ. Надо укрѣплять изнемогающихъ, поддерживать скорбящихъ, молиться съ уповающими, пробуждать снавшихъ и забывшихъ о Богѣ, какъ ни трудно теперь издательству, особенно духовное, мы все же хотимъ, подъ старымъ, пятидесятилѣтнимъ знаменемъ руководства для сельскихъ пастырей, помочь православному духовенству въ его святомъ дѣлѣ религиознаго укрѣпленiя и оживотворенiя нашей Родины: 26 двухдѣльныхъ номеровъ журнала будутъ содержать: 1) статьи по современнымъ вопросамъ пастырской дѣятельности в приходской жизни; 2) очерки и рассказы, характеризующiе современнаго, вызваннаго войной, религиознаго исканiя человеческой души; рассказы изъ жизни духовенства; 3) обзоры церковно-общественной жизни, публицистика; снарѣдильной печати: богословской науки; сократки; 4) „Страницы сельскаго пастыря“ (отклики вашихъ читателей, ихъ недоумѣнные вопросы); 5) библиографическiй отдѣлъ. 12 книжекъ поученiй на всѣ воскресные и праздничные дни сверхъ всего бесплатное приложенiе—потомый сборникъ. Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россiйской Имперiи семь рублей, за границу 9 руб. Допускается разсрочка. За перемѣну адреса въ течение года подписчики благоволятъ присылать 25 к. можно марками. Подписка принимается только на цѣлый годъ; на 1/2 г. или на 1 м. не принимается. Съ требованiями обращаться по адресу: Киевъ, въ редакцiю журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей“. Кроме того, подписчикамъ дѣлается уступка при выпискѣ отъ редакцiи „толковаго типограва“. Вып. 2-й за 1 р. 30 к. вместо 1 р. 75 к., вып. 3-й за 60 к., вместо 75 к., съ пересылкой „Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и участвующимъ въ духовно-учебныхъ заведенiяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскiя библиотеки (Синод. циркулярное отъ 4 февраля—20 марта 1885 г. за № 286).

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО. Открыта подписка на 1917 годъ. 41-й годъ изданiя. Два еженедѣльные иллюстрированныя журнала для дѣтей и юношества, основанныя С. М. Марковой и издаваемыя Товариществомъ М. О. Вольфъ. Подписной годъ съ 1-го ноября 1916 г.—перые №№ выслаются немедленно. Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для дѣтей младшаго возраста (отъ 5 до 9 лѣтъ) получаютъ 32 №№ и 48 преймй, въ числѣ которыхъ: большая стѣнная картина „веселая повѣдка“, всеобщепонятная въ краскахъ по оригинал. худож. А. Эльса. 12 листовъ цѣтры, работы, рукодѣлiя и пр. для вырѣзанiя, склеиванiя и пр., въ краск. и черн. Игучий дворъ, кукольный домъ, пожарная команда, скачки съ препятствiями, большой слонъ, дождина бомбонерогъ, рыбака для булавочк., черныи зрѣнище, кошка и мышка (игра), составная лодка, арифметическое лето, русскiе солдаты. 8 вып., „моя первая французская книга“. Легкое руководство къ изуч. франц. языка для дѣтей, съ мног. рис. 6 вып., „родная старина въ картинкахъ“, И. Гурьева и И. Чеснокова, съ картинками текстомъ (Новая серия), 6 табл., „уровень для вышнiяни крестиками“. 4 вып., „школа звѣрей для забавы дѣтей“, въ картинкахъ и стишкахъ, 12 открытыиъ пьесамъ для раскрашванiя. 6 вып., „моя первая ботаника“, въ картинкахъ, очеркахъ и рассказахъ. Албука муравьи. Со мног. рис. 8 вып., „важнейшiй всемирный историкъ“, въ рассказахъ и картинкахъ (Нов. сер.), 6 табл., „рассованiе по пунктирамъ“ по системѣ Роберта. 4 вып., „что нужно знать“. Свѣдѣнiя о разныхъ предметахъ въ очеркахъ для дѣтей. 6 книжекъ „рассказы и сказки“ для дѣтей младш. возр. Въчныи календарикъ „задушнаго слова“, и мн. др. Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для дѣтей старшаго возраста (отъ 9 до 14 лѣтъ) получаютъ 52 №№ и 48 преймй, въ числѣ которыхъ: 12 табл., „дарство грибовъ“, въ краскахъ, 93 изображенiй, съ объяснат., текстомъ и рисунками. 6 вып., „героии прошлаго“. Рассказы и очерки Леонвда Черскаго съ рис. 8 вып., „книга великихъ изобрѣтенiй“, въ общедоступномъ изложенiи, съ портр. и рис. 6 рассказовъ джека лондона, Сатона Мопссона, и др. авторовъ для юношества, съ рис. 6 вып., „герои живаго слова“, Биограф. очерки съ портр. 6 вып., „знаменит. изслѣдователи русской землѣ“, съ портр. и рис. (Новая серия). 4 книжки „библиотека спорта“, игры и занятiя для юношества, а именно: уходъ за сталью, конемъ, наташе съ горъ, первая книжка снаута, ходьба (учитесь ходить). 4 книжки „библиотека полезныхъ знанiй“, для юношества, а именно: домашнiй маляръ, спутникъ юной хозяйки, юный русский гражданинъ, уходъ за пѣвками. 6 работъ „для вырѣзыванiя и склеиванiя“, пѣтвыиъ и черныиъ. Илл. хроника войны въ доступномъ для юношества изложенiи. Путешествiе на островъ дружиа. Большая комматная игра для мальчиковъ и дѣвочекъ. Спутникъ школы. Календаръ и записная книжка для учащихся на 1917—1918 учебн. годъ, съ прил., въ перепл., и мн. др. Въ текстѣ журнала „задушное слово“, въ числѣ друг. произвед., въ наступающ. годѣ будутъ помѣщены: а) въ журналѣ для младшаго возраста: „козушки“. Повѣсть изъ жизни маленькихъ школьницъ Л. А. Чарской, „кукольное королевство“. Повѣсть-сказка Евг. Чирякова, „Что случилось съ Петрушкою“. Рассказъ Клавди Лукашевичъ „Малычъ Императора“. Рассказъ изъ русской исторiи, С. Ф. Либровича, „Мама въ пѣтуу“. Рассказъ изъ современ. войны, И. Черскаго, и мн. др. б) въ журналѣ для старшаго возраста: „Паташнѣ двенчнй“. Новая большая повѣсть Л. А. Чарской, „орелъ чечны и дагестана“. Историческая повѣсть В. П. Аевариса „странничка воспоминанiй“, Клавди Лукашевичъ, „Чуткая душа“. Рассказъ о жизни одного друга юношества, И. Е. Вызова, „Княжна Киевская“. Нов. изъ врем. глубоко. русск. стар. М. Д. Ордынцева-Кострицкаго и др. Кроме того, при каждомъ изданiи будутъ высылаться „дѣтскiи моды“ и „задушное воспитанiе“. Подписная цѣна каждого изданiя „Задушнаго слова“, со всѣми объявленными премiями и приложенiями, съ доставкой и пересылкой,—на годъ девять руб. допускается разсрочка на 8 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1-му февралю и 3) къ 1-му мая—по 3 р. Съ требованiями, съ обозначенiемъ изданiя (возраста), обращаться въ конторы „Задушнаго Слова“, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ.—Петроградъ: 1) Гостиный Дворъ, 18 и 2) Невскiй, 13.

ПРОДАЮТСЯ ПАСХАЛЬНЫЯ КРАСКИ ДЛЯ ЯИЦЪ

въ пакетахъ всѣхъ цвѣтовъ. Цѣна на мѣстѣ за сто 10 руб. Крупнымъ покупателямъ цѣны исключительно. Залогъ 1/3 обязат.

АЛЕКСАНДРОВСКЪ, Ек. г. І. П. ЛИТВИНОВУ.

ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОЕ ВНЕШНЕОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЩЕСТВО

ОРГАНЪ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ МИССИИ.

Издание Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Просвѣтите день ѿ дне сїеііе Нѳга нѳнего, возвѣстите во іазыцѣхъ сѳлѳ
Свѳ, во всѣхъ людехъ члдеа Свѳ. (Пе. 95, 2—3)

Свѳтъ Хрѳтовъ
просвѣщаетъ всѣхъ,

Шедше научите всѣ
іазыки, вѣдѣте ихъ во
имѳ Оца и Сїна и
Свѳаго Дѳа, оучѣте ихъ
вѣности всѣ, елика запо-
вѣдахъ вѣмъ.
(Мѳ. XXVIII, 19—20).

Рцѣте во іазыцѣхъ, іѳко Гѳь вѳцарїса. (Пе. 95—10).

Адресъ Редакціи и Конторы: Москва, Лиховъ пер., Епарх. Домъ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФИЯ „РУССКАЯ ПЕЧАТНЯ“. БОЛЬШАЯ САДОВАЯ, 14.

1917.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I.

	<i>Стр.</i>
1. Бесѣда Митрополита Макарія	1—2
2. Проповѣди протоіерея І. Восторгова	2—90
3. Благовѣстіе Христова въ Русской землѣ еп. Макарія (Продолженіе)	91—101
4. Сравненіе православно-христіанскаго и мухаммеданскаго вѣроученія Урбанскаго . (Продолженіе).	102—119

II.

5. О положеніи и преподаваніи Закона Божія въ школѣ въ связи съ бытомъ духовенства. Д. В. Аннинскій (Окончаніе).	120—135
6. Обученіе голдсеихъ и гилъсксихъ дѣтей русскому разговорному языку и русской грамотѣ	137—147

III.

7. Обзорѣніе становъ и приходовъ Верхотенскаго уѣзда епископомъ Засимомъ , прот. В. Флоренеова . (Окончаніе).	148—158
8. Катакомбы св. Каллиста . (Продолженіе).	159—165
9. Донесеніе Совѣту Православнаго Миссіонерскаго Общества еп. Сергія	166—168

VI.

10. Миссіонерская дѣятельность христіанскихъ церквей запада. Бывшій Миссіонеръ	169—181
---	---------

VII.

11. Отчетъ о состояніи Русской духовной миссіи, въ Китаѣ за 1916 годъ Архимандритъ Симонъ	182—183
12. Отчетъ о состояніи Шанхайскаго отдѣленія Духовной Миссіи за 1916 годъ	183—185

І.

Бесѣда Московскаго Митрополита Макарія

на молебнѣ предъ иконою святителя Николая въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ для богомольцевъ, пришедшихъ изъ Москвы съ крестнымъ ходомъ.

Боголюбивые богомольцы!

Благочестіе привело васъ сюда, чтобы помолиться предъ чтимой здѣсь издревле иконою святителя Николая. Проявленіе благочестія особенно необходимо въ настоящее время, когда сталъ замѣчаться упадокъ его въ нашей странѣ. И особенно важное значеніе имѣетъ проявленіе благочестія со стороны жителей Москвы, какъ сердца православной Руси. Столицы всегда служатъ предметомъ подражанія для другихъ городовъ. Поэтому, если въ нихъ процвѣтаетъ добро и благочестіе, то оно процвѣтетъ и во всей странѣ, если въ столицахъ господствуетъ зло и нечестіе, то нечестіе распространяется и по всей странѣ. Благочестіе страны привлекаетъ на народъ Божіе благословеніе, а съ Божіимъ благословеніемъ соединено и всякое благополучіе. Нечестіе, же напротивъ, привлекаетъ гнѣвъ Божій, а съ нимъ—всякое неблагополучіе, съ нимъ и разрушеніе городовъ и царствъ. Вотъ примѣры. Въ древнія времена были два города—Содомъ и Гоморра. Жители ихъ были весьма нечестивы. Господь, явившись праведному Аврааму, сказалъ, что Онъ намѣренъ истребить эти города за нечестіе ихъ. Тамъ жилъ племянникъ Авраама—Лоть. Заботясь о спасеніи этого праведника, Авраамъ спросилъ Господа, не помилуетъ ли Онъ эти города, если найдутся тамъ праведники? Господь отвѣтилъ ему: если найдутся тамъ хотя 10 праведниковъ, то Онъ пощадитъ всѣхъ ради этихъ десяти. Но тамъ не оказалось даже десяти, поэтому города были истреблены огнемъ, спавшимъ съ неба, а спасенъ только Лоть съ семействомъ. И такъ нечестіе погубило Содомъ и Гоморру. Но Господь милосердъ, Онъ не хочетъ смерти грѣшника и отвращаетъ Свой праведный гнѣвъ, если люди приносятъ покаяніе въ грѣхахъ. Былъ великій городъ Ниневія. Господь послалъ туда пророка Іону возвѣстять о скорой гибели города за нечестіе народа. Ниневитяне услышали проповѣдь Іоны, устрашились и стали приносить покаяніе. Они наложили общій постъ на всѣхъ, начиная отъ Царя до послѣдняго бѣдняка, даже дѣтямъ и животнымъ не давали пищи. И Господь принялъ это покаяніе Ниневитянъ и не погубилъ ихъ. Благочестіе спасло городъ.

И у насъ на Руси бывали времена, когда оскудѣвало благочестіе, изсякала любовь; возставали брать на брата, городъ на городъ, область на область. Тогда Господь наказывалъ нашихъ предковъ гнѣвомъ Своимъ. Во времена тяж-

взъхъ междоусобиць послалъ Господь на землю Русскую страшнаго завоевателя, потреблявшаго все огнемъ и мечемъ. Тяжко было для народа иго Монгольское, но это послужило ко благу страны. Междоусобицы прекратились: не до того было; думали только, какъ бы избавиться отъ общаго врага. Вспомнили тогда о Богѣ и Его заповѣдяхъ. Народъ стоналъ подъ игомъ Монгольскимъ, долго стоналъ и молился. И послалъ Господь благочестивыхъ князей-правителей, начавшихъ собирать землю Русскую во едино. Призвалъ Господь на покаяніе народа и на благочестіе князей его, и сталъ давать знаменія своего благоволенія. Явилось много праведниковъ на землѣ Русской—изъ среды святителей и святыхъ инокъ. Въ народѣ стало возрастать благочестіе. Простой народъ и бояре стали приходить въ обители; изъ нихъ наиболѣе прославленною была обитель Преподобнаго Сергія, Раднежскаго чудотворца. Въ княженіе Дмитрія Іоанновича пришелъ на землю Русскую Ордынскій ханъ Мамай. Князь, собравши войнство, пошелъ навстрѣчу врагу. По благочестію своему, выступая въ походъ, Дмитрій Іоанновичъ пожелалъ испросить благословеніе Божіе чрезъ Преподобнаго Сергія. Угодникъ Божій ободрилъ его и предрекъ благополучный исходъ борьбы съ Мамаемъ. Еще болѣе согрѣлось сердце В. Князя, когда онъ прибылъ въ эту обитель и получилъ знаменіе въ чудесномъ явленіи иконы святителя Николая, предъ которой мы теперь совершаемъ моленіе. Сія икона явилась чудесно на деревѣ, озаренная свѣтомъ.

Получивши столь чудныя небесныя знаменія, благовѣрный князь въ радости сердца сказалъ: „вся сія угрѣша (согрѣло) сердце мое“. И стала называться съ тѣхъ поръ эта обитель—Угрѣша или Николо Угрѣшской. Съ того времени Русская земля стала освобождаться отъ вѣдшихъ враговъ и благоустраивалась во внутренней жизни. Стоявшіе во главѣ правители—князья и цари собрали Русь во единое мощное государство.

Что будетъ съ Россіей, этимъ великимъ колоссомъ, впереди—о семъ вѣдаетъ Богъ!

Дай Богъ правителямъ корабля страны нашей, проведетъ его благополучно чрезъ эти бурныя волны.

О семъ и будемъ молиться.

Постановленіе Московскаго Столичнаго Совѣта благочинныхъ.

Въ засѣданіи Совѣта, подъ предѣдательствомъ прот. І. Восторгова, въ присутствіи 15 благочинныхъ изъ общаго числа 18 благочинныхъ столицы, 7-го марта 1917 года, при обсужденіи вопроса объ отношеніи духовенства къ текущимъ событіямъ въ Россіи постановлено:

1) Единогласно и вседушевно, во имя пастырскаго и патріотическаго долга, подчиниться Временному Правительству и послѣдовавшимъ въ этомъ направленіи распоряженіямъ Высшей Церковной власти.

2) Привѣтствовать со всею радостью заявленіе Оберъ-прокурора св. Синода В. Н. Львова о новомъ направленіи церковной жизни, въ смыслѣ полнаго пемѣшательства Церкви и ея служителей, какъ таковыхъ, въ ихъ церковно-пастырской дѣятельности, въ политической строй страны.

3) Поддерживать теперь Временное Правительство, а в будущем то Правительство, которое будет дано Россіи Учредительнымъ Собраніемъ, безотносительно къ политическимъ основамъ, именно в томъ, что составляетъ и долгъ всякаго сына св. Церкви Христовой, и вмѣстѣ основу всякаго общественнаго и гражданскаго строя; такая помощь и поддержка будетъ оказана: 1) вообще укрѣпленіемъ и углубленіемъ религіознаго чувства въ сынахъ Церкви и ихъ преданности святому православію въ его вѣрученіи, правоученіи и каноническомъ строѣ Церкви, въ цѣляхъ христіанизациі жизни, 2) въ частности въ настоящее тревожное время всемірными призывами къ вѣрующимъ чадамъ Церкви сохранять самообладаніе, взаимную любовь и справедливость съ подавленіемъ чувствъ мстительности, злорады, взаимныхъ споровъ и упрековъ, покорность существующей государственной власти, общественный миръ и порядокъ, послушаніе пастырямъ въ дѣлахъ и вопросахъ чисто религіозной совѣсти, соблюденіе церковныхъ уставовъ, чистоту личной и семейной жизни, усердный трудъ, любовь къ отечеству, требующую самоотверженія и готовности на всякія жертвы и лишенія во дни тяжкой войны.

4) Выразить пожеланіе и полную увѣренность, что такъ называемой „реакціи“ чисто политическаго свойства, какъ опасности для Временнаго Правительства и всего нашего отечества, въ рядахъ духовенства не будетъ дано мѣста при новыхъ основахъ жизни церковной, и что Временное Правительство въ лицѣ духовенства найдетъ не враговъ и тайныхъ противниковъ, а естественныхъ сотрудниковъ и пособниковъ, конечно, не въ прямой политической дѣятельности, а именно въ охраненіи мира, порядка и спокойствія въ общественной и государственной жизни.

5) Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ о.о. благочинныхъ, на основаніи наблюденій надъ жизнью пасомыхъ, однако, совершенно не касаясь чисто политическихъ источниковъ, считаетъ благовременнымъ вполне безотносительно ко всякой политической окраскѣ, высказаться, что въ данное время можетъ явиться опасностью для церковной, государственной общественной жизни анархія. Посему, твердо памятуя основное ученіе Слова Божія, что задача земного устроенія людей въ христіанскомъ обществѣ состоитъ въ томъ, «да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ», и что «сіе бо есть добро и угодно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже во всемъ чловѣкъмъ хочетъ спасти и въ разумъ истинны пріига», Совѣтъ о.о. благочинныхъ полагаетъ, что борьба, конечно, чисто духовная, путемъ молитвы и проповѣди, со всякими проявленіями анархія, а именно: насилій, грабежей, оскорбленій и злобныхъ чувствъ независимо отъ того, изъ какихъ политическихъ источниковъ она исходитъ, въ настоящее время составляетъ другую половину работу духовенства, направленной къ утвержденію любви, мира и спокойствія среди пасомыхъ.

6) Призывая пасомыхъ къ самообладанію въ переживаемые тревожные дни, пастыри и клиръ сами и прежде всего должны теперь имѣть особое самообладаніе. Посему Совѣтъ о.о. благочинныхъ усердно призываетъ собратій пастырей и всѣхъ членовъ клира хранить спокойствіе, не упреждать событий, не волновать общество излишними тревогами, не вызывать какихъ-либо востроеній въ церковной жизни, и въ дальнѣйшемъ поведеніи терпѣливо ожидать указаній Временнаго Правительства въ области гражданской, и Св. Синода въ области церковной, при чемъ воплѣ естественнымъ и законнымъ желаніямъ духовенства относительно общенія и взаимнаго обсужденія всѣхъ волнующихъ насъ въ жизни церковной вопросовъ (приходъ, епархіальное управленіе, благочинія и друг.) откроется просторъ послѣ того, когда, въ скоромъ времени,

минетъ переживаемое исключительное положеніе, объявлена будетъ свобода всякаго рода собраній, свобода печати и слова, каковой въ настоящее время еще нѣтъ въ полной мѣрѣ.

7) Въ зависимости отъ этихъ обстоятельствъ, но при первой возможности и при томъ въ скорѣйшемъ времени Совѣтъ с.о. благочинныхъ постановляетъ собрать общее Пастырское Собрание духовенства г. Москвы, или рядъ такъ въ хъ собраній, можетъ быть, даже правильно-периодическихъ, а теперь, въ случаѣ заявленій желанія со стороны духовенства, по возможности присущивъ къ благочинническимъ собраніямъ, которые своими предварительными сужденіями и постановленіями подготовить материалъ и порядокъ для общихъ Пастырскихъ Собраній.

8) Настоящее постановленіе, въ виду временнаго отсутствія въ Москвѣ Митрополита, привести во исполненіе безъ утвержденія Митрополита и сообщить всѣмъ Пресвященнымъ Викаріямъ, Духовной Консисторіи, всему духовенству Москвы, напечатать его въ наиболѣе распространенныхъ газетахъ, хо я въ извлеченіи; кромѣ того, при первой возможности, напечатать въ типографіи и особыми листками, и въ Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, сообщить также и частному пастырскому собранію, которое имѣетъ бытъ 8-го марта въ Епархіальномъ Домѣ, и всѣмъ собраніямъ благочинническимъ.

Церковныя дѣла.

Меня просятъ высказаться печатно по вопросу о направленіи церковныхъ дѣлъ, примѣнительно къ новому строю государственной жизни. Исполняю просьбу.

Подчинившись Временному Правительству, я тѣмъ самымъ, конечно, обязуюсь принять основы новаго строя, и имѣть съ тѣмъ считаться съ декларацией Правительства, въ которой указаны эти основы. Поэтому говорить о полной картинѣ будущаго церковнаго обновленія и устроенія я не могу, имѣя въ виду, что только Учредительное Собрание дастъ государству нашему новые Основные Законы, которые и опредѣлятъ ясно и точно, въ какихъ отношеніяхъ впродъ будутъ находиться Церковь и государство. Отъ этого главнаго и кореннаго вопроса разумѣется, зависятъ и всѣ частные выводы.

Но отодвигать разрѣшеніе всѣхъ назрѣвшихъ нуждъ до Учредительнаго Собранія тоже невозможно и неблагоприятно. Поэтому все, что неотложно, необходимо совершить и теперь, имѣя въ виду тѣ общія основы жизни, какія указаны въ декларациі Временнаго Правительства.

Всякій строй имѣетъ свою отправную точку зрѣнія, и поэтому долженъ отличаться внутреннею и внѣшнею,—принципіальною и практическою—согласованностью. Экипажъ не можетъ двигаться такъ, чтобы два колеса его вертѣлись впередъ, а два назадъ. Съ этой точки зрѣнія, новый строй государственной и церковной жизни, въ отличіе отъ стараго, будетъ примѣнять въ церковной жизни во всей широтѣ выборное начало. Если мы ранѣе возражали противъ него, то именно потому, что при старомъ строѣ оно было совершенно непримѣнимо по самому существу, было, говорили когда-то, противоположаемо.

Итакъ, отнынѣ и въ высшемъ управленіи Церкви, и въ пополненіи епископата, и въ епархіальномъ управленіи мы будемъ имѣть выборное начало: члены

епархіального, пресвитерскаго или смѣшаннаго церковно-народнаго совѣта при епископѣ, члены епархіального управленія, имѣющаго замѣнить консисторію, благочинныя, руководители епархіальныхъ литературныхъ органовъ, члены различныхъ коллегій, дѣйствующихъ нынѣ въ епархіяхъ, различныя миссіонерскія, просвѣтительныя, благотворительныя учрежденія, корпораціи учебныя, приходы, монастыри,—все, всё и всюду будетъ проникнуто выборнымъ началомъ, которое войдетъ въ силу неизбежнымъ ходомъ и логическими требованіями жизни. Здѣсь все откладывать до Учредительнаго Собранія невозможно, да и неразумно, потому что само это Собраніе есть живое свидѣтельство торжества выборнаго начала.

Послѣднее, конечно предполагаетъ свободу и равенство, обезпечивая всѣмъ доступъ и участіе въ устройствѣ церковномъ. Свобода, однако, не отвергаетъ, не исключаетъ, напротивъ,—непрѣменно предполагаетъ для своего осуществленія порядокъ и право, систему и ясность, стройность и согласованность. Выборное начало предполагаетъ правильно организованнаго, а не случайнаго собранія. Послѣднія, конечно, при объявленнои свободѣ собраній, не могутъ быть ничѣмъ и никѣмъ стѣсняемы, но ихъ резолюціи, постановленія, пожеланія, сужденія отдѣльныхъ ихъ членовъ,—все это не можетъ имѣть характера обязательности и принудительности по отношенію къ духовенству, въ дѣлѣ церковнаго управленія,—оставаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣяніемъ, въ качествѣ подготовительнаго къ общимъ сужденіямъ, матеріаломъ.

Каждая среда имѣетъ свои специфическія особенности, свою природу, которую нельзя насиловать безъ ущерба дѣлу. Такъ, армія, при объявленной свободѣ, сохраняетъ при всемъ томъ свою дисциплину. Церковь—тоже воинствованіе Христово, но отъ воинства земнаго она отличается тѣмъ, что у нея есть *неизмѣняемая* никакою земною властью основа вѣры, нравственности и канона въ управленіи церковномъ. Съ этимъ непрѣменно надобно считаться, и въ этомъ только руслѣ вести дѣло церковнаго обновленія, если мы остаемся православными. Святѣйшій Синодъ—пока не упраздненъ,—остается равнопатріаршею властью, и пока онъ не замѣненъ ничѣмъ другимъ, онъ есть высшее наше церковное управленіе. Епископъ попрежнему остается въ полномѣ іерархическихъ правъ въ дѣлѣ священнослуженія и отвѣтственности предъ Богомъ за паству. Апостольскій завѣтъ епископу: „руки скоро не возлагай ни на кого же“ никто отмѣнить не можетъ. Правила апостольскія (39) и Соборныя (Лаодиц., 57) о томъ, что „пресвитеръ безъ воли своего епископа не долженъ дѣлать ничего“, остаются въ силѣ. Діаконы не могутъ литургисать, чтецы не могутъ совершать таинствъ, міряне не могутъ исповѣдывать, жены въ церквахъ не будутъ учить и священнодѣйствовать: ясно, что все это остается въ силѣ и никакое выборное начало здѣсь не внесетъ и не можетъ внести измѣненій, если конечно, православіе не будетъ упразднено и не замѣнится лютеранствомъ, баптизмомъ или другимъ исповѣданіемъ.

Выборное начало должно быть строжайше организовано: кто созываетъ выборное собраніе, кто, кого, для чего избираетъ, каково будетъ выборное собраніе по составу, какъ провѣрять законность и полномочія членовъ такого собранія, каковъ предметъ его сужденія, какъ голосовать, какъ составлять общее постановленіе, какъ вводить его въ жизнь и дѣлать обязательнымъ,—все это должно быть строго, точно, ясно обозначено и объявлено во всеобщее свѣдѣніе, и при томъ объявлено въ такомъ порядкѣ, который бы не оставялъ сомнѣнія въ томъ, что всё, до кого указаннаго правила касаются, дѣйствительно въ нихъ освѣдомлены.

Все это—азбука права, но въ исключительныя времена общаго возбужденія забывается и азбука, и спокойныя элементы жизни должны о ней напомнить, хотя бы въ отвѣтъ имъ слышались упреки, даже ругательства.

Возьмемъ частный примѣръ, который теперь особенно интересуетъ епархіальное духовенство. О.о. благочинныя, какъ и многія другія должностныя лица, конечно, теперь будутъ избираемы. Но для такого избранія потребуется въ законномъ порядкѣ, а не путемъ частныхъ совѣщаній съ резолюціями, изданіе и опубликованіе,—притомъ не черезъ газеты, а черезъ официальный органъ или особыми извѣщеніями отъ существующей пока консисторіи—спеціальныхъ правилъ, опредѣляющихъ время, мѣсто, составъ избирателей, порядокъ избранія и порядокъ введенія его въ жизнь. Законною же властью и законнымъ распоряженіемъ для епархіи являются указы Св. Синода, распоряженія мѣстнаго правящаго епархіей епископа, въ случаѣ же его увольненія, отсутствія, болѣзни или отстраненія,—того епископа, который законной властью Св. Синода, еще не упраздненнаго, или особымъ и *объявленнымъ* полномочіемъ правящаго архіерея будетъ назначенъ управляющимъ епархіей. Иначе ни консисторія, ни о.о. благочинныя не примутъ къ опубликованію и къ исполненію изданнаго распоряженія, не нарушая канона.

Поэтому-то, какъ Св. Синодъ не можетъ оставить кормило Церкви до законной замѣны его другимъ составомъ, такъ и консисторія, благочинныя и всякія другія должностныя лица, въ цѣляхъ сохраненія порядка въ церковной жизни, не могутъ самоупраздниться, а должны продолжать свое дѣло и ожидать естественнаго развитія событій, которыя, надо надѣяться, въ самомъ скоромъ времени внесутъ разъясненіе и порядокъ въ дѣло осуществленія новаго свободнаго церковнаго строя и, въ частности,—выборнаго начала при совмѣстномъ участіи клира и мірянъ. Только послѣ правильнаго и законнаго избранія замѣстителей, благочинныя и другія должностныя лица могутъ сдать свои полномочія, дѣла, документы, денежныя суммы и т. п. своимъ новозбраннымъ преемникамъ. До того же времени они должны смотрѣть на себя, какъ на временныхъ, хотя бы и вынужденныхъ, исполнителей своихъ должностей.

Чѣмъ спокойнѣе и съ большимъ самообладаніемъ будетъ вести теперь себя и свои дѣла, собранія, сужденія клиръ; чѣмъ болѣе онъ будетъ знакомить часто неосвѣдомленныхъ или мало освѣдомленныхъ въ церковномъ канонѣ мірянъ съ требованіями канона; чѣмъ болѣе будутъ, уважая и цѣня свою свободу, не посягать и на свободу чужую,—тѣмъ больше все мы покажемъ себя зрѣлыми для церковнаго обновленія на началахъ свободы и широкаго выборнаго права.

Нетерпѣливость и нетерпимость—вотъ самые опасныя теперь совѣтники. Мстительность за прошлое, злорадство за отстраненіе тѣхъ или другихъ лицъ отъ власти, сведеніе личныхъ счетовъ и новонародившійся особый карьеризмъ, особое политиканство, рассчитывающее на возвышеніе и продвиженіе посредствомъ криковъ о преданности новому строю и ненависти къ старому,—вотъ спутницы невысокихъ душъ. Предъ нами вопросъ огромной важности—будущее св. Церкви. Не нужно же обращать разрѣшеніе его въ зрѣлище злобы, въ арену брани или пикантныя разоблаченія и повѣсти. Часъ переживаемъ страшный. Судь Вѣжій идетъ. Передъ нами Церковь, а въ ней Христосъ, въ ней—спасеніе духовное наше и нашего народа. Часъ страшный!

Еще одно замѣчаніе. Естественно радуемся мы свободѣ. Но свобода не можетъ быть одностороннею. Отчего въ старомъ строѣ въ епархіальной жизни все было придавлено? Оттого, что и епископы, и Синодъ были въ рабствѣ.

Какъ Св. Синодъ могъ дѣйствовать цѣлесообразно, если оберъ-прокуроръ былъ фактическимъ его начальникомъ и дѣлалъ буквально все, что хотѣлъ? Ужь

на что послѣдняя передъ переворотомъ оберъ-прокуратура была безлична и ничтожна въ своихъ представителяхъ, а вѣдь какъ она давила на Синодъ! Если вѣрять сообщеніямъ людей, очень заслуживающихъ довѣрія, одинъ изъ представителей послѣдней оберъ-прокуратуры говорилъ и выражался не иначе, какъ „мой Синодъ“...

Клиру и мірянамъ, жаждущимъ свободы Церкви, необходимо всѣми силами души желать и всѣми доступными средствами содѣйствовать свободѣ Церкви во всей широтѣ ея жизни. Только при свободномъ Св. Синодѣ будутъ свободные епископы, свободный клиръ, свободное согласіе и взаимодѣйствіе и сотрудничество кляра и міръ, или, по выраженію слова церковнаго, „любодружное и благое единство, спѣшное во изящныхъ“.

Протоіерей *І. Восторговъ*.

Брачный разводъ *).

(Справка къ дѣлу о разводѣ Безродныхъ.)

И въ самый разгаръ разговоровъ о брачномъ разводѣ, вдругъ общественное вниманіе заняло сенсаціонное бракоразводное дѣло супруговъ Безродныхъ, о которомъ теперь много говорятъ въ прессѣ и особенно въ обществѣ. Подробности этого дѣла въ освѣщеніи газетъ столь необычайны, прямо невѣроятны, что мы совершенно отказываемся вѣрять въ сообщенія газетъ, по крайней мѣрѣ въ той ихъ части, которая касается стороны чисто юридической, процессуальной. Именно эта послѣдняя сторона представляется сплошнымъ беззаконіемъ, которое едва ли могло быть допущено въ Св. Синодѣ, и при томъ столь открыто и гласно.

Однако, обязанные ознакомить читателя съ указаннымъ дѣломъ, мы вынуждаемся повторить хотя бы краткѣ и въ общихъ чертахъ тѣ свѣдѣнія, которыя оглашены по этому дѣлу въ печати и не были опровергнуты.

По словамъ газетъ, дѣло представляется въ такомъ видѣ. На Высочайшее имя подана въ настоящее время жалоба на оберъ-прокурора Св. Синода Н. П. Раева супругою почетн. лейбъ-мелника Безродной, которая обвиняетъ г. Раева въ превышеніи власти, въ завѣдомо незаконныхъ дѣйствіяхъ и въ явно пристрастныхъ отношеніяхъ къ одной изъ тяжущихся сторонъ, именно къ ея разведенному теперь съ нею мужу. Егермейстеръ В. И. Мамонтовъ, главноуправляющій канцеляріей по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, которому вручена была упомянутая жалоба, не счелъ возможнымъ медлить съ дѣломъ, и немедленно далъ дѣлу законный ходъ.

„Всѣ матеріалы по дѣлу Н. П. Раева препровождены теперь предсѣдателю перваго департамента Гос. Совѣта Щербачеву. Въ числѣ матеріаловъ имѣется собственноручное письмо Н. П. Раева В. П. Мамонтову, въ которомъ Н. П. Раевъ просилъ не давать дѣлу хода. Какъ передаютъ, В. П. Мамонтовъ отвѣ-

*) Статья эта напечатана сначала въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ при старыхъ порядкахъ, когда возмутительное поведенію Раева можно было, по цензурнымъ условіямъ, освѣщать только намеками. Теперь мы перепечатаемъ нашу статью, какъ яркое свидѣтельство того, до чего можетъ доходить безответственность оберъ-прокурорской власти въ Св. Синодѣ и какое она оказываетъ давленіе на совѣсть іерарховъ.

тилъ Н. П. Раеву, что онъ долженъ поступить по закону, и препроводилъ вмѣстѣ съ тѣмъ письмо Н. П. Раева въ Государственную Канцелярію съ просьбой присоединить его къ дѣлу. Въ числѣ другихъ матеріаловъ имѣется отношеніе къ бракоразводному процессу супруговъ Безродновыхъ, препровожденное председателю перваго департамента Государственнаго Совѣта. Имѣется также удостовѣреніе, выданное въ 1913 г. за подписью директора Высшихъ женскихъ курсовъ того же Н. П. Раева о томъ, что *женщина-врачъ Феокритова* (съ которою и вступилъ въ бракъ г. Безродновъ послѣ состоявшагося подъ давленіемъ г. Раева развода) *безвыѣздно проживала* съ 23-го сентября 1910 г. по 4-е февраля 1913 г. *въ его, Н. П. Раева домѣ*, по Косому пер., въ № 11. Какъ извѣстно, *Н. П. Раевъ въ первоначальной стадіи процесса супруговъ Безродновыхъ выступалъ въ качествѣ свидѣтеля со стороны Н. С. Безроднова*, а затѣмъ уже въ качествѣ оберъ-прокурора принималъ ближайшее участіе въ этомъ дѣлѣ, *давая заключеніе по нему* (и вмѣстѣ съ тѣмъ *докладывалъ* это дѣло, отстранивъ почему-то обычнаго докладчика изъ секретаріата Синод. Канцеляріи.) Какъ полагаютъ, засѣданіе перваго департамента по дѣлу Н. П. Раева состоится до открытія сессіи Гос. Думы, причемъ, отъ Н. П. Раева будутъ затребованы объясненія.

Газеты утверждаютъ также, что Н. П. Раевъ посѣтилъ председателя Совѣта Министровъ кня. Н. Д. Голицына и въ продолжительной бесѣдѣ доказывалъ, что его заключенія, представленныя имъ Синоду, не могли играть рѣшающаго значенія въ постановленіи Синода по дѣлу Безродновыхъ, такъ какъ Синодъ, по закону, не обязанъ соглашаться съ заключеніями оберъ-прокурора.

О засѣданіи Синода 23 сентября 1916 г. (оно состоялось въ составѣ лѣтней сессіи Синода подъ предсѣдательствомъ матрон. Питирима), въ которомъ разбиралось дѣло супруговъ Безродновыхъ, передаютъ слѣдующія подробности. Дѣло Безродновыхъ, *начавшееся въ 1912 году*, послѣ четырехлѣтней волокиты считалось законченнымъ, такъ какъ *консисторія дважды признавала ходатайство Безроднова незаслуживающимъ удовлетворенія*. 19 сентября 1916 г. Безродновъ вновь подалъ жалобу въ Синодъ. Узнавъ объ этомъ, супруга Безроднова 20 сентября явилась въ канцелярію Синода съ просьбой выдать ей копию жалобы, но въ этомъ ей было отказано подъ предлогомъ, что все дѣло находится у самого оберъ-прокурора.

П. К. Безроднова отправилась къ оберъ-прокурору, но не была имъ принята, причемъ онъ заявилъ чрезъ чиновника, что бракоразводными дѣлами не занимается и что жалобы у него нѣтъ. Тогда Безроднова обратилась къ товарищу оберъ-прокурора Н. Ч. Заіончковскому, котораго просила отложить слушаніемъ ея дѣло, пока она не ознакомится съ жалобой мужа. Но на другой день Н. Ч. Заіончковскій заболѣлъ, и оберъ-прокуроръ своею властью назначилъ дѣло къ слушанію на 23-е сентября безъ предварительнаго оповѣщенія г-жи Безродновой и, имѣя отрицательное рѣшеніе петроградской консисторіи, которая, вновь рассмотрѣвъ дѣло, незадолго передъ симъ, вновь же и отвергла домогательства г. Безроднова). Такимъ образомъ, дѣло было рѣшено-Синодомъ черезъ три дня послѣ подачи жалобы. Обычно такія дѣла тянутся по нѣскольку лѣтъ. Въ засѣданіи 23 сентября первую была заслушана жалоба Н. К. Безродновой, обвинявшей своего мужа въ незаконномъ сожителствѣ съ женщиной-врачемъ Феокритовой. Въ доказательство Безродновой были представлены собственноручныя письма ея мужа къ Феокритовой. Давая заключенія по этому дѣлу, Н. П. Раевъ заявилъ, что собственноручныя письма мужа не имѣютъ значенія, если они не подтверждены свидѣтельскими показаніями, устанавливающими самый фактъ измѣны.

Представленные письма, по его мнѣнію, могутъ свидѣтельствовать лишь о духовной близости ихъ авторовъ. Затѣмъ разсматривалась жалоба Н. С. Безроднова, обвинявшаго свою жену въ невѣрности. Въ доказательство были представлены два свидѣтельскія показанія, что ингда въ отсутствіе мужа въ гости къ Безродновой приходилъ офицеръ Н. П. Раевъ въ своемъ заключеніи призналъ эти показанія достаточными для признанія невѣрности жены. Въ заключеніе Н. П. Раевъ указалъ, что онъ лично знаетъ какъ семью Безродновыхъ, такъ и Феокритовыхъ и ручается, что мужъ и Феокритова невинны, а жена виновна. Супруги Безродновы были разведены, а черезъ 2—3 дня послѣ этого Безродновъ женился вторымъ бракомъ на Феокритовой.

Пострадавшая Безроднова—дочь извѣстнаго военнаго писателя Дружинина, умершаго въ 1912 г., и родная сестра генерала Дружинина, убитаго на поляхъ сраженія въ текущую войну.

Таковы сообщенія газетъ, по нашему мнѣнію, врядъ ли соответствующія истинѣ. Дѣло Безродновыхъ, какъ очевидно, очень напоминаетъ въ свое время нашумѣвшее и столь печально оканчившееся бракоразводное дѣло супруговъ Бутовичъ. Тамъ генер. Сухомлиновъ, но по личнымъ интересамъ, здѣсь г. Раевъ,—оба министра давили всею тяжестью своего властнаго положенія на Св. Синодъ. Но въ дѣлѣ г. Раева и развода Безродновыхъ положеніе мѣняется: генер. Сухомлиновъ былъ только вліятельнымъ просителемъ предъ Св. Синодомъ, г. Раевъ являлся уже не просителемъ, а докладчикомъ, хранителемъ гражданскаго закона и его интересовъ, блюстителемъ законности въ самомъ Синодѣ, а одновременно и свидѣтелемъ по дѣлу, наконецъ, обвинителемъ и даже—какъ бы повѣреннымъ г. Безроднова. Вотъ это-то намъ и кажется невѣроятнымъ, и вотъ почему.

Редакція наша, въ виду выдающагося интереса это о дѣлѣ, сочла нужнымъ для освѣщенія вопроса обратиться къ одному изъ лицъ, хорошо освѣдомленныхъ въ процессуальной сторонѣ бракоразводнаго дѣла, чтобы освѣтить жалобу Безродновой съ церковно-юридической стороны. Намъ доставлены по этому дѣлу слѣдующія справки.

Дѣло бракоразводное разсматривается въ Духозной Консistorіи (а не въ Синодѣ), которая и должна вести судоговореніе непременно въ присутствіи секретаря (опред. Св. Синода 17 дек. 1882 г. № 2729), какъ блюстителя гражданскаго закона. Такимъ образомъ, г. Раевъ если бы усмотрѣлъ что-либо незаконное или недоговоренное въ дѣлѣ Безродновыхъ, обязанъ былъ возратить дѣло въ Консistorію къ дослѣдованію. Мы отказываемся вѣрить, что г. Раевъ былъ свидѣтелемъ со стороны г. Безроднова въ начальной стадіи его бракоразводнаго процесса; ибо, если онъ таковымъ дѣйствительно былъ, то самый примитивный долгъ законности и простого благородства заставилъ бы его просто устраниваться отъ всего этого дѣла и передать его другому лицу, въ данномъ случаѣ своему товарищу и въ дальнѣйшемъ—вовсе не присутствовать при разборѣ дѣла въ Синодѣ, тѣмъ болѣе не докладывать о немъ и не давать заключенія.

Бракоразводное дѣло должно быть далѣе ведено сторонами *лично*, и только въ исключительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ по опредѣленію епархіальнаго начальства допускаются къ дѣлу повѣренные (Уст. Конс., ст. 241). При этомъ лицо, не получившее права участвовать въ бракоразводномъ дѣлѣ въ качествѣ повѣреннаго, не можетъ получать и всякаго рода справокъ, свѣдѣній и документовъ по дѣлу (ук. Св. Свн. 31 марта 1908 г. № 6). По смыслу газетныхъ извѣстій, такимъ образомъ, выходитъ, что оберъ-прокуроръ въ данномъ случаѣ одновременно явился не только свидѣтелемъ, обвинителемъ, докладчикомъ

и блюстителемъ закона, но вмѣстѣ повѣреннѣмъ г. Безроднаго, однако, безъ законнаго допущенія къ сему званію. Неужели жо этому можно повѣрить?

Закономъ строгаише требуется не только извѣщать, но пастойчиво отыскивать (Ук. Св. Сун. 31 дек. 1852 г. п. 11-й), вызывать, принимать чрезъ полицію всѣ мѣры, чтобы при судоговореніи *непрервнн*о участвовали стороны (Ук. 1 февр. 1910 г., № 3, Уст. Конс. изд. 1883 г. ст. 247), причемъ предписано: а) лицъ, обвиняемыхъ одною изъ сторонъ въ прелюбодѣянн *безотлагательно поставлять въ извѣстность* о предъявленномъ къ нимъ обвиненіи (Ук. 28 полож. 1908 г. № 16) и б) строгаише предписано представляемыя истцомъ и отвѣтчикомъ данныя *послѣ* состоявшагося судоговоренія *совѣстнѣмъ изслѣдованію не подвергать*, а постановлять по бракоразводнымъ дѣламъ рѣшеніе *исключительно* на основаніи данныхъ, кои были представлены тяжущимися на бывшемъ судоговореніи или особыхъ, поданныхъ *до онаго* прошенійхъ (Ук. Св. Сун. 7 дек. 1902 г. № 16). Уже послѣ этого Консисторія, по приведеніи всего дѣла въ ясность, составляетъ изъ дѣла записку, представляеть ее къ рукоприкладству истцу и отвѣтчику и затѣмъ только постановляеть рѣшеніе. (Уст. Конс., ст 252). Итакъ, г. Раеву нужно было: а) въ качествѣ свидѣтеля представить *новыя* данныя къ дѣлу, б) г. Безродному (а не Раеву) нужно было вновь направить *въ Консисторію*, а не въ Синодъ, в) ожидать новаго судоговоренія, на каковое *обязательно* вызвать г-жу Безроднову, а не отстранять ея, какъ это было въ настоящемъ дѣлѣ, и г) уже послѣ сего нужно было подвергнуть разбору дѣло въ Св. Синодѣ, въ случаѣ *апелляціи* со стороны одной изъ тяжущихся сторонъ.

Въ разсматриваемомъ дѣлѣ, если вѣрить газетамъ, на высотѣ закона оказалась та самая Консисторія, на которую сыпалось всегда столько обвиненій, хетя секретарь ея, вступившій на путь, негодный для оберъ-прокурора, могъ подвергнуться опасности потерять мѣсто или быть переведеннымъ изъ столицы въ провинцію.. Неясно, почему дѣло прошло такъ гладко въ самомъ Св. Синодѣ и почему не раздалось никакихъ возраженій со стороны его членовъ по дѣлу. Очевидно, что-то есть въ газетныхъ сообщеніяхъ ведоговоренное и неясное...

Съ трудомъ мы вѣримъ и тому, что Раевъ закрывается авторитетомъ Синода, ссылается на коллегіальность его рѣшеній по большинству голосовъ. Ибо, по основному смыслу самой должности оберъ-прокурора, онъ „яко око государево и стряпчій въ дѣлахъ государственныхъ“ (Духовн. Реглам.) *обязанъ* протестовать въ случаѣ незаконности рѣшенія дѣла и представлять свой протестъ на Высочайшее благовоззрѣвіе. Таково и требованіе закона для всякаго прокурора. Въ Синодѣ же отъ оберъ-прокурора *всецѣло* зависитъ и предложить дѣло къ слушанію и предложить его къ подписи послѣ рѣшенія, и „пропустить“ потомъ къ исполненію. Такая исчерпывающая полнота власти обязываетъ и къ полнотѣ отвѣтственности...

Во всякомъ случаѣ, дѣло Безродновыхъ имѣеть и принципиальное и бытовое значеніе, и естественно, что всѣ общественные круги, безъ различія политическихъ и иныхъ направленій, слѣдятъ за нимъ съ большимъ вниманіемъ. Мы будемъ съ нетерпѣніемъ ожидать его выясненія, и теперь мы выражаемъ увѣренность, что сущность дѣла передана н-шей прессой въ тенденціозномъ и извращенномъ видѣ. Съ нашей точки зрѣнія, такое беззаконіе немислимо. Нужно, не теряя времени, пристыдить газетныхъ выдумщиковъ яснымъ и точнымъ изложеніемъ въ печати всего этого дѣла, исходящимъ изъ вполне авторитетныхъ источниковъ.

Протоіерей *І. Восторговъ*“.

ОТЧЕТЪ И СУДЪ.*

И идутъ сіи въ муку вѣчную,
праведницы же въ жизнь вѣчный.
(Мѣ. XXV, 46.)

Нѣтъ, кажется, другой истины, которая такъ подсказывалась бы нашимъ сердцемъ, какъ истина будущаго суда и отчета, о которой сегодня напоминаетъ намъ Св. Церковь. И въ то же время, нѣтъ другой истины, которая подвергалась бы такимъ возраженіямъ, сомнѣніямъ, отрицаніямъ со стороны людей, желающихъ отогнать отъ себя страхъ вѣчнаго суда Божія.

Нельзя сказать, чтобы невѣріе и нечестіе были особенно глубоки или изобрѣтательны на такія возраженія; возраженія эти слабы, а убѣдительными являются только для тѣхъ, кто заранѣе склоняетъ къ нимъ сердце и во что бы ни стало хочетъ ими проникнуться; они, къ тому же являются ходячими и одинаковыми изъ вѣка въ вѣкъ. Впрочемъ, на неустойчивыя души, на умы, мало вдумчивые и неглубокіе, такія возраженія, конечно, могутъ имѣть нѣкоторое вліяніе, особенно въ связи съ постояннымъ стремленіемъ грѣшника успокоить себя. Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ. Въ такой же мѣрѣ можно сказать, что рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ воздаянія. Скажемъ даже больше: потому-то и стремится невѣріе отвергать существованіе Бога, что страшится именно воздаянія, съ которымъ въ живой религіи, непремѣнно связана вѣра въ Бога. Оттого-то на такихъ сомнѣніяхъ и возраженіяхъ бесполезно остановиться.

Можно ли, спрашиваютъ обычно возражатели, — можно ли допустить, чтобы грѣхъ, совершенный *во времени*, получалъ наказаніе *въ вѣчности*. И справедливо ли это? Разумно ли это?

Возражатели не замѣчаютъ, что въ ихъ вопросахъ не болѣе какъ пустая игра въ слова, и ни капли убѣдительности! И грѣхъ, и добродѣтель, конечно, совершаются во времени, но дѣло въ томъ, что совершающій то и другое человѣкъ предназначенъ жить въ вѣчности. Какъ же иначе, какъ не вѣчнымъ, въ такомъ случаѣ представлять себѣ будущія награды и наказанія? И далѣе: кто же тебѣ внушилъ, что тяжесть грѣха взмѣряется только продолжительностью времени, потребнаго для его совершенія? Убить ближняго можно въ однакъ мигъ: отсюда не сдѣлаешь ли выводъ, что убійство, какъ дѣйствіе кратковременное, есть грѣхъ наименьшій? Можетъ-быть, эта философія увлекательна для Каина, а внушена діаволомъ: но какое же правильно развитое нравственное чувство можетъ согласиться съ нею? И, наконецъ, если за грѣхъ, во времени содѣянный, несправедливо наказывать въ вѣчности, то столь же несправедливо было бы и за добродѣтель награждать въ вѣчности. Ибо и добродѣтель совершается во времени. Но если въ вѣчности нѣтъ ни награды, ни наказанія, — то что же будетъ? Остается одно: небытіе. Вотъ до какихъ выводовъ само собою доходитъ съ перваго взгляда какъ будто бы и грозящее убѣдительностью возраженіе противъ будущаго суда и отчета.

Какъ, говорятъ еще, — какъ милосердіе Божіе можетъ допустить вѣчное страданіе грѣшника? Это-де несообразно съ любовью и сожалѣніемъ къ несчастному!

Ахъ, успокойтесь всѣ тѣ, которые все тревожитесь, какъ бы Господь не

*) Въ недѣлю мясопустную.

оказался менѣе справедливъ и милосерденъ, чѣмъ вы, и не учите Бога! Если грѣшникъ самъ къ себѣ не милосердъ и самъ себя не жалѣетъ, то, по вашему сужденію, Богъ долженъ спасти его принудительно и насильно?! Но тогда сами скажите: соответствуетъ ли такое дѣйствіе свойству Божественнаго Разума и Правды, а вмѣстѣ — соответствуетъ ли разумности и нравственно-духовной свободѣ человѣка? Тогда Бога мы должны представлять безъ разума и правды, а человѣка не личностью, а вещью. Тогда нѣтъ нигдѣ и нѣ въ комъ нравственнаго закона, а есть только одно беззаконіе и произволъ, своего рода капризъ, свыше освященный; тогда незачѣмъ даже и говорить о добрѣ и злѣ!

Но почему же тогда произволъ будетъ направленъ только въ сторону милванія? Почему не въ сторону только суда и взысканія?

Если съ милостью Божественною не живетъ вмѣстѣ и Божественное правосудіе, тогда зачѣмъ же всѣ эти заповѣди, увѣщанія, предписанія, угрозы, обѣтованія, — все то, чѣмъ полно Божественное Писаніе и слово Воплощенной Любви — Христа-Бо-очеловѣка? Есть ли тогда въ нихъ смыслъ, цѣль и значеніе, есть ли въ нихъ какая-нибудь внутренняя обязательность? И не обращается ли тогда вся нравственная и духовная жизнь человѣка, и больше того, — весь міръ въ одну сплошную бессмыслицу, въ царство безразличія разума и неразумія, добра и зла?

Что и говорить: пріятна и успокоительна такая философія для грѣшниковъ! Но въ такомъ случаѣ, что же изъ себя представляютъ праведники со всѣми ихъ страданіями и мученичествомъ за исполненіе долга, со всѣми ихъ порываніями къ высшему нравственному совершенству? Не глупцы ли это, не безумцы ли, гонящіеся за вѣтромъ въ полѣ, внушившіе себѣ мысль о существованіи несуществующаго нравственнаго закона и духовнаго развитія человѣка? И опять: къ чему же тогда сводится исторія всего человѣчества, которое всегда томительно и напряженно искало нравственнаго смысла жизни, — къ чему, какъ не къ сплошной бессмыслицѣ? Не сплошной ли это домъ умалишенныхъ?

Огрцающіе мздохозяиніе хорошо знаютъ, что существуютъ *законы* природы, хорошо знаютъ, что эти законы непреложны, что они, такъ сказать, мстятъ за ихъ нарушеніе, которое, дѣйствительно, всегда и неизбежно влечетъ тѣ или другія послѣдствія. Такъ, если не станете ѣсть, пить или дышать, непременно получите смерть тѣла. Почему же думаютъ, что нравственные, духовные законы правды и добра не такъ же непреложны, какъ законы физическіе? Почему ихъ не считаютъ неизблемымъ? Почему полагаютъ, что исполненіе и нарушеніе ихъ безразлично?

Предъ нами, напримѣръ, законъ причинности. Если вы льете воду изъ сосуда, то неужели думаете, что воды все время въ сосудѣ остается прежнее количество? Почему жъ думаютъ, что въ духовномъ мірѣ законъ причинности не имѣетъ дѣйствія, что можно безъ конца нарушать законы Бога, — Того же Бога, Который установилъ законы и міра физическаго, — а результатовъ и послѣдствій такого нарушенія не будетъ? И снова представляется вопросъ: если добро даетъ блаженство даже и въ этой земной жизни, а затѣмъ и въ вѣчной, — почему же не имѣетъ своихъ послѣдствій зло?

Приведемъ еще примѣръ. Предъ нами обычная жизнь человѣка, въ которой мы наблюдаемъ, что чѣмъ болѣе она разумно и справедливо устроена, тѣмъ болѣе она утверждаетъ отвѣтственность людей за свои дѣянія: въ службѣ, въ хозяйствѣ, въ обществѣ, въ государствѣ, во всякомъ занятіи требуется отъ насъ *отчетъ*. Почему же только въ жизни нравственной все должно быть и безъ порядка, и безъ смысла, и безъ отчета?

Тогда и Божество надобно представлять силою безличною, неразумною и

слѣпо, дѣйствующею по какой-то необходимости, безъ разума и цѣли. Такъ именно и представляетъ Божество извѣстный Толстой, который по этому самому и не могъ признавать ни молитвы, ни присяги, ни общенія съ Богомъ, — ни суда предъ Нимъ и отчета. Но въ такомъ случаѣ нѣтъ и вѣры, нѣтъ и религіи въ собственномъ смыслѣ слова, нѣтъ христіанства: ибо съ безличнымъ Божествомъ невозможно единеніе личности человѣческой; безлично Божество не можетъ дать прощенія грѣха, искупленія, благодати и Церкви. Тогда, конечно, нѣтъ ни грѣха, ни добродѣтели, ни награды, ни наказанія; тогда человѣкъ подобенъ морской волнѣ, которой никто не вмѣняетъ ни въ заслугу, ни въ наказаніе, почему она катится въ одну сторону, а не въ другую. Но если мы—христіане, то вѣра наша состоитъ именно въ томъ, что мы признаемъ Бога Всемогущаго, Премудраго, Благодатнаго и Праведнаго, нашего Творца, Промыслителя и Судю. Безъ вѣры, говоритъ св. апостоль, невозможно угодили Богу, вѣровати же подобаетъ приходящему къ Богу—въ то что *Онъ есть и ищущимъ Его мздовоздатель* бываетъ (Евр. XI, 6).

Приведемъ, наконецъ, еще одинъ законъ природы, о которомъ рѣдко вспоминають, когда говорятъ о будущемъ судѣ Божіемъ и о послѣдней судьбѣ человѣка послѣ суда.

Мы видимъ дѣйствіе этого закона и въ духовномъ мірѣ, и примѣненіе его здѣсь даетъ намъ объясненіе самаго существа духовнаго закона возмездія. Законъ этотъ есть *законъ инерціи*. Предметъ движется въ ту сторону, куда его направили ударомъ или метаніемъ. Камень, брошенный внизъ, не летитъ вверхъ; направленный ударомъ въ одну сторону, шаръ не катится въ сторону противоположную. Въ духовной области наблюдается то же явленіе. Какъ мы направимъ духовную жизнь во время земной жизни, въ сторону добра или зла,—въ ту сторону, въ томъ направленіи она и будетъ развиваться въ вѣчности, послѣ смерти тѣла. Итакъ, если кто въ земной жизни искалъ Бога, искалъ вѣры, молитвы, любилъ добродѣтель, осуждалъ и ненавидѣлъ грѣхъ, порокъ и зло, если, хотя бы и падалъ, но каялся, оплакивалъ паденіе, осуждалъ зло, не оправдывалъ его, и умеръ такъ съ вѣрою, покаяніемъ, въ жаждѣ общенія съ Богомъ, съ мольбою о прщеніи грѣха, съ примиреннымъ духомъ,—тотъ будетъ жить духомъ и по смерти тѣла въ томъ же направленіи, въ томъ же направленіи и развиваться далѣе. И вотъ почему Церковь молится объ усопшихъ *вѣрныхъ*, вѣруетъ въ облегченіе ихъ загробной жизни, въ прщеніе ихъ грѣховъ по смерти, приноситъ за нихъ безкровную умилостивительную и очистительную Жертву, назначаетъ особые дни поминовенія, — какъ и вчера, предъ недѣлей Страшнаго Суда, — и заповѣдуетъ живымъ совершать благоговенія въ память умершихъ и какъ бы вмѣсто нихъ, въ надеждѣ имъ мира загробнаго, очищенія, свободы и блаженства. Но молится она такъ *не о всѣхъ* умершихъ, а только о *вѣрныхъ*, умершихъ въ вѣрѣ, въ общеніи съ Церковью, въ чувствѣхъ покаянія и въ надеждѣ вѣчной жизни.

Если же кто жилъ въ земной жизни, работая грѣху сознательно, оправдывалъ грѣхъ, возводилъ его даже въ заслугу и добродѣтель, былъ упорнымъ и нераскаяннымъ, ненавидѣлъ Церковь за призывы къ исправленію, смѣялся надъ христіанскимъ ученіемъ, пилъ беззаконіе, какъ воду, и не радѣлъ о спасеніи; кто соблазнялъ другихъ на грѣхъ и для успѣха соблазна отрицалъ грѣхъ, проповѣдывалъ объ условности понятій добра и зла или ссылаясь на то, что Богъ-де все проститъ и, *вакимъ* образомъ, самое милосердіе и долготерпѣніе Божіе обращалъ въ поводъ къ грѣху,—тотъ въ такомъ же направленіи, утверждаясь во злѣ, будетъ развиваться и жить послѣ смерти тѣла. Таковъ законъ: предметъ, брошенный внизъ, не летитъ самъ собою вверхъ.

Кто идетъ въ сторону отъ Бога, какъ придетъ къ Богу? Кто искалъ отчужденія отъ Бога, какъ придетъ къ близости къ Нему? Для кого противно было общеніе съ Богомъ, какъ онъ придетъ къ единенію съ Нимъ? Но общеніе съ Богомъ и есть блаженство, рай, а отчужденіе отъ Бога есть страданіе, адъ. Въ такомъ случаѣ, грѣшникъ и въ раю будетъ страдать, какъ говорятъ одинъ изъ нашихъ церковныхъ пастырей-проповѣдниковъ. „Для грѣшника вездѣ будетъ адъ“, „ибо причина страданія его, т.-е. грѣхъ, находится въ сердцѣ его“¹⁾. Ибо рай и адъ—не мѣсто, которое можно внѣшнимъ образомъ перемѣнить, а состояніе духа, которое насильственно и механически измѣнить невозможно. Грѣшникъ, жившій въ отчужденіи отъ Бога, если бы и приблизился къ Богу, будетъ *неспособенъ* по своему состоянію вмѣстить блаженство отъ общенія съ Богомъ. Напротивъ, какъ свѣтъ для больного глаза, это общеніе будетъ доставлять ему только мученіе, и, какъ свѣтъ для слѣпота, это общеніе будетъ неощутимо, невѣстимо въ сознаніе. Вотъ откуда, извнутри, а не извнѣ, отъ внутренняго состоянія грѣшника, а не отъ внѣшняго опредѣленія суда Божія будетъ исходить вѣчность блаженства и вѣчность мученій. Это надо помнить. Не Богъ виновникъ нашей вѣчной гибели, а мы сами, — въ нашей свободѣ, въ нашемъ произволеніи относительно самаго направленія душевной нашей жизни.

Въ евангельскомъ сегодняшнемъ чтеніи дѣло представляется какъ-будто иначе: Господь изрекаетъ Свой приговоръ, однимъ—въ жизнь вѣчную, другимъ—въ муку вѣчную. Но вѣдь это притча, образное ученіе. Ибо на языкѣ нашемъ, человѣческомъ нѣтъ словъ, въ нашемъ воображеніи нѣтъ красокъ и образовъ для яснаго представленія и изображенія того бытія, о комъ слышится слово апостола: ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша и на сердцѣ чловѣку не взидоша, — то приготовилъ Господь для любящихъ Его. (1 Кор. II, 9). Но самый смыслъ ученія церковнаго и ясенъ, и понятенъ.

Не станемъ же себя обманывать и утѣшать, какъ неразумныя дѣти. Не станемъ склонять сердце и слухъ къ соблазнительнымъ, духовно-смертельнымъ и ядовитымъ увѣреніямъ о томъ, что вѣчныхъ наказаній не будетъ.

Будетъ смерть! И столь же несомнѣнно, — будетъ судъ, будетъ отчетъ, будетъ рай или адъ, будетъ блаженство или страданіе.

Объ этомъ Св. Церковь и призываетъ насъ сегодня размыслить. Аминь.

Протоіерей І. Восторговъ.

Начало постнаго подвига ¹⁾).

Постнаго житіе время свѣтло начнемъ,
въ подвига духовные себе повергающе.
(Стих. вечерни.)

Такъ, по слову Церкви, не въ скорби и тяготѣ, не въ уныніи и страхѣ, а въ свѣтлой радости надобно начинать время святаго поста.

„Свѣтло начать“ постъ именно и значить начать его въ радости. И нельзя иначе начать, ибо покаяніе говоритъ о прощеніи грѣховъ, о новой жизни,

¹⁾ Поученіе за вечерней въ недѣлю Сыропустную.

о близости спасенія. Нывѣ, говоритъ апостоль, это спасеніе ближе къ намъ, ибо ночь прошла, а день приблизился, такъ что наступило теперь для насъ время отъ сна грѣховнаго возстати... (Римл. XIII, 11—12).

Свѣтло начать—значитъ начать въ бодрости и воодушевленія. И нельзя начинать иначе: ибо тогда не зачѣмъ и приступать къ подвигу, который все равно обреченъ въ такомъ случаѣ на полное безплодіе.

Свѣтло начать—значитъ начать дѣйствительно въ свѣтломъ, — мирномъ, въ спокойномъ настроеніи души. Ибо какая же свѣтлость на душѣ, если въ ней гвѣздится злбный чувства? И какъ намъ осуждать теперь другихъ, если въ наступающіе дни поста и покаянія мы сами будемъ подсудимыми? Тогда во всей правдѣ исполнятся надъ нами словъ слышаннаго сегодня евангелія, слово Христова: если вы не отпустите человѣкамъ согрѣшенія ихъ, то и Отецъ вашъ Небесный не отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ.

Одна изъ молитвъ церковныхъ за пятнадцатую вечернюю службу сравниваетъ время грядущаго поста для насъ съ рѣкою, которую мы должны переплыть, а насъ пмевуетъ пловцами. Но вѣдь пловець, чтобы легко и безопасно достигнуть противоположнаго берега, обыкновенно сбрасываетъ одежду, долженъ отбросить всякую пошу, всякія тяжести, хотя бы и драгоценныя въ мірской жизни. Сбросимъ и мы всѣ тягости сердца, отбросимъ злбу, вражду, какъ бы ни привязано было къ нимъ наше сердце, и съ облегченнымъ духомъ вступимъ въ путь поста.

Есть сегодня еще начало доброе для поста. Счастливые сознаниемъ, что мы видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа небснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную, что мы имѣемъ доступъ къ прощенію грѣховъ и къ живому общенію съ Богомъ въ таинствѣ причащенія,—вспомнимъ мы о тѣхъ людяхъ и цѣлыхъ племенахъ и народахъ, которые совсѣмъ не знаютъ Христа, Его Церковь,—Его Спасеніе! О, какъ тяжело ѣхать въ путешествіи тысячи верстъ по странамъ обладаіаія языческаго, видѣть города, селенія, встрѣчать множество людей,—и не видѣть нигдѣ креста и храма, знать и видѣть, что надъ всею этою жизнью вѣгъ вѣяніа Христіанской вѣры! Какъ только эти люди живутъ! Какъ въ туманѣ, какъ въ угарѣ, какъ въ какомъ-то кошмарномъ сновидѣніи, какъ въ звѣриномъ царствѣ! А вѣдь и надъ ними тяготѣетъ грѣхъ, и они испытываютъ муки совѣсти, страхъ смерти, имѣютъ духовные зпросы истины и вѣчной жизни! Гдѣ же и въ чемъ найдутъ они удовлетвореніе жаждѣ своего духа? А вѣдь они—такіе же люди, какъ мы, вѣдь они—наши братья! Какъ тяжело сознавать, какъ стыдно сознавать, что только треть человѣчества исповѣдуетъ христіанство, и изъ этой трети, въ свою очередь, только третья часть принадлежитъ къ Православной, единой и истинной Церкви!

Итакъ, постаго житія время свѣтло начнемъ нашими жертвованіями на святое дѣло проповѣди Христовой вѣры среди язычниковъ и невѣрующихъ Христа. Тяжкую нужду испытываетъ православная христіанскія миссія теперь, во время тяжелой войны и тяжелой дороговизны жизни. Не забудемъ же ея работниковъ, и начнемъ постъ святымъ дѣломъ помощи святому дѣлу распространенія Святаго евангелія.

Доброе дѣло это, по неложному обѣтованію слова Господня откроетъ намъ путь и къ полученію прощенія грѣховъ. Братіе, говоритъ св. апостоль Іаковъ, если кто обратитъ грѣшника отъ заблужденія пути его, тотъ спасетъ душу отъ смерти, и покроетъ множество грѣховъ! (Іак. V, 19—20).

Помогите святому дѣлу вѣропроповѣдничества! Аминь.

Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

Вѣра нераздѣльная ¹⁾.

Въ минувшую первую седмицу святого поста, и во всѣ дни поста, когда совершается преждеосвященная литургія, до самой Пасхи, мы слышимъ въ концѣ службы, какъ заключительное и самое важное моленіе, выражающее сущность святой Четырехдесятиницы,—моленіе о томъ, чтобы Господь удостоилъ насъ и подалъ намъ силу *вѣры нераздѣльной соблюсти*... Какъ важно это благо, видно изъ того, что и св. апостолъ указываетъ на него, на цѣль и завершеніе всей жизни христіанина, желая всѣмъ достигнуть *въ соединеніи вѣры*, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова. (Еф. IV, 3) Какъ важно это благо, видно и изъ того, что, по слову Церкви, въ нынѣшнемъ праздникѣ торжества православія и самое православіе состоитъ въ томъ, что послѣ страшной бодьбы съ невѣріемъ, зловѣріемъ, сомнѣніемъ, ересями и расколами, Церковь достигла единства вѣры и исповѣданія во внутренней своей жизни. Такъ именно и гласитъ торжественная пѣснь нынѣшняго праздника: Взыграйте, восплешите, со веселіемъ воспойте вопіюще: коль чудна и дивна дѣла Твои, Христе, и кто возможетъ изречи, Спасе, силы Твоя, наше единомысліе и согласіе соединившаго во едину Церковь! (Свѣтилень).

Итакъ, единство въ истинѣ вѣры, жизни и богопочтенія, „любодружное и и благое единство, спѣшное во изящныхъ“ (Изъ службы въ день Св. Духа),— вотъ въ чемъ существо православія, вотъ за что боролись, и вотъ что оставили міру въ наслѣдіе и достойнѣе величайшіе подвижники и ревнители Православія.

Вѣра нераздѣльная!.. Какъ рѣдко мы наблюдаемъ такую вѣру въ наше время! Не говоримъ, что на землѣ доселѣ насчитывается до тысячи религій; не говоримъ, что міръ и нынѣ раздѣляется на христіанскій и нехристіанскій, при чемъ христіане—составляютъ всего только одну третью часть всего населенія земли, а среди нихъ, въ свою очередь, православныхъ тоже—только одна треть. Пѣтъ, среди самихъ именуемыхъ православныхъ и вѣрующихъ часто нѣтъ *вѣры нераздѣльной*: одни признаютъ говѣніе, сокаяніе и причащеніе, другіе—все это отъергаютъ и въ мысли и въ жизни; одни молятся, другіе—нѣтъ; одни подчпняются Церкви съ любовью, другіе къ ней холодны, чужды или даже враждебны; перѣдко подъ одной крышей и за однимъ столомъ не только вѣра раздѣльная, но раздѣльна даже самая пища, и одни хранятъ постъ, о другихъ же можно сказать то, что нѣкогда преподобный Сергій говорилъ о дикомъ животномъ, о медвѣдѣ, что приходилъ безъ различія дня къ его келліи за пищей: сн не вѣдаютъ поста... Вотъ только что окончилась исповѣдь,—и сколько мы, духовники, наслушались жалобъ и отъ молодыхъ, и отъ старыхъ, что они терпятъ насмѣшки и издѣвательства за любовь къ молитвѣ, къ Церкви, за исполненіе церковныхъ заповѣдей и предписаній, и какой они въ этомъ отношеніи несутъ тяжкій крестъ скорби. И только сознание, что обретѣнное страданіемъ становится намъ еще дороже, утѣшаетъ этихъ безкровныхъ мучениковъ современной жизни. Гдѣ же тутъ до вѣры нераздѣльной!

Вникаютъ ли эти раздиратели единства вѣры въ то, какія отъ ихъ дѣйствій могутъ быть послѣдствія? Понимаютъ ли они, что ихъ цѣлью служить приведеніе жизни къ такому, напримѣръ, положенію, когда всѣ люди станутъ каждый говорить на своемъ отдѣльномъ языкѣ, перестанутъ другъ друга понимать, и пов-

¹⁾ Слово въ нед. Православія предъ сборомъ пожертвованій въ пользу Правосл. Миссіон. Общества.

торять вавилонское столпотвореніе? Понимають ли, что единство—это есть главная дѣль и религіи, и науки, и природы, и вообще жизни человѣка?

Въ Церкви единство ея есть то самое, о чемъ молился Христосъ Спаситель, отходя къ вольнымъ страданіямъ Геосиманіи и Голгооты. „Да будутъ всѣ едино“, „да будутъ едино, какъ Я въ Тебѣ, Отче, и Ты во Мнѣ, такъ и они да будутъ едино“; вотъ о чемъ нѣсколько разъ съ усиленіемъ, съ настояніемъ молилъ Онъ Отца Небеснаго. Какъ первосвященникъ Церкви, купленной Своею Кровію,—молилъ объ апостолахъ и о тѣхъ, которые увѣруютъ по слову ихъ (Чт. Іоанн. XVII глава). Блюсти единеніе духа въ союзѣ мира (Еф. IV, 3),—вотъ что завѣщали апостолы. Ихъ преемники, пастыри учителя вселенной, въ богодухновенныхъ своихъ писаніяхъ, на богодухновенныхъ Соборахъ, водимые Духомъ Святымъ, больше всего имѣли попеченіе о томъ, чтобы хранить священную единость нераздѣльной вѣры... И какъ великое завѣщаніе христіанскому міру, они оставили намъ Священный символъ вѣры, въ которомъ исповѣдали ученіе о Церкви, и какъ же они ее именовали? Прежде, чѣмъ назвать ее святою, Соборною и апостольскою, они именуютъ ее *Единою*. Ибо истина едина и иною быть не можетъ! И только единая Церковь можетъ быть и святою, и апостольскою, и Христовой и вселенской!

Возьмите, далѣе, исторію человѣчества, и въ ней вы найдете одно стремленіе, которое замѣтною, яркою полоскою проходить по всей жизни людей: это стремленіе создать мировыми монархіями единство человѣчества даже въ внѣшнемъ устройствѣ его земного существованія. Египетъ, Ассирія, Вавилонъ, Греція и Римъ дѣлали попытки утвердить такое единство, причемъ хотѣли обособить его то на силѣ принужденія, то на единствѣ языка, то на единой культурѣ, то на единствѣ управленія... Единство такое всякій разъ падало, и стало возможнымъ только тогда, когда не желѣзомъ и кровію, а истиной и любовью воплощенная истина и любовь, Христосъ Спаситель, утвердилъ вѣчное и всемірное царство на землѣ, именуемое Церковью, царствомъ Божиимъ. Это единство охватываетъ, по Его волѣ, не только жизнь земли, но и вѣчную жизнь неба, въ Церкви земной—воиствующей и небесной—торжествующей...

Возьмите исторію и основныя знанія человѣческой мысли: отъ первыхъ моментовъ философіи въ древней Греціи до нашихъ дней она ищетъ той основы, въ которой, *какъ въ единой*, можно слить сущность міровой жизни. И донинѣ такъ называемый *монизмъ*, желаніе найти это единство, есть неизмѣнное стремленіе науки и особенно философіи, какъ объединенія всѣхъ наукъ.

Возьмите, наконецъ, не весь міръ, не все человѣчество, а отдѣльныя группы людей, большія и малыя, вазываемыя народами, обществами, государствами. Всегда вдумчивые руководители жизни народовъ и въ пршломъ и въ настоящемъ искали единаго и объединяющаго народъ начала жизни, и на немъ строили будущее. Нужно ли говорить и напоминать, что таковымъ началомъ напимѣръ, для нашего русскаго царства служило святое православіе? Оно объединило славянскія разрозненныя племена, прежде враждебныя между собою; оно соединило съ ними единымъ союзомъ духовнымъ и племена инородческія и слало ихъ во единый духовнотѣлесный государственный организмъ; оно дало русскому народу его прекрасныя нравственныя свойства, его патріотическую любовь къ отечеству и способность на всѣ жертвы ради его блага; оно образовало, какъ бы освятило самый нашъ языкъ, и безконечно обогатило его переводами священныхъ и богослужебныхъ писаній; оно дало намъ духовное просвѣщеніе, поставивъ насъ въ связь съ древней образованной Византіей; оно способствовало чрезъ своихъ служителей принятію и правильному, свободному, а не рабскому усвоенію и новаго западнаго

просвѣщенія; оно служило и служить донынѣ единственно-прочной связью поколѣннѣмъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ.

Не можетъ и нынѣ существовать Россія безъ прочнаго духовнаго единства жизни. На чемъ же его основать? Указываютъ на государственное единеніе различныхъ входящихъ въ составъ Россіи племенъ и народностей. Но государственность дѣйствуетъ закономъ и правомъ, а законъ и право, въ свою очередь, получаютъ содержаніе и освященіе только отъ религіи. Указываютъ на единую культуру. Но культура, даже по самому слову, выражающая это понятіе, происходитъ отъ *культы*, т. е. религіознаго богопочтенія, въ Европѣ и въ русскомъ народѣ, и въ русскомъ государствѣ, конечно, не много, какъ христіанск. го. Указываютъ на общественный строй и общественныя обязанности. Но всякая обязанность, всякій долгъ непременно стоять въ связи съ тѣми или другими религіозно-просвѣтительными возрѣніями, иначе и въ этой области будетъ полный разбродъ. Полиціей не замѣнить нравственности! Указываютъ на единый и общій государственный языкъ. Но въдъ языкъ есть только *средство* общенія людей между собою, а самая основа общенія не въ языкѣ, а въ томъ, что онъ долженъ выражать. Основа же—есть единое духовное мировоззрѣніе.

И вотъ здѣсь-то и имѣеть огромное значеніе православно-христіанская миссія среди различныхъ нехристіанскихъ племенъ, обитающихъ въ Россіи,—миссія, о которой сегодня напоминаетъ намъ высшая церковная власть и проситъ и ась поддержать ее нашими пожертвованіями. Оставимъ чисто религіозное,—ея значеніе. Оно, конечно, для насъ превыше всего. Не будемъ повторять, что она есть проявленіе любви къ Богу и ближнимъ, безъ которой невозможно себѣ представить искреннаго и истиннаго христіанна. Останемся только на значеніи ея для нашей народной государственной жизни.

Въ Россіи, къ стыду и горю нашему, еще насчитываются милліоны не вѣрующихъ въ Христа. Знаемъ,—и въ томъ порукою призываемъ голосъ исторіи,—что *язычеству все равно не устоять*; оно падетъ непременно. Въ этомъ не можетъ сомнѣваться рѣшительно никто, будь онъ даже заклятый врагъ христіанства. Итакъ, все равно для насъ, если языческія племена въ Россіи примутъ православіе, или же инославіе? Все ли равно, будутъ ли они христіанами или нехристіанами? Неужели въ самомъ дѣлѣ для нашего духовнаго единства это все равно, тяготѣтъ ли они будутъ духовно къ Россіи, или къ Монголіи или Аравіи? Здѣсь вопросъ только въ томъ, чтобы не было *насилія* и *принужденія* въ привлеченіи ихъ къ православію. Но миссія именно и дѣйствуетъ не силою физическою и не приказомъ, а проповѣдью, просвѣщеніемъ и духомъ спасающей любви. Такимъ образомъ, помощь и содѣйствіе святому миссіонерскому дѣлу есть не только нашъ религіозный долгъ, но и долгъ патріотическій, есть содѣйствіе тому единству русскаго народа, русскаго государства, безъ котораго не устоять ему въ вѣкахъ и родахъ.

Родная Церковь сегодня проситъ насъ, братіе, помочь родному нашему народу въ осуществленіи имъ его христіанскаго призванія, великаго и міроваго дѣла распространенія Христовой вѣры. Родная Церковь проситъ насъ помочь дѣлу проповѣди Христова евангелія.

Отзовемся же на этотъ призывъ добрымъ и любящимъ сердцемъ! Аминь.

Протоіерей *І. Восторговъ*.

Стези спасенія.

На спасенія стези настави мя, Богородице!...

О спасеніи, о путяхъ или стезяхъ спасенія говоритъ намъ эта пѣснь церковная, такъ часто возглашаемая теперь во время праздничнаго богослуженія въ храмѣ. Если вспомнимъ множество нашихъ молитвъ, въ которыхъ слышимъ: „Спасе, спаси насъ“; „Иисусе Сладчайшій, спаси насъ“; „Спася, Блаже, души наша“; „Спася Боже люди твоя и другія подобныя; когда вспомнимъ, что и къ Богородицѣ и святымъ мы „звываемъ: „Пресвятая Богородица, спаси насъ“; „моли спастися душамъ нашимъ;“ если даже апостоль о себѣ самомъ говоритъ, что задача его жизни и дѣятельности состоитъ въ томъ: „да всяко пѣвнѣ *спасу*,“— то для насъ становится совершенно яснымъ, что жажда спасенія душевнаго есть основное устремленіе христіанина. Поэтому всегда благовременно бесѣдовать о спасеніи, особенно же, конечно, необходимо размышлять и говорить о немъ во дни поста и покаянія.

Что же такое спасеніе?

Въ жизни мірской основнымъ устремленіемъ считается желаніе и исканіе счастья. И нельзя не сознаться, что это исканіе является для людей всеобщимъ, стихійнымъ, помимовольнымъ. Но опредѣленнаго содержанія понятіе счастье не имѣетъ; все здѣсь случайно и измѣнчиво; все зависитъ отъ возраста, пола, окружающей среды, умственнаго развитія и другихъ условій. Богатство, свобода, почести, сила, вліяніе, честолюбіе, умственные занятія, познанія научныя, чувственные страсти и удовольствія, любовь въ различныхъ проявленіяхъ, удача въ дѣлахъ,— вотъ только приблизительный перечень того, что считается среди людей за счастье. Была ли религія, дававшая религіозное освященіе такимъ исканіямъ? Да. Такой религіей было древнее язычество, которое именно поэтому многіе, даже изъ современныхъ мыслителей, въ непостижимомъ омраченіи ума считаютъ жизнерадостнымъ, дававшимъ счастье. Если бы это дѣйствительно было такъ, то не было бы, конечно, такого страшнаго отчаянія въ мірѣ языческомъ, какое мы наблюдаемъ предъ пришествіемъ Христа въ міръ, и которое въ значительной степени обусловило быстрое распространеніе христіанства среди народовъ образованнѣйшихъ, не находившихъ въ язычествѣ удовлетворенія духовной жажды.

Въ восточной философіи, неправильно называемой религіей буддизма, мы видимъ другое устремленіе: къ покою. Не подумайте, и не скажите, братіе, что упоминаніе о буддизмѣ для васъ излишне. Нѣтъ, оно своевременно, потому что мы видимъ повтореніе буддійскихъ учевій и стремленій теперь во многихъ современныхъ религіозныхъ и философскихъ исканіяхъ современныхъ намъ образованныхъ и необразованныхъ людей: спиритизмъ, теософія, оккультныя секты, хлыстовщина, развѣдающая теперь и верхи и низы въ нашемъ народѣ, особенно же въ образованномъ классѣ прямое увлеченіе такъ называемыми іогами— все это есть, такъ сказать, буддизація жизни христіанскаго общества или философской мысли, все это метаніе и тревоги въ напряженномъ исканіи *покоя*. Въ чемъ же покой, по ученію буддизма? Несчастье и страданіе, безпокойство и тревоги зависятъ, по буддійскому міровоззрѣнію, отъ желанія; освобожденіе отъ безпокойства, слѣдовательно, состоитъ въ подавленіи и уничтоженіи желаній, а это есть вмѣстѣ и подавленіе личности, сознанія, это есть небытіе, или во всякомъ случаѣ не то бытіе, которое мы въ данное время сознаемъ, чувствуемъ, испытываемъ.

Въ мусульманствѣ видимъ преклоненіе, какъ предъ неотвратимымъ и необъяснимымъ рокомъ (фатализмъ), предъ капризною волею Аллаха, не различающей добра и зла, безотносительной къ человѣческой личности.

Христіанство всегда и неизмѣнно, въ отличіе отъ всѣхъ этихъ перечисленныхъ человѣческихъ религій, говорило и говоритъ о *спасеніи*. Это—цѣлостное ученіе, и имъ заполнено все евангеліе, всѣ поученія святыхъ отцовъ и учителей, все наученіе богослужебное. Христіосъ Иисусъ есть *Спаситель* всѣхъ человѣковъ, наипаче же вѣрныхъ, говоритъ святой апостолъ (1 Тим. IV, 10). Это значить, что спастись могутъ всѣ, но могутъ принять спасеніе только тѣ, которые къ нему идутъ истинными путями, прямыми и вѣрными стезями. Но чтобы найти такія стези, надо знать и опредѣлить, что же такое спасеніе.

Самое слово: *спасеніе* естественно вызываетъ вопросъ: отъ чего же надо спастись? Очевидно, отъ какой либо опасности, чаще всего предполагается отъ опасности сильной, страшной, смертельной. Въ христіанствѣ такую опасность представляютъ не лишенія и болѣзни, какъ въ язычествѣ, не самая жизнь, не желаніе, не сознаніе, не мысль, не ощущеніе личнаго бытія, какъ въ буддизмѣ, не слѣзная судьба, какъ въ мусульманствѣ: смертельною опасностью для человѣка является живущей въ немъ, или правильнѣе сказать, поселившійся въ насъ *грѣхъ*. Вотъ гдѣ, по ученію христіанскому, заключается смертельная и единственная для человѣка опасность, которая опустошаетъ жизнь, наполняетъ ее бѣдственностью, омрачаетъ и затемняетъ нравственное сознаніе, искажаетъ духовную сущность человѣка,—какъ нѣкій рокъ, влечетъ его къ вѣчной гибели, именно къ отверженію отъ Бога, единого источника счастья и блаженства,—вотъ гдѣ и вотъ въ чемъ воистину смертельная опасность, отъ которой человѣку нужно *спастись*! Скорби же и лишенія, если они ведутъ къ освобожденію отъ грѣха,—а ведутъ они къ этому, если принимаются, переносятся терпѣливо и вдумчиво и во имя нравственнаго совершенства,—есть, напротивъ, не несчастье, а благо. Скорби и лишенія, поэтому, иногда добровольно пріемляются и призываются христіаниномъ,—и въ этомъ значеніе поста, покаянныхъ слезъ и воздыханій, лишеній и подвиговъ ради подавленія грѣха и ради избавленія отъ возможности впасть въ грѣхъ.

Теперь остается намъ только познать, какіе же есть пути, какія есть стези спасенія, и потомъ вступить дѣйствительно на нихъ, если же это намъ самимъ непосильно, то найти для того необходимую и вѣрную помощь. Христіанство и указываетъ намъ все это въ ученіи св. евангелія и святой Церкви, указываетъ и съ положительной, и съ отрицательной стороны все для спасенія необходимое, т. е. открываетъ намъ, и въ чемъ спасеніе, т. е. чего нужно держаться, и въ чемъ гибель, т. е. чего надо избѣгать.

Стези спасенія вотъ въ чемъ: познаніе Бога и Его святой воли, Его святого и вѣчнаго закона; познаніе Его святой церкви и покорность ея водительство духовному; познаніе бѣдности души нашей, и отсюда жажда принять для ея жизни въ Богѣ помощь отъ Бога; познаніе грѣха, нами совершеннаго и совершаемаго, и отсюда глубокое сожалѣніе о содѣянномъ; рѣшимость жить иначе, и отсюда жажда обновленія духовнаго, желаніе посвятить новой жизни всю нашу волю и дѣятельность; вѣра въ Божественное милосердіе, вѣра въ то что Богъ и можетъ и хочетъ нашего спасенія, и на зовъ нашего безсилія дать намъ силы духовныя къ нравственному возрожденію; вѣра въ то, что во Христвѣ Онъ искупилъ насъ, въ Духѣ Святомъ даруетъ намъ благодать Свою, въ Церкви открываетъ тотъ спасительный корабль, въ которомъ мы имѣемъ и получаемъ всѣ эти плоды искупленія;—корабль, ковчегъ, въ которомъ пройдемъ необъяснен-

но чрезъ бурное море житейское;—вѣра въ то, что чрезъ искупленіе Господь дастъ намъ какъ бы нѣкое право на прощеніе намъ грѣха безъ нарушенія правды вѣчной.

Тѣсны эти стези и тяжки; познаніе ихъ не легко, еще болѣе труденъ путь восхожденія въ гору спасенія, но въ пути насъ упредили святые, а впереди ихъ—Богоматерь. И къ Ней молимся, Въ помощи просимъ: „На спасенія стези настави мя Богородице!“ Близкій намъ человекъ, подобный намъ человекъ, несказанно Она содѣлалась Матерью пребывая и Дѣвою, и посредницею нашего спасенія, ибо побѣдила соблазны, восторжествовала надъ силою грѣха, пріосѣненная благодатію, и стала превыше силъ небесныхъ, содѣлалась Ходатаицею рода человѣческаго.

Въ чемъ, далѣе, препятствія къ спасенію? Чего намъ избѣгать?

Пѣснь церковная отвѣчаетъ: *студныя грѣхи*, которыми мы огрязняемъ душу; *жизнь въ лѣнности* и безпечности; вообще *всякая нечистота* духовная,—вотъ что мѣшаетъ намъ на стезяхъ спасенія. Вотъ почему и прибавляетъ церковная пѣснь къ моленію Богоматери: „Студными бо окаляхъ *душу* грѣхми, и въ лѣнности все житіе мое иждахъ, но твоими молитвами избави мя отъ всякія нечистоты.“ Здѣсь указаны ужъ не узкія и тѣсныя стези спасенія, а широкій путь къ погибели, отъ котораго и желаетъ насъ отвести Церковь. Вдумаются хоть на краткое время въ слова и смыслъ этой великопостной молитвы.

Всякій грѣхъ есть студный, постыдный, но есть грѣхи, о которыхъ и самый закоренѣлый грѣшникъ не станетъ говорить открыто и съ похвалюбою. Всякій грѣхъ есть студный, но есть *грѣхи души*, которые дѣйствительно и въ полномъ смыслѣ покрываютъ ее какъ бы грязью и навозомъ; о нихъ-то и напоминаетъ пѣснь церковная: студными окаляхъ *душу* грѣхми.... „Любосластными стремленіями погубить ума красоту,“ говоритъ о нихъ церковный молитвослагатель. Всякій грѣхъ есть студный, но есть отвратительнѣйшіе грѣхи души, невидимые, но тѣмъ болѣе опасные, которыхъ стыдятся рѣшительно всѣ и прежде всего сами грѣшники: это себлюбіе, гнусное зложелательство, зависть, злоба, ненависть, гнусное и отталкивающее двоедушіе, сознательное и намѣренное, равнодушіе къ добру и къ благу ближняго, отвратительное лицемѣріе.

Лѣнность—это общее именованіе распушенности нравственной, беззаботности, нерадѣнія. „Когда придетъ грѣшникъ въ глубину золь, тогда нерадеть,“ говоритъ премудрый. Это—уныніе, о которомъ говоритъ великопостная молитва св. Ефрема Сирина. Это—послѣдствіе и плодъ огрязненія духа студными грѣхми духа и всякою нечистою тѣла. Лѣнность даетъ не только огрязненіе, но и расслабленіе духа, дѣлаетъ грѣшника какъ бы парализованнымъ духовно, неспособнымъ подняться къ дѣятельности.

„Всякая нечистота,“ о которой говорится въ молитвѣ, это, главнымъ образомъ, грѣхи тѣлесные, грѣхи чувственности: блудъ, страстная похоть, объяденіе, пьянство. Нечистота духа и лѣнность его влияетъ и на тѣло, которое, ослабленное грѣхомъ, перестаетъ быть добрымъ и годнымъ орудіемъ для духа.

Такъ, видите, краткая пѣснь церковная, на которой мы сегодня остановили свое вниманіе, обнимаетъ стези спасенія нашего и освѣщаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Нѣтъ ничего опаснѣе здѣсь, на этихъ путяхъ спасенія, какъ гордыня и самонадѣянность. И мы просимъ помощи у Бога: „Но Самъ мя заступи и *спаси* Спасе мой.“ Просимъ и молимъ въ сознаніи безсилія: „Господи, воздвигни *силу Твою*, и приди во еже *спассти* насъ!“ И знаемъ, и вѣримъ, съ нами въ борьбѣ за спасеніе, съ нами спасаемыми, подвизается и Церковь

Небесная, Церковь спасенныхъ, ангелы и праведники, достигшіе совершенства, торжествующій союзъ и Церковь первенцевъ, на небесахъ написанныхъ (Евр. XII, 23), и во главѣ ихъ—Пречистая Дѣва, міра красованіе, Ходатанца спасенія, Споручница грѣшныхъ.

На спасеніе стези настави насъ Богородице! Аминь.

Протоіерей *І. Восторговъ*.

У креста¹⁾.

Отъ страха и трепета къ надеждѣ и радости.

Множества содѣянныхъ мною лютыхъ помышляя, окаянный, *трепещу*, страшнаго дне суднаго, но *надѣяся* на милость... яко Давидъ воію-ти....

Въ краткой пѣсни, которую Святая Церковь влагаетъ въ уста христіанамъ при поклоненія кресту Господню, изображается то же самое сложное, двойственное чувство вѣрующихъ, — которое выражено въ приведенной великопостной молитвѣ, чувство трепета и вмѣстѣ надежды, — съ одной стороны, скорбное, говорящее о страданіи Спасителя, за наши грѣхи, съ другой, радостное, говорящее о Его воскресеніи: *Кресту* твоему поклоняемся, Владыко, и святое *воскресеніе* Твое славимъ! Въ жизни Господа эти два событія объединены, и крестъ напоминаетъ намъ такое именно единство: страданіе; увѣчанное побѣдою.

То же и въ жизни Его послѣдователей. Ибо если христіане, по слову апостольскому, должны *сообразоваться* страданіямъ Господнимъ и смерти Христовой, (Филип. III, 10 ср. Римл. VI, 5), то они сообразуются и Его воскресенію, очевидно, и ихъ двойственные чувства такъ же объединяются у креста, и такое объединеніе не иначе можетъ быть названо какъ движеніемъ, путемъ отъ страха и трепета къ надеждѣ и радости. Такъ именно и говорятъ намъ церковныя пѣснопѣнія и молитвословія.

Одно изъ нихъ, столь часто слышимое теперь нами во дни святаго поста, мы и привели въ началѣ нынѣшняго нашего собесѣдованія: — „Множества содѣянныхъ мною лютыхъ помышляя окаянный, *трепещу* страшнаго дне суднаго, но *надѣяся* на милость благоутробія Твоего, яко Давидъ, воію Ти: помилуй мя, Боже, по великой Твоей милости!“

Вотъ другое пѣснопѣніе, которое воспѣвается непосредственно предъ крестомъ Господнимъ: „Днесь происходитъ (совершаетъ исхожденіе) Крестъ Господень, и вѣрніи приемятъ того желаніемъ (т. е. какъ желаннаго); сего *цѣлуемъ радостію и страхомъ*,—страхомъ грѣха ради, яко недостойни суще, радостію же, спасенія ради....“ (Стих. Воздвиж. хвалитн.)

На этихъ мысляхъ и остановимся сегодня, по призыву св. Церкви.

О грѣхѣ напоминаетъ крестъ, и въ этомъ смыслѣ онъ есть великій проповѣдникъ покаянія, и „премудрости книга“. Возьмемъ ли отдѣльнаго человѣка, мы найдемъ, что нѣтъ ни единаго безъ скверны, грѣхъ сопутствуетъ человѣку

1) Къ 3 нед. В. Поста.

до самой смерти. А такъ какъ для вѣрующаго вѣдомо, что дѣла наши идутъ вслѣдъ за нами (Апок. XIV, 13), то грѣхъ является для насъ спутникомъ и на всю вѣчность, въ смыслѣ ответственности за него. Возьмемъ ли народы, племена, общество, его отдѣльные классы, наконецъ, все человѣчество: увидимъ то же печальное зрѣлище,—исподство грѣха. Святая Библия указываетъ его начало на зарѣ исторіи человѣческой, въ Эдемѣ. Она же потомъ свидѣтельствуесть, какъ напоенные ядомъ грѣха наши прародители дали жизнь потомкамъ, которые явились уже *по естеству* грѣшниками, чадами гнѣва, (Еф. II, 3, ср. Римл. V, 19; Гал. II, 17), съ первоюроднымъ грѣхомъ, и какъ они дѣйствительно до конца поработали грѣху. „И увидѣлъ Господь, что велико развращеніе человекѣвъ на землѣ, и что всѣ мысли и помышленія сердца ихъ *были зло* во всякое время, всякая плоть извратила путь свой на землѣ; земля растлилась и наполнилась беззаконіями“ (Быт. VI, 5, 12, 11): таково было состояніе людей предъ потопомъ. Но и потопъ не избавилъ людей отъ работы грѣху, и уже въ семьѣ Ноя, въ лицѣ Хама, явился новый духовный Каинъ. „Помышленія человѣческія—зло отъ юности его“ (Быт. VIII, 21),—такъ говорить Господь и о послѣдствіи грѣха. Самая *жертва*, которую приносили люди всѣхъ мѣстъ и временъ, уже говорила о сознаніи виновности, которое всегда жило въ душѣ людей. И вотъ выводы, къ которымъ со скорбію и сокрушеніемъ приходили лучшіе изъ людей. Пророкъ Давидъ свидѣтельствуесть, что человекъ въ беззаконіяхъ зачатъ и во грѣхѣхъ рожденъ отъ матери (Пс. 50 ѳ); мудрый Соломонъ въ молитвѣ при освященіи храма предъ лицомъ Бога исповѣдуесть: нѣтъ человека, который бы не грѣшилъ (3 Цар. VIII, 46; 2 Пар. VI, 36), и въ книгѣ Екклѣзіастъ увѣряетъ: „нѣтъ человека праведнаго на землѣ, который *дѣлалъ бы добро и не грѣшилъ бы*“ (VII, 20). Такъ даже къ самой добродѣтели уже приражается у человека грѣхъ. Въ книгѣ Іова читаемъ: „какъ человеку быть праведнымъ предъ Богомъ, и какъ быть чистымъ рожденному женщиною?“ (XXV, 4). Наконецъ, вопль сознанія всеобщей грѣховности ырывается у ветхозавѣтнаго евангелиста пророка Ісаи въ его возвышенномъ пророчествѣ о Христѣ—Искупителѣ: „Всѣ мы блуждали, какъ овцы, совратились каждый на свою дорогу,—и Господь возложилъ на Него (Мессію—Христа) грѣхи всѣхъ насъ...“ (LIII, 6).

Новый Заветъ началъ съ того, чѣмъ такъ открыто закончилъ Заветъ Ветхій, т. е. сознаніемъ всеобщей грѣховности. „Какъ Іудей, такъ и эллины всѣ подъ грѣхомъ,“ свидѣтельствуесть апостоль вселенной Павелъ (Римл. III, 9); „если говоримъ, что не имѣемъ грѣха, то обманываемъ самихъ себя, и истины нѣтъ въ насъ,“ учить святѣй апостоль любви и Б. г. словъ, (1 Іоанн. I, 8).

Было ли такое сознаніе въ мірѣ языческомъ? Отвѣтъ найдемъ во всѣхъ древнихъ религіяхъ, и у самыхъ выдающихся мыслителей древняго міра. Повторяемъ, уже однѣ жертвы, которыя курились по лицу всей земли, говорятъ о сознаніи грѣха. Но и Книга мертвыхъ Египта, и Веды Индіи, и Книги Китая, и Зендавеста Персіи, и Мѣны Греціи и Рима подтверждаютъ то же.

„Несчастное время, въ которое мы живемъ на землѣ, есть время грѣха, время развращенія; это—безграничное море, которое все погубило,“ такъ говорится въ Ведахъ Индіи. А вотъ свидѣтельство Сенеки, знаменитаго философа Рима, который, впрочемъ, только въ иныхъ словахъ и образахъ повторяетъ Сократа, Платона и Аристотеля: „Все наполнено преступленіями и пороками до такъ ѳ степени, что не въ состояніи удержать ихъ никакая сила. Съ каждымъ днемъ возрастаетъ стремленіе къ грѣху. Порокъ не скрывается болѣе, но совершается предъ глазами всѣхъ. Невинность—не то, чтобы составляла рѣд-

кость, но ея вовсе не существует¹⁾. А греческій мыслитель (Θυκιδιδъ) дѣлаетъ изъ такихъ фактовъ жизни и общій неизбежный выводъ: „Кто не захотѣлъ бы признать, что родъ человѣческой склоненъ ко грѣху, тотъ былъ бы великимъ глупцомъ.“¹⁾

Получается такое впечатлѣніе, что именно грѣхъ какъ будто бы есть явленіе естественное, нормальное, и потому не только дозволятельное, даже полезное и желанное. Между тѣмъ, противъ такого вывода возмущается совѣсть каждаго человѣка, и всѣхъ людей, — и отсюда мучительная двойственность, мучительный духовный разладъ въ человѣкѣ. Нѣтъ и нѣтъ! Грѣхъ есть зло, грѣхъ есть преступленіе, грѣхъ есть нашъ главный врагъ, грѣхъ отдаляетъ насъ отъ Бога, грѣхъ несетъ за собою возмездіе! И множество содѣянныхъ мною лютыхъ помышля окаянный, *трепещу* страшнаго дне суднаго. И приближаясь ко кресту, мы цѣлуемъ его *со страхомъ* грѣха ради, яко недостойнаи!

Но „прійдите, вѣрніи, Животворящему древу поклонимся! Прійдите вся отечества языковъ, т. е. всѣ племена народовъ, — крестъ Господень пѣснями почитимъ: Радуйся, кресте, падаша Адама совершенное избавленіе! Ты нынѣ *со страхомъ* христіане цѣлующе, на тебѣ пригвоздившагося Бога славимъ глаголюще: Господи, на томъ пригвоздивыйся, *помилуй насъ*, яко благъ и человѣколюбецъ!“ (1 Снхир. поклон. кресту).

Благость и человѣколюбіе Бога явлены человѣчеству на крестѣ. На крестѣ совершилось наше искупленіе и примиреніе съ Богомъ. На крестѣ въ страданіяхъ несказанныхъ умерла любовь Божественная, но въ воскресеніи явила вѣчную побѣду подъ злѣмъ и грѣхомъ. Со креста изрекается слово помилованія каждому грѣшнику вѣрующему и кающемуся, какъ оному разбойнику благоразумному: днесь со Мною будеши въ раи!

Крестъ—это новый и вѣчный спасительный жертвенникъ. Какъ въ древности осужденный на смерть, если онъ успѣвалъ приближаться къ скинии или храму и ухватиться за рога жертвенника, то освобождался отъ смерти и получалъ помилованіе: такъ нынѣ, но уже всегда, вездѣ и каждому вѣрующему, только при одномъ условіи вѣры и покаянія, открытъ доступъ ко кресту, ко Христу, стало возможнымъ ятися, —братся, ухватиться за рога этого вѣчнаго жертвенника, и получить помилованіе. Грѣхъ Адама, повторенный безъ конца въ человѣчествѣ, осудилъ Иисуса Христа на крестъ, но черезъ крестъ и самъ грѣхъ истребленъ, его виновникъ и вдохновитель дѣволъ, — злая, разумная сила, — побѣжденъ. Сынъ Божій подтвердилъ Свою побѣду славнымъ воскресеніемъ, и мы, сообразуясь смерти Его въ плачѣ о грѣхахъ и въ покаяніи, спогребаемъ Ему, съ Нимъ и сообразуемся и Его воскресенію. Получая въ роженіе грѣховъ, мы изъ царства сатаны переходимъ въ свѣтлое царство Христово (Дѣян. XXVI, 18; Кол. I, 13—14).

Падаемъ, грѣшимъ и теперь, но имѣемъ доступъ къ прошенію грѣха; умираемъ и нынѣ, но только тѣлесно, а не духовно, не отчуждаясь отъ Бога; видимъ дѣйствіе сатаны и его лъстивое ловленіе на грѣхъ, но знаемъ, что ему уже не дано насильно приводить насъ къ паденію и совершенно побѣждать насъ грѣхами непрощаемыми. Ибо уже нѣтъ такого грѣха, который побѣждалъ бы милосердіе Божіе. Знаемъ и то, что при второмъ пришествіи Сына Божія во славу сатана будетъ побѣжденъ окончательно, и Господъ убьетъ его духомъ устъ, —и тогда вполне откроется сила совершеннаго на крестѣ искупленія.

¹⁾ Цит. изъ кн. Форраръ „Первые дни христіанства“.

²⁾ Аполог. Геттинг. Ч. II.

И посему, *надѣясь* на милость благоугробія Твоего, Господи, яко Давидъ вопію Ти: помѣлуй мя, Боже, по величїи Твоей милости!

И посему цѣлуемъ Крестъ *и съ радостію*, спасенія ради, еже подаетъ міру на томъ пригвоздившійся Христосъ Богъ, имѣяй велию милость.“ Аминь.

Протоіерей *И. Восторговъ*.

Заповѣдь любви ¹⁾.

Нынѣ пнзосѣтъ св. Церковь на средину храмовъ Крестъ Господень для всеобщаго поклоненія. Конечно, она дѣлаеть это прежде всего для подвижниковъ поста, укрѣпляя ихъ въ трудѣ и подвигѣ. Въ этомъ случаѣ древн. Креста святыя отцы нами сравнивають съ деревомъ въ знойной пустынѣ. На жаркомъ югѣ растительность въ пустынѣ безошибочно говоритъ о водѣ; такое мѣсто называется оазисомъ, гдѣ обыкновенно растетъ пальма со вкусными плодами. Поэтому путнику въ пустынѣ, утомленному и измученному тяжелой дорогой, дерево впереди общаеть утоленіе жажды, отдыхъ въ прохладной тѣни и прїятное насыщеніе.

Такъ и Крестъ Животворящїй: мы, усталые и измученные путники жизни и особенно подвижники въ пустынѣ поста, найдемъ у Креста Христова отдохновеніе и успокоеніе въ надеждѣ на Его благодать, найдемъ питающую нашъ духъ влагу благодати Христовой, питіе Его крови, питаніе Его тѣла, найдемъ источникъ безсмертія.

Таково значеніе Креста Христова собственно примѣнительно къ посту.

Но въ немъ источникъ и вѣчнаго общаго поученія христіанину.

На Крестѣ виситъ Праведный, нашъ Божественный Учитель и Спаситель. Распростертыми руками Онъ призываетъ весь міръ въ объятія любви Своей, не хочеть, да кто погибнетъ, но всѣмъ желаетъ спасенія и блаженства. Не иному чему, какъ любви, поучаетъ Онъ и Своихъ послѣдователей. Ибо въ часъ прощанія съ учениками, Онъ имъ заповѣдуетъ: „Потому узнають, что вы — Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“ (Іоан. XIII, 35). Вотъ первый и самый возвышенный признакъ истиннаго христіанина.

Итакъ, примемъ отъ него нынѣ заветъ любви взаимной! А дѣйствіе любви прекрасно и глубоко изображаетъ св. апостолъ: „Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны, если имѣю всякое познаніе и всю вѣру, и если раздамъ все мое имѣніе, а любви не имѣю, то я — ничто. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, *не безчинствуетъ*, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ“ (1 Кор. XIII, 1 — 6).

Такъ поступая, мы выполнимъ заветы Распятаго за насъ Христа. И вы прекрасно понимаете, что въ переживаемые теперь нами дни это наставленіе св. апостола является главнѣйшимъ и единственно примѣнимымъ. Въ немъ спасеніе жизни нашего народа. Аминь.

Протоіерей *И. Восторговъ*.

¹⁾ Поученіе предъ выносомъ св. Креста въ 3-ю недѣлю Великаго поста, 4 мар. 1917 г.

Два слова по поводу текущихъ событій.

I. Заповѣдь любви ¹⁾.

Нынѣ износить св. Церковь на средину храмовъ Крестъ Господень для всеобщаго поклоненія. Конечно, она дѣлаетъ это прежде всего для подвижниковъ поста, укрѣпляя ихъ въ трудѣ и подвигѣ. Въ этомъ случаѣ древо Креста святые отцы наши сравниваютъ съ древомъ въ знойной пустынѣ. На жаркомъ югѣ растительность въ пустынѣ безошибочно говоритъ о водѣ; такое мѣсто называется оазисомъ, гдѣ обыкновенно растутъ пальма со вкусными плодами. Поэтому путнику въ пустынѣ, утомленному и измученному тяжелой дорогой, дерево впереди обѣщаетъ утоленіе жажды, отдыхъ въ прохладной тѣни и пріятное насыщеніе.

Такъ и Крестъ Животворящій: мы, усталые и измученные путники жизни и особенно подвижники въ пустынѣ поста, найдемъ у Креста Христовъ отдохновеніе и успокоеніе въ надеждѣ на Его благодать, найдемъ питающую нашъ духъ влагу благодати Христовой, питіе Его Крови, вѣтаніе Его Тѣла, найдемъ источникъ безсмертія.

Таково значеніе Креста Христова собственно примѣнительно къ посту.

Но въ немъ источникъ и вѣчнаго общаго поученія христіану.

На Крестѣ виситъ Праведный, нашъ Божественный Учитель и Спаситель. Распростертыми руками Онъ призываетъ весь міръ въ объятія любви Своей, не хочетъ, да кто погибнетъ, но всемъ желаетъ спасенія и блаженства. Не иному чему, какъ любви, поучаетъ Онъ и Своихъ послѣдователей. Ибо въ часъ прощанія съ учениками Онъ имъ заповѣдуетъ „По тому узнаютъ, что вы—мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“ (Іоан. XIII, 35). Вотъ первый и самый возвышенный признакъ истиннаго христіанина.

Итакъ, примемъ отъ Него нынѣ завѣтъ любви взаимной! А дѣйствіе любви прекрасно и глубоко изображаетъ св. апостолъ: „Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, если имѣю даръ пророчества и знаю все тайны, если имѣю всякое познаніе и всю вѣру, и если раздамъ все мое имѣніе, а любви не имѣю, то я—ничто. Любовь долготерпѣть, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, *не безчинствуетъ*, не мыслить зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ“ (1 Кор. XIII, 1—6)

Такъ поступая, мы выполнимъ завѣты Распятаго за насъ Христа. И вы, братіе, прекрасно понимаете, что въ переживаемые теперь нами дни это наставленіе св. апостола является главнѣйшимъ и единственно примѣнимымъ. Въ немъ теперь, воистину спасеніе жизни нашего народа. Аминь.

II. Наставленіе пастыря. ²⁾.

Отъ насъ, пастырей, ожидаютъ слова по поводу происшедшихъ событій по вопросу объ отношеніи вѣрующахъ чадъ Церкви къ совершившемуся въ нашемъ отечествѣ гражданскому перевороту и новому строю жизни. Обращаются лично, говорятъ чрезъ телефоны, спрашиваютъ письмами, одни искренно и доброджелательно, другіе къ прискорбію съ насмѣшкою, злорадствомъ и нескрываемымъ

¹⁾ Поученіе предъ выносомъ св. Креста въ 3-ю недѣлю Великаго Поста 5 марта 1917 г.

²⁾ 12 марта за литур.

желаніемъ вызвать пастырей на такія заявленія, которыя, какъ думаютъ, поставятъ ихъ въ неловкое положеніе. Последнее, по отношенію лично къ себѣ, я изъясняю воспоминаніями о моей бывшей прикосновенности къ политической жизни Россіи, каковой прикосновенности, однако, не существуетъ уже пятый годъ.

Я отрѣчу всѣмъ какъ священникъ, пастырь, служитель Церкви.

Отрекшійся отъ престола бывший нашъ государь передалъ законнымъ порядкомъ власть своему брату. Въ свою очередь, отрекшійся отъ власти до окончательнаго рѣшенія Учредительнаго Собранія братъ государя законнымъ же порядкомъ передалъ власть Временному Правительству, и тому правительству постоянному, которое будетъ дано Россіи Учредительнымъ Собраніемъ. Итакъ, мы теперь имѣемъ вполнѣ законное Временное Правительство, которое является властью предержашею, какъ называетъ ее слово Божіе. Этой власти, нынѣ Единой, Верховной и Всероссійской, мы обязаны повиноваться по долгу религіозной совѣсти, обязаны за нее молиться, обязаны повиноваться и властямъ мѣстнымъ, отъ нея поставленнымъ. Послѣ отреченія бывшаго государя и его брата, и послѣ ихъ указаній на Временное Правительство, какъ законное, въ такомъ повинновеніи не только нѣтъ никакой измѣны бывшей присягѣ, но заключается нашъ прямой долгъ.

Отказъ отъ такого долга можетъ вернуть страну нашу, т. е. нашихъ ближнихъ, которыхъ Христосъ повелѣлъ любить, въ бездну безпорядковъ, насилій, грабежей, убійствъ, кощунственныхъ оскорбленій нашихъ святыхъ, и, такимъ образомъ, сдѣлаетъ и насъ виновниками, ответственными за такое зло.

Вотъ почему, во имя пастырскаго долга и любви къ отечеству, мы заповѣдуемъ вамъ во всемъ,—конечно, кромѣ вѣры и того, что влечетъ за собою измѣну вѣрѣ и заповѣдямъ Христовымъ—повиноваться Временному Правительству. Нашъ долгъ теперь состоятъ въ томъ, чтобы хранить самообладаніе, не поддаваться и не предаваться взаимнымъ спорамъ и упрекамъ за прошлое, имѣть любовь и согласіе между собою, охранять миръ, спокойствіе и справедливость во взаимныхъ отношеніяхъ, уважать въ каждомъ человѣкѣ его личность, мирно и доброзелательно разрѣшать вопросы о гражданскомъ и экономическомъ устроеніи родины въ предѣлахъ свободы, объявленной Временнымъ Правительствомъ, не смѣшивать свободы съ безпорядкомъ и насиліями, трудиться усердно и усердно каждому въ своемъ дѣлѣ, не жалѣть ничего для родины, особенно въ связи съ тяжелой войной, которая требуетъ великихъ жертвъ и лишеній, естественно вызванныхъ ею терпѣнія, спокойствія и самообладанія. Больше же всего и выше всего надлежитъ намъ хранить вѣрность святой Христовой истинѣ, святому Православію въ его ученіи вѣры, нравственности и церковномъ управленіи, ибо въ этомъ—основа порядка, или, какъ говоритъ св. апостолъ, обѣтованіе жизни и временной и вѣчной. Теперь-то намъ особенно нужно молиться, молиться и молиться, и въ молитвѣ не ослабѣвать, да подастъ Господь миръ и благословеніе Церкви Божіей и нашему отечеству. О такомъ именно благѣ и христіанскомъ обществѣ, какъ о задачѣ его устроенія, и заповѣдалъ молиться св. апостолъ,—*молитесь за вся челоѣчки и вся, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ, сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всѣмъ челоѣкомъ хоцетъ спастися и въ разумъ истинны пріити*“. Самыя слова и наставленія о царѣ, какія мы слышимъ въ словѣ Божіемъ, теперь уже надобно отнести къ власти предержашей, къ существующему въ наличіи законному правительству.

Это, дастъ Богъ,—последнее мое слово, посвященное вопросу гражданскому

Каждый строй жизни, естественно, является согласованным и связанным во всѣхъ своихъ сторонахъ и частностяхъ. И прежній строй по необходимости вызывалъ пастырей Церкви, во исполненіе данной ими присяги и вѣднѣй высшей власти, часто говорить о дѣлахъ гражданскихъ. Теперь, при новомъ строѣ этого уже не будетъ. Новый строй тоже въ этомъ смыслѣ является согласованнымъ. Церковь и ея служители въ своемъ церковно-пастырскомъ служеніи уже болѣе не привлекаются къ участию въ политическомъ строѣ нашей стѣаны. И слава Богу! Повидимому, насъ ожидаетъ полное отдѣленіе Церкви и государства. Примемъ и это съ безропотною и благою покорностью, если такого рода законъ данъ будетъ Учредительнымъ Собраніемъ. Отнынѣ мы, пастыри, будемъ говорить и поучать только о предметахъ святой вѣры и ученія св. Церкви, а за родину и власть будемъ усердно молиться, повинуваясь имъ по долгу совѣсти въ дѣлахъ земного устройства жизни. Аминь.

Протоіерей *І. Восторговъ.*

Моленіе Взыбранной Воеводѣ*.

17 марта—такъ называемая суббота акаѣиста. Исторія этого акаѣиста, т.-е. въ переводѣ—несѣдальнаго пѣнія, есть исторія чудесной помощи Пресвятой Богородицы древней православной Византіи и ея столичному граду во время неоднократныхъ нашествій на нее многочисленныхъ враговъ.

Древнюю Византію, послѣ принятія христіанства, въ исторіи Святой Церкви можно наименовать евангельскимъ наименованіемъ:—„городомъ, верху горы стоящимъ“. Она была хранительницею православія, отъ нея были безчисленные проповѣдники вѣры Христовой въ средѣ племенъ и царствъ языческихъ. Отъ нея и наши предки приняли православіе.

Но естественно, градъ, верху горы стоящій, привлекаетъ не только взоры и вниманіе путниковъ, усталыхъ и заблудшихъ, ищущихъ вѣрнаго пути и отдохновенія, но и взоры враговъ, которые на этотъ городъ и направляютъ свои удары.

Неудивительно, что такъ именно случилось и съ Византіею. Съ VII вѣка мусульманство поднялось противъ христіанства. Арабы, персы, турки, вмѣстѣ съ другими родственными или подчиненными имъ племенами, изъ вѣка въ вѣкъ направляются противъ Царьграда. И всегда война переходила здѣсь на религиозную почву. Вожди враждебныхъ полчищъ, осаждая Царьградъ съ моря и суши, какъ сказано въ церковномъ повѣствованіи, „на Бога хульные гласы возсылали“, а защитникамъ говорили: „Не прельщайтесь о Бозѣ, въ него же вѣруете“**).

И вотъ, въ VII вѣкѣ, когда царь съ воинствомъ былъ въ отсутствіи на на войнѣ противъ Персін, внезапно прорвавшимися съ другой стороны врагами Царьградъ былъ осажденъ съ моря и суши. Патріархъ съ клиромъ призвалъ народъ къ молитвѣ и, поднявъ святыхъ, съ чудотворною иконою Богоматери обходилъ городъ по стѣнамъ, укрѣпляя духъ защитниковъ. У церкви Влахернской, посвященной Богоматери, защитники города, а ихъ было столько, что „единому гречанину съ десятию врагами явѣ братися“—вышли на битву и бли-

*) Поученіе 17 марта, передъ акаѣ. пѣніемъ Пресв. Богородицѣ.

**) Синаѣцарь.

стательно отразили вражескія полчища. Тогда и воспѣта была пѣснь несѣдательная, т.-е. акаоистъ Пресвятой Богородицы, какъ Взбранной Воеводѣ христіанскаго воинства, имѣющей державу непобѣдимую.

И во второй, и въ третій разъ, въ VII и VIII вѣкахъ, Византія видѣла такія же явленія чудодѣйственной помощи стѣ Богоматери. Одважды съ вѣрою и молитвою опущенный образъ Богоматери въ воды морской явилъ страшное знаменіе: тысяча восемьсотъ кораблей вражескихъ, окружившихъ Царьградъ, были разсѣяны внезапно послѣ того пронесшеюся бурей.

„Снхъ ради чудесь,—замѣчаетъ церковное повѣствованіе,—настоящій праздникъ празднуемъ“.

Русскій народъ съ особою любовью принялъ это акаоистное пѣніе отъ Православной Греческой Церкви Акаоистъ Пресвятой Богородицы, который мы сейчасъ услышимъ, дѣйствительно, является однимъ изъ любимыхъ у насъ молитвословій. Самая русская земля даже въ гораздо большей степени, чѣмъ Византія, является страной знаменій и чудесъ Богоматери. Татарское нашествіе, смутное время, отечественная война, — всѣ такія страдныя години русской жизни и исторіи видѣли безъ конца чудеса небесной помощи Взбранной Воеводи, и русскіе православныя воины не разъ, яко избавльшеся отъ злыхъ, благодарственныя и побѣдныя пѣсни воспѣвали Богоматери.

Замѣчательное наставленіе читаемъ мы сегодня въ церковномъ повѣствованіи о праздникѣ: „Вкупѣ бо съ помощью Вышняго и намъ подобаетъ въ бранни потребная дѣйствовати.“

Вотъ что нужно дѣлать вмѣстѣ съ молитвою Богу и Богоматери!

Теперь у насъ война. Армія наша стоитъ на-стражѣ нашей безопасности, отражая врага. Тяжелъ подвигъ нашихъ братьевъ воиновъ.

Будемъ и мы потребная дѣйствовати! Обезпечимъ для арміи миръ и порядокъ въ тылу. Постараемся содѣйствовать тому, чтобы для воиновъ доставлялось все необходимое: сами будемъ терпѣть лишенія въ хлѣбѣ, въ необходимыхъ припасахъ пропитанія, но воинству посылать будемъ все необходимое! Не пощадимъ жертвъ, денегъ, всякаго рода помощи для больныхъ и раненыхъ. И во всемъ будемъ дѣйствовать „вкупѣ съ помощью Всевышняго“.

Усилимъ молитву, потщимся на умоленіе, подвигнемся на богоугожденіе.

И тако вѣруя, вослоемъ сейчасъ всѣ вмѣстѣ въ акаоистномъ пѣніи, Взбранной Воеводѣ—побѣдительная: Радуйся, Невѣсто Невѣстная! Аминь.

Протоіерей *И. Восторговъ*.

Передъ причащеніемъ.

Нѣкогда Исаія пророкъ видѣлъ въ видѣніи Господа. Господь возсѣдалъ на престолѣ высокомъ и превознесенномъ, и края ризъ Его наполвали весь храмъ. Вокругъ горняго престола рѣяли херувимы и серафимы; все сотрясалося отъ гласа небожителей, воспѣвающихъ Бога. И сказалъ пророкъ: „Горе мнѣ! Погибъ я! Ибо я человекъ съ нечистыми устами, и живу среди народа тоже съ нечистыми устами, и глаза мои видѣли Царя Господа Саваоа“. Тогда одинъ изъ серафимовъ взялъ горящій уголь съ небснаго жертвенника, коснулся устъ Исаіи и сказалъ: „Вотъ это коснулось устъ твоихъ, и отыметъ Господь грѣхи твоя, и беззаконія твоя очиститъ“. „И услышалъ я,—говоритъ Исаія,—голосъ

Господа говорившаго: Кого Мнѣ послать? И кто пойдетъ для Насъ?“ И я сказалъ: „Вотъ я, пошли меня“. И послѣ того Господь дѣйствительно послалъ Исаію на проповѣдь народу (Ис. гл. VI).

Видите и вы, братіе, сейчасъ Господа. Онъ и нынѣ на престолѣ высокомъ и превознесенномъ; и нынѣ края ризъ Его наполняютъ этотъ храмъ; и нынѣ вокругъ этой Чаши Боготочной съ Его Тѣломъ и Кровію летаютъ и рѣютъ ангелы святые. Но милосердіе Божіе открывается не одному избранному пророку, а всѣмъ намъ вѣрующимъ, и проявляется оно не среди устрашающихъ знаменій и явленій, а въ тихомъ вѣяніи благодати. Страшно и намъ приступить къ Нему съ нечистыми устами. Но нечистыя уста наши уже очищены покаяніемъ, а послѣ причащенія каждому причастнику устами священника глаголетъ Господь: „се прикоснулся устомъ твоимъ, и отыметъ Господь грѣхи твоя и беззаконія твоя очистить“.

Прійдите же къ Чашѣ, примите Христа-Бога, соединитесь съ Нимъ въ самомъ тѣсномъ общеніи. И тогда, подобно Исаіи,—идите въ міръ, въ жизнь, въ семью, въ общество людей, несите туда вѣру, любовь, смиреніе, терпѣніе.

Тяжка стада жизнь. Всѣ на исповѣди жалуются на тяготы ея. Но великъ Владыка жизни, и онъ повелѣваетъ намъ, какъ Исаіи, не отходить отъ нея. Можетъ быть, многимъ захотѣлось бы и оставить землю: когда зло торжествуетъ, когда близкіе насъ оставиле, когда немощи и болѣзни тѣла одолеваютъ, старость гнететъ, когда такъ тяжело живется,—не лучше ли и въ самомъ дѣлѣ отойти отъ земли и предпочесть небо?

Но Господь воспрещаетъ: „Кого пошлю?“ И мы должны отвѣтить каждый: „Вотъ я, пошли меня“. Мы должны землю пропитать духомъ неба, мы должны человѣческое царство и жительство обращать въ царство и обитаніе Божіе. Живи: ты долженъ жить! Но въ залогъ, напутствіе и помощь на пути къ небу и вѣчности, которая откроется когда угодно будетъ Вѣчному, Сѣдѣющему на престолѣ, прими эти святые Дары. Это—пища духовная, пища силы и крѣпости въ этой Чашѣ Господней. „Въ крѣпости яди“, т. е. питанія, полученной отъ Бога, нѣкогда Ілія пророкъ шелъ безостановочно сорокъ дней и ночей до Хорива, гдѣ ему было дано дивное Богоявленіе.

Въ крѣпости сей яди Божественной поидемъ и мы путемъ земной жизни до вѣчнаго Богоявленія на небѣ.

Съ вѣрою и страхомъ, съ вѣрою и любовью, съ рѣшимостью соединиться со Христомъ и нести Его потомъ въ себѣ въ жизнь и въ людной міръ приступимъ къ этой св. Чашѣ съ исповѣданіемъ вѣры: Вѣрую, Господи, и исповѣдую... Аминь.

Вѣчная Христова Вечера*).

„Прежде шести дней Пасхи прииде Іисусъ въ Виванію, и глаголаша Ему ученици Его: Господи! Гдѣ хощеша уготоваемъ Тебѣ ясти пасху? Онъ же рече имъ: идите въ преднюю весь, и обрящете челоуѣка, скудель воды носяща; послѣдуйте ему, и домувладыцѣ рыцате: Учитель глаголетъ,—*у тебе сотворю Пасху со ученики Моиими*“. (Стих. Верби. воскрес.).

Простая повѣсть евангельская въ этихъ словахъ Церковной пѣсни, но въ

*) Передъ причащеніемъ въ Великій Четвергъ.

переживаемые дни Страстной седмицы, как она волнует и трогает сердце! Мы начинали седмицу Страстной, и пѣли: Грядый Господь къ вольнѣй страсти апостоломъ глаголаше на пути: се восходимъ во Иерусалимъ, и преданъ будетъ Сынъ Человѣчскій... Приидите убо, и мы, очищенными смысла спешествуемъ Ему и сораспнемся, да и оживемъ съ Нимъ, и услышимъ вопіюща Его: уже не въ земный Иерусалимъ на страданіе, но восхожу къ Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему, и Богу вашему, и созываю васъ въ горній Иерусалимъ, въ царство небесное“ (Стихир. Вел. повед.).

И вотъ, прошли мы болѣе половины седмицы, и теперь стоимъ передъ самыми главными днями. О, христіанинъ! Какія это вѣчно волнующія и умиляющія, свѣтлыя и великія воспоминанія! Передъ ними, воистину, блекнуть и выкнутъ, мелки и ничтожны всѣ наши земныя переживанія и тревоги.

Господь грядетъ съ нами къ вольнѣй страсти... Его ждетъ Тайная вечеря, Геосиманія и Голгова, крестъ и гробъ. Представьте: вотъ Онъ сейчасъ съ вами. Робко подойдемъ къ Нему, осмѣлимся, спросимъ: „Господи, гдѣ хочещи угостоваемъ Тебѣ ясти Пасху“? И знаете ли, что Онъ отвѣтитъ каждому изъ насъ? Онъ скажетъ: „У тебе сотворю Пасху со ученики Моиими...“

Да, Онъ придетъ въ нашу душу. Онъ воссядетъ въ сердцѣ нашемъ, какъ на престолѣ. Онъ возляжетъ съ нами на Тайнственной вечери.

Онъ дастъ намъ Себя, какъ Агнца пасхальнаго и вѣчнаго. Онъ отдастъ намъ Тѣло и Кровь Свою. Онъ предложитъ Себя въ безсмертную трапезу...

Странствія, т.-е. гостепріимства, радушія, щедродательности,—странствія Владычія и этой безсмертной трапезы, вѣрнія, приидите, насладитесь высокими умы, очищенными смысла! Приидите, насладитесь! Приидите, уготуемъ Ему душу вѣрою, любовію, добродѣтелями. Сдѣлаемъ Ему въ душѣ нашей на вѣки горницу велию и послану, чтобы Онъ возлежалъ тамъ на вѣчной Своей Тайнственной вечери. Съ благоговѣніемъ и радостью уготуемъ встрѣчу.

Онъ, какъ апостоламъ, скажетъ: вкусите,—а Я ужъ не буду вкушать, дондеже скончуются въ царствіи Божіи. Онъ скажетъ: пійте,—а Я ужъ не имамъ пити отъ плода сего лознаго, дондеже пію его съ вами ново во Царствіи Отца Моего...

Мо и мы за Нимъ пойдемъ къ Отцу Его и Отцу нашему, къ Богу Его и Богу вашему. И будемъ жнѣ. И будемъ пить вѣчное питіе жизни въ горнемъ Иерусалимѣ, и будемъ вкушать вѣчнаго хлѣба жизни, чтобы больше ужъ никогда ни алкать, ни жаждасть,—по обѣтованію Его.

О, братіе! О, вѣрніи! Христосъ говоритъ вамъ: „Се стою при дверехъ и толку-стучу. И кто услышитъ гласъ Мой и откритъ двери, Я войду къ Нему и буду вечерять съ нимъ, и онъ со Мною. Побѣждающему дамъ сѣсти со Мною на престолѣ Моемъ, якоже и Азъ побѣдихъ и сѣдохъ со Отцемъ моимъ на престолѣ Его“ (Апокал. III, 20—21).

Грядый съ нами на вольную страсть, Онъ глаголетъ каждому изъ насъ: У тебе сотворю Пасху со ученики Моиими... Вотъ Онъ идетъ...

Ей, гряди скоро. Аминь. Ей, гряди, Господи Іисусе! Аминь.

Протоіерей *І. Восторговъ*.

Радость всемірная.

Во всей исторіи человѣчества едва ли есть болѣе изумительное и чудесное явленіе, какъ тайна Воскресенія Христова. Оно является всемірнымъ, можно сказать, на всемъ пространствѣ вѣчности, какъ бы центральнымъ поворотнымъ пунктомъ, съ котораго отърывается свѣтъ и на прошлую исторію міра до Христа, и на будущую исторію послѣ Христа, и на всю вѣчность.

Что воскресеніе Христово, несмотря на всю необычайную чудесность, принято вѣрою въ мірѣ; что оно составляетъ самое драгоценное сокровище христіанства, что оно возвѣстило побѣду надъ тьмою и зломъ, что оно служитъ залогомъ увѣренности науки и въ грядущей окончательной побѣдѣ добра въ мірѣ: все это намъ послѣ Христа очевидно. Но не менѣе чудесно то, что и до Христа воскресенія Христова ждали со всею напряженностью вѣры всѣ народы міра съ незапамятныхъ временъ, что оно, такимъ образомъ, отвѣтило самымъ сокровеннымъ запросамъ всего человѣчества.

Древній парсизмъ, создавшій дуалистическое ученіе о двухъ мірахъ и о двухъ богахъ, о борьбѣ Ормузда и Аримана, все-таки вѣрилъ, что въ концѣ-концовъ Ормуздъ восторжествуетъ надъ тьмою, уничтожитъ Аримана и возвратитъ людямъ потерянное ими счастье.

Древняя Индія ожидала послѣ девятаго воплощенія (Будды) десятого,—воплощенія Аватары, когда зло будетъ разрушено и людямъ вновь дано будетъ блаженство.

Древній Китай вѣрилъ, что на Западѣ явится великій Святой, Который, будучи убитъ, воскреснетъ, потомъ разрушитъ идоловъ и откроетъ людямъ путь къ совершенству.

Древніе греки создали знаменитый мифъ о Прометѣѣ, прикованнъмъ Зевсомъ къ скалѣ, которому влагаютъ въ сердце вѣру въ то, что нѣкогда въ будущемъ господство злого бога-мучителя будетъ упразднено Сыномъ Божиимъ. „Отъ такой бѣдственности,—дается обѣтованіе Прометееу,—не надѣйся избавиться раньше, чѣмъ явится искупитель твоей муки Богъ, готовый для тебя сойти въ глубину ада“. Онъ Самъ Себя отдастъ въ жертву—и потомъ явится избавителемъ Прометеея, въ которомъ древній грекъ олицетворялъ все человѣчество.

Древніе германцы тоже имѣли мифъ о томъ, что въ борьбѣ со зломъ въ защиту людей божество доброе будетъ убито, но потомъ воскреснетъ и дастъ миръ всему міру.

Тѣ же преданія и вѣрованія открыты въ Мексикѣ и Океаніи.

Голосу религіи вторили философы, и одинъ изъ нихъ, знаменитый Платонъ, оставилъ языческому міру какъ бы пророчество боговдохновенное: „Не быть на землѣ порядку, пока Самъ Богъ не явится среди людей и поживетъ среди нихъ, какъ Праведникъ“. Правда, Его жизнь будетъ бѣдственной: „у Него отнимутъ доброе имя, лишатъ достояніе, Его объявятъ злодѣемъ; потомъ бичуемый, связанный, Онъ выдержитъ страшныя муки, пока не будетъ приговоренъ къ столбу“... Но Онъ все же восторжествуетъ надъ врагами и дастъ миръ землѣ.

Вотъ почему апостоль Павелъ, нашедши въ Афинахъ жертвенникъ „неведомому богу“, увѣдѣлъ въ немъ свидѣтельство томленія всего человѣчества по истинѣ, и порываніе его къ Единому Богу. Вотъ почему въ рѣчи своей по этому поводу въ ученоемъ ареопагѣ онъ потомъ, проповѣдая Христа, вѣдомаго Бога, тотчасъ же перешелъ на благовѣстіе объ Его воскресеніи, и хотя подвергся на-

смѣшкамъ со стороны нѣкоторыхъ слушателей, однако, нашелъ сердца и души, которыя почувствовали въ такомъ благовѣстїи голосъ вѣковъ и путь спасенїя,— и это были самыя благородныя, самыя вдумчивыя и избранныя души.

И такъ, въ нынѣшній день славы Воскресшаго, пусть сгинуть тѣни тьмы и унынїя, пусть бѣжить далеко невѣрїе въ свѣтъ и добро, пусть расточатся эти враги челоуѣчества, которыя всегда заставляли уходить работниковъ жизни въ гибельный и разслабляющїй пессимизмъ. Наши взоры должны всегда прозрѣвать чрезъ временныя полосы тьмы къ вѣчному свѣту, наши сердца всегда должны биться бодрою надеждою.

У гроба Христа въ день Его смерти была единственная въ исторїи тьма, тьма грѣха, тьма насилїя, тьма богоубїйства. Тогда даже самое солнце померкло и земля покрылась мракомъ. Но дѣло Иуды, Синедриона и Пилата не устояло. Но тьма не окутала земли навсегда. Но отчаянїе не сдѣлалось господиномъ міра. Но смерть не усидѣла на своемъ престолѣ.

Воскресъ Христосъ, и все исполнилось свѣта, небо, и земля, и преисподняя, и радость всемірная смѣнила скорь,—и радости этой ужъ никто и никогда не отниметь у вѣры.

Протоіерей *І. Восторговъ*.

Избавленіе скорби.

Сей нареченный и святѣйшій день, единъ субботъ царь и господь, праздникоуѣ праздникъ и торжество есть торжество. въ онъ же благословимъ Христа во вѣки.

(8-й вѣрм. Пасх. канона).

Сплошной и цѣльный гимнъ радости въ этихъ словахъ священной пасхальной пѣсни! Какая причина радости,—надобно искать тому объясненїе и отвѣтъ въ другихъ молитвенныхъ воззванїяхъ пасхальнаго канона, который весь представляется единою и связною по внутреннему смыслу молитвою.

Да, нѣтъ въ году праздника свѣтлѣе и радостнѣе Пасхи. „Нынѣ вся исполнишася свѣта, небо же и земля и преисподняя; да празднуеть же міръ весь возстанїе Христово, на немъ же утверждаемъ“,—такъ говоритъ одна пѣснь церковная. А другая пѣснь возвѣщаетъ: „О, Пасха! *Избавленіе скорби*, ибо изъ гроба днешь, яко отъ чертога возсія Христосъ, жены радости исполни глаголя: проповѣдите апостоламъ“.

Пусть же наши сердца, какъ сердца мироносицъ, исполнятся радости, ибо проповѣдь апостоловъ о воскресенїи Христовомъ давно до насъ достигла.

Почему Пасха есть избавленїе скорби? И гдѣ сокрушена и упразднена эта скорь?

Церковная пѣснь, только что нами приведенная, даетъ на это ясный отвѣтъ: „нынѣ вся исполнишася свѣта, *небо же и земля и преисподняя*“.

Итакъ прежде всего исполнилось свѣта и радости небо, Небо... Но неужели въ самомъ дѣлѣ доселѣ небо было исполнено скорби.

Трудно, больше того,—невозможно намъ говорить о Богѣ языкомъ челоуѣческимъ такъ, чтобы точно и ясно представить и изобразить Его жизнь. Ко-

нечно, Богъ есть Существо всеблаженное; Онъ страдать не можетъ, какъ человѣкъ. Но когда Онъ узрѣлъ, что человѣкъ, Его твореніе, ниспалъ въ грѣхъ; когда Онъ узрѣлъ, что человѣкомъ возобладавъ падшій и возставшій на Бога сатана; когда Онъ узрѣлъ, что человѣкъ въ рай пошелъ противъ Бога и Творца своего, то не преогорчилась ли, говоря по человѣчески, Его любовь? Потому то въ Предвѣчномъ Совѣтѣ положилъ Всевѣдущій и все Предвидящій Господь падшаго человѣка искупить и возвратить къ Себѣ, и Сынъ Божій, Второе лицо Святой Троицы, по изображенію псалма, глаголетъ Отцу Своему: „Жертвы и всесоженія Ты не восхотѣлъ, тѣло же Мнѣ уготовалъ; тогда Я сказалъ: вотъ иду въ свиткѣ книжномъ написано о Мнѣ. Я желаю исполнить волю Твою Боже“ (Пс. 39, 8—9).

Господь обѣтовалъ погибающему падшему человѣку спасеніе чрезъ Сына Божія и готовилъ къ тому родъ человѣческой многообразными путями. Онъ не отступилъ отъ насъ, вся твоя, дондеже насъ возвелъ на небо, въ Царство даровалъ будущее: являлся избраннымъ Своимъ, законъ далъ въ помощь, ангелы поставилъ хранители, глаголавъ людямъ устами рабовъ Своихъ пророковъ, предвозвѣщая имъ хотящее быти спасеніе; егда же прииде исполненіе временъ, глаголавъ имъ и въ Сынѣ Своемъ, Имже и вѣки сотвори.

И Онъ, пришедъ и все еже о насъ смотрѣніе исполнивъ, распять былъ и пострадалъ. Онъ умеръ и погребенъ, но дѣло любви Божіей исполнилъ совершенно, искупилъ человѣчество, и воскресъ изъ мертвыхъ, путь показалъ *на небо* всякой плоти.

Такъ нынѣ есть радость *на небѣ*,—радость любви Божественной.

Радость великая *на небѣ* явлена и ангеламъ Божіимъ. Ибо если эта радость, по увѣренію слова Христова, бываетъ среди ангеловъ о каждомъ грѣшникѣ кающемся (Лук. XV, 10), то какъ не быть свѣтлому ликованію между ангелами, когда они узрѣли спасеніе своихъ младшихъ братьевъ—всего человѣчества въ воскресеніи Христовомъ. Огнныя вѣрующіе люди, чрезъ Христа, какъ Первенца изъ мертвыхъ, могутъ восходить *на небо* и тамъ жить, яко ангелы Божіи (Мрк. XII, 25), и въ общеніи вѣчномъ съ ангелами въ Единой Церкви (Евр. XII, 22). Отнынѣ силы *небесныя* съ нами невидимо служатъ, и сами люди, будучи сынами Церкви, вмѣстѣ съ ангелами воспѣваютъ Животворящей Троицѣ трисвятую пѣснь, „херувимы тайно образующе“, т. е. изображая таинственно херувимовъ. Воагину, по изображенію Тайнозрителя, теперь, послѣ того, какъ воскресеніемъ Своимъ Спаситель завершилъ дѣло искупленія грѣшныхъ людей, раздался *на небѣ* гласъ великій: „Благословеніе и слава, и премудрость, и благодареніе, и честь, и сила, и крѣпость Богу нашему во вѣки вѣковъ!“ (Апок. VII, 12).

Нужно ли говорить о томъ, что нынѣ свѣта и радости исполнилась и *земля*? Люди изъ отверженныхъ содѣлались сынами любви Божіей; люди изъ обреченныхъ смерти содѣлались причастниками безсмертія,—и страстию Христовою смертное тѣло наше облакается въ красоту нетлѣвнѣя; „смерти мы празднуемъ умерщвленіе адово низложеніе, инога житія вѣчнаго начало и, играюще, поемъ Живоначнаго Единаго Благословеннаго, Отцевъ Бога препрославленнаго“. На *землѣ*, удрученной и погибавшей отъ человѣческой злобы и грѣха, проповѣдано ученіе Христа, ученіе мира, любви и святости, и *земля* послѣ того какъ бы обновилась въ жизни. По ученію слова Божія, вся природа чрезъ грѣхъ Адама подчинилась тлѣнью и совоздыхаетъ, соскорбитъ съ человѣкомъ искаженная грѣхомъ человѣческимъ, ожидая съ надеждою откровенія славы сыновъ Божіихъ (Рим. VIII, 19, 21). Теперь въ воскресеніи Христовомъ побѣждена смерть,

указано обѣтованіе будущей, вѣчной и славной жизни, а относительно природы, слышите ли, что сказано? „*Новаго небесе и новы земли* по обѣтованію Божию чаемъ,—ожидаемъ: въ нихъ же правда живетъ“ (2 Петр. III, 13). Какъ же не радоваться землѣ?

Исполнилась свѣта и *преисподняя*. Во адѣ, въ преисподнюю сходили души всѣхъ ветхозавѣтныхъ людей, не исключая и тѣхъ, которые здѣсь, на землѣ, жили съ вѣрою во грядущаго Христа-Избавителя. Чѣмъ жили эти люди среди скорбей жизни?

Они говорили ко Господу: „Не оставишь души моей во адѣ“ (Пс. XV, 10); они исповѣдали вѣру свою: „Знаю, Искушитель мой живъ, и Онъ въ послѣдній день возстановитъ изъ праха распадающуюся кожу мою сію, и я во плоти узрю Бога; мои глаза, не глаза другого, увидятъ Его“ (Іов. XIX, 25).

Итакъ, ветхозавѣтные праведники жили вѣрою во Христа и въ самой преисподней ожидали себѣ избавленія отъ Него. И се, нынѣ, по воскресеніи Своемъ, Онъ, снисшелъ въ *преисподнюю* земли, сокрушилъ веревъ вѣчныхъ, содержащія связаннаго отъ вѣка, и сущимъ во адѣ душамъ проповѣдывалъ о спасеніи и избавленіи (1 Петр. III, 19).

Какъ же не радоваться было и *преисподней* воскресенію Христову?

Въ сей день, его же сотвори Господь, въ день праздника праздниковъ,— въ день избавленія отъ скорби, смерти и погибели,—возрадуемся и возвеселимся въ онъ. Благословимъ Христа во вѣки! Будемъ, братіе, достойны великой радости. Не въ злобѣ и враждѣ, не въ мстительности, не въ грѣхѣ и нечистотѣ встрѣтимъ мы радость избавленія.

Если бы ты послѣ долгаго плѣна возвратился домой, вѣдь ты цѣловалъ бы землю родную, ты цѣловалъ бы прежнихъ враговъ, забывши все на свѣтѣ и помня только о своемъ спасеніи.

Такъ и въ день воскресенія, въ сей нареченный и святой день, единъ суббота царь и Господь, забудемъ всякую злобу, и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обнимемъ, скажемъ всѣмъ: „братіе, и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ, и тако возопіимъ: Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смертью поправъ и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ! Аминь.

Протоіерей *I. Восторговъ*.

Уроки невѣрія.

(Къ нед. о Ѳомѣ).

Не буди невѣренъ, но вѣренъ!

Се одня, по случаю воспоминанія о томъ, какъ св. апостоль Ѳома отъ невѣрія обратился къ вѣрѣ, хочется намъ спросить: можетъ ли невѣріе дать намъ какіе-либо уроки? Можетъ ли оно учить правдѣ и вѣрѣ?

На примѣрѣ апостола Ѳомы мы и можемъ разсуждать по этому вопросу. Вотъ, представьте себѣ, въ первый день по воскресеніи Спасителя, сущу поздѣ и дверемъ затвореннымъ, является Христосъ Господь ученикамъ Своимъ. Они всѣ были вмѣстѣ, собрались въ уныніи, заперлись въ домѣ страха ради іудейска. Одного Ѳомы не было съ ними.

Кончилось чудное видѣніе, услышали ученики слова Христовы, удостовѣрились непоколебимо въ Его воскресеніи изъ мертвыхъ. Скажите, какое чувство переживали они?

Это чувство вѣры, увѣренности, бодрости, радости, надежды,—оно не подается описанію. Они востигну ликовали духомъ. Они говорили, конечно, о чудномъ видѣніи и апостолу Томѣ, но онъ не повѣрилъ этому; такъ говорить намъ откровенно и ничего не скрывая евангеліе. И вотъ, когда другіе ученики были радостны, что испытывалъ Тома? Какое тяжкое чувство унынія охватило его душу! Какъ ему было при его скорби и невѣріи смотрѣть на другихъ апостоловъ? Какъ ему хотѣлось вѣрять! Какимъ печальнымъ, одинокимъ онъ чувствовалъ себя!

Такъ прошла мучительная недѣля,—цѣлая недѣля, которая при такихъ страданіяхъ души, мученіяхъ и сомнѣніяхъ совѣсти, при такомъ странномъ внутреннемъ раздвоеніи, можетъ показаться вѣчностью. И вотъ, чрезъ недѣлю опять ученики все вмѣстѣ; на сей разъ и Тома съ ними; опять является имъ Исусъ Воскресшій, говоритъ съ Тоמוю, показываетъ свои раны на рукахъ и ногахъ и въ прободенномъ ребрѣ Своемъ, удостовѣряетъ Тоому въ истинѣ возстанія Своего, и слышитъ отъ него исповѣданіе души; „Господь мой и Богъ мой“, и Самъ глаголетъ ему вѣчно памятное слово: „ты увидѣвъ Меня, увѣровалъ, блаженіи не видѣвшіе но вѣровавшіе“.

Можно себѣ представить послѣ того состояніе души апостола Тома. Исчезло его уныніе, отошло мучительное невѣріе, отлетѣли сомнѣнія и колебанія, непоколебимая вѣра царилъ въ его душѣ, радость заполнила его сердце: онъ видѣлъ Христа Воскресшаго, онъ убѣдился, что Исусъ есть Богъ и Господь, онъ знаетъ, что Христосъ есть Мессія, Спаситель, что Спаситель Христосъ Свое дѣло искупленія совершилъ, что ученіе Его есть ученіе Бога и отъ Бога, что о Немъ подобаетъ спастись намъ, всемъ людямъ. Такую радость нельзя описать, рассказать, ее надо самому пережить и испытать: радость вѣры доступна только вѣрующему.

Радость вѣры... Вотъ первый урокъ отъ этихъ мученій невѣрія. Здоровье, сила, молодость—все это не замѣчается нами, пока мы не увидимъ въ себѣ или другухъ всей тяжести нездоровья, безсилія и дряхлости. Такъ и вѣра, дающая намъ ясную, чистую радость, другъ засіяетъ предъ нами всею своею безконечною цѣнностью, если мы видимъ, хотя бы въ другихъ, несчастье невѣрія. И Тома-апостолъ сегодня насъ учитъ своимъ невѣріемъ тому, какъ тяжело и мучительно жить въ сомнѣніяхъ, въ колебаніяхъ, въ невѣріи, и ждать, пока вложишь персты Свои въ язвы гвоздинныя... Въ области вѣры нельзя все взвѣсить, ощупать, просмотрѣть и взять въ руки. И на землѣ многого мы не понимаемъ, какъ же будемъ стремиться къ постиженію небеснаго? Но не напрасно дана одному только человѣку на землѣ, въ отличіе отъ другихъ тварей, великая способность вѣры, способность вѣрою постигать невидимое и недосыгаемое, вѣра—это мужество и геройство духа, вѣра—это молодость безъ старости, вѣра—это безконечно-великое средство познанія и обогащенія души. Какъ же мучительно жить безъ вѣры! Возьмемъ примѣръ. По устройству тѣла человѣкъ приспособленъ такъ для жизни, что долженъ безпрерывно дышать воздухомъ; попробуйте, однако, не дышать, и это доставитъ вамъ и муку и смерть. То же и относительно вѣры. Безъ вѣры мука въ душѣ и потомъ смерть.

Но у тебя въ душѣ сомнѣнія и недоумѣнія, ты бы хотѣлъ увѣриться самолично въ той или другой истинѣ?

Невѣріе Тома и эти сомнѣнія разсѣиваетъ. *Его невѣріе учитъ вѣрѣ.*

Разъ мы знаемъ, что хоть одинъ человекъ, достойный довѣрія, сомнѣвался, колебался, а потомъ увидѣлъ самъ своими очами невидимое и непостижимое и о томъ другимъ повѣдалъ, то какъ же мы можемъ ему не вѣрить? Если пришелъ человекъ въ невѣдомую дотолѣ сторону, все посмотрѣлъ, все описалъ, и мы послѣ того, прочитавша, что онъ пишетъ, или услышавши, что онъ говоритъ, вѣримъ ему, вѣряемъ, что есть такая страна, что есть такіе города, а не ѣдемъ туда нарочно: то не должны ли мы дѣлать то же самое и относительно истинъ святой вѣры и ея свидѣтелей? Почему намъ не повѣрить апостолу Ѳомѣ? Зачѣмъ и для чего апостолъ говорилъ бы неправду? Что онъ за это получилъ? И онъ, и всѣ прочіе апостолы умерли за Христа, и кромѣ гоненій, мученій, преслѣдованій, кровавыхъ терзаній о смерти, ничего другого за свою проповѣдь не получили. По всѣмъ другимъ дѣламъ ихъ мы видимъ, что они во всемъ являются людьми достойнѣйшими и заслуживаютъ всякой чести, довѣрія и прославленія. Какъ же намъ не вѣрить столькимъ и такимъ свидѣтелямъ.

Господня воля на всѣ вѣка дала намъ въ невѣрія Ѳомы удостовѣреніе вѣры. Въстѣ съ Ѳомою каждый изъ насъ теперь какъ бы самолично осязаетъ язвы Господни на рукахъ и ногахъ, влагаетъ перстъ въ Его прободенное ребро, видитъ Воскресшаго Господа, слышитъ Его слово: „не буди невѣренъ, но вѣренъ“. Въстѣ съ Ѳомою мы являемся видѣвшими и вѣровавшими, но одновременно—и невидѣвшими, но вѣровавшими. И мы говоримъ Христу съ Ѳомою: „Господь мой и Богъ мой!“ И мы слышимъ отъ Господа: „Блаженіе не видѣніе и вѣровавіе“.

Пойдемъ же въ блаженствѣ и счастья вѣры, въ мирѣ и радости сердца и не станемъ болѣе служить и работать ни злу, ни грѣху, ни діаволу и аду.

Пойдемъ чрезъ всю жизнь за Христомъ Воскресшимъ, Побѣдителемъ грѣха и зла, Побѣдителемъ діавола и ада.

Пойдемъ въ блаженствѣ вѣры и не станемъ вопрошать о томъ, что невѣдомо и недоступно; ибо знаемъ, увѣрены и убѣдились, что все, намъ доступное явлено Господомъ, и что тѣ святые души, которыя достойны были неизреченныхъ явленій и откровеній, разъ навсегда чудесно удостовѣрены были Богомъ въ истинахъ вѣры и о томъ перетали и засвидѣтельствовали всѣмъ людямъ.

Знаемъ и то, что теперь мы разумѣемъ *отчасти*, но придетъ время, мы узримъ Бога *лицомъ къ лицу*. (I Кор. XIII, 12).

Таково обѣтованіе Божіе.

Такова радость вѣры здѣсь и несказанное блаженство ея на небѣ. Аминь.

Протоіерей *И. Восторговъ*,

ВЪ ШКОЛѢ.

(Изъ поученій учащимся).

Въ нед. свв. мѣроносиць.

I.

Прочитанная сейчасъ повѣсть изъ священной книги Дѣяній Апостольскихъ (Дѣян. VI, 1—7) переноситъ насъ въ первенствующую Церковь христіанскую. Миръ и согласіе, царившіе среди святого общества первыхъ послѣдователей Христовыхъ, были нѣсколько нарушены; правдивое слово Божіе не скрываетъ отъ

насъ этого печальнаго явленія, не оправдываетъ его, а предостерегаетъ отъ зла; не скрываетъ и того, что послужило поводомъ къ нарушенію согласія. Но способъ разрѣшенія апостолами возникшаго недоумѣнія представляется на первый взглядъ какъ будто непонятнымъ. Прежде всего, дѣло благотворенія свято и въ высшей степени важно, и апостолы должны были обратитъ на него все вниманіе; далѣе, въ этомъ святомъ дѣлѣ замѣчается явная несправедливость: бѣдныя вдовы, природныя жительницы Іерусалима, получали пособія больше, чѣмъ вдовы евреевъ-пришельцевъ, жившихъ внѣ Палестины. Въ помощи нуждаются бѣдные вообще, а не бѣдные извѣстнаго рода, и благотворенія, рассчитанныя на поддержку только бѣдныхъ исключительно своихъ, своей національности, своей мѣстности, съ намѣреннымъ исключеніемъ другихъ бѣдняковъ, едва ли могутъ быть названы христіанскими. Въ данномъ же случаѣ несправедливость увеличивается тѣмъ, что, вдовы Іерусалимскія, какъ мѣстныя жительницы, имѣли больше возможности найти способы пропитанія, чѣмъ вдовы евреевъ-пришельцевъ. Итакъ, по всему слѣдовало ожидать, что апостолы обратятъ на это самое серьезное и строгое вниманіе. Что же мы видимъ? Апостолы не принимаютъ въ дѣлѣ прямого участія, а избираютъ вмѣсто себя особыхъ помощниковъ, и имъ поручаютъ разбираться и предупреждать могущія быть распри. Что же это значить? Неужели апостолы не захотѣли потрудиться и выискнуть въ дѣло, не увидѣли нарушенія правды? Неужели имъ просто не хотѣлось разсмотрѣніемъ дѣла навлечь на себя неудовольствие? Но такая мысль будетъ и кощунственною, и совершенно не согласною со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно объ апостолахъ, людяхъ, всю жизнь отдавшихъ труду проповѣди, не убоявшихся не только неудовольствія людей, но и мученій, гоненій и самой смерти. Причина, по которой апостолы устранились отъ разсмотрѣнія дѣла, ясно указана ими самими: „Нехорошо намъ, оставивъ слово Божіе, имѣть попеченіе о столахъ“. У апостоловъ была своя задача, свой долгъ, — учительство, заповѣданное имъ Господомъ Спасителемъ. Всякое занятіе другими дѣлами, даже и съ доброю цѣлью, могло повредить прямому ихъ дѣлу. Вотъ почему апостолы эти другія дѣла поручаютъ особымъ людямъ въ качествѣ непосредственно лежащей на нихъ обязанности.

Отсюда урокъ христіанамъ всѣхъ возрастовъ и положеній, слѣдовательно и вамъ, учащіяся дѣти. Отъ cadaго изъ насъ требуется исполненіе нашего прямого долга. Постороннее для насъ составляетъ прямой долгъ для другихъ, которые и несутъ его. Худо ли несутъ или хорошо, — вѣдать это опять-таки предоставлено извѣстнымъ лицамъ въ качествѣ ихъ прямого долга. Такъ вездѣ, такъ и среди учащихя. Нѣтъ ничего хуже, когда ученикъ, взрослый ли или малый, высшаго ли учебнаго заведенія или средняго, когда ученикъ, вмѣсто того, чтобы учиться, начинаетъ учить другихъ; вмѣсто того, чтобы заниматься тѣмъ, что нужно, т. е. наукой, прямымъ своимъ дѣломъ, начинаетъ увлекаться вопросами политики, общественной жизни, государственнаго управленія и т. п. Къ сожалѣнію, это явленіе неоднократно замѣчалось. Предостерегаемъ особенно тѣхъ изъ васъ, кто имѣлъ несчастье вступить на указанный ложный путь, и тѣхъ, которые оставляютъ среднюю школу для высшей. И слово Божіе, и примѣръ исторій, и здравый разумъ, и ежедневный опытъ жизни согласно учатъ, что лучше выполнить хорошо одно свое дѣло, чѣмъ вѣзаться за многія, да и еще чужія, и не сдѣлать хорошо ни одного. Пока мы, ученики, будемъ учиться и ученью отдавать все вниманіе, всѣ силы и трудъ; придетъ время, — примемъ и новыя обязанности, и тогда, наученные въ свое время исполненію простаго и малаго долга, мы съ успѣхомъ выполнимъ сложный и большой. Всему свое время.

Въ нед. о разслабленномъ.

II.

Вы слышали разсказъ о двухъ чудесахъ, совершенныхъ апостоламъ Петромъ. (Дѣян.—IX, 32—42). Евангельское чтеніе завтрашняго дня (Іоанн. V, 1—15), также разсказываетъ о чудѣ исцѣленія Спасителемъ разслабленнаго при овчей купели, лежавшаго въ болѣзни 38 лѣтъ. Такимъ образомъ, оба чтенія изъ Новозавѣтнаго Писанія наводятъ насъ на мысль о чудесахъ. Если бы мы даже не были христіанами, искренно вѣрующими въ безусловную истинность и непогрѣшимость Священнаго Писанія, то одно чтеніе слышаннаго сейчасъ отрывка должно бы привести насъ къ мысли о достовѣрности изложеннаго въ немъ событія: такъ весь разсказъ дышитъ простотой, искренностью и правдивостью, такъ онъ чуждъ всякой неестественности въ обращеніи между собой людей, такъ соотвѣтствуетъ онъ всѣмъ историческимъ свѣдѣніямъ нашимъ о мѣстѣ и времени дѣйствія, о народѣ, объ условіяхъ его жизни и проч.. Таковы всѣ чудеса христіанскія. Въ дѣйствительности ихъ, кромѣ того, убѣждаютъ со всею силою и многія другія соображенія. Странно было бы апостоламъ писать о небывшемъ чудѣ, какъ о дѣйствительномъ, не отдаленнымъ на столѣтія спустя потомкамъ, а самимъ современникамъ чуда и даже свидѣтелямъ его, которые немедленно обличили бы апостоловъ, если бы не видѣли въ словахъ ихъ истины. Странно было бы основывать всю проповѣдь Христа и о Христѣ на многочисленныхъ, но выдуманыхъ и не бывшихъ чудесахъ, и однако, приобрѣсти такой успѣхъ, какаго мѣръ еще не выдалъ. Это равносильно было бы признанію всѣхъ людей сумасшедшими. Странно, наконецъ, ожидать отъ людей, разумѣемъ отъ апостоловъ, которые сами отличались необыкновенною правдивостью, самоотверженіемъ и другимъ внушали то же самое, которые положили жизнь за свое ученіе,— странно, говорю, было бы ожидать, чтобы они являлись обманщиками, и притомъ проповѣдывали о небывалыхъ чудесахъ, какъ о дѣйствительныхъ, безъ цѣли, безъ пользы для себя, развѣ съ единственною выгодною, съ тою, что изъ нихъ ни одинъ не избѣгнулъ жесточайшихъ гоненій за свою проповѣдь, но всѣ потерпѣли и ссылку, и пытки, и голодъ, и побои, и темницу, и наконецъ, умерли, то растерзанные звѣрями, то разодранные пополамъ, то распяты на крестѣ внизъ головою, то подъ мечемъ, то избитые камнями. Если бы сдѣлалъ это одинъ человекъ, еще можно бы дать вѣроятіе всякимъ неправдоподобнымъ предположеніемъ, но когда мы видимъ десятки свидѣтелей, людей во всѣхъ другихъ случаяхъ отличающихся высокимъ нравственнымъ достоинствомъ, то нельзя не повѣрить истинѣ ихъ проповѣди, истинѣ ихъ повѣствованія о чудесахъ и жизни нашего Господа.

Оставляя до будущей бесѣды разсмотрѣніе вопроса о чудесахъ, въ примѣненіи къ настоящему времени, воспользуемся выше приведенными соображеніями и утвердимъ себя въ той мысли, что истина Христова не боится свѣта и подтверждается и данными исторіи, и соображеніями здраваго разума, ясно проглядываетъ съ необыкновенною убѣдительною и въ самомъ текстѣ священныхъ книгъ. Эта мысль въ учащихъ и развивающихъ свои умственные способности пусть укрѣпляетъ болѣе и болѣе религіозную вѣру и преданность ученію Христову. **Еже буди и буди!**

III.

Въ недѣлю о самарянкѣ.

(Дѣян. XI, 19—26; 29—30).

Въ прошедшую бесѣду нашу мы говорили о достовѣрности чудесъ, о которыхъ повѣствуютъ священныя книги христіанской вѣры. Часто въ умахъ людей неопытныхъ возникаетъ при мысли о древнихъ чудесахъ неотвязный вопросъ: почему же нѣтъ чудесъ въ настоящее время? Чго сказать на это? Пржеіе всего на это нужно отвѣтить, что предлагать такой вопросъ, значить обнаруживать не серьезное отношеніе къ дѣлу, а пустое любопытство: христіанство, вѣдь, не есть собраніе фокусовъ и диковинокъ, которые бы явились для удовлетворенія легкомыслия. Люди, требующіе чудесъ, самыя плохіе вѣрующіе. Таковъ былъ Иродъ, къ которому привели Спасителя на судъ: онъ хотѣлъ видѣть отъ Христа чудо, но Спаситель молчалъ на всѣ его вопросы, видя, что они не относятся къ дѣлу. Таковы вообще люди, преданные землѣ до забвенія Бога. Когда богачъ въ притчѣ о богачѣ и Лазарѣ сталъ просить Авраама, чтобы онъ послалъ Лазаря на землю къ братьямъ, то богачъ выражалъ при этомъ надежду, что живые невѣры и нечестивцы послушаются воскресшаго изъ мертвыхъ. Авраамъ въ притчѣ, въ отвѣтъ на просьбу, изрекъ замѣчательныя слова: они имѣютъ Писанія Моисея и пророковъ; если имъ не вѣрятъ и ими не трогаются, то, если кто и изъ мертвыхъ возстанетъ, не повѣрятъ. Чудеса творятся по намѣреніямъ Божиимъ, а не по замысламъ человѣческимъ, но кто, говоря словами апостола, кто уразумѣлъ умъ Господень? Или кто совѣтникъ Ему бысть? Лучше поэтому благоговѣно поучаться отъ тѣхъ чудесъ, которыя уже были совершены для нашего вразумленія, чѣмъ ожидать чудесъ новыхъ и новыхъ, и оставаться въ состояніи тѣхъ ожесточенныхъ евреевъ, которые часто изображаются въ евангеліи, которые требовали ихъ, и не получали за свое невѣріе. Родъ лукавый и прелюбодѣйный, говоритъ Спаситель, знаменія ищеть, но знаменіе не дастся ему! Жители родного для Христа Назарета тоже искали чуда, но Спаситель не сотворилъ здѣсь знаменія „за невѣрство ихъ“. Итакъ, чудо дѣйствуетъ не на любопытство, а на вѣру. Нѣтъ времени намъ сегодня обсуждать вопросъ объ этомъ особенно подробно. Скажемъ только, что во времена чрезвычайныя, во времена особенныя, когда воля людей дѣлала препятствія волѣ Божіей, тогда желанія Божія могли быть исполнены только путемъ сверхъестественнымъ повторяю,—во времена чрезвычайныя и особенныя Господь творить дѣла чрезвычайныя и особенныя, называемыя чудесами. Наше время не можетъ быть названо чрезвычайнымъ, и въ цѣляхъ Промысла, очевидно, теперь не нужны многочисленныя чудеса.

Объ одномъ изъ таяхъ чрезвычайныхъ дѣйствій Божества разсказывается и въ слышанныхъ вами сейчасъ словахъ изъ книги Дѣяній апостольскихъ (XI, 19—26; 29—30). Повидимому, дѣйствіе это незначительно, и можетъ быть многіе изъ васъ и теперь не догадываются, на чѣмъ я хочу остановитъ вниманіе. Но я скажу еще болѣе: чудо, о которомъ говорится въ этихъ словахъ священной книги, стоитъ и теперь предъ нами воочію, и мы его всѣ видимъ и наблюдаемъ. Изложено это чудо въ немногихъ словахъ: „и была съ ними (апостолами и проповѣдниками) рука Господня, и великое число, увѣровавъ, обратилось къ Господу“.

Итакъ, я разумю распространеніе христіанства по всему міру. Это есть вѣчное чудо нашей вѣры. Подумайте, въ какомъ видѣ выступила наша святая

религія на поприще міра, що було за нею і що було проти неї, і ви увидите, що распространіє христіанства можно об'яснить только чудеснымъ воздѣйствіемъ Божества. Все, что было сильного въ древнемъ мірѣ, возстало противъ христіанства. Возстало правительство, въ лицѣ государей, военачальниковъ и судей. Возстали сильные жрецы, возсталъ наука въ лицѣ своихъ представителей ученыхъ и филозофовъ, возсталъ чернь и обратила противъ христіанъ все свое невѣжество, всю злобу и кровожадность, воспитанную непрерывными войнами и кровавыми потѣхами цирка. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе дѣлались гоненія. Десять разъ подымалось убійственноє желѣзо и столько же разъ опускалось въ невозможности истребить христіанъ. Не было казни, не было пытки, не было ничего, что оставили бы жестокіе враги и не примѣнили бы къ христіанамъ! Потрясающее зрѣлище открывается предъ нами, когда мы видимъ, что христіане, съ одной стороны, не вызвали искусственно страданій, какъ фанатики, съ другой,—покорно переносили все, если гоненія начинались помимо ихъ воли. Въ полѣднемъ гоненіи огромное число христіанъ было убито, но въ живыхъ ихъ оставалось еще больше: наконецъ, пригуплялось желѣзо, руки палачей отказывались служить отъ изнеможенія, не было физической возможности предать всѣхъ смертной казни. Христіане были покорны: они не прибѣгали къ борьбѣ, къ насилію. Чѣмъ же они владѣли и чѣмъ дѣйствовали? Матеріальная сила—огонь и мечъ, возбужденіе дикаго фанатизма и нетерпимости, вотъ чѣмъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ сильны люди, вотъ чѣмъ, на примѣръ, распространилась религія арабовъ. Въ другихъ случаяхъ въ такомъ дѣлѣ люди подавляютъ другихъ силою умственной, превосходствомъ образованія, воздѣйствіемъ культуры. Такъ дѣйствовали греки на востокѣ при Александрѣ Великомъ. Ничего подобнаго не видимъ у апостоловъ, бѣдныхъ и незнатныхъ рыбаковъ-евреевъ, кроткихъ и смиренныхъ, простыхъ и некнижныхъ.

Промыселъ Божій намѣренно избралъ въ орудіе проповѣди такихъ людей, которые въ мірѣ считались за ничто, чтобы яснѣе видна была сила Божія. И дѣйствительно, черезъ три вѣка гордый Римъ склонился къ подножію креста, а цивилизація Европы, превзошедшая блескомъ, все о чемъ мечтали древній міръ, и своимъ происхожденіемъ и современными успѣхами обязана единственно христіанству. Такъ, распространіє нашей вѣры должно признать чудомъ, всѣми видимымъ и всѣхъ поучающимъ. Будемъ же преданы этой вѣрѣ, и не на словахъ только, но и въ мысляхъ, и въ чувствахъ, и въ дѣятельности. На основѣ этой вѣры будемъ воспитывать своего внутренняго челоуѣка, подавлять все нечистое и идти къ свѣту, добру и блаженству.

На этомъ наставленіи мы и кончаемъ бесѣды въ настоящемъ учебномъ году. До будущаго года, дорогія дѣти!

Протоіерей *І. Восторговъ*.

Въ пасхальные дни.

ПАСХА.

Сей нареченный и святой день, единъ суббота царь и господь, праздниковъ праздникъ и торжество есть торжество! (II, 8. Пасх. канона).

Этотъ нареченный, т.-е. знаменитый, славный, вѣчно именуемый день, этотъ святой т.-е. выдѣленный изъ всѣхъ и особый день, день „едина отъ субботы“,— какъ названъ въ евангеліяхъ (Мѡ. XXVIII. 1; Мр. XVI, 2; XXIV, 1) день, въ который воскресъ Христосъ,—этотъ день, который есть царь и господь, т.-е. царственный и господственный надъ всѣми днями, изъ праздниковъ праздникъ, изъ торжествъ торжество,—какой это день?

Это день Пасхи Христовой. Такимъ праздникомъ была Пасха въ ветхомъ заветѣ, такимъ праздникомъ она является и въ заветѣ новомъ. Вотъ почему намъ полезно остановиться вниманіемъ на выясненіи глубокаго и вѣчнаго значенія пасхальнаго торжества. Оно охватываетъ, какъ видите, все Божье домостроительство нашего спасенія, т.-е. оно соединяетъ оба завета—старый и новый. Такъ и апостоль говоритъ, что наша Пасха есть пожертвѣ за насъ, принесенный за насъ въ жертву Христосъ (1 Кор. V, 7), Онъ есть Агнецъ Божій, вземлющій грѣхъ въ грѣхи міра, какъ именовалъ Его Предтеча. (Іоанн. 1, 26). Этими словами, образами и напоминаніями мы возводимся къ ветхому завету, чтобы уяснить себѣ значеніе Пасхи новозавѣтной.

Еврейская ветхозавѣтная Пасха, т.-е. по буквальному значенію слова—исхожденіе, прохожденіе лицъ, избавленіе,—была установлена Богомъ для народа Израильскаго, въ память исхода изъ Египта, изъ земли рабства. Богъ повелѣлъ тогда въ назначенный день каждой семьѣ избрать лучшаго въ стадѣ агнца, беспорочнаго, т.-е. неимѣющаго недостатковъ физическихъ, единоплѣтнаго, испечь его на огнѣ, не раздробляя костей, распявши для этого на дровѣ, а кровью помазать косяки двери въ домѣхъ сына народа Божія. Ангель-губитель въ ночь исхода поразилъ первенцевъ египетскихъ, и *прошелъ мимо*,—по-еврейски: *пей-сашъ*, откуда и Пасха—избавилъ отъ смерти первенцевъ еврейскихъ. Въ ту же ночь израильтяне, послѣ вкушенія агнца пасхальнаго съ горькими травами,—въ означеніе горькой жизни въ Египтѣ.—съ прѣснымъ хлѣбомъ, (который быстро приготавливался) съ посохами въ рукахъ, въ одѣтой одеждѣ и въ надѣтыхъ поясахъ, какъ уже готовые въ путь,—все это въ знакъ поспѣшности исхода и освобожденія изъ рабства,—должны были выступить въ путь всѣмъ народомъ и оставить страну горькаго и унижительнаго рабства. Такъ, за полторы тысячъ лѣтъ до Христа данъ былъ образъ и прообразъ, т.-е. вѣкое предъизображеніе духовной свободы новаго Израиля, т.-е. вѣрующихъ въ Христа уже не обѣщаннаго и грядущаго, а пришедшаго. Такихъ прообразовъ въ ветхомъ заветѣ, изображающихъ будущія времена новозавѣтныя, было много; это были событія, установленія, лица, учрежденія, обряды ветхозавѣтныя, которые давали какъ бы общій тонъ и подготовку для болѣе легкаго и глубокаго усвоенія новозавѣтныхъ истинъ, событий и установленій. Такъ послѣ ветхозавѣтнаго священства и выдѣленія правобѣрующаго народа въ особо избранный народъ и церковь (собраніе)—легко было усвоить ученіе о Церкви новаго завета и ея священствѣ; послѣ обрѣзанія, бывшаго непрѣмѣннымъ и безусловно нужнымъ знакомъ принадлежности къ народу Божію, къ Церкви

ветхозавѣтной, легко было усвоить мысль о безкровномъ духовномъ обрѣзаніи нерукотворенномъ, о крещеніи; послѣ жертвоприношенія легко было усвоить мысль о жертвѣ Христовой; послѣ ветхозавѣтнаго ученія о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка легко воспринимались высокія, духовныя истины евангелія о служеніи Богу чрезъ любовь къ Нему и ближнимъ. Вѣдь и теперь можно, напримеръ, рассказавъ богачу о многихъ трагическихъ случаяхъ благотворительности богатыхъ, о великой радости бѣдныхъ, получившихъ помощь неужданную—можно такъ расположить и настроить его душу, что когда явится случай бѣдственнаго состоянія ближняго, онъ самъ придетъ къ мысли и рѣшимости благотворенія.

Итакъ, какое же преобразование было въ ветхозавѣтной Пасхѣ, какой въ ней заключенъ образъ, который облегчалъ древнему Израилю принять Пасху новозавѣтную, а намъ даетъ возможность глубже уразумѣть ея значеніе?

Начнемъ издалека, отъ древнѣйшихъ дней исторіи Израила, отъ самаго переселенія его въ Египеть.

Хорошею, привлекательною и свободною, изобильною и радостною представлялась сначала жизнь въ Египтѣ молодому Израильскому народу. Быстро онъ тамъ размножался и богатѣлъ, и казалось, все общало ему нескончаемое благополучіе. Но потомъ Фараонъ ожесточился противъ евреевъ, сталъ притѣснять ихъ тяжкими работами, наложилъ на нихъ, довѣрившихся Египту, невыносимыя цѣпи рабства. Совсѣмъ погибалъ народъ; уже онъ сталъ кланяться богамъ египетскимъ, а самое главное,—онъ и не помышлялъ о свободѣ, не въ силахъ былъ самъ себя избавить, и если бы не Моисей, вождь его, посланный и ведомый Богомъ,—то окончательно и навѣки погибъ бы народъ въ рабствѣ. Моисей велъ его къ свободѣ, иногда даже при самомъ неблагоприятно-зломъ недовѣріи къ нему народа.

Страна Египетская есть образъ грѣха; Фараонъ—образъ дьявола. Какъ манить къ себѣ грѣхъ, какія общаетъ наслажденія! Какъ часто грѣхъ на первыхъ порахъ даетъ дѣйствительно видимое счастье и довольство грѣшнику, окрыляетъ его успѣхомъ! И какъ всегда, рѣшительно всегда,—онъ его обманываетъ! О, не довѣрайся ему, какъ египетскому Фараону! Грѣхъ въ концѣ-концовъ порабождаетъ человѣка, дьяволъ становится его мучителемъ, самъ человѣкъ горько стонетъ подъ грѣховымъ игомъ, не уже силъ не имѣетъ возстать противъ этого страшнаго ярма, и даже возстаетъ противъ того Вождя, Который выводитъ его изъ страны рабства, т.-е. противъ Христа, нашего Божественнаго Учителя и Искупителя и противъ Его благовѣстія, евангелія духовной свободы.

Упоренъ былъ Фараонъ, не хотѣлъ онъ отпустить народъ Израильскій изъ Египта, онъ думалъ навѣки имѣть его своимъ рабомъ. Упоренъ и дьяволъ, цѣпкимъ является грѣхъ, не хочетъ онъ отпустить отъ себя того, кто началъ ему служить и работать. Итакъ, не лучше ли человѣку совсѣмъ отойти отъ грѣха и дьявола, отъ этого сначала ласковаго, а потомъ непремѣнно и неизмѣнно злого господина?

Великъ былъ Моисей и велико его значеніе для еврейскаго народа. Это былъ избавитель изъ рабства и плѣна, вождь въ пустынѣ, учитель и законодатель пророкъ и священникъ, и молитвенникъ. Онъ велъ народъ въ землю Обѣтованную, въ землю прекрасную, въ страну свободы и довольства. Онъ провелъ его туда чрезъ Черное море и страшную пустыню. Велика была его любовь къ народу. Онъ готовъ былъ,—и о томъ просилъ Бога: лучше вычеркни меня изъ книги живыхъ, но только пощади и не погуби любимый народъ мой... (Исх. 32, 33).

Но Моисей предупреждалъ Израила: пророка, подобнаго мнѣ, воздвигнетъ

вамъ Господь, и кто не послушаетъ словъ Его, съ того Я взыщу, говоритъ Господь (Вт. XVIII, 19). Какъ пророкъ, видѣль Моисей и будущее отверженіе народомъ этого Вождя и Пророка: Узрите,—говорилъ онъ,—узрите жизньъ вашу, Жизньъ вашу,—висящъ предъ очами вашими. (Вт. XXVIII, 66).

Ясно теперь для насъ, Кто это новый Избавитель, Вождь, Учитель, Законодатель, Пророкъ, Царь и Первосвященникъ новаго народа Божія, новаго Израиля христіанскаго. Это Господь Иисусъ Христосъ, распятый на крестѣ неблагодарными сынами нѣкогда изгнаннаго, потомъ отверженнаго народа Израильскаго. „Вмѣсто Моисея—Христосъ спасеніе душъ нашихъ“. Такъ говоритъ объ этомъ прообразѣ пѣснь церковная.

Ясно и то, Кто былъ изображаемъ агнцемъ пасхальнымъ. Это Христосъ Господь. Его кровью мы ознаменованы, какъ бы мѣчены. И кто принимаетъ Его кровь и Тѣло, тотъ, подобно первенцамъ еврейскимъ, избавляется отъ смерти. Народъ Божій,—мы, вѣрующіе—который вѣруетъ во Христа и вкушаетъ Тѣло Его, какъ вѣчнаго Агнца, выводится изъ подъ власти Фараона мысленнаго, т.-е. діавола, выводится изъ плѣна грѣха, освобождается отъ горькаго рабства; во Христѣ онъ получаетъ силы и сознаетъ грѣхъ и возымѣтъ рѣшимость отвергнуть его; Христосъ проведетъ этотъ народъ Божій, Церковь Свою, сквозь всѣ опасности міра къ землѣ Обѣтованной т.-е. къ вѣчному небесному царствію; въ крещеніи, какъ въ морѣ Черномъ, мы получаемъ очищеніе, тамъ погибаетъ Фараонъ духовный и все воинство его; въ тягостяхъ и бѣдствіяхъ жизни, какъ въ пустынѣ, мы укрѣпляемъ со Христомъ, чтобы быть достойными вѣчной земли обѣтованія.

„Не можетъ погибнуть овца мѣченая,“—говоритъ въ одномъ изъ своихъ поученій нашъ Отечественный учитель и святой отецъ, митрополитъ Алексій: „и вы,—прибавляетъ онъ, мѣчены кровію Христовой“.

Итакъ, жезлъ новаго Моисея-Христа, Его крестъ есть чудодѣйственное орудіе нашего спасенія, нашей смерти для грѣха и путь жизни для святости и, спасенія. Итакъ, Христосъ есть *Новая Пасха*, Жертва Живая, Агнецъ Божій, взявша грѣхи міра. Итакъ, вышедши изъ плѣна грѣха, духовнаго Египта, прешедши Черное море, получивъ свободу, избавленіе и спасеніе, имѣя вѣчаю Пасху и вѣчнаго Агнца, за насъ распятаго, но потомъ воскресшаго Христа,—какъ намъ въ день нашей Пасхи, безмѣрно вышей, чѣмъ ветхозавѣтная, какъ намъ не воспѣть, подобно Моисею, съ народомъ Божіимъ пѣснь вѣчной радости: Поимъ Госпа девн, славно бо прославися?! И потому-то въ сей пасхальный назначенный и святой день, единъ суббота царь и Господь, въ праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ—мы благословимъ Христа во вѣки. Аминь.

Протоіерей *І. Восторговъ*.

II.

ВОПЛОЩЕНИЕ И ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТА.

Ангель вопіаше Благодатній: Чистая Дѣво, радуйся!—И паки реку: радуйся! Твой Сынъ воскресе, тридневенъ отъ гроба, и мертвыя воздвигнувый,—людіе веселитесь. (Пасх. канонъ).

Не совсѣмъ понятна съ перваго раза и не совсѣмъ удобопереводима эта всѣмъ извѣстная и часто употребляемая въ богослуженіи пасхальная пѣснь. Ангель взывалъ къ благодатной, къ Богородицѣ: радуйся! Но кто же это здѣсь отъ себя прибавляетъ: «и паки реку, т.-е. еще скажу радуйся»? Не трудно догадаться, о какомъ ангелѣ въ началѣ здѣсь идетъ рѣчь. Конечно, объ архангелѣ Гавриилѣ, въ часъ благовѣщенія Богородицѣ, когда онъ такъ и назвалъ ее: «Радуйся, благодатная!» Но словъ: «паки реку—радуйся» архангелъ не говорилъ; евангеліе ихъ не приводитъ; ихъ не было сказано. Кто же это говоритъ: паки реку? Здѣсь предъ нами рѣдкій пріемъ пѣснотворца, молитвослагателя, т.-е. составителя этой молитвы, св. Іоанна Дамаскина. Онъ здѣсь говоритъ отъ своего лица, какъ писателя, о себѣ самомъ, но конечно,—отъ лица всѣхъ насъ, воспѣвающихъ эту молитву. Такъ онъ въ этой пѣсни разсуждаетъ: «Нѣкогда ангель взывалъ къ благодатной: Чистая Дѣва, радуйся; и я отъ себя прибавлю, я тоже повторю: радуйся». Такимъ образомъ, здѣсь всѣ мы, прославляя Богоматерь и Ее привѣтствуя съ воскресеніемъ Божественнаго Сына—Твой Сынъ воскресе, тридневенъ отъ гроба—всѣ сравниваемъ себя съ ангеломъ-благовѣстникомъ и его изображаемъ.

Самое слово: «радуйся» на языкѣ древнихъ обозначало простое привѣтствіе при встрѣчѣ, какъ наше: «здравствуй», и буквального значенія радости не имѣетъ. Но языкъ церковный издревле понимаетъ эти слова именно буквально. Такъ мы употребляемъ его въ акаѳистахъ къ Богоматери и святымъ. Такъ употребилъ его и Христосъ Воскресшій, когда сказалъ, впервые явившись мѣроносицамъ: «Радуйтесь». Такъ понимаетъ его и пасхальное богослуженіе: «Радуйся, Дѣво, радуйся, Благословенная, радуйся Препрославленная», и тотчасъ же указываетъ и причину радости: «Твой бо Сынъ воскресе, тридневенъ отъ гроба».

Итакъ, предъ нами пѣснь, подобно многимъ другимъ пѣснямъ пасхальнаго богослуженія, выражающая и изясняющая радость нашего праздника. Но она имѣетъ свою особенность: она сближаетъ событія благовѣщенія и воскресенія Христова, воплощеніе Божества, и Его побѣды надъ грѣхомъ и смертью, и радость воплощенія именно увѣчиваетъ радостью воскресенія, привѣтствуя съ воскресеніемъ Ту, отъ Которой воплотился Господь нашъ и Которой, по преданію церковному, хотя и не занесенному въ евангеліе, Первый Онъ явился по воскресеніи, утѣшая Ее, какъ возлюбленную земную Матерь Свою.

Здѣсь предъ нами рѣзкая разница въ возрѣніяхъ христіанскаго инославнаго Запада и православнаго Востока въ оцѣнкѣ событій жизни Христовой. Извѣстно, что западные христіанскіе народы считаютъ главнымъ праздникомъ, торжествомъ изъ торжествъ, — Рождество Христово, т.-е. Его воплощеніе. Пасха занимаетъ у нихъ второе мѣсто.

Православная Церковь, конечно, не унижаетъ праздника Боговоплощенія, свѣтло празнуетъ его, святое Благовѣщеніе именуется она спасенія нашего главиз-

ною, началомъ, Рождество Христово чтить съ необычайнымъ торжествомъ, слова Христа вмѣстѣ съ ангелами, въ праздникъ Богоявленія, т. е. явленія воплощеннаго Христа міру, въ день Крещенія она въ торжественномъ шествіи призываетъ весь міръ къ тому, чтобы внимать гласу Господню на водахъ и принимать духа премудрости, духа разума, явившагося Христа. Однако, главнымъ, царственнымъ и господственнымъ праздникомъ изъ праздниковъ, торжествомъ изъ торжествъ, свѣтоноснымъ, свѣтозарнымъ, превеликимъ и святѣйшимъ, — Православная Церковь почитаетъ Пасху. И въ этомъ отношеніи она слѣдуетъ самимъ апостоламъ. Ибо, какой предметъ проповѣди изначала былъ у апостоловъ? Въ Иерусалимѣ въ день Пятидесятницы, тамъ же послѣ исцѣленія хромого отъ рожденія Петромъ и Іоанномъ, въ Сиведрионѣ предъ лицомъ озлобленныхъ іудеевъ, во языцѣхъ — въ Антиохіи Великой, въ Антиохіи Писидійской, Листрії, Дерви, Иконіи, Ефесѣ, Тroadѣ, Филиппахъ, Афинахъ, Солуни, Коринѣ, и Римѣ, и такъ безъ конца, — апостолы говорили въ началѣ одно и то же: прежде всего не о воплощеніи Христа, а о томъ, что былъ Мужъ, свидѣтельствованный отъ Бога знаменіями, чудесами и ученіемъ, именемъ Иисусъ: Его убили іудеи, а Онъ воскресъ. Кто хочетъ убѣдиться въ этомъ содержаніи и характерѣ апостольскаго благовѣстія, читай въ простотѣ сердца святу ю книгу Дѣяній Апостольскихъ.

И божественный и небожественный Павелъ, сей избранный сосудъ Духа, возвѣстидь навѣки, и симъ словомъ далъ печать проповѣди апостольской: «Если Христосъ не воскресъ, то суетна, тщетна, напрасна самая вѣра наша» (1 кор. XV, 14).

Воплощеніе есть именно главизна, *начало* спасенія: воскресеніе—его конецъ и завершеніе, увѣнчаніе, совершеніе и слава. Воплощеніе есть приобщеніе Божества къ плоти человѣческой, Еммануилово дѣло, «Съ нами Богъ»: а воскресеніе есть преобразование самой плоти человѣческой въ славу воскресенія, въ силу неистлѣнія, когда страстію Христовой смертное облачается въ благолѣпіе и красоту нетлѣнія, въ предъизображеніе того образа будущаго бытія со Христомъ и во Христъ, которое насъ оживаетъ въ вѣчности. Ибо, каковъ перстный Адамъ, таковы и перстные люди, и каковъ Небесный нашъ новый Родоначальникъ духовный, нашъ второй Адамъ—Христосъ, таковы и мы *небесные*; и какъ мы носили образъ перстнаго, будемъ носить Небеснаго (1 Кор. XV, 47—49): и Христосъ возсталъ отъ мертвыхъ, какъ первый изъ умершихъ. (1 Кор. XV, 20.)

Вотъ почему мы можемъ съ полнымъ правомъ сказать, что православіе глубже, духовнѣе, возвышеннѣе, совершеннѣе и неизмѣримо полнѣе и цѣльнѣе приѣмлетъ силу и духъ христіанства, празнуя Пасху, какъ первый изъ праздниковъ, чѣмъ инославіе Запада, привязаннаго все же къ плоти. И самые символы пасхальной радости у насъ, православныхъ, говорятъ о томъ же: яйцо—образъ гроба, въ которомъ внутри таятся жизнь, зародышъ птенца, который разобьетъ нѣкогда скорлупу, оковы гроба, могилы и смерти, и возникнетъ къ жизни. Артось—хлѣбъ *квасный*, поднявшійся, *взошедшій* на дрожжахъ, есть образъ хлѣба *жизненнаго*, имѣющаго ту закваску Царствія Божія, о которой въ притчѣ столь просто и вмѣстѣ вѣчно поучительно-образно училъ Христосъ (Мѣ. XIII, 33),—въ отличіе отъ древнихъ еврейскихъ пасхальныхъ опрѣсноковъ, —символа безжизненности, неподвижности и мертвенности.

Воплощеніе Божества есть начало Его уничиженія, умаленія, того *истощанія*, таинственнаго «*Кеносисъ*», о которомъ глаголали самые выдающіеся отцы наши и учителя, о которомъ благоговѣнно возвѣщаютъ намъ церковно-отеческія молитвы. А воскресеніе есть побѣдоносное увѣнчаніе сего истощанія, есть вѣчная и царственная слава нашего Искупителя, свидѣтельство Его Божест-

вѣннаго всемогущества, которое даетъ намъ непоколебимое увѣреніе въ томъ, что дѣло Свое, дѣло искупленія, спасенія и обоженія человечества Христосъ и могъ исполнить, и восхотѣлъ, и дѣйствительно исполнилъ до конца. Въ воскресеніи какъ бы паки возвѣщено и утверждено оно великое и міровое слово: „*Совершишася!*“

И если въ день Благовѣщенія сказано и предречено, что вопарится Христосъ въ дому Іаковли во вѣки и царству Его не будетъ конца, то въ день Воскресенія мы велегласно глаголемъ: Богъ нашъ, *Царь нашъ* отъ вѣка, содѣла спасеніе посреди земли! (Пс. 9, 37; 73, 12).

Сынъ Маріи Благодатной воскресе тридневенъ и мертвыя воздвигнулъ съ Собою: люди, т. е. всѣ вѣрующіе, веселитесь!

Будемъ же съ этимъ веселиемъ входить въ вѣчное царство Божіе и въ вѣчную радость, въ вѣчное торжество воскресенія съ Чистою Дѣвой, съ Благодающею Богоматерью!

Протоіерей *І. Восторговъ.*

III.

Новый Іерусалимъ.

Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме, слава бо Господня на Тебѣ возсія; ликуй нынѣ и веселися. Сіоне, Ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о возстаніи Рождества Твоего. (Пасх. кан., п. 9).

Объяснимъ и эту послѣднюю пѣснь канона Пасхи, которая по обычаю и строю всѣхъ канонѣвъ, заканчивается прославленіемъ Богоматери. Пѣснь эта послѣ радостнаго: Христосъ Воскресе,—чаще всего слышится въ Святую Пасхальную Четырнадцатниці—до Вознесенія—среди пѣснопѣній пасхальныхъ.

Свѣтися, свѣтися, то-есть просвѣщайся, сіяй свѣтомъ новый Іерусалимъ!.. Чѣмъ это просвѣщается Іерусалимъ? Какимъ свѣтомъ? Въ пѣсни церковной находимъ и отвѣтъ: Слава бо Господня на Тебѣ возсіяла. Она сіяетъ славой Господней.

Какая же и въ чемъ слава? И почему Іерусалимъ называется новымъ?

Если онъ—новый, то, очевидно, предполагается какой-то Іерусалимъ старый. Что же это—старый Іерусалимъ? И зачѣмъ здѣсь дѣлается сопоставленіе Іерусалима стараго и новаго, а потомъ и части Іерусалима, именно стараго *Сіона*, (—южная часть города, гдѣ былъ домъ Давида, *праотца Христа*) и, очевидно, какого-то Сіона тоже новаго?

Слова пѣснопѣнія взяты буквально изъ пророчества Ісаи о древнемъ Іерусалимѣ, главнымъ городѣ Іудейскаго царства, подъ которымъ часто въ Библии и особенно у пророковъ разумѣлся весь народъ богоизбранный. Вотъ это пророчество: „Свѣтися, свѣтися Іерусалиме, прииде бо твой свѣтъ и слава Господня на тебѣ возсія“ (Пс. 60, 1). Свѣтъ этотъ по слову пророка, особый, не обычно видимый, не тотъ, что естественно изливается отъ солнца и луны, не отъ дѣя естественнаго, физическаго: „Не будетъ тебѣ ктому солнце во свѣтъ дне, ниже

восходъ луны просвѣтитъ твою ночь, *но будетъ тебѣ Господь—Свѣтъ стѣнный и Богъ—Слава Твоя!*» (ст. 19).

Такимъ новымъ Иерусалимомъ и новымъ Сиономъ и именуется Церковь Христова, нынѣ осіянная славою и радостью воскресенія. Въ старомъ и новомъ Иерусалимѣ есть много общаго и совпадающаго, и поэтому самое именованіе Церкви новымъ Иерусалимомъ открываетъ намъ обильный источникъ самыхъ поучительныхъ размышленій.

Чѣмъ сіялъ, чѣмъ просвѣщался, чѣмъ отличался старый Иерусалимъ?

Онъ имѣлъ истинную вѣру въ истиннаго Бога среди тьмы языческаго невѣдѣнія. Се тьма надъ языки, а надъ тобою сіяетъ свѣтъ истины,—говорить о немъ пророкъ. (Ис. 58, 10).

Онъ имѣлъ истинное понятіе о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка, зналъ волю Господа, Его заповѣди.—въ то время, какъ буквально ни одна языческая, естественная религія никогда и нигдѣ не учила нравственности.

Онъ имѣлъ истинное богопочтеніе и жертву, въ то время, какъ языческія религіи, въ самомъ стремленіи къ почитанію Бога, Его, не яко Бога прославиша, а только оскорбляли Его святость и величіе, воображая, что угождаютъ Ему пороками и страстями, человѣческими жертвами, студодѣяніемъ, блудомъ и пьянствомъ (Римл. 1, 21—24).

Онъ былъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ имѣлся Богомъ данный, законный храмъ, чтобы симъ единствомъ богопочтенія проповѣдывать истину единства Божества, столь искажаемую, забываемую даже среди образованнѣйшихъ народовъ языческаго міра.

Онъ имѣлъ единственное на землѣ, не самоизмышленное, а Богомъ установленное законное священство, возстаніе противъ котораго такъ страшно было наказано Богомъ въ лицѣ Корея, Дафана и Авирона. (Чис. гл. XVI)

И все это только потому, что сей Иерусалимъ, т.-е. народъ богоизбранный, имѣлъ, хранилъ, исповѣдывалъ и содержалъ *Божественное откровеніе*.

Но Израиль и его богоизбранничество было не пѣлюю, а средствомъ въ намѣреніяхъ Божьихъ для спасенія не одного народа, а *всего міра*. И горе, погибель и причина отверженія стараго Иерусалима въ томъ и заключается, что Израиль понялъ свое назначеніе узко и себялюбиво, замкнулся въ національную гордыню и исключительность, забылъ о своемъ всемірномъ призваніи. Ибо Христосъ, Спаситель общаго былъ въ первоначеліи Адаму, какъ родоначальнику всего человѣчества, а не народа еврейскаго. Обѣтованіе это подтверждено Нюю, новому родоначальнику всего человѣчества, а не отдѣльнаго народа. И отцу народа еврейскаго, Аврааму, въ обѣтованіи ему Потомка, Сѣмени, Христа изъяснено отъ Бога: благословятся о Сѣмени твоемъ *всѣ племена земныя*. (Быт. XII. 3). То же сказано Исааку, повторено Израилю-Якову и всѣмъ патриархамъ, Судіи, начиная отъ Самуила, цари и пророки все болѣе и болѣе говорили и предвозвѣщали о томъ, что во Христѣ Господь чрезъ людей Своихъ, израильтянъ, открываетъ славу свою всѣмъ языкамъ. Соломонъ во храмѣ, имъ созданномъ, уже видитъ въ вѣкахъ грядущихъ молитвенниковъ со всей земли, а Исаія предвѣщаетъ, что Господь призоветъ весь міръ ко спасенію, найдетъ и призоветъ священниковъ отъ всѣхъ народовъ, и тогда вся земля, а не земля только Іудина, наполнится познаніемъ Господа, какъ вода наплняетъ море. (Ис. 66, 21; 9, 11).

Взору пророковъ предносился именно этотъ новый Иерусалимъ, о которомъ Спаситель сказалъ: Кто Мать Моя, кто братъ и сестры Мои? И обратившись ко всѣмъ своимъ слушателямъ и ученикамъ и послѣдователямъ, показавъ на нихъ сказалъ: Вотъ кто мнѣ Мать и сестра и братъ... (Лук. VIII, 21).

Конечно, Старый Иерусалимъ до дней основанія Иерусалима новаго, т. е. Церкви Христовой, былъ богозаповѣдною святынею. „Спасеніе отъ Іудей есть“, — сказалъ Христосъ женѣ самарянкѣ, думавшей, что можно было, отдѣлившись отъ Иерусалимскаго храма въ самочинный расколъ, поклоняться Богу на горѣ Гарицинѣ. Мы, — сказалъ Христосъ, — причисляя Себя къ іудеямъ, — кланяемся, Его же вѣмы, вы кланяетесь, Его же не вѣсте. (Іоанн. IV, 22).

Но той же пылкой женщиной, которая оказалась способною воспріять истины духовнаго служенія Богу и новаго Иерусалима, Спаситель объяснилъ, что отселѣ новый Иерусалимъ уже не мѣсто, не время, не народъ. Гдѣ только есть Духъ Божій, — а Онъ вездѣ, — и гдѣ только есть духъ человѣческій, гдѣ только можетъ быть возвѣщаема и пріемлема истина, и гдѣ есть способный ее вмѣстить и принять разумный, сознательный, жаждущій Бога, истины, вѣчности, святости и спасенія духъ человѣческій — тамъ и можно поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ, ибо Богъ есть Духъ и таковыхъ поклонниковъ, въ духѣ и истинѣ, Онъ ищетъ и къ нимъ благоволяетъ. (Іоанн. IV, 24).

Новый Иерусалимъ есть всемірная сверхнародная и сверхземная Церковь. Въ ней нѣтъ различія ни времени, ни пространства, ни эллина, ни іудея, ни варвара и сквоа, ни рабъ, ни свободнаго, ни мужского пола, ни женскаго (Гал. III гл. и VI. 15). Самая родина, родной нашъ народъ, родная мѣстность — все это имѣетъ смыслъ и оправданіе любви и преданности имъ только *при условіи воцерковленія*: иначе сама по себѣ она не имѣетъ цѣнности для христіанина.

Какимъ же свѣтомъ сіяетъ новый Иерусалимъ? И что мы, его сыны должны хранить, какъ его сокровище?

Церковь Православная имѣетъ, хранить, исповѣдуетъ и проповѣдуетъ истинную вѣру. Можно сказать, повторяя и видоизмѣняя слова Спасителя: спасеніе отъ Церкви есть; сыны Церкви — мы знаемъ кому кланяемся, не принадлежащіе же къ ней не знаютъ, кому кланяются. И напрасно ссылаются на евангеліе, думая безъ Церкви съ одною книгою евангелія получить изъ него ученія истинной вѣры. Вѣра — не философія, христіанство — не система, евангеліе — не учебникъ. Восемьсотъ сектъ христіанскихъ, существующихъ теперь въ мірѣ, всѣ въ рукахъ держать евангеліе, а толкуютъ его врозь. Очевидно, кто-то одинъ правъ, а 799 заблуждаются. Очевидно, далѣе, что нельзя человѣческому разуму или влеченію сердца довѣрить евангеліе безъ руководства Церкви. И если словеса Христовы суть духъ и жизнь, то именно въ исторически-преемственной Церкви съ ея Христовымъ и апостольскимъ преданіемъ, мы и можемъ найти руководство истины вѣры.

Церковь имѣетъ истинное ученіе нравственности. Можно съ торжествомъ отмѣтить здѣсь, что за двѣ тысячи лѣтъ существованія христіанства міръ не далъ ни одной новой нравственной идеи: такъ глубоко исчерпало христіанство нравственное содержаніе души человѣческой. И напрасно поэтому говорятъ теперь, что можно построить нравственность автономно, на ней самой; это то же самое, что родиться безъ родителей. Напрасно другіе увѣряютъ, что нравственность можетъ дать наука: философія древности только доказала свое безсиліе въ этой области, а современные попытки естественной науки обосновать на природѣ нравственной міропорядокъ или приводили (Дарвина) къ признанію животной борьбы за существованіе и къ оправданію эгоизма, или вынуждали (Бекетова и друг.) признать за неизмѣнную догму христіанскую нравственность. Напрасно, наконецъ, современный социализмъ (въ формѣ марксизма) утверждаетъ, что вѣчныхъ нравственныхъ нормъ нѣтъ, что нравственность есть „согласіе съ всеобщимъ“, что понятія нравственнаго условны и измѣнчивы, въ зависимости

отъ соотношенія экономическихъ силъ, и представляютъ надъ нимъ простую и притомъ временную надстройку. Какъ за семь тысячелѣтій, судя по литературнымъ памятникамъ челоѣчества, не измѣнились у челоѣка законы логики, такъ еще въ большей мѣрѣ и силѣ остаются неизмѣнными и законы нравственности. Правда, измѣняются и искажаются подъ влiянiемъ грѣха нравственные воззрѣнiя, и бываетъ такое явленiе, о которомъ говоритъ апостолъ: „Имѣ же похвала въ студи ихъ“, т.-е. люди иногда хвалятся тѣмъ, что, въ сущности, постыдно. Но это есть ужасъ и бичъ челоѣческой жизни,—и только Церковь Христова изъ вѣка въ вѣкъ даетъ правое правило нравственной жизни и въ воззрѣнiяхъ (теорiя), и въ дѣятельности (практика).

Церковь имѣетъ истинное и единое богопочитанiе. И напрасно думаютъ, что здѣсь можно каждому дѣйствовать по своему. Нѣтъ, въ Церкви у васъ,—говоритъ апостолъ именно о богослуженiи,—все благообразно и по чину да бываетъ (1 Кор. XIV, 40). Если мы говоримъ въ единомъ обществѣ на одномъ языкѣ, а въ противномъ случаѣ, при отсутствiи единого языка, теряемъ возможность взаимнаго пониманiя и согласованной работы: то почему въ религiозномъ почитанiи Божества мы, сыны единой вѣры, будемъ идти врозь? Конечно, въ этой области многое съ теченiемъ времени, въ зависимости отъ внѣшнихъ и внутреннихъ условiй жизни, измѣняется. Но именно Церковь и даетъ здѣсь необходимое и благое единство при измѣненiяхъ, законно отбѣкаетъ одно, законно вводитъ другое, и даетъ вамъ всегда возможность и способы выявить свой внутреннiй мiръ, мiръ религiозныхъ чувствованiй, стремленiй и упованiй. Здѣсь въ Церкви единство той благодарственной, воспоминательной, искупительной и умилостивительной Жертвы Тѣла и Крови, которая, по пророчеству Даниила, прекратила всѣ жертвы въ мiрѣ, все разнообразiе ихъ даже въ ветхомъ завѣтѣ.

Посему Церковь имѣетъ и истинный храмъ. И напрасно думаютъ, что равнодушiе или пренебреженiе къ законному церковному храму есть чуть ли не признакъ особливаго возвышеннаго духовнаго пониманiя христіанства. Тогда лучшимъ ученикомъ будетъ тотъ, кто не ходитъ въ школу, лучшимъ воиномъ тотъ, кто никогда не является на военную службу и лучшимъ участникомъ и членомъ того или другого общества будетъ тотъ, кто ничѣмъ и никогда не проявляетъ къ нему интереса. Но это—сплошная нелѣпость!

Церковь имѣетъ единое истинное законное священство. И напрасно повторяютъ и нынѣ дерзновенныя слова Корея, Дафана и Авирона о томъ, что все общество свято и что всякій вѣрующiй есть священникъ. Правда, и въ новомъ завѣтѣ апостолы Петръ и Иоаннъ именуютъ всѣхъ вѣрующихъ священниками, но въдъ тутъ же говорятъ они о томъ, что мы—цари (Апок. 1,6 Петр. V,10). Ясно, что именованiе это надо понимать не буквально, а въ переносномъ смыслѣ, и мы всѣ, въ духѣ и въ вѣрѣ приносящiе постоянно Богу жертву сердець, въ молитвѣ и упованiи, конечно, являемся священниками Его. Но какъ во всякомъ обществѣ есть законные и признанные носители его преданiй, хранители его уставовъ и распорядители его собранiй, такъ и въ обществѣ церковномъ, законное и не самозванное священство. И какъ въ Церкви отъ ея основанiя и до завершенiя, и со стороны ея внутренняго содержанiя, и въ силѣ его дѣятельности, и въ самомъ историческомъ появленiи и существованiи все совершенно благодатно, такъ и священство новозавѣтное есть не простое дежурство вѣрующихъ для тѣхъ или другихъ чисто внѣшнихъ обязанностей, а благодатное установленiе.

И все это въ новомъ Иерусалимѣ, въ Церкви Христовой, имѣется потому,

что она одна пріяла Божественное откровеніе. Высшія истины христіанства, являющіяся его особенностью—истины троичности Божества, искупленія, благодати, Церкви и друг. не выводимы изъ разума человѣческаго. Все это только *факты*: Богъ явилъ Себя въ Сынѣ, даровалъ Духа Святаго, Воплощенный Сынъ совершилъ искупленіе, воскресъ во славѣ, основалъ Церковь, послалъ Духа Святаго. Все это—не созданіе или развитіе напередъ задуманной человѣкомъ религіозно-философской системы, а явленіе духа и силы, живые неопровержимые факты, явленія, событія, откровенія о которыхъ Церковь нынѣ свидѣтельствуетъ, и которыхъ не доказываетъ, какъ философскія положенія, ибо нельзя доказывать то, что дѣйствительно есть. Церковь живетъ откровеніемъ Божественнымъ.

И все это и есть та слава Господня, которая на ней возсіяла въ завершеніи дѣла Христовъ, въ Его воскресеніи, т.-е. свѣтъ истины и спасенія, и все это есть то, что дѣлаетъ Церковь новымъ и вѣчнымъ Іерусалимомъ. Имѣетъ она и свой новый Сіонъ, который есть, по толкованію блаженнаго Іеронима торжествующій соборъ святыхъ, прославленныхъ, на небесахъ написанныхъ. Во главѣ ихъ Честнѣйшая хрѣстимъ Богоматерь. Она и красуется, радуется, прославляется нынѣ о возстаніи Рождества Своего, т.-е. Рожденнаго отъ Нея Сына Божія, Спасителя и Избавителя нашего. Черезъ Нее Церковь земная входитъ и пріобщается къ Церкви небесной, къ новому Сіону.

Наше признаніе, нашъ долгъ, наше спасеніе—въ томъ, чтобы съ любовью и радостью жить въ новомъ Іерусалимѣ, т.-е. въ Церкви Христовой, и здѣсь принимать истину вѣры, богообщенія, Божественнаго Откровенія, истину доброй, отъ Бога управляемой, нравственно-христіанской жизни. Аминь.

Протоіерей *І. Восторговъ*.

Устройство земное и небесное *).

Женщина самарянка, бесѣдовавшая со Христомъ у колодца Іаковлева, на всѣ вѣка явила въ себѣ образъ и доказательство того, какъ глубоко запечатлѣны и вѣдрены въ душѣ человѣка запросы и влеченія истины, нравственнаго совершенства и общенія съ Богомъ, и какъ дѣйствительно всѣ люди способны принять самыя возвышенныя разъясненія и отвѣты на эти запросы.

Все человѣческое не чуждо женѣ-самарянкѣ: не одни стремленія къ святости и правдѣ, но рядомъ съ ними уживаются,—увы!—и заблужденія, и паденія!

Она ненавидитъ іудеевъ,—и это сказалось въ первыхъ же словахъ ея бесѣды съ Іисусомъ Христомъ, Котораго она сразу, по Его выговору и вѣшнему виду, призвала за іудея.

Она и въ личной жизни страдаетъ крупными нравственными недостатками: пять мужей прежде имѣла она, и тотъ, съ кѣмъ она теперь была въ сожитіи, не былъ ей законнымъ мужемъ. Это съ прямою обличилъ въ ней Спаситель, и обличеніе съ кротостью было выслушано Его собесѣдницей. Такъ она отдала дань землѣ и грѣху, но не подавила въ себѣ окончательно и голоса совѣсти, заповѣдь духа.

*) Въ нед. самарянки. 1917 г.

Она, въ ненависти къ сосѣдямъ-іудеямъ, раздѣляетъ и горячо поддерживаетъ всѣ религиозные споры раскольниковъ-самарянъ о мѣстѣ богослуженія, и это немедленно же высказываетъ въ бесѣдѣ съ Иисусомъ Христомъ. Спокойно, съ полнымъ оправданіемъ іудейства и съ полнымъ осужденіемъ незаконнаго религиознаго раскола, Спаситель говоритъ Своей собесѣдницѣ, что она заблуждается, и въ отвѣтъ уже не получаетъ возраженія.

И тутъ-то, какъ сдержанный вопль души, какъ затаенный вздохъ сердца, вдругъ вырывается изъ устъ женщины вѣчное упованіе Израиля, оставшесся и въ отчужденіи раскола: „когда придетъ Мессія-Христосъ, Онъ изъяснитъ намъ все!“

И стоило Спасителю открыть предъ этой трогательною и простодушною вѣрою Свое достоинство Мессіи, стоило сказать: „это Я, который говорить съ тобой“, какъ сразу чудо случилось,—нравственное чудо. Вся духовно вострепенулась жена-самарянка! Забыты водою, забыто дѣло, за которымъ она пришла, забыта вода, оставлены и забыты споры и возраженія о колодцахъ Іакова, объ іудеяхъ и самарянахъ, о Гаризинѣ и Іерусалимѣ.

Она бѣжала въ городъ. Она сразу становится проповѣдницей, всѣмъ говорить одно: тамъ Мессія, тамъ Христосъ, Онъ все рассказалъ мнѣ, идите, посмотрите, послушайте! И жители Сихема оказались такими же, какъ эта женщина: они идутъ ко Христу, и Онъ, показывая ученикамъ, на приближающійся народъ, говоритъ Свое великое и вѣчное слово о томъ, что поля побѣлѣли для жатвы, что для жатвы духовной нужны жатели... Два дня прозелъ Онъ въ городъ, и, конечно, эти два дня были отданы непрерывнымъ трудамъ такой духовной жатвы и работъ надъ побѣлѣвшими и созрѣвшими полями.

Такова сила человѣческаго духа и его возвышенныхъ вѣчныхъ запросовъ. Подъ пеломъ пожара грѣховныхъ страстей, подъ мусоромъ мелкихъ и принижующихъ житейскихъ дѣлъ, подъ глубокою корою и покровомъ невѣжества,—все-таки всегда таятъ священный огонь, и онъ при первомъ удобномъ случаѣ вспыхиваетъ въ насъ со всею мощною, часто неодолимою силой. Богъ, общеніе съ Нимъ, познаніе Его воли и закона, исполненіе этой воли въ нашей жизни, поклоненіе Ему правое и достойное, общеніе съ Нимъ въ жизни, и по смерти, прощеніе Имъ нашего грѣха и недостойства—всѣ эти запросы, порыванія, стремленія, чаянія, вѣрованія никогда не умрутъ въ человѣкѣ и человѣчествѣ!

Но отчего у однихъ людей такіа стремленія проявляются скорѣе, легче, глубже, а у другихъ—долго, съ трудомъ и поверхностно? Отчего, спросите, самарянка такъ горячо отозвалась на проповѣдь Спасителя, самаряне окружили Его такимъ вниманіемъ и любовью, а іудеи большею частью молчали или даже злобствовали? Почему Спаситель такъ часто напоминалъ іудеямъ о язычникахъ, которые въ древности, какъ вдова-женщина изъ Сарепты Сидонской, или Нееманъ Сиріанецъ, были болѣе послушны гласу вѣры и проповѣди? Почему Онъ такъ восхвалялъ женщину сирохалдеянку, сотника-римлянина изъ Капернаума, и въ притчѣ о милосердномъ самарянцѣ этого послѣдняго поставилъ выше священника и левита? Почему говорилъ Онъ іудеямъ, что они не имеютъ у нихъ царство Божіе и дается народу, творящему плоды его, и что многие отъ разныхъ странъ придутъ и возлягутъ въ царствіи Божіемъ, а сыны царствія, званые іудеи будутъ изгнаны вонъ?

Отчего слова Иисуса Христа не давали у іудеевъ такого же торжества, такой же побѣды надъ земными узами, путами и оковами, какъ это мы видимъ у женщины-самарянки?

Очевидно потому, что у многихъ іудеевъ эти оковы уже слишкомъ были

крѣпки, и притомъ они и сами, видимо, не хотѣли ихъ разбить и снять, Народъ шелъ за Христомъ: Пошли простые рыбаки, апостолы, оставивъ и дома, и занятія, и семьи. Пошли мѣроносицы, также все оставивъ, а вѣдь одна изъ нихъ была женою придворнаго, человѣка богатаго и знатнаго, и ей, дѣйствительно многое пришлось покинуть. Здѣсь, слѣдовательно, узы и пути земные были तो- роженны!

Но въ другой части народа, среди ученыхъ, народныхъ вождей, главарей политическихъ и религіозныхъ партій, среди книжниковъ, законовниковъ, членовъ Синадріона было гораздо больше оковъ земныхъ, а оковы эти были крѣпче. Всѣ эти люди ужь очень были заняты устройемъ жизни, большими народными дѣлами. Тутъ была забота объ освобожденіи отъ римской власти, была борьба за право народа Божія, были мечты объ устройствѣ его земнаго благополучія, были ожиданія Мессіи, какъ земнаго царя и устройства богатой, привольной жизни іудеевъ, какъ владыкъ всего міра, была взимная борьба партій, страстная, напряженная, озлобленная. И за шумомъ такихъ заботъ о земномъ устройствѣ, за шумомъ этой борьбы многіе прослушали, не слышали, проглядѣли, не замѣтили пришествія Мессіи, Котораго такъ ждали и о Которомъ такъ спорили. Другіе увлечены были иными дѣлами: торговлей, сборомъ податей, важной, — тоже проглядѣли Христа! Вдумайтесь, какое здѣсь живое и яркое обличеніе и нашей современной жизни!

Что же: неужели и совсѣмъ не нужно земное устройство жизни? Неужели незаконны эти заботы объ общественномъ и государственномъ устройствѣ?

Это все равно, что спрашивать: нужно ли ѣсть и пить, дышать и одѣваться? Конечно, нужно земное устройство; конечно, законны и совершенно необходимы заботы о немъ и, конечно, долѣесть днѣ злоба его. Но во всемъ опасны крайности, и когда предъ нами нынѣ крайность, заявляющая, что религіозные вопросы вредны, потому что мѣшаютъ людямъ заняться ихъ земными дѣлами со всѣми силами и энергіей, тогда поистивѣ, становится страшно за землю!.. Ибо, чѣмъ выше выходить и стоять надъ землею солнце, тѣмъ больше оно ее освѣщаетъ и согрѣваетъ, способствуя возникновенію, укрѣпленію и процвѣтанію жизни въ природѣ. Такъ и заботы о душѣ, о религіи о небѣ не только не вредны земному устройенію, напротивъ, способствуютъ его благу и истинному направле- нію...

Въ наши дни обострились заботы о земномъ устройствѣ жизни людей. Всѣ интересы, занятія, всѣ силы направлены къ его разрѣшенію. И Церковь не можетъ осуждать этого по существу, какъ не осуждаетъ ежедневнаго труда для снисканія ежедневнаго хлѣба. Церковь не указываетъ и своихъ рѣшеній въ земныхъ вопросахъ: это дѣло человѣческаго ума, историческаго опыта, взаимнаго согласія людей.

Но она напоминаетъ, убѣждаетъ, умоляетъ, проповѣдуетъ объ одномъ: нельзя переоцѣнивать землю и забывать о небѣ, нельзя говорить, что заботы о небѣ отвлекаютъ людей отъ устройства земли и поэтому должны быть выброшены и отринуты. Нельзя для получения куска хлѣба жертвовать цѣлостью головы, ибо тогда и хлѣбъ некому ѣсть! Нельзя поэтому въ интересахъ земнаго устройенія забывать то, что составляетъ самое существо жизни: вѣру въ Бога, нравственный законъ Его, законъ любви и правды, общеніе съ Богомъ и вѣчное спасеніе, нельзя забывать и пренебрегать устройство небесное!

Слишкомъ мелко, недостойно и опасно для человѣка въ такой мѣрѣ переоцѣнивать земные интересы. Именно: опасно, ибо при крушеніи такъ часто бываетъ и въ личной, и въ общественной жизни — человѣку становится нечѣмъ жить.

И обратно: если небо не забыто, жизнь никогда не бывает изжита, никогда не может сдѣлаться опустошенной.

Въ исторія Церкви былъ знаменитый по блистательнымъ дарованіямъ мысли и слова, глубокой мыслитель Блаженный Августинъ. Образованнѣйшій римлянинъ, оазъ со всѣми своими соотечественниками благоговѣя, любилъ родной Римъ, этотъ міровой и, какъ тогда называли, вѣчный городъ и разумѣлъ подъ городомъ—земное государство. И дѣйствительно это было мировое государство внѣ котораго не мыслилось иного достойнаго земнаго устроенія людей. Оно заключило въ себѣ все что люди дѣнять: образованность, искусство, права, культуру, порядокъ, свободу, а ко времени Августина—уже и Церковь... И вдругъ, на глазахъ Августина и его поколѣнія, Римъ палъ подъ ударами нахлынувшихъ ордъ дикарей. Казалось, пылью, дымомъ и мглою отъ паденія города наполнилась вся земля, и за шумомъ паденія его уже не могли быть услышаны никакіе иные звуки. Казалось, все было кэвчено, коччался міръ и впереди были... только мракъ и ужась. Казалось, нечѣмъ было больше жить.

Такъ именно и отнеслись къ этому язычники. Отъ самыхъ образованныхъ изъ нихъ мы слышимъ только вопли отчаянія.

Но Августинъ былъ хрстіанинъ-мыслитель. И онъ не палъ духомъ. За этимъ земнымъ устроеніемъ, которое рухнуло, ему видѣлось устроеніе небесное, за этимъ царствомъ человѣческимъ, которое разрушилось, ему видѣлось царство Божіе, вѣчный градъ Божій, Церковь Христа, которая соединяетъ небо и землю, временное и вѣчное, и одна осмысливаетъ это временное. Этого сокровища у вѣрующей души уже никто и ничего отнять не можетъ, и поэтому—тѣ хрстіанія не могутъ утерять никогда душевнаго равновѣсія, не могутъ растеряться, чтобы считать свою жизнь изжитою и пустою. Такова мысль и выводы оставленнаго намъ творенія блж. Августина: „О градъ Божіемъ“.

И въ нашей жизни бываютъ такіа тяжкіа времена: гибнутъ надежды, погребается прошлое, начинаютъ вдругъ одно за другимъ сыпаться на насъ несчастія удары, руются созданія всей жизни, колеблются всѣ привязанности. Земное устроеніе все разваливается; ни позади, ни впереди никакихъ надеждъ, ибо и жизнь сама ва исходѣ. Горь, если тогда не запасены нами сокровища вѣры упованія на Бога, если у насъ нѣтъ предъ очами вѣчнаго Града Божія. Тогда безысходныа муки и тогда нечѣмъ жить!

Но счастье наше, если подобно блаженному Августину, мы тѣмъ сильнѣе прильнемъ къ Царству Христа, къ Его Церкви, здѣсь найдемъ спасеніе отъ унынія и отчаянія, найдемъ покой сердцу, Счастье, если среди бури намъ тогда не услышится укоряющій голосъ Христа, вѣкогда прозвучавшій въ слухъ апостоловъ: гдѣ же вѣра ваша?

Итакъ, неужели намъ ждаль такихъ страшныхъ ударовъ судьбы, чтобы стяжать эту вѣру въ Царство Божіе, эту неумирающую мысль объ устроеніи небесномъ? Неужели ожидать бури и крушенія? Неужели только тогда прядти къ отрзвленію?

Нѣтъ и нѣтъ! Пусть и среди заботъ о земномъ устроеніи, естественныхъ и необходимыхъ, среди радостей и скорбей, среди удачъ и неудачъ—никогда и нигдѣ не оставляетъ насъ мысль и сознаніе иного и небснаго житія, вѣчныхъ и негибнущихъ сокровищъ духа, общенія съ Богомъ,—однимъ словомъ, небснаго устроенія. Пусть въ насъ, какъ у жены самарянки, всегда теплится огонекъ вѣры, всегда остается жажда общенія съ Богомъ, жажда познать истину. Этой истины только *ожидала* самарянка, какъ ожидалъ тогда и весь міръ: намъ теперь она уже ясно открыта и дана во Христѣ.

Тогда мы перестанем *переоцѣнивать* землю, найдемъ равновѣсіе духа, путь спасенія отъ крайностей, которыми теперь такъ заполнена наша жизнь, найдемъ и увидимъ дорогу правды и благоразумія, столь сокрытую теперь отъ многихъ въ ихъ преувеличенныхъ увеличеніяхъ исключительными заботами о единомъ только земномъ устроеніи.

Тогда услышимъ, какъ самарянка, голосъ Христовъ: „Я есмь, говорящій съ тобою“... Кто Ты, Господи? Слышимъ отвѣтъ: „Я есмь Путь, и Истина, и Жизнь“. Аминь .

Протоіерей *І. Восторговъ*.

Христось Воскресе изъ мертвыхъ¹⁾.

Въ послѣдній разъ сегодня и завтра, въ день отданія Пасхи, мы поемъ и слышимъ чудную пасхальную пѣснь, которую безъ конца повторяетъ Церковь въ этотъ сорокадневный день праздника: Христось Воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ. Остановимся же на ней вниманіемъ, попытаемся ее истолковать.

Христось Воскресе изъ мертвыхъ... Замѣьте Христось *не воскресенъ*, сказано въ церковной пѣсни, а именно *воскресъ* Самъ, собственною своею силою. Самое понятіе о такомъ воскресеніи есть понятіе единственно и исключительно христіанское, и незнакомо ни древнему іудейству, ни тѣмъ болѣе,—ни древнему, ни новому язычеству и, вообще, никакой религіи.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ знаемъ случай воскрешенія Іліею и Елисеемъ мертвыхъ, знаемъ Эноха и Ілію, взятыхъ на небо, но понятіе воскресенія было столь чуждо іудейскому сознанію, что апостолы, не взирая на то, что Христось не разъ говорилъ имъ о Своемъ будущемъ возстаніи изъ мертвыхъ, никакъ не могли понять Его словъ, и когда онъ, дѣйствительно, воскресъ, никакъ не могли повѣрить извѣстію мироносицъ о томъ, что ихъ Учитель и Господь воскресъ изъ мертвыхъ. Спаситель *воскресилъ* сына вдовы, дочь Іаира, Лазаря четверодневно: но и это были воскрешенія; воскресенія своею силою мы не видимъ ни у кого.

Только Богъ могъ воззвать изъ мертвыхъ, только Господь Ісусъ могъ Одинъ истинно и дѣйствительно имѣть воскресеніе.

Нужно ли говорить о язычествѣ? Мною о герояхъ баснословятъ, что одни изъ такихъ героевъ возвращались, какъ безплотныя тѣни на время къ жизни, (Ахиллесъ) другіе, силою познанія цѣлебныхъ свойствъ травъ и лѣкарствъ сами или при помощи полубогинь (нимфъ) избѣгали на время смерти своего израненнаго и больного тѣла (Одиссей): но о воскресеніи не было рѣчи; смерть представлялась единственною неограниченною владчицею міра. Буддизмъ и религіи востока говорили о перевоплощеніяхъ и безконечныхъ перерожденіяхъ души челоуѣка: но здѣсь предполагается полная потеря сознанія, слѣдовательно, смерть личности, забвеніе прошлаго, и непремѣнно—освобожденіе отъ узъ плоти. Это не воскресеніе, какъ во Христѣ, Который съ *плотію* возсталъ изъ гроба, съ *плотію* вознесся на небо и сѣдитъ вѣчно одесную Отца, и вчера, и днесь, Той же и во вѣки (Евр. XIII, 8). Въ указанныхъ религіяхъ мы видимъ только,

1) Беседа въ день отданія Пасхи. 1917 г.

такъ сказать, предчувствіе тайны воскресенія, нѣкоторое зерно этой истины, но завернутыя и сокрытыя подъ покровомъ и мусоромъ глубокихъ искаженій и заблужденій.

Не лучшее—и въ обычныхъ народныхъ сказаніяхъ, граничащихъ чаще всего и съ религіознымъ міровоззрѣніемъ. О смерти Магомета читаемъ, что когда онъ умеръ и трупъ его лежалъ въ палаткѣ, то Омаръ, выскочивъ изъ палатки, съ обнаженной саблею, въ неестественномъ возбужденіи, сталъ грозить смертью и обезглавленіемъ всякому, кто скажетъ, будто Магометъ *умеръ*.

Но народныя сказанія такъ и не пошли дальше этого порыва къ сохраненію жизни пророка.

Средневѣковыя легенды народныя увѣряли, что любимый герой (Германія) императоръ (Фридрихъ Барбаросса) *не умеръ*, а уснулъ въ одной горной пещерѣ, и проснувшись нѣкогда, явится оттуда снова править страню, другой герой (въ Англіи) (Артуръ) тоже *не умеръ*, а уѣхалъ на отдыхъ на свой любимый островъ, оттуда при счастливыхъ обстоятельствахъ вернется, раскинетъ вновь свой круглый столъ, возстановитъ свой рыцарскій дворъ...

А Христосъ воскресъ—именно *изъ мертвыхъ*. Именно на смерти Его настаиваетъ Евангеліе, именно о смерти Его говоритъ сотникъ Пилату, именно о смерти его говоритъ прободенное ребро, истеченіе крови и воды и Его погребеніе; именно къ мертвому, для помазанія тѣла Его, шли мироносицы. Вотъ гдѣ яркое свидѣтельство Божественности христіанства! Ибо, если бы могли, по человѣческимъ памфреніямъ хотѣли увѣнчать Христа славою безсмертія, то они въ своихъ сказаніяхъ отвели бы отъ Него смерть, говорили бы, какъ Омаръ о Магометѣ, о Его духовномъ воскресеніи, внушили бы, какъ колдуны заколдованнымъ воинамъ, что смерть Его не брала и не беретъ и т. д. Но Христіанство въ священномъ символѣ своей вѣры говоритъ просто и кратко: и страдавши *и погребенна*, т. е. умершаго,.... и воскресшаго въ третій день по писаніемъ, —по писаніемъ, которыя такъ и оставались запечатлѣнными и неповятаыми для ветхозавѣтныхъ людей, и иными не могли быть, а открылись только въ живомъ и дѣйствительномъ фактѣ воскресенія Христова.

Къ сказанному о томъ, что Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, слышимъ новое прибавленіе въ пѣсни церковной. Изъ тѣхъ, что были воскрешены въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ—все умерли; они своимъ воскресеніемъ не умалили, не уничтожили смерти, которая попрежнему господствовала побѣдоноснымъ жаломъ своимъ въ мірѣ. Наоборотъ, они какъ бы подчеркнули, подтвердили силу ея обладанія. И для человѣка смерть попрежнему была—„Путь всея земли“... А Христосъ умершій и воскресшій, смертію смерть цопралъ, потопталъ, умертвилъ, уничтожилъ! И съ какою силою говоритъ объ этомъ и Слово Божіе, и слово Церковно-богослужебное,—это свидѣтельство и выраженіе вѣры и сознаніе Церкви! Кругомъ ежедневно, ежечасно, ежеминутно люди умираютъ, а мы читаемъ и слышимъ отъ апостола: „сбудется слово написанное,—пожертва смерть побѣдою“; „смерть, гдѣ твое жало?“ „ахъ, гдѣ твои побѣды?“ „последній врагъ истребитель—смерть“. Слышимъ послѣ въ ликованіи: „смерти празднуемъ умерщвленіе, иного житія вѣчнаго начало, и играюще поемъ Виновнаго, Единаго Благословеннаго—Христа Воскресшаго“. Слышимъ проповѣдное слово пасхальное вселенскаго учителя: „Жизнь жительствоуетъ, мертваго нѣтъ ни одного въ гробѣ, освободила насъ отъ смерти смерть Спасителя, Который умертвилъ смерть объятый смертью“... Вѣчное чудо вѣры! Вѣчное свидѣтельство жизни! Ибо намъ дѣйствительно отверсты вѣчно взоры, открытъ путь къ *всеобщему* воскресенію, по обѣтному слову: „вѣрующій въ Меня оживетъ, если и умереть“, „Грядетъ часъ, когда сущіи въ

гробахъ услышать гласъ Сына Божія и услышавши, оживуть!... И „Христось воскресъ изъ мертвыхъ—какъ первый изъ умершихъ. Первый Христось, а за нимъ мы—Христовы“. Такъ гласитъ апостольское поученіе (1 Кор. XV гл.).

Сущія во гробахъ и послѣ воскресенія вновь возвращались къ нимъ. Такъ было до воскресенія Христова. А нынѣ—они уже не мертвы, они—живы. „Нѣсть убо Господи, рабомъ Твоимъ, смерть исходящимъ намъ отъ тѣла, и къ тебѣ, Богу нашему, приходящимъ, преставленіе отъ печальнѣйшихъ на полезнѣйшая, и сладостнѣйшая, на упокоеніе и радость“: такъ смотритъ на смерть Церковное сознаніе (Молитв. Пятидес). И въ пасхальные дни оно проливается пѣснопѣніями: „Снизшелъ еси въ преисполняя земли, сокрушилъ еси веревъ вѣчныя, содержащія связанная, Христе!“ Заклепы вѣчныя были уничтожены, ужасошася вратницы ада, мертвого нѣтъ ни единого въ гробѣ: сущимъ во гробѣхъ Христось воскресшій живогъ даровалъ...

Вотъ краткѣ мысли, чувства, расположенія, которыя даетъ и навѣваетъ намъ краткая, но многосодержательная пасхальная пѣснь.

Мы прощены, мы свободны, мы живы, мы вѣчно съ Богомъ, мы со Христомъ, мы—спасены, мы въ непрестанной радости! Мы—живы!

Сохранимъ эту радость въ сердцахъ, будемъ обновлять ее въ году во дни воскресные, будемъ ждать если Богъ благословитъ, новой Пасхи, пока не осіяетъ насъ Пасха вѣчная со Христомъ Воскресшимъ; ибо Воскресеніе Христово есть жизнь наша, а радость жизни есть радость нескончаемая! Аминь.

Протоіерей *І. Восторговъ.*

Въ единеніи—сила.

Въ отдаленномъ отъ насъ удѣлѣ Русской земли, теперь, къ несчастью, занятомъ врагами, есть Жировицкій монастырь, до самого послѣдняго времени хранившій ту чудотворную икону Божіей Матери, которую теперь вы видите въ Москвѣ, въ нашемъ соборѣ. Въ нынѣшній день, 7 мая, тамъ бывало великое множество богомольцевъ, благоговѣйныхъ почитателей святыни. И въ другіе дни года, установленные для празднества, десятки тысячъ православныхъ притекали подъ покровъ Богоматери, къ Ея чудотворному образу. Болѣе семисотъ лѣтъ тому назадъ (1191 г.) обрѣтена была чудотворная икона. Напечатлѣна она на маломъ камнѣ,—малаго размѣра, но оказалась великою святынею.

Что мы видимъ около нея въ Жировицахъ? На православіе не разъ собирались въ этомъ краѣ Русской земли грозныя тучи. Шумѣло мусульманство и желало ниспровергнуть Крестъ Господа Іисуса, покорить подъ иго ислама весь народъ христіанскій. Ополчилось на православіе католичество и желало оторгнуть отъ древлепреданной и отеческой вѣры сыновъ Церкви православной. Одинъ врагъ былъ страшенъ силою физическаго принужденія, другой—силою образованности и культуры, связью съ просвѣщенными народами Западной Европы, а также испытанными, изощренными и глубоко продуманными приемами—духовной борьбы. Святыня Жировицкая и объединяла, и укрѣпляла православныхъ въ борьбѣ за родную вѣру и родную Церковь. Вотъ почему она сдѣлалась высокочтимомъ въ

*) По поводу празднованія Жировицкой Пресв. Богородицы.

краѣ, вотъ почему въ дни праздниковъ въ честь иконы Богоматери, неоднократно въ году, десятки тысячъ благоговѣйныхъ паломниковъ приходятъ подъ кровъ благодатной святыни, и еще болѣе ревностными и усердными становятся тамъ, при видѣ знаменій и чудесъ милости и исцѣленій, являемыхъ изобильно въ отвѣтъ на молитвы вѣры.

Итакъ, объединеніе и укрѣпленіе православнаго русскаго народа,—вотъ что мы видимъ около Жировицкой иконы Богоматери.

Вопросъ о единеніи людей между собою, объ укрѣпленіи единства человѣческихъ обществъ—вопросъ великой важности и вопросъ вѣчный въ исторіи человечества. Что въ единеніи—сила, этого никогда и никто не отрицалъ. Посмотрите на этотъ величественный храмъ: онъ могъ бытъ созданъ не однимъ человѣкомъ, а многими трудниками, которые работали надъ его созданиемъ, въ единствѣ плана и руководящей ими единой воли. Выйдите за предѣлы храма: и камни мостовой, и благоустроенныя дороги, и улицы, и величественныя зданія и культурныя начинанія, и учрежденія города—все это носитъ печать работы не одного человѣка, а милліоновъ людей, сильныхъ въ единствѣ. То же самое сказать должно о строительствѣ общественномъ, государственномъ, о семьѣ, о школѣ, о всякомъ соединеніи людей для какой-либо единой работы.

Да, въ единеніи—сила... И все-таки, съ какимъ бы удареніемъ и воодушевленіемъ мы не повторяли эту истину,—единеніе само по себѣ есть не цѣль, а только средство для какой-то иной, высшей цѣли, и съ этой точки зрѣнія и должно расцѣпываться. Вѣдь и въ разбойничьей шайкѣ есть единеніе, и какое! Есть и тамъ власть, повиновеніе, согласованность, есть энергія и воодушевленіе. Вѣдь въ этой злобѣ и нечестіи, и въ пустыхъ и суетныхъ, мелочныхъ и недостойныхъ человѣка стремленіяхъ и занятіяхъ мы часто наблюдаемъ единеніе. Вѣдь и Вавилонская башня, окончившаяся такимъ гибельнымъ и страшнымъ разъединеніемъ людей, начата была строеніемъ во имя единенія людей, сговорившихся отдѣлаться отъ Бога, оградиться отъ Его воли, обойтись безъ Его Промыслительнаго владычества. Итакъ сознавая, что въ единеніи—сила, повторяя эту непреложную истину, надо всегда задавать себѣ вопросъ: какое это единеніе, для какой цѣли оно создается и какая получится отъ нея сила,—сила добра или зла?

Пилать и Иродъ, бывшіе враги, примирились и сдѣлались друзьями, объединившись на жланіи унизить Христа. Фарисеи и иродіаны, вчерашніе заклятые и озлобленные политическіе противники, сходятся вмѣстѣ, чтобы уловить Христа въ словѣ и погубить Его и въ глазахъ римской власти, и въ мнѣніи народа. Синедріонъ, раздираемый борьбою партій фарисейской и саддуккейской, наполненный личными страстными спорами и столкновеніями самолюбій и честолюбій, почувствовалъ единеніе и силу, чтобы осудить единодушно Христа на смерть, чтобы вырвать согласіе на такое осужденіе и у народа, и у римскаго правителя страны. Мы безъ конца могли бы умножать такіе историческіе примѣры.

Но выводъ ихъ, уроки, предупрежденія и предостереженія—ясны сами по себѣ.

И нынѣ, и всегда намъ нужно цѣнить и хранить единеніе,—но именно какъ прекрасное средство къ прекрасной и достойной цѣли. Искать блюсти единеніе вѣры въ союзъ мира заповѣдуетъ апостоль. Быть едино между собою, въ Богѣ и во Христѣ: такова молитва Спасителя о Своихъ послѣдователяхъ въ потрясающей Его первосвященнической молитвѣ предъ самымъ Геесимаанскимъ подвигомъ. И какое это созидательное и спасительное единеніе во всемъ добромъ, чистомъ, свѣтломъ и честномъ: въ вѣрѣ въ Церковь, въ единомъ правдивномъ

законѣ, въ любви къ Богу, въ любви къ ближнимъ, въ служеніи меньшей братіи, въ помощи обиженнымъ, въ защитѣ страдающихъ, оскорбленныхъ, обездоленныхъ, въ насажденіи братства людей, правды въ ихъ отношеніяхъ, равенства въ правахъ и обязанностяхъ! Да, воистину, такое единеніе созидательно и спасительно.

Можно ли такого единенія достигнуть силою грубаго принужденія? Прочно ли всякое единеніе, построенное на насиліи?

Исторія вѣковъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Исторія Жириковичкой святыни на примѣры борьбы мусульманства и католичества прогивъ православія говоритъ то же самое, и вмѣстѣ подтверждаетъ, какъ единеніе въ православіи, въ вѣрѣ и истинѣ, сильно борется побѣдоносно противъ самаго мощнаго физическаго и духовнаго насилія. Не то ли видимъ у вынѣшняго врага нашего, у нѣмецкаго Вильгельма? Сила—выше права, заявляетъ онъ вмѣстѣ со своимъ народомъ. Онъ желаетъ покорить себѣ силою весь міръ и дать ему это сомнительное единство и равенство... равенство рабства,—тѣ же блага, которыя когда-то судилъ міру объединившій вѣѣ царства „вѣчный“ Римъ. Но надъ вѣчностью Рима жестоко посмѣялась исторія, какъ и надъ единеніемъ Вавилонской башни. Посмѣется она и надъ созданіемъ Вильгельма, если и суждено ему на время побѣдить силою всѣхъ враговъ; посмѣется она и надъ всякимъ человѣческимъ ученіемъ, надъ всякою человѣческою попыткою, которая, поставивъ своимъ знаменемъ: „въ единеніи—сила“,—не уважаетъ человѣчеству вѣчныхъ духовныхъ задачъ и цѣлей или даже высокомерно начнетъ издѣваться надъ ними, даже насилловать ихъ... Ибо, никакою силою нельзя подчинить и стереть этихъ вѣчныхъ духовныхъ цѣнностей въ человѣкѣ: вѣры, души, совѣсти, добродѣтели, любви къ Богу и ближнимъ, чаяній вѣчной загробной жизни.

И поэтому безконечно надо цѣнить ту область, о которой напоминаетъ намъ святыня Жириковичкая: область вѣры и Церкви. Какъ бы ни высоко было развито общество, какъ бы ни совершенно было устроено государство,—въ самой *природѣ*, въ самомъ существѣ ихъ жизни и устроеніи, всегда въ той или другой мѣрѣ лежитъ принужденіе. Въ церкви же и вѣрѣ—царство свободы. Но если къ такому принудительному единенію государства на помощь придетъ Церковь, и обратятъ принудительное единеніе въ добровольное и любовное: тогда мы увидимъ и найдемъ единеніе и въ немъ силу, цѣнную и высокую и какъ средство, и какъ цѣль; тогда мы достигнемъ высшаго и достойнаго устроенія человѣческой жизни.

Единая вѣра, единый нравственный законъ, единая святыня, единая духовная и одушевляющая насъ связь въ Церкви: вотъ гдѣ единеніе, вотъ гдѣ воистину не временная, а вѣчная и непрѣстающая сила!

Предстоя сегодня предъ чудотворною святынею иконы Богоматери, будемъ обновлять и укрѣплять въ себѣ рѣшимость—по апостольскому завѣту, блюсти единеніе вѣры въ союзѣ мира. Аминь.

Протоіерей *І. Восторговъ*.

Ужасъ сиротства духовнаго ¹⁾.

Вслушайтесь, вдумайтесь въ исторію событія Вознесенія Господня. Какая трогательная по простотѣ и величію и по религиозному значенію картина! Сколько разъ читаешь эту исторію, и всетаки всякій разъ она какъ будто новѣе, и нельзя ее читать безъ особаго волненія. „Извелъ же ихъ вовъ до Визаніи, и воздвигъ рущѣ Свои, и *благослови* ихъ. И бысть *егда благословляше* ихъ,—именно въ этотъ моментъ благословенія, Онъ, благословляющій—отступи отъ нихъ и возношася на небо. И ти поклонишася Ему, и возвратишася во Іерусалимъ съ *радостію* великою, и бяху выну въ *Церкви*... Такъ богоглаголивый Лука повѣствуетъ въ евангеліи. Въ другой своей священной книгѣ, въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, онъ же даетъ еще подробности: „Апостолы спрашивали Іисуса: Не въ сіе ли время, Господи, возстановляеши Ты царство Израилево? Онъ же сказалъ имъ: не ваше дѣло знать времена или сроки, которые Отець положилъ въ Своей власти, но вы примете силу, когда сойдетъ на васъ Духъ Святой, и будете Мнѣ свидѣтелями во Іерусалимѣ, и во всей Іудеѣ и Самаріи, и даже до края земли... И сіе рекъ, зрящимъ имъ взятъся, и облако подъятъ Его отъ очію ихъ. И егда взирающе бяху на небо, идушу Ему, и се мужа два стояше предъ ними въ одеждѣ бѣлѣ, яже и рекоша: Мужи Галилейстїи! Что стоите, зряще на небо? Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, также придетъ, имже образомъ видите Его, идуца на небо“ (1, 6—11).

Такъ, сначала со скорбью и недоумвнїемъ смотрѣли апостолы на эту разлуку съ Христомъ, но потомъ возвратились въ Іерусалимъ съ радостію. и съ радостію же пошли потомъ на путь, указанный имъ для жизни и дѣятельности на землѣ.

Откуда эта радость апостоловъ, а отъ нихъ и чрезъ нихъ и наша радость въ праздникъ Вознесенія?

Одно то, что Спаситель вознесся, благословляя вѣрующихъ и весь міръ, уже наполняетъ насъ чувствомъ отрады. Нѣтъ клятвы, нѣтъ отверженія, есть благословеніе Божїе! Но это благословеніе есть болѣе, чѣмъ слово и чувство: у Бога оно влѣтъ съ тѣмъ есть личное дѣйствительное пребываніе, и притомъ вѣчное, съ вѣрующими. Такъ и говоритъ Спаситель при вознесеніи: „Я съ вами во все дни до скончанія вѣка“! Такъ и обѣщаль Онъ ученикамъ въ предсмертной бесѣдѣ: „Не оставлю васъ сирыми“. Такъ и молился Онъ объ Апостолахъ и о всѣхъ, кто увѣруетъ по слову ихъ, молился на грани жизни и смерти: „да будутъ они *едино*, какъ Я, Отче, въ Тебѣ и Ты во Мнѣ“!

И это не все: Онъ обѣщаль послать апостоламъ для ихъ жизни и дѣятельности и Духа Святаго; принявъ силу Его, они будутъ способны дѣлаться Имъ свидѣтелями во всемъ мірѣ до края земли.

Наконецъ, самое отшествіе Христа отъ земли есть временное: Онъ *наки* придетъ, придетъ во славѣ, имже образомъ они видѣли Его, идущимъ на небо, взятаго облакомъ, сопровождаемаго ангелами.

Вотъ какую радостію и наполнено нынѣшнее богослуженіе. Вслушайтесь въ церковныя пѣнопѣнія, и вы услышите эту радость явственно: „Вознесся еси во славѣ, Христе Боже нашъ, радость сотворивый ученикомъ обѣтованіемъ Святаго Духа; Еже о насъ исполнивъ смотрѣніе, и яже на земли соединивъ небеснымъ, т. е. совершивъ все потребное для спасенія нашего (домостроительство,

¹ Въ праздн. Вознесенія 1917 г. за всенощной.

Промыслъ) и объединивъ земное съ небеснымъ, земнородныхъ съ небожителями, вознесся еси во славу, Христе Боже, *никакоже отлучаяся, но пребывая неотступный и вопия любящимъ Тя*: Азъ есмь съ вами и никто же на вы“!

„Я съ вами и никто противъ васъ“, это такая радость, что она во всѣ пасхальные сорокъ дней въ пасхальныхъ пѣснопѣвнѣхъ стоитъ все время рядомъ съ радостью воскресенія: „О, божественнаго, о любезнаго, о сладчайшаго Твоего гласа, т. е. „О, какъ дивно, какъ драгоценно, какъ сладко слово Твое, Христе!“ Какое слово? Слово о томъ, что „съ нами бо неложно обѣщался еси быти до скончанія вѣка, Христе! Его же—т. е. на этомъ словѣ, мы, „вѣрнѣе утвержде- ніе надежды имуще, радуемся“. Здѣсь основаніе вѣры, надежды и вѣчной радости.

И все богослуженіе нынѣшняго праздника проникнуто ожиданіемъ даровъ Святаго Духа; Господь вознесся на небеса, да пошлетъ Утѣшителя міру.

„Божественнымъ покровымъ медленноязычный (Моисей) мракомъ извѣит- ства богописанный законъ; тѣну бо отрясъ очесе умаго, видитъ сущаго и научается духу разума, хвали Божественными пѣснями“. Это сказано о Вѣхомъ Заветѣ: Косноязычный (Моисей) будучи покрытъ священнымъ мракомъ (на Синаѣ)— при всемъ косноязычїи, однако, чудеснымъ образомъ ясно возвѣстилъ Богописанный Законъ; отрясши нечистоту духовнаго ока онъ видитъ Вѣчно-Сущаго Бога и входитъ, вводится въ премудрость Духа, вознося Ему хвалу вдохновенными пѣс- нями.

А въ Новомъ Заветѣ совершается безмѣрно большее, чѣмъ явленіе Бога на Синаѣ, безмѣрно большее чѣмъ Синайскій Законъ: Царю царей! Яковый отъ яковаго Единъ Слово происшедый т. е. О царь царей, Единъ отъ Единаго, Единъ Слово, Христе, произшедый—отъ Отца безвиннаго, равномогущаго Твоего Духа апостоломъ истинно послалъ еси, яко благодѣтели“.

„Рѣшительное, т. е. разрѣшительное, отпустительное, вскупительное—очи- щеніе грѣховъ, огневдохновенную примите Духа росу, о чадо свѣтообразная цер- ковная, нынѣ бо отъ Сїона изыде заповѣдь, языкогнѣсобразная—во образѣ огнен- ныхъ языковъ—Духа благодати“.

Намѣренно мы приводимъ вамъ такъ много церковныхъ пѣснопѣвнѣй, по- тому что вы воспѣваете ихъ, слава Богу, сама и общенароднымъ пѣніемъ, какъ воистину чада свѣтообразная и *церковная*, и потому еще, что богослужбная пѣснь—это лучшее руководство для насъ, чтобы войти въ духъ и смыслъ вся- каго церковнаго праздника и воспоминанія.

Итакъ, въ чемъ сущность праздника?

Мы говоримъ не со скорбью объ отшествїи съ земли на небо Спасителя, а съ радостью—о Его пребыванїи съ нами. На Пасху мы громоздно исповѣду- емъ: мы не мертвы, а живы. А сегодня лягуемъ: мы не слѣпоты, мы не въ ду- ховномъ одиночествѣ, всегда ужасномъ,—мы со Христомъ, и при томъ навѣки!

Гдѣ же найдемъ и находимъ Христа и благодатное, вливаемое, часто ощу- тимое общеніе съ нимъ?

Отвѣтъ въ словахъ евангелія объ апостолахъ возвратившихся послѣ возне- сенія Господа во Иерусаламъ: „и бяху выну въ Церковь... славяще и благо- словяще Бога!“...

О, чада свѣтообразная, чада церковная! Укрѣпляйтесь въ вѣрѣ, что въ Цер- кви и вы всегда имѣете съ вѣрующими Христа воскресшаго и възнесшагося. Укрѣпляйтесь въ вѣрѣ, что въ Церкви вы имѣете непрестанную радость, которой никто не отниметъ отъ васъ: укрѣпляйтесь въ вѣрѣ, что мы не только не мертвые,

не только не сиры, но мы вмѣемъ здѣсь общезіе личное со Христомъ и вѣчное пребываніе въ насъ и съ нами Святаго Духа, Утѣшителя, по обѣтованію Христа, и рани Его искуленія. Христосъ возносится съ земли, а земля о семъ радуется, ибо Христосъ на землѣ пребываетъ.

Въ этомъ—чудо нынѣшняго праздника.

Протоіерей *И. Восторговъ*.

Человѣкобожіе. *)

Есть въ богослуженіи нынѣшняго праздника одно пѣснопѣніе, которое привлекаетъ къ себѣ по глубинѣ мысли и образности выраженія особое наше вниманіе.

„Боже, все вновь сотворившій во Христѣ, Ты возвелъ теперь (въ вознесеніи на небо Христа съ плотію) естество Адамово, т.-е. природу человѣческую, ниспавшую въ самыя низины земли—превыше всякаго начала и власти, т.-е. превыше ангельскаго міра. Какъ возлюбившій, Ты посадилъ ее вмѣстѣ съ Собою; какъ помиловавшій, соединилъ съ Собою, какъ соединившій—и спострадалъ, какъ Безстрастный Богъ пострадавъ, Ты съ Собою ее прославилъ (въ вознесеніи). И вотъ, ангельскіе чины, безплотные, говорили (при вознесеніи)“: Кто этотъ Прекрасный Мужъ? Кто этотъ Человѣкъ? Но Онъ не человѣкъ только, Онъ—Богъ и Человѣкъ, совокупленно и являемо,—совмѣстно и открыто! И удивленные, благоговѣя предъ богочеловѣчествомъ, взывали они апостоламъ: Мужи галлейскіе! Тотъ, Кто отъ васъ отходитъ, Этотъ Исусъ есть Человѣкъ и Богъ, но какъ Богъ и Человѣкъ, Онъ снова придетъ, Судія живыхъ и мертвыхъ, даруяя грѣховъ прощеніе и велю милость“ (Стих. Литія).

Такова эта стихира, трудная для усвоенія, особенно въ славянскомъ переводѣ, и требующая въ каждой своей отдѣльной мысли пространныхъ богословскихъ объясненій. Мы возьмемъ изъ нея главное и существенное,—то, что она какъ бы съ особою настойчивостью желаетъ внушить намъ устами ангеловъ.

Когда мы говоримъ о воскресеніи Христовомъ, знайте, что надо непременно при этомъ мыслить и добавлять: Онъ воскресъ съ *плотію*, какъ и мы всѣ тоже воскреснемъ съ плотію. Иначе весь догматъ о воскресеніи теряетъ свою силу, смыслъ и значеніе и является нехристианскимъ. Это понимаютъ и съ особою силою отстаиваютъ даже такіе мыслители, которыхъ во всякомъ случаѣ нельзя причислить къ церковникамъ (архимѣръ Мережковскій).

Когда мы говоримъ о вознесеніи Спасителя на небо, поемъ съ Церковью: „И почитаемъ еже на небеса *съ пречистою Твоею плотію* Божественное вознесеніе“. Нашу человѣческую плотъ, нашу человѣческую природу Спаситель, соединивъ съ Собою навѣки, вознесъ на небо и спосадилъ на Божественномъ престолѣ. И объ этомъ свидѣлствуютъ ангелы предъ апостолами. Церковь такъ объ этомъ богословствуетъ: „Богъ Сый, соединяется *плети* насъ рачи: и распинается и умираетъ, и погребается, и паки воскресаетъ, и восходитъ свѣтло *съ плотію* Своею Христосъ къ Отцу, *съ нею-же* придетъ и спасетъ благочестно Тому служащія“ (Кан. воскр. гл. 1, троп. 2).

*) Въ праздн. Вознесенія 1917 г.—за литургіей.

Такъ христіанство есть богочеловѣчество. Союзъ Бога и людей въ христіанствѣ есть союзъ Еммануила, „съ нами Богъ“, союзъ богочеловѣческой. И Церковь есть учрежденіе богочеловѣческое. И жизнь важдаго христіанина есть тоже союзъ богочеловѣческой, иначеона—не христіанская. И жизнь христіанская въ семьѣ, обществѣ, государствѣ мыслится и допускается, расцѣпляется вѣрою тоже, какъ проявленіе богочеловѣчества. И будущая вѣчная жизнь, послѣ пришествія Богочеловѣка во славу на судъ міра, какъ и горюють ангелы въ приведенномъ церковномъ пѣснопѣніи, есть также союзъ богочеловѣческой. Если бы эта истина нами была крѣпко, сознательно усвоена и продумана и со всею рѣшительностью проводилась въ жизни, то мы дѣйствительно христіанизировали бы эту жизнь и насаждали бы на землѣ все болѣе и болѣе возвышенное Христомъ въ евангелии Царство Божіе.

Но съ высокими христіанскими истинами, по отношенію къ человѣку, повторяется что мы часто габтюдаемъ въ обычной жвзни: чѣмъ съ большей высоты упадешь, тѣмъ сильнѣе расшибьешься. Искаженная истина, или, что еще опаснѣе, полунстина, чревата всегда величайшими и пагубными послѣдствіями въ мысли и жизни.

И нынѣ мы живемъ въ такое время, когда истина богочеловѣчества сознательно, а часто безсознательно, намѣренно, а часто по недомыслию, открыто, а часто тайно и непримѣтно подмѣняется человѣкобожіемъ, которое вырождается въ самое грубое человѣкобожіе, т.-е. въ древнее издохшее язычество. Гордыня разума нашего часто доходитъ до обоготворенія человѣка и идолопоклонства предъ нимъ.

Въ чѣмъ проявляется такое человѣкобожіе? Мы попытаемся намѣтить и указать самыя опасныя и въ настоящее время особенно, такъ сказать, кричащія его плоды и проявленія.

Кто теперь не знаетъ, кто не слыхалъ словъ объ анархіи и анархизмѣ? Думаютъ, что это обыкновенная распущенность человѣческихъ страстей. Не всегда такъ. Есть стройныя и послѣдовательныя ученія анархизма. Въ анархизмѣ по закону противоположности, неизбѣжно превращается и превратится въ будущемъ ученіе социализма, хотя на первый взглядъ между ними лежитъ пропасть, ибо одно изъ нихъ, анархизмъ, выдвигаетъ права и исключительную цѣнность человѣческой личности (индивидуализмъ), а другое, напротивъ, какъ бы уравниваетъ, даже стираетъ и погребаетъ человѣческую личность въ понятіи общаго блага опредѣленнаго класса людей, принимаемаго за все человѣчество. Одинъ изъ выдающихся современныхъ анархистовъ (Штирнеръ) съ полной откровенностью излагаетъ свои знаменитыя „заповѣди“, которыми, съ его точки зрѣнія, опредѣляется все устройство жизни. И первая такая заповѣдь есть кощунственное повтореніе начальныхъ словъ первой же заповѣди Закона Божія,—но съ какимъ извращеннымъ содержаніемъ и толкованіемъ! Человѣкъ говоритъ самъ себѣ: „Я—Господь Богъ твой“; это значить: „Я для себя являюсь богомъ, и нѣтъ у меня другого бога, кромѣ меня самого!“

Вторая заповѣдь есть выводъ первой, по отношенію къ другому человѣку; она гласить: „Ты—моя пища“. Итакъ, я тебя съѣмъ, когда мнѣ это будетъ нужно. Третья заповѣдь говоритъ о нравѣ: „все принадлежитъ мнѣ по праву, если я только смоу взять это все моею силой“. Довольно сказаннаго, чтобы видѣть, куда привело въ мысли и мировоззрѣніи такое человѣкобожіе, а куда оно приводитъ въ жизни, увы, мы можемъ теперь судить по наличной и окружающей насъ дѣйствительности, когда изъ всѣхъ объявленныхъ свободъ, прекрасныхъ и привлекательныхъ, въ сущности не осталось ни одной, когда насильники не да-

ютъ никому свободно ни говорить, ни молиться, ни печатать, когда мы не ограждены безопасностью и неприкосновенностью, ни въ домахъ, ни на улицахъ, ни даже въ храмахъ! Весь міръ—это я, и все для меня, я одинъ—мѣра всѣхъ вещей, и нѣтъ для меня иного суда, кромѣ меня самого: таково настроеніе анархизма, таково это челоуѣкобожіе, отъ котораго до богочелоуѣчества такое же разстояніе, какъ отъ діавола до Христа.

Отсюда, конечно, не только одинъ шагъ, но прямой выводъ:¹ безбожіе, отрицаніе всякой высшей силы въ мѣрѣ, отрицаніе Церкви и Христіанства. Отсюда прямой выводъ, что нѣтъ въ мірѣ никакого нравственнаго закона, никакого нравственнаго долга, что для сильнаго все позволено, и что самыя нравственныя понятія и обязанности челоуѣка являются, въ сущности, результатомъ глупости, или же пріемомъ престои хитрости, когда ими хотятъ защититься слабые люди.

Если бы такимъ людямъ, съ такими воззрѣніями, дать по-своему устроить жизнь, то они сразу обратили бы ее въ самое жестокое звѣриное житіе, уничтоживши всѣхъ слабыхъ, добрыхъ и совѣтливыхъ, и открывши потомъ безконечную борьбу между оставшимися сильными и злыми. Но, слава Богу, челоуѣкъ, даже при самомъ рѣшительномъ желаніи, не въ силахъ сдѣлаться животнымъ, и поэтому жизнь челоуѣка кая всегачи носитъ и будетъ всегда носить обликъ челоуѣческой. Въ ней всегда останется религія, не умретъ нравственность, не умрутъ понятія добра, справедливости и стремленія къ нравственному совершенству.

Вотъ почему челоуѣкобожіе мѣняетъ формы и продолжаетъ жить и дѣйствовать приспособительно ко всякой наличной дѣйствительности. Въ области религіи оно проявляется въ безцерковьи, въ постоянномъ возстаніи именно во имя религіи противъ всякихъ авторитетовъ, противъ всякаго обязательнаго религіознаго ученія, догмата, обряда, іерархіи. Въ области нравственной челоуѣкобожіе избираетъ, что нынѣ особенно заповняетъ и губитъ нашу жизнь: оно отстаиваетъ, только права, зывая при этомъ къ нравственнымъ соображеніямъ, и совершенно забываетъ объ обязанностяхъ и нравственной отвѣтственности. И здѣсь неизбѣжно оно вырождается въ, самое дикое и грубое насиліе надъ всѣмъ и надъ всѣми, кто стоитъ на пути къ достиженію цѣлей его основнаго побужденія къ дѣятельности, т.-е. крайняго и чисто животнаго себялюбія. Тутъ безразличны формы политической жизни народовъ, и мы не о нихъ говоримъ: василія уживаются рѣшительно со всякимъ политическимъ строемъ и очень часто расцвѣтаютъ подъ самыми пышными и одушевленными призывами къ отстаиванію свободы личности въ челоуѣкѣ. „Сила выше права, говорить теперь всемірный насильникъ монархъ Вильгельмъ; „сила есть право“, повторяетъ крайній противникъ не только монархіи, но и всякаго политическаго строя, во имя свободы индивидуума, анархистъ-теоретикъ, о которомъ мы упомянули въ началѣ нашей рѣчи.

Въ области умственныхъ теченій челоуѣкобожіе ярко проявляется въ переоцѣнкѣ достоинства и силы челоуѣческаго разума. Теперь принято именовать разумъ всемогущимъ, не взирая на то, что ежедневно и ежечасно мы убѣждаемся въ его безсиліи. Но въ вѣкъ, въ который мы живемъ, въ вѣкъ открытій, изобрѣтеній, всякаго рода техническихъ улучшеній и завоеваній, когда челоуѣкъ овладѣлъ воздухомъ, открылъ и изслѣдовалъ всѣ земли, проникъ въ самыя нѣдра земныя и опустился на дно морей,—естественно, что у многихъ кружится голова отъ гордости, и они готовы преклониться предъ челоуѣческимъ разумомъ, объявляя его верховнымъ существомъ и влаждкою міра. Но стоитъ пристально взглянуть на величіе необъятнаго міра и сравнить изслѣдованное и открытое съ тѣмъ, что не только еще не изслѣдовано и не открыто, но и на-

всегда по самому существу своему останется непостижимымъ и недоступнымъ взгляду ванію, чтобы убѣдиться и въ этой роковѣйшій ошибкѣ человѣкобожія. Дѣтскія хрестоматіи говорятъ о царѣ, которому льстецы внушали мысль о томъ, что его могущество есть всемогущество. Однако, на его приказъ морю не перейти черты у берега, гдѣ стояло сѣдалище короля, отвѣтомъ послужила огромная волна прибою морскаго, которая едва не унесла могущественнаго короля съ собою въ бездну морскую. И повялъ тогда могучій царь, что его сила—въ сущности есть бессиліе. Въ такія историческія эпохи, какія мы теперь переживаемъ, въ этихъ міровыхъ вѣнахъ, переворотахъ, когда рушится то, что казалось незыблемымъ и вѣковѣчнымъ,—какъ намъ, при всѣхъ успѣхахъ техники и культуры, не признать бессилія нашего ума не только въ впечатрѣшеніи тѣхъ или иныхъ событій, не только въ направленіи ихъ въ желанное нами русло, но даже просто въ пониманіи ихъ причинъ, слѣдствій и ихъ значенія?!

Вѣра есть смиреніе ума. И христіанство есть величайшее смиренномудріе. Оно—въ смиреніи предъ Высшею Силою, въ подчиненіи нашего разума, чувства и хотѣнія, Богу въ подчиненіи человѣка высшему нравственному Закону Христіанство есть полное и рѣшительное отверженіе собственной самости, отверженіе человѣкобожія,—и всецѣлая богочеловѣческая жизнь. Она одна дастъ истинный смыслъ міровой жизни, миръ, покой и счастье человѣчеству. Аминь.

Протоіерей *И. Восторговъ.*

Божественное достоинство Основателя христіанства *).

Сегодня замаять и похвала святыхъ отецъ 1-го Вселенскаго собора, иже въ Никее. Если когда умѣстно вспомнить съ этимъ Соборѣмъ, то конечно, теперь, на исходѣ дней воспоминанія о воскресеніи, о вознесеніи Спасителя и въ ожиданіи праздника ниспосланія отъ Него Святаго Духа на апостоловъ и Церковь. Ибо первый Вселенскій Соборъ имѣлъ цѣлью утвердить и возвести вселенную истину о божества Иисуса Христа, которое и засвидѣтельствовано Его воскресеніемъ, вознесеніемъ и истинно Божественнымъ основаніемъ Церкви. Съ исторіей Собора неразрывно связано имя Арія, этого, какъ въ древности выражались, ересіарха, начавшаго ересь и еретиковъ. Хронологически, конечно, это не точно, но въ смыслѣ существа вопроса, имя ересіарха къ Арію вполне подходитъ. Въ ученіи своемъ онъ коснулся самыхъ важныхъ истинъ христіанства—истинъ и догматовъ о Богѣ, Троичности, о Сынѣ Божіемъ и въ связи съ симъ—о Духѣ Святомъ,—и исказилъ истину церковнаго ученія. Въ способахъ о сужденія истинъ вѣры онъ является яркимъ выразителемъ такъ называемаго раціонализма, т. е. обсужденія оцѣнки и принятія истинъ вѣры подъ провѣркой разума. Въ характерѣ пропаганды своего ученія онъ показалъ ту гордыню и самоувѣреніе, которое отличаетъ всѣхъ еретиковъ, и не остановился предъ рѣшимостью раздѣлить весь міръ христіанскій на двѣ спорящія стороны, при чемъ споръ этотъ колебалъ спокойствіе Церкви въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Въ напряженности и изобрѣтательности такой пропаганды Арій тоже далъ образецъ всѣмъ еретикамъ: и пар-

*) Двѣ бесѣды (за всенощной и литургіей) въ нед. свв. оо. по Пасхѣ 1917 г.

тія, и собранія, и населія надъ инакомыслящими, и обращенія къ власти имущимъ, и использованіе самолюбія, низменныхъ инстинктовъ толпы, и видимость научаго блеска, и видимость законнаго суда, и наконецъ особый пріемъ, который въ наши дни повторяеть Толстой,—составленіе маленькихъ гимновъ, стихотвореній, рассказовъ, которые въ доступныхъ формахъ, въ чтеніи, пѣніи, произношеніи проходили въ толпу, въ настроеніе улицъ философско-религіозныя ученія Арія, въ непосредственномъ видѣ и изложеніи трудно усвояемыя прослыми и неразвитыми умами. Богъ почему Аріи былъ ересіархъ, ибо послѣдующіе еретики повторяли и доселѣ повторяють и его ученіе, и его пріемы и его настроенія.

Не станемъ повторять брани противъ него, въ которой надо признаться, не было недостатка у тѣхъ, кто отставивъ отъ его нападковъ и заблужденій истину христіанства. Будемъ обсуждать дѣло спокойно. Отмѣтимъ у него и положительныя черты. Это былъ, несомнѣнно, челвкъ больше, чѣмъ умный и способный, образованный и краснорѣчивый, философъ и художникъ слова. Вѣроятно, и въ характерѣ его была не одна гордыня и самомнѣніе, но и нѣчто привлекательное, ибо онъ вмѣлъ и п еданныхъ ему лично друзей и почитателей. При этомъ не брань, а слово сожалѣнія просится теперь на уста при воспомнаніи объ Аріи. Это былъ видимо, несчастный и неуравновѣшенный челвкъ, къ тому же и болѣзненно самолюбивый, какъ очень многіе талантливые люди, не смѣряющіе себя въ вѣрѣ и церковности. Въ людяхъ онъ цѣнилъ бы все дарованія ума и слова, а не возвышенныя нравственныя качества вѣры, смиренія простоты и скромности,—и отсюда такая его обида, когда на кафедрѣ Александрійскаго епископа избранъ былъ не онъ, а кроткій Александръ, и такая борьба противъ этого іерарха, к торый казал я для него слишкомъ неподходящимъ для высокой Александрійской кафедры простецомъ. Съ другой стороны, онъ представлялъ собою вполнѣствіи столь расчистраненный типъ челвчка, который хотѣлъ соединить разумъ и вѣру и вмѣсто этого подчинилъ вѣру и Божественное откровеніе челвчеческому разсудку, хотѣлъ соединить философію и религію.—и вмѣсто этого философію обращалъ въ судію религіи, хотѣлъ соединить вмѣстѣ язычество и христіанство,—и вмѣсто этого выводилъ христіанство изъ язычества и провѣрялъ его выводами язычествующаго ума. Увы, сколько и теперь сознательныхъ, а больше несознательныхъ послѣдователей Арія, повторяющихъ его пути, въ области вѣры и Церкви! Это—то же челвчкобожіе, о которомъ мы говорили въ прошлой бесѣдѣ, вѣчное явленіе въ исторіи челвччества со времени грѣха!.. Увы, какъ часто и мы,—особенно люди образованные среди насъ,—повторяемъ несознательно заблужденіе Арія!

Стремленіе все свести къ единству, къ такъ называемому монизму,—это постоянный и неизмѣнный спутникъ челвчеческой мысли. Сводимъ ли все къ матеріи, сводимъ ли все къ идеѣ, ищемъ ли „единства физическихъ силъ“, включаемъ ли въ число физическихъ силъ часть и духовныхъ явленій, сводимъ ли, наоборотъ, все къ „развитію“ и „діалектическому процессу“ идеи разума, или воли, или „безсознательнаго“, опредѣляемъ ли и самую матерію, какъ несуществующую реально, а только, какъ точки приложенія духовныхъ силъ,—все равно, мы ищемъ все того же единства. И Аріи искалъ единства въ Богѣ и пришелъ къ мысли, на основаніи господств вавилонскихъ тогда философскихъ теченій, что Богъ не только „Единъ, но и единый“. Отсюда его же аніе примирить догматы триничности съ началами разума, отсюда ученіе о томъ, что толь о Отецъ есть Богъ и „Самобогъ“, и что Сынъ и Духъ, хотя въ переносномъ смыслѣ и по сравненію съ челвчкомъ, могутъ быть названы каждый богомъ, но по существу они твари, хоть и самыя высшія, прекраснѣйшія, совершеннѣйшія. Уче-

ніе и предаііе Церкви было отвергнуто, а вмѣсто голоса и сознанія Церкви выступили у Арія произвольныя и на первый взглядъ даже убѣдительныя ссылки на тѣ мѣста Евангелія, гдѣ Иисусъ Христосъ, „показуя человѣческое“, говоритъ о Себѣ съ человѣческой стороны.

Время дѣя успѣха Арія и аріанъ тва было благопріятное. Вѣдшія гоненія для Церкви тогда окончились. На цар комъ пресолѣ уже возсѣдалъ императоръ-христіанинъ, Константинъ Великій. Быть христіаниномъ стало выгодно, и многіе ринулись изъ язычества въ христіанство ради выгодъ и обычаевъ, и принесли съ собою и старыя языческія понятія, и ученое самовѣніе, и отсутствіе того смиренія ума, который такъ характеризуетъ истинную вѣру и воспитывается только Церковью, въ Церкви, — церковностью.

Случилось то, что и можно было случиться при такихъ условіяхъ. „Кто Твою, Христе, ризу раздралъ? Арій, Ты реклъ еси....“ Такъ опредѣляется значеніе Арія въ исторіи христіанства. Онъ дѣйствительно раздралъ Церковь, эту единую, неизмѣнную Ризу Христову, какъ бы сотканную руками Богоматери. въ томъ смыслѣ, что она послужила тайнѣ Боговоплощенія и чрезъ это тайнѣ Богочеловѣческаго общества Церкви Христовой. Друзья Арія нашлись вездѣ. Къ какой онъ школѣ принадлежалъ и какія изъ тогдашнихъ ученая школа, Антиохійская ли, какъ прежде думали, или Александрійская, какъ полагали другіе, или какая-то средняя, какъ теперь гадаютъ и намѣчаютъ объ этомъ нынѣ въ наукѣ спорять. Но для насъ это не важно, важно то, что на сторонѣ Арія стало образованное общество и образованные философы-богословы. Эта была огромная сила, подавлявшая многихъ и іерарховъ и вождей Церкви. Вездѣ слышались отзвуки ученія Арія, и что всего опаснѣе — подъ видомъ не униженія, а возвеличенія Христа, подъ видомъ счастливаго сочетанія философіи и христіанства. Одна буква, — одна только небольшая буква (гомѳіосіосъ вмѣсто гомусіосъ) отличала ученіе Арія отъ ученія православія, и это давало, какъ казалось, и особое остроуміе, и особую опредѣленность новому ученію. Въ народѣ пѣлись короткія стихотворенія изъ книжечки Арія, подъ названіемъ „Толія“. Все было приспособлено къ обычаямъ жизни, къ характеру восточныхъ народовъ и страстныхъ споровъ среди нихъ изъ-за тѣхъ или другихъ ученій, и все обусловило Арію и негласную поддержку императорскаго двора и сочувствіе ученыхъ, и согласіе народа, и наконецъ, поддержку многихъ епископовъ, особенно тѣхъ, которые были подъ влияніемъ двора и ученыхъ школъ и занимали кафедры новыя, въ которыхъ не было христіанства издревле, со временъ апостоловъ.

Трудно было итти и бороться противъ этого теченія. Но потому-то вѣчною, благодарной, благоговѣйной хвалы достойны отцы Никейскаго Собора, и гениальнѣйшіе по силѣ мысли и воли отцы и учителя православной Церкви, святые Аѳанасій, Василій, Григорій, Николай, Сидвестръ, Осія, Пафнутіи и другіе, которые мужественно претерпѣвали позоръ, гоненія, изгнанія, ссылки, неправдыя суды, насадки отъ народа и все то, что дѣлаетъ обычно почувствовавшая силу толпа. — во не измѣнили православію и православному преданію вѣры во Христа, какъ Бога. Они поняли, что изъ христіанства, какъ религіи, при торжествѣ ученія Арія не осталось бы ничего, кромѣ имени, да и по имени, можетъ быть, оно было бы замѣнено аріанствомъ. Они употребили сверхчеловѣческія усилія, и ринулись въ борьбу за истину. При помощи Божіей они въ концѣ-концовъ побѣдили. Въ разгаръ успѣховъ аріанства, когда на всемъ востокѣ, вапримѣръ, оставался только одинъ православный епископъ, Аѳанасій въ Александріи, они повторили слова этого борца за истину объ аріанствѣ: „это облачко; оно пройдетъ....“ Такъ вѣ-

рили они, что сильна истина и преодолагаетъ. Такъ вѣрили они, что Церковь Христову не одолѣютъ враги зловы. Такъ вѣрили они въ Божественное достоинство Основателя христіанства.

Почему же мы и донынѣ прославляемъ этихъ борцовъ за истину, отцевъ Собора иже въ Никее? Почему благодарно вспоминаемъ ихъ, хотя аріанства уже не слыш о въ мірѣ? По однимъ ли только чувствамъ благодарности? Только ли ради историческихъ воспоминаній?

Нѣтъ, Аріи есть ересіархъ. Аріанство живуче, и донынѣ повторяется. И слѣдовательно, воспоминаніе „святыхъ отецъ, иже въ Никее“, полезно намъ, какъ предупрежденіе отъ опасности, какъ глубоко назидательный урокъ, особенно теперь, въ наши тревожные дни, когда релігіозныя сомнѣнія скоро въ сильнѣйшей степени овладѣютъ умами образованныхъ, и особенно полуобразованныхъ людей, и когда нашъ книжный рынокъ въ короткое время наполнится произведеніями печати, которая будетъ всѣми мѣрами сдѣлать смену сомнѣній въ истинѣ Божественнаго достоинства Исуа Христа.

Хвалить Иисуса Христа Ренанъ, Штраусъ, Бауръ, Гарпенъ, Кауфманъ..? Ихъ сочиненія скоро появятся во множествѣ на новомъ книжномъ рынкѣ. Уже теперь брошена въ народъ книга Т. Паркера объ Иисусѣ Христѣ. Когда вы читаете заключительныя слова книги Ренана, объ Иисусѣ Христѣ, когда вы читаете восторженныя отзывы о Христѣ Паркера, вамъ представляется, что предъ вами самыя убѣжденные и горячіе поклонники Иисуса изъ Назарета. „Ты—Богъ“, „Ты вѣчно царствовать будешь въ мірѣ, какъ истинный Богъ“,—такъ говоритъ Ренанъ, обращаясь ко Христу. Но вчитайтесь въ книгу: на самомъ дѣлѣ предъ вами, страшно сказать, самообольщенный пророкъ изъ Галилеи и подчасъ обольститель, человѣкъ, окруженный наивными и недалекими галилеянами, предъ которыми онъ и великъ и силенъ въ словѣ и дѣлѣ... Остается только удивляться, какъ это христіанство, вышедшее изъ такого источника, закончившееся смертью Основателя своего, котораго только преданность духовной неуравновѣшенной женщины объявила воскресшимъ,—какъ христіанство сдѣлалось міровой релігіей и покорило за двѣ тысячи лѣтъ столько сердецъ великихъ, и среднихъ и малыхъ людей, цѣлыя племена и народы, всю міровую цивилизацію! Это чудеснѣе всѣхъ чудесъ Христовыхъ! Во всякомъ случаѣ, напрасно вядятъ современные аріане, читатели и почитатели Ренана и имъ подобныхъ, во всѣхъ этихъ похвалахъ Христу Его славу. Занежь только позоръ и издѣвательство.

Хвалить Христа и Толстой... и какія только хвалы мы не слышали отъ этого аріанина относительно нравственнаго ученія Христова Евангелія! Нагорная проповѣдь не только снисходительно имъ одобрена, но и предупредительно исправлена, сведена къ знаменитымъ шести заповѣдямъ и по-новому истолкована. Все въ сочиненіяхъ Толстого говоритъ о „волѣ Божіей“, о смыслѣ жизни“, все по евангелію, все во исполненіе „истиннаго христіанства“. Кто же по возрѣніямъ Толстого и толстовцевъ Христосъ и Его апостолы? А вотъ кто: „Иисусъ Христосъ—это еврей, котораго высѣкли и распяли“, апостолы будто бы глгали и были хуже хлыстовъ, когда увѣрили о воскресеніи Христа“; особенно „искажали ученіе евангелія апостола Павла“. Чертковъ послѣдователь Толстого самый ярый, съ вѣдома Толстого увѣяетъ, что Христосъ ниже Толстого, ибо Толстой получилъ университетское образованіе, а Христосъ обладалъ только „простой гениальностью“. А вѣстный философъ В. Соловьевъ, близко знавшій Толстого, увѣряетъ, что Толстой „лично ненавидѣлъ Иисуса Христа изъ-за висти... И послѣ этого современные толстовцы-аріане продолжаютъ увѣрять, что они именно истинно возвеличиваютъ Христа, а Церковь, исповѣдая Его Богомъ и Господомъ, Его унижаетъ. Забываютъ,

однако, что при ихъ возрѣвнн, непонятны ни судьбы христіанства, ни судьбы толстовства. Ибо Іисусъ Христосъ, тридцати трехъ лѣтъ отъ роду, безъ всѣхъ и всякихъ земныхъ пособій, безъ земной славы, богатства и признаннаго образованія, не опираясь ни на какую челоѣвческую сильную организацію, создалъ Церковь, за которую умерли сотни тысячъ муче иковъ, которая существуетъ етъ двѣ тысячи лѣтъ, давая глубочайшее уволетвореніе учениемъ Христа миліонамъ миліоновъ сердець и душъ, за которую и теперь готовы умереть тысячи людей,— а Толстой, проживъ до 80 лѣтъ, обвѣянный славою писателя, гениальнаго челоѣвка, мыслителя, учителя жизни, при огромномъ богатствѣ, при высокомъ образованіи, опираясь на сочувствіе всего образованнаго общества, умеръ, въ сущности, переживши себя и свое ученіе. Ибо гроба къ его могилѣ открыта, какъ извѣщаютъ газеты, только для увеселительныхъ компаній, пресло утая же „зеленая па очка“ етъ предметъ смѣха, а современныя событія войны и явленія внутренней жизни Россіи показываютъ, что ученіе Толстого отрицается и опровергается въ самомъ корнѣ. Апостолы, по довамъ Толстого, не поняли и исказили христіанство, которое почему-то чрезъ двѣ тысячи лѣтъ, вдругъ открылось въ истинномъ своемъ смыслѣ только Толстому. А между тѣмъ апостолы покорили евангелію весь міръ, Толстой же при смерти своей, при погребеніи, о которомъ можно сказать словами пророка: „ослинымъ погребеніемъ погребуть его“—что бы могъ увидѣть? Правда, тысячную толпу, среди которой, однако, едва ли былъ десятокъ его религіозныхъ послѣдователей, при томъ изъ родныхъ и близкихъ, которые тутъ же и передрали въ могилѣ этого учителя любви, проповѣдника непримиренія, отрицателя со ственности, и передрались изъ-за права собственности, указаннаго и завѣщаннаго именно въ завѣщаніи самимъ Толстымъ, который отрицалъ право, государство и судъ, написалъ, однако завѣщаніе, утверждаемое обыкновенно судомъ и осуществляемое правомъ государства. При этомъ апостолы, утверждая Церковь Христа, звали къ смиренію самоотверженію, самоотреченію, общали вѣрующимъ только страданія, призывали къ повиновенію власти и т. п., а Толстой, какъ видно изъ послѣдняго опубликованнаго на дняхъ его сочиненія, звалъ къ тому, чтобы власти не повиноваться, военной службы не нести, податей не платить, всю землю стяжать себѣ, т. е. покалать самымъ грубымъ инстинктамъ низменнаго себялюбія. Это въ области религіи былъ злой и неразумный ребенокъ, и его послѣдователи, новые аріане, тоже глупыя и очень злыя дѣти... И они хвалятъ Христа! Не красна пѣснь такой хвалы въ устахъ грѣшника, говорить древній мудрецъ!

Хвалятъ Христа и современные мыслители.. А для вящшей и большей похвалы новые аріане ставятъ Іисуса Христа рядомъ съ Сократомъ, Платономъ, Аристотелемъ, Конфуціемъ, Лаоцзи, Сакія-Мини, Магометомъ и увѣряютъ, что Іисусъ Христосъ былъ тоже не менѣе ихъ великій челоѣвкъ... Все это чернымъ по бѣлому пишется въ разныхъ „народныхъ календаряхъ“, пускается исп. емѣнно „въ народъ“. Не кажутся ли вамъ, однако, эти снисходительныя хвалы подобными издѣвательству войновъ во время суда надъ Христомъ, когда они преклоняли предъ Христомъ колѣна, давали Ему въ руки трость, какъ царскій скипетръ, возлагали на главу Его корону—терновый вѣнецъ, склоняли колѣна, говорили: „радуйся, царь Іудейскій“, а потомъ вставали, плезали Ему въ лицо, брали изъ рукъ трость и били Его по главѣ?!

Итакъ, умерло ли аріанство? Нѣтъ оно живо. И какъ во дни Аріи истину отстаивали простые вѣрующіе, въ простотѣ сердца хранившіе и исповѣдывшіе апостольское преданіе вѣры во Христа, какъ Бога, а ихъ религіозное сознание утверждали и на него вмѣстѣ съ тѣмъ и опирались вѣрные пастыри, отцы и учи-

тели Церкви, такъ и доннѣ—ваша вѣра, возлюбленные, эти миллионы припадающихъ къ стопамъ Христовымъ, приходящихъ къ Его Божественной Чашѣ Тѣла и Крови, и наша пастырская проповѣдь, учительство и исповѣданіе церковной вѣры отразить и отражаетъ ухищренія новыхъ арианъ, поднимающихъ оружіе противъ Божества Иисуса Христа, слящихся поколебать истину Божественности Основателя Христіанства и раздражающихъ Его ризу, Его тѣло—Церковь Христову.

Завтра мы продолжимъ нашу бесѣду, и будемъ говорить о томъ, къ чему приводитъ всякій видъ арианства, отрицаніе Божества Христова, и что тогда остается отъ христіанства. Нынѣ же заключимъ наше слово словомъ апостольскимъ, словомъ привѣта, потрясающимъ наши сердца всякій разъ въ началѣ самаго важнаго момента Божественной литургіи, какъ воспоминаніе о нашемъ Христѣ и Искупителѣ.

„Благодать *Господа* нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами!“ Аминь.

Протоіерей *И. Восторовъ*.

II.

Что такое христіанство? Нѣтъ ничего опаснѣе и хуже, какъ примѣнять къ одному явленію мѣрки другого, совершенно чуждаго ему по природѣ. Это значить для соединенія и сродства лить воду на огонь. Итакъ, что такое христіанство? Это не логическое построеніе, не система идей, одна изъ другой развивающихся, это не философское ученіе, хотя бы и самое возвышенное. Христіанство безконечно выше всего этого, хотя несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ, или лучше сказать, освѣщаетъ собою и разумъ, и логику и всѣ человѣческія идеи: христіанство есть союзъ Бога съ людьми и людей съ Богомъ во Христѣ, христіанство есть откровеніе Бога людямъ во Христѣ и чрезъ Христа, содѣлавшагося человѣкомъ и создавшаго изъ людей богочеловѣческое общество, Церковь Свою. Христіанство есть вѣчная дѣйствительная и живая жизнь вѣчно живого Христа съ людьми, вѣрующими въ Него и Имъ искупленными, христіанство есть постоянное общеніе человѣка съ Богомъ и Бога съ людьми, самое живое, истинное и дѣйствительное, — однимъ словомъ, христіанство есть *религія*, есть *вѣра*, есть *союзъ* Бога и людей, есть новый и вѣчный *заветъ* Его съ человѣчествомъ. Но если Христосъ, какъ училъ Аріій, не есть Богъ, а высшая тварь: то развѣ въ религіи мы ищемъ общенія съ тварью, а не съ Творцомъ? Если Онъ—только величайшій Учитель, то развѣ общеніе съ учителемъ есть религія? Развѣ, напримѣръ, въ мусульманствѣ мыслится союзъ вѣрующихъ съ Магометомъ, а не Аллахомъ? Развѣ удалась религія Толстовская? Развѣ толстовцы теперь имѣютъ живое общеніе съ умершимъ и сгнившимъ Толстымъ? Развѣ Христосъ, если Онъ не Богъ, могъ быть и Основателемъ и предметомъ основанной Имъ религіи? Такъ арианство и всѣ его виды, отрицая за Христомъ Божественное достоинство въ истинномъ значеніи этого слова, тѣмъ самымъ отрицаютъ и за христіанствомъ значеніе религіи и сводятъ его только къ арианству, т. е. къ философско-религіозной или, въ сущности, теософической системѣ, случайно возникшей на почвѣ увлеченія временными философскими теоріями,—платонизма ли или неоплатонизма, какъ въ древности, пантеизма ли, какъ нынѣ, но, во всякомъ случаѣ, измѣнчивыми.

Думаютъ спасти христіанство въ его міровомъ значеніи признаніемъ за нимъ вѣчной заслуги въ области нравственныхъ ученій. Такъ полагаетъ, Толстой, такъ думаютъ очень многіе современные мыслители. Оставьте, говоритъ онъ, споръ о томъ кто такой Іисусъ Христосъ; для насъ это не важно! Больше того: по словамъ Толстого, догматы вредны, потому что всегда раздѣляли людей между собой, а нравственные истины всѣмъ людямъ, онъ соединяютъ людей. И у Христа, говорятъ эти мыслители, цѣнно нравственное ученіе, Его нагорная проповѣдь, а не ученіе о достоинствѣ собственной Его личности. Какое заблужденіе! Выше его стоялъ даже Аріій. Онъ былъ безконечно умнѣе современныхъ аریانъ. И онъ понималъ, что безъ ученія о Богѣ, о Его существѣ, безъ ученія о личности Христа падаетъ все евангеліе, а не только часть его, падаетъ и ученіе нравственное въ христіанствѣ. Потому-то Аріій и старался превознести Христа, именовалъ Его вышею и совершеннѣйшею Тварью, въ условномъ смыслѣ Вѣчнымъ, въ условномъ смыслѣ Богомъ. Иначе, когда мы въ евангеліи въ нагорной проповѣди читаемъ: „вы слышали, что сказано древнимъ... а Я говорю вамъ“...—то что же даетъ намъ это: Я? Если Христосъ не есть Богъ, то и Моисей говорилъ бы: Я. И каждый учитель говорилъ бы: я. И Толстой дѣйствительно постоянно ссылается только на себя, на свое усмотрѣніе. Однако, для кого же это авторитетно и убѣдительно? Что бы ни говорили, нравственный законъ обязателенъ для человѣка только, какъ *воля Божія*. Поэтому то въ древности онъ и начинался отъ имени Бога: „Азъ есмь Господь Богъ Твой, да не будутъ тебѣ божи инии, развѣ Мене. Не сотвори себѣ кумира“... Поэтому и Мисей передавалъ волю не свою, а повелѣнія Господа; поэтому и пророки вѣщали: такъ глаголетъ Господь; поэтому и апостолы — читайте посланія Павловы—различали: „Я отъ Господа пріялъ то и то“, а въ другомъ мѣстѣ: „почеловѣчески глаголю“, и еще: „это говорю не я, а Господь“.... Ибо природа вѣщанія не знаетъ и не различаетъ нравственнаго и безнравственнаго, она вѣщаетъ только высое—низкое, холодное—горячее, острое,—тупое, полезное—вредное.... Нравственное и безнравственное различаетъ только сознаніе человѣка,—внутреннее его сознаніе, его совѣсть. Но не даромъ на всѣхъ языкахъ и у всѣхъ народовъ она именуется: голосъ *Божій*. Иначе, голосъ совѣсти не имѣлъ бы ни силы, ни авторитета. И болѣе того, когда онъ не закрѣпленъ въ вѣщаніи, писаномъ *закономъ Бога*, этотъ внутренній голосъ совѣсти не только звучитъ и дѣйствуетъ слабо, но и неясно, даже различно до противорѣчій и противоположностей. Поэтому-то и Толстой вынужденъ былъ *разъяснять* нагорную проповѣдь Христа. И какъ же онъ ее разъяснилъ? Сдѣлалъ ли онъ ея заповѣди общими для всѣхъ людей? Соединилъ ли ихъ на этомъ нравственномъ ученіи? Уничтожилъ ли споры, которые, по его словамъ, создаются только догматическими истинами? Нѣтъ, именно нравственные истины, когда ихъ лишаютъ Божественнаго авторитета, становятся спорными, для многихъ необязательными. Это и доказалъ Толстой на собственномъ своемъ примѣрѣ. Его нравственное ученіе досель—предметъ самыхъ ожесточенныхъ споровъ. Итакъ, если Христосъ не есть Богъ: то во что же обращается Его нравственное ученіе? Въ простую человѣческую попытку предложить на выборъ людямъ мѣкоторыя пожеланія въ области, которую принято называть нравственной. Но такія нравственные ученія люди слышали и отъ Сократа, и отъ Конфуція и т. д. Такія ученія выражались вногда, какъ у Сократа, въ красивыхъ и хорошихъ словахъ, вродѣ: „Познай самого себя“. Но скажите, кто же и когда позналъ себя, и какъ это надо сдѣлать? Только у Христа всѣ нравственные истины не только закрѣпились Божественнымъ авторитетомъ, но и осуществлены,

воплощены въ Его собственномъ примѣрѣ. Если онъ говоритъ: возлюби Господа Твоего... и ближняго своего, какъ самъ го себя; если Онъ заповѣдуетъ: любите враговъ своихъ..., если отъ Него слышимъ: ищите прежде всего царствія Божія и правды его; если слышимъ: блаженны кроткіи или гонимые за правду, — то вѣдь все это мы видимъ въ самомъ Христѣ—Богочеловѣкѣ.

Что такое, еще спросимъ, — что такое христіанство? Не правда ли, что это есть религія людей *искупленныхъ* отъ грѣха и плѣна діаволу? Что останется отъ христіанства, если мы возьмемъ изъ него истину *искупленія*? Чѣмъ оно и донинѣ покоряетъ сердце язычниковъ, какъ не этой радостной вѣстью о прощеніи грѣха? Не Христосъ ли имъ нуеть его проповѣдью евангелія, т. е. благой вѣсти царствія Божія отпущенія грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ? Но если Христосъ не есть Богъ: то могъ ли Онъ искупить человѣка? Самая мысль объ этомъ становится неприемлемою. Онъ долженъ быть Богомъ и человѣкомъ, чтобы совершить искупленіе, и мысль, что ни Ходатай, ни Ангелъ, ни иная какая тварь, но Самъ Господь воплотившійся могъ спасти и искупить человѣка, звучитъ ясно во всѣ тысячи лѣтъ жизни человѣчества до Христа не только у людей Божіихъ, водимыхъ ветхозаветнымъ откровеніемъ и пророчествами, но даже, что истиннѣ изумительно, въ языческихъ мифахъ (о Прометѣѣ) и у языческихъ самыхъ возвышенныхъ философовъ (Платонъ). Такъ падаетъ христіанство, какъ религія искупленія, т. е. въ самой главной и возвышенной своей особенности, безъ признанія Христа, какъ Бога.

Если нравственный міръ въ человѣкѣ такъ высоко — и по справедливости цѣнится, то что же тяжелѣе для человѣка, какъ не сознаніе грѣха, и что же радостнѣе и отраднѣе для человѣка, какъ не прощеніе грѣха? Однако и слушатели Христа, Его враги понимали, что прощеніе грѣха — только въ силѣ и власти Бога. „Кто же можетъ прощать грѣхи, какъ только Единый Богъ“, говорили фарисеи, когда прежде исцѣлѣнія разслабленнаго Спаситель сказалъ ему: „прощаются тебѣ грѣхи твои“.

Но для насъ, послѣдователей Христовыхъ, въ этихъ словахъ Его прощенія — самое высокое, самое убѣдительное и вѣрное, и самое радостное докъ заительство Его Божества. Если же Онъ не Богъ, то что же даеть намъ Его евангеліе? Кто изъ основателей человѣческихъ религій осмѣлился об явить прощеніе грѣха? Развѣ гонорили объ этомъ и нравственные учителя? Развѣ Сократъ и Платонъ, Конфуцій и Лаодзи снимали съ совѣсти и души своихъ слушателей ихъ грѣбовное бремя? Оттого и говорить апостолъ, что если Христосъ не воскресъ, т. е. если Онъ не Богъ, то вѣра наша суетна, надежда напрасна, мы — обманутые и обманщики, мы — самые жалкіе изъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ — мы — „во грѣхахъ нашихъ“. Читайте въ этихъ словахъ приговоръ всякому арианству.

Христіанство есть богочеловѣческое общество, и Церковь есть богочеловѣческой союзъ.... Вѣдь богочеловѣчества руются предсказанія пророковъ объ Иммануилѣ и чаянія язычниковъ, что Богъ соидетъ на землю для спасенія людей. Если во Христѣ сошелъ на землю не Богъ, а Его высшее твореніе или только великій мыслитель и учитель, пророкъ и проповѣдникъ: то отъ богочеловѣчества нѣтъ слѣда, и жажда человѣка остается навѣки неудовлетворенной. Од ако, чѣмъ объяснить то, что съ пришествіемъ Христа покончилось ожиданіе Избавителя, котолымъ жили Востокъ и Западъ, покончилиъ даже всѣ кровавыя жертвы, въ которыхъ снова жило чловѣчество и въ образованныхъ и дикыхъ племенахъ искало примиренія и искупленія?

Безъ Христа, какъ Бога, не было бы воскресенія Его и нашего. А если бы было воскресеніе Христа, то зачѣмъ оно? Куда ушла Его плоть и къ чему она была Имъ воскрешена? Гдѣ Онъ теперь и что? Побѣждена ли смерть, какъ врагъ первый и послѣдній? Побѣждено ли зло? И воскреснемъ ли мы? Все темно, все неясно и отъ Христіанства, какъ религіи, все освѣщающей остаются только рядъ неразрѣшимыхъ вопросовъ.

Безъ Христа, какъ Бога, что же такое его Церковь? Человѣческое общество, какихъ много? Обреченное на временный расцвѣтъ, узяданіе и гибель? И что она дастъ намъ и даетъ намъ въ такомъ случаѣ вѣчнаго, вѣчнаго, устойчиваго и утѣшительнаго? И если такъ, то не лучше ли отдаться исканіямъ разсудка и послѣ всѣхъ этихъ исканій, убѣдившъ съ въ невозможности открыть истину, притти къ т-му сомнѣнію, которое гласить словами Пилата: что есть истина? т. е. къ самоубійству человѣческаго духа, которое неизбѣжно приведетъ, человѣка въ состояніе худшее, чѣмъ неразумно животное, въ состояніе мучительное, обречетъ на вѣчное духовное томленіе безъ надеждъ его удовлетворенія?!

Безъ Божества Христова въ чемъ же, скажите, отличіе христіанства отъ язычества и отъ прочихъ человѣческихъ религій? Оно было бы ниже ихъ всѣхъ. Ибо эти Аполлоны, Аеины, Геркулесы и Тезеи, Аполлоніи Тіанскіе были бы ближе къ грѣховному человѣчеству, чѣмъ Христось, и не тревожили бы его большой совѣсти! Ибо геиои даже японскаго поклоненія, обыкновенные люди, возведенные въ достоинствъ боговъ приказомъ японскаго императора, были бы болѣе понятны и близки людямъ чѣмъ Христось. И самая попытка Арія изъяснить Божественность Христа условно и въ переносномъ смыслѣ, не есть ли повтореніе греко-р-мской религіи и опредѣленій Римскаго Сената о божественности тогдашнихъ цезарей, которые назывались августѣйшими и божественными, которымъ строились храмы, воздвигались статуи и приносились по долгу вѣрнопопданства жертвы?

Итакъ, почтимъ нынѣ святыхъ отцовъ и учителей нашихъ, и собравшихся въ Никей на первомъ вселенскомъ Соборѣ, и затѣмъ позднѣе во всей вселенной цѣной всякихъ жертвъ и страданій, цѣной тяжчайшей борьбы отстаивавшихъ и отстаившихъ истину Божественности нашего Христа, нашего Искупителя, отстаившихъ въ сущности бытіе христіанства. Почтѣмъ, уразумѣемъ значеніе, отѣнимъ нашъ священный символъ вѣры, который мы теперь возглашаемъ во храмѣ и который оставили намъ отцы Никейскаго Собора: вѣруемъ во Единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божія Единороднаго, иже отъ отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, Свѣта отъ свѣта, *Бога Истинна* отъ Бога истинна, рожденна, *не сотворенна*, Имъ же вся быша!

И да будетъ и нынѣ заключеніемъ нашего слова слово Церкви, заключающей самую важную часть нашего литургическаго таинственнаго священнослуженія:

„И да будуť милости *великаго Бога*, и Спаса нашего Іисуса Христа со всѣми вами!“ Аминь.

Протоіерей *І. Восторговъ*.

Во славу всѣхъ святыхъ.

I.

Свидѣтельство святыхъ.

Первый воскресный день послѣ праздника 'Сочествія Св. Духа на апостоловъ Церковь посвящаетъ воспоминанію и прославленію всѣхъ святыхъ.

„Придите всѣ, духовно возвеселимся о памяти всѣхъ святыхъ; ихъ слава приноситъ намъ благотворныя дарованія. Почему въ радости и чистой совѣсти воскликнемъ мы всѣ: радуйтесь, пророковъ собраніе,—вы, проповѣдывавшіе явленіе Христа міру и, какъ вблизи, ясно видѣвшіе отдаленнѣйшія событія! Радуйтесь, ликъ апостольскій,—вы, народовъ ловцы и челоуѣковъ! Радуйтесь, мучениковъ соборъ, вы, отъ всѣхъ концовъ земли собравшіеся въ единую вѣру, за нея мукъ томленія претерпѣвшіе и до конца принявшіе вѣнцы страданія! Радуйтесь, сладость духовъ я Отцовъ,—вы, у которыхъ тѣла истаяли и истомлены постомъ, вы, что умертвили страсти плотскія, умъ Божественнымъ стремленіемъ вперили, возлетѣли на небеса и, водворившись со ангелами, восприняли вѣчныя блага!“ (Стих. лит.).

Вотъ похвалы Церкви всѣмъ Святымъ. И понятно это торжество: оно есть плодъ, свидѣтельство дѣйственности даровъ Св. Духа, пришедшаго на землю, ибо съ того времени исторія водима Духомъ Божиимъ Церкви есть исторія святыхъ. Радостнымъ и примѣрнымъ является это торжество: ибо мы научены преданіемъ церковнымъ вѣрѣть, что по особому Божественному Промыслу святые какъ бы восполняютъ числ. отпадшихъ ангеловъ въ невѣдомомъ, таинственномъ, но истинно ещемъ царствѣ добра... Прекрасно и назидательно это торжество и потому, что свят.сть е-ть вѣчный и неизмѣнный идеалъ всѣхъ Христовыхъ послѣдователей. По званію васъ -Святому, и сами святіи будете! Сія есть воля Божія о васъ— святость ваша! Таковы заповѣди апостоловъ.

Въ этомъ смыслѣ святые и называются *свидѣтелями* предъ челоуѣчествомъ, свидѣтелями вѣрными и вѣчными. Такъ на нихъ смотрѣлъ и вѣхій за вѣтъ, и это мы слышимъ въ празникъ всѣхъ святыхъ въ первомъ чтеніи изъ Слова Божія за вечернею (1-я паремія, Ис. Гл. 43): „вы мнѣ свидѣтели, и Я, Господь Богъ“,—слышимъ мы въ этомъ чтеніи. И Спаситель апостоламъ Своимъ предъ вознесеніемъ говорить: „будете Мнѣ свидѣтелями въ Иерусалимѣ же, и во всей Іудеѣ и Самаріи и даже до послѣднихъ предѣловъ земли“ (Дѣян. I, 8). И зритель неизреченныхъ откровеній, писатель Апокалипсиса, именуеъ святыхъ и мучениковъ свидѣтелями вѣрными,—именемъ, которое онъ, въ согласіи съ древними пророчествами, усвоеъ и Самому Иисусу Христу (1, 5 *ср.* 1 Цар. XII, 6, Откр. XVII, 6).

Ап. Павелъ въ посланіи, которое читается за литургіей въ нынѣшній празникъ, именно въ этомъ *множествѣ*, въ этомъ, какъ онъ говоритъ, облакѣ *свидѣтелей* (Евр. XII, 1) находитъ для насъ и источникъ поученія и побужденія вѣти на подвигъ святости и спасенія.

Итакъ, каково же это свидѣтельство святыхъ и что оно намъ говоритъ?

Оно говоритъ прежде всего о томъ, что стремленіе къ святости веиско- ренно и неистребимо среди людей. Правда, слышимъ иногда вопли, крики, направленные противъ святыхъ и великой святости жизни, видимъ преслѣдованія, насмѣшки, издѣвательства. Но вѣдъ много кричатъ и противъ здраваго смысла: значить ли это, однако, что разумность не прирождена челоуѣку?

Бываютъ времена, въ родѣ тѣхъ, что мы переживаемъ, когда люди такъ увлекаются текущими временными интересами, устройствомъ жизни земной, что становятся, повидимому, совершенно глухи и нечувствительны ко всякимъ духовнымъ стремленіямъ и призывамъ къ святымъ и святынямъ. Бываютъ соблазны жизни, которые всецѣло захватываютъ нашъ духовный міръ, овладѣваютъ сознаніемъ нашимъ и берутъ въ плѣнъ наше сердце. И все-таки всегда находятъ я и находились люди, которые, вопреки всѣмъ этимъ увлеченіямъ и соблазнамъ, хранятъ въ душѣ вѣчный огонь вѣры и святыни, и нерѣдко мы видимъ, какъ гаснутъ обманчивые и болотные огни мірскихъ пристрастій и разгорается Божественный огонь святыни въ пламя, освѣщающее весь міръ. И даже болѣе: чѣмъ гуще тьма, тѣмъ звѣзды ярче. Именно въ тѣ времена, когда люди особенно бываютъ увлечены до болѣзненности и самозабвенія мірскими интересами, какъ теперь,—они вдругъ чувствуютъ усталость, пресыщенность и вмѣстѣ пустоту души, начинаютъ видѣть, что они приняли мишуру за золото, огни гнилыхъ болотъ—за солнечные лучи, камни—за хлѣбы и змѣю—за рыбу... И тогда одни уходятъ въ пустыню и обители отъ этого людного и многочислаго обманчиваго міра, другіе чаще всего уединяются въ тайники своей собственной души, тамъ создаютъ себѣ уединенную клѣтку, тамъ затепливаютъ лампаду свою, тамъ поклоняются и служатъ Отцу своему втайнѣ.. И послѣ вынѣшняго увлеченія всѣмъ мірскимъ, чѣмъ оно глубже и рѣшительнѣе,—тѣмъ скорѣе и сильнѣе послѣдуетъ отрезвленіе, жажда вѣчнаго поднимается въ душахъ, возгорится огонь покаянія, и люди будутъ искать просвѣтленія въ вѣрѣ, умироустройства—въ подвигѣ молитвы, нравственнаго удовлетворенія—въ исполненіи Божественнаго закона любви къ Богу и людямъ. Мы увѣрены, что революція въ концѣ-концовъ будетъ искать религіи и религіознаго освѣщенія. Ибо вѣчно это стремленіе къ святымъ,—а вѣчное не старѣетъ. Вотъ первое свидѣтельство святымъ.

Второе подобно ему. Ясно, что и самое добро неистребимо. Святыя это—украшеніе человѣчества, это служители добра. Есть, очевидно, какая-то какъ бы предопредѣленная сумма добра въ мірѣ, которая должна исполниться—и въ этомъ „исполненіе Церкви“, какъ говорится въ молитвѣ, „Исполненіе Христова“ и „мѣра возраста Его“, какъ говоритъ апостолъ,—въ этомъ тайна исторіи, тайна начала, продолженія и завершения мірового процесса: еъ немъ, въ мировомъ процесѣ, нравственное начало есть главное, основное, чего не видятъ ослѣпленные суетою очн... Если, по слову апостола, тайна беззаконія дѣется (2 Сол. II. 7.), то-есть пребываетъ въ дѣйствиі, растетъ, ширится, поднимается, то, несомнѣнно, и тайна добра и святости тоже въ дѣйствиі въ этомъ мірѣ. И если сущность жизни есть непрерывная борьба между добромъ и зломъ, то, конечно, побѣдитъ Творецъ Всемогуцій, источникъ Добра, а не возставшее твореніе, діаволъ и прислѣбники его изъ мадшихъ ангеловъ и людей, ибо твореніе не обладаетъ всемогуществомъ. И если Всемогуцій единымъ мановеніемъ власти не прекращаетъ этой борьбы, то здѣсь только тайна свободы, дарованной нравственно разумнымъ существамъ, ради безконечнаго ихъ развитія, ради вмѣненія имъ и добра и зла, тайна Промыслительнаго попустительства Божія. Какъ же можно бороться противъ добра? Не безумно ли это?

И какъ же мы можемъ обходить, забывать нравственное начало жизни въ устройствѣ жизни? Христіанинъ знаетъ, что *стояніе міра*, условія его благосостоянія, по слову пророческому (Исаи), есть *слава свято*, святость, добро и его носители. Христіанинъ поэтому долженъ помнить, что всякія реформы государственныя, общественныя, экономическія и проч., прочны и цѣнны только тогда, когда онѣ построены на вѣчныхъ и неизмѣнныхъ нравственныхъ началахъ, когда

онѣ въ союзѣ съ добромъ, когда онѣ клонятся къ утверженію добра и подавленію зла: иначе онѣ неизбѣжно обречены на гибель. Недавно возвѣщена и провозглашена, а, въ сущности, повторена съ паѳосомъ старая изжитая уже глупость: „Мы-де теперь будемъ молиться толь о въ одномъ храмѣ, и въ немъ служить одному богу—съ маленькѣй буквы, именно Человѣку—съ буквы большой...“ Не повторяйте, не рукоплещите этой нелѣпости! Какая бы знаменн ость, какой бы кумиръ толпы ни повторял такую ложь,—она черезъ это не сдѣлается истиной, все равно останется ложью. Въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху, во многомъ напоминающую переживаемое нами время, рѣшили поклоняться вмѣсто Бога Разуму, объявили потомъ религію Верховнаго Существа, т. е. того же Разума человѣческаго: но отъ этой попытки, принятой и провозглашенной съ величайшимъ воодушевленіемъ, черезъ годъ не осталось и слѣда. Повторяли эту нелѣпость и философы (Вольтеръ, Кондильякъ, Фейрбахъ), ибо давно сказано, что нѣтъ такого безумія, которое не нашло бы сторонниковъ среди философовъ,—грозили они, что отъ Церкви послѣ ихъ нападокъ и разоблаченій не останется ничего... Но вотъ они умерли и забыты, и кости ихъ истлѣли въ землѣ, мозгъ одного изъ нихъ (Вольтера),—это вмѣстилище по его мнѣнію, разума,—по знаменительной случайности былъ выброшенъ въ помойную яму,—а Церковь жива и живетъ, устояла и устоитъ, пока люди будутъ искать Добра, Истины, Святости Безконечнаго, т. е. Личнаго Бога и Спасителя.

Итакъ, борются противъ добра,—развѣ не то же, что бороться противъ солнца, радоваться и ликовать вечеромъ прѣ его заходѣ и воображать, что оно больше ужъ не взойдетъ надъ землей? Нѣтъ, сегодня зашедши, завтра оно снова и непременно взойдетъ: добро, сегодня подавляемое въ душахъ людей, завтра непременно заговоритъ съ новою силой. И угнать себя новымъ единичнымъ храмомъ и новымъ единымъ богомъ-человѣкомъ—не то же ли самое, что закрывать глаза ладонью и возражать, что солнца и свѣта ужъ нѣтъ?

И святые свидѣтельствуютъ изъ вѣка въ вѣкъ, какъ безумны, тщетны и гибельны такія попытки человѣка.

Есть еще свидѣтельство святыхъ,—увы!—для насъ тяжкое. Святые, говорить слово Божіе, будутъ судить міръ, будутъ, слѣдовательно, судить и насъ. Они на этомъ судѣ укажутъ на то, что жили въ томъ же мірѣ, въ которомъ живемъ и мы, нашу плоть носили, грѣхъ видѣли въ себѣ и другихъ, часто были въ положеніи болѣе тяжеломъ и невыносимомъ, чѣмъ мы,—и, однако, побѣдительно подвизалась за добро, укрѣпленные благодатью Св. Духа, единеніемъ Церкви и въ Церкви, боролись со грѣхомъ, достигли богуожденія. А мы? Не покроется ли тогда стыдомъ лицо наше отъ такого суда и свидѣтельства.

Но свидѣтельство это исполнено не одного укора, оно несетъ намъ и отраду, надежду, бодрость. Оно говоритъ намъ, что природа человѣка не безнадежно пала, не до конца обезсилѣла, что она способна на подвигъ, способна на борьбу со зломъ, что мы не находимся въ мучительномъ отчаянномъ состояніи и положеніи, не обречены на то, чтобы видѣть добро, признавать его, стремиться къ нему, и—нигда къ нему не подниматься. Святые свидѣтельствуютъ, что на пути нравственнаго вырожденія человѣка-христіанина есть всегда невидимая, но ощущаемая и дѣйствительная помощь свыше. Божественная благодать, всегда немощное врачующая и оскудевающее—восполняющая.

И, наконецъ, свидѣтельствуютъ святые своимъ примѣромъ, что они—суть вонистину свѣточн человѣчества, звѣзды на небѣ, верховные духовные вожди наши, истинные великіе люди и великіе благодѣтели человѣчества. Итакъ, хочешь ли ты совершить что-либо доброе, достойное, великое для Бога и людей, хочешь

ли жизнь свою сдѣлать не пустою и тщетною, хочешь ли оставить свою жизньъ добрый слѣдъ въ этомъ мірѣ, хочешь ли отвѣтить самымъ высшимъ, благороднѣйшимъ, истинно-человѣческимъ запросамъ своего духа и имъ удовлетворить: иди несумнительно путемъ святости, за Богомъ и къ Богу, ибо Святъ онъ и во святыхъ почиваетъ! Этотъ путь открытъ и доступенъ рѣшительно веѣмъ, а не однимъ сильнымъ, умнымъ, стоящимъ у корѣна правленія и вліявія на видимую жизньъ людей. Не ошибешься на этомъ пути, не погубишь жизни своей, найдешь го, о чемъ втайнѣ и явно тоскуеть душа твоя, какъ по одному и высшему благу, по единомъ на потребу!

Посему, имѣя вокругъ себя такое *облако свидѣтелей*, свергнемъ съ себя всякое бремя и запинаяшій насъ грѣхъ, съ терпѣніемъ будемъ проходить предлагаемое намъ поприще, взирая на Начальника и Совершителя вѣры, Иисуса, (Евр. XII, 1). Аминь.

II.

Ненависть міра къ святымъ.

Опять пригласимъ васъ къ прославленію святыхъ церковною пѣсню нынѣшняго праздника: „Во всѣхъ концѣхъ *страдавшихя вѣрно* апостолы, мученики, священники богомудрые, честныхъ жежъ священное стеканіе священными пѣснями по долгу восхвалимъ: яко соединившеся небеснымъ земни и *чрезъ страданія* безстрастіе благодатію Христовою пріяша: и нынѣ, яко звѣзды свѣтлыя озаряюще насъ, со дерзновеніемъ молятся о душахъ нашихъ“. (Стих. веч.).

Не возникаетъ ли у насъ, само собою естественное недоумѣніе: почему же всѣ эти святые непременно *страданіями* достигли совершенства? Или, быть-можетъ, здѣсь просто частный случай страданія мучениковъ возведенъ въ общее правило, но страданіяхъ святыхъ упомянуто и сказано только для приданія силы слову и впечатлѣнія?

И въ самомъ дѣлѣ, разсуждая совершенно спокойно и благоразумно, мы невольно задаемъ вопросъ: если люди святые являются добрыми друзьями чело-вѣчества, если ничѣмъ они не водятся, какъ только любовью къ Богу и ближнимъ, если жизнь ихъ полна самоотверженія, скромности, смиренія и постоянной готовности служить людямъ, если они суть истинные благодѣтели чело-вѣчества,— то развѣ можно допустить, какъ общее правило, мысль о томъ, что они будутъ или были ненавидимы людьми, презираемы и гонимы? Это, повидимому, было бы клеветою на чело-вѣчество, это было бы ни съ чѣмъ несообразно, это было бы совершенно недопустимымъ дѣломъ, съ точки зрѣнія не только здраваго чело-вѣческаго разума, но и прямой чело-вѣческой выгоды.

А, между тѣмъ, это такъ. Подвигоположникъ святыхъ есть Христосъ Пострадавшій; пророкъ этихъ страданій—Онъ же, рекшіи: если Меня изгнали и васъ изженутъ. И святые до Христа и послѣ Христа, по свидѣтельству слова Божія, и исторіи всегда несли на себѣ ненависть и преслѣдованіе міра.

Въ нынѣшній праздникъ читается именно объ этомъ наставленіе слова Божія. Древній библейскій мудрецъ говоритъ намъ въ пространномъ поученіи, и не поспѣвайте, если мы на немъ остановимъ ваше вниманіе.

„Не равно умствующие говорили сами въ себѣ: „коротка и прискорбна наша жизньъ, и нѣтъ чело-вѣку спасенія отъ смерти. Случайно мы рождены, и послѣ

будемъ, какъ не бывшіе; дыханіе въ ноздряхъ нашихъ—дымъ... Жизнь наша—прохожденіе тѣни, и нѣтъ намъ возврата отъ смерти. Будемъ же наслаждаться настоящими благами и спѣшить пользоваться міромъ, какъ юностью, да не пройдетъ мимо насъ весенній цвѣтъ жизни; вездѣ оставимъ слѣды веселія, ибо это—наша доля, нашъ жребій. Будемъ притѣснять бѣдняка-праведника, не пощадимъ вдовы, не постыдимся многолѣтнихъ сѣдинъ старца. Сила ваша да будетъ закономъ правды, ибо безсиліе оказывается бесполезнымъ. Устроимъ ковы праведнику, онъ предъ нами—обличіе помысловъ нашихъ. Тяжело намъ и смотрѣть на него, ибо жизнь его не похожа на жизнь другихъ. Испытаемъ его оскорбленіемъ и мученіемъ, дабы узнать смиреніе его и видѣть незлобіе его. Осудимъ его на безчестную смерть!“

„Такъ они умствовали,—говоритъ библейскій мудрецъ,—и ошиблись, ибо злоба ихъ ослѣпила ихъ, и они не познали тайнъ Божіихъ, не ожидали воздаянія за святость и не считали достойными душъ непорочныхъ. А души праведныхъ въ рукѣ Божіей, и мученіе не коснется ихъ. Въ глазахъ неразумныхъ они казались умершими, и исходъ ихъ считался погibelью и отшествіе отъ насъ уничтоженіемъ, но они пребываютъ въ мірѣ, надежда ихъ исполнена безсмертія; они *будутъ судить* племена и владычествовать надъ народами, а надъ ними будетъ Господь царствовать во вѣки. Нечестивые же, какъ умствовали, такъ и понесутъ наказаніе за то, что презрѣли праведнаго. Ибо презирающіе мудрость и наставленіе несчастны, и надежда ихъ суетна, и труды безплодны, и дѣла ихъ непотребны. Жены ихъ несмысленны, дѣти ихъ злы, проклятъ родъ ихъ!...“ (Прем. Сол. II—III гл., 2—3 парем. праздн.)

О, Господи! Какой страшный приговоръ! И какъ не разъ и до конца онъ исполнялся въ исторіи! И все же исторія древняго міра не образумила нечестивцевъ. Сегодня апостолъ уже въ новомъ завѣтѣ подводитъ какъ бы общее правило для святыхъ. Вотъ дѣла ихъ и заслуги: „святые вѣроу побѣждали царства, творили правду, получали обѣтованія, заграждали уста львовъ, угашали силу огня, укрѣплялись отъ немощи, были крѣпки на войнѣ, прогоняли полки чужихъ; жены черезъ нихъ получали умершихъ своихъ воскресшими...“ А вотъ судьба за такія дѣла и заслуги! „Иные замучены были, другіе испытали поруганія и побои, а также узы и темницы, были побиваемы камнями, перепаливаемы, подвергаемы пыткамъ, умирали отъ меча, скитались въ мѣотяхъ и козьяхъ кожахъ, терпя недостатки, скорбя, оскорбленія. Тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горахъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли“. (Евр. XI, 30—40).

Что же это такое? Отчего такое несоответствіе заслугъ и воздаянія? Отчего эта ненависть міра къ святымъ? Явленіе, очевидно, это не случайное, не временное, а постоянное и существенное.

Есть, братіе, въ людяхъ таинственное и страшное явленіе: имя ему—богобурчество. Напрасно нѣкоторые писатели смотрятъ на него, какъ на печать высокаго благороднаго духа, и старательно изображаютъ его привлекательными чертами въ своихъ герояхъ. Это, дѣйствительно, есть стремленіе къ высшему признанію,—но перешагнувшее заповѣдную черту и обратившееся въ горныню, пришедшее къ познанию добра и зла; это стремленіе къ Богу, но обратившееся въ бога, па внушенной отъ искусителя основѣ—булете, яко бозъ; это стремленіе къ свободѣ, но неурямѣтно приведшее къ рабству дьяволу: огнемъ словомъ, это есть безконечное продолженіе и повтореніе грѣхопаденія первыхъ людей, начало же его—въ до-мірной исторіи, въ паденіи высшаго ангела, вставшаго противъ Бога. Мы не можемъ доказать подлинности и дѣйствительности этой міровой

исторіи богоборчества принятыя въ исторіи доказательствами,—свидѣтельствами, документами и памятниками въ развалинахъ, оставшихся отъ былыхъ временъ, и ссылаемся только на показанія Слова Божія. Но наше сердце, но печальный духовный опытъ нашихъ паденій нравственныхъ, но вопли и раны нашей совѣсти, но цѣлжизненная наша нравственная борьба со зломъ, но тонкія искушенія, нами переживаемыя, но чуткія человѣческія души своимъ сознаніемъ и глубокимъ внутреннимъ анализомъ—вотъ намъ непрекаемая свидѣтельства, документы и печальные памятники, въ развалинахъ нравственного величія и достоинства человѣка,—вотъ намъ доказательство истинности того, о чемъ столь просто говорить намъ Божье Слово на первой страницѣ священныхъ нашихъ книгъ!

И вотъ гдѣ причина ненависти міра къ святымъ Она намѣчена въ приведенныхъ нами словахъ древняго библейскаго мудреца: здѣсь самая большая ненависть, какая только есть на землѣ,—зависть и ненависть къ высшей нравственности, къ высшему нравственному совершенству, ко всякому духовному превосходству, здѣсь непримиримая и неутолимая борьба двухъ міросозерцаній, двухъ направлений мысли и жизни и какъ бы двухъ вѣчно враждебныхъ міровъ.

Мы давно отъ отцовъ научены знать, въ чемъ, въ какихъ главныхъ вопросахъ находятся точки непримиримаго расхожденія этихъ двухъ направлений, вѣчно враждебныхъ между собою.

Мірѣ имѣетъ въ основѣ гордыню,—а святость говорить о смиреніи, и на ней строить жизнь.

Мірѣ водится себялюбіемъ и обожествляя его, старается все расцѣпывать на этомъ гниломъ фундаментѣ,—а святость повторяетъ слова евангелія о самоотреченіи и самоотверженіи, о любви къ Богу и ближнему.

Мірѣ всѣ свои взоры приковалъ къ землѣ и земнымъ интересамъ, земное устроеніе почитаетъ послѣднею цѣлью стремленій и заботъ человѣка,—а святость смотритъ на землю, какъ на средство, а цѣль видитъ выше и дальше, и постоянно водится словомъ апостольскимъ; горняя мудрствуйте, а не земная, ваше жителство на небесахъ есть.

Мірѣ постоянно увлекается ученіями и выводами человѣческаго разума, научными мнѣніями, „послѣдними словами“ науки, какъ безспорными положеніями и, не взирая на тысячи разочарованій и горькихъ уроковъ, остается неисправимымъ въ своей горделивой самоизмышленной религіи почитанія разума,—а святость, не презирая разума и дѣятельности его, все провѣряетъ высокою небесною мудростью и въ вопросахъ душевнаго спасенія и нравственной цѣлости водится наставленіемъ апостола: вся испытующе, добрая держите, если же видите, что разумъ человѣка взимается на разумъ Божій, то предпочитаетъ юродство предъ Богомъ, чѣмъ мудрость предъ людьми.

Мірѣ настойчиво и тревожно постоянно ищетъ „своихъ“ си“, говоритъ все о правахъ, требованіяхъ,—а святость сладостно повторяетъ слово Христово, сохраненное у апостола Павла и не занесенное въ евангеліе, хотя и вполне соотвѣтствующее его духу: блаженнѣе есть даяти, неже пріимати.

Мірѣ не можетъ выйти изъ предѣловъ временнаго, и всѣ его цѣли и устремленія направлены къ временному, а святость помышляетъ о вѣчномъ, все разсматриваетъ и оцѣниваетъ въ свѣтѣ вѣчности. (Sub specie aeternitatis, какъ говорить философія)—и мысль и ученіе, и изысканіе истины, и жизнь и смерть, и матерію, и духъ.

Мірѣ, не скрываясь, говорить о сладости грѣха и тѣмъ неудержимо привлекаетъ къ себѣ грѣшника, онъ рисуетъ порокъ въ привлекательномъ видѣ, онъ пользуется для этого и художествомъ слова, и живописью и искусствомъ, и музы-

кой и вообще онъ увѣряетъ, что самое понятіе грѣха условно и необязательно,— а святость настойчиво твердитъ, что причина всѣхъ бѣдствій человѣческихъ есть грѣхъ, и пока мы не побѣдимъ его въ себѣ, дотолѣ надъ нами всецѣло въ силѣ законъ божественнаго слова: нѣсть радоватися нечестивому.

Міръ говорить о достоинствѣ человѣка и нерѣдко договаривается до такого безумія, которое мы услышали на дняхъ, что наступаетъ время, когда мы будемъ молиться въ одномъ храмѣ и одному богу, именно человѣку,— а святость, принявая высокое достоинство человѣка, какъ созданнаго по образу и подобию Божию, указы аетъ постоянно на ослабленіе человѣка грѣхомъ, на его паденіе, на его несчастье, на его нравственную раздвоенность, и призываетъ къ возвышенію человѣческой природы въ тяжелой суровой борьбѣ цѣложизненнаго подвига, и обѣщаетъ успѣхъ только при помощи благодати Божіей.

А въ общемъ: міръ говорить о богоборчествѣ, святость же— о богослуженіи, не въ узкомъ и принятомъ смыслѣ общественно ймолитвы, богочтенія, — а въ широкомъ смыслѣ плѣожизненнаго служенія Богу, покорности ему,— хожденія предъ Богомъ.

Такъ предъ нами два совершенно противоположныхъ міровоззрѣнія, и между ними не можетъ быть, мира. Оттого и Спаситель говорилъ ученикамъ своимъ въ объясненіе того, что ихъ будутъ гнать, подобно тому, какъ гнали Его Самого: „Если бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое, но такъ какъ вы не отъ міра, а Я избралъ, выдѣлилъ („освятить“) васъ отъ міра, то сего ради ненавидитъ васъ міръ“. И это слово никогда не пройдетъ мимо. Тутъ нѣтъ примиренія и общенія, ибо, по слову апостола, нѣтъ общенія у свѣта и тьмы, нѣтъ общенія Христа съ веліаромъ...

Можемъ ли мы уклониться отъ борьбы указанныхъ двухъ началъ и міровоззрѣній? Нѣтъ, при всѣмъ желаніи, не можемъ, и, отказываясь отъ борьбы за добро, мы тѣмъ самымъ уже стоимъ на сторонѣ зла. „Кто не за Меня, тотъ противъ Меня“, говоритъ Спаситель. Даже міръ неодушевленный, вещи, повидимому, въ нравственномъ отношеніи совершенно безразличныя, такъ или иначе принимаютъ участіе въ такой борьбѣ въ рукахъ человѣка, ибо въ рукахъ человѣка онѣ служатъ орудіемъ его въ служеніи ими добру и злу.

„Сіе есть *помышленіе подвига*, имже подвизатися будетъ на земли рожденный человѣкъ: это *борьба*, которую долженъ вести на землѣ родившійся человѣкъ.“— говоритъ дрезній библейскій мудрецъ, и прибавляетъ: „чтобы, если будетъ побѣжденъ, потерпѣть то, о чемъ сказано (наказаніе), а если побѣдитъ, получить то, о чемъ Я говорю, ибо по смерти настанетъ судъ, когда мы оживемъ, и тогда имена праведныхъ будутъ объявлены, и показаны дѣла нечестивыхъ“ (3 Езр. VII, 57—58; XIV, 35).

Таковъ приговоръ. Такова причина ненависти грѣховнаго міра къ святымъ. Исходъ ея опредѣленъ и подписанъ. Христосъ поразитъ воплощеніе зла антихриста духомъ устъ Своихъ.

Если же такъ, если исходъ борьбы добра и зла для насъ открытъ и ясенъ, то какое же безуміе будетъ для насъ стоять на сторонѣ грѣха и грѣховнаго міра, ополчаясь противъ царства святости и святыхъ! Какое безуміе идти противу очевидности, и вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ внутренняго голоса нашей души, противъ свидѣтельства совѣсти, противъ всѣхъ добрыхъ, чистыхъ, возвышенныхъ и святыхъ стремленій, которыя, слава Богу, неистрежимо живутъ въ нашей душѣ?!

Прочее же, братія моя, елика суть истина, елика честна, елика праведна, елика гречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна,— что только добродѣтели и достойно похвалы, сія помышляйте (Филипп. IV, 8). Аминь.

Протоіерей *І. Восторговъ*.

Война. *)

Въ день прославленія всѣхъ святыхъ слышимъ мы, исполненныя бодрости, слова апостола: „Святые всѣ вѣрою побѣждали царства, творили правду, избѣгали острія меча, укрѣплялись отъ немощи, были крѣпки на войнѣ, обращали въ бѣгство полки чужихъ“ (Евр. XI. 33—4.)

Не видите ли, не чувствуете ли, какъ много говоритъ намъ это апостольское слово въ переживаемые дни войны,—которая, будучи сама по себѣ необычайной, недавней по трудностямъ и размѣрамъ, вдругъ на нашихъ глазахъ и неожиданно, къ стыду и горю, къ позору нашего народа,—пришла къ такому бездѣйствію на фронтѣ и къ такому страшному и грозному развалу нашей арміи въ тылу и внутри Россіи!

Когда предъ нами уже нескрываемое число—три милліона бѣглыхъ съ фронта солдатъ; когда мы подча въ наблюдаемъ попытки оправдать этотъ неданный и неслыханный позоръ якобы религіозными и нравственными началами и соображеніями; когда мы съ несомнѣнностью чувствуемъ, что въ этихъ ссылкахъ на такія соображенія часто просто изыскиваются благодидные поводы для прикрытія побужденій самыхъ низменныхъ—лѣни, трусости, предательства, эгоизма, распущенности и даже покорности внушеніямъ вражескихъ шпионовъ: тогда приведенныя слова апостола о святыхъ воителяхъ и побѣдителяхъ приобрѣтаютъ, дѣйствительно, особое значеніе и властно останавливаютъ на себѣ нашу мысль и вниманіе.

Писеть новозавѣтный апостолъ о ветхозавѣтныхъ праведникахъ, воздавая имъ хвалу за мужество и воинскія заслуги: ясно, что въ воззрѣніяхъ на войну здѣсь сходятся и объединяются оба завѣта, все Божественное Откровеніе, основа нашей вѣры, и слѣдовательно, сразу уже не остается мѣста для возраженій и отрицанія войны съ точки зрѣнія священнаго писанія.

Итакъ, что же намъ теперь сказать? Какъ относиться къ глубокопечальной нашей дѣйствительности, къ этой самовольной и непостижимой въ сущности сдачѣ предъ врагомъ, и притомъ послѣ того, какъ милліоны нашихъ братьевъ имъ убиты, изранены, томятся въ невыносимомъ плѣну, подвергаются насиліямъ, голоду, побоямъ, оскорбленіямъ, послѣ того, какъ пятнадцать губерній Россіи заняты непріятельскими войсками и милліоны бѣженцевъ оттуда, проживая внутри Россіи, стоятъ предъ нами живымъ укоромъ?

И все это, какъ нецъ послѣ государственнаго переворота, объявившаго свободу Россіи, свободу арміи и народу, и намѣтившаго для Россіи въ будущемъ путь жизни безмѣрно болѣе блистательный, исполненной большей мощи духовной и государственной, чѣмъ это было при старомъ, теперь падшемъ строѣ!

Я могу ожидать возраженій, къ сожалѣнію, обычныхъ, но къ дѣлу не относящихся: неодумѣваемъ, что именно ты объ этомъ говоришь!.. Но оставьте, умолкните, одумайтесь, остановитесь въ словонизверженіяхъ и пустыхъ возраженіяхъ, которыми всѣ мы пресытились въ эти тревожныя времена партійной безконечной борьбы! Найдите въ себѣ силы выслушать слово правды, кто бы его ни говорилъ. Не монархія, не республика, не тотъ или другой политической, соціальныи или экономической строй стоитъ теперь передъ нами. И, конечно, предъ тѣми святыми, о которыхъ говоритъ апостолъ, что вѣрою побѣждали царствія, были крѣпки въ браняхъ и обращали въ бѣгство полки чуждыхъ,—предъ

*) Въ праздн. всѣхъ святыхъ 1917 г.

ними тоже стояли не время вождей, не строй судей, не управление царей, не правление синагедриона или Великой Синагоги, а нечто единое, общее, высшее, предъ чѣмъ умалчались, уходили въ тѣнь и даже обращались въ ничто эти временныя явленія народной жизни. И предъ нами теперь стоитъ не споръ о формахъ жизни и правленія, а стоитъ Россія, стоитъ родина, стоитъ во всемъ величїи долгъ предъ родиной и долгъ повинновенія всякой существующей, наличной, законной правительственной власти, хотя бы и временной, по вѣчному повелѣнію слова Божія: повиннитесь *всякому* человѣческому начальству Господа рѣди, для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро (1 Петр., 11, 14). Бросьте эти раздѣленія и раздоры, которымъ не мѣсто тамъ, гдѣ идетъ дѣло о всей Россїи, гдѣ рѣшается вопросъ, быть ей или не быть, гдѣ намъ въ очи грозно взглянуло и страшное настоящее нашей родины и, увы, загуманившееся теперь и пугающее насъ страхомъ будущее! Представьте себѣ, что врачи собрались около больного, у котораго мучительно болитъ голова, и видятъ: стоитъ надъ нимъ разбойникъ и намѣревается отрѣзать ему голову. Не о способахъ лѣченія головы тогда будетъ рѣчь: вопросъ о томъ, уцѣлѣетъ ли самая голова, которой посылъ погибели уже не помогутъ никакія лѣкарства! Отгоните разбойника, устраните смертельную опасность! Отгоните Вильгельма, отгоните вѣшняго врага: теперь это—самое главное и первое дѣло! Бросьте споры о порядкахъ политическихъ, которые мирно и спокойно, съ разумомъ и справедливостью должно рассмотреть, разсудить и установить Учредительное Собраніе, бросьте эти разговоры о возможныхъ порядкахъ по указаніямъ политическихъ партій въ тотъ страшный часъ, когда кругомъ рушатся и слѣдїе признаки и проявленія всякаго, вообще, порядка, и мы валяемся въ бездну надвигающейся анархїи.

Часъ послѣдній, но гибели еще нѣтъ. Часъ послѣдній, но спасеніе еще возможно. Въ чемъ оно?

Нашъ мастирскій долгъ указать его, призывать къ нему. Кто знаетъ: можетъ-быть черезъ мѣсяць-другой уже и говорить не придется. Нашъ гражданскій долгъ мужественно противостать растлителямъ народной мысли и жизни. Кто знаетъ: можетъ-быть, дай Богъ, уже назрѣлъ благодѣтельный переломъ въ настроенїи народа и армїи, когда всѣ увидятъ, какъ зло бьетъ само себя, къ какимъ страшнымъ послѣдствїямъ оно приводитъ, когда увидятъ подъ ногами зїяющую пропасть,—и тогда и слабое, и случайное слово сильно будетъ образумить хоть немногихъ. Но изъ отдѣльныхъ голосовъ можетъ вырасти дружный и согласный хоръ, который покроетъ трусливые и предательскїе вопли измѣнниковъ, дѣтяевъ и глупцовъ!..

Святые *вѣрою* побѣждали царства. Облекитесь, вооружитесь вѣрою! Она дастъ силы терпѣть, страдать, умирать, наступать, сражаться, побѣждать, прогонять полки чуждыхъ. Приспѣлъ часъ испытанія этой вѣры: есть она у русскаго народа, или этотъ народъ подлежитъ страшному приговору: „Имя только имѣешь, что ты живъ, но ты мертвъ“? (Апокал. III, 2.) И еще гласитъ таинственное слово Апокалипсиса: „Вспомни первую любовь твою, вспомни, откуда ты ниспалъ и покайся, а если не такъ, скоро приду къ тебѣ и сдвину свѣтильникъ твой съ мѣста его! (II, 4—6.) Вспомни, что ты принялъ и слышалъ, и храни и покайся. Если же не будешь бодрствовать, то я найду на тебя какъ тать, и не узнаешь, въ который часъ найду на тебя. А *побѣждающій* облечется въ бѣлыя одежды, и не изглажу имени его изъ книги жизни, и исповѣдаю его предъ Отцемъ Моимъ и ангелами Его. Имѣющій ухо, да слышитъ, что Духъ говоритъ Церквамъ!“ (III, 3—6). Вотъ гдѣ, въ вѣрѣ, побѣда надъ врагомъ!

Вѣра же родить воодушевленіе. Куда оно дѣвалось, то воодушевленіе, которое царило въ началѣ войны среди всей необъятной Россіи? Указываютъ, что сперва власть своимъ ошибками и преступленіями гасила священный огонь воодушевленія. Да, много было этихъ ошибокъ и преступленій. Но вотъ теперь предъ нами строй новый, за нимъ, какъ позади новорожденнаго человѣка, нѣтъ никакихъ обидныхъ счетовъ, онъ явился какъ бы неожиданно, но въ челѣ видимаго огромнаго духовнаго подъема. Гдѣ же новое воодушевленіе, котораго мы по справедливости можемъ ожидать и требовать? Гдѣ мужество, любовь къ отечеству, способность на жертвы! Откуда появились вдругъ эти гнусныя рѣчи дѣви, умиія, разслабленія, эти низменныя щипащія змѣи, выползшія изъ темныхъ, смрадныхъ геюйниковъ души?

Воодушевленіе одно можетъ дать самоотверженность. Правда, слышимъ и теперь мы нерѣдко бодрые призывы, слова и слова, клятвы и рѣчи, но что въ нихъ, когда нужно самое дѣло, когда общенародный порывъ сразу долженъ воплотиться въ одно мощное, захватывающее народъ и армію, движеніе, подобное дѣлу Минина и Пожарскаго триста лѣтъ назадъ? А мы отравляемъ все безконечными суженіями и мнѣніями, точно и въ самомъ дѣлѣ веденіе войны зависитъ отъ воли, разумѣнія и усмотрѣнія каждаго гражданскаго и каждаго отдѣльнаго солдата!

Скажугъ: „все это—вѣра, воодушевленіе, мужество, самоотверженность, терпѣніе, выносливость, готовность на смерть—есть дѣло и обязанность арміи. Зачѣмъ же намъ все это говорится?“ Это вѣрно, и вмѣстѣ невѣрно, ибо есть запасные резервуары и для самой арміи, естьmotoки, питающіе могучую рѣку, есть духовные водоемы и запасы, откуда воинство беретъ все нужное для своего духа. И это тылъ, его жизнь, его настроеніе! И вотъ укоромъ для насъ несутся жалобы лучшихъ представителей арміи на тылъ, который отравляетъ жизнь арміи вмѣстѣ того, чтобы питать ее. Если въ тылу нѣтъ мужества, парить растерянность, хуже того—видится пиръ во время чумы, полное забвеніе о долгѣ, объ опасности: то какъ можетъ армія не поддаться тому же настроенію? На Кавказѣ есть преданіе: когда около Тифлиса была страшная битва грузинъ съ персами, пришедшими въ безмѣрно подавляющей силѣ, и когда дрогнули ряды бойцовъ, защитниковъ отечества, вдругъ изъ-за горы, у подошвы которой на равнинѣ была злая сѣча, появились во множествѣ женщины. Онѣ бросались впередъ, гибли подъ ударами, но такъ своимъ примѣромъ воодушевили воиновъ, что тѣ сразу овладѣли собою, ринулись на врага съ удвоенной силою и одержали блистательную побѣду. И нашему тылу слѣдуетъ сдѣлать нѣчто подобное,—да мы уже и слышимъ о заявленіяхъ многихъ мужественныхъ женщинъ и дѣвушекъ идти въ ряды арміи. Если бѣглеца съ фронта, дезертира, встрѣчаютъ всюду презрѣніемъ; если, какъ слабая пыль отъ скалы, отлетаютъ отъ гранитной твердости и доблестнаго настроенія тыла всѣ возраженія, трусливыя, злобныя и глупыя рѣчи, внушаемая недомысліемъ, недобросовѣстностью, эгоизмомъ и нравственною разпущенностью и даже лукавыми внушеніями врага: то ясно, какое это будетъ имѣть значеніе для дѣла. Но если предъ нами жажда роскоши, безумной и безудержной, мотовства, франтовства, увеселеній, легкомыслія; если предъ нами жажда грабежа и наживы, обуявшая въ равной степени и богатыхъ и бѣдныхъ, нестерпимыя требованія, взвинчивающія дороговизну; если во всѣхъ сужденіяхъ, настроеніяхъ и интересахъ слышится или легкомысліе, или шкурный страхъ только за себя одного: то откуда брать арміи возвышенныя настроенія?

Представьте себѣ, наоборотъ, къ нашей твердости и самоотверженности въ словѣ и настроеніи прибавится и дѣло; тогда намъ обезпечена доблесть арміи и съ доблестью побѣда. Что же мы на дѣлѣ видимъ? Мы, напримѣръ, гибнемъ

отъ лавины бумажныхъ денегъ. Правительство разясняетъ намъ, что надо вычерпывать ихъ займами, которые являются патриотическимъ дѣломъ, разясняетъ, что это море бумажекъ родитъ дороговизну жизни и роняетъ цѣну ихъ за границей. А русскіе люди, на удивленіе всему міру, изъ боязни потерять бумажные деньги, вопреки какъ неразумныя дѣти, хранятъ ихъ отъ нужды у себя: точно можетъ случиться, что бумажки сохраняя цѣнность въ слуаѣ финансовой катастрофы государства, а займы ее потеряютъ? Намъ зовутъ давать драгоценные металлы правительству. Въ отвѣтъ говорятъ: пусть отдадутъ церкви и монастыри, т.-е. тѣ учрежденія, у которыхъ никогда не поздно ихъ взять и всегда можно взять принудительно. И мы, дѣйствительно, смѣемъ заявить, что если власть государственная и церковная пригласитъ, разрѣшитъ, повелитъ,—то церкви и обители безъ промедленія, и безъ колебанія, и безъ сожалѣнія отдадутъ и мѣдь колоколовъ, и золото и серебро утвари, и драгоценности иконъ, и украшенія крестовъ и облаченій, лишь бы только это не соблазнило вѣрующаго чувства, лишь бы это заставило и другихъ, кто въ силахъ, отдать серебро и злато на нужды войны. Но заставитъ ли? Исполнять ли добровольно то, что желаютъ примѣнить къ другимъ принудительно? И почему не начинаютъ съ мѣстъ увеселеній и суеты, и почему безъ принужденія по отношенію къ другимъ не хотятъ не только отдать, но даже, продать государству нужные металлы, не хотятъ даже собственныя сбереженія дать государству и не даромъ, а только въ долгъ, и притомъ на выгодныхъ условіяхъ? И не кроется ли здѣсь, въ упоминаніяхъ о церквахъ и монастыряхъ, то же желаніе прикрыть и оправдать собственную жадность, эгоизмъ и равнодушіе къ общему благу?

Если бы не слабы были эти низменные чувства, давно бы пролились жертвы на войну и военныя нужды, и облегчили бы невыносимый трудъ и невыносимое положеніе нынѣшнихъ временныхъ правителей государства.

Но изсякаетъ, очевидно, наша вѣра, изсякаетъ святость, и потому не примѣнно къ намъ пока слова апостола о томъ, что святые всѣ вѣрою побѣдиша царствія, быша крѣпцы во бранехъ, обратиши въ бѣгство полки чуждыхъ.

Восприянемъ же въ вѣрѣ, которая, по слову апостола, есть величайшая побѣда побѣдившая міръ; восприянемъ въ святости, которая всегда была исполнена мужества, твердости и терпѣнія,—и мы тогда всѣмъ народамъ, и въ арміи, и въ тылу, явимся сынами и носителями побѣды, открывающей намъ путь къ достойному и свѣтлому будущему!

Нынѣ,—повтѣряемъ,—великое испытаніе и, быть-можетъ, послѣднее испытаніе и наличія, и твердости нашей вѣры. Постараемся же на этомъ испытаніи явить себя достойными апостольскаго слова:

„Братіе! Тверди бывайте, непоступни, избыточествующе въ дѣлѣ Господни, всегда вѣдаяще, яко трудъ вашъ иѣсть тощъ предъ Господемъ.“ (1 Кор. XV, 58).
Аминь.

Протоіерей. *І Восторговъ.*

Во дни войны.

I.

Къ молитвѣ *).

Поистинѣ, потреба есть намъ теперь усиленно молиться. Молитва есть „величайшее богословіе“, величайшее свидѣтельство вѣры, величайшее знаменіе силы.

*). Рѣчь предъ началомъ воскресныхъ всенародныхъ молебствій на Красной Площади, въ Москвѣ, въ недѣлю о Омѣ.

И дай Богъ, чтобы по примѣру и прошлыхъ лѣтъ, наши молебствія, привлекали все больше и больше богомольцевъ, да отъ множества скорбныхъ людей Своихъ умоленъ будетъ нашъ Господь и Владыка и милостью Своею осѣнить ратные подвиги воинства нашего!

Третій годъ войны на исходѣ Мы не ставемъ, по примѣру враговъ нашихъ, живо похвалаясь, что намъ легко, и что война не тяготитъ насъ. Нѣтъ, смиренно предъ Богомъ и міромъ мы исповѣдуемъ, что война есть тяжелое испытаніе, что тяжки жертвы кровію, которыя несетъ нашъ народъ, что тяжки и жизненныя затрудненія, вызванныя и созданныя войною, особенно для бѣднаго люда, во дни неизбежной дороговизны жизни.

Но смиренно исповѣдуемъ и то, что не пустымъ задоромъ и бахвальствомъ, а великимъ и сознательнымъ терпѣніемъ можно и должно препобѣдить всѣ испытанія, что безъ труда нѣтъ плода, безъ подвига нѣтъ заслуги, безъ борьбы нѣтъ побѣды.

Что же нужно, чтобы стяжать такое мудрое и христіанское терпѣніе?

„Да не смущается сердце ваше, да не устрашается, вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте“,—слышится слово Христово всѣмъ труждающимся и обремененнымъ. Вѣра въ Бога, вѣра въ добро, вѣра въ побѣду нашу, вѣра въ наши силы, воспомоществуемая Богомъ: вотъ что нужно прежде всего. А такая вѣра не можетъ не разрѣшиться въ молитву.

Надобно русскимъ людямъ имѣть вѣрность своему долгу предъ отечествомъ: пока всѣ мы будемъ едины, пока ради личныхъ или какихъ либо партійныхъ, сословныхъ и другихъ, не общихъ, а всетаки отдѣльныхъ и особыхъ интересовъ, мы не будемъ вредить общему дѣлу служенія родинѣ, — дотолѣ мы все перетерпимъ и все перенесемъ.

Надобно далѣе, крѣпко вѣровать въ свою правду въ этой міровой борьбѣ. Не мы ея желали, не мы ее начали, не мы поставили предъ собою цѣли и задачи какого либо грабительства и обогащенія на счетъ другихъ народовъ. Это—грѣхъ Германіи. Пока мы не будемъ поддаваться нашепыванію злонамѣренныхъ или куцленныхъ за нѣмецкія деньги такихъ враговъ нашихъ, которые бы хотѣли Россію сдѣлать виновницею этой брани, пока мы будемъ сознавать свою правду, — дотолѣ легко намъ будетъ терпѣть и ждать побѣднаго конца брани.

Надобно вѣрить въ силы русскаго народа. Ему ли учи вся терпѣнію? Онъ ли не видѣлъ великихъ историческихъ испытаній? Этотъ Кремль, эти Славскія Ворота, этотъ образъ Спасителя надъ ними и въ часо нѣ Великаго Совѣта Ангела, и образъ Богоматери съ другой стороны, и образъ Смоленской Богоматери въ этой другой часовнѣ „Великаго Совѣта Откровенія“, все это—напоминанія о полтысячѣ лѣтъ, протекшихъ со времени возвращенія Смоленска подъ власть Московскаго царства. Сколько здѣсь въ Кремлѣ и на Красной Площади было воплей и стenanій, сколько пролито слезъ, сколько видѣлось здѣсь крочи, сколько перенесено страданій! Но все не етерпѣлъ нашъ народъ въ молитвѣ къ Богу, въ умиленномъ сокрушеніи сердца, въ упованіи на помощь Божію. И теперь не изжиты силы русскаго народа, и теперь хватитъ и воинства, и мужества, и матеріальнаго достатка, и терпѣнія и смиренія. Мужайся, бодрись, не падай духомъ,—иначе, ты не русскій человекъ!

Надобно, вообще, вѣрять въ здоровое, бодрое и спокойное настроеніе всего русскаго народа: онъ—великій и чудный богачирь, этотъ народъ, воспитанный въ православной вѣрѣ и способный на чужде самоотверженія и подвига!

Вѣра даетъ и дастъ ему силы! Добро не можетъ быть побѣждено. Правда не можетъ быть затоптана. Тому ручательство, о томъ напоминаніе—эти дни

Воскресенія Христова, говорящіє намъ о вѣч ой побѣдѣ Добра надъ зломъ. Вѣра дастъ намъ силы. А вѣра, скажемъ еще разъ, разрѣшается въ молитву...

Господу и молимся, возлюбленные, Господу помолимся и отъ всея души, отъ всего помышленія нашего рцемъ вси: Господи, помилуй! Аминь.

Протоіерей *Г. Восторговъ*.

II.

Утѣшенія слова Божія.

Въ древнемъ, ветхозавѣтномъ Писаніи есть Божья заповѣдь пророкамъ и священникамъ: „Утѣшайте, утѣшайте людей Моихъ, народъ Мой“ (Ис. 40, 1). Утѣшать можно и должно въ дни скорби и унынія, и Господь указываетъ пророку и причину, и цѣль всякаго страданія и всякой скорби народа вѣрующаго: „Говорите къ сердцу народа и возвѣщайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сдѣлано удовлетвореніе“ (ст. 2).

И тотчасъ же святой пророкъ обращаетъ взоръ свой къ будущему новозавѣтному времени; онъ видитъ тамъ, въ грядущемъ Новомъ Завѣтѣ, Прелетчу Спасителя, онъ слышитъ „гласъ вопіющаго въ пустыахъ: приготовьте путь Господу, прямыми сдѣлайте въ степи стези Богу вашему“. Тогда то, въ Новомъ Завѣтѣ, по изображенію пророка, „явится слава Господня, и узритъ всякая плоть спасеніе Божіе, ибо уста Господни изрекли это. Вотъ Господь Богъ грядетъ съ силою, и мышца Его со властію. Вотъ награда Его съ Нимъ, и воздаяніе Его предъ лицемъ Его. Какъ пастырь, Онъ будетъ пасти стадо Свое. Кто исчерпалъ воды горстію Своею, и пядію измѣрилъ небеса? Кто уразумѣлъ духъ Господа, и былъ совѣтникомъ у Него и училъ Его? Вотъ народы, — какъ капля изъ ведра и считаются, какъ пылинка на вѣсахъ. *Онъ обращаетъ князей въ ничто, дѣлаетъ чѣмъ-то пустынь судей земли...* Поднимите глаза ваши на высоту небесъ, и посмотрите, Кто сотворилъ ихъ? Кто выводитъ *воинство ихъ счетомъ?* Онъ всёхъ ихъ называетъ по имени, по множеству могущества и великой силѣ у Него ничто не выбываетъ. Какъ же говоришь ты: „Путь мой сокрытъ отъ Господа, и дѣло мое забыто у Бога моего?“ Развѣ ты не знаешь, развѣ ты не слышалъ, что Вѣчный Господь Богъ, Сотворившій концы земли, не утомляется и не изнемогаетъ. Онъ даетъ утомленному силу и изнемошему даруетъ крѣпость. Утомляются и юноши, и ослабѣваютъ, и молодые люди падаютъ, *а надѣющіеся на Господа обновятся въ силу*, поднимутъ крылья, какъ орлы, потекутъ, и не устанутъ, пойдутъ — и не утомятся!“ (Гл. 40).

Слышимъ въ Новомъ Завѣтѣ у святого апостола: „Все, что написано было прежде, написано намъ въ наставленіе, чтобы мы *терпѣніемъ и утѣшеніемъ* изъ писаній сохраняли надежду“ (Римл. XV, 4).

О, утѣшимся, братіе, слышаніемъ божественныхъ писаній въ переживаемыя тяжкія времена войны! О, стяжимъ сами и другимъ внушимъ и передадимъ терпѣніе и утѣшеніе, столь нужное теперь для нашего народа! Льется кровь нашихъ братьевъ на войнѣ. Врагъ вторгся въ предѣлы нашего отечества. Война затягивается, и не видно ей конца. Позади у насъ и удачи и неудачи, и побѣды и отступленія, а впереди опять теперь предстоитъ много ж-ргивъ, много трудовъ, много испытаній. Но если слышанное нами сейчасъ слово пророка въ Вѣтомъ завѣтѣ для грѣховнаго человѣка, отчужденнаго отъ любви Божіей за

противленіе, все-таки было полно утѣшенія, вполне приложимо и къ намъ въ настоящее время,—то не тѣмъ ли болѣе, намъ, сынамъ Евангелія, этого востану благовѣстія, намъ искупленнымъ и примиреннымъ съ Богомъ, сынамъ Его по благодати, а не противникамъ,—не тѣмъ ли болѣе намъ святое Евангеліе приносить полноту утѣшенія, вѣры, надежды и бодрости?

Поистинѣ такъ! Зачѣмъ же намъ именоваться христіанами, если Христосъ далеко отъ нашей души,—Тотъ Христосъ, Который силенъ утишить всякую бурю? Иначе, если будемъ мы колебаться въ надеждѣ, зачѣмъ же намъ сознавать и именовать себя сынами истинной Церкви,—той Церкви, Которая пребудетъ на вѣки неодолимой и адскими врагами, по обитованію Христову?

Поистинѣ, святое Евангеліе освѣщаетъ высшимъ свѣтомъ и смысломъ всѣ и всякія житейскія положенія. Таково оно и въ дни переживаемой тяжелой войны.

Оно говоритъ намъ, что народы, племена и отдѣльные люди — это предметъ Божественнаго Промышленія, что волосъ съ головы нашей не падаетъ безъ Его воли, что хранить Господь и полевую дилію, и малую птицу,—не тѣмъ ли болѣе насъ, которые, однако, такъ часто бываемъ маловѣрными?..

Оно говоритъ намъ, что посылаемыя намъ страданія, затрудненія, несчастія суть в истину испытанія, средства воспитанія и укрѣпленія нашего въ вѣрѣ и благочестіи, что самый Крестъ, этотъ символъ Христа и христіанства, есть вмѣстѣ съ тѣмъ символъ страданія, увѣчаннаго побѣдою.

Оно возвѣщаетъ намъ пророческое и учительное слово Христово и о войнахъ! Вотъ предъ нами Христосъ, окруженный учениками, незадолго до страданій Своихъ и смерти, на горѣ Елеона, въ виду разстилающагося у ногъ Его величественнаго Иерусалима, возвѣщаетъ апостоламъ грядущія судьбы міра: „Берегитесь, говоритъ Онъ, чтобы кто не прельстилъ васъ. Ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ, и многихъ прельстятъ. Услышите о войнахъ и военныхъ слухахъ. *Смотрите, не ужасайтесь*, ибо надлежитъ всему тому быть, но это еще не конецъ. Возстанетъ народъ на народъ, и царство на царство... И по причинѣ умноженія беззаконія во *многихъ охладѣтъ любовь*. Претерпѣвшій же до конца спасется. Вотъ, Я напередъ сказалъ вамъ“, — такъ закончилъ эту часть бесѣды Господь Иисусъ. (Мѡ. гл. XXIV).

Итакъ, въ *терпѣніи*—признавъ того, что не охладѣла въ насъ любовь и вѣра. Итакъ, умноженіе беззаконій родитъ ослабленіе терпѣнія и любви. Итакъ, беречься надо пустыхъ обольстителей, пустыхъ ложныхъ учителей, которые, имеемъ ли Христа и Его Евангелія или другимъ какимъ-либо именемъ, хотятъ потрясти и разрушить то великое единеніе, ту великую крѣпость вѣры, бодрости, *рѣшимости* и терпѣнія, съ которыми встрѣтилъ и переживаетъ тяжелую войну нашъ народъ.

Сохранимъ и укрѣпимъ, братіе, эти чувства до конца ниспосланнаго намъ испытанія, какъ бы оно ни было тяжело, какъ бы оно ни было продолжительно. Въ нашемъ сегодняшнемъ поученіи мы почти ничего не прибавили отъ отъ своего человѣческаго слова къ вѣчному слову Божию. Оно само по себѣ сильнѣе всякаго меча обоюдоостраго, говоритъ апостолъ, и есть неисчерпаемый источникъ назиданія и утѣшенія.

Богъ терпѣнія и утѣшенія да даруетъ намъ быть въ единомысліи между собою, по ученію Христа Иисуса (Римл. XV, 5). Аминь.

Потоіерей *I. Восторговъ*.

И изгнану бѣсу, проглагола нѣмъй...
(Мѣ. IX, 33.)

III.

Осторожность въ словѣ.

Даръ слова есть величайшій даръ Творца человѣку. Имъ мы отличаемся отъ безсловесныхъ, имъ мы, люди, превознесены надъ всѣми тварями. И о слово есть воплощеніе мысли, ея выраженіе; слово, слъдовательно, есть доказательство того, что мы—существа мыслящія, разумно-сознательныя. Самъ Сынъ Божій, пришедшій на землю, оладоволилъ именоваться и именуется въ возвышенномъ евангелии святого Іоанна Словомъ Божиимъ. Отъ него, конечно, съятой евангелъ есть съ особымъ благоговѣніемъ почитуется о великомъ чудѣ, которое совершилъ Спаситель, когда во изгнаніи бѣса проглагола, заговорилъ нѣмой. Отъ него, конечно, и народъ, видѣвшій это чудо, преклонился предъ Чудотворцемъ.

Въ области нравственной, братіе, бываетъ часто то же, что мы наблюдаемъ и въ области физическаго міра: чѣмъ съ большей высоты упадемъ, тѣмъ сильнѣе и больнѣе расшибемъ. Великъ даръ слова, данный человѣку, велико его значеніе, велико благодѣяніе: и тѣмъ болѣе великъ вредъ злоупотребленія этимъ даромъ. Святой апостолъ Іаковъ выразительно говоритъ объ этомъ: „Кто не согрѣшаетъ въ словѣ, тотъ человѣкъ совершенный, могущій обуздывать и все тѣло. Вотъ мы влагаемъ удила въ ротъ конямъ, чтобы они повиновались намъ, и управляемъ всѣмъ тѣломъ ихъ. Вотъ и корабля, какъ ни велики они и какъ ни сильными вѣтрами носятся, небольшимъ рулемъ направляюся, куда хочетъ кормчій. Такъ и языкъ,—небольшой членъ, но много дѣлаетъ. Посмотри, небольшой огонь какъ много вещества зажигаетъ. И языкъ—огонь, прикраса непрвды. Всякое естество звѣрей и птицъ, пресмыкающихся и морскихъ животныхъ—укрощается и укрощено естествомъ человѣческимъ, а языкъ укротить и кто изъ людей не можетъ; это неудержимое зло; онъ и поленья смертоноснаго яда. Имъ благовлажаемъ Бога и Отца, и имъ проклинаемъ человѣковъ, сотворенныхъ по подобію Божию. Изъ тѣхъ же усъ исходитъ благословеніе и проклятіе: не должно, братіе мои, сему такъ быть“ (Іак. III, 2—10).

Да, не должно такъ быть! Особенно же опасно злоупотребленіе слова въ тревожныя времена государственныхъ и общественныхъ испытаній, а такое именно время мы теперь всѣ и переживаемъ во дни войны. Исторія говоритъ намъ, какъ много зла не разъ причиняла народу и государству легкомысленная болтливость, съ одной стороны и съ другой—легкомысленная доверчивость къ всевозможнымъ слухамъ, созданнымъ болтливостью. Бываютъ такія настроенія, такое духовное состояніе общества, когда, наконецъ, люди живутъ и управляются только одними слухами и сплетнями, и только на нихъ и строятъ свои рѣшенія и дѣйствія. Причина такого состоянія—въ томъ, что, вслѣдствіе глупыхъ настроеній, люди становятся слишкомъ неглубокими, слишкомъ мелкими въ своихъ интересахъ; отсюда они и начинаютъ жить только ноостями и разговорами, становятся мелководными и малодушными, доступными всякимъ сплетхамъ, и эти страхи сами же они и создаютъ для себя. Здѣсь повторається съ обществомъ то, что бываетъ и съ отдѣльнымъ человѣкомъ. Праздный челоѣкъ, не занятый какими-либо большимъ дѣломъ, ни за что не отвѣтственный, неопытный въ жизни, ничего самъ не предпринимавшій, особенно если олъ, такъ сказать, сотканъ изъ самолюбія, зависти и злобы,—легко впадаетъ въ искушеніе замѣнить дѣло словомъ. Очъ все осуждаетъ, всѣмъ заглазно даетъ совѣты, каждый вопросъ ему

кажется легко разрѣшимымъ, каждое дѣло представляется ему легко исполнимымъ, — и онъ прежде всего всегда ищетъ недостатковъ въ дѣятельности людей, особенно у тѣхъ, кому поручено како-либо важное и высокое общественное дѣло. Такіе люди обыкновенно распространяютъ нелѣпыя слухи и клеветы о всѣхъ сколько-нибудь выдающихся общественныхъ дѣятеляхъ. По ихъ мнѣнію, эти дѣятели не такъ де ведутъ дѣло, она—взяточники, лѣтяи, предатели, распутники, корыстолюбцы, они де заяты своими личными страстями и интересами, а не дѣломъ. Но такихъ пустыхъ говоруновъ мы встрѣчаемъ и теперь, такія рѣчи слышатся подь-часъ и распускаются о современныхъ дѣятеляхъ на войнѣ, т.-е. тѣхъ или другихъ военачальникахъ, а также о дѣятеляхъ, соприкосновенныхъ съ войною, живущихъ внутри Россіи. Какой-либо изъ такихъ критиковъ не прочь поразсуждать, какъ бы онъ повелъ войска въ Галичинѣ, какъ бы онъ могъ дѣйствовать въ Восточной Пруссіи, какъ бы онъ блокировалъ Константинополь, отрѣзалъ турокъ въ Персіи или командовалъ бы флотомъ... Такъ какъ самъ онъ ровно ничего не понимаетъ въ военномъ дѣлѣ, на мѣстахъ сраженій не былъ, обстановки не знаетъ, свѣдѣній объ орудіяхъ, запасахъ воинскихъ, о путяхъ сообщеній, о подвозѣ пищевыхъ средствъ для арміи не имѣетъ, крѣпости и флотъ видѣлъ только на картинкахъ, и такъ какъ большинство его слушателей знаютъ не больше его: то получается такое явленіе, что никто такого ругателя не осановитъ, напротивъ, онъ имѣетъ успѣхъ, его слушаютъ, даже считаютъ знатокомъ дѣла. Если же этотъ пустой и злобный человекъ, у котораго такая вредная и легкомысленная болтливость обратилась въ привычку, настолько его развратившую, что онъ ничего, кромѣ зла не видитъ, и ничѣмъ, кромѣ разговоровъ заниматься не можетъ,—если онъ видитъ добро, успѣхъ, заслугу, благодѣяніе; то и здѣсь съ нимъ повторяется то, что мы видимъ у фарисеевъ и княжни овъ, наблюдавшихъ чудеса Господа Иисуса. Читаемъ въ евангеліи: когда Спаситель исцѣлилъ двухъ слѣпыхъ и нѣмого бѣсноватаго, и когда, „изгнану бѣсу, пролагола нѣмый“, то фарисеи стали говорить, что Христосъ изгоняетъ бѣсовъ и творитъ чудеса съ помощью вельзевула, князя бѣсовскаго (Мѡ. IX, 34). Такъ исполняется надъ такими придичивыми и злобными судьями то древнее народное присловье о пустыхъ, легкомысленныхъ и злыхъ дѣтяхъ, которое и Спаситель приводитъ въ одной изъ своихъ рѣчей къ народу: „искахомъ вамъ, и не плясаете, плакахомъ, и не рыдасте“, т.-е. мы играли вамъ на свирѣли, и вы не плясали; мы пѣли вамъ печальныя пѣсни, и вы не рыдали. Оправдана премудрость чадами ея! (Мѡ. XI, 17—19).

Не то же ли самое, видимъ, повторяется иногда и теперь? Тотъ или иной дѣятель видимо для всѣхъ работаетъ на пользу общую въ дни войны: устраиваетъ и содѣржитъ необходимыя учрежденія для больныхъ и раненыхъ воиновъ, собираетъ пожертвованія, горитъ огнемъ труда, подвига, не знаетъ отдыха, располагаетъ другихъ къ служенію родинѣ на поприщѣ такого же мирнаго труда. А злобные болтливые судьи, которъхъ никто не призываетъ быть судьями, твердятъ свое неизмѣнно: не то, не такъ, не вѣрѣте, здѣсь обманъ, здѣсь гонятъ выслужиться, получить награду, пріобрѣсти народную популярность и т. д., безъ конца. Армія наша стоитъ во всеоружіи и готовности отразить врага, а злобные или же легкомысленныя люди говорятъ о ея распадѣ, о бѣглецахъ, о двоевластіи, о полномъ и безнадѣжномъ паденіи дисциплины.

Въ старинныя времена всѣ эти вредныя проявленія болтливости оставались только въ области устныхъ сужденій. Въ наше время, при развитіи газетъ и грамотности, сюда прибавляется печатное слово: тысячи листовъ, прочитанныхъ

и какъ бы умноженныхъ тысячами читателей, разносить злое слово далеко вокругъ и сѣютъ зло неудержимое.

Людымъ дѣльнымъ, серьезнымъ, вмѣющимъ благія намѣренія, любящимъ родину,—во время тяжкихъ общественныхъ переживаній надобно стоять на-стражѣ: не давать себя увлекать и обманывать соблазномъ слушать болтливыхъ людей, напротивъ, надобно останавливать ихъ и прекращать то зло, которое они производятъ. Мы должны помнить нѣставленіе Спасителя: „Отъ словъ своихъ оправдаешься, и отъ словъ своихъ осудишься“; „за всякое праздное слово, какое скажутъ люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда“. (Мф. XII, 36—37). Мы должны помнить заповѣдь апостола: „Никакое слово гнилое не должно исходить отъ васъ, а только слово къ созиданію, и слово ваше да будетъ солю растворено“,—предъ храненное, какъ бы солю отъ гніенія и разложенія. (Еф. IV, 29; Кол. IV, 6.) Мы должны помнить молитву, которую многократно и ежедневно влагаютъ намъ въ душу и въ уста Церковь во время подвига поста и покаянія: Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и *празднословія* не даждь ми.

Правительство теперь, при всей объявленной свободѣ слова, однако, совершенно справедливо, мудро, во-время и предусмотрительно призываетъ насъ всѣхъ, и особенно соприкасающихся къ дѣламъ военнымъ, быть осторожными въ нашихъ разговорахъ, которые подхватываются шпионами, передаются нашимъ врагамъ, вселяютъ въ нихъ бодрость и надежды, а часто открываютъ для нихъ и наши дѣйствительныя слабости, замѣшательства и недостатки. И кому же тогда мы служимъ: родинѣ ли или ея врагамъ?

Но можно ли власти услѣдить за всякимъ словомъ? Это—то же самое, что услѣдить за мыслью.

Нѣтъ, люди умные, серьезные, дѣловые, люди, любящіе отечество и понимающіе всю тяжесть переживаемаго времени, во имя любви къ Богу и ближнимъ, должны объединиться, должны проявиться добрыми намѣреніями борьбы со всѣмъ тѣмъ, что вредитъ обществу и государству, и особенно съ этою опасною болтливостью, которая сильна и способна внести смуту въ жизнь и помогать нашимъ врагамъ. И если мы будемъ недоступны для логкомысленныхъ разговоровъ, сужденій и осужденій, не будемъ вѣрять имъ, станемъ ихъ опровергать и пресѣкать, то мы окажемъ великую услугу отечеству въ переживаемые дни войны и и предохранимъ жизнь отъ великаго и опаснаго зла.

Слово наше да будетъ солю растворено! Аминь.

Протоіерей *И. Восторговъ*.

Благовѣстіе Христово въ Русской землѣ отъ древнѣйшихъ его временъ до сего дня.

(Продолженіе).

Усиленному просвѣщенію христіанствомъ по обряду латинскому подверглась та часть Прибалтійскаго края, которая носила названіе Ливонскаго и расположена была въ такихъ границахъ: на западъ—Балтійское море, на сѣверъ—Финскій заливъ, на востокъ—Псково-Чудское озеро съ рѣкою Наровою, на югъ и юго-востокъ—этотъ край принадлежалъ къ владѣніямъ Новгородцевъ и Полоцкихъ князей. Страна эта была бѣдная, а потому не привлекала вначалѣ особеннаго вниманія со стороны сосѣдей. Единственно судоходная рѣка здѣсь—Западная Двина—не всегда была доступна для судовъ и хотя Русь съ древнѣйшихъ временъ знакома была съ этой рѣкой и даже съ выходомъ при ея посредствѣ въ море, однако почти всегда предпочитала пользоваться для учащавшихся все болѣе и болѣе сношеній съ западной Европой, особенно съ знаменитыми торговыми городами Балтійскаго побережья,—рѣками Волховомъ и Невой; вслѣдствіе этого подступы къ Ливонскому краю съ моря остались внѣ колонизаціи Русью, концы всѣхъ важнѣйшихъ рѣкъ края не были закрѣплены за нею. Этимъ и воспользовались нѣмцы. Населеніе Ливонскаго края принадлежало различнымъ племенамъ—Финскому и Литовскому. Первое было извѣстно у насъ подъ названіемъ Чуди, а у писателей иноземныхъ подъ именемъ Эстивъ (восточныхъ) или Эстовъ. Чудскіе или Эстонскіе народцы, обитавшіе въ сѣверной полосѣ Балтійскаго края, очень рано подверглись нападеніямъ со стороны Руси. Русскіе князья предпринимали сюда свои походы съ цѣлью наказать какое-нибудь племя за пограничные грабежи и наложить дань. Еще при Владимірѣ Святѣмъ Русь собирала въ этой странѣ дань, а первая попытка утвердиться здѣсь принадлежитъ сыну его Ярославу-Юрію. Онъ построилъ на возвышенностяхъ лѣваго берега р. Эмбаха русскій городъ Юрьевъ въ честь своего христіанскаго имени. Но Чудь дорожила своего независимостью и русскимъ князьямъ не разъ приходилось вновь отвоевывать потерянный Юрьевъ. Когда стало упадать значеніе великаго князя Кіевскаго, когда вниманіе его было отвлечено на югъ для борьбы съ Половцами, покореніе Эстонской Чуди совершенно остановилось. Сосѣди ея Новгородцы и Псковичи совершали иногда удачные походы въ ея земли, захватывали въ добычу челядь и скоть, и занимали нѣкоторыя укрѣпленныя мѣста туземцевъ (напр. Оденпе или Медвѣжью голову),—но такіе походы были случайными и

мало способствовали укрѣпленію здѣсь русскаго политическаго господства.

Южную полосу Прибалтійскаго края занимали народы Литовскаго корня. Чудскія племена при столкновеніи съ Литовскими, очевидно, отступали и послѣдніе, оттѣсня Чудь на сѣверь, постепенно занимали ея мѣста. При этой борьбѣ въ теченіи вѣковъ образовались новые племенные виды. Такимъ смѣшаннымъ народомъ являются Ливы, по имени которыхъ и названъ весь край. Они занимали нижнее теченіе З. Двины и морское побережье; сосѣдили съ ними съ запада Куроны, также смѣшанные изъ Литовской и Финской народностей; на берегахъ р. Виндавы жилъ когда-то народецъ Венды, вѣроятно славянскаго корня. Ливы и ихъ сосѣди занимались морскими разбоями и приносили не мало вреда морской торговлѣ на Балтійскомъ морѣ. Около половины XII вѣка они завладѣли даже частью острова Оланда и здѣсь у самыхъ береговъ Скандинавіи устроили свое разбойничье гнѣздо. Такія предпріятія Ливовъ привели ихъ къ неизбѣжному столкновенію съ западными сосѣдями и привлекли къ ихъ землѣ вниманіе не только воиновъ, но и торговцевъ. Вліяніе русскихъ въ странѣ Ливовъ было болѣе сильнымъ, чѣмъ въ странѣ Эстовъ, но и здѣсь оно не достигло такого развитія, чтобы страна могла быть закрѣплена за Русью. Устье зап. Двины, по которой собственно и шло вліяніе Руси, осталось въ рукахъ Ливовъ и такимъ образомъ стало вполне доступнымъ для западныхъ народовъ. Полоцкіе князья, имѣвшіе здѣсь наибольшее вліяніе, не обнаружили особенной настойчивости и ограничивались только тѣмъ, что брали небольшую дань съ поселеній, расположенныхъ по теченію З. Двины. Необходимо отмѣтить, что одновременно съ проникновеніемъ въ страну Ливовъ политическаго вліянія Руси шло и распространеніе здѣсь христіанства. Медленно, но тѣмъ съ болѣею успѣшностью оно захватывало все большія и большія пространства. Восточное православіе распространялось здѣсь безъ насилій и безъ всякихъ потрясеній и переворотовъ, безъ истребленія и обнищанія туземныхъ племенъ. Ливы и латыши сохраняли свой патріархальный бытъ подъ управленіемъ своихъ родовыхъ старшинъ и безпрепятственно со стороны русскихъ приносили жертвы своимъ богамъ. Такое мирное, безъ насилій и разореній, распространеніе среди Ливовъ христіанства по православному обряду, несомнѣнно, обѣщало въ будущемъ спокойное обращеніе къ Христовой вѣрѣ всего Ливонскаго края. Но съ одной стороны наступавшія тяжкія времена для всего русскаго народа, а съ другой открывшееся упорное движеніе нѣмцевъ на этотъ край—все измѣнили въ судьбѣ его и повергли всю эту страну во всѣ ужасы нескончаемой войны, которая не могла не отразиться и на судьбахъ Литвы и всей Западной и Южной Руси. Къ началу XIII вѣка въ странѣ Ливовъ, а равно среди литовцевъ стали было очень замѣтными успѣхи православія. Такъ, съ половины XII вѣка въ теperшей Лифляндіи, именно въ той ея части, которая находилась во власти русскихъ князей, существовали по рѣкѣ Двинѣ русскія крѣпости съ православными храмами, а въ 1209 году обращено было въ православіе нѣсколько туземцевъ. Между литовцами извѣстны четыре князя Литовско-Новгородскіе, бывшіе православными, — именно Гинвиль, Георгій или Юрій, Мингойловичъ (ум. въ 1199 г.), сынъ его Борисъ Гинвилловичъ (ум. 1206 г.) и сынъ Бориса Василій—Рогвильдъ

(ум. 1223 г.) и сынъ Рогвильда—Глѣбъ. Несомнѣнно были въ это время и другіе, незаписанные въ лѣтописи, послѣдователи православія. Но все здѣсь измѣнилось съ того времени, какъ нѣмцы проникли въ эти прибалтійскія области.

Въ XII вѣкѣ совершился важный переворотъ на южномъ Балтійскомъ побережьи. Обитавшіе здѣсь славянскіе народцы—Бодричи, Лютичи и Поморяне теряли постепенно свою самобытность, тѣсняемые нѣмцами и датчанами. Такъ обр. славянское поморье подверглось онемеченію, которое началось съ наиболѣе значительныхъ торговыхъ того времени городовъ, каковы Щетинь, Волянъ, Ростовъ и Любекъ. Ихъ морская торговля упала почти совершенно во время борьбы съ нѣмецкими завоевателями, миссіонерами и колонистами. Тогда то и появились на Балтійскомъ морѣ торговцы изъ Саксонскихъ или нижне-нѣмецкихъ городовъ. Главнѣйшими изъ городовъ выступили Бременъ и Гамбургъ. Торговцы изъ этихъ городовъ проникли въ г. Висби,—этотъ главный складочный пунктъ Балтійскаго поморья (на островѣ Готландѣ), а отсюда и въ устья Западной Двины и др. рѣкъ. Около половины XII вѣка бременскіе купцы очень часто стали посѣщать нижнее теченіе первой и завязали прочныя торговыя сношенія съ Ливонцами. Это было время сильнаго религіознаго воодушевленія въ Западной Европѣ. Крестовые походы были въ самомъ разгарѣ. Насильственное крещеніе славянъ Балтійскаго поморья въ свою очередь еще болѣе усилило миссіонерскую дѣятельность и ревность среди нѣмцевъ. Разказы купцовъ о ливонскихъ язычникахъ не замедлили привлечь и въ Ливонію нѣмецкихъ миссіонеровъ.

Между нѣмецкими проповѣдниками, появившимися среди ливонцевъ, особенный успѣхъ имѣлъ монахъ Августинскаго ордена Бременской епархіи—Мейнгардъ. Весною 1186 года онъ на купеческомъ кораблѣ приплылъ въ Двину, высадился въ 35 верстахъ отъ ея устья въ Ливонскомъ селеніи Икскола (Иксуль). Мѣстность эта платила дань Полоцкому князю Владиміру. Мейнгардъ предварительно испросилъ у князя позволеніе крестить язычниковъ и даже сумѣлъ ему такъ понравиться, что получилъ не только разрѣшеніе, но и значительные подарки. Вскорѣ онъ обратилъ въ христіанство нѣсколько болѣе или менѣе важныхъ и вліятельныхъ туземцевъ, а съ ихъ помощью и другихъ, и въ теченіи первой же зимы построилъ въ Иксулѣ церковь. Зная военное искусство, Мейнгардъ обучилъ ему и туземцевъ, что очень скоро пригодилось: во время нападенія на Иксуль латышей—послѣдніе были разбиты. Этотъ успѣхъ много помогъ дѣлу проповѣди, а еще больше укрѣпленію Мейнгарда. Подъ предлогомъ оградить жителей отъ набѣговъ латышей и другихъ враговъ, онъ съ согласія туземцевъ призвалъ съ острова Готланда мастеровъ и каменщиковъ и воздвигъ въ скоромъ времени крѣпкій замокъ рядомъ съ туземнымъ селеніемъ. Потомъ—нѣсколько ниже Иксуля онъ построилъ еще одинъ замокъ съ церковью и такимъ образомъ упрочилъ свое положеніе среди дикаго населенія. Архіепископъ Бременскій возвелъ Мейнгарда за такіе его успѣхи въ санъ епископа Ливонскаго. Ставши епископомъ, Мейнгардъ сталъ внушать Ливамъ покорность Бременскому архіепископу и требовать отъ нихъ десятины на церковь. Новообращенные влѣдствіе этого стали подозрительно относиться къ своему апостолу. Даже болѣе,—произошло

обратное движеніе къ язычеству: принявшіе крещеніе погружались въ Двину, чтобы смыть его и отослать обратно въ Германію. Мейнгардъ хотѣлъ было плыть въ свое отечество и тамъ собрать противъ измѣнниковъ помощь людьми и средствами, но туземцы упростили его остаться. Убѣдясь, что это сдѣлано притворно и туземцы по-прежнему питаютъ къ нему вражду, онъ отправилъ посольство къ папѣ съ просьбой ему помочь. Папа объявилъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ тѣмъ, кто приметъ крестъ, чтобы силою оружія поддержать возникающую Ливонскую церковь. Мейнгардъ не дожидъ до прибытія этой помощи и скончался въ 1196 году. Предъ смертію онъ собралъ вокругъ себя крещенныхъ старшинъ—Ливонцевъ и увѣщевалъ ихъ остаться вѣрными новой вѣрѣ и принять вмѣсто него новаго епископа. Таковой, дѣйствительно, вскорѣ явился въ лицѣ Бертольди съ отрядомъ вооруженныхъ нѣмцевъ и папской буллою. Началась война съ туземцами, во время которой Бертольдъ погибъ, а Ливонская земля была страшно опустошена нѣмцами, мстившими за смерть епископа; ливонцы должны были принять священниковъ и согласились платить установленные налоги. Но едва нѣмецкіе воины отплыли обратно, какъ началось новое смываніе крещенія въ волнахъ Двины и избіеніе священниковъ. Тогда на мѣсто погибшаго Бертольда присланъ былъ Альбертъ Буксгевденъ—человѣкъ необыкновенной энергіи. Онъ всего менѣ мечталъ о славѣ апостола-мученика и возложилъ всѣ надежды по распространенію христіанства на силу меча.

Весною 1200 года Альбертъ явился въ устьѣ Двины съ пятьюстами крестоносцевъ, со многими торговыми людьми и началъ планомерную борьбу съ язычниками. Захвативши хитростію въ плѣнъ многихъ ливонскихъ старшинъ, онъ заставилъ ихъ выдать въ качествѣ заложниковъ тридцать ихъ сыновей, которыхъ и отправилъ въ Бременъ для воспитанія въ христіанской вѣрѣ. Въ 1201 году основалъ и укрѣпилъ городъ Ригу, въ которомъ построилъ кафедральный соборъ во имя св. Маріи. Вскорѣ въ самомъ устьѣ Двины основанъ былъ очень крѣпкій замокъ (Динамюнде—Усть-Двинскъ). Папа Иннокентій III всѣ начинанія Альберта благословилъ, а основаннымъ имъ городамъ и замкамъ даровалъ разныя льготы. Между тѣмъ вражда туземцевъ къ пришельцамъ все болѣе и болѣе возрастала и война въ Ливоніи не прекращалась. Альберту приходилось постоянно искать въ Германіи рыцарей, которые бы за отпущеніе грѣховъ готовы были силою своего меча обращать въ христіанство упорныхъ язычниковъ. Но рыцари пріѣзжали въ Ливонію только на время: повоювавши лѣтомъ, осенью на зиму они отправлялись на родину. Чтобы себя укрѣпить болѣе надежною силою и чтобы рыцарей и другихъ добровольцевъ прикрѣпить въ Ливоніи, Альбертъ началъ раздавать имъ земли и земли на ленныхъ правахъ. Завершеніемъ же всѣхъ этихъ заботъ о военно-миссіонерской силѣ въ Ливоніи было учрежденіе въ 1202 году Альбертомъ Ордена Меченосцевъ. Вмѣстѣ съ обѣтами безбрачія, виновненія папѣ и своему епископу орденскіе рыцари давали обѣтъ всю жизнь вести борьбу съ туземными язычниками. Во главѣ ордена поставленъ былъ Магистръ. Теперь завоеваніе Ливоніи и насильственное обращеніе жителей ея въ христіанство пошли несравненно успѣшнѣе. Нѣкоторые изъ старѣйшинъ Ливонскихъ, убѣжденные Альбертомъ, ѣздили даже въ Римъ и здѣсь изъ рукъ самого папы получали благословеніе.

Въ ряду другихъ мѣрь, направленныхъ къ завоеванію Ливоніи и обращенію Ливовъ въ христіанство, имѣвшихъ въ то время не мало-важное значеніе для сосѣдей послѣднихъ, именно—литовцевъ, излюбленныхъ у Альберта и его преемниковъ, было возбужденіе и поддержаніе постоянной вражды между отдѣльными племенами Ливовъ и сосѣдями. Литовцы неоднократно испытывали на себѣ силу этой мѣры и не разъ были избиваемы на поляхъ Ливоніи. Взаимно истребляя себя, туземцы такимъ образомъ не только ослабляли себя, но и освобождали много земель, которыя и были раздаваемы рыцарямъ. Довольно легкое приобрѣтеніе этихъ земель привлекало все большее и большее количество переселенцевъ изъ Германіи, и классъ бароновъ быстро возрасталъ въ новозавоевываемой странѣ. Правда, насильно обращенные Ливы часто отпадали отъ христіанства и возставали противъ поработителей, причемъ, захваченныхъ ими нѣмцевъ приносили въ жертву своимъ богамъ. Но нѣмцы ихъ вновь порабощали и обращали въ христіанство; въ отмщеніе за отступничество и возстанія избивали Ливовъ цѣлыми толпами и выжигали цѣлыя селенія. Такимъ образомъ, земля Ливовъ была постепенно и совершенно покорена; туземное народонаселеніе почти совершенно исчезло, отчасти слившись съ латинскимъ племенемъ, такъ что въ настоящее время можно только найти разсыянные кое-гдѣ ничтожные остатки этого нѣкогда довольно значительнаго народа, давшего свое имя почти всему Прибалтійскому краю.

За Ливами наступила очередь латышей. Завоеваніе и обращеніе въ христіанство послѣднихъ совершилось съ меньшими усилиями. Часть латышей, платившая дань полоцкимъ князьямъ и подчинившаяся русскому вліянію, склонялась къ принятію православія и нѣкоторыя селенія уже были крещены по восточному обряду. Такимъ образомъ, въ этомъ краю нѣмецкая проповѣдь встрѣтилась съ русскою. Естественно, распространеніе нѣмецкихъ завоеваній въ этомъ краю и далѣе въ глубь страны должно было вызвать враждебныя столкновенія нѣмцевъ съ русскими. Первые столкновенія произошли на берегахъ Двины. Эти столкновенія были неудачны для русскихъ, такъ какъ Полоцкое княжество было слабо, и, къ тому же, должно было вести борьбу съ литовцами. Слабые полоцкіе князья, очевидно, были не въ силахъ противодѣйствовать вновь возникшему въ сосѣдствѣ съ ними государству. Не доставало имъ, кромѣ матеріальныхъ силъ, какъ единства дѣйствій, такъ и яснаго представленія о грозившихъ со стороны нѣмцевъ опасностяхъ. Нѣкоторые изъ русскихъ князей, какъ напр., Владиміръ Псковскій, братъ Мстислава Удалого, входили въ родство съ нѣмцами и усердно служили ихъ видамъ. Характерно отношеніе къ Альберту и его дѣятельности со стороны Полоцкаго князя, тоже Владиміра, на глазахъ, т. е., котораго шло порабощеніе Ливовъ и посягательства нѣмцевъ на независимость латышей, находившихся подъ властію Владиміра. Альбертъ, прежде чѣмъ начать обращеніе Ливовъ въ христіанство, испросилъ на это согласіе Владиміра и даже обязался платить послѣднему дань. Когда же дѣло обращенія Ливовъ разрослось, Ливонія почти вся была завоевана и очередь дошла до латышей, Владиміръ Полоцкій пригласилъ Альберта на личное свиданіе съ цѣлью переговорами прекратить угрожающее движеніе нѣмцевъ въ глубь Латышской земли. Онъ предложилъ епископу условиться относительно Ливовъ, возобновленія торговаго договора и об-

щихъ дѣйствій противъ литовцевъ. Въ назначенный день Альбертъ въ сопровожденіи орденскихъ рыцарей, Ливонскихъ и Латышскихъ старшинъ и нѣмецкихъ купцовъ приплылъ по Двинѣ къ назначенному мѣсту (подъ крѣпость, еще не занятую нѣмцами,—Герсике). Владиміръ потребовалъ, чтобы Альбертъ прекратилъ крещеніе Ливовъ, такъ какъ они, Ливы, подданные его, Полоцкаго князя и въ его власти крестить или оставить ихъ некрещенными. Епископъ отвѣтилъ, что онъ обязанъ чтить божеское повелѣніе болѣе челоувѣческаго и сосался на слова Св. Евангелія: „Идите, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа“, сказалъ, что онъ не можетъ прекратить проповѣдь, порученную ему римскимъ первосвященникомъ, но что онъ не препятствуетъ платить дань князю,—ибо—„воздайте кесарю кесарево, а Богу Божіе“. Напомнилъ Владиміру и то, что и самъ онъ вносилъ князю подать за Ливовъ, но что эти послѣдніе не хотятъ служить двумъ господамъ и просятъ навсегда освободить ихъ отъ русскаго ига. Отъ дружескихъ увѣщаній Владиміръ порешелъ къ угрозамъ: Ливонскіе города, въ томъ числѣ и Ригу, онъ грозилъ предать пламени; дружинѣ своей велѣлъ выйти изъ города (Герсике) и стать въ боевомъ порядкѣ, выказывая намѣреніе напасть на нѣмцевъ. Альбертъ тоже изготовилъ свою дружину къ бою. Тогда выступилъ посредникомъ между княземъ и епископомъ Владиміръ Псковскій, въ это время уже изгнанный изъ Пскова за свои дружественныя отношенія къ нѣмцамъ и теперь служившій Альберту. Ему удалось склонить Полоцкаго князя не только къ примиренію съ епископомъ, но и къ отказу отъ ливонской дани и къ подтвержденію свободного плаванія по Двинѣ купеческимъ нѣмецкимъ судамъ. Альбертъ и Владиміръ, кромѣ того, обязались сообща дѣйствовать противъ Литвы и другихъ язычниковъ. Такъ развязывались руки нѣмецкимъ миссіонерамъ въ земляхъ, уже подпавшихъ было, вліянію русскихъ.

За поработеніемъ Ливонцевъ и Латышей наступила очередь Эстонской Чуди. Эсты оказали нѣмцамъ болѣе упорное сопротивленіе, чѣмъ всѣ другія племена, здѣсь жившія, а потому борьба съ ними приняла особенно ожесточенный характеръ. Нѣмцы безъ пощады выжигали селенія и вырѣзывали мужское населеніе, забирая въ плѣнъ женщинъ и дѣтей; а Эсты, въ свою очередь, подвергали мучительной смерти попавшихся въ ихъ руки неприятели, иногда они сжигали живыми нѣмецкихъ плѣнниковъ или душили ихъ, предварительно вырѣзавъ у нихъ крестъ на спинѣ. Пользуясь превосходствомъ своего вооруженія и военного искусства, разъединеніемъ племенъ и помощью преданной части Ливовъ и Латышей, нѣмцы постепенно поработали и крестили эстовъ. Здѣсь нѣмцы встрѣтились уже не только съ Полоцкими князьями, но и съ Новгородскими. Владѣя Юрьевомъ, новгородцы собирали дань съ ближнихъ эстовъ и латышей. При Мстиславѣ Удаломъ стремленіе новгородцевъ къ подчиненію эстовъ особенно усилилось. Въ 1212 году онъ предпринялъ удачный походъ на эстонскую чудь и доходилъ до города Оденпе или Медвѣжьей головы. Спустя два года онъ во время похода на другое чудское племя дошелъ до Финскаго залива. Чудь поклонилась ему и принесла дань. По свидѣтельству самихъ нѣмецкихъ летописцевъ, у латышей и эстовъ были уже начатки православія, и именно встрѣча его здѣсь съ латинствомъ повела за собою военное столкновеніе Новгородцевъ съ нѣмцами. Главная битва между ними про-

изошла около названнаго города Оденпе, который старались захватить и тѣ и другіе. На помощь здѣсь дѣйствовавшимъ нѣмцамъ пришелъ самъ магистръ Ордена Меченосцевъ. Но городъ принужденъ былъ сдаться русскимъ (1217 г.). Пораженіе нѣмцевъ подъ Медвѣжьей головой ободрило эстовъ. Новгородцы въ слѣдующемъ году нанесли еще нѣсколько поражений нѣмцамъ, двинулись въ глубь Ливоніи и осадили самую столицу Ордена—Венденъ. На помощь нѣмцамъ явился Датскій король (1219 г.), взявъ эстонскій городъ Ревель и на мѣстѣ его заложилъ ерѣ кій каменный замокъ, а затѣмъ вернулся домой, оставивъ значительную часть войскъ для завоеванія Эстоніи. Это вызвало враждебное соревнованіе нѣмцевъ и датчанъ. Такое соревнованіе перешло и на дѣло обращенія язычниковъ въ христіанство: каждый изъ просвѣтителей спѣшилъ окрестить сѣверную, еще языческую, часть Эстоніи, чтобы закрѣпить ихъ за своею народностію. При этомъ нѣмецкіе миссіонеры ради скорости обыкновенно совершали крещеніе надъ жителями пѣлой деревни разомъ и спѣшили въ другую деревню. А Датчане, имѣя недостатокъ въ священникахъ, во многія деревни посылали просто служителей съ освященной водой, которою и окропляли жителей. Случалось иногда, что тѣ и другіе крестители сталкивались въ какой-либо мѣстности и между ними возникалъ споръ. Или нѣмецкіе священники являлись, напр., въ какое-либо селеніе, собирали жителей, готовились совершить надъ ними крещеніе,—какъ изъ толпы выступалъ старшина и объявлялъ, что наканунѣ датчане ихъ уже окрестили. Альбертъ отправился въ Римъ и принесъ жалобу папѣ Гонорію III на короля датскаго Вальдемара, но встрѣтилъ въ Римѣ датское посольство: король уже успѣлъ свое дѣло сдѣлать, такъ какъ призналъ папу своимъ верховнымъ леннымъ владыкою. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, Альбертъ обратился къ императору Фридриху II, но и здѣсь онъ не встрѣтилъ поддержки. Тогда онъ покоряясь необходимости, призналъ Вальдемара верховнымъ владыкою Эстоніи и Ливоніи.

Во время этой междоусобной борьбы среди завоевателей Ливоніи и Эстоніи, произошло первое нашествіе татаръ на Русь и оно, конечно, отвлекло вниманіе Новгородцевъ отъ Балтійскаго моря. Новгородцы хотя и продолжали войну съ нѣмцами и даже доходили до Ревеля (Колывани), но дѣйствовали безъ настойчивости и послѣдовательности, временными порывами и нерѣдко оставляли нѣмцевъ въ покоѣ; въ тому же и у самихъ Новгородцевъ не мало было домашнихъ невзгодъ и смутеній, вслѣдствіе частыхъ смѣнъ князей, а также все болѣе обострявшихся отношеній къ Суздальскимъ князьямъ. Нѣмцы искусно воспользовались благопріятно сложившимися для нихъ обстоятельствами. Въ 1224 году они осадили городъ Юрьевъ. Гарнизонъ города состоялъ изъ двухъ сотенъ русскихъ и нѣсколькихъ сотенъ Эстовъ. Юрьевъ былъ очень хорошо укрѣпленъ и его трудно было взять. Осадныя работы продолжались день и ночь. Горсть русскихъ должна была проводить на стѣнахъ безсонныя ночи, ободряя себя кривыми и игрою на своихъ инструментахъ („тарантахъ“). Городъ былъ взятъ приступомъ; послѣ отчаянной обороны почти всѣ русскіе и почти всѣ Эсты были перебиты. Нѣмцы пощадили только одного Суздальскаго боярина, котораго и отправили въ Новгородъ съ извѣстіемъ о случившемся. Городъ былъ сожженъ, все имущество жителей было вывезено нѣмцами къ себѣ до-

мой. Новгородцы успѣли, было, на помощь Юрьеву, но услышавши по дорожѣ о паденіи его, вернулись обратно. Юрьевъ былъ превращенъ въ Дерптъ. Вскорѣ Новгородъ и Псковъ заключили миръ съ Ригою. Хитрый Альбертъ употребилъ и здѣсь ту же политику, какъ и противъ Полоцкаго князя: онъ изъ собственной казны уплатилъ Новгородцамъ часть дани, которую они получили съ нѣкоторыхъ туземныхъ племенъ и тѣмъ какъ бы призналъ верховныя права Новгорода. Но въ то же время всѣ земли къ западу отъ Чудскаго озера поступили въ непосредственное распоряженіе и владѣніе Ливонскихъ нѣмцевъ. Новгородъ вынужденъ былъ уступить еще и потому, что и ему, какъ и Полоцку, начала угрожать серьезная опасность со стороны Литвы: именно, въ 1224 году (годъ битвы на Калѣѣ и паденія Юрьева) Литва сдѣлала набѣгъ на Новгородскія владѣнія, проникла до города Руссы и подъ этимъ городомъ нанесла пораженіе Новгородцамъ. Послѣ замиренія съ сосѣдними русскими областями завоеваны нѣмцами Балтійскаго поморья пошло еще успѣшнѣе. Вскорѣ завоеваны были островъ Эзель, — это послѣднее убѣжище эстовъ, все лѣвое побережье Двины, земли Куроновъ и къ концу жизни (1229 г.) Альберта Буксгевдена завоеванія нѣмцевъ достигли, какъ выражаются, естественныхъ предѣловъ. Равнымъ образомъ завершено было и обращеніе язычниковъ въ Ливонскихъ, Эстонскихъ и Куронскихъ земляхъ въ христіанство. Послѣднимъ защитникомъ язычества и упорнымъ противникомъ Альберта былъ одинъ изъ значительнѣйшихъ туземныхъ князей, Вестгартъ. Но и онъ, видя, какъ христіанство со всѣхъ сторонъ вторгалось въ его страну, и священныя дубы падали подъ топоромъ нѣмецкихъ миссіонеровъ, безъ всякаго мщенія со стороны Перкуна, подъ конецъ своей жизни созналъ безсиліе своихъ боговъ. Послѣдними изъ принявшихъ латинство были Куроны. Здѣсь нѣмецкіе проповѣдники не встрѣтили особенно сильнаго сопротивленія. Они особенно сильно дѣйствовали на туземцевъ тѣмъ, что добровольно принявшіе христіанство сохраняли пользованіе и свободу своего имущества, тогда какъ упорные лишались всего. Въ концѣ концовъ Куроны обязались принять христіанскихъ священниковъ, получить отъ нихъ крещеніе, платить подати духовенству, выставлять вспомогательною войско противъ другихъ язычниковъ и за это сохранили они пока личную свободу.

Такъ образовалось нѣмецкое государство, въ сосѣдствѣ съ владѣніями Новгорода и Полоцка, съ одной стороны, и съ другою — Литва. Населеніе новопокореннаго нѣмцами края приняло латинство; начавшее, было, распространяться здѣсь же православіе было совершенно подавлено. Русскій славянскій міръ, вслѣдствіе многообразныхъ причинъ, не могъ оказать надлежащаго сопротивленія завоевателямъ, Литва только еще выходила изъ своего первобытнаго состоянія; раздробленная на множество мелкихъ племенъ и пока еще не имѣющая единой сильной княжеской власти, она была безсильна передъ нѣмцами во время завоеванія ими прибалтійскихъ земель и, оказавшись въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ новыми владѣтелями, должна была вскорѣ испытать и на себѣ удары ихъ. Особенно большая опасность стала угрожать сосѣдямъ со стороны нѣмцевъ, когда орденъ меченосцевъ или, иначе, Ливонскій вошелъ въ близкія отношенія, а потомъ и окончательно сдѣлался съ другимъ сосѣднимъ, тоже нѣмецкимъ орденомъ — Тевтонскимъ, основаннымъ въ землѣ Пруссовъ.

Прусы сосѣдили преимущественно съ поляками. При Болеславѣ Храбромъ, какъ уже было говорено, среди пруссовъ началась уже проповѣдь христіанства. Войтехъ и Бруно первые явились сюда съ благовѣстіемъ и первые же приняли здѣсь мученическую кончину. Ихъ смерть повела къ военному столкновенію Поляковъ и Прусовъ. Началось оно успѣшно, но вскорѣ должно было прекратиться; даже болѣе—сама Польша оказалась въ опасности отъ Прусовъ. Вслѣдствіе раздробленія при преемникахъ Болеслава на множество мелкихъ княжествъ и вслѣдствіе наступившихъ внутреннихъ неурядицъ, польскія области оказались безсильными защищать себя отъ все болѣе и болѣе учащавшихся вторженій и грабежей Прусовъ, и князя польскіе нерѣдко терпѣли отъ послѣднихъ пораженія. вмѣстѣ съ этимъ долгое время оставались безуспѣшными попытки миссіонеровъ продолжать дѣло Вайтеха и Бруно. Только два вѣка спустя послѣ нихъ, т.-е. въ началѣ XIII вѣка удалось одному монаху изъ Рапццлскаго Цистерціанскаго монастыря, по имени Христіану, основать христіанскую общину въ прусской области Кульмиі—на правой сторонѣ р. Вислы. Этотъ Христіанъ до нѣкоторой степени имѣлъ для Пруссіи то же значеніе, какое Альбертъ Бузгевденъ для Ливоніи. Папа Иннокентій III возвелъ его въ санъ Прусскаго епископа, поручилъ его покровительству архіепископа Гнѣзненскаго, а также князей Польши и Помераніи и, вообще, оказалъ утвержденію католической церкви въ Пруссіи такую же дѣятельную и искусную поддержку, какъ и въ Ливоніи. Въ сосѣдней съ Пруссіей польской области Мазовіи княжилъ тогда Конрадъ, не отличавшійся ни храбростію, ни дальновидностію. Пользуясь его слабостію, Прусы усилили свои набѣги на Мазовію и заставили Конрада откупаться платежемъ какъ бы даже дани. При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ малодушный князь послѣдовалъ совѣту епископа Христіана и добровольно водворилъ на своей землѣ злѣйшихъ враговъ славянства—нѣмцевъ. Мысль объ этомъ подали успѣхи только что основаннаго въ Ливоніи Ордена Меченосцевъ. Сначала Конрадъ и Христіанъ хотѣли было основать свой собственный орденъ для борьбы съ язычниками. Но этотъ орденъ оказался слишкомъ слабымъ и вскорѣ потерпѣлъ отъ пруссовъ такое пораженіе, что не смѣлъ болѣе выступать противъ нихъ. Тогда Конрадъ по совѣту Христіана, нѣкоторыхъ польскихъ епископовъ и вельможъ рѣшилъ призвать для укрощенія свирѣпыхъ сосѣдей Орденъ Тевтоновъ.

Этотъ Орденъ основанъ былъ нѣмцами въ честь Богоматери и для борьбы съ мусульманами въ Палестинѣ. Но здѣсь онъ принесть пользы очень мало и Іерусалимское королевство, основанное послѣ перваго крестоваго похода, не могло долго просуществовать. Орденъ вернулся въ Европу и здѣсь получилъ много земель. Въ 1225 году къ Гросмейстеру Тевтонскаго Ордера Герману Зельца приплыли послы отъ Конрада съ просьбой переселиться къ нему въ Мазовію—именно занять области Кульмскую и Либавскую съ обязательствомъ вести войны и крестить прусскихъ язычниковъ. Около того же времени Тевтоновъ пригласилъ было къ себѣ и Венгерскій король Андрей II; но, увидавши, насколько они опасны для его страны своимъ властолюбіемъ, онъ поспѣшилъ удалить ихъ изъ Трансильваніи, гдѣ они, было, водворились. Не такъ поступилъ Конрадъ. И онъ скорѣ долженъ былъ убѣдиться, какъ опрометчиво поступилъ.

Тевтонскій Гросмейстеръ не столько заботился о крещеніи язычниковъ, сколько о томъ, чтобы основать собственное независимое княжество. Этого онъ и достигъ при помощи папы и германскаго императора. Мазовецкій князь долженъ былъ навсегда лишиться Кульмской области, земель отданныхъ было первоначально основанному Польскому Ордену, а равно и тѣхъ земель, которыя Орденъ завоеуетъ у Пруссавъ. Впрочемъ и вся Польша признавалась въ то время не самостоятельной областью, а находилась въ ленной зависимости отъ Германскаго императора, иначе частью Германской Имперіи. Но въ исторіи Тевтонскаго Ордена и его борьбы съ пруссами Польскіе князья явили крайне печальный образецъ недалководности и полной политической несостоятельности. Ясно было для всѣхъ, что Католическая церковь вездѣ въ то время, — въ землѣ Балтійскихъ и Польскихъ славянъ, являлась главною союзницею германизации и самымъ надежнымъ орудіемъ духовнаго и политическаго порабощенія славянъ и другихъ народностей. То же самое нужно было ожидать и отъ дѣятельности Тевтонскаго ордена. Между тѣмъ польскіе князья особенно усердно помогали этому Ордену какъ въ борьбѣ съ Пруссами, такъ и съ медвыми славянскими племенами, еще продолжавшими оставаться и некрещенными и не оубмеченными.

Когда Тевтонскій Орденъ окончательно водворился въ своихъ новыхъ владѣніяхъ (1228 г.), папа началъ усердно призывать крестоносцевъ къ общей борьбѣ съ прусскими язычниками и даровалъ этимъ крестоносцамъ такія же привилегіи и отпущеніе грѣховъ, какъ и тѣмъ, которые отправлялись въ Палестину. Его призывъ не остался безплоднымъ. Въ Западной и Средней Европѣ того времени еще была сильна вѣра, что ничто такъ не угодно Богу, какъ обращеніе язычниковъ въ христіанство, хоть бы посредствомъ меча и огня, и что это самое вѣрное средство смыть прежніе грѣхи. Поэтому Тевтонскій Орденъ никогда не имѣлъ недостатка въ рыцаряхъ. Началась истребительная борьба съ пруссами. Каждый свой шагъ рыцари закрѣпляли построеніемъ каменныхъ замковъ и прежде всего постарались овладѣть нижнимъ теченіемъ Вислы. Пруссы оборонялись отчаянно, но не могли устоять противъ новой силы, обладавшей превосходствомъ оружія, военнаго искусства, единствомъ дѣйствій. Чтобы еще болѣе упрочить свое владычество, Орденъ вмѣстѣ съ построеніемъ крѣпостей дѣятельно водворялъ переселенцевъ и ѣмцевъ, поселялъ ихъ въ городахъ, надѣляя ихъ торговлей и промышленными льготами и, кромѣ того, раздавая переселенцамъ военнаго сословія участки земли на ленныхъ правахъ. Для утвержденія же новой вѣры, иѣмцы обращали особенное вниманіе на юное поколѣніе: они старались захватить дѣтей и отправляли ихъ въ Германію, гдѣ послѣднія и получали воспитаніе въ рукахъ католическаго духовенства съ тѣмъ, чтобы, воротясь на родину, быть усердными миссіонерами католичества и германизации. При завоеваніи Пруссіи повторялись тѣ же жестокости, опустошеніе и закрѣпощеніе, какія были въ Ливоніи и Эстоніи.

Въ 1237 году Тевтонскій и Ливонскій Ордена соединились и составили могущественную силу, грозную для всѣхъ сосѣдей — Поляковъ, Литовцевъ и русскихъ. Вначалѣ дѣла объединившихся орденовъ пошла было хуже, чѣмъ прежде. Они должны были, еще надлежащимъ образомъ не утвердивши своего новаго положенія, вести одновременно борьбу

съ Литвою и Русью. Св. Александръ Невскій, бывший въ то время в Новгородѣ княземъ, жестоко поразилъ на льду Чудского озера соединенныя рати рыцарей. Потомъ произошло страшное возстаніе Куроновъ и Зимгаловъ. Убѣдившись, что обѣщанія нѣмецкихъ миссіонеровъ оставить въ покое, если они крестятся добровольно, ихъ имущество и личную свободу были только пустыми звуками, что нѣмецкое владычество и нѣмецкое христіанство означали всякаго рода поборы и притѣсненія, Куроны произвели возстаніе: они умертвили своего епископа и тѣхъ священниковъ, которыхъ успѣли захватить въ свои руки, прогнали и перебили поселившихся среди нихъ нѣмцевъ и заключили союзъ съ Литовскимъ княземъ Миндовгомъ. За ними возстали и Зимголы. Но освободиться отъ нѣмцевъ ни тѣмъ, ни другимъ не удалось. Миндовгъ потерпѣлъ неудачу. Разбивши возставшихъ опустошивши ихъ земли и укрѣпивши свое положеніе построеніемъ многихъ новыхъ замковъ, нѣмцы лишили Куроновъ и Зимголовъ и всѣхъ тѣхъ правъ, которыя были обѣщаны имъ первоначальными договорами и обратили ихъ въ такое же крѣпостное состояніе, какое уже существовало въ Ливоніи и Эстоніи.

Такъ Ливонскій Орденъ (Меченосцевъ) и Тевтонскій, объединившись другъ съ другомъ, упрочили свое владычество, а съ нимъ и нѣмецкое на берегахъ Балтійскаго моря, отбили нашествіе враждебныхъ сосѣдей и совершенно закрѣпостили туземныхъ жителей. Русскій народъ и Литва приобрѣли новыхъ и сильныхъ враговъ. Особенно скоро это должна была почувствовать Литва. Она теперь оказалась въ непріязненномъ сосѣдствѣ съ двумя сосѣдями Польшей и Нѣмцами. Поэтому должна была приняться за объединеніе своихъ земель и усиленіе княжеской власти. Настало время выступленій Литвы.

Еп. Макарій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Сравненіе православно-христіанскаго и мухаммеданскаго вѣроученій о молитвѣ.

Сравнивая вышеизложенное ученіе христіанъ и мухаммеданъ о молитвѣ, мы видимъ между ними громадную и весьма существенную разницу, которая заключается въ томъ, что:

1) По христіанскому ученію молитва—это мысленное общеніе человека съ Богомъ—есть существенное выраженіе того, что называется религіей и что есть отношеніе человека къ безусловному Началу жизни—Богу. Богъ есть наивысшее благо, и человекъ, познавшій ничтожность внѣшней мірской жизни и сходство свое съ божественнымъ Духомъ, устремляется къ Богу, подобно тому, какъ растение восклоняется къ солнцу. *Это устремленіе души человека къ Богу и есть молитва.* Она также свойственна христіанину, какъ дыханіе необходимо для его тѣлеснаго организма. „*Молитесь во всякое время духомъ,*“ (Ефес. 6, 18) „*Непрестанно молитесь*“ (1 Солун. 5, 17) заповѣдалъ святой Апостоль.

Молитва христіанъ—это не только непрестанный священный долгъ нашъ передъ Богомъ, она—необходимая духовная живая потребность нашей души. Какъ безъ воздуха и пищи невозможна жизнь тѣла, такъ безъ молитвы невозможна жизнь души. Вотъ почему христіане въ молитвѣ находятъ успокоеніе, утѣшеніе, радость, просвѣтлѣніе всѣхъ чувствъ, возвышеніе всѣхъ духовныхъ силъ ума, сердца, воли, а на нѣкоторыхъ ступеняхъ молитвенныхъ подвиговъ даже—забвеніе всѣхъ житейскихъ тревоженій, возношеніе въ пренебесный міръ духовной жизни и великую силу въ борьбѣ со всѣми страстями, бѣдами, несчастіями и искушеніями врага. Самымъ существеннымъ признакомъ христіанской молитвы служить ея духовность и таинственность.

Въ прямую противоположность этому молитва мухаммеданъ, какъ выше мы видѣли, состоятъ почти исключительно изъ разнообразныхъ *внѣшнихъ* дѣйствій. Всякій молящійся мухаммеданинъ обязанъ исполнять безъ измѣненія всѣ дѣйствія, а если прибавить или убавить, ускорить или продолжить, повторить или упустить то или другое молитвенное дѣйствіе, молитва его уже теряетъ законность и становится бесполезной. При этомъ даже звукъ голоса, съ его различными измѣненіями, возглашеніе и чтеніе,—все это въ ученіи мухаммеданъ о молитвѣ имѣеть немаловажное значеніе и подробно, съ точностью опредѣлено особливими правилами къ неуклонному исполненію молящагося. Пространно перечислены всѣ обстоятельства, лишаящія молитву законности. Установлена каза—вознагражденіе опущенныхъ молитвъ. Есть подробныя перечисленія и тѣхъ лицъ, которыя закономъ освобождаются отъ

молитвы по различнымъ обстоятельствамъ жизни. Напр., женщины послѣ родовъ, трудно больные,—имъ молитва воспрещена единственно по неспособности ихъ самостоятельно исполнять молитвенныя дѣйствія. Въ молитвѣ мухаммеданъ настолько преобладаетъ внѣшность, что можно сказать, что мухаммедане помѣшались на внѣшности.

Богословы съ ихъ удивительною мелочностью и казуистической дробностью опредѣляютъ когда, кому и какъ надо совершать то или другое обрядовое молитвенное дѣйствіе, какія надо совершать условія для правильнаго совершенія этихъ дѣйствій, и что можетъ нарушить законное выполненіе извѣстнаго молитвеннаго обряда. Чтобы яснѣе представить, до какой уродливости и изумительной мелочности доходить при этомъ сухая мухаммеданская казуистика, припомнимъ тѣ правила благочинія, какія вмѣняются въ обязанность мухаммеданину при совершеніи молитвы. Совершая молитву, мухаммеданинъ обязанъ: во время стоянія смотрѣть на ноги, во время поясного поклона—на пальцы ногъ, во время земного поклона на кончикъ носа, во время сидѣнія—на край одежды, во время поворачиванія головы на плечо и т. д.; и такія мелочныя казуистическія предписанія закона обнимаютъ всѣ молитвы, какъ частныя, такъ и общественныя, т. е. богослуженія мусульманъ.

Отсюда ясно, что молитва мухаммеданъ есть только чисто внѣшній обрядъ, который каждый мусульманинъ и долженъ исполнять ежедневно пять разъ для того, чтобы избѣжать наказанія за неисполненіе, такъ какъ если мухаммеданинъ не исполняетъ молитвеннаго обряда, кромѣ законныхъ къ тому основаній, то онъ является отщепенцемъ, а если отвергаетъ молитву, то еретикомъ обреченнымъ на вѣчное мученіе въ аду.

Такимъ образомъ, чуждая элементовъ духовности, мухаммеданская молитва не имѣетъ и не содержитъ въ себѣ того, что составляетъ сущность въ молитвѣ христіанъ, а потому она и не можетъ оказать какого либо вліянія на нравственность мухаммеданина.

2) По христіанскому ученію человекъ предназначенъ къ истинному общенію съ Богомъ—къ тому, чтобы „стать причастникомъ Божескаго естества“ (2 Петр. 1, 4), „быть своимъ Богу“ (Ефес. 2, 19), быть духовно и тѣлесно жилищемъ Богу“ (Ефес. 2, 22; 1 Коринѳ. 6, 19). Господь Иисусъ Христосъ предъ отшествіемъ Своимъ на небо молился Отцу о вѣрующихъ въ Него такъ: „да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино“ (Іоан. 17, 21 и далѣе). Это богообщеніе имѣетъ различныя степени, но во всякомъ случаѣ, чтобы быть дѣйствительнымъ и истиннымъ, оно предварительно должно быть мысленнымъ. Это и есть молитва. „Молитва настраиваетъ насъ на собесѣдованіе съ Богомъ и долговременнымъ навывкомъ вводитъ насъ въ содружество съ Нимъ“ (Преп. Нилъ Синайскій).

Напротивъ, Аллахъ мухаммедовъ, подобно языческимъ богамъ другихъ восточныхъ религій, безконечно удаленъ отъ міра и человека.—Это не болѣе, какъ крайній восточный деспотъ, равнодушный ко всему, безмѣрно возвышенный, совершенно неприступный. Онъ не имѣетъ никакой живой внутренней связи со своими твореніями и въ частности съ человекомъ. А при такомъ взаимоотношеніи Аллаха и твореній че-

ловѣкъ, конечно, не можетъ быть близокъ къ Нему и соединяться съ нимъ въ духѣ живой, дѣятельной вѣры и добродѣтели. Аллахъ хотя и правосуденъ, но не любвеобиленъ, слѣдовательно, какіе бы нравственные подвиги ни совершалъ мусульманинъ, онъ всегда будетъ вдали отъ Бога, и Богъ будетъ страшенъ ему. Отсюда самая мысль о полномъ единеніи человѣка съ Богомъ для мухаммеданина является не только непомятой, но и нечестивой. Молится же, вѣрнѣе, физически исполняетъ разъ навсегда установленные молитвенные обряды, мухаммеданинъ только для того, чтобы *формально засвидѣтельствовать свою рабскую преданность предъ Богомъ*. При чемъ онъ ничуть не смущается въ своей совѣсти, такъ какъ, во 1-хъ, по ученію мухаммеданъ за исполненіе этихъ именно пустыхъ и незначительныхъ обрядностей, несмотря на все нечестіе и развращенность сердца, ему обѣщана великая милость Божія, а во 2-хъ, надо сказать, что Мухаммедъ очень ловко и расчетливо убавкалъ своихъ послѣдователей, что всѣ они, какъ бы ни были грѣшны, въ силу своей вѣры въ единство Божіе и ходатайство за нихъ Мухаммеда будутъ избавлены отъ вѣчнаго осужденія и могутъ вполне рассчитывать на вѣчное блаженство.

3) По христіанскому ученію Богъ есть любящій Отецъ людей. Воплотившійся для спасенія падшаго человѣчества Сынъ Божій „*отрующимъ во имя Его далъ власть быть чадами Божиими*“ (Іоан. 1,12). Когда христіанинъ сознаетъ гдѣнность всякихъ внѣшнихъ благъ, ничтожность личнаго существованія, то *молитва прежде всего даетъ положительное содержаніе его новому существованію*, наполняетъ угнетавшую человѣка пустоту его прежней жизни. Черезъ молитву человѣкъ отрѣшается отъ своего собственного ничтожества; черезъ нее онъ выдѣляется изъ внѣшняго міра и возвышается надъ нимъ. „Пришедши въ себя, онъ говоритъ: встану, пойду къ Отцу моему“ (Лук. 15,17-18); и дѣйствительный первый шагъ въ исполненіи этого рѣшенія есть молитва. Новорожденный младенецъ инстинктивно тянется къ груди матери — и духовно-возрожденный такъ же слабъ и одинокъ въ „*мирѣ семъ*“ безъ Бога. Молитва питаетъ духовную жизнь, даетъ ей силы. Молитвенное состояніе христіанина есть бодрствованіе духа, трезвенность, собранность ума, внутрь пребываніе. При чемъ въ молитвѣ необходимо, чтобы сердце искренно желало того, чего просить, — чувствовало истину того, о чемъ говорить. Необходимо, чтобы умъ возносился къ Богу осмысленнымъ словомъ, а сердце чувствомъ благоговѣйнымъ.

Напротивъ мухаммеданская молитва, какъ мы уже видѣли, есть лишь чисто физическое упражненіе, состоящее изъ извѣстнаго ряда послѣдовательныхъ тѣлодвиженій и возгласовъ. Она нисколько не касается души молящагося мухаммеданина, который исполняя молитвенный обрядъ, въ то же время, не нарушая установленныхъ правилъ о молитвѣ, можетъ выслушивать занимательные рассказы и разговоры, ничего общаго съ молитвою не имѣющіе. Объясняется это именно тѣмъ, что *вся важность мухаммеданской молитвы преимущественно заключается во внѣшнихъ обрядахъ и дѣйствіяхъ*. Она пуста, безсодержательна, суха. Въ ней нѣтъ ни сердечности, ни души, она чувственна и никогда не служитъ выраженіемъ религіознаго чувства и стремленій человѣка къ Богу въ духѣ истинной вѣры, надежды и любви. Читаемыя мухаммеданиномъ молитвы, какъ мы видѣли, составляютъ вторую сте-

пень важности и состоять изъ краткихъ и безсодержательныхъ воззваній которыя мало соотвѣтствуютъ и говорятъ его внутреннему существу. Весьма важно и то, что при чтеніи молитвъ мухаммеданинъ главное вниманіе обращаетъ не на внутреннее содержаніе и смыслъ молитвы, а на самый процессъ чтенія, потому что отъ него требуется произносить молитвы, точно соблюдая правила мухаммеданской тонизи, грамматики, фонетики, требуется, чтобы молящійся не измѣнилъ порядка словъ и буквъ, не сдѣлать неправильной остановки, и, въ довершеніе всѣхъ этихъ прелестей, читаются молитвы на арабскомъ языкѣ который чуждъ и совершенно непонятенъ громадному большинству изъ нихъ.

Посему молитва мухаммеданина не имѣетъ, да по самому существу своему и не можетъ имѣть никакого религіозно-нравственнаго значенія въ жизни человѣка. Молитва эта не возбуждаетъ благоговѣйныхъ чувствъ, не назидаетъ, не научаетъ, не освящаетъ. Всѣ формы и дѣйствія этой молитвы не отрѣшаютъ души молящагося отъ земли, не возносятъ къ небу, не приближаютъ къ Богу, не наполняютъ вѣрующаго сердца священными чувствами, не возвышаютъ чувствъ и мыслей къ горнему, небесному. Лишенная внутренней идеи содержанія, молитва эта всегда является крайне однообразной, безжизненной и сухой. Пронизанный духомъ своей религіи, мухаммеданинъ чуждъ христіанскаго смиренія, чуждъ священныхъ порывовъ и стремленій духа; онъ весь преданъ чувственности и настолько погрязъ и привязался къ тлѣннымъ благамъ сего міра, что рѣшительно не понимаетъ ни духовной жизни, ни духовныхъ благъ, такъ что и въ будущей жизни онъ желаетъ и надѣется получить только тѣ же чувственные блага лишь въ болѣе широкихъ размѣрахъ. О сыновнемъ къ Богу дерзновеніи, о радости богообщенія мухаммеданинъ не имѣетъ и понятія, и если цѣнить милость Божию, то только потому, что рассматриваетъ ее именно, какъ дарованіе всякихъ чувственныхъ благъ. Насколько чувственнымъ и инертнымъ представляется мухаммеданамъ ихъ будущій рай, видно изъ того, что по нѣкоторымъ ихъ сказаніямъ, каждый аетъ полового сообщенія мухаммеданина съ райскими гуріями будетъ продолжаться тысячу лѣтъ; а такъ какъ этихъ гурій у него будетъ не менѣе 70, то понятно, что сладострастный мухаммеданинъ такъ погрязнетъ въ чувственности, что и въ раю ему будетъ не до Бога. Изъ сказаннаго ясно, что не только понятіе христіанъ и мухаммеданъ о молитвѣ, но и самое міровоззрѣніе ихъ совершенно противоположны.

4) Будучи чадами Божиими по благодати искупленія, христіане находятся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Богу. Любя Бога, сами они крѣпко вѣрятъ и въ непреложность обѣтованій своего Спасителя: *„кто любитъ Меня, тотъ возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ; и Я возлюблю его“* (Іоан. 14, 21). Они знаютъ, что Богъ заботится о нихъ больше, чѣмъ самые преданные и любящіе родители о дѣтяхъ своихъ. Поэтому въ сердцахъ христіанъ живетъ чуждое рабскаго страха, но полное любви, дерзновеніе къ Богу, дерзновеніе дающее имъ полную возможность *непрестанно* обращаться къ Богу въ своихъ молитвахъ подобно тому, какъ добрыя и послушныя дѣти не боятся ежеминутно обращаться къ любящимъ родителямъ.

Мухаммедане напротивъ—только преданные *рабы* Бога. А у раба.

какъ извѣстно, не можетъ быть сердечныхъ отношеній къ господину, ибо рабъ боится и трепещетъ своего господина. рѣдко любить его, и во всякомъ случаѣ, смѣлости не имѣетъ слишкомъ часто беспокоить его своими просьбами, или даже надѣлать своими похвалами, въ которыхъ онъ не нуждается. Поэтому у мухаммеда и существуетъ правило—неуслонно соблюдать назначенное для молитвы время и не совершать молитвъ ни раньше, ни позже этого. Поэтому же несчастный мухаммеданинъ лишенъ возможности просить Бога объ избавленіи отъ болѣзней, физическихъ бѣдствій и т. п.; онъ молится Богу безъ всякихъ прошеній за себя. Просить Бога о какихъ бы то ни было своихъ нуждахъ мухаммеданину запрещено подъ тѣмъ предлогомъ, что Богъ все знаетъ, и эта просьба оскорбитъ Бога. При этомъ любопытно то, что въ то же время въ прямую противность приведенному основанію запрещенія мухаммеданинъ ежедневно много разъ проситъ у Бога всевозможныхъ милостей для Мухаммеда. какъ будто Богъ не знаетъ, какъ Ему надо поступить съ Мухаммедомъ?

Кромѣ того, по мусульманскому ученію, Богъ отъ вѣчности предопредѣлялъ судьбу каждаго человѣка и временную и вѣчную и не мѣняетъ своихъ предопредѣленій. Отсюда, молится или не молится мухаммеданинъ, судьба его отъ этого ничуть не измѣняется, такъ что молитва мусульманина, въ сущности, является совершенно безплѣннымъ и пустымъ обрядомъ, и не напрасно, съ своей точки зрѣнія, мусульмане разсматриваютъ свою молитву, какъ наложенную на нихъ деспотомъ-Богомъ *тяжелую подать*, каковую мусульманинъ и долженъ рабски исполнять, не разсуждая, какъ и для чего онъ это дѣлаетъ.

5. Молитва христіанъ разумна и имѣетъ въ высшей степени высокое нравственное значеніе. Прощаясь съ учениками Своими, Господь сказалъ имъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ вѣрующимъ въ Него: *„Вы друзья мои... Я уже не называю васъ рабами; ибо рабъ не знаетъ, что дѣлаетъ господинъ его; но Я назвалъ васъ друзьями потому что сказалъ вамъ все, что слышалъ отъ Отца Моего“* (Іоанна 15, 14—15). Зная эту, возвѣщенную Самимъ Сыномъ Божиимъ, волю Божию, христіане разумно прославляютъ Бога въ своихъ молитвахъ.

Напротивъ, поелонники Мухаммеда, какъ боязливые и покорные рабы своего грознаго владыки, стараются быть лишь исправными внѣшне, точно выполняя предписанныя закономъ обрядовыя дѣйствія молитвы, нисколько не заботясь ни о чистотѣ чувствъ своей души, ни о разумности своей молитвы. Да и можно ли назвать молитвой механическое исполненіе молитвенныхъ обрядовъ мухаммеданами, когда они, молясь Богу, не понимаютъ того, что говорятъ Богу, а, слѣдовательно не проникаются и чувствомъ, какое должно возникать въ сердцѣ соотвѣтственно смыслу слова. По христіанскому ученію это есть лишь бессмысленный лепетъ, который никакъ нельзя назвать возношеніемъ ума и сердца къ Богу, какъ опредѣляется христіанами молитва. Подобное чтеніе молитвъ является не больше, какъ однимъ трепетаніемъ словесныхъ органовъ, издающимъ звуки. Слово Божіе такую рѣчь къ Богу называетъ звономъ мѣди и звукомъ кимвала (1 Коринѣ. 13, 1). Человѣкъ—существо разумное, а Господь—Богъ разумовъ (1 Цар. 2, 3), слѣдовательно, и бесѣда между ними можетъ быть только разумная. Можетъ ли Богъ благоугождаться одними словами, да еще такими, которыхъ не понимаетъ и самъ.

произносящій ихъ? Конечно, нѣтъ. Только мысль ума и чувство сердца имѣють религіозное значеніе и дѣну передъ Богомъ, а не вещественные звуки или тѣлодвиженія, производимыя безъ мысли и чувства. Господь много разъ обличалъ фарисеевъ за ихъ пустой формализмъ. „*Приближайся ко Мнѣ людіе сіи устами своими, и чтутъ Меня языкомъ, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня. Но тщетно чтутъ Меня*“ (Мѡ. 15, 8—9). Мухаммедане говорятъ, что „*Богъ доволенъ и непониманіемъ*“; съ христіанской точки зрѣнія Богъ оскорбляется этимъ и обличеніе Господа фарисеевъ вполнѣ приложимо и къ мухаммеданамъ.

Ту же громаднѣйшую разницу мы видимъ и при сравненіи содержанія христіанскаго богослуженія и молитвъ съ содержаніемъ молитвъ мухаммеданскихъ, изъ которыхъ состоитъ и все ихъ свудное и однообразное богослуженіе.

Разница эта заключается въ томъ, что въ своихъ богослуженіяхъ, пѣснопѣніяхъ и молитвахъ св. Церковь старается научить христіанъ множеству весьма важныхъ истинъ.

Истины эти важны потому, что отъ нихъ зависитъ наше временное и вѣчное спасеніе; ихъ множество потому, что онѣ объемлютъ все не только необходимое, но даже полезное и священнопріятное для насъ. Стоитъ христіанину должнымъ образомъ вникнуть въ кругъ дѣйствій церковныхъ, въ составъ божественныхъ службъ, наблюдать ходъ и порядокъ оныхъ, и предъ нимъ постенено будутъ раскрываться великія области предметовъ повѣствовательныхъ, истинъ глубокаго созерцанія и святой дѣятельности, естества и общежитія, такъ какъ учительница вселенская, св. Церковь старается преподавать, въ отношеніи къ своимъ предметамъ и вѣдѣніе можно сказать *вселенское*. Въ ея богослуженіяхъ отърывается для насъ знаніе *историческое*, т.-е. повѣствованіе о бытіи и жизни міра и человѣческаго рода; есть знаніе *догматическое*, т.-е. ученіе о такихъ предметахъ, которымъ мы должны несомнѣнно вѣровать, и которые должны живо воспринимать безъ всякаго изслѣдованія, потому что здѣсь самое глубокое изслѣдованіе ума человѣческаго ничего не поможетъ. Есть знаніе *практическое*—ученіе о томъ, какъ мы должны жить, что должны дѣлать и чего не должны дѣлать; есть знаніе опытной житейской мудрости или *практическое любомудріе*. Наконецъ, въ Церкви Христовой есть такое знаніе, какаго никакая наука въ свѣтѣ не преподаетъ и не можетъ преподавать—это знаніе *пророческое*.

Историческое знаніе каждый христіанинъ легко можетъ получать въ Церкви, слушая дневные уроки, или чтеніе Церкви изъ повѣствовательныхъ книгъ ветхо-завѣтныхъ, изъ Евангелія Господа Іѣсуса Христа, изъ Дѣяній Апостольскихъ, изъ жизнеописаній Святыхъ Божіихъ, предлагаемыхъ вниманію вѣрующихъ, какъ въ церковныхъ стихирахъ и канонахъ, такъ въ Прологахъ и Четіихъ Минеяхъ. Здѣсь все зависитъ отъ самого христіанина. Если онъ желаетъ знать въ связи и живомъ изображеніи исторію своего Искупителя, онъ легко и удобно получитъ его, посѣщая богослуженія св. Церкви въ Страстную седмицу.

Если желаетъ вѣдать повѣствованіе о началѣ и чудесномъ распространеніи христіанства во всѣхъ концахъ вселенной, — пусть слушаетъ чтеніе Дѣяній Св. Апостоловъ въ ночь предъ Пасхою. Всякій желающій знать всецѣлую судьбу міра и человѣческаго рода, представленную не

только повѣствовательно, но какъ бы въ дѣйствительности пусть посѣщаетъ церковныя богослуженія отъ недѣли Сыроуестной, когда св. Церковь воспоминаетъ плачевное паденіе праотцевъ нашихъ, до недѣли всѣхъ Святыхъ—и предъ нимъ откроется рядъ происшествій, однимъ концомъ утвержденный въ раю земномъ, другимъ въ раю небесномъ; — начинающійся первыми минутами творенія и огаичивающійся тѣмъ великимъ временемъ, когда вся вселенная составятъ единую Церковь небесную и „будетъ Богъ всяческая во вѣсхъ“ (1 Коринѳ. 15, 28). Узнаетъ: „како отъ Него созданы быхомъ и отъ пищи райскія изгнахомся; како пребывахомъ отвержени отъ благихъ и отъ діавола водими; како Сынъ и Слово Божіе, преклонивъ небеса, спиде и насъ ради бысть человекъ; како же пострада и воскресе, и на небеса взыде паки, и Духа Святаго посла святымъ Своимъ ученикомъ; что же паки божественніи апостоли благодатию Пресвятаго Духа содѣйствоваша, яко отъ конецъ святыхъ всѣхъ вкупѣ собираа проповѣдію, наполняюще вышній міръ“. (Синаксарь въ Нед. мытаря и фарисея).

Что касается догматическаго ученія, то въ виду того, что догматы содержатъ въ себѣ основаніе нашей святой вѣры, суть начало и какъ бы душа всего ученія церковнаго,—то св. Церковь почти непрестанно повторяетъ ихъ предъ вѣрующими во всѣхъ видахъ своего богослуженія, повторяетъ и совокупно, и отдѣльно, то кратко, то со всею полнотою и подробностію; такъ всѣ важнѣйшіе и необходимѣйшіе догматы Церковь совокупила въ своемъ символѣ вѣры и представила ихъ здѣсь, какъ въ зеркалѣ, дабы всякій могъ вѣрно знать ихъ и всегда памятовать. Отдѣльно тотъ или другой догматъ вѣры св. Церковь предлагаетъ въ различныхъ частяхъ и въ различныя времена своего богослуженія; напр., кратко мы слышимъ догматъ о Трехъ Лицахъ Святыя Троицы и въ священническихъ благословеніяхъ и въ краткихъ славословіяхъ и въ окончаніяхъ почти каждой молитвы церковной. Полнѣе и подробнѣе излагаются различные догматы въ богослуженіяхъ Церкви въ дни праздниковъ. Такъ въ богослуженіяхъ великихъ праздниковъ Благовѣщенія и Рождества Христова раскрывается тайна воплощенія Сына Божія. Въ праздники Богоявленія, Всесвятія Живоначальныя Троицы, въ богумудрыхъ канонахъ троичныхъ, еженедѣльно читаемыхъ на полунощницахъ раскрывается тайна Трїединого Божества во всей полнотѣ, какая только доступна человекъ; въ чинѣ и порядкѣ ежедневно совершаемой Божественной литургіи раскрывается все дѣло искупленія нашего, при чемъ таинство спасенія нашего раскрыто со всѣхъ сторонъ: исторически и догматически, правоучительно и таинственно, изобразительно и словесно.

Желающій знать тайну собственной жизни, пусть присутствуетъ при совершеніи церковныхъ таинствъ: крещенія и мвропомазанія, брака и покаянія, Евхарастіи и елеосвященія. Кто хочетъ проникнуть въ тайны міра ангельскаго, пусть присутствуетъ на богослуженіяхъ церкви каждый понедѣльникъ и 26 марта, и 8 ноября, когда Святая Церковь празднуетъ соборы силъ безплотныхъ.

Опустимъ знаніе опытной житейской мудрости, которую всякій можетъ найти въ книгахъ Премудраго Царя Соломона и Иисуса, сына Сирахова и во многихъ мѣстахъ Посланій Апостольскихъ; знаніе пророческое, открытое въ пророческихъ книгахъ ветхаго завѣта, въ пророче-

ствах Христа Спасителя и Его святых апостоловъ, особенно въ Откровеніи св. Іоанна Богослова; въ ежедневныхъ канонахъ и моливахъ покаянныхъ и въ службахъ на воспоминаніе Страшнаго суда. Опускаемъ знаніе объ отношеніи видимой природы къ человѣку, заключающееся въ чинахъ и послѣдованіяхъ церковныхъ на различныя естественныя явленія: бездождіе, беззвездіе, землетрясеніе и проч., и остановимся на знаніи практическомъ или дѣятельномъ. Всѣ роды ученія св. Церкви имѣють цѣль дѣятельную; она повѣствуетъ и пророчествуетъ для того, чтобы дать намъ правила жизни; предлагаетъ свои святые догматы для того, чтобы вмѣстѣ показать, какое они имѣють отношеніе къ нашей жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ св. Церковь ежедневно предлагаетъ чадамъ своимъ множество особыхъ правилъ и наставленій, собственно относящихся къ жизни и дѣятельности въ дневныхъ чтеніяхъ изъ книгъ Священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта, въ поученіяхъ св. отцевъ, въ каждой молитвѣ, почти въ каждомъ стихѣ своемъ. При этомъ особенно назидательно то, что Церковь предлагаетъ не сухія правила и наставленія, а вмѣстѣ даетъ высокіе образы и примѣры для подражанія. Каждый день св. Церковь совершаетъ память одного или многихъ угодниковъ Божиихъ; въ иные дни выводитъ цѣлыя сонмы ихъ предъ очи наши; въ годовомъ кругѣ службъ своихъ Церковь представляетъ цѣлый великій міръ истинныхъ людей Божіихъ, воспитавшихся въ духѣ истиннаго благочестія, жившихъ возрожденною жизнью. Здѣсь попеременно являютъ предъ вѣрующими лица всѣхъ званій: отъ царя до самаго незнатнаго раба, отъ воина до земледѣльца, отъ пастыря церкви до простого паства безсловесныхъ животныхъ. Здѣсь вѣрующіе видятъ святыхъ людей всякихъ состояній: отъ величайшаго богача до бѣднѣйшаго сироты въ мірѣ, отъ вельможи въ пышныхъ чертогахъ до пустытника на дикой, уединенной скалѣ. Здѣсь встрѣчаются праведники обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ: отъ матери многихъ дѣтей до дѣвственницы, всю жизнь посвятившей дѣвству, отъ старца до юноши и отрока; всѣхъ характеровъ, нравственныхъ перемѣнъ, глубокихъ паденій и чудесныхъ востаній: отъ разбойника на крестѣ до Маріи Египетской, спасавшейся въ пустыняхъ заиорданскихъ, отъ хульника и гонителя Церкви Божіей до ревностнѣйшаго исповѣдника и апостола оной. Можемъ смѣло утверждать, что въ области всего ученія церковнаго ни одной нѣтъ истины, ни одной добродѣтели, ни правила христіанской нравственности, ни должности общественной и семейной, ни образа благочестивой жизни, отъ молчаливности до юродства Христа ради,—которыя бы въ службахъ церковныхъ не имѣли своего особаго лица, своего характера, своего отдѣльнаго представителя, исполнѣ осуществившаго то или другое, или многія совершенства христіанскія и представившаго на нихъ очевидное, какъ бы тѣлесное доказательство.

Въ теченіи года христіанинъ сколько можетъ изучить великихъ судебъ Господнихъ о родѣ нашемъ, сколько можетъ узнать великихъ героевъ добродѣтели, олицетворившихъ своею жизнью самыя высокія истины христіанства, сдѣлавшихся владыками природы, совершившихъ чудеса, невѣдомыя міру, непонятныя мудрецамъ его;

Въ этомъ великомъ множествѣ истинъ, главными и постоянными, о которыхъ христіане слышать всякій разъ, когда бывають въ храмѣ, являютъ: Богъ, душа, вѣчность. Богъ съ своими безпредѣльными со-

вершенствами, съ безпредѣльною бездною судьбъ своихъ, съ великими тайнами творенія, искупленія, освященія и возрожденія человѣчества, со Своимъ премудрымъ управленіемъ и промышленіемъ о вселенной; душа съ своимъ богоподобнымъ величіемъ и славою до паденія, съ своимъ крайнимъ униженіемъ и тъмою по паденіи, съ своимъ обоженіемъ по искупленіи, со всѣми средствами спасенія, съ своею настоящею и будущею участію; вѣчность съ ея безконечнымъ блаженствомъ и радостями для праведныхъ, съ безконечными муками и злополучіемъ для грѣшныхъ, съ своимъ раемъ и адомъ. На эти важнѣйшіе предметы Церковь ежедневно старается обращать вниманіе вѣрующихъ. При этомъ въ отличіе какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ мудрецовъ міра, которые основываютъ свои познанія на темныхъ началахъ и предположеніяхъ ума человѣческаго, который самъ темень, Святая Церковь не познаетъ, не предполагаетъ, а *видитъ Бога очами вѣры*, не изъ началъ ума, а изъ Откровенія Самого же Бога учить о Богѣ и о душѣ, а потому ученіе Церкви ясно, животворно и ежедневно свидѣтельствуется опытомъ. Въ наукѣ жизни, предлагаемой Христовой Церковью, меньше словъ и больше дѣйствій, меньше правилъ и больше исполнителей сихъ правилъ, меньше законовъ и несравненно больше святыхъ людей, которые обратили тѣ законы въ свой духъ и жизнь и которые, жияя по нимъ, наполняли, наполняютъ и будутъ наполнять Царствіе Божіе на небесѣхъ. *Самое же главное то, что Святая Церковь даруетъ вѣрнымъ чадамъ своимъ всѣ силы къ исполненію этихъ законовъ и силы Божественныя, о чемъ свидѣлствуется св. Апостолъ: „Вся намъ Божественныя силы Его, яже къ животу и благочестію, подана разумомъ Призвавшаго насъ славою и добродѣтелію: ими же честная намъ и великая обѣтованія даровашася, да сихъ ради будете Божественнаго причастницы естества, отбѣгше, яже въ міръ, похотныя тлѣ“.* (2 Петр. 1, 3—4).

Мало этого, самое расположеніе, устройство, облаченіе въ христіанскихъ храмахъ таково, что въ нихъ всякая вещь назидательна, все здѣсь говорить сердцу и уму и, слѣдовательно, все учить. Такъ, на высотѣ алтарнаго украшенія, мы, тотчасъ при входѣ въ храмъ, видимъ изображеніе Искупителя нашего, распятаго, преклоняющаго Божественную главу, изъязвленную терновымъ вѣнцемъ и предающаго духъ Свой Богу Отцу. И часто одно возрѣніе на святую икону страждущаго Спасителя спасало отчаянныхъ грѣшниковъ, которыхъ не могли тронуть самыя сильныя убѣжденія. Было много людей, которые всю жизнь почулись у креста Христова и не имѣли нужды въ поученіяхъ словесныхъ.

Обычно всѣ храмы христіанъ бывають покрыты множествомъ священныхъ изображеній. Здѣсь всегда видѣть: Архангела Гавріила, благовѣствующаго Пресвятой Дѣвѣ Маріи неизглаголанную тайну воплощенія Сына Божія; образъ Рождества Христова; св. Іоанна Предтечу, крещающаго Владыку вселенной въ струяхъ Іорданскихъ; образъ Господа, то вротко бесѣдующаго съ мытарями и грѣшниками, то исцѣляющаго больныхъ, то входящаго въ храмъ Іерусалимскій яко Царя и Господа, то совершающаго со святыми апостолами тайную вечерю, то ведомаго на распятіе, то полагаемаго во гробъ, то воскресающаго и возносящагося на небеса. Такимъ образомъ, предъ очами вѣрующаго явля-

ется вся жизнь Господа и при томъ такъ, что жизнеописаніе это легко можетъ читать въ образахъ человѣкъ даже не умѣющій читать.

Съ ликомъ Искупителя является вѣрующимъ и ликъ Пречистой и Преблагословенной Матери Его: то Она изображена держащею на святыхъ рукахъ Своихъ Божественнаго Младенца то молящейся за весь міръ и покрывающей народъ честнымъ омофоромъ своимъ, то избирающею грады и села отъ супостатовъ, помогающею царямъ и воинамъ, испѣляющею больныхъ утѣшающею скорбящихъ. Здѣсь же лики патріарховъ и пророковъ, лики апостоловъ и мучениковъ, отцевъ и учителей вселенскихъ, лики ангеловъ Божіихъ

Дома знатныхъ людей часто украшаются фамилными изображеніями, и мать, подводя юнаго сына къ изображенію того или другого знаменитаго предка, говоритъ: „подражай ему, если хочешь быть великимъ и славнымъ въ свѣтѣ“.

Священныя изображенія въ храмахъ христіанскихъ сами говорятъ сердцу вѣрующихъ: „подражай хоть одному изъ сихъ, лики коихъ ты видишь здѣсь, и ты будешь великъ предъ Богомъ и людьми“. Здѣсь нужны только глаза, нужно немного вниманія и смысла, чтобы научиться весьма многому.

Кромѣ этого, доступнаго всякому, способа наученія, святая Церковь учитъ и чрезъ свои священныя дѣйствія, чрезъ чтеніе и пѣніе. Служители алтаря Господня своимъ облаченіемъ и различными дѣйствіями являютъ вѣрующимъ то образъ ангеловъ Божіихъ, повѣдающихъ таинства горняго міра, то образъ пророковъ и апостоловъ, научающихъ боговѣднію, то образъ Самого Христа Искупителя нашего, ходатайствующаго о насъ грѣшныхъ у престола Отца Небеснаго. Народъ праведный, благоговѣно стоящій и молящійся въ храмѣ, изображаетъ чистыхъ духовъ безплотныхъ и души святыхъ въ церкви небесной; народъ грѣшный, съ покаяніемъ повергающійся предъ алтаремъ, представляетъ падшій родъ человѣческой, изъ праха вопіющій о помилованіи.

Священныя одежды, въ которыхъ священнослужители Церкви совершаютъ богослуженія, всѣ имѣютъ духовный смыслъ. Иная изъ нихъ, по толкованію богомудрыхъ учителей Церкви, показываетъ чистоту и святость служенія ангельскаго (стихарь, орарь) иная означаетъ благодать Всесвятаго Духа, ниспосылаемую свыше (епитрахиль); иная служеніе Спасителя нашего, которое Онъ совершилъ „во днѣхъ плоти Своея“ (поясъ); иная узы Искупителя (поручи) и хламиду Его (фелонь); иная представляетъ Господа, подъемлющаго на рамена Свои падшее человѣчество, яко овца заблудшее (омофоръ).

Далѣе, при богослуженіи въ храмахъ христіанъ видимъ частое движеніе, куреніе фиміама, возженіе свѣтильниковъ и проч. и проч., все это также имѣетъ духовное значеніе.

Такъ куреніе фиміама церковнаго есть знакъ благодати Божіей, хотящей благоухать насъ; знакъ усердныхъ молитвъ вѣрующихъ долженствующихъ возноситься къ Престолу Всевышняго, какъ кадило благовонное, какъ дымъ непорочной жертвы Авелевой—знакъ того, чтобы вѣрующіе угодовляли себя самихъ „въ воню благоуханія духовнаго“.

Возженіе свѣтильниковъ есть видимый образъ того, что законъ Господень долженъ быть свѣтильникомъ очамъ нашимъ, что Евангеліе Христово есть единый истинный свѣтъ, просвѣщающій насъ на мрач-

номъ пути жизни, и что при отсутствіи этого божественнаго свѣта, всюду царитъ тьма заблужденія Намъ нѣтъ возможности исчислять всѣ дѣйствія и обряды церковные, ежедневно совершаемые предъ очами вѣрующихъ. Довольно сказать, что всѣ сіи дѣйствія вообще и каждое въ отдѣльности.—и въ цѣломъ, и въ малѣйшихъ подробностяхъ,—содержать въ себѣ важныя истины, всегда могущія, безъ всякаго труда съ нашей стороны, назидать насъ во спасеніе, и не только назидать, но и улаживать духъ человѣка святымъ веселіемъ. Нагляднымъ подтвержденіемъ этого могутъ служить наши предки, еще не просвѣщенные свѣтомъ Евангелія, когда они въ первый разъ увидѣли богослуженіе православной церкви въ древней столицѣ православія — Цареградѣ. „Мы видѣли богослуженіе греческое, говорили они, и мы думали, что стоимъ на небесахъ. Намъ показывали много великолѣпнаго въ Римѣ; но то, что мы видѣли въ Константинополѣ,—приводитъ умъ человѣческій въ изступленіе“ Что же поразило ихъ такъ сильно и привело въ неизяснимый восторгъ?—Преимущественно священнодѣйствія церковныхъ богослуженій, такъ какъ словъ они, вѣроятно, не понимали, ибо богослуженіе совершалось на непонятномъ имъ греческомъ языкѣ. Вотъ до какой степени могутъ трогать и назидать и одни дѣйствія церковныхъ богослуженій, между тѣмъ, Святая Церковь вмѣстѣ учитъ и черезъ слова,—черезъ чтеніе, пѣніе и проповѣдь. Словомъ, Церковь употребляетъ всѣ наилучшіе способы, чтобы свое общественное наставленіе сдѣлать не только спасительнымъ, но и священно-изыщнымъ Для очей она облачаетъ свои храмы и священнослужителей приличнымъ благолѣпіемъ; для обонянія по временамъ разливаетъ благоуханное куреніе фиміама; для слуха и чувства употребляетъ пѣніе, для ума—чтеніе и проповѣдь.

Молитвы христіанъ такъ многочисленны и разнообразны по своему содержанію, что обнимаютъ буквально всю жизнь человѣка со всѣми ея нуждами и потребностями. На какое бы событіе важное или очень обыкновенное въ жизни христіанина мы ни обратили вниманіе, вездѣ мы встрѣтимъ Церковь съ ея святыми молитвами и попеченіями, съ ея промыслительными дѣйствіями во спасеніе вѣрующихъ; вездѣ видимъ благочестивые обряды и молитвы, которыми она встрѣчаетъ человѣка при его рожденіи въ міръ, особенно при вступленіи въ міръ христіанскій, сопутствуетъ ему въ продолженіи всей его земной жизни, провожаетъ въ могилу и самую могилу содѣлываетъ жертвенникомъ, на которомъ изъ рода въ родъ творится молитвенная память о земномъ существованіи христіанина.

Въ виду такого множества и разнообразія молитвъ христіанскихъ, нѣтъ возможности излсжить и разъяснить всего, а потому мы постараемся изъяснить сущность лишь утреннихъ и вечернихъ молитвъ, которыя св. Церковь предлагаетъ каждому вѣрующему для домашняго употребленія не довольствуясь общими молитвами, приносимыми въ храмахъ, и зная, что не всѣ вѣрующіе могутъ ежедневно посѣщать храмъ Божій.

Св. Церковь учитъ вѣрующихъ, чтобы первымъ нашимъ словомъ по пробужденіи отъ сна было призываніе имени Всесвятыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа; чтобы первымъ нашимъ дѣйствіемъ было троекратное огражденіе себя знаменіемъ честнаго и животворящаго Креста Господня. Она старается, тотчасъ по востаніи нашемъ отъ сна, придать намъ чистоту ангельскую, поставить насъ въ лицѣ силъ без-

плотныхъ и заставляетъ воспѣвать ангельскую пѣснь: „святъ, святъ, святъ“. Но такъ какъ мы все далеки отъ чистоты и святости ангеловъ Божиихъ, мы, которые отходимъ ко сну грѣшными, а пробуждаемся отъ сна иногда еще грѣшнѣе, нежели какими уснули,—то Святая Церковь сперва заповѣдуетъ намъ „благодарить Создателя нашего, что Онъ не погубилъ насъ со беззаконіями нашими, но по Своему обычному чело-вѣколюбію и долготерпѣнію воздвигъ отъ одра и сна“. И каждую молитву свою св. Церковь наполняетъ очистительными воплями покаянія, просвѣщенія и освященія нашего. Такъ, въ иныхъ молитвахъ она за-ставляетъ насъ умолять Господа, чтобы Онъ „Самъ очистилъ насъ отъ всякія сѣверны плоти и духа и даровалъ намъ, бодреннымъ сердцемъ и трезвенною мыслию всю настоящаго житія ночь прейти“ (Мол. 1 и 5), въ другихъ,—чтобы Онъ, „по нашемъ снѣ ношномъ возсіалъ намъ день безгрѣшенъ“ (Мол. 2) и „даруя намъ новый день жизни, помогаль намъ на всякое время, во всякой вещи и избавляль отъ всякія мірскаго злыя вещи“ (Мол. 3), „сподобляль насъ всегда творить Его святую волю“ (Мол. 4)—чтобы Онъ „просвѣтилъ наши мысли, очеса и умъ нашъ отъ тяжкаго сна лѣности возставилъ“ (Мол. 6).

Уныніе, забвеніе, неразуміе, нерадѣніе почти всегда бываютъ причиною неисправной жизни нашей: св. Церковь обращаетъ насъ къ Богоматери, да Она „святими своими и всесильными молитвами отженетъ сія и все другіе пороки“ (Мол. послѣдн.), да разрѣшитъ плѣнницы грѣхопадений нашихъ и сотворитъ насъ домою Духа Божественнаго (Мол. 7). Въ каждую минуту намъ необходимъ небесный стражъ и помощникъ: св. Церковь заставляетъ насъ вопіять къ ангелу-хранителю океанной души нашей, „да не отступитъ отъ насъ за невоздержаніе наше; да укрѣпитъ бѣдствующую и худую руку нашу и наставитъ насъ на путь спасенія, да покрываетъ въ наступающій день и хранитъ насъ отъ всякаго искушенія“ (Мол. Ан. Хран.). Многократно мы отходили ко сну; многократно и вставали отъ сна такими же, какъ и вчера и третьяго дня; возстали нынѣ, можетъ быть, встанемъ завтра. Но кто знаетъ, лучше ли будемъ сегодня и завтра, чѣмъ были вчера? Станемъ ли совершать дѣла свѣта, или еще глубже погрузимся въ тьму грѣховную?—Зная, что много разъ обѣщались мы исправить океанную жизнь нашу, и всегда лгали себѣ и Богу нашему, св. Церковь учитъ насъ молиться: „Боже мой, не взыщещи дѣлъ, отнюдь оправдающихъ мя!“ Что же остается намъ ко спасенію? Благодать Божія и вѣра наша. Поэтому св. Церковь въ началѣ утреннихъ молитвъ учитъ насъ произносить молитвенно символъ вѣры, а въ концѣ ихъ предлагаетъ самую сильную молитву къ Искупителю нашему, которою старается не только удивостивить Господа, но какъ бы убѣдить Его къ тому всеѣмъ дѣломъ искупленія—спасать насъ, ссылаясь не на наши непостоянныя, а на Его непреложныя обѣтованія,—не на наши дѣла, а на Его безконечную благодать и милосердіе. „Ты, многомилостивый,—заставляеть св. Церковь вопіять каждаго изъ насъ ко Господу Іисусу,—многія ради любве спешль и воплотился еси, яко да спасеши всеѣхъ. Теперь еще и еще спаси мя по благодати молю Тя“. Какой грѣшникъ самъ отъ себя дерзнулъ бы сказать Богу-Судіи: „если отъ дѣлъ спасеши меня, то это не благодать и не даръ; это долгъ паче?“ Св. Церковь влагаетъ въ уста наши это дерзновеніе. Кто отважился бы одну простую свою вѣру представить

вмѣсто всёхъ дѣлъ благихъ и ею смиренно защищаться предъ правосудіемъ Божиимъ?—Св. Церковь даетъ вѣрующимъ сію защиту: „Ей, Многій въ щедротахъ и Неизреченный въ милости! Ты Самъ сказалъ: „Вѣруй въ Мя, живъ будетъ и не узрѣть смерти во вѣки“. Итакъ, если вѣра въ Тебя спасаетъ отчаянныхъ грѣшниковъ, то вотъ я вѣрую: спаси меня, ибо Ты мой Богъ и Создатель. Пусть вѣра моя вмѣсто дѣлъ вмѣнится мнѣ: ибо дѣлъ, оправдывающихъ меня Ты не найдешь у меня. Но та вѣра моя да удовлетворитъ Тебѣ за все, та да отвѣщаетъ, та да оправдать мя, та да покажетъ мя причастника славы Твоея вѣчныя. Пусть не хвалится сатана, что онъ отторгнетъ меня отъ Твоей руки или ограды. Не взирай на мою испорченную волю; но хочу ли я, или не хочу—спаси меня: ибо Ты Богъ мой отъ чрева матери моея“ (Мол. 8). Такимъ образомъ Святая Церковь въ своихъ глубокіхъ по смыслу и содержанію молитвахъ не только молить Господа о насъ, но и защищаетъ насъ предъ Нимъ; не только сама защищаетъ, но и намъ, грѣшнымъ, даетъ нѣкоторое неотъемлемое право на защиту себя.

Еще усердіе, еще трогательнѣе и пламеннѣе церковныя молитвы на сонъ грядущій. Слово Божіе учитъ насъ, что нѣтъ ни одного человѣка, который бы чистъ былъ предъ Богомъ, хотя бы человѣкъ этотъ жилъ только одинъ день на землѣ. Да и совѣсть наша свидѣтельствуетъ, что мы каждый день согрѣшаемъ, то какъ человѣки, то и не какъ человѣки, а иногда „и горѣ скота“. „Есть у насъ ежедневныя грѣхи, вольныя и невольныя, вѣдомыя и невѣдомыя. Есть грѣхи отъ юности и по юности, грѣхи отъ науки и злобы, отъ наглства и унынія“. Мы должны бы со страхомъ и благоговѣніемъ произносить имя Божіе, но мы ежедневно всеу призываемъ это святое и страшное имя, либо хулимъ оное въ помысленіи своемъ. Мы должны бы каждую минуту любить своихъ ближнихъ, какъ братій, обходиться со всѣми, какъ съ дѣтьми Отца Небеснаго. Но что же мы дѣлаемъ, какъ не ежедневно укоряемъ другихъ, клеветаемъ, гнѣваемся, судимъ, уязвляемъ сердцемъ при видѣ чужой доброты? Къ намъ приходилъ несчастный за утѣшеніемъ, а мы еще больше опечалили его. Приходилъ нищій за помощью—мы презрѣли его. Приходилъ смиренный за совѣтомъ,—мы предъ нимъ развеличались, разгордѣлись, либо ему дали поводу къ соблазну, либо сами при взорѣ на него помыслили развращеніе—въ сердцѣ своемъ. Безгодно спали, неумѣренно употребляли пищу и питіе, предавались безумному смѣху; иногда становились на молитву, но умъ нашъ двигался о лукавствіи міра; иногда вовсе не радѣли о молитвѣ и произносили одни слова неподобныя; можетъ быть, цѣлые дни провели въ злыхъ насмѣшкахъ надъ согрѣшеніемъ брата нашего, а забыли, что свои грѣхи у насъ безчисленные (Мол. 3).

Не такова ли точно исторія повседневной жизни нашей? Съ окончаніемъ каждаго дня оканчивается отдѣльная часть бытія нашего, и каждый вечеръ въ тайной книгѣ сердца нашего прибавляется особая мрачная страница. Мы не любимъ, иногда не умѣемъ читать сихъ плачевныхъ страницъ; но онѣ написаны въ совѣстяхъ нашихъ, ихъ зрѣть правосудіе небесное, зрѣть Св. Церковь и при кончинѣ каждаго дня старается закрыть оныя отъ всевидящаго ока Божія. Потому-то она каждый вечеръ предлагаетъ вѣрующимъ самыя трогательныя молитвы къ Богу Отцу, къ Богу Сыну, къ Богу Духу Святому,—молитвы очн-

стительныя и покаянныя; потому-то заставляеть взывать къ Спасителю и Судии нашему, чтобы Онъ каждому дню нашей жизни дароваль конецъ благий и, чтобы, не означая имени и дѣлъ нашихъ въ книгѣ судной,—написаль насъ „въ книгѣ животной (Мол. 7, ст. 9)

Нощный сонъ, дарованный Господомъ въ успокоеніе немощи нашей, въ ослабленіе трудовъ многотрудныхъ плоти, и возсіяніе новаго дня есть одно изъ великихъ чудесъ милосердія Божія къ намъ грѣшнымъ—чудесъ славныхъ и ужасныхъ „ихже нѣсть числа (Утр. мол. 6) Но еще большее чудо Святая Церковь видитъ въ томъ, что великодаровитый и человеколюбивый Господь приводитъ насъ на конецъ того и другого мимошедшаго дня нашей жизни, тогда какъ мы лѣнны на угожденіе безсмертному Царю и Богу и ничего добраго не дѣлаемъ. Дабы мы познали, какъ велико сіе ежедневное чудо милосердія Божія, Св. Церковь даетъ намъ необыкновенно трогательную, благодарную и вмѣстѣ очистительную молитву, сама какъ бы не находя словъ къ изъясненію нашей благодарности. „Что Ти принесу? или что Ти воздамъ, великодаровитый Царю, щедре и человеколюбче Господи? Яко дѣнѣщая мене на Твое угожденіе и ничто же благо сотворша привелъ еси въ конецъ мимошедшаго дня сего, обращеніе и спасеніе души моея строя“ (Мол. 4) „Миренъ сонъ и безмятеженъ даруй ми, Ангела Твоего Хранителя послѣ, покрывающа и соблюдающа мя отъ всякаго зла: яко Ты еси хранитель душамъ и тѣлесемъ нашимъ“ (Мол. 5).

Сообразивъ значеніе вечернихъ молитвъ и внигнувъ должнымъ образомъ въ смыслъ ихъ, невольно находимъ, что самыя нѣжныя заботы земныхъ матерей о своихъ дѣтяхъ далеко не равняются съ попеченіями. Церкви о вѣрующихъ христіанахъ. Самыя лучшія желанія земныхъ матерей о мирномъ снѣ ихъ дѣтей все еще не такъ хороши, не такъ святы и возвышенны, какъ желанія Св. Церкви при нашемъ снѣ вечернемъ. Какъ трогателенъ образъ спящаго христіанина, начертанный въ вечернихъ молитвахъ Церкви. Христіанинъ почиваетъ на ложѣ, а въ немъ почиваетъ Сладчайшій Иисусъ—Добрый Пастырь Своихъ овецъ. Тѣлесныя очи Христіанина покрыты сонною мглою, а духъ его озаряется немерцающимъ свѣтомъ Духа Святаго. Его умъ, во время бодрствованія, можетъ стать забывпій о Евангеліи, во снѣ осіявается таинственнымъ лучемъ разумнія Евангельскаго. Его душа знаменуется любовію ко Кресту Искупителя, сердце чистотою слова Господня, тѣло освобождается отъ страстей безстрастною страстію Пострадавшаго за насъ, мысль хранится Божественнымъ смиреніемъ Агнца Божія (Мол. 2) Сонъ его не только безмятеженъ, но и священъ, ибо у него отнять лукавый помысль сего видимаго житія, (Мол. 4) удалено всякое мечтаніе и темныя страсти, упрощено стремленіе страстей, всеядушій и тѣлу дарована благодатная ослаба (Мол. 6) Надъ нимъ простертъ покровъ Пресвятыя Дѣвы и молитвы Угодниковъ Божіихъ (Мол. 8) У его ложа ношнаго бодрствуетъ Ангель Хранитель, соблюдающій его отъ нападенія темныхъ силъ и всякія неподобныя вещи (Мол. 4, 5, 7, 10). Не есть ли это образъ того сна, какимъ могутъ поживать только благодатные сыны Божія на лонѣ Отца Небеснаго?

Но грѣшнику ли почивать блаженнымъ покоемъ праведниковъ?

Для кого сворѣе и внезапнѣе одръ можетъ сдѣлаться гробомъ, сонъ смертію, какъ не для грѣшника? Кому ужаснѣе послѣдній судъ Божій, какъ не тому, кто „злое творя не престаеть“?

Св. Церковь знает всю опасность нечаянной вончины, праведно могущей постигнуть насъ, въ нечаяннѣ лежащихъ; посему-то приводитъ къ одру, она заставляетъ каждаго изъ насъ съ недоумѣніемъ вопрошать Господа: „Неужели мнѣ одръ сей гробъ будетъ“? „Или еще океанную мою душу прсвѣтиши днемъ“?

Заставляетъ насъ въ ложѣ и снѣ предусматривать истинный гробъ и смерть: „Вотъ гробъ мой предмною, и смерть предстоитъ мнѣ“ Сама какъ бы трепещетъ суда Божія за насъ и насъ заставляетъ признаться: „суда Твоего, Господи, боюся и муки безконечныя ужасаюся“ И прежде суда Божія заставляетъ насъ осуждать самихъ себя: „Знаю Боже мой, что я недостойнъ Твоего челоѣколюбія, а достоинъ всякаго осужденія и муки. Но и здѣсь-- въ этомъ неложномъ откровеніи предсмертныхъ и предсудныхъ чувствъ нашихъ, въ этомъ правильномъ самоосужденіи нашемъ Св. Церковь отнюдь не хочетъ оставить насъ въ нечаяннѣ: напротивъ, чѣмъ ближе опасность, чѣмъ яснѣ наша увѣренность въ своемъ недостойнствѣ, тѣмъ болѣе она старается возбудить надежды въ насъ, заставляя каждаго произносить спокойно и со всею преданностію: „Упованіе мое Отець, прибѣжище мое Сынъ, покровъ мой Духъ святый“. Тѣмъ болѣе даетъ намъ христіанамъ дерзновенія влагая въ наши уста сильныя слова Св. Іоанна Дамаскина: „Господи или хошу, или не хошу спаси мя. Аще бо праведника спасеши ничтоже веліе и аще чистого помилуеши ничто же дивно; достойни бо суть милости Твоя. Но на мнѣ грѣшномъ удиви милость Твою; о семъ яви челоѣколюбіе Твое, да не одолѣетъ моя злоба Твоей неизглаголаннѣй благи и милосердію“.

Поставляя насъ предъ ложемъ, на которое возлечъ желаемъ, церковь заповѣдуетъ ограждать оное крестнымъ знаменемъ, какъ щитомъ неборимымъ; желаетъ духу нашему сообщить блаженное веселіе при мысли о животворящей силѣ Креста Господня. И когда наши вѣжды готовы сомкнуться, она говоритъ намъ послѣднее материнское слово: „Перекрестися и съ молитвою засни, помышляя день судный, како имаши предстати Богу“.

Напротивъ, у мухаммеданъ молитва какъ частная, такъ и общественная весьма скудна по своему соержанію. Выше мы приводили полное соержаніе рикягата и говорили, что изъ неоднократнаго повторенія однихъ и тѣхъ же молитвенныхъ воззваній и различныхъ положеній тѣла съ прибавленіемъ части разныхъ отрывковъ изъ Корана небольшой величины или цѣлыхъ но краткихъ главъ—состоитъ какъ частная домашняя молитва, такъ и все общественное богослуженіе мухаммеданъ. Каждый день мухаммеданинъ обязанъ тридцать четыре раза повторить однѣ и тѣ же молитвы и благословенія мухаммеду, тридцать четыре раза перемѣнить одинаковымъ образомъ положеніе своего тѣла и прочитать нѣоторыя мѣста Корана; этотъ составъ мухаммеданской молитвы и общественного богослуженія остается неизмѣннымъ въ теченіе года. Составъ и порядокъ самыхъ важныхъ у мухаммеданъ пятивременныхъ молитвъ не измѣняется и въ теченіе года—въ продолженіе мѣсяца Рамазана; вся разница въ нихъ заключается лишь въ томъ, что за повечернимъ намазомъ совершается молитвословіе „отдыха“ да измѣняется „хутьба“ проповѣдь читаемая во время пятничнаго полуденнаго богослуженія. Тѣ же молитвословія и внѣшнія молитвенныя дѣйствія повторяютъ му-

судмане и во время богослуженій своихъ годовыхъ главныхъ праздниковъ — Фитра (малый праздникъ) и Курбана (большой праздникъ) — только въ послѣдней (вечерней) изъ пятивременныхъ молитвъ присоединяется особое молитвословіе, называемое „витръ“. Кромѣ сего, молящійся, по совершенію всякаго намаза, перебираетъ пальцами 99 (по числу прекрасныхъ именъ Божіихъ) зеренъ на своихъ четкахъ; потомъ стихъ престолае.*) Быстрое перебирание пальцами зеренъ на своихъ четкахъ прерывается три раза тремя возгласами имама: на 33 зернѣ возгласомъ „*Субхана Ллаги*“ — „Хвала Богу“, при 66 зернѣ „*Аль-хамду лиллаги*“ — „Слава Богу“ — „*Аллагъ Акбаръ*“ „великъ Богъ“ — при 99 зернѣ. Въ это время ни одинъ изъ молящихся мухаммеданъ, перебирая четки не говоритъ ни одного имени Божія изъ 99 именъ, въ числу которыхъ приспособлено число зеренъ на четкахъ. Дѣло состоитъ не въ послѣдовательномъ воспоминаніи именъ Божіихъ, и не въ произведеніи въ своемъ умѣ при каждомъ имени Бога того представленія, какое съ нимъ соединяется, — (по мнѣнію мухаммеданъ этого и не надо, такъ какъ внутренній смыслъ каждаго произнесеннаго мухаммеданиномъ при молитвѣ слова спасителенъ, для него безразлично понимаетъ ли онъ его смыслъ и значеніе или нѣтъ) а въ пропускѣ зеренъ между пальцами и внутреннемъ произнесеніи тѣхъ же трехъ возгласовъ, какіе произноситъ имамъ при 33, 66 и 99 зернахъ четокъ. Потому, хотя числомъ зеренъ на четкахъ и указывается при молитвословіи мухаммеданъ на 99 прекрасныхъ именъ Божіихъ, но самыя имена въ составѣ молитвословій не входятъ. Вникая въ содержаніе молитвъ, мы видимъ въ нихъ варіаціи выраженія однихъ и тѣхъ же избитыхъ повтореніемъ мыслей мухаммеданскаго исповѣданія единосущія Божія и прошенія Богу о Мухаммедѣ. Что касается до главъ Корана, то выборъ ихъ принадлежитъ чтецу, а онъ избираетъ ту, которую лучше умѣетъ декламировать, а на содержаніе ея не обращается никакого вниманія. Так. обр. мухаммеданская молитва и богослуженіе отличаются крайней скудостью обряда и содержанія, они строго формальны, пусты, безсодержательны, совершенно лишены сердечности и души. „Не толпа свободно молящихся върующихся“ представляется взору наблюдателя въ мечети, а какъ бы „отрядъ войска, командуемый (сержантомъ) урядникомъ-имамомъ“. (Духовный бес. 1861 г. № 28). Все совершается въ мечети съ механическимъ однообразіемъ по строго опредѣленному порядку, — при чемъ самое настроеніе души, такъ сказать, подчиняется дисциплинѣ, и самое богослуженіе здѣсь сводится въ одному чисто механическому процессу повторенія разныхъ тѣлодвиженій и воззваній въ Аллаху, исключаящему собою всякое внутреннее движеніе сердца молящагося. Разъ навсегда мухаммеданинъ обреченъ творить свою молитву, какъ заведенная машина, отъ того и молитва его холодна, безчувственна, безжизненна, и не имѣ-

*) Содержаніе его таково: „Богъ... нѣтъ! другого достопоклоненія кромѣ Его, живаго, присносущнаго, Его не объемлетъ ни дремота, ни сонъ; въ Его власти все, что есть на небесахъ и на землѣ. Кто можетъ предстательствовать предъ Нимъ безъ Его изволенія? Онъ знаетъ, что предъ ними и позади ихъ; Онъ постигнуть мудрость Его только въ той мѣрѣ, какъ ему угодно. Престоль Его обширнѣе небесъ и земли и храненіе обоихъ ихъ не есть для Него бремя, потому что Онъ высокъ, могущественъ“ (Коранъ 2 гл. 265 ст.)

еть, да и не может имѣть никакого значенія въ религіозно-нравственной жизни. Равнымъ образомъ и богослуженіе мухаммеданъ, будучи чисто внѣшнимъ и оффиціальнымъ въ буквальномъ значеніи этого слова, не является выраженіемъ религіознаго чувства и стремленій къ Богу, и какъ чисто внѣшнее, лишенное внутренняго смысла и содержанія не возбуждаетъ религіозныхъ чувствъ, не научаетъ, не назидаетъ, не сообщаетъ благодатныхъ даровъ, погребныхъ къ спасенію. Самые обряды при совершеніи молитвъ не отрѣшаютъ души молящагося отъ земли съ ея суетой и заботами, не устремляютъ мысленнаго взора молящагося къ небу не наполняютъ сердца священными чувствами и не возводятъ къ Богу, напротивъ—безчисленными скупозначными предписаніями и правилами при совершеніи молитвъ обряды эти, возведенные на первую степень важности, приобрѣли преимущественное значеніе, подавили духъ и множествѣ самую молитву и богослуженіе мухаммеданъ низвели на степень чисто физическихъ упражненій, при чемъ даже при чтеніи молитвъ, мухаммеданинъ главное свое вниманіе обращаетъ не на внутреннее содержаніе читаемыхъ молитвъ, а на самый процессъ чтенія. Такое, лишенное внутренней идеи и содержанія, богослуженіе мухаммеданъ будучи при этомъ крайне однообразнымъ и сухимъ, ибо сколько бы оно ни продолжалось—оно является не больше какъ лишь повтореніемъ одного и того же несложнаго ряда дѣйствій (риваятовъ), не можетъ оказать никакого благотворнаго вліянія на нравственность молящихся; въ существѣ дѣла все богослуженіе и молитва мухаммеданъ сводится къ безмысленному лепету часто непонятныхъ словъ (молитва совершается на арабскомъ языкѣ, котораго подавляющее большинство татаръ и другихъ мухаммеданъ инородцевъ совершенно не понимаетъ) безъ попытки, усвоить умомъ воспріять сердцемъ ихъ внутренній смыслъ и значенія а потому является не больше, какъ трепетаніемъ однихъ словесныхъ органовъ, издающимъ звуки безъ смысла, безъ значенія, и безъ чувства, такъ какъ по смыслу ислама всѣ мысли молящагося мухаммеданина должны быть направлены не на свободное изліяніе предъ Богомъ своихъ чувствъ и желаній сообразно съ потребностями души, а всецѣло направлены на то, чтобы извѣстныя предписанныя дѣйствія были выполнены всѣ и съ видимой стороны правильно; состоя изъ шаблоннаго повторенія однихъ и тѣхъ же тѣлодвиженій и возгласовъ, въ строго опредѣленное время и по строго установленному порядку, богослуженіе мухаммеданъ, строго говоря, нельзя назвать и богослуженіемъ. Это не возношеніе ума и сердца къ Богу, не свободное изліяніе души предъ Богомъ, а гимнастическія упражненія тѣла, гдѣ все строжайше подчинено буквѣ, и эта буква совершенно убила духъ въ исламѣ, и на молитву и богослуженіе мусульманина наложила явную печать безжизненности, мертвенности, какаго то окамененія.

Сравнивая это мертвое мухаммеданское богослуженіе съ христіанскимъ богослуженіемъ, которое, какъ выше мы видѣли весьма обширно по составу и разнообразно по содержанію; которое питаетъ умъ, умягчаетъ сердце и укрѣпляетъ волю человѣка; которое учитъ вѣрѣ, мудрости и благочестію, и учитъ просто, при чемъ молитвы и чтеніе Св. Писанія привлекаетъ къ себѣ вниманіе молящихся не звуковою игрою словъ, какъ у мухаммеданъ при чтеніи Корана, а внутреннимъ содержаніемъ, глубиною смысла, чистотою чувства, мудростію правилъ, мы ви-

димъ между ними громаднѣйшую разницу и разница это далеко не въ пользу мухаммеданъ.

Изъ сказаннаго видно, что Христіанское богослуженіе, которое является разсаднивомъ благочестія, всенароднымъ училищемъ,—направляющимъ вѣрующимъ по пути евангельской добродѣтели, и которое изумительно благотворно вліяетъ на сердца людей настолько превосходить свудное, сухое, безсодержательное и мертвое богослуженіе мухаммеданъ, что ни о какомъ сравненіи ихъ не можетъ быть даже и рѣчи.

Свящ. А. Урбанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О положеніи и преподаваніи закона Божія въ школѣ въ связи съ бытомъ духовенства.

Тяжело отзывается на низшемъ духовенствѣ и безправіе. Дѣятельность его вообще обусловлена регламентаціею и указами въ такихъ даже жизненныхъ проявленіяхъ, какъ молитва, проповѣдь, приглашеніе прихожанъ къ жертвованію въ пользу бѣдной семьи: совершилось какое-либо въ отечествѣ особое событіе, и духовенство ожидаетъ, когда получить указъ о молебствіи, само же отъ себя не рѣшается, несмотря даже иногда на просьбы прихожанъ. Лишь нѣкоторые дерзаютъ проявлять свою инициативу. О томъ, что въ проповѣданіи стѣснены даже епископы, не говоря уже о священникахъ, которые за сказанное правдивое слово иногда подвергаются крупнымъ неприятностямъ (припомните Чехова „Соборяне“), свидѣтельствуетъ епископъ Рязанскій Димитрій въ своей петроградской рѣчи. (Мисс. Сбор. 1915 г. №12). О неудовлетворительности проповѣдей и внѣ богослужебныхъ бесѣдъ въ ихъ существующей постановкѣ сказано въ докладѣ предсѣдателя миссіонерскаго съѣзда Спасскаго уѣзда Рязан. губ. (Мисс. Сборникъ 1916 г. № 3—4, стр. 174—182). Безправіе особенно тяжело отзывается на воспитаніи дѣтей въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и на ихъ родителяхъ. Самое высшее, самое чистое, святое *) изъ чувствъ—это родительское,

*) Попутно коснусь я этого боляго вопроса. Духовные жалуются на умаленіе доходовъ; правда, послѣдніе годы вслѣдствіе развивающагося оскуднѣнія вѣры доходы ихъ уменьшились, а въ нѣкоторыхъ приходахъ значительно. Но нельзя не отмѣтить и того факта, что ихъ матеріальное благосостояніе много зависитъ отъ личнаго ихъ престижа въ глазахъ прихожанъ: священника уважаемого, любимого за его сердечное, простое обхожденіе, участіе его въ ихъ горѣ и радости, за его благотворное духовное вліяніе, проникновенное благосвѣтлое совершеніе богослуженій, прихожане очень цѣнятъ и охотно обезпечиваютъ матеріально. Примѣры этому есть. Вотъ одинъ изъ нѣсколькихъ: священникъ о. Георгій Кассовъ села Чекрыжъ Орловской губерніи, поступившій въ столь бѣдный приходъ, что вначалѣ онъ съ семьею буквально голодалъ, сумѣлъ своимъ вліяніемъ, энергіею выстроить на мѣсто ветхой разваливающейся деревянной церкви новую пятиглавую каменную, устроилъ дѣтскій пріютъ на 180 дѣтей, для котораго также выстроилъ вполне приспособленное зданіе, поднялъ свое и своихъ бѣдныхъ прихожанъ благосостояніе и не только благотворно вліяетъ на нихъ, но за совѣтомъ къ нему ѣздить издалека, изъ другихъ губерній. А вотъ примѣръ вліянія школы на матеріальное обезпеченіе ея законоучителя. Одна деревня прихода села Фодотьева Спасскаго уѣзда, Рязан. губ. въ 1906 году сдѣлала „уложеніе“, т. е. опредѣлила минимальную плату священнику. Священникъ (о. Юрьевскій) приходитъ на Пасху въ первый домъ. Крестьянинъ говоритъ: „Батюшка, я радъ бы дать тебѣ, какъ прежде, да у насъ мѣръ уложеніе сдѣлалъ“. Черезъ нѣсколько домовъ другой домохозяинъ говоритъ: „У насъ, батюшка, знаешь, уложеніе, но получай сполна попрежнему: вотъ мой сыншкѣ у тебя учится въ школѣ, прибываетъ и говоритъ: отецъ, не обжай батюшку—грѣхъ: у насъ праздникъ, а ему горе! и пристыдилъ меня“. Значитъ школа повліяла благотворно и на взрослыхъ и улучшила матеріальное благосостояніе духовенства.

чувство, воспитательное; оно-то и игнорируется: родитель, отдавши сына или дочь въ духовное учебное заведеніе, не имѣть права осуждать положеніе учебно-воспитательнаго дѣла, какъ бы оно ни велось плохо; предоставлено право епархіальнымъ сѣздамъ обсуждать только денежные вопросы, входить только въ хозяйственную часть. Въ одной семинаріи была смута, волненіе. Многие при этомъ лучшіе ученики были исключены. Духовенство на епархіальномъ сѣздѣ пожелало выяснитъ причины, отыскать корень зла, возстановитъ истину но что же?— епископъ написалъ на журналѣ „О, неразумные оо. іереи!“ и это іереи и протоіереи представители всей епархіи?! Въ свѣтскихъ же среднихъ учебныхъ заведеніяхъ теперь стало аксіомою, что правильное воспитаніе, ученіе дѣтей возможно только при согласованіи семьи и школы при ихъ взаимодѣйствіи; громадное значеніе родительскихъ комитетовъ всѣми признано—обществомъ и министерствомъ Народ. Просв. И дѣйствительно, гдѣ родительскіе комитеты серьезно смотрятъ на свои задачи, понимаютъ ихъ и взаимно проявляютъ себя, педагогическій персоналъ съ довѣріемъ и вниманіемъ относится къ заявленію родителей, прибѣгаетъ къ содѣйствію, и родители платятъ ему тѣмъ же. Гдѣ единеніе и взаимное довѣріе, тамъ школа жизненна, продуктивна, тамъ воспитанники относятся съ уваженіемъ и къ родителямъ и къ учебному заведенію. По идѣй, учрежденіе родительскихъ комитетовъ, безспорно, прекрасное, но къ сожалѣнію и удивленію, весьма нерѣдко родители относятся къ нимъ апатично, не понимаютъ серьезнаго значенія ихъ участія въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей, не заинтересованы—часты случаи, что родительскіе комитеты совсѣмъ не составляются или хотя и существуютъ, но не функционируютъ потому, что на собранія не прибываетъ установленное число родителей или и соберутся, да выйдутъ изъ предоставленныхъ имъ границъ въ ущербъ учебно-воспитательнаго дѣла—вдаются въ политику, требуютъ слишкомъ многого, даже полной свободы для воспитанника, другими словами, совершеннаго уничтоженія всякаго воспитательнаго вліянія на молодежь, или близоручо преслѣдуютъ только личные интересы: не заботятся, чтобы изъ ихъ сына, дочери вышелъ дѣльный, серьезный человекъ, а лишь бы безъ задержки переходилъ изъ класса въ классъ или сводить счеты съ преподавателями; иные не проявляютъ никакой дѣятельности изъ боязни, какъ бы директоръ и учителя не стали вымѣщать на ихъ дѣтяхъ. Печальная характеристика нашего общества, нашей интеллигенціи! Получился бы полный развалъ школы, если бы родительскіе комитеты въ настоящемъ своемъ видѣ получили рѣшающее значеніе въ учебномъ заведеніи!

Къ сожалѣнію и удивленію, и педагоги нерѣдко совершенно игнорируютъ родительскіе комитеты.; нѣкоторые директора принимаютъ заявленія комитетовъ за личное оскорбленіе. Въ журналѣ „Русская школа“ (№ 9—10 за 1915 г.) въ статьѣ Сѣдина „Что сказали родители?“—напечатано постановленіе родительскаго комитета. „Докладъ этотъ, единогласно полностью принятый родительскимъ комитетомъ, былъ препровожденъ на обсужденіе въ Педагогическій совѣтъ гимназіи, но педагоги не пожелали его обсуждать. Гимназическое начальство не допустило и чтенія въ родительскомъ собраніи.“ Печальная характеристика и педагоговъ, которые, будучи иные изъ нихъ сами родителями, не понимаютъ что значать родители для дѣтей, что значить семья въ воспитаніи, не

понимають, что человекъ образуется двояко: субъективно или сознательно, т. е. через внутреннюю психическую переработку материала, получаемого извнѣ, и объективно или бессознательно, т. е. отъ вліянія окружающей его среды, отъ совокупности всѣхъ внѣшнихъ условій, особенно прочно налагающихъ печать на человека въ семьѣ, начиная съ пеленокъ! Значитъ, есть родители, есть и педагоги, которые далеки отъ трезваго взгляда на необходимость полной солидарности семьи и школы. Печально, очень печально! Духовные же учебныя заведенія совсѣмъ не имѣютъ при себѣ родительскихъ комитетовъ, и это—крупный недочетъ, можно съ увѣренностью сказать что если бы существовали при духовныхъ семинаріяхъ родительскіе комитеты, свободно, безъ давленія обсуждающее вмѣстѣ съ педагогическимъ совѣтомъ внутреннюю жизнь учебнаго заведенія,—волненій, смуты было бы гораздо меньше: духовенство вообще несклонно поощрять увлеченія своихъ дѣтей, обоюдное въ единеніи воздѣйствіе на нихъ семинаріи и родителей парализовало бы тлетворныя внушенія извнѣ.*) Теперь же нерѣдко существуетъ взаимное порицаніе родителей и учителей, каждая сторона себя объяляетъ и обвиняетъ другую; родители не всегда знаютъ истинное положеніе вещей, довѣряютъ своимъ дѣтямъ, обычно оправдывающимъ себя и обвиняющимъ учителей и учебное начальство, а потому и сами озлобляются противъ учительской корпораціи и еще болѣе озлобляютъ дѣтей а многіе педагоги, съ своей стороны, отмежевываются отъ семьи, и потому нерѣдко не понимаютъ внутренней жизни своего питомца, вслѣдствіе этого относятся формально, безучастно; для нихъ ученіе—не живое существо, и результаты отъ школы отрицательный въ воспитательномъ отношеніи. Такое взаимное отношеніе семьи и школы образуетъ нездоровую атмосферу, которая для воспитанниковъ нерѣдко дѣлаетъ учебное заведеніе не *alma mater*, а какое-то мѣсто заключенія, и изъ духовной семинаріи и вообще духовнаго званія лучшіе семинаристы бѣ-

То или другое направленіе учащейся молодежи есть вліяніе среды: молодежь не сама изъ себя черпаетъ, а легко поддается внушенію, довѣрчиво, быстро воспламеняется, и ее можно вести, куда хотите; повтому къ молодежи слѣдуетъ относиться по-отечески, строго, но не вредя ей, любовно; молодежь—хорошій народъ. Нужно лишь овладѣть ею. Вотъ фактъ. Ученикъ 5-го класса гимназіи за обѣдомъ слушаетъ разглагольствованіе интеллигентнаго папаша, имѣвшаго видное служебное положеніе въ губернскомъ городѣ, даи говорить: „Папа, ты не такъ судишь: нашъ учитель NN вотъ что говорилъ намъ“. Отецъ отвѣчаетъ: „Что вашъ учитель!“—„Нѣтъ, папа, что онъ сказалъ, значить такъ.“ Этотъ случай рассказалъ мнѣ самъ этотъ родитель. Вотъ доказательство, какъ учитель или иной кто можетъ всецѣло овладѣть юною душою. Ученики всегда пойдутъ за учителемъ, если видятъ его справедливаго, безпристрастнаго, сердечно относящаго къ нимъ, сумѣвшаго внушить имъ довѣріе. Въ педагогическомъ дѣлѣ особенно цѣнно единеніе учащихся съ учащимися. Въ школѣ бюрократизмъ—большое зло, но не меньше зло и заигрываніе съ молодежью, потворство ей. Этотъ фактъ говорить за то, что если нѣтъ солидарности между родителями и воспитателями, то непременно та или другая сторона теряетъ свой престижъ во мнѣніи ученика. Этимъ, главнымъ образомъ, объясняется современное грустное явленіе—разобщенность дѣтей отъ родителей, неприязненное отношеніе учащихся къ своимъ родителямъ, воспитателямъ, а также слѣпое слѣдованіе молодежи за вожаками, сумѣвшими овладѣть юными головами и воспламенить ихъ. Вожаки собственно заслуживаютъ кары, а не поддавшаяся имъ молодежь, которая нуждается лишь въ строгомъ внушеніи и исправленіи, а не въ такой карѣ, которая портитъ всю ея дальнѣйшую жизнь, лишаетъ и отечество нерѣдко весьма даровитыхъ людей, которые могли бы быть потомъ лучшими пастырями, а можетъ-быть, и свѣтилами церкви, но которые теперь, будучи выброшены изъ учебнаго заведенія, дѣлались озлобленными, а нѣкоторые изъ нихъ и потерянными.

гутъ „въ сторону далече“, по выраженію г. Остроумова, редактора журнала „Миссіонерскій Сборникъ“. Онъ въ № 7—8 этого журнала за 1915 г. въ статьѣ „въ вопросу объ условіяхъ и средствахъ успѣшнаго выполненія новой программы по исторіи и обличенію расколо-сектанства“ характеризуетъ духовную семинарію такъ: „наши духовныя семинаріи мало отвѣчаютъ потребностямъ церковно—религіозной жизни. Пора вдохнуть въ нихъ жизнь“, или, иначе, онъ теперь безжизненны, По отзыву самихъ семинаристовъ и самихъ преподавателей семинаріи, безпристрастно оцѣнивающихъ положеніе, приблизительное до трехъ четвертей семинаристовъ съ антицерковнымъ направленіемъ. Хороши же будущіе пастыри! Что получить отъ нихъ православіе?! Значить, корень оскудѣнія духовенства нужно искать въ семинаріяхъ. Какая разница съ католическими коллегіями, выпускающими убѣжденныхъ пастырей—католизовъ.

Такимъ образомъ большую ошибку дѣлаютъ разныя имущіе власть, что держатъ сельское духовенство въ черномъ тѣлѣ, не входятъ съ нимъ въ тѣсную связь, основанную на свободномъ взаимномъ довѣрїи, „на совѣсти, а не на страхѣ“. Должны же они сознать, что православіе въ народѣ основывается, собственно, на приходскомъ духовенствѣ, оно—народная сила: пастырь добрый—и паства добрая, и обратно; большую ошибку дѣлаютъ, что совершенно устраняютъ духовенство отъ участія въ воспитательной части учебнаго заведенія: въ семинаріяхъ не мало темныхъ пятенъ, и только родители могутъ на нихъ указать. По отчетамъ начальства — все прекрасно: начальство и учащіе идеальны. Откуда же мятущійся духъ семинаристовъ? Свѣта, больше свѣта! а то много тумана, много тьмы.

Все это отражается на положеніи Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ, Малое вліяніе (или никакое) законоучителя зависитъ, такимъ образомъ отъ пренебрежительнаго отношенія къ Закону Божию многихъ изъ учебнаго начальства и педагоговъ, отъ плохой подготовки къ пастырской дѣятельности самихъ пастырей, отъ угнетеннаго духа однихъ—принужденныхъ и отъ незаинтересованности, апатїи, небрежнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ другихъ, стремящихся къ личному благосостоянію. А вѣдь пастыри—соль земли! Такъ многіе законоучители, будучи не заинтересованы педагогической литературою по Закону Божию и потому не зная лучшихъ методовъ преподаванія, ведутъ преподаваніе рутинно, не научно, шаблонно, исполняютъ свою столь важную, высокую обязанность, какъ тяжелую повинность, а иные и вовсе не исполняютъ, а это означаетъ неразвитость чувства сознанія долга. Такъ, нѣкоторые законоучители—священники по нѣсколькимъ мѣсяцевъ не посѣщаютъ школы, а затѣмъ кое-какъ готовятъ учениковъ къ экзамену, сами за нихъ отвѣчаютъ, подсказываютъ, или за нихъ занимается учитель или учительница по необходимости изъ боязни экзамена *).

Такіе священники выхлопываютъ себѣ помощниковъ—діакона или

*) Такъ было: законоучитель цѣлый годъ не посѣщалъ школы, но подходитъ время къ экзамену, тогда онъ, чтобы себя не сконфузить, передъ экзаменомъ назначилъ каждому ученику, что отвѣчать; но на экзаменѣ перепуталъ и предложилъ ученику не то, что заранѣе ему назначилъ. Ученикъ и говоритъ ему: „это не мнѣ, это Ванькѣ“. Получилась картина. Такъ образ., самъ законоучитель показываетъ примѣръ обмана.

псаломщика, а сами лишь изрѣдка заглядываютъ въ школу. Такіе законоучители, видимо, забыли грозный голосъ Господа черезъ Іеремію пророка: „священники не говорили: гдѣ Господь? и учителя закона не знали Меня, и пастыри отпали отъ меня“ (Іер. 2, 7—8). Въ одномъ уѣздѣ училищный совѣтъ вынужденъ былъ назначить поурочную плату законоучителямъ (такъ было до назначенія казеннаго жалованья) вслѣдствіе многочисленныхъ ихъ манкировокъ, счетъ же урокамъ поручено было вести учителямъ и учительницамъ, и так. об. священники были поставлены подъ ихъ контроль. Унизительно и позорно! Гдѣ ужъ тутъ требовать религіозно-нравственнаго воспитанія! Гдѣ ужъ тутъ говорить, о вліяніи на паству, которая говоритъ: „Врачу, испѣлися самъ“. Вотъ причина паденія православія.

Есть же надзоръ и контроль надъ законоучителями со стороны духовной власти? Есть, но на бумагѣ. Непосредственный надзоръ за преподаваніемъ Закона Божія, за нравственнымъ состояніемъ школъ лежитъ на епархіальныхъ преосвященныхъ, которые сами, конечно, не могутъ слѣдить за всѣми школами епархіи, а поручаютъ наблюденіе обыкновенно благочиннымъ, и въ результатѣ - наблюденія нѣтъ: многихъ о.о. благочинныхъ самихъ нужно руководить въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія и слѣдить за ними. Есть изъ нихъ никакъ не заинтересованные школами и свою то весьма рѣдко посѣщаютъ; такъ одинъ о. благочинный (теперь умершій), бывало, отслужить молебенъ въ школѣ при началѣ ученія да придетъ на экзамень, къ которому по Закону Божию готовили учитель и учительница, вотъ и вся его педагогическая дѣятельность, такъ что я былъ вынужденъ доложить о немъ преосвященному. Были и такіе случаи: училищный совѣтъ вмѣстѣ съ инспекторомъ доносятъ архіерею, что священникъ-законоучитель или совѣтъ не посѣщаетъ школы или весьма мало; тотъ поручаетъ произвести дознаніе благочинному, слѣдователю-священнику, а эти, случается, состоятъ въ родствѣ съ подслѣдственнымъ. Правда же, безпристрастіе—тутъ имъ не мѣсто: нельзя не порадытъ своему собрату, при этомъ и консисторія милостива. Что дѣло чрезъ то страдаетъ, такъ что имъ нужды до дѣла! И все сходитъ благополучно. Такимъ путемъ одинъ свящ.-законоучитель былъ оправданъ, и какія же послѣдствія?—сосѣдніе священники, видя безнаказанность, стали тоже манкировать, не боясь ни инспектора, ни училищнаго совѣта. Если архіерей не довѣряетъ инспектору—надлежитъ посылать слѣдователемъ человѣка опытнаго, знающаго и главное завѣдомо честнаго и безпристрастнаго изъ другого уѣзда или губернскаго города. Пусть архіерей предложитъ инспекторамъ народныхъ училищъ и наблюдателямъ доставлять ему по окончаніи учебнаго года свѣдѣнія о количествѣ данныхъ и прощенныхъ уроковъ законоучителями, и о результатѣ экзамена по Закону Божию въ школѣ, тогда онъ увидитъ, какъ они относятся къ столь высокому, святому долгу учить, и увидитъ, что недовѣрятъ-то слѣдуетъ законоучителямъ, а не инспекторамъ, тѣмъ болѣе училищному совѣту, какъ коллективному учрежденію.

Къ счастью, такихъ нерадивыхъ сравнительно не много; большинство же законоучителей, такъ сказать, „формальные“, которые хотя исполняютъ свои обязанности, но какъ-то шаблонно, формально, такъ что съ вѣдшей стороны, повидимому, все обстоитъ благополучно—и школа посѣщается хотя и не вполне исправно, но прилично, и дѣти на про-

граммные вопросы отвѣчаютъ болѣе или менѣе удовлетворительно, но нѣтъ души, жизненности, одна лишь учеба. За то какое отрадное впечатлѣніе получается отъ школы, гдѣ законоучитель истинный пастырь, готовитъ дѣтей къ жизни во Христѣ, а не на показъ для ревизіи инспектора и экзамена, дружно, въ полномъ согласіи работаетъ съ учителемъ или учительницею, и какое уваженіе отъ населенія и этому законоучителю и учителю и какой престижъ всей школы! Внѣ всякаго сомнѣнія, что интересы школы въ связи съ жизнью населенія должны быть дороги приходскому священнику, если онъ хочетъ быть пастыремъ, а не „наемникомъ. иже не радить овцы своя“. Должно же духовенство обратить серьезное вниманіе, что престижъ его въ послѣдніе годы сильно пошатнулся даже въ средѣ крестьянъ, что взрослое населеніе замѣтно все болѣе и болѣе уходитъ изъ-подъ вліянія пастырей и самому православію грозитъ опасность; должно же понять, что даже интеллигентные люди смѣшиваютъ духовенство съ религіею, не говоря уже о простомъ народѣ: указывая на недостатки духовныхъ, они отвертываются и отъ церкви, порицаютъ само православіе, т.-е. повторяется то же, что было во Франціи въ концѣ XVIII в. Спасеніе—въ школѣ: воспитайте будущихъ отцовъ и матерей словомъ и собственнымъ примѣромъ въ духѣ истинной религіи (а не внѣшней-обрядовой) и нравственности, и получите христіанскую паству и, какъ результатъ, мирное счастливое общество. Приходится констатировать и другой примѣръ неразвитости чувства у законоучителей. Бываетъ сами законоучители своєю неагентичностью, непониманіемъ своей святой обязанности научить и привести юныхъ ко Христу способствуютъ уклоненію отъ религіи и умаленію собственнаго престижа въ глазахъ прихожанъ. Такъ нѣкоторые законоучители грубо обращаются съ учениками, насмѣхаются надъ ними, даютъ имъ обидныя прозвища, а это вызываетъ въ нихъ озлобленіе и неприязненное чувство къ самому законоучителю и чрезъ это отвращеніе къ самому Закону Божию, и даже позволяютъ себѣ пронизировать по адресу ихъ родителей, а въ то же время заставляютъ заучивать 5-ю заповѣдь. Безучастное отношеніе учащихся къ своимъ питомцамъ, рѣзкость обращенія съ ними, нежеланіе, а можетъ быть и неумѣніе узнать характеръ ребенка, посочувствовать ему и тѣмъ повліять на доброе его чувство и направить къ добру—приводятъ къ отрицательнымъ результатамъ. Есть крестьянскія семьи грубыя, а раньше были пьяныя, ребенокъ слышитъ неприличную брань, видитъ безобразныя сцены, не получаетъ ласки, согрѣвающей его душу, и онъ самъ постепенно черствѣетъ. Вотъ тутъ-то ласковости, участіе, сердечное отношеніе къ нему, какъ бальзамъ, подѣйствуетъ на его истерзанное маленькое сердце, и онъ можетъ быть спасенъ и даже можетъ благотворно повліять и на дурныхъ родителей, почитать имъ хорошую книгу, полученную въ школѣ. Такіе примѣры знаютъ добрые, хорошіе учителя. Внѣ сомнѣнія, законоучитель и учащіе будутъ сторицею вознаграждены за свою любовь къ дѣтямъ, которыя очень чутки, отзывчивы, доверчивы - они и охотно будутъ учиться и менѣе шалить изъ опасенія не разсердить ихъ; наказаній не потребуется. Особенно въ настоящее раціоналистическое время, время усиленныхъ нападокъ на религію, на церковь и духовенство, законоучителю надлежитъ быть добрымъ, сердечнымъ, дѣятельнымъ, начитаннымъ и развитымъ, потому что ему при-

ходится быть не только преподавателемъ, воспитателемъ, но и апологетомъ, особенно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не говоря о высшихъ.

Все это наводитъ на мысль о необходимости періодическихъ сѣздовъ законоучителей, гдѣ бы выяснялись имъ пѣлы, задачи и методъ преподаванія Закона Божія и указывалась литература. Великую пользу конференціи указалъ мнѣ лично мой опытъ: по обревизованіи нѣсколькихъ школъ я, какъ инспекторъ, обыкновенно созывалъ на конференцію (однодневную) учителей и законоучителей. Хотя съ законоучителями бесѣды были кратки по недостатку времени, но онѣ принесли большую пользу: законоучители объединялись въ приемахъ преподаванія, выясняли методы и вырабатывали способы вліянія на нравственность учащихся. Важно, что давался имъ толчокъ. Почему бы епископу не собирать законоучителей среднихъ учебныхъ заведеній епархій на конференцію, а потомъ лично самому не наблюдать за ними, почему бы ему не присутствовать по мѣрѣ надобности и на педагогическихъ совѣтахъ гимназій? Онъ бы и самъ понялъ, какова внутренняя жизнь школы и, безспорно оказалъ бы сильное вліяніе на учительскій персоналъ не говоря уже о законоучителяхъ. Теперь же архіереи въ большинствѣ стоятъ въ сторонѣ отъ школы, особенно свѣтской, иные сами не заинтересованы школою, не сознаютъ великаго ея значенія и не понимаютъ ея. Почему бы имъ не принять мѣры къ объединенію свѣтской и духовной школъ? Одною изъ полезныхъ мѣръ могла бы быть такая: ежегодно собирать на общую конференцію всѣхъ инспекторовъ народныхъ училищъ съ директоромъ, всѣхъ наблюдателей подъ предѣлительствомъ епархіального архіерея, который по своему высшему положенію служилъ бы связующимъ звеномъ между ними. На этой конференціи могъ бы состояться обмѣнъ взглядовъ, какъ вести преподаваніе Закона Божія и другихъ предметовъ, какія мѣры принять къ поднятію религіозно-нравственнаго воспитанія и пр.; здѣсь выяснилось бы, какова и въ какомъ направленіи была дѣятельность за истекшій годъ каждаго инспектора и наблюдателя, каково состояніе школъ и т. п. (объ инспекторахъ, директорахъ, училищныхъ совѣтахъ, ректорахъ см. мою статью въ „Миссіонерномъ Сборникѣ“ за 1915 г. № 7—8 и 12).

Отсюда ясно: для того, чтобы преподаваніе Закона Божія было плодотворно, имѣло дѣйствительно воспитательное значеніе, необходимо, во 1-хъ, сдѣлать его не фивтивно главнымъ предметомъ, а дѣйствительно *главнымъ* по отношенію къ другимъ учебнымъ предметамъ, во 2-хъ, сдѣлать его *научнымъ*, т. е. основаннымъ на доказательствахъ отъ науки, отъ разума и отъ жизненныхъ опытовъ, коими выяснялись бы тѣсная связь науки съ религіею, значеніе и смыслъ жизни и практическое, жизненное примѣненіе религіознаго ученія и церковныхъ установленій, какъ благотѣльно вліяющихъ на духовную сторону чловѣка, на его физическое здоровье и на весь строй его жизни, а для этого самимъ законоучителямъ необходимо слѣдить за духовною литературою, быть, такъ сказать, въ курсѣ дѣла: въ 3-хъ, тщательно слѣдить, чтобы между преподавателями другихъ предметовъ не было такихъ, которые идутъ въ разрѣзъ съ законоучителемъ, подрываютъ религію (таковыхъ необходимо изъять изъ школы), и, въ 4-хъ, войти законоучителю въ тѣсную связь съ внутреннимъ міромъ учащихся, чтобы благотворно вліять на ихъ поведеніе, основанное на религіозномъ сознаніи и чувствѣ.

Выяснивши условія, при которыхъ Законъ Божій можетъ получить надлежащее значеніе въ школѣ, рассмотримъ самую сущность его преподаванія, которая сводится къ слѣдующему:

1. Прежде всего нужно убѣдить, доказать, что *Священное Писаніе* дѣйствительно есть священное, дѣйствительно слово Божіе, а не искаженіе, измышленіе поповъ, какъ учитъ Л. Толстой и подобные ему. Тогда и тексты будутъ имѣть значеніе аксіомы, и рассказы изъ священной исторіи будутъ признаваться за дѣйствительныя событія. а не миаы, и чудесное въ нихъ не будетъ противорѣчить разуму и наукѣ. Доказательства подлинности Евангелія, Посланій апостольскихъ должны быть внесены даже въ учебники. Нѣкоторые интеллигенты игнорируютъ Посланія апостольскія, не придаютъ имъ значенія; поэтому слѣдуетъ выяснитъ, что они написаны по внушенію Духа Святаго, они—слово Божіе (Лук. X, 16, Іоан. XVI, 18, XV, 20, XIV, 20, Мѣ. X, 15, 20, 40), они составляютъ одно общее съ Евангелиемъ. Въ нынѣшній раціоналистическій вѣкъ одними текстами Св. Писанія убѣдить людей съ скептическимъ складомъ мысленія, именующихъ себя интеллигентами, нельзя; поэтому нужно „показать и доказать“ имъ истинность ученія православной церкви.

2. *Догматы*. Обыкновенно догматы заучиваются безъ всякаго отношенія къ нравственности, а потому среди учителей, интеллигентовъ и даже выдающихся ученыхъ иногда слышатся сужденія, что нравственнымъ можно быть безъ религіи. *) Такое сужденіе лично мнѣ пришлось слышать отъ многихъ, и даже отъ одного сельскаго учителя, окончившаго курсъ духовной семинаріи студентомъ. Оказывается, будущій пастырь не понимаетъ сути религіи, взаимной связи ея съ нравственностью; въ духовной семинаріи его не научили, что истинная нравственность въ своей полнотѣ вытекаетъ только изъ одного источника—Божества: „*Безъ Меня ничего не можете дѣлать*“ (Іоан. XV, 5), сказалъ Спаситель, и пословица говорить: „Безъ Бога ни до порога.“ Эту мысль высказалъ и величайшій поэтъ Шекспиръ въ Гамлетѣ: „Наша воля съ волей судьбы расходится такъ сильно, что намъ рѣдко свои намѣренія исполнить удается. Мысль—наша собственность; ея же исполненіе зависитъ не отъ насъ.“ Отсюда можно предположить, что есть и священники, которые этого себѣ не уяснили. **) Кандидатъ на

*) Нѣкоторые мыслители: Кавелинъ, Л. Толстой, Кантъ и особенно Фейербахъ проповѣдывали независимость этики отъ религіи; во Франціи съ особою силою велась такая пропаганда, моральный автономизмъ внесены были даже въ самыя школы, и въ 1865 году, былъ основанъ даже журналъ: „Независимая мораль.“ Но несостоятельность этого ученія указана во многихъ сочиненіяхъ, напр., профес. А. Гусева: „Религіозность, какъ основа нравственности.“ Самъ Кантъ, отдѣляя нравственность отъ религіи, однако допускаетъ благотворное значеніе для нравственности вѣрованія въ бытіе Бога и въ загробную жизнь.

**) Въ виду этого считаю не лишнимъ кратко разяснитъ этотъ вопросъ.

Наша грѣховность есть слѣдствіе нашего безсилія борьбы съ грѣхомъ, неодолимой иногда склонности нашей природы ко грѣху: умъ часто заблуждается, затемняется, воля слаба противъ страстей, эгоизмъ не сдерживаемый религіею, пренатываетъ воздавать всему должное, безъ религіозныхъ основъ у человѣка нѣтъ устойчивости въ этическихъ воззрѣніяхъ, и главное „эти пренатствія могутъ быть устранены и силы воспоинены не инымъ къмъ, какъ только всемогущимъ и всеблагимъ Богомъ“ (Прот. Дьяченко „Уроки и примѣры Христ. любви“),—что признается и Священнымъ Писаніемъ (1 посл. Іоан. I, 8; Павла къ Римл. VII, 10 и 15), в святыхъ отцахъ, и исто-

священника не понимает сути религии. Что же сказать о насъ—мірянахъ? Мы въ большинствѣ и совсѣмъ не знаемъ своей религии, или, точнѣе, кое-что изъ религии, мы, въ сущности, полуязычники; поэтому насколько же неправы тѣ, которые говорятъ, что преподаваніе закона Божія нужно изгнать изъ школы, а предоставить самимъ родителямъ. Это значитъ совсѣмъ остаться безъ пониманія религии, безъ пониманія религиозной нравственности: чему научать родители, сами невѣжественные въ религии, а, тѣмъ болѣе, сами не вѣрующіе въ Бога? Кого ни спрашивалъ я изъ интеллигентовъ, почти отъ всѣхъ получалъ отвѣтъ, что они Посланій Апостольскихъ не читали. Такъ обр., догматы слѣдуетъ преподавать, такъ сказать, рационально; тогда они будутъ имѣть воспитательное значеніе, тогда не будетъ такихъ явленій, какъ упомянутый студентъ духовной семинаріи, отдѣляющій нравственность отъ религии. Вѣровать учать насъ, но вѣра не должна быть слѣпою, а сознательною, основанною на изученіи, пониманіи „*Научите вся языки,*“ сказалъ Спаситель, т. е. изучите, во что и какъ вѣровать. О значеніи догматовъ по отношенію къ нравственности выяснилъ Харьковскій архіепископъ Антоній въ своихъ сочиненіяхъ: „Возможна ли нравственная жизнь безъ христіанской религіи?“ (т. III, ч. I). „Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы“ (т. II, ч. I). „Какое значеніе для нравственной жизни имѣетъ вѣра въ I. Христа, какъ Бога“ (ibid). „Нравственное обоснованіе важнѣйшаго христіанскаго догмата“ (ibid). „Нравственное содержаніе догмата о Св. Духѣ“ (ibid).

рію, и всѣми мыслителями духовными и свѣтскими, а это безсиліе имѣтъ своимъ источникомъ первородный грѣхъ. За испорченность нашей природы и личные грѣхи мы безотвѣтны предъ Божіею правдою; отсюда, какъ необходимо слѣдствіе, искупленіе Христомъ. Искупленіе же только однажды очищаетъ первородный грѣхъ и личные грѣхи, содѣянные до крещенія, испорченность нашей природы все-таки въ насъ остается, лишь наклонность ко грѣху изгоняется, по объясненію отцовъ церкви, изъ внутри наружу, а потому требуется въ виду нашего безсилія помощь Божія—благодать, дающая въ таинствѣ миропомазанія и поддерживающая христіанина въ теченіе всей его жизни. При условіи собственного его желанія и стремленія къ совершенству, къ добру и обращенія къ Богу за помощью; но какъ все-таки и прирожденная наклонность наша ко грѣху, и искушенія сатаны, и соблазны отъ окружающаго насъ міра вовлекаютъ насъ въ грѣхъ, и мы часто не можемъ устоять, то при искреннемъ сердечномъ раскаяніи въ таинствѣ покаянія мы все болѣе и болѣе устанавливаемся, укрѣпляемся при содѣйствіи Бога, и, наконецъ, грѣховное дѣяніе не только перестаетъ быть для насъ сладкимъ и неудержимо влекущимъ насъ къ себѣ, какъ то было раньше, но становится противнымъ, омерзительнымъ, такъ что теряется самая наклонность ко грѣху, но эта эволюція въ насъ совершается не иначе, какъ при помощи благодати Божіей. Много этому примѣровъ изъ жизни святыхъ и изъ исторіи. Яркій примѣръ—обращеніе Савла въ апостола Павла, обращеніе изъ грѣшницы въ слятку Маріи Египетской. Каждый желающій можетъ на себѣ провѣрить, что мы, несмотря на ясное сознаніе скверности грѣховнаго дѣянія, все-таки невольно влечемся къ нему какою-то таинственною силою верѣдко вопреки нашего сознанія, вопреки совѣсти совершаемъ дурное (прочитайте „Дьяволъ“ Л. Толстого), можемъ прослѣдить: когда грязныя мысли, картины, злые помыслы толпою осаждаютъ насъ, и мы вдругъ вспомнимъ Бога, мысленно обратимся къ Нему, то моментально они разсѣиваются, какъ дымъ отъ вѣтра. Бѣда въ томъ, что въ этотъ моментъ нашъ разумъ затемняется, воля какъ бы парализуется, и мы не вспоминаемъ Бога. Такъ обр., очевидна тѣсная связь нравственности съ догматами грѣхопаденія, искупленія, о Духѣ Святомъ и т. д., очевидна невозможность быть нравственнымъ безъ Бога, безъ благодати, подающейся въ христіанской религіи. Естественная нравственность, которую имѣютъ лучшіе язычники и теперешніе невѣрующіе, есть только прирожденное свойство человѣка, да и то не въ цѣломъ, а въ частяхъ; но нужно имѣть „умную нравственность“, т. е. ясное

3. Но догматы основываются на Свящ. Писаніи, безъ изученія котораго они непонятны. Между тѣмъ въ школахъ учащіеся очень недостаточно знакомятся съ нимъ, Законъ Божій изучается по учебникамъ, въ которыхъ только отрывками приводятся тексты, и это большой недостатокъ, этимъ очень слабы православные, и этимъ объясняется успѣхъ сектантовъ, которые своею начитанностью Священнаго Писанія увлекаютъ ихъ въ свою секту: православные, мало знакомые (бываетъ, и совсѣмъ незнакомые) съ Евангеліемъ и ученіемъ апостоловъ, слышатъ, какъ что-то новое, увлекаются высотой и чистотою евангельскаго ученія и, не умѣя разобраться въ правильномъ пониманіи его, идутъ толпою за этими учителями. Евангеліе, Дѣянія и Посланія апостольскія должны быть, по этой причинѣ, прочитаны въ средней школѣ полностью „сознательно,“ въ низшей школѣ Посланія апостоловъ по возможности, Евангеліе же и Дѣянія обязательно. При чтеніи ихъ весьма полезно останавливать особое вниманіе учащихся на тѣхъ мѣстахъ, которые разъясняютъ ка-сающагося непосредственно ихъ жизни, напр., о праздномъ словѣ „еже аще рекутъ человекѣцы,“ сквернословіи (Мѣ. XII, 36, Посл. къ Ефес. IV, 5 и V, 4), о повиновеніи вообще властямъ (Іоан. IXX, 11; 1 посл. къ Тимое. II, 1—2; Титу III, 1 и др. мѣста), объ отношеніи къ духовенству: о почтительности къ нему, платѣ за требы и пр. (Мѣ. X, 9—15, Марк. VI, 11; 1 посл. къ Коринт. IX, 9, 13—14). Сильное впечатлѣніе производило на учащихся во время „освободительнаго“ движенія, когда во многихъ приходяхъ крестьяне отказывали духовенству въ доходахъ, предлагаемое мною при ревизіи школъ чтеніе этого мѣста

понятіе о нравственности и о грѣхѣ, а чтобы понять ихъ, нужно изучить суть и источникъ грѣха, суть и источникъ нравственности, а это познаніе даетъ одна христіанская религія, которая и учитъ, и указываетъ средства, и подаетъ помощь къ достиженію нравственнаго совершенства: одинъ Христосъ—источникъ чистой нравственности. Нравственность виѣ христіанства уже не нравственность, какъ естественная потребность человѣческой природы, вытекающая изъ побужденій чистыхъ, высшихъ, религіозныхъ, а какъ простое и условное обязательство, дающее изъ утилитарныхъ цѣлей. Христіанская нравственность есть исполненіе того, „что есть воля Божія,“ а Богу угодно то, „что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвала“ (Филип. VV, 8); слѣд. въ христіанской нравственности одни только чистыя, безэгоистичныя побужденія—*добро для добра*. Люди различныхъ убѣжденій, взглядовъ, и потому различно понимающихъ нравственность: то, что одними считается безнравственнымъ, другіе признаютъ за естественное (Андреевъ, Арцыбашевъ, Вербицкая, Ницше и др.), даже похвальное, сужденія о нравственности, обычно, неустойчивы, невѣрны, такъ какъ, нечѣмъ, такъ сказать, контролировать себя, кромѣ своего разумія, а разумія людей очень ошибочны; христіанствъ же имѣетъ ясное, неизбѣжное понятіе о нравственности, основывающееся не на произвольномъ шаткомъ толкованіи, а на ясно выраженныхъ заповѣдяхъ Божіихъ—совѣсть теперь не можетъ заблудиться: все сказано Христомъ. Высота же и чистота христіанской этики засвидѣтельствованы всѣми безъ исключенія первоклассными учеными и мыслителями: Руссо, Кантъ, Штраусъ, Паркеръ, Ренанъ, Гюйо, Шульцъ, Геккель, и пр. (см. мои лекціи „Л. Н. Толстой, какъ моралистъ“). Несостоятельность ученія о нравственности безъ религіи доказывается особенно сильно и тѣмъ, что міръ предъ пришествіемъ Спасителя дошелъ до полного разложенія и развращенія; и никакіе философы не могли исправить нравственности людей: мудрецы древняго міра въ безнліи передъ зломъ опускали руки, приходили въ отчаяніе. Плиній, Сенека, Плутархъ и др. самую жизнь называли зломъ, многіе, по свидѣтельству Плинія, считали „лучшею долею совсѣмъ не родиться или скорѣе умереть“; лишь христіанство совершенно измѣнило и очистило нравы. Современная намъ развращенность общества, несмотря ни на какія системы философовъ и ученыхъ, есть прямой результатъ уклоненія отъ христіанской этики.

съ объясненіемъ, какъ велико будетъ наказаніе не принявшихъ священника—преемника апостоловъ („отрадиѣ будетъ землѣ Садомстѣй и Гоморстѣй“). Это мѣсто я, обыкновенно, предлагалъ прочитатъ при разъясненіи 5-й заповѣди, чтобы ученики видѣли, что повиновеніе законной власти и уважительное отношеніе къ священнику и вознагражденіе его за тѣры есъ заповѣдъ Спасителя и установленіе апостоловъ, а не измышленіе поповъ для своей пользы, какъ теперъ слышится въ обществѣ.

Программы требуютъ чтенія Псалтири, и правильно: книга эта весьма полезна для укрѣпленія религіознаго чувства и для сознательнаго участія умомъ и сердцемъ въ ея чтенія при богослуженіи *). Но большинство учащихся и нѣкоторые начальствующие надъ ними отвергаютъ Псалтирь и ограничиваются только Евангеліемъ, потому что, говорятъ, переводъ и пониманіе псалмовъ трудны. Правда, переводить на русскій языкъ Псалтирь трудно, есть мѣста, непонятныя даже для самихъ учащихся, о чемъ одна учительница на конференціи заявила: „Я сама не понимаю многихъ мѣстъ, не понимаю, что значитъ: яко лядвія моя наполнишася поруганій“... Въ виду этого и по недостатку времени не слѣдуетъ предлагать учащимся читать всѣ псалмы по порядку, а только болѣе употребительныя при богослуженіи, напр., шесто-псалміе, псалмы на часахъ; вообще, достаточно тѣхъ псалмовъ, какіе помѣщены въ книгѣ Тихомирова для церковно-славян. чтенія,—руководство для учениковъ начальныхъ, школь.

4. Изучается ли въ школахъ *суть христіанской религіи*? Едва ли мы ошибемъ, если скажемъ, что въ большинствѣ нѣтъ. Доселѣ, главнымъ образомъ, учили вѣровать, только вѣровать, при томъ слѣпо; но самая суть христіанства—любовь, ступшевывалась. Ап. Павелъ говоритъ: *Пребываютъ сіи три; вѣра, надежда, любовь, но любовь изъ нихъ больше*“ (1 посл. Коринѣ. XIII, 13). Въ Ветхомъ Завѣтѣ красною нитью проходитъ проявленіе любви Божіей къ людямъ, множество примѣровъ любви и преданности Богу ветхо-завѣтныхъ людей; весь Новый Завѣтъ—любовь: Христосъ—величайшая любовь, апостолы проявили любовь къ Богу до самоотреченія, страданій и мученической кончины; у первыхъ христіанъ эгоизма не было—имущество было общее. Теперъ

*) Люди „новые“ на Псалтирь, смотрятъ какъ на что-то стародавнее, износившееся. Такъ ли? Солнце, луна еще болѣе стародавни. Почему же не изыскиваютъ средствъ замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь новымъ? Природа человѣческая также весьма стародавняя, новаго въ ней ничего не видимъ: горе, радость, стремленіе, поэзія, и пр. одни и тѣ же во всѣ вѣка. Въ Псалтири весьма ярко, глубоко отражаются разнообразныя чувствованія чловѣка, вся душа—паружи. Если васъ несправедливо обижаютъ, гонятъ,—прочтите 3 псаломъ; если совѣсть упрекаетъ васъ или постыжитъ горе—вы сами не можете такъ излить свои чувства, какъ въ псалмахъ. Восхищаемся же мы поэтами. Если не можете по-славянски постигнуть поэзію псалма, прочитайте въ русскомъ переводѣ. Вся суть въ томъ, что чувства поэта-царя направлены къ одному Богу, а Богъ-то и не правится „просвѣщеннымъ“ людямъ. „Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ.“.. „Съ нечестивымъ развратишася“, читаемъ въ Псалтири, а новое направленіе говоритъ: „устраивайте побольше для дѣтей вечеровъ, спектаклей, танцевъ, посвящайте ихъ во всѣ тайны, развращайте“ (Арцыбашевъ, Вербицкая и др.) Противъ Псалтири потому, что не читаютъ ея, не знаютъ, не понимаютъ всей прелести ея поэзіи, а болѣе потому, что наши передовые люди бѣгаютъ вообще духовныхъ книгъ. „Кто бы ни читалъ ее, всякій можетъ найти въ ней то дѣяство, котораго именно требуютъ язы его,“ говоритъ о значеніи Псалтири св. Амвросій Медианскій.

же вѣкъ эгоизма: въ жизни общества играетъ главную роль „общественный пирогъ“; въ жертву эгоизму—Золотому Тельцу—приносятся и честь, и здоровье, и семейное счастье и даже свое отечество. Такъ и нужно воспитывать юношество въ духѣ христіанской любви, разъяснять ему, что эгоизмъ есть главное современное зло, что личное счастье не достигается безъ взаимной любви къ людямъ. Теперь рѣдко встрѣтишь человѣка, способнаго понять и войтивъ положеніе другого. Слѣдовательно, основа, суть христіанства—любовь и вѣра, а изъ нихъ вытекаетъ надежда, и должна быть положена въ основу преподаванія. Библейскіе примѣры должны составлять иллюстрацію къ этимъ основамъ; вѣроченіе должно служить къ разъясненію ихъ такъ, чтобы историческія сказанія, катехизическіе вопросы, подробности церковнаго богослуженія, не затемняли, не заслоняли этой сути христіанства. Скажутъ, что это извѣстно. Да, извѣстно, но на словахъ, а не въ понятіи, не на дѣлѣ. Въ школахъ въ большинствѣ такъ не преподаютъ. Духомъ и истиною должно быть пронизано все преподаваніе Закона Божіемъ въ нихъ должны сосредоточиваться, какъ въ фокусѣ, всѣ предлагаемыя свѣдѣнія изъ Закона Божія. Нравственные законы нужно писать на скрижаляхъ сердца, души; суть въ нравственныхъ убѣжденіяхъ, а не въ одномъ только знаніи истины.

Затѣмъ богослуженія, обряды. Септанты и „прогрессивные“ интеллигенты, подъ вліяніемъ протестантства, осуждаютъ православную церковь за ея обряды, признаютъ ихъ ненужными, а нашъ простой народъ ложно ихъ понимаетъ, думаетъ, что вся суть въ нихъ. Истинный смыслъ и значеніе ихъ и должны быть выяснены. Между тѣмъ, въ школахъ богослуженіе изучается преимущественно съ формальной стороны: что читается, поется, что означаетъ возженіе свѣчей, каженіе и пр. и пр. Пониманіе всѣхъ этихъ принадлежностей богослуженія, безъ всякаго сомнѣнія, необходимо; но остается непонятнымъ: нужны ли онѣ, не слѣдуетъ ли молиться только въ духѣ, на что особенно напираютъ баптисты и другіе септанты? Поэтому надлежитъ выяснить, что необходимость обрядовъ при богослуженіи вытекаетъ какъ изъ повелѣнія самого Бога, такъ и изъ потребности и свойства природы человѣка: человѣкъ можетъ познавать, чувствовать только посредствомъ внѣшней природы. Спаситель выяснялъ невидимое, божественное посредствомъ уподобленій, сравненія съ обыденными предметами, приучалъ своихъ слушателей познавать Бога, Его промыселъ изъ Его творенія. Ап. Павелъ въ посланіи къ Римлян. (I, 20) говоритъ: „невидимая Его вѣчная сила и Божество отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы“. Генри Друммондъ, англійскій проповѣдникъ, въ соч. „Идеальная жизнь“ такъ выясняетъ: „Господь далъ намъ ее (религію) въ видимой формѣ. Все, что Христосъ сказалъ о вѣчности, онъ облекъ въ образы видимаго міра. Что такое всѣ Его притчи, всѣ указанія на природу, примѣры изъ дѣйствительной жизни, Его метафоры и уподобленія, какъ не раскрытіе для нашихъ ослѣпленныхъ глазъ невидимаго въ видимомъ? Въ дѣйствительности вѣчное ближе всего намъ тогда, когда оно въ матеріальномъ видѣ. Разумъ не можетъ приблизить къ намъ религію, но сдѣлать это могутъ только видимые предметы; поэтому Христосъ никогда ничего не доказывалъ, никогда не обращался къ мыслительнымъ способностямъ человѣка, но къ его зрительной способности, къ силѣ

воображенія, имѣющей дѣло съ образами вещей. Въ этомъ-то и разгадка ученія Христа, что онъ говорилъ не разуму, но воображенію. Онъ непрестанно указывалъ на предметы. Онъ показывалъ хлѣбъ и говорилъ: „Я хлѣбъ“. Христось заставилъ насъ видѣть въ самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ предметахъ видамаго міра зеркала, отражающія вѣчное. Христось не говорилъ, что онъ подобенъ этому (свѣту, жизни, виноградной лозѣ, вину, пастырю...), а онъ есть все это. Смотрите сквозь эти вещи, и вы увидите Его. Мы постоянно готовимъ неудачу и разочарованіе, пытаюсь узнать духовный міръ инымъ путемъ, чѣмъ чрезъ посредство этого тѣлеснаго міра.. Каждая вѣчная истина имѣла на землѣ свой тѣлесный образъ: въ морѣ человекъ видѣлъ вѣчность, въ пространствѣ — безконечность, въ горахъ — величіе, въ семѣ — любовь, въ государствѣ — законъ; лишь не было (въ Вѣтомъ Завѣтѣ) образа Божія, но Господь далъ его: воплотился. Слово „Богъ“ не давало намъ никакого представленія о Немъ; въ видимомъ мірѣ не существовало ничего соотвѣтствующаго этому слову, а ни одно слово не будетъ понятно для насъ безъ образа, объясняющаго его, поэтому „Слово плоть бысть“.—И это такъ. Вотъ почему нужны иконы, обряды. Богослуженія, обряды, иконы—это виѣшнее, средства, которыя способствуютъ намъ вознестись къ Богу и соединиться съ Нимъ, это пища, которая составляетъ только необходимое средство для поддержанія жизни, но не сама жизнь; такимъ образомъ они имѣютъ служебное значеніе, а самая суть въ жизни духа, въ постепенномъ совершенствованіи его и наконецъ сліянніи съ Божествомъ. Протестанты нѣмды не имѣютъ этой пищи—познаванія и чувствованія Бога чрезъ видимый міръ, у нихъ вѣроученіе и богослуженіе имѣютъ отвлеченный характеръ, а потому они не имѣютъ самой жизни во Христѣ, что теперь ясно показали: Христось—любовь, они жестоки, черствые эгоисты; Христось—смирненіе, они влюблены въ себя, горды и этимъ показали, что въ нихъ нѣтъ духа Христа. Таково вліяніе виѣшнихъ формъ, обрядовъ на душу человека, если значеніе ихъ правильно понимается, а потому необходимо въ школѣ выяснять самую ихъ сущность. Поэзія составляетъ существенную часть природы человека, а она выражается въ образахъ—музыкѣ, стихотвореніи, картинахъ, ваяніи и пр. Мы, напр., много разъ читали Шекспира, Островскаго, „Ревизора“ Гоголя, однако идемъ въ театръ „посмотрѣть“, т. е. у насъ есть потребность видѣть въ дѣйствительности, въ образахъ воспринятое умомъ. Православная религія и удовлетворяетъ поэтическому свойству духа человеческого въ обрядности, какъ выраженіе во виѣшнихъ образахъ нашего духовнаго міра: крестное знаменіе, поклоны, возведеніе глазъ къ небу выражаютъ наше чувство; литургія напоминаетъ наглядно всю жизнь Спасителя—мы сами можемъ переживать, участвовать въ земной жизни І. Христа, если „станемъ добрѣ“ да постоянно „вонемъ“, т. е. углубимся мыслію и чувствомъ въ созерцаніе проходящихъ предъ нами событій изъ жизни Спасителя.

Вмѣстѣ съ обрядами церковь установила и разныя правила для жизни, которыя удивительно цѣлесообразны, практичны и полезны, а потому необходимы, ибо они урегулируютъ жизнь тѣмъ, что требуютъ умѣренности во всемъ, а умѣренность ведетъ къ физическому здоровью, ясности и трезвости мышленія, къ равновѣсію духовной природы съ фізіологическою, а отсюда къ спокойствію, довольству своею жизнью

и, какъ результатъ, счастью *). Медицина сравнительно съ недавняго времени положительно рекомендуетъ умѣренность въ пищѣ и періодическую ея перемѣну (мясную на растительную) для совершеннаго здоровья и бодрости духа: профессоръ Чиждъ, д-ра Лясковскій, Апраксинъ, Зеландъ, Ивельцъ, Ламанъ и др. доказываютъ громадное значеніе поста въ физиологическомъ и психическомъ отношеніи, а церковь уже давно, еще при началѣ своей организаціи, предписываетъ это средство установленіемъ постовъ; чревоугодіе, ставитъ въ тяжкій грѣхъ; вино вредно—это доказано, и церковь говоритъ: „пьяницы царствія Божія не наследуютъ“ (I Коринѳ. VI, 10), значить, требуетъ умѣренности, а въ посты совершенно запрещаетъ употребленіе вина; половое излішество, распущенность нравовъ страшно разстраиваютъ организмъ, производятъ болѣзни, преждевременно старятъ и сводятъ въ могилу—церковь требуетъ законнаго сожительства и въ посты, подь праздники, подь постные дни полнаго воздержанія, и все въ этомъ духѣ съ одною цѣлью пользы для души и тѣла. Извѣстно, что природа жестоко наказываетъ за нарушеніе ея законовъ; церковь и указываетъ средства, какъ жить въ согласіи съ природою—церковь природы не насилуетъ. Удивительная практичность и полезность православной морали; удивительно, что церковныя правила задолго предупредили медицинскіе выводы и философскіе взгляды ученыхъ на жизнь; удивительна мудрость совѣтовъ и наставленій отцовъ церкви! Приведу въ примѣръ совѣтъ оптинскаго старца о. Амвросія, данный лично мнѣ на вопросъ: какіихъ правилъ слѣдуетъ держаться въ практической жизни? О. Амвросій отвѣтилъ: „не осуждай, не досаждай, будь доволенъ своимъ положеніемъ и всѣмъ наше почтеніе“. Мудрое правило, и если бы мы соблюдали его, то наша жизнь была бы счастливою; отъ нарушенія именно этихъ правилъ общество и страдаетъ. Этой-то жизненной практической стороны христіанской морали обыкновенно въ школахъ и не преподають, почему учащіеся и не интересуются Закономъ Божиимъ и не понимаютъ сути его, остаются съ непониманіемъ и по окончаніи ученія. Изученіе Закона Б., какъ учебнаго предмета, необходимо, чтобы прочно улеглось въ памяти, но самая суть-то заключается въ его жизненности.

6. Христосъ въ началѣ своего служенія ясно указалъ свою программу которая должна служить программою жизни, дѣятельности каждаго Его послѣдователя. Онъ, войдя въ синагогу, прочиталъ изъ книги пророка Исаія: *Духъ Господень на Мнѣ, ибо Онъ помазалъ Меня благовѣствовать нищимъ и послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердецъ, проповѣдывать въ нѣмныхъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу. проповѣдывать мѣто Господне благопріятное* (Лук. IV, 18—19). Такимъ образомъ Его программа—доставить людямъ свободу, равенство, именно: свободу отъ плѣна грѣха и отъ угнетенія, рабства социальнаго: во Христѣ нѣтъ раба—всѣ братья, всѣ равны, но равны по человѣческому достоинству въ духовномъ смыслѣ, а не равны въ политическомъ и общественномъ отношеніи, ибо Христосъ признавалъ и властей и начальствующихъ надъ подчиненными, до-

*) Въ виду значенія церковныхъ правилъ и установленій считаю полезнымъ повторить здѣсь сказанное о нихъ въ моей статьѣ „Къ вопросу о нашей школѣ“, въ № 7—8 за 1915 г. Миссіон. Сборн.

ставить прозрѣніе, т.-е. познание истины, доставить утѣшеніе и радость: христіанская религія доставляетъ радость, міръ, счастье, душевный покой: „Радуйтесь“, говорилъ Христосъ, „радуйтесь о Господѣ“, говорили апостолы. Эту программу мы—христіане должны себѣ усвоить, чтобы по ней располагать свою жизнь, и она, слѣдовательно должна быть выяснена въ школѣ начальной элементарно, средней широко, а въ высшей всесторонне. „Помогать людям“, говоритъ Генри Друммондъ, „сдѣлаться хорошими людьми, хорошими отцами, матерями, сыновьями и гражданами—въ этомъ резюмируется сущность всей разнообразной дѣятельности христіанина и дѣятельнаго гражданина“.

Какой же выводъ изъ всего сказаннаго? Выводъ тотъ, что преподаваніе закона Божія въ школахъ должно быть поставлено иначе, чѣмъ оно было до сихъ поръ: оно было преимущественно формальное, схоластичное, не затрагивающее ни ума, ни сердца. Теперь же, въ рационалистическій вѣкъ, оно должно удовлетворять и запросамъ ума—выяснять самую суть религіи убѣдительно и научно, и вліять на чувство—поэтическую сторону человѣческой природы, и укрѣплять волю, чтобы человѣкъ могъ свое сознаніе долга проявлять на дѣлѣ. Для этого законоучители сами должны быть исполнительны и служить добрымъ примѣромъ; поэтому должно быть живое преподаваніе въ формѣ бесѣды, не по учебнику, назначеніе котораго лишь закрѣплять въ памяти преподанное, должно воспитывать въ собственномъ смыслѣ, а для этого каждое ученіе Христа, апостоловъ и вообще изреченіе свящ. писанія должно не заучиваться только, а дѣйствительно „изучаться“, смыслъ ихъ долженъ имѣть жизненное значеніе, практическое примѣненіе: факты изъ исторіи суть примѣры, уроки благочестія, богослуженія съ ихъ обрядами суть средства къ приближенію и единенію насъ съ Богомъ, катехизисъ долженъ быть тѣсно связанъ съ правоученіемъ. Ап. Павелъ пишетъ: „Духа не угашайте“ (посл. къ Тимотею. 5, 19). „Христосъ далъ намъ способность быть служителями Новаго Завѣта, не буквы, а духа, потому что буква убиваетъ, а духъ животворитъ“ (2 Коринѣ. 3. 6). Теологія Христа заключается въ какой-нибудь полдюжинѣ словъ: міръ, жизнь, вѣра, любовь... и великое новое слово новой религіи—„Отецъ.“ Это немногое, самую суть и нужно имѣть въ виду законоучителю, а не разбрасываться по мелочамъ, или, иначе, подробности, мелочи не должны затемнять сути, а служить ей разъясненіемъ. Основныхъ правилъ Христовыхъ немного: 1) искать небеснаго, согласовать свои мысли, слова и дѣла съ тѣмъ, „что есть воля Божія“ (Римл. 12, 2), 2) взять крестъ свой и итти въ слѣдъ Христа къ Отцу (Мѣ. 16, 24), 3) слово Его соблюдать, 4) любить Отца небеснаго больше отца, матери, жены и др. и любить ближняго (Мѣ. 10, 37)—не дѣлать другому того, чего себѣ не желаешь и 5) исповѣдывать Господа (Мѣ. 10, 32). Все же сводится къ двумъ основамъ: Богъ—любящій Отецъ, мы—Его любимыя дѣти, но слабыя, не могущія безъ Него и шагу ступить по пути добра, а потому требующія непрестанно Его помощи. Каждому законоучителю и слѣдуетъ эти основы христіанскаго вѣроученія уяснить самому себѣ, намѣтить ихъ себѣ цѣлю и итти къ ней неуклонно въ преподаваніи. Миссіонеры серьезно готовятся къ бесѣдѣ съ сектантами; у нихъ двѣ цѣли—возвратить заблудшихся въ лоно православной церкви и оградить и твердо укрѣпить въ ея истинахъ самихъ православныхъ, чтобы

они не увлеклись ложными мудрствованиями. Такъ и законоучитель: онъ во 1-хъ, долженъ самъ обладать серьезнымъ научнымъ образованіемъ, слѣдить за литературою по его специальности, во 2-хъ, долженъ учить вѣрѣ Христовой такъ, чтобы христіанское вѣроученіе сознательно и прочно проникло въ умъ и сердце учениковъ, показать имъ программу жизни, вытекающей изъ программы Христа, въ 3-хъ, оградить учащихся отъ развращающаго вліянія ложно понятой науки, гнусной литературы, однимъ словомъ, охранять юное стадо отъ духовныхъ волковъ. Духовный врагъ—духъ злобы—не дремлетъ; такъ нельзя же дремать и спать пастухамъ. Пастыри должны же сознать, что внутренний врагъ—невѣріе, уклоненіе отъ православія и, какъ слѣдствіе, распатанность народа страшнѣе, опаснѣе, чѣмъ страшный внѣшній врагъ—нѣмцы. Нѣмцы угрожаютъ государству, но они будутъ побѣждены и засиліе ихъ уничтожится; невѣріе же, сектанство, какъ баптизмъ, толстовство и т. д., суть враги и церкви и государства—и ту и другую стремятся ниспровергнуть; тамъ борьба внѣшней силы, здѣсь борьба силы духовной. „Наша брань, говоритъ ап. Павелъ (посл. къ Ефес. 6, 12), „не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міроправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ.„ Тамъ страданіе физическое, здѣсь болѣзнь духа, а психическія болѣзни гораздо упорнѣе, борьба съ ними гораздо труднѣе, чѣмъ съ болѣзнями тѣла; тамъ гибнетъ тѣло и внѣшнее благополучіе, здѣсь гибнетъ душа со всѣми ужасными отъ этого послѣдствіями. Нужно, поэтому, немедленно произвести мобилизацію духовныхъ силъ и итти на врага, не падая здоровья, жизни. Воины наши, защищая отечество, не щадили же своего здоровья, самой жизни, а многіе наши духовные воины—пастыри законоучители...? Ихъ долгъ также спасать отечество отъ нравственнаго разложенія; нравственное же разложеніе общества, какъ я сказалъ въ началѣ, влечетъ за собою распатанность и слабость государства и доводитъ, наконецъ, до гибели. Это, видимо, не всѣ признаютъ, не все признаютъ даже иные государственные люди,—можетъ быть, и признаютъ, но руководятся правиломъ эгоизма: лишь бы мнѣ было хорошо, а послѣ меня хоть потопъ. Усиленно хлопочутъ теперь о военной мощи, но мало заботятся о моральной, которая собственно и составляетъ основу военной мощи: сила арміи въ духѣ ея воиновъ, духъ же русскаго народа, русскаго воина, неоднократно спасавшій отечество на протяженіи всей его исторіи, есть Православная вѣра.

Закончу общимъ заключеніемъ: въ основѣ истинной нравственности—христіанская религія, и, слѣдовательно, чтобы быть сознательно нравственнымъ, нужно понять суть религіи умомъ и воспринять сердцемъ, а по сему преподаваніе закона Божія должно быть живое, жизненное, направленное къ развитію всѣхъ силъ—умственныхъ и моральныхъ.

Д. Аннинскій,

бывшій инспекторъ народныхъ училищъ.

Обученіе гольдскихъ и гилякскихъ дѣтей русскому разговорному языку и русской грамотѣ.

Начальникъ инородческой миссіи Благовѣщенской епархіи.

(Продолженіе).

Конспектъ учебнаго матеріала по русскому языку для учениковъ младшей группы перваго отдѣленія инородческихъ школъ Благовѣщенской епархіи.

1. Учитель—ученикъ. Имена (кличка, названіе), отчество (по отцу), и фамиліи (прозвище, родъ, племя), учениковъ. Встань—сядь; встаньте—сядьте.

Рука, нога, голова, ухо, носъ, глазъ, палець. Говори—говорите; скажи—скажите. Кто это? Что это?

Показать ученикамъ, какъ нужно правильно изобразить на себѣ крестное знаменіе. Крестъ (деревянный и шейный); икона.

2. Хлѣбъ, каша; тетрадь, книга. Подними—поднимите; опусти—опустите: руку, ногу, голову, палець, хлѣбъ, кашу тетрадь, книгу.

Ручка, карандашъ, перо, мѣль, чернильница, колокольчикъ, линейка.

Шея, колѣно, спина, поясница, лицо, грудь, плечо, брюхо.

Мыло—мыло. Научить учениковъ мыть лицо и руки.

3. Стулъ, столъ, парта, доска (классная). Дверь, окно, печь, домъ, школа, классъ, крыша, стѣна, потолокъ, полъ, уголь.

Возьми—возмите; принеси—те; унеси—те; положи—те; дай—те; покажи—те; брось—те (предметы заученные).

4. Иди—идите; войди—те; дойди—те; приходи—те; бѣгай—те; стой—те; остановись—те. Къ (куда?), въ (куда?), у (чего?), изъ (откуда?), до (чего?).

Примѣры: №№. иди въ партѣ... къ доскѣ... къ школѣ... къ стѣнѣ... къ стулу... къ столу... къ окну... къ дому... къ углу... къ двери... къ печи (иди... войди) въ дверь... въ школу... въ классъ... въ уголь... (а также обращеніе и глаголь во множ. числѣ). №№. бѣгай (встань, стой, сядь, остановись) у стола... у стула... у парты... у доски... у двери... у овна... у печи... у дома... у школы... у стѣны... (а также—обращеніе и глаголь во мн. ч.). №№. выйди... (выйдите) изъ дома... изъ школы... изъ класса... №№. дойди (дойдите) до стула... до стола... до парты... до доски... до двери... до овна... до печи... до школы... до дома... до угла... до стѣны...

5. Звони—те (во что?); ударь—те (во что?) Примѣры, а также—повтореніе уроковъ предыдущаго дня.

6. Повтореніе всего заученнаго, а затѣмъ—новые примѣры: №№. звони(—те) въ колокольчикъ... брось(—те) въ доску... въ стѣну... въ уголь... ударь(—те) въ стулъ... въ столъ... въ доску... въ дверь... въ стѣну...

МѢ, подними(-те) руку до головы... до шеи... тетрадь (книгу, карандашъ, ручку, перо, мѣль, чернильницу, колокольчикъ, линейку) до носа (до груди, до потолка)...

МѢ, подними(-те) руку у Ивана (у Петра)... руку къ головѣ (къ обну, къ плечу, къ доскѣ, къ потолку)...

МѢ, опусти(-те) руку до стола (до стула, до пола...))

МѢ, возьми(-те) у Ивана (у Петра...) тетрадь (книгу, ручку, карандашъ, перо, мѣль, чернильницу, линейку, колокольчикъ).

МѢ, возьми(-те) у доски мѣль... у парты линейку... у стола карандашъ... у стула ручку... у стѣны стулъ...

МѢ, возьми(-те) изъ стола (изъ парты) тетрадь... книгу... ручку... карандашъ... перо... мѣль... чернильницу... колокольчикъ... линейку...

МѢ, положи(-те) у стола (у стула, у парты, у доски, у двери, у стѣны, у окна, у печи) тетрадь, (книгу, ручку и т. д.).

МѢ, положи(-те) тетрадь (книгу...) въ парту (въ столъ...)

МѢ, дай(-те) тетрадь (мѣль...) изъ парты (изъ стола...)

МѢ, покажи(-те) носъ (руку...) у Ивана (у Петра...)

МѢ, брось(-те) мѣль (перо...) къ доскѣ (къ стѣнѣ...), въ доску (въ стѣну...), до потолка (до стула...) *)

7. И (союзъ), въ связи съ заученными именами существительными (напр., возьми книгу и тетрадь...) и глаголами (напр., иди и возьми мѣль). На (куда?) Сюда—туда, въ связи съ заученнымъ.

8. Слушай-те; смотри-те; повтори-те; спрашивай-те; отвѣчай-те; вопросъ—отвѣтъ; пиши-те; дѣлай-те; рисуй-те; чисти-те; мой-те. **)

9. Я—ты—онъ, въ связи со всѣми заученными глаголами въ наст. вр., съ союзомъ „и“ и съ нарѣчiami „туда—сюда“. Кто?

Письмо основныхъ элементовъ буквъ. ***)

10. Мы—вы—они (-то же).

Письмо основныхъ элементовъ буквъ.

11. Худой—хорошій; худо—хорошо. Тихій—громкій; тихо—громко. Какъ? Кто? Что? Знаю, называю, зову, угадываю. Говорю, разговариваю, кричу, смѣюсь, плачу, молчу (наст. вр. и повел. накл.). Повторить заученные глаголы, въ связи съ именами существительными, мѣстоимѣниями, предлогами, нарѣчiami и союзами.

Письмо основныхъ элементовъ буквъ.

12. Мой—твой—его. Этотъ—тотъ. Здѣсь—тамъ. (Повторить съ этими словами всѣ заученныя имена существительныя, муж. рода, въ имен. пад., ед. числа и всѣ глаголы).

Письмо основныхъ элементовъ буквъ.

13. Одинъ, два, три, четыре, пять. Сколько? (На предметахъ). Первый, второй, третій, четвертый, пятый. Который? (на предметахъ: имена сущ. муж. р.).

*) Уроки 4—6 дней и въ послѣдующее время полезно навѣршнѣе часто повторять, разнообразя примѣры новыми (заучиваемыми) словами.

**) Съ этого дня необходимо приучать учениковъ, чтобы они сами, подъ наблюдениемъ и руководствомъ учителя (въ первое время полезно для этой цѣли удѣлять ежедневно получасовой урокъ), задавали вопросы и приказанiя другъ другу и отвѣчали бы на эти вопросы.

***) Въ эти дни можно начинать письмо основныхъ элементовъ буквъ въ тетрадяхъ, но не карандашами, а чернильными перьями.

Письмо основныхъ элементовъ буквѣ.

14. Закрываю—открываю. Тяну (голосомъ и руками). Протяжный, скорый, медленный; протяжно, скоро, медленно. Не (при глаголахъ). Есть—ѣтъ; да. Прибавляю—отнимаю—отдаю. (Примѣры).

Письмо цифръ: 1, 4 и основныхъ элементовъ буквѣ.

15—16. Прощ. время ед. ч. и мн. ч. заученныхъ глаголовъ (на примѣрахъ, напр.: „брось линейку!“ Ученикъ бросаетъ, а учитель спрашиваетъ: „что ты сдѣлалъ?“ — „Я бросилъ линейку“, отвѣчаетъ ученикъ).

Письмо цифры—5 и основныхъ элементовъ буквѣ.

17—18. Будущ. время ед. ч. и мн. ч. заученныхъ глаголовъ (на примѣрахъ).

Письмо цифры—2 и основныхъ элементовъ буквѣ.

19. Предметъ, часть, слово, слогъ, звукъ, буква. Читать, писать. Бумага, чернила. Повтореніе уроковъ 15—18 дней.

Письмо цифры—3 и основныхъ элементовъ буквѣ.

20. Большой—маленькій. Начинать—кончать; начало—конецъ. Ударять—удареніе—ударъ. Говорить—разговаривать—разговоръ. Звонить—звонъ. Писать—писаніе (письмо). Читать—чтеніе. Дѣлать—дѣланіе (дѣло). Знать—знаніе. Спать—спанье (сонъ). Называть—названіе. Кричать—крикъ.

Письмо цифръ и основныхъ элементовъ буквѣ. Повтореніе уроковъ 19 дня.

Звуки и буквы: а, у. Письмо буквы—„а“.

21. Черта. Знакъ. (Замѣтка, значекъ, вѣха). Остановиться—остановка. Запятая. Точка.

Письмо буквы „у“.

Старикъ—старуха. Отецъ—мать. Имена, отчества и фамиліи отца и матери учениковъ. Земля—вода. Лужа, озеро, море, рѣка.

Чтеніе и письмо слова—ау.

22. Языкъ, зубъ, волосъ, прядь (волосъ), лобъ, ротъ, локоть, ноготь. Сапогъ, рубашка, шуба, шапка, шляпа, ремень, пуговица, чулокъ. Несу, уношу, приношу. На (куда?) Карта, картина.

Письмо и чтеніе заученныхъ буквѣ, словъ и цифръ.

23. Звукъ и буква: м, письмо ея.

Что дѣлаю-ешь-еть? Что я, ты, онъ сдѣлалъ? Что сдѣлаю-ешь-еть? (я—во множ. ч.). Повторительные разговорные уроки. *)

24. Имен. пад. мн. ч. именъ сущ., не мѣняющихъ ударенія: парта, чернильница, зубъ, шуба, шляпа, классъ, вопросъ, волосъ, предметъ, буква, отвѣтъ, ударъ; слогъ, звукъ, знакъ, замѣтка, остановка, точка, лужа, бумага, тетрадь, ручка, шапка, часть, линейка, книга, дверь, печь.

Письмо словъ: ау, ма, му.

25. Братъ—сестра. Мужъ—жена. Мальчикъ—дѣвочка. Мужчина—женщина. Дѣдушка—бабушка. Ночь, утро, день, вечеръ. Вчера, сегодня, завтра. Именит. пад. мн. ч. им. сущ., не мѣняющихъ ударенія.

Письмо словъ: ау, ма, му.

26. Имен. пад. множ. ч. им. сущ., мѣняющихъ ударенія: голова, носъ, спина, вода, столъ, стрѣла, стѣна, поле; земля, языкъ, рука, нога, сапогъ, вѣха, ученикъ, карандашъ, доска. На (гдѣ?) Въ (гдѣ?)

*) Съ этого дня можно начинать устные и письменныя занятія по ариметикѣ сначала въ предѣлѣхъ перваго пятка на сложеніе и вычисленіе.

Письмо слова—му.

27. Кошка, мышь, крыса. Собака, конь. Кукушка, цапля, журавль, лебедь, гусь, утка. Крыло, клювъ, коготь, копыто. Гнѣздо, нора, дерево. Летать. Жить. Часто—рѣдко; частый—рѣдкій. Много—мало. Имен. пад. мн. ч. им. сущ., мѣняющихъ ударенія.

Письмо слова—мама.

Звукъ и буква—о, письмо ея.

Рама, стекло, скамейка, стуль, шалашъ, балаганъ, домъ, юрта. Чай, вино, водка, вода, ши, уха. Просо, мука, мясо, рыба. Соль, сахаръ. Холодный, теплый, горячій. Сладкій—горькій. Твердый—мягкій. Имен. пад. множ. ч. им. сущ. №№ 24 и 26.

29. Чашка, кружка, стаканъ, блюдце, тарелка, чайникъ, рюмка, бутылка, пробка, ложка. Дрова, огонь, уголь. Рубить, пилить, колоть. Очень—весьма. Имен. пад. множ. ч. именъ сущ.—№№ 24 и 26.

Чтеніе на бугву „о“; письмо слова—мо.

30. Имен. пад. множ. ч. им. существительныхъ: мальчикъ, дѣвочка, кошка, мышь, собака, крыса, конь, колѣно кукушка, гусь, утка, скамейка, шалашъ, юрта, домъ (ы-а), балаганъ, чашка, кружка, тарелка, ложка, дѣдушка, бабушка, волосъ (ы-а) мужчина, женщина, сестра, нора, рама, стаканъ, глазъ, окно, слово, вечеръ, вино, гнѣздо, стекло, озеро, блюдце, море, чайникъ, рюмка, бутылка, пробка, журавль, лебедь, клювъ, цапля, учитель; отецъ, потолокъ, значекъ, ремень, палець, чулокъ, огонь, сонъ, день, лобъ, ротъ, локоть, ноготь, ухо, копыто, уголь (угли).

Чтеніе на буквы: а, у, м, о. Диктовка читаемыхъ словъ, на разрѣзной азбукѣ. Письмо слова: мо, омо.

31. №№ 24, 26 и 30.

Звукъ и буква с; письмо ея. Письмо слова: ому.

32. Чтеніе словъ на букву „с“; письмо слова „оса“. Диктовка читаемыхъ словъ, на разрѣзной азбукѣ.

Имен. пад. множ. ч. им. сущ. №№ 24 26 и 30, а также словъ: стуль, мужъ, братъ, дерево, крыло, перо, уголь (-ья); мать, имя. Съ (съ вѣтъ? съ чѣтъ).

33. Повтореніе въ имен. пад. множ. ч. всѣхъ заученныхъ им. сущ. въ связи съ союзомъ „и“.

Чтеніе на бугву „с“; письмо слова: „соса“. Диктовка прочитанныхъ словъ на разрѣзной азбукѣ. *)

34. Пью, ѣмъ, играю, бѣгаю, чищу. Домъ—дома—домой. Вечеръ—вечеромъ. День—днемъ. Утро—утромъ. Ночь—ночью. (Нарѣчія изучать на примѣрахъ, въ связи съ заученными мѣстоимѣніями, глаголами и именами существительными).

Чтеніе словъ на заученныя буквы. Письмо слова: сусу.

Диктовка словъ на разрѣзной азбукѣ.

35. Счетъ на предметахъ до десяти (сколько? который?) Кому? Чему? Лужа, рѣчка, протока, озеро, море.

Одежда, обувь, пища, питье, ѣда. Новый—старый—молодой; заплата.

*) Съ этого дня необходимо начать ежедневное изученіе со словъ учителя общеупотребительныхъ начальныхъ краткихъ молитвъ и полезно заставлять учениковъ говорить въ классѣ на переменахъ между уроками только по-русски. ~

Прямой—кривой—извилистый; изгибъ, заливъ. Давно, недавно, теперь. Вдовець—вдова; холостой—женатый; дѣвица—замужняя.

Звукъ и буква н; письмо ея и цифры 10.

36. Чтеніе и диктовка на разрѣзной азбукѣ словъ на букву „н“.

Письмо словъ: нау, наму и цифры—6.

Повтореніе №№ 34 и 35.

37. Буква—ъ; письмо ея. Чтеніе и диктовка на разрѣзной азбукѣ словъ на буквы: н, ь. Письмо слова омонъ и цифры 9.

Повтореніе №№ 34 и 35.

38. Сынъ—дочь; внучъ—внучка; племянникъ—племянница; дядя—тетка; золовка—невѣстка; тестъ—теща; Идти, дойти, придти. Плыть, доплыть. Ъхать—доѣхать. Хочу, желаю, имѣю. Мѣрять, мѣрка, сажень, аршинъ. Повтореніе №№ 34 и 35.

Чтеніе и диктовка словъ на буквы: н, ь. Письмо слова: нуанъ и цифры 8.

39. Крѣпкій—слабый—сильный. Стволь, корень, вѣтвь, листъ, листы (бумаги) и листья (на деревѣ). Рѣшето, сито, лопаты, вилы, гвоздь, ножъ, пила, топоръ, молотокъ, точило. брусокъ (точильный). Вѣтеръ, вихрь, буря. Нитка, мотаузь, веревка. Зерно, сѣмя; сѣять—сидить. Сосѣдь. Близкій—далекій; близко—далеко.

Чтеніе и диктовка словъ на заученныя буквы. Письмо словъ: наму, омонъ и цифры 7. *)

40. Звукъ и буква—и; письмо ея. Чтеніе и диктовка словъ на букву „и“.

Письмо слова—ини и цифръ отъ 1 до 10.

Повтореніе №№ 38 и 39.

Учу—учусь; поднимаю(—юсь); опускаю(—юсь), показываю(—юсь), слушаю(—юсь); мою(—юсь), останавливаю(—юсь), дѣлаю(юсь), закрываю(—юсь), отгрываю(юсь), чищу(—усь), сажу, аю(—усь): въ наст., прош. и будущ. вр., въ повел. накл и съ глаголами—хочу, желаю.

Чтеніе и диктовка словъ на букву „и“. Письмо цифръ и слова—сиси.

42. Ледъ, полынья, прорубь, гололедица. Мѣшокъ, кулъ, кулець. Свѣча, лампа. Вверхъ—внизъ; противъ теченія—по теченію. Лисица, тигръ, выдра, медвѣдь, соболь, барсукъ, кабанъ (свинья, чушка), заяць, бѣлка, козель (козуля, коза). Стрѣляю, ружье, лукъ, пуля, стрѣла, порохъ, дробь. лапа. Повтореніе № 41.

Чтеніе и диктовка словъ на буквы: н, ь, и. Письмо слова—ниманъ.

43. Звукъ и буква „л“; письмо ея. Чтеніе и диктовка на букву „л“. Письмо слова лада.

Толстый—тонкій. Здоровый—больной—гнилой. Черный—бѣлый. Ложу(—сь), бросаю(—сь), ударяю(—сь). Смотрю(—сь) Тѣло. Зеркало. Ли, или; а, но.

44. Устье (рѣки и печи). Широкий—узкій. Крупный—мелкій—глуповій. Табакъ, трубка. Югъ, сѣверъ, востокъ, западъ.

Южный, сѣверный, восточный, западный. Щука, калуга, осетръ, карась, кета, сомъ, ленокъ, сазанъ, верхоглядь. Сѣть, неводъ, удочка. Удить, ловить, лодка. Внутри, снаружи, между. Кого? Чего? Кѣмъ? Чѣмъ? Кормъ, пища, нитье. Добрый—злой. Другъ, товарищъ, врагъ.

*) Съ этого дня можно начинать устные и письменныя занятія по арнем. тигѣ въ предѣлѣхъ перваго десятка на сложеніе и вычитаніе.

Чтеніе и диктовка словъ на буквѣ „д“. Письмо слова—соли.

45. Измѣненіе именъ существительныхъ, имѣющихъ правильныя склоненія, по падежамъ (не называя ихъ) един. и множ. ч. (на примѣрахъ). О комъ? о чемъ?

Чтеніе и диктовка на буквы: и, л. Письмо слова—оланъ. *)

46. Повтореніе № 45. Измѣненіе по падежамъ ед. ч.: я, ты, онъ (на примѣрахъ). Чтеніе на всѣ пройденныя буквы. Диктовка въ тетради словъ: ма, му, мо, ому, мама, оса, соса, сусу, нау.

47. Повтореніе № 45 и 46. Измѣненіе по пад. мн. ч.: мы, вы, они (на примѣрахъ). Чтеніе на всѣ пройденныя буквы. Диктовка въ тетради словъ: лала, соли, наму, омонъ, нуанъ ини, нуани, сиси, ниманъ оланъ.

47. Звукъ и буква—д; письмо ея. Чтеніе и диктовка по разръзнымъ азбукамъ на буквѣ—„д“. Письмо въ тетради слова—дади.

Себѣ—себя. Блоха, вошь, тараканъ, клопъ, муха, комаръ, мошка, Корзина. Клеймо (печать). Змѣя, драконъ, ящерица. Пудъ, фунтъ. Вѣсить (на что-л.), вѣсить (что-н.), вѣсть. Вѣсы, вѣшалка. Жердь палка, колъ. Сушить, мочить, вялить, коптить, солить. Сухой, моченый, мокрый, вяленый, копченый, соленый. Сушка, мочка, вяленье, копченіе, соленіе.

Жаръ, вода, воздухъ, дымъ, соль. Сушу(-сь), мочу(-сь). Снѣгъ, дождь.

49—50. Назови:

пищу, ѣду, кормъ, (хлѣбъ, каша, щи, уха, мясо, рыба соль, сахаръ); питье (молоко, чай, вино, водка, вода);

учебныя принадлежности и вещи (тетрадь, книга, бумага, чернила, ручка, карандашъ, перо, мѣлъ, чернильница, линейка);

мебель (стулъ, столъ, парта, доска, скамейка, вѣшалка);

имена (Петръ, Анна, Иванъ, Ирина...);

отчества (Петровичъ, Павловичъ...);

фамиліи (Самаръ, Хаджаръ, Доонка...);

обувь, одежду (сапогъ, рубашка, чулокъ, ремень. шляпа, шапка, шуба);
рыбъ (щука, калуга, осетръ, карась, кѣта, сомъ, ленокъ, сазанъ, верхоглядь);

птицъ (кукушка, цапля, журавль, лебедь, гусь, утка);

животныхъ и звѣрей (собака, конь, свинья, чужка, кошка, возель, кабанъ, лисица, тигръ, выдра, медвѣдь, соболь, барсукъ, заяцъ, бѣлка, козуля, коза, возель);

насъомыхъ (блоха, вошь, тараканъ, клопъ, муха, комаръ, мошка);
посуду (чашка, кружка, стаканъ, блюдце, тарелка, чайникъ, рюмка, бутылка, трубка, ложка);

орудія (лопата, вилы, ножъ, пила, топоръ, молотокъ, ружье, лукъ, стрѣла, сѣтъ, неводъ, удочка, точило, рѣшето, сито).

*) Измѣненіе именъ сущ. по падежамъ уже встрѣчалось, а именно—въ связи съ предлогами. Нынѣ повторить прежніе примѣры съ добавлением новыхъ упражненій (съ предлогами и безъ предлоговъ), напримѣръ:

Рыба живеть въ водѣ, а человекъ?... Птицы живутъ въ гнѣздахъ, а люди?... Шапку носить на головѣ, а сапогъ?... Книги лежать въ партахъ, а чернильницы?... Пишутъ мѣломъ, а мѣряютъ?... Удятъ?... Стрѣляютъ?... Листы въ книгѣ, а листья?... Ходятъ ногами, а слушаютъ?... Что ѣдятъ и пьютъ люди?... Учитель спрашиваетъ учен.?... а ученики отвѣчаютъ уч.?... Кто и гдѣ учить дѣтей? Гдѣ и кѣмъ учатся дѣти? Чѣмъ ловятъ рыбу? Изъ чего дѣлаютъ хлѣбъ? Уху? и т. под.

Чтеніе и диктовка по разрѣзнымъ азбукамъ словъ на буквѣ—„д“. Письмо въ тетради словъ: диди, дола, адули и буквѣ: а, у, о.

51. Назови:

части человѣческаго тѣла (руки, ноги, голова, шея, спина, грудь, поясница, брюхо);

части звѣринаго тѣла (лапы, голова, шея, спина, грудь, брюхо);

части птичьяго тѣла (ноги, голова, крылья, спина, грудь);

части рукъ (плечо, пальцы, локоть);

части ногъ (колѣно, пальцы);

части головы (уши, носъ, глаза, языкъ, зубы, волосы, лобъ, ротъ);

части дома (дверь, окно, печь, крыша, стѣна, потолокъ, полъ, уголь);

Чтеніе и диктовка по разрѣзнымъ азбукамъ словъ на буквѣ—„д“. Письмо въ тетради слова—дуинъ и буквѣ: и, ъ.

52. Повтореніе №№ 49, 60 и 51 на примѣрахъ слѣдующаго типа:

Каша—пища, а чашка?... рука у человѣка, а лапа?... лопата—орудіе, а сахаръ?... и т. п. Женскій—мужской. Крайній—средній.

Звукъ и буква—р; письмо ея. Письмо въ тетради слова—доро и буквѣ: м, л, с. Диктовка на разрѣзныхъ азбукахъ ранѣ прочитанныхъ словъ.

53—54. Овъ—она—оно; мой—моя—мое (отецъ, мать, братъ, сестра, мужъ, жена, старикъ, старуха, мальчикъ, дѣвочка, мужчина, женщина, дѣдушка, бабушка, вдовецъ, вдова, дѣвица. вино, мясо, перо, стекло, сынъ, дочь, внукъ, балаганъ, юрта, шалапъ, рама, внучка, племянникъ, племянница, домъ, школа, стулъ, столъ, дерево, одежда, обувь, другъ, товарищъ, врагъ, фамилія, мыло, письмо, хлѣбъ, чтеніе, каша, карта, баргина, дѣло, сонъ, крикъ, мука, начало, палець, ротъ, буква, глазъ, шея, тѣло, свѣча, лапа, лобъ, вода, табакъ, сахаръ, соль, колѣно, тетрадь, книга, чернильница. дядя, тетя, золовка, сапогъ, рубашка, шуба, шляпа, ремень, пуговица. плечо, чулокъ, кошка, собака, конь, невѣстка, тесть, ружье, теща, заяць, чашка, стаканъ, блюдо, тарелка, рюмка, гвоздь, ножъ, пила, лукъ, стрѣла, трубка, неводъ, сѣть, удочка).

Чтеніе на буквѣ—„р“; письмо ея. Письмо въ тетради словъ: сора, аури и буквѣ: н, д, ѳ.

55. Тѣ же имена сущ. съ мѣстоимѣніями: онъ, она, оно; мой, моя, мое; твой, твоя, твое.

Диктовка на разрѣзныхъ азбукахъ. Звукъ и буква—е; письмо ея; чтеніе на буквѣ—„е“. Письмо въ тетради слова—есо и основныхъ элементовъ буквѣ.

Слѣпой—глухой—хромой. Богъ, діаволь (чертъ). Небо, пай, (общее), подать. Острый, тупой. Случный—веселый; скучно—весело.

56. Тѣ же имена сущ. съ мѣстоимѣніями: онъ, она, оно; мой, моя, мое; твой, твоя, твое; свой, своя, свое.

Чтеніе на буквѣ—„е“. Письмо въ тетради словъ: еду, сео. Диктовка словъ на разрѣзной азбуцѣ. Письмо основныхъ элементовъ буквѣ.

Буда (просо). Неужели? Искать—найти.

57. Тѣ же имена сущ. съ мѣстоимѣніями: онъ, она, оно; мой, моя, мое; твой, твоя, твое; свой, своя, свое; нашъ, наша, наше; этотъ, эта, это; одинъ, одна, одно; его, ея.

Звукъ и буква—б; письмо ея. Чтеніе на буквѣ—„б“. Письмо въ тетради слова—боло. Диктовка словъ на разрѣзныхъ азбукахъ и письмо въ тетради основныхъ элементовъ буквѣ.

Лѣсъ, трава, серьги.

58—60. Имена сущ. въ связи съ имен. прилаг. (им. пад. ед. ч.): большой—маленькій (Иванъ, Ирина... братъ, сестра, мальчикъ, дѣвочка, внукъ, внучка, осетръ, калуга, тигръ, лисица, корень, трава, уголь, конь, гусь, лѣсъ, соболь, мышь, лебедь, вошь, вѣтвь, печать, щука, карась, кета, сомъ, ленокъ, сазанъ, верхоглядь, кукушка, копыто, крыло, рѣшето, сито, рука, нога, голова, ухо, носъ, глазъ, гнѣздо, нора, цифра, предметъ, часть, слово, буква, черта, знакъ, вѣтеръ, жаръ, дымъ, кошка, крыса, собака, свинья, чушка, цапля, журавль, утка, выдра, медвѣдь, барсукъ, кабанъ, заяцъ, бѣлка, козель, козуля, змѣя, ящерица, клювъ, коготь, лапа, блоха, тараканъ, клопъ, муха, комаръ, мошка, чашка, кружка, стаканъ, блюдецъ, тарелка, чайникъ, рюмка, бутылка, пробка, ложка, лопата, гвоздь, ножъ, пила, топоръ, молотокъ, точило, брусокъ, корзина, ружье, лукъ, стрѣла, пуля, трубка, сѣть, неводъ, удочка, изгибъ, листъ, нитка, веревка, зерно, сѣмя, клеймо, палка, колъ, дерево, огонь, карта, картина, вѣха, остановка, мѣшокъ, куль, кудель, свѣча, лампа, палець, лобъ, ротъ, рыба, тетрадь, книга, чернильница, колокольчикъ, линейка, столъ, скамейка, дверь, окно, печь, домъ, школа, классъ, рама, стекло, сынъ, дочь, племянникъ, племянница, лужа, озеро, море, рѣка, протока, заливъ, устье, поланья, прорубь, снѣгъ, дождь, сапогъ, рубашка, шуба, шляпа, шапка, ремень, чуговица, чулокъ).

Отвѣты на вопросы: что больше чего? Что меньше чего?

Чтеніе и диктовка по разрѣзнымъ азбукамъ словъ на буквѣ—„б“.

Письмо въ тетради словъ: бали, бера, боло и основныхъ элементовъ буквѣ.

Вздохъ, духъ, дыханіе, душа, сердце. Обнять, объятіе. Охалка. Скала. Оттуда—отсюда. Молоко.

61—63. То же.

черный—бѣлый (бумага, нитка, зерно, сѣмя, клеймо, печать, свѣча, тѣло, шея, зубъ, волосъ, хлѣбъ, молоко, соль, сахаръ, мѣлъ, снѣгъ, кошка, собака, конь, свинья, медвѣдь, заяцъ, чашка, кружка, блюдецъ, тарелка...);

худой—хорошій (Петръ, Ирина..., имя, пища, питье, ѣда, кормъ, со-сѣдь, клеймо, печать, жердь, палка, колъ, дерево, одежда, рѣшето, сито, лопата, ножъ, пила, топоръ, молотокъ, точило, брусокъ, корзина, ружье, лукъ, стрѣла, трубка, сѣть, неводъ, удочка, обувь, другъ, товарищъ, врагъ, сушка, мочка, вяленіе, копченіе, соленіе, вличка, названіе, мыло, карта, картина, прозвище, родъ, племя, знаніе, спанье, сонъ, учение, учитель, разговоръ, звонъ, вопросъ, отвѣтъ, слово, земля, мѣшокъ, куль, кудель, лампа, тѣло, зубъ, хлѣбъ, каша, молоко, мука, чай, вино, водка, вода, уха, мясо, рыба, сахаръ, табакъ, тетрадь, книга, ручка, карандашъ, перо, мѣлъ, чернильница, колокольчикъ, стулъ, столъ, печь, домъ, школа, крыша, старикъ, старуха, отецъ, мать, братъ, сестра, мужъ, жена, мальчикъ, дѣвочка, мужчина, женщина, дѣдушка, бабушка, сынъ, дочь, внукъ, внучка, племянникъ, племянница, дядя, тетка, ледъ, сапогъ, рубашка, шуба, шляпа,

шапка, ремень, чулокъ, жаръ, кошка, собака, конь, свинья, сазанъ, гусь, утка, лисица, соболь, бѣлка, заяцъ, чашка, кружка, стаканъ, тарелка, блюдо, чайникъ, ложка).

Отвѣты на вопросы: что чего чернѣе? Что чего бѣлѣе? что чего хуже? Что чего лучше?

Звукъ и буква—ы; письмо ея. Чтеніе и диктовка по разрѣзнымъ азбукамъ на—„ы“. Письмо въ тетради словъ: ыре, ыну, намы, и основныхъ элементовъ буквъ.

64. То же:

толстый—тонкій (стволь, корень, вѣтвь, листъ, бумага, нитка, мотаузь, веревка, жердь, палка, колъ, дерево, черта, свѣча, шея, тетрадь, книга, ручка, карандашъ, линейка, стекло, ледъ, ремень, лапа, влювь, гвоздь, ножъ...);

широкій—узкій (озеро, рѣка, протока, заливъ, устье, ремень, лопата, топоръ, сѣть, мѣрка, листъ, одежда, нора, черта, мѣшокъ, грудь, тетрадь, линейка, скамейка, дверь, окно);

сладкій—горькій (корень, пища, питье, ѣда, хлѣбъ, молоко, вино, вода, соль, сахаръ);

добрый—злой (Иванъ, Анна..., сосѣдъ, другъ, товарищъ, врагъ, ученикъ, учитель, сердце, старикъ, старуха, отецъ, мать, братъ, сестра, мужъ, жена, мальчикъ, дѣвочка, сынъ, дочь, дѣдушка, бабушка..., собака).

Отвѣты на вопросы: что чего толще? что чего тоньше? что чего шире? что чего уже? что чего слаще? что чего горче?

Чтеніе на пройденныя буквы. Диктовка въ тетради словъ: дола, дади, дуди, сора, доро, есо, еду, сео, бари, бера, боло ыре, ыну, намы, адуми, дуинъ, аури. Письмо въ тетради словъ: дади, ыну, адули, дуинъ, и основныхъ элементовъ буквъ.

65. То же.

новый—старый, здоровый—больной, гнилой, молодой, холостой, женскій, мужской, женатый, замужняя (Иванъ, Анна... сосѣдъ, дерево, одежда, обувь, другъ, товарищъ, врагъ, гнѣздо, старикъ, старуха, отецъ, мать, братъ, сестра, мужъ, жена, мужчина, женщина, дѣдушка, бабушка, сынъ, дочь, внукъ, внучка, племянникъ, племянница, дядя, тетка, золовка, невѣстка, тещь, теща сапогъ, рубашка, шляпа, шапка, чулокъ, кошка, собака, конь, свинья, гусь, утка, лисица, тигръ, выдра, медвѣдь, соболь, кабанъ, заяцъ, чашка, кружка, чайникъ, рѣшето, сито, лопата, ножъ, пила, топоръ, точило, брусокъ, корзина, ружье, лукъ, стрѣла, трубка, сѣть, неводъ, удочка, заплатка, стволь, корень, вѣтвь, нитка, мотаузь, веревка, зерно, сѣмя, кормъ, сосѣдъ, жердь, палка, колъ, карта, картина, нора, ученикъ, учитель, предметъ, часть, слово, слогъ, звукъ, буква мѣшокъ, куль, кулекъ, тѣло, зубъ, рука, нога, голова, ухо, носъ, глазъ, палець, шея, колѣно, спина, поясица, грудь, локоть, ноготь, языкъ, мясо, рыба, перо, стулъ, домъ, школа, крыша, мальчикъ, дѣвочка, шуба, ремень, копыто, стаканъ, блюдо, корзина, трава).

Отвѣты на вопросы: что чего новѣе? старѣе? Кто кого старше? моложе?

Чтеніе на пройденныя буквы. Диктовка въ тетради словъ: нора, рыба, рама, море, мыло. Письмо въ тетради словъ: рыба, море, и—основныхъ элементовъ буквъ.

66. То же.

сухой—моченый—мокрый; вяленый—копченый—соленый; холодный—теплый—горячий; (стволь, корень, вѣтвь, листь, веревка, зерно, сѣмя, пища, питье, ѣда, кормъ, жердь, палка, дерево, колъ, уголь, одежда, обувь, земля, мѣшокъ, кулъ, булеѣвъ, тѣло, рука, нога, голова, ухо, носъ, глазъ, палець, шея, хлѣбъ, каша, молоко, чай, водка, вода, уха, мясо, рыба, соль, сахаръ, табакъ, домъ, стекло, сапогъ, рубашка, шляпа, шапка, чулокъ, шука, осетръ, кета, ленокъ, сазанъ, дождь, шуба); крупный—мелкій—глубокий; частый—рѣдкій (корень, вѣтвь, листь, зерно, сѣмя, уголь, фамилия, вличка, рыба, названіе, нора, ударъ, звонъ, остановка, соль, чернильница, ледъ, снѣгъ, дождь, порошокъ, дробь, лужа, озеро, море, рѣка, протока, заливъ, тарелка, рѣшето, корзина, сито).

Отвѣты на вопросы: что чего суше? солонѣе? холоднѣе? теплѣе? глубже? чаще? рѣже?

Чтеніе на пройденныя буквы. Диктовка въ тетради словъ: носъ, сомъ, дымъ, домъ, сынъ, сонъ. Письмо въ тетради словъ: дымъ, сынъ, и—основныхъ элементовъ буквъ.

67. То же.

крѣпкій—слабый—сильный; твердый—мягкій (стволь, корень, вѣтвь, нитка, мотаузь, веревка, зерно, сѣмя, пища, кормъ, жердь, палка, колъ, дерево, уголь, одежда, обувь, мыло, крикъ, земля, тѣло, грудь, зубъ, хлѣбъ, чай, вино, водка, сахаръ, табакъ, перо, мѣль, ледъ, сапогъ, чулокъ, шуба, ремень, шапка, копыто, точило, брусокъ, мальчикъ, дѣвочка, тигръ, конь, заяць, женщина, мужчина); прямой—кривой—извилистый; крайній—средній (стволь, корень, сажень, аршинъ, жердь, палка, колъ, дерево, нора, черта, свѣча, рѣка, протока, ножъ, стрѣла, братъ, сестра, палець, окно); близкій—далекій; протяжный—медленный—скорый; тихій—громкій; южный—сѣверный—восточный—западный (разговоръ, звонъ, сосѣдъ, другъ, товарищъ, врагъ, звукъ, крикъ, сонъ, спанье, дверь, окно, стѣна, дождь, вѣтеръ).

Отвѣты на вопросы: что чего крѣпче? слабѣе? сильнѣе? тверже? мягче? ближе? дальше?

Чтеніе на пройденныя буквы. Диктовка въ тетради словъ: родъ, ударъ, лебеди, соболи, ремни. Письмо въ тетради словъ: родъ, ударъ, и—основныхъ элементовъ буквъ.

Списокъ словъ, перечисленныхъ въ конспектѣ до уроковъ 68 дня. *)

Имена существительныя:

Петръ, Анна... (имена), старикъ—старуха, отецъ—мать, братъ—сестра, мужъ—жена, мальчикъ—дѣвочка, мужчина—женщина, дѣдушка—бабушка, вдовецъ—вдова, дѣвица—замужняя, сынъ—дочь, внукъ—

*) Списокъ всѣхъ заученныхъ словъ предлагается для облегченія учащихся въ составленіи ими въ послѣдующіе дни примѣровъ.

внучка, племянникъ—племянница, дядя—тетя, золовка—невѣстка, тещь—теща, сосѣдъ—сосѣдка, другъ, товарищъ, врагъ, учитель—ученикъ, учительница—ученица.

Конь, собака, кошка, мышь, крыса, лисица, тигръ, выдра, медвѣдь, соболь, барсукъ, кабанъ, свинья, чухка, заяцъ, бѣлка, возель, козуля, коза, блоха, вошь, тараканъ, клопъ, муха, комаръ, мошка, змѣя, драконъ, ящерица, кукушка, цапля, журавль, лебедь, гусь, утка, щука, калуга, осетръ, карась, кета, сомъ, ленокъ, сазанъ, верхоглядь.

Рука, нога, голова, ухо, носъ, глазъ, палець, тѣло, брюхо, языкъ, зубъ, волосъ, прядь волосъ, лобъ, ротъ, локоть, ноготь, шея, колѣно, спина, поясница, лицо, грудь, сердце, плечо, крыло, клювъ, коготь, копыто, лапа.

Домъ, юрта, крыша, стѣна, потолокъ, полъ, громъ, дверь, окно, печь, шело, классъ, гнѣздо, нора, шалашъ, балаганъ, рама, стекло, стулъ, столъ, парта, доска (классная), икона, скамейка, зеркало, вѣшалка.

Хлѣбъ, мука, каша, просо, мясо, рыба, зерно, соль, сѣмя, табакъ, буда, мыло, вода, молоко, чай, вино, водка, щи, уха, сахаръ.

Сапогъ, рубашка, шуба, шапка, шляпа, ремень, пуговица, чулокъ, нитка, крестъ, серьги.

Тетрадь, книга, ручка, карандашъ, линейка, перо, мѣлъ, чернильница, колокольчикъ, бумага, чернила, карта, картина, листъ (бумаги), чашка, кружка, стаканъ, блюдо, тарелка, чайникъ, рюмка, бутылка, пробка, ложка, свѣча, лампа, трубка, корзина, лопата, вилы, гвоздь, сито, рѣшето, сажень, аршинъ, ножъ, пила, топоръ, молотокъ, точило, брусокъ, ружье, лугъ, пуля, стрѣла, порохъ, дробь, сѣть, неводъ, удочка, клеймо (печать), вѣсы, мѣрка, лодка.

Дерево, уголь, стволъ, корень, вѣтвь, листъ, нитка, мотаузъ, веревка, ледъ, мѣшокъ, куль, кулекъ, жердь, палка, колъ, снѣгъ, дождь, скала, письмо, вѣха, дрова, лужа, земля, озеро, море, рѣка, рѣчка, протока, заплата, изгибъ, заливъ, поланья, прорубь, гололедица, устье.

Имя, вличка, названіе, отчество, фамилія, писаніе, звукъ, чтеніе, вопросъ, отвѣтъ, крикъ, удареніе, ударъ, разговоръ, звонъ, дѣло, дѣланіе, знаніе, спанье, начало, конецъ, сушка, мочка, вяленье, копченіе, соленіе, вздохъ, дыханіе, объятіе, остановка, Богъ, душа, небо, диаволь чортъ, духъ, огонь, дымъ, жаръ, воздухъ, сонъ, ночь, утро, день, вечеръ, вѣтеръ, вихрь, буря, югъ, сѣверъ, востокъ, западъ, часть, слово, слогъ, буква, черта, знакъ, значекъ, замѣтка, точка, охапка, пай, подать, пудъ, фунтъ.

Предметъ, звѣрь, человекъ, животное, насѣкомое, птица, лѣсъ, трава, одежда, обувь, мебель, орудіе, учебная вещь, посуда, пища, питье, кормъ, ѣда.

Имена прилагательныя, мѣстоимствія и числительныя.

Худой—хорошій; тихій—громкій; протяжный—скорый—медленный; большой—маленькій; частый—рѣдкій; холодный—теплый—горячій; сладкій—горькій; твердый—мягкій; новый—старый—молодой; прямой—кривой—извилистый; холостой—женатый; крѣпкій—слабый—сильный; близкій—далекій; толстый—тонкій; здоровый—больной—гнилой; черный—бѣлый; широкій—узкій; крупный—мелкій—глубокій; южный, сѣверный, восточный, западный; добрый—злой; острый—тупой; сухой—моченый—

мокрый—вяленый—копченый—соленый; слѣпой—глухой—хромой; скучный—веселый; женскій—мужской; крайній—средній; я, ты, онъ; мой, твой, его; свой, нашъ, этотъ, тотъ; одинъ... десять; первый... десятый; себѣ—себя.

Глаголы:

Говорить, сказать, разговаривать, взять, дать, принести, унести, идти, войти, дойти, придти, повторить, спрашивать, отвѣчать, писать, рисовать, читать, знать, называть, звать, угадывать, звонить, летать, кричать, плавать, молчать, тянуть, прибавлять, отнимать, отдать, начинать, кончать, спать, нести, жить, рубить, пилить, колоть, пить, ѣсть, играть, обнять, плыть, доплыть, ѣхать доѣхать, хотѣть, желать, имѣть, мѣрять, сѣять, садить, стрѣлять, удить, ловить, вѣсить (что л. и на что - н), висѣть, искать, найти, встать, бѣгать, стоять; есть—нѣтъ. Сушить (-ся), мочить (-ся), вылить (-ся), копить (-ся), солить (-ся), лежать—ложиться, сѣсть—садиться, поднять (-ся), опустить (-ся), мыть (-ся), показать (-ся), бросить (-ся), бросать (-ся), останавливать (-ся), ударить (-ся), ударять (-ся), слушать (-ся), смотрѣть (-ся), дѣлать (-ся), чистить (-ся), закрывать (-ся), открывать (-ся), учить (-ся).

Нарчія союзы и предлоги:

Сюда—туда; здѣсь—тамъ; вчера—сегодня—завтра; вечеромъ—днемъ—утромъ—ночью; давно—недавно—теперь; вверхъ—внизъ; противъ теченія—по теченію; внутри—снаружи—между; оттуда—отсюда; дома—домой; очень—весьма; какъ? кто? что? сколько? который? неужели?; да, не, и, ли, или, а, но; худо—хорошо; тихо—громко; протяжно—скоро—медленно; часто—рѣдко; много—мало; близко—далеко; скучно—весело.

Къ (куда? кому? чему?), въ (куда? во что? гдѣ?), о (о комъ? о чемъ?), у (чего? кого?); изъ (чего? откуда?), до (чего? кого?), на (куда? что? гдѣ?), съ (кѣмъ? чѣмъ? чего? кого?).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Обозрѣніе становъ и приходовъ Верхоленскаго уѣзда епископомъ Зосимоу въ октябрѣ 1916 года.

(Окончаніе).

Но вотъ мы и въ Ангѣ, переѣзжаемъ черезъ рѣчку Ангу по мосту, очень ветхому, небезопасному, не разъ, говорятъ, проваливавшемуся. Владыка подѣзжаетъ прямо къ второклассной школѣ имени митрополита Иннокентія, гдѣ и встрѣченъ завѣдывающимъ священникомъ о. Николаемъ Дьяконовымъ и учителями Мальцевымъ и Зеровымъ. Учениками пропѣта молитва и исполна, послѣ чего Владыка спрашивалъ, какіе были сегодня уроки и что пройдено. Рѣчь шла объ имени прилагательномъ, его видоизмѣненіяхъ, ученики читали по славянски, давали отвѣты по уставу, ученики буряты, по предложеніи Владыки, даже переводили молитвы на бурятскій языкъ. Учащіе жаловались на отсутствіе учителя математики, крайне затрудняясь взять и подѣлить между собою, хотя временно, его уроки. Учащихся пансінеровъ въ школѣ 20 человекъ; посѣщена ихъ спальня, кухня, гдѣ пробовали супъ постный безъ рыбы, кашу и хлѣбъ. Обстановка школы бѣдная, простая, въ 3 классѣ имѣется портретъ митрополита Иннокентія въ краскахъ, литература о немъ въ школѣ, къ сожалѣнію, очень бѣдна, изданій на бурятскомъ языкѣ также почти никакихъ нѣтъ.

Преподавъ должныя узананія, Владыка отбылъ въ храмъ. Храмъ каменный, съ главнымъ престоломъ (лѣтнимъ) во имя Св. Троицы, правымъ—во имя св. пророка Іліи и лѣвымъ—во имя св. Иннокентія. По встрѣчѣ, Преосвященнымъ отслужена архіерейская вечерня, а послѣ нея молебень свят. Иннокентію. При встрѣчѣ Владыки второй священникъ о. Коноровскій сказалъ рѣчь слѣдующаго содержанія: „Ваше Преосвященство, милостивый архипастырь. Неожиданное и великое торжество нынѣ здѣсь совершается. Это великое и славное торжество устроили вы, Владыко святой. Вы какъ истинный преемникъ св. апостоловъ, какъ добрый архипастырь церкви Христовой, отечески заботящійся о спасеніи душъ словесныхъ овецъ, ввѣреннаго Вамъ стада Христова, отыскали и нашъ захолустный уголокъ своей паствы.

Вѣсть о Вашемъ намѣреніи посѣтить сіе отдаленное населеніе, возбудила въ насъ трепетныя ожиданія. Ожиданія эти смѣнились дѣйствительностью, и мы нынѣ видимъ у себя, мы встрѣчаемъ Васъ, встрѣчаемъ съ глубокимъ благоговѣніемъ и благодарностію. День Вашего посѣщенія вѣси нашей, составляетъ для насъ праздникъ и никогда не забудется въ благодарной памяти здѣшнихъ прихожанъ. Посмотрите Владыка на окружающій и тѣснящійся къ Вамъ народъ, съ какою христіанскою любовью, радостнымъ священнымъ восторгомъ встрѣчаютъ они Васъ, какъ своего архипастыря-отца.

Итакъ, будь благославенъ входъ твой Владыко святой. Вниди во св. храмъ сей, сотвори молитву Господу о насъ и благослови насъ. Да твоими святительскими молитвами сохранить Господь сіе бѣдное село и всѣхъ насъ“.

Храмъ старинный, построенный, по преданію, въ 1804 г., на средства братьевъ Ольгоновыхъ, якобы бывшихъ разбойниковъ; въ настоящее время храмъ пришелъ въ крайнюю ветхость, деревянная крыша на куполѣ и шпигѣ мѣстами отъ ветхости провалилась, въ каменныхъ стѣнахъ есть трещины. Внутри храмъ довольно вмѣстительный, съ колоннами, съ древнихъ оконъ и стѣнъ его какъ будто глядитъ сѣдая старина, какъ будто чувствуется въ ней вѣяніе великаго духа великаго Англича—митрополита Иннокентія, прославившаго собою и эту бѣдную церковь и это захолустное село. Съ бѣдственностью и простотой обстановки прекрасно гармонируютъ и рельефы, сдѣланныя руками самого приснопамятнаго митрополита: деревянные дикирій и трикирій и такой же архіерейскій жезлъ, очень искусной работы, а также небольшое на-престольное, съ украшеніями, въ бархатѣ, евангеліе съ надписью: „въ Англичскую церковь отъ нижеподписавшагося митрополита Московскаго и Коломенскаго Иннокентія“

Казалось, какой-то древностью, бѣдностью и простотою вѣяло и отъ наполниваемаго храмъ народа, къ сожалѣнію, по словамъ о. настоятеля, очень мало знающаго о жизни и подвигахъ ихъ мѣстнаго уроженца, имя котораго должно быть такъ дорого. Подробный рассказъ о мѣстномъ уроженцѣ, сынѣ дьячка Евсевія Попова, а впоследствии протоіерея епископа и митрополита исходившаго съ проповѣдью о Христѣ полміра, по благословеніи Владыки Зосимы, предложилъ здѣсь народу, съ архіерейской кафедрой посреди храма протоіерей В. Флоренсовъ, призывавшій подражать ему въ подвигѣ вѣры, труда, миссіонерства, любви къ инородцамъ просвѣщенію и т. д. Выслушанная со вниманіемъ проповѣдь эта закончена была провозглашеніемъ митрополиту Иннокентію вѣчной памяти и пѣніемъ „со святыми упокой“. Невольно казалось, что жизнь церковная во время дѣтства Іоанна Попова (род. 11 сент. 1797 г.), когда строился этотъ храмъ, здѣсь жизнь была ключомъ, народъ былъ еще не испорченъ наносными вліяніями ссыльныхъ и разныхъ антирелигіозныхъ идей и самая постройка храма, вмѣстѣ съ трудностями суровой природы и дьячковской жизни, подъ вліяніемъ отца, хотя и бѣднаго, но заботившагося дать сыну образованіе, вотъ тѣ особенно благоприятныя условія, которыя подготовляли и воспитывали будущаго апостола Уналашки, Ситхи, Якутскихъ странъ, Пріамурья и даже Москвы. Что значать наши современные трудности пути, съ трудностями путей Иннокентія по безпредѣльнымъ, почти безлюднымъ, грозящимъ голодною и холодною смертью, безъ всякихъ дорогъ и даже жилищъ, пустынямъ, съ переѣздами въ нартѣ, какъ въ гробу, на оленяхъ или на собакахъ?... Откуда оны брали энергію на изученіе языковъ разныхъ колочей, алеутовъ, якутовъ и т. д. и на переводы евангелія и богослуженія на языки этихъ народовъ?... Какъ успѣвалъ онъ съ этими апостольскими трудами соединять труды свои по постройкамъ, подѣлкамъ столярнымъ, слесарнымъ, механическимъ: вѣдь для католиковъ онъ собственноручно строилъ цѣлыя органы!...

Побывали мы въ Ангѣ, но отвѣтовъ на эти вопросы такъ и не получили, особенно узнавъ, что современные Ангичцы крайне невнимательно относятся къ своему духовенству, (подъ вліяніемъ, якобы ссыльныхъ), отказываютъ второму священнику въ квартирѣ, покосѣ, не радѣютъ о ремонтѣ храма, поддержкѣ школы и т. д. Все это можетъ привести къ переносу изъ Анги самой второклассной Иннокентьевской школы, а жителей оставить при разбитомъ корытѣ. Неужели Ангичцы доведутъ до этого?

20 октября въ четвергъ, въ 7 часовъ утра протоіереемъ Флоренсовымъ отслужена въ реставрируемомъ на средства миссіонерскаго комитета домикѣ, гдѣ родился митрополитъ Иннокентій, литія по немъ, а также посѣщено помѣщеніе одноклассной церковно-приходской школы, послѣ чего Преосвященный отбылъ въ Бутаково, верстахъ въ 8 ми отъ Анги, гдѣ послѣ встрѣчи, облаченія и часовъ, отслужена Владыкою панихида, по случаю перенесенной на этотъ день родительской Дмитріевской субботы, а затѣмъ и литургія. Молящихся, хотя и не сразу, набралось полна церковь. Пѣлъ хоръ пѣвчихъ Ангинской второклассной школы. Церковь небольшая, бѣдная; изъ подъ холма, на которомъ она построена, вытекаютъ обильные ключи, съ нѣсколькими на нихъ мельницами. Приходъ открылся лѣтъ 16 тому назадъ, выдѣлившись изъ Ангинскаго, при-чемъ столько же лѣтъ здѣсь не бывали ни разу Преосвященные. Священникомъ служить о. Александръ Поповъ, товарищъ о.о. протоіереевъ: М. Архангельскаго, Арх. Алякринскаго, Вас. Ларева и Семена Телятева, изъ награды имѣющей лишь суфью.

Къ прибытію Владыки къ Бутаковской Богородице-Казанской церкви народу было немного, хотя богомольцы все подходили и постепенно наполнили храмъ. Предъ началомъ литургіи Владыкою же отслужена панихида, по случаю перенесенной нынѣ на этотъ день Дмитріевской поминальной субботы. Значеніе какъ этого поминовенія, такъ и архіерейскаго сана и посѣщенія епископскаго обстоятельно разъяснено здѣсь же въ проповѣди завѣдывающимъ Ангинской второклассной школой свящ. о. Николаемъ Дьяконовымъ.

Упрекъ, хотя и отеческій и растворенный любовью и сожалѣніемъ, но все же упрекъ, по окончаніи литургіи и молебна Божіей Матери, пришлось выслушать Бутаковцамъ изъ устъ архипастыря за то, что къ приѣзду его, въ началу литургіи, народу въ церкви было немного, значить мало у нихъ усердія къ вѣрѣ и храму Божію... А это усердіе особенно необходимо теперь, въ тяжелое время войны, когда лишь неусыпная молитва, благочестіе и добрая жизнь могутъ поддержать и насъ и нашихъ защитниковъ, могутъ принести намъ и утѣшеніе и помощь дивной Заступницы рода христіанскаго. Не лишайте же себя небеснаго утѣшенія, и да сохранить васъ Господь Своею благодатію, закончили Преосвященный и преподаль свое благославленіе всѣмъ и каждому.

Въ домѣ настоятеля о. Александра Попова Владыка ревизовалъ церковныя книги, экзаменовалъ сына о. Попова для назначенія на должность псаломщика и въ 4-мъ часамъ вечера прибылъ въ Качугъ.

Сопровождавшій доселѣ Владыку протоіерей Вас. Флоренсовъ изъ Качуга въ этотъ же день былъ отпущенъ въ Иркутскъ, а Преосвященный 20-го былъ у всенощной, а 21-го совершилъ въ Качугѣ литургію и молебенъ, послѣ чего послѣдовалъ въ Хорбатскій станъ, гдѣ при

стеченіи огромнаго числа богомольцевъ, особенно бурятъ, заинтересованныхъ еще въ передній путь служеніемъ по бурятски, отслужилъ всенощное бдѣніе на 22-е октября. Къ сожалѣнію, пѣть теперь по бурятски было некому: такъ мало еще привыкли къ исполненію бурятскихъ пѣснопѣній, правда, въ большинствѣ только еще нынѣ впервые печатаемыхъ.

Послѣ всенощной благополучно доѣхавъ до Манзурки (31 верста), Владыка прямо прослѣдовалъ было въ Сѣдово, всего въ 5-ти верстахъ, однако вслѣдствіе снѣга, пурги и метели, путникамъ пришлось проблуждать цѣлую ночь и къ 4 часамъ утра возвратиться въ с. Манзуреу, на земскую квартиру. Долго послѣ окончанія всенощнаго бдѣнія наканунѣ храмоваго ихъ праздника ожидали въ с. Сѣдовскомъ прихожане Владыку, но не дождавшись, послѣ 12 часовъ ночи, стали расходится 22 октября въ 8 часовъ утра Владыка прибылъ въ с. Сѣдовское и переодѣвшись въ квартирѣ священника прослѣдовалъ въ храмъ. Послѣ обычной встрѣчи и прочтенія часовъ, Владыка прочиталъ акаѣистъ Божіей Матери, при чемъ предложилъ пѣть всемъ присутствующимъ въ храмѣ. Храмъ былъ полонъ молящихся, подпѣвавшихъ, кто могъ, припѣвъ акаѣиста. Архіерейская литургія совершена при участіи о. благочиннаго прот. Александра Попова, мѣстнаго протоіеря Александра Кокоулина и іеромонаха Никона. Пѣлъ хоръ пѣвчихъ изъ учениковъ сосѣдняго Манзурскаго прихода. Въ концѣ литургіи Владыкою сказано поученіе о томъ, какое счастье имѣть молитвенницею и находиться подъ покровомъ и заступленіемъ Божіей Матери, которой посвященъ храмъ, увѣщевалъ слушателей чаще ходитъ въ храмъ и постоянно при всѣхъ невгодахъ и печаляхъ обращаться къ Ея покровительству. Слово Владыки было выслушано съ глубокимъ вниманіемъ. Послѣ молебна болѣе часу Владыка благословлялъ молящихся, при чемъ розданы крестики. иконы св. Иннокентія и листки религіозно-нравственнаго содержанія.

Въ часъ дня Пресвященный посѣтилъ мѣстную церковно-приходскую школу, открытую только 10-го октября, по тому случаю, что крестьяне села Сѣдовскаго, которыхъ осталось около $\frac{1}{5}$, отказывались ремонтировать и содержать ее въ теченіе 1916—1917 учебнаго года. Здѣсь Владыка испытывалъ учениковъ въ знаніи молитвъ, осматривалъ школу.

Въ 4 часа Владыка приказалъ звонить къ всенощному бдѣнію, послѣ чего прибылъ въ храмъ и по обычной встрѣчѣ, прослѣдовалъ въ алтарь. Передъ поліелеемъ, облачившись въ полное облаченіе, принялъ участіе въ богослуженіи, на срединѣ храма самъ читалъ канонъ. Послѣ всенощной преподавъ благословеніе, прослѣдовалъ въ квартиру настоятеля, гдѣ имѣлъ ночлегъ. Въ 8 часовъ утра 23-го октября, при колокольномъ звонѣ Владыка отбылъ для служенія литургіи въ село Манзуреу. Здѣсь Пресвященному пришлось оставить свой проходной экипажъ и по выпавшему снѣгу продолжать путь въ зимнихъ перекладныхъ повозкахъ. По словамъ Хотовскаго миссіонера приѣздъ архипастыря, какъ преемника апостоловъ, производить неотразимое впечатлѣніе на народъ: поддерживаетъ, воодушевляетъ и ободряетъ на тернистомъ пути жизни, особенно въ это тяжелое время войны.

Перночевавъ въ Хототѣ, Владыка, сопутствуемый миссіонеромъ свящ. о. Махочѣевымъ и полицейскимъ урядникомъ Петровымъ, 24-го

Октября по дорогѣ въ Баяндай, прибылъ въ Петровскій переселенческій участоѣ, гдѣ остановился при больницѣ для освященія новопоставленнаго амбулаторнаго зданія. Здѣсь, при сослуженіи мѣстнаго священника о. Петра Миловзорова и при многочисленномъ собраніи молящихся, Владыка совершилъ освященіе зданія. По окончаніи многолѣтій архипастырь свазалъ привѣтствіе. Послѣ окончанія чина овященія, были розданы листы съ изображеніемъ св. Иннокентія. По приглашенію подрайоннаго чиновника К. Ф. Кузе, Преосвященный прослѣдовалъ въ его квартиру на обѣдъ, гдѣ по приглашенію его же присутствовали миссіонеры: о. Махочѣвъ, іеромонахъ Никонъ и мѣстный мис. священникъ о. П. Миловзоровъ. За столомъ бесѣдовали о разныхъ вопросахъ жизни, а особенно: о миссіонерскомъ дѣлѣ и о постройкѣ при Верхне-Кудинскомъ волостномъ правленіи храма вмѣсто часовни. Здѣсь явился шаманъ съ избранной невѣстою Хоготовской волости Аленко Маисуевъ и просилъ Владыку разрѣшить ему съ невѣстою принять православную вѣру и также просилъ подрайоннаго Кузе быть его крестнымъ отцомъ. Владыка поручилъ актъ крещенія совершить миссіонеру о. Махочѣву, если на то не встрѣтятся препятствій.

Послѣ обѣда въ 2 часа дня владыка прослѣдовалъ изъ Баяндай въ село Кокорино, въ сопровожденіи пристава 3 стана Волжинскаго, куда прибылъ въ 5 часовъ вечера. Здѣсь владыка встрѣченъ со святымъ крестомъ священникомъ о. Рѣинымъ и при многочисленномъ собраніи молящихся, началъ служеніе молебна Казанской иконѣ Божіей Матери, при сослуженіи миссіонеровъ о. Махочѣва и о. Рѣкина. По молебнѣ владыка раздавалъ кресты и листы и изображенія св. Иннокентія, а затѣмъ направился въ квартиру крестьянина строителя храма С. А. Кокорина. На пути владыка посѣтилъ школу, гдѣ учительница Вольская жаловалась на дѣйствія сельскаго старосты, который якобы агитируетъ противъ открытія школы въ нынѣшнемъ году, мотивируя тѣмъ, что военное время, и за отсутствіемъ рабочихъ рукъ, населеніе не въ силахъ содержать школу. По окончаніи осмотра школы, владыка отправился въ приготовленную квартиру. Здѣсь встрѣченный радушными хозяйкамъ, владыка разрѣшилъ подать чай; туда же вызванъ былъ сельскій староста для выясненія вопроса о школѣ и также учительница Вольская. Послѣ разспросовъ старосты и учительницы, владыка предложилъ старостѣ содѣйствовать скорѣйшему открытію школы. Послѣ чая владыка въ 6 часовъ вечера прослѣдовалъ въ село Адыкъ, куда прибыли въ 7 часовъ вечера. Здѣсь владыка послѣ встрѣчи священникомъ о. Петромъ Егоровымъ, при многочисленномъ собраніи молящихся, началъ служеніе архіерейской вечерни, при сослуженіи благочиннаго прот. В. Ларева и миссіонеровъ священниковъ: о. М. Махочѣва, о. П. Егорова и о. С. Рѣина. Послѣ обычнаго окончанія вечерни отслуженъ былъ молебенъ св. Николаю, и по многолѣтій сказана владыкою прочувствованная рѣчь. Затѣмъ владыка благословилъ произнести рѣчь миссіонера-священника о. М. Махочѣва. Послѣдній въ своей рѣчи провелъ параллель и указалъ на разницу въ моленіи шаманистовъ и ламайтовъ съ православнымъ вѣроученіемъ и моленіемъ. Раздавъ молящимся кресты и образы и книжки о. св. Иннокентія, Владыка прослѣдовалъ въ домъ священника. Здѣсь былъ предложенъ ужинъ. Утромъ въ 7 часовъ владыка былъ готовъ къ отъѣзду, усиѣвъ произ-

вести ревизію церковныхъ книгъ. Послѣ чая въ 8 часовъ утра владыка прослѣдовалъ въ Верхне-Кудинское волостное правленіе, гдѣ при довольно большомъ стеченіи инородцевъ, крещеныхъ и некрещеныхъ во главѣ подрайоннаго Кузе былъ встрѣченъ. Здѣсь былъ отслуженъ молебенъ, при сослуженіи благог. прот. В. Ларева и свящ. Махочѣева. Послѣ многолѣтія владыка предложилъ о. Махочѣеву произнести рѣчь на бурятскомъ языкѣ. Миссіонеръ, начиная съ сотворенія человѣка, говорилъ о грѣхопадении людей и спасеніи ихъ чрезъ Христа Спасителя, раскрылъ красоту и доступность богослуженія православной церкви. Послѣ миссіонера владыка самъ обратился съ рѣчью къ православнымъ присутствующимъ, гдѣ убѣждалъ ихъ соблюдать посты и праздничные дни и стараться чаще посѣщать храмъ Божій. Затѣмъ былъ предложенъ владыкѣ чай. Послѣ чая владыкой былъ возбужденъ вопросъ о постройкѣ часовни. Тутъ же рѣшено было составить строительный комитетъ на постройку храма. По обсужденіи вопроса протоколомъ было постановлено: учредить комитетъ по сбору пожертвованій на постройку храма, при чемъ по предложенію владыки, быть предсѣдателемъ этого комитета согласился подрайонный К. Ф. Кузе, членами же приглашены всѣ миссіонеры Верхоленскаго уѣзда и другія сочувствующія дѣду лица. Тутъ же къ владыкѣ явился одинъ инородецъ шаманистъ, изъявившій желаніе принять православіе съ семействомъ и просилъ владыку быть его крестнымъ отцемъ. Актъ крещенія владыка разрѣшилъ совершить миссіонеру, священнику о. Егорову.

Изъ верхней Куды въ 2 часа дня, владыка прослѣдовалъ далѣе въ Ординское волостное правленіе, въ 20 верстахъ, въ сопровожденіи пристава 3-го стана Волисинскаго, прот. о. Ларева и миссіонера Махочѣева.

Во вторникъ 25 октября, отслуживъ всенощную и переночевавъ въ Хоратѣ, владыка совершилъ литургію въ Тугутѣ, откуда прослѣдовалъ въ тотъ же день въ Куяду. Здѣсь служилъ всенощную, а на завтра литургію; пѣлъ мѣстный хоръ любителей, удостоившійся благодарности владыки. По окончаніи богослуженія преосвященный посѣтилъ мѣстное Куядское министерское училище, гдѣ спрашивалъ учащихся по всѣмъ предметамъ.

Переночевавъ въ селѣ Котинскомъ, владыка 28 октября благополучно возвратился въ Иркутскъ.

Заканчивая описаніе обзорнія Верхоленскаго уѣзда преосвященнымъ Зосимою, начальникомъ Иркутской духовной миссіи, мы невольно остановимся въ раздумѣ о томъ, неужели буряты этого уѣзда не поймутъ и не почувствуютъ, на краю какой опасности они стоятъ теперь въ своемъ богоискательствѣ, какой опасный выходъ изъ ихъ религіознаго кризиса предлагаютъ имъ разные ламы, съ Хамбо-Ламой Агбанъ Доржеевымъ и верховиками-богатѣями во главѣ.

Чтобы дать правдивую и безпристрастную оцѣнку ламаизма, мы предложимъ вниманію читателей, а особенно заинтересованныхъ бурятъ, выдержки изъ сочиненій англійскаго путешественника Д. Каррутерса „Невѣдомая Монголія“, изданіе Переселенческаго Главн. Упр. Землеустройства и Земледѣлія, Петроградъ, 1914 г. (переводъ съ англійскаго).

Главными причинами истощенія и упадка Монголіи Г. Куррутерсъ признаетъ: „ухудшеніе климата, введеніе новой религіи, наконецъ,

тяготы бремени чужеземнаго ига“. (стр. 328). „Если бы какой нибудь монголь, современник Чингисъ-Хана воскресъ теперь внезапно“, пишетъ путешественникъ, онъ почувствовалъ бы себя среди современныхъ монголовъ въ родной семьѣ. Онъ бы увидѣлъ, что поврой одежды, которую онъ когда-то носилъ съ теченіемъ времени не измѣнился, узналъ бы свои родныя палаты и сразу же освоился бы съ хорошо знакомыми ему самому способами выпаска животныхъ и повседневной будничной обстановкой кочевой жизни. Но при всемъ томъ, онъ бы не преминулъ замѣтить также и одну весьма существенную переѣну, которую на первыхъ порахъ, вѣроятно, не былъ бы совершенно въ состояніи объяснить себѣ. Онъ поразился бы,—почему вокругъ стойбищъ не видно почти работающихъ молодыхъ людей, и почему такъ мало пастуховъ занимается выпасомъ своихъ стадъ. вмѣсто привычной ему картины шумливыхъ, трудящихся до пота лица, мужчинъ, ему бы бросились въ глаза многочисленныя толпы тѣхъ же мужчинъ, но только одѣтыхъ въ платья совершенно неизвѣстнаго ему покроя, мужчинъ, лѣниво предающихся бездѣлю въ принадлежащихъ имъ самимъ юртахъ и живущихъ въ лагеряхъ, къ которымъ ихъ не привязываетъ никакая трудовая забота. Очувтившійся въ обстановкѣ современной Монголіи, монголь XIII-го столѣтія былъ бы также пораженъ видомъ многочисленныхъ строеній, которыя за это время возникли въ каждомъ, мало-мальски крупномъ центрѣ монгольской жизни; строенія эти называются убѣжищами для ламъ (кумирнями), въ которыхъ подъ одной кровлей проживаютъ теперь толпы лѣнивыхъ здоровыхъ людей. Только изъ разспросовъ ему бы выяснилось, что строенія эти представляютъ изъ себя храмы новой религіи, вѣры и онъ сразу же почувствовалъ бы, что его собственныя шаманистскія идеи—являются идеями прошлаго, что новый культъ явился здѣсь уже на смѣну стараго ему знакомаго культа. Онъ понялъ бы также почему здѣсь исчезли тѣ бывле всадники, постоянной заботой которыхъ было упражненіе въ отвагѣ и которые находились всегда въ полной боевой готовности, такъ какъ вмѣсто нихъ появились здѣсь теперь на сцену страннаго вида, одѣтые въ желтаго цвѣта одежды ламы, дрожащія за свою жизнь, защитники идеи мира, а не войны.

Короче говоря, самымъ существеннымъ различіемъ между современными монголами и ихъ сородичами тринадцатаго столѣтія является фактъ подчиненія первыхъ могущественной религіозной организаціи, охватывающей теперь пространства равныя, если не большія тѣхъ, которыми когда то повелѣвали воинственные монгольскіе вожди. Этой то религіозной организаціи я и приписываю наиболѣе существенную роль въ дѣлѣ измѣненія условий монгольской жизни и думаю, что не грѣшу при этомъ противъ истины. Только познакомившись съ основаніями ламаистическаго вѣроученія, можно усвоить—что за огромную силу оно представляетъ изъ себя.

Вѣроученіе это мало по малу вылилось въ цѣлую систему, играющую въ настоящее время роль главнѣйшаго соціальнаго факта монгольской жизни—для насъ стало яснымъ также, почему такъ сильно измѣнился и характеръ монголовъ.

Трудно себѣ представить еще болѣе могущественную силу, которая съ большимъ успѣхомъ могла бы укоренить въ сознаніи боевой расы твердыя начала мира. Сущность этой религіи—спокойствіе. Тамъ,

гдѣ становится ненужнымъ орудіе—ему на смѣну является ламаизмъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ принятія буддизма—воины превратились въ жрецовъ и монголы стали подданными Китая.

Процессъ перерожденія въ настоящее время завершенъ. Люди, предковъ которыхъ мировая исторія называетъ убійцами своихъ родныхъ братьевъ и самыми кровавыми воителями, теперь, подѣляемъ буддизма, совѣстятся лишать жизни человѣка и даже считаютъ священной жизнь животныхъ и насѣкомыхъ. Буддизмъ же учитъ безразличному отношенію къ вопросамъ знанія, предприимчивости и успѣха; онъ обладаетъ способностью подавлять честолюбіе и потому всегда влечетъ за собою отсталость народа, его исповѣдывающаго.

Но дурныя послѣдствія, вытекающія изъ ламаизма, сказываются однако, не только въ области духовной, они сильнѣйшимъ образомъ вліяютъ такое и на физическія условія существованія человѣка. Ламаизмъ поглащаетъ большую часть мужского населенія, заставляя огромное большинство людей, которые при обычныхъ жизненныхъ условіяхъ могли бы быть хорошими кормильцами и работниками, превращаться въ сущихъ паразитовъ. Монгольскіе мальчики, на примѣръ, которые въ былые дни посвящали свое время воинскимъ и физическимъ упражненіямъ, работамъ по лагерю и выпасу стада животныхъ, теперь въ самомъ раннемъ возрастѣ поступаютъ въ качествѣ учениковъ въ кумирни и вся жизнь ихъ проходитъ цѣликомъ въ соблюденіи установленныхъ обрядовъ и въ прислуживаніи во время богослуженій. Выростая, они мало по малу привыкаютъ къ лѣнливой, безполезной жизни и вполнѣ впадаютъ въ зависимость отъ другихъ людей, тогда какъ при иныхъ условіяхъ могли бы оставаться независимыми и самостоятельно заботиться объ обезпеченіи своего существованія. Эта то огромная армія ламъ и является бременемъ Монголіи. Здѣсь не прекращаются постоянные споры относительно доли участія мірянъ въ снабженіи своихъ собратьевъ паразитовъ лучшими, какіе только у нихъ имѣются продукты. Безпечная жизнь, царящая при кумирняхъ, становится жизнью народа вообще,—а инертность, какъ слѣдствіе такой жизни, служить ея характерной особенностію. Ламѣ никогда не приходится работать, такъ какъ всѣ его нужды исполняютъ за него другіе; онъ даже избавленъ отъ обязанности нести военную службу, которая для рядового монгола, является принудительною. Эта льгота сама по себѣ можетъ служить уже крупнымъ стимуломъ—для монголовъ къ посвященію себя ламской профессіи, такъ какъ военная служба для нихъ сдѣлалась настолько противной, что даже тѣ, которые должны подлежать призыву, часто пытаются избѣжать его посредствомъ подкуповъ. Наблюдательный Пржевальскій отмѣчаетъ, что витайскія официальные власти весьма благосклонно относятся къ этому явленію, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ о томъ, что воинственный пылъ кочевниковъ, съ которыми витайскимъ властямъ когда то приходилось очень считаться, въ настоящее время годъ отъ году все болѣе и болѣе угасаетъ.

Другой причиной, на которой нельзя также не остановиться говоря о вліяніи ламаизма на монголовъ, служатъ вытекающія изъ предполагаемаго целибата почти половины всего наличнаго мужского населенія, послѣдствія. Само по себѣ явленіе это не можетъ особенно сильно вліять на сокращеніе рождаемости; но фактъ, о которомъ уже упоминалось

выше, наличія среди монголовъ большого числа лѣнтяевъ, ослабляетъ несомнѣнно экономическія условія, отражаясь прежде всего на ограниченіи приплода стадъ и вытекающаго изъ сего сокращенія жизненныхъ ресурсовъ страны. Это сокращеніе настолько велико, что въ Монголіи ощущается даже избытокъ населенія по сравненію съ ея богатствомъ (средствами) а это влечетъ за собою вполне естественную нужду, бѣдность и, по всей вѣроятности, необходимость искусственно ограничивать рождаемость.

Приведенные доводы, пожалуй, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ что подъ вліяніемъ ламаизма утрачена монголами храбрость и смягчены ихъ нравы; на основаніи этихъ же доводовъ нельзя не признать, что въ ламаизмѣ кроется главнѣйшая разгадка современнаго бѣдственнаго состоянія монгольскихъ кочевыхъ племенъ. Вліяніе Россіи, внѣ всякаго сомнѣнія, имѣетъ въ Монголіи значительное преимущество по сравненію съ вліяніемъ Китая; между русскими и монголами быстро устанавливается братаніе, а расовыя различія между ними не такъ рѣзко подчеркнуты, нежели между китайцами и монголами. Есть основанія надѣяться, что монголы современемъ подпадутъ всецѣло такому же вліянію и это даетъ намъ возможность предчувствовать неизбежность умаленія главнаго гнета Монголіи—тираніи кумиренъ, каковыя, какъ мы уже указывали выше, являются основною причиною упадка монгольской расы. Къ этой-то тираніи кумиренъ, къ этой отсталости въ вопросахъ прогресса, знанія, предприимчивости и успѣха, къ этому обнищанію населенія, къ этому вырожденію наиболѣе молодого и сильнаго мужского населенія въ лѣнтивныхъ паразитовъ и имѣетъ привести ламайскаѣ религія, подобно грибку въ деревѣ, появившаяся въ предѣлахъ Балаганскаго и особенно Верхоленскаго уѣздовъ. Если бурятскую молодежь обоего пола изъ этихъ уѣздовъ вы встрѣчаете теперь въ среднихъ и даже высшихъ учебныхъ нашихъ заведеніяхъ, то съ укрѣпленіемъ и расцвѣтомъ ламаизма это отрадное явленіе несомнѣнно выведется: вѣдь изъ Тункинскаго, запово-неннаго ламствомъ, края даже теперь вы не найдете въ Иркутскихъ учебныхъ заведеніяхъ ни одного учащагося бурята, ни одной бурятки... Если зажиточныхъ бурятъ тысячникъ вы встрѣчаете въ Балаганскомъ и Верхоленскомъ уѣздахъ по нѣсколькѣ почти въ каждомъ улусѣ, то въ Тункинскомъ краѣ таковыхъ найдутся лишь рѣдкія единицы. Если на мѣстахъ учащихся и разныхъ чиновниковъ и служилыхъ людей въ Тункинскомъ краѣ вы нерѣдко встрѣчаете образованныхъ бурятъ изъ тѣхъ же двухъ уѣздовъ, то наоборотъ, въ этихъ послѣднихъ вы найдете выходцевъ изъ Тунки развѣ только въ роли инструкторовъ и насадителей одного ламаизма... Подобно такому неподвижному, окаменѣлому, египетскому сфинксу, застыль Тункинскій край съ оламаиченымъ бурятскимъ населеніемъ, застыль, не подавая никакихъ признаковъ прогресса, застыль, несмотря на свою прекрасную, южную природу (Тунка—Италія Иркутской губерніи), застыль и въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи: напримѣръ, жатвенныхъ машинъ и даже сѣнокосныхъ тамъ у бурятъ почти нѣтъ и по сіе время, застыль и въ отношеніи культурномъ: изъ Тункинскихъ бурятъ не вышло ни одного культурно-образованнаго человѣка, ни на какомъ поприщѣ. Только кумирни дацановъ тамъ растутъ и множатся, только ламство торже

Ствуеть тамъ свою печальную побѣду, надъ каждой юртой вывѣсивая свои флаги и ревниво оберегая бурять отъ всякихъ стороннихъ вліаній.

Нѣтъ, пока ламаизмъ еще не успѣлъ охватить своей сѣтью бурять Балаганскаго и Верхоленскаго края; эти послѣдніе пусть примутъ всѣ мѣры къ тому, чтобы всячески избавиться отъ него; пусть сами возможно скорѣе обсудятъ грозящую имъ опасность, пусть дѣльми группами, дѣльми вѣдомствами обсудятъ вопросъ о религіи, тогда о ни несомнѣнно изберутъ вѣру Христову, вѣру наиболѣе развитыхъ и культурныхъ націй; тогда сами буряты изъ своей среды выдвинутъ кадры христіанскихъ священно-церковно-служителей бурять, сами озаботятся и справятся съ націонализаціей богослуженія на ихъ природномъ языкѣ, и проповѣди, и быта, и самаго ихъ соціального христіанскаго строя...

Сплошною проповѣдію этихъ идей и была — настоящая поѣздка Епископа Зосимы. Къ ней были приготовлены, хотя и не вполнѣ, вновь издаваемыя молитвы на бурятскомъ языкѣ, поѣздка обставлена торжественными, часто совершаемыми богослуженіями, и проповѣдями на бурятскомъ языкѣ, а также проповѣдію самого Преосвященнаго, переводимую для бурять. Въ эту поѣздку не разъ выступалъ съ проповѣдію въ присутствіи Владыки миссіонеръ — природный бурять о. Михаилъ Махочкѣевъ, самъ сынъ шамана, крестившійся 19 лѣтъ отъ роду, много учительствовавшій, человекъ пожилой, очень почтенный и пользующійся общими симпатіями, отецъ героя офицера, украшеннаго грема Георгіевскими крестами.

Эта поѣздка показала, что ламаитовъ въ Верхоленскомъ уѣздѣ пока еще очень немного, что къ постройкѣ Кирменскаго сумэ большинство бурять отнеслось вовсе несочувственно: съ трудомъ дали даже мѣсто подъ кумирню и притомъ мѣсто, удаленное отъ источника хорошей воды.

Обычаи Верхоленскихъ даже некрещенныхъ бурять жертвовать на постройку православныхъ церквей, на колокола для нихъ, украшать свои дома иконами съ лампадами, давать при рожденіи русскія христіанскія имена даже дѣвочкамъ, посѣщать русскія церкви и Иркутскій Вознесенскій Св. Иннокентія монастырь и дорожить обученіемъ дѣтей въ русскіхъ школахъ, все это добрые признаки, того, что и мѣстные Верхоленскіе буряты приближаются скорѣе къ христіанству, чѣмъ къ ламаизму. Несмотря на то, что за отчетную поѣздку прямого приглашенія креститься не было сдѣлано ни одному буряту, мы видимъ два случая просьбы самихъ бурять о крещеніи и въ одномъ даже со стороны шамана. Несмотря на настоящее тяжелое военное время, мы замѣчаемъ и въ бурятахъ радушное, доброе, сердечное отношеніе къ архипастырю, наблюдаемъ ихъ внимательное отношеніе къ проповѣди, удовольствіе бурять при совершеніи на ихъ языкѣ богослуженій, наконецъ, отзывчивость ихъ къ дѣлу постройки новаго храма въ районѣ Верхне Кудинскаго вѣдомства, — этого заброшеннаго, всѣми забытаго, глухого и темнаго, хотя густо населеннаго бурятскаго угла.

Хотѣлось бы думать, что поѣздка Преосвященнаго Зосимы была своевременнымъ, яснымъ и громкимъ для бурять Верхоленскаго уѣзда словомъ проповѣди христіанства, словомъ предупрежденія имъ отъ над-

винувшейся на них грозной ламской опасности, словомъ указанія на то, что въ своемъ естественномъ приближеніи къ христіанству буряты эти остановились на полдорогѣ, что имъ для ихъ же счастья необходимо скорѣе и рѣшительнѣе войти въ ограду Церкви Христовой. О результатахъ настоящей поѣздки теперь судить, конечно, рано, такъ какъ по слову Спасителя: „Царствіе Божіе подобно тому, какъ если чело-вѣкъ броситъ сѣмя въ землю, и спитъ и встаетъ ночью и днемъ, и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ; ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колосья, потомъ полное зерно въ колосѣ; когда же созрѣетъ плодъ, немедленно посылаетъ серпъ, потому что настала жатва“. (Матѣ. IV, 26—29).

Дай Богъ, чтобы посѣянное въ настоящую поѣздку принесло и зелень, и колосья, и зерна, и плоды, чтобы исполненіе пѣснопѣній и молитвъ на бурятскомъ языкѣ, нынѣ только зарождающееся, все болѣе и болѣе прививалось и праятиковалось по бурятскимъ школамъ и церквямъ, чтобы проповѣдь о Христѣ бурятамъ не умолкала, чтобы вернувшіеся съ тыловыхъ работъ буряты напитались тамъ не духомъ ламайской пропаганды, а духомъ любви и приверженности къ христіанству, сознаниемъ необходимости теперь же всѣмъ народомъ принять вѣру Христову, хотя бы и безъ перемѣны своего обычнаго національнаго быта и своего инородческаго образа жизни. Дай Богъ, чтобы и постановленія Усть-Ординскаго съѣзда 13 октября с. г. были проведены въ жизнь, а не остались лишь на бумагѣ.

Протоіерей *Василій Флоренсовъ*.

Катакомбы св. Каликста.

(Гермонаха Сикста Скалоія, реформированнаго систеріанца Аббатства Катакомбъ).

(Продолженіе).

По лѣвую руку, какъ входимъ на лѣстницу, находится надпись, сдѣланная, кажется, вольноотпущенникомъ или простымъ человѣкомъ для своей госпожи Кассіи Форетріа, „свѣтлѣйшей, которая стала его женой“. По римскому закону, женщина или дѣвушка изъ сенаторской семьи теряя свой титулъ „свѣтлѣйшей“, выходя замужъ за человѣка нетитулованнаго. Много молодыхъ римскихъ дѣвушекъ предпочитали быть скорѣе простыми наложницами, лишь бы не потерять своего титула. Но что считалось непохвальнымъ вообще, становилось необходимою для молодыхъ дѣвушекъ-христіанокъ изъ сенаторской семьи, которыя не всегда могли найти въ своемъ сословіи подходящую партію. Такимъ образомъ происходило, что молодыя, благородныя христіанки выходили замужъ за вольноотпущенника, или даже раба, хотя такой бракъ и не признавался законами имперіи, но зато благословлялся церковью. По всей вѣроятности, мы имѣемъ примѣръ такого брака въ вышеуказанной инскрипціи. То же самое должно-быть мы находимъ и въ эпитафіи Цециліана и Петиліи въ склепѣ св. Цециліи.

Еще закрытая гробница, находящаяся около самой почвы, имѣетъ слѣдующую прекрасную надпись:

Betoni in pace Deus cum spiritum tunm IXΘΥC.—

„О, Бетоній, будь въ мирѣ и пусть Господь Иисусъ Христосъ, Сынъ Бога—Спаситель, будетъ съ твоей душой“. Слово въ слово слѣдовало бы читать: „Пусть Господь IXΘΥC будетъ съ твоей душой“. Замѣтимъ, что слово in pace (въ лифѣ) относится къ тѣлу, остальное къ душѣ. Мы увидимъ то же самое выраженіе и въ надписи діакона Северія.

Claudianus dulcissimae filiae
Iulia Claudiane in paeae (sic) et Irene.

„In paeae“ и „irene“ равнозначны два раза повторенному in paeae; но по всей вѣроятности in paeae относится къ тѣлу, а irene—къ душѣ. Тутъ же найдена прекрасная надпись на народномъ латинскомъ языкѣ:

Indeclcia ispirito tuo in rene (sic).

„Энделехія, пусть твоя душа пребываетъ въ мирѣ!“ Въ изображеніяхъ небснаго пира Ирина и Агапея олицетворяютъ блаженство избранныхъ въ раю.

По другую сторону находятся еще нѣсколько важныхъ надписей. На мраморѣ выгравированъ трехугольный отвѣсъ; по всей вѣроятности онъ закрывалъ гробницу какого-то каменщика. На другой гробницѣ выгравированы римскіе вѣсы; на слѣдующей трезубецъ, къ которому привязаны двѣ рыбы, изображающія Христа, такъ же какъ якорь олицетворяетъ крестъ.

Повернувъ направо, можно войти въ *matroneum*, выходящій въ склепъ св. Евсевія. Здѣсь, направо, находится гробница (*arcosolium*) съ рисунками, изображающими: налѣво—Даніила, осуждающаго стариковъ, которые хотѣли погубить Сусанну. Рисунокъ относится къ III вѣку, и раньше думали, что онъ изображаетъ судъ одного или двухъ мучениковъ.

Де-Росси, какъ видно, думалъ о Пареніи и Калоцерѣ и потому видѣлъ направо аналогичное изображеніе; но это совсѣмъ не такъ:—тамъ изображенъ Моисей, ударяющій о скалу. Посрединѣ свода находится фигура Добраго Пастыря, одѣтаго въ короткую туніку, украшенную на высотѣ колѣнъ сегментами и коричневыми дисками. Въ комнатѣ, напротивъ, былъ реставрированъ саркофагъ III или IV вѣка, въ языческомъ стилѣ; на крышкѣ саркофага изображена статуя усопшаго, лежащаго на лѣвомъ боку, со свиткомъ въ рукѣ. Павлинъ или фениксъ, лежащій около него, символизируетъ безсмертіе. Слѣдующая надпись выгравирована на передней сторонѣ этого саркофага.

Dep. Phoubianus. r. idus. novembres.

„Фобіанусъ былъ погребенъ здѣсь въ пятую иду ноября“. По лѣвую руку находятся три склепа со многими, еще нетронутыми гробницами (*loculi*). Въ одномъ изъ склеповъ видимъ *mensa oleatum*; это обломокъ колонны, поддерживавшій чашу съ благовонными маслами, присутствіе которой нѣкогда считали признакомъ гробницы мученика. Дѣйствительно, около гробницъ самыхъ извѣстныхъ мучениковъ находили такія лампы и столы; но они были найдены также и передъ гробницами христіанъ не-мучениковъ.

Здѣсь, у лѣвой стѣны, находятся обломки саркофаговъ; одинъ изъ нихъ замѣчательнъ тѣмъ, что на немъ изображена *orante* молящаяся ¹⁾ между двумя деревьями, т.-е. душа умершей въ раю. Направо отъ молящейся—пастухъ, опирающійся на свою палку, съ отдыхающимъ стадомъ; налѣво, другая пастушеская сцена, въ которой одинъ пастухъ доитъ овцу, а другой ласкаетъ ягнятъ его окружающихъ.

Немного далѣе, въ главной галлерей находятся другія надписи; очень часто, съ прекрасной палеографіей, многія изъ нихъ

¹⁾ *Orante*—молящаяся съ воздѣтыми руками, италіанское слово отъ „*orano*“ причаст. форма *oro*—молюсь.

сдѣланы на крышкахъ гробницъ. На одной изъ нихъ изображень крестъ и голубь, приближающийся къ чашѣ.

На другой читаемъ слѣдующее:

..... us silvester || Kalendas iulias
|| vixit ann XXX || in pace 𐌶

Иначе говоря: „Въ мирѣ со Христомъ“.

Галлерея развѣтвляется направо и налево. Два развѣтвленія направо снабжены „matroneum“, который позволяетъ смотрѣть въ склепъ снизу.

Спустимся опять во второй этажъ. Въ галлерей, напротивъ лѣстницы, находятся двѣ разрисованныя гробницы (arcosolia). На первой изображень Добрый Пастыръ, между двумя верстовыми столбами, въ настоящее время едва видимыми, затѣмъ, два оленя, которые, кажется, будто бѣгутъ утолить жажду и наконецъ герольдовъ жезлъ, единственный сюжетъ этого рода въ христіанской живописи. На другой гробницѣ (arcosolium), на красномъ фонѣ, какъ большинство картинъ времени Помпея, находятся съ одной стороны изображенія троихъ отроковъ въ большой печи, а съ другой стороны—воскрешеніе Лазаря. Позади Христа изображены двѣ фигуры. Посрединѣ арки изображена святая, безъ сомнѣнія усопшая, которая называлась Маргарита, какъ гласитъ надпись, начертанная въ изголовьи гробницы (arcosolium). Изображенія оленей относятъ къ IV вѣку, все остальное—ко второй половинѣ III вѣка.

Возвратимся опять къ нашему маршруту по галлерей св. Евсевія. Здѣсь и тамъ въ стѣнахъ находятся надписи аристократическихъ фамилій Victoria C. F. (свѣтлѣйшей женщины „clarissime“), Petronia Auxentia равнымъ образомъ „clarissime“, которой вольноотпущенники воздвигли эту могилу. Христіанство отмѣтило въ своемъ эпиграфическомъ формулярѣ титулы: вольноотпущенниковъ и рабовъ; въ рѣдкомъ случаѣ титулъ вольноотпущенниковъ не упоминается когда, въ память полученныхъ ими благодѣяній, въ особенности въ память отпущенія на волю, пожалованнаго хозяиномъ-христіаниномъ въ минуту своей смерти, дали они обѣщаніе воздвигнуть ему гробницу. По всей вѣроятности это и было въ настоящемъ случаѣ:

Petroniae Auxentiae C. F...Liberti Benemerenti fecerunt in pace.

Де-Росси думаетъ, что благородная фамилія Петроніевъ, членомъ которой была и эта усопшая, подарила землю, на которой было вырыто кладбище св. Евсевія.

Въ другихъ читаемъ восклицанія: *vivesin Deo* и *in Deo pace*. На одномъ изъ обломковъ изображень голубь, который держитъ въ когтяхъ факель, направляя пламя въ сторону монограммы 𐌶.

Этотъ символъ, насколько я знаю, не былъ еще объясненъ ни однимъ ученымъ, и если бы у меня спросили о его толкованіи, я сказалъ бы, что здѣсь идетъ рѣчь о мудрой дѣвѣ, которая встрѣчаетъ Божественнаго Жениха. Въ самомъ дѣлѣ, на од-

ной картинѣ, которая изображаетъ притчу о дѣвахъ, эти послѣднія держать въ рукахъ именно подобный свѣтильникъ; и св. Дамазъ, въ надписи, посвященной своей сестрѣ Иринѣ, говоритъ:

Nuncveniente Deo nostri reminiscere virgo
Ut tua per Dominum praestet mihi facula lumen.

Слѣдующій склепъ (рис. 52 № комнаты 13) долженъ содержать тѣла мучениковъ Калосера и Парѳенія. Онъ весь реставрированъ, но на стѣнѣ у входа, налѣво, очевидно богомольцемъ IV или V вѣковъ начертано:

„Partenio martyri—Colocero martiri.

Въ самомъ дѣлѣ, житія святыхъ мучениковъ указываютъ погребеніе этихъ святыхъ на кладбищѣ св. Каликста; и богомольцы посѣщали ихъ могилы послѣ гробницы св. Евсевія (смотри въ синоптическую таблицу топографическихъ свидѣтельствъ стр. 90 и 91).

По мнѣнію де-Росси, съ этого мѣста (площадь) кончается ареа св. Евсевія и начинается ареа св. Сотеріи. Новѣйшія открытія не позволяютъ намъ давать этому мѣсту подобнаго названія; отнынѣ мы будемъ ее называть: западная часть. Въ нее можно войти черезъ галлерею AA (на рис. 53), которая составляетъ продолженіе галлерей OO (52), вначалѣ находятся двѣ комнаты, которые не имѣютъ ничего достопримѣчательнаго. Слѣдующія комнаты, напротивъ очень интересны; комната налѣво названа: „комната пяти святыхъ“ (№ 3); комната направо—двойная комната діакона Северія (комната № 4 и 5).

Комната „пяти святыхъ“ была такъ названа со временъ де-Росси, т. к. главная стѣна, раздѣленная на два отдѣленія, цѣликомъ расписана, и въ верхнемъ отдѣленіи находятся изображенія пяти лицъ, молящихся въ саду—символь рай; имена этихъ лицъ надписаны надъ ихъ головами: Dionysas in pace—Nenesi in pace—Procori in pace—Eliodora in pace—Zoac in pace. По объѣмамъ сторонамъ гробницы (arcosolium) имѣются изображенія двухъ павлиновъ, съ надписью Arcadia in pace, находящейся подъ лѣвымъ павлиномъ. Въ нижнемъ отдѣленіи нарисованы чаши, наполненныя водой, у которыхъ пьютъ птицы (рис. 100).

Необходимо маленькое разъясненіе „Orantes“ (дѣвы); подъ видомъ молящейся дѣвы изображаютъ, конечно, души усопшихъ. То же можно сказать объ „orantes“ гробницы (arcosolium) праваго бокового (одна семья) хода BB, сосѣдняго съ комнатой, гдѣ представлена въ полномъ составѣ (рис. 59, комн. № 8). Конечно здѣсь идетъ рѣчь о душахъ, находящихся въ раю, на что указываетъ выраженіе in pace, слѣдующее за каждымъ именемъ. Эта формула, такъ часто встрѣчающаяся въ эпитафіяхъ III и IV вѣковъ, можетъ, правда, имѣть смыслъ упокоенія тѣла усопшаго, но чаще всего оно выражаетъ пожеланіе душъ усопшему пріобрѣсти тотъ миръ, который считается синонимъ блаженства,рая. Но разъ душа находится въ раю, за кого же тогда она молится? Не за себя, но за тѣхъ, которые еще не въ раю, за живущихъ на

земль. Это именно то, о чем просят въ эпитафіяхъ живые у пребывающихъ въ блаженствѣ; мы уже видѣли примѣры на этомъ самомъ кладбищѣ. Можетъ быть это изображеніе вѣрующихъ, умершихъ въ общеніи съ Церковью; можетъ быть это мученики, къ которымъ относится выраженіе *in pace*. Не поетъ ли Церковь въ гимнѣ святымъ: „*Iustorum animae in manu Dei sunt... visi sunt oculis insipientium mori, ille autem, sunt in pace*“?

Тотъ же смыслъ имѣютъ изображенія нижняго отдѣленія, гдѣ выражена идея, много разъ повторяющаяся въ надписяхъ, идея прохлады, указанная въ „Актахъ св. Перпетуи“. Это намъ объясняетъ также, почему такъ часто встрѣчаются изображенія птицъ, пьющихъ изъ чаши. Очень возможно, что чаши, въ особенности, когда онѣ помѣчены монограммой Христа, изображаютъ Евхаристическую чашу; но не надо злоупотреблять этими толкованіями, чтобы не впасть въ заблужденіе.

„Двойная комната Северія“ (рис. 53, комн. № 4 и 5) освѣщена большимъ просвѣтомъ, который былъ здѣсь устроенъ во времена папы Маркелина. Это бы могло показаться страннымъ, т. к. Маркелинъ жилъ во времена Диоклетіана, если бы не имѣлось доказательства этого факта въ надписи, высѣченной здѣсь на рѣшеткѣ. Это одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ документовъ подземнаго Рима, потому что онъ намъ передаетъ о послѣдующемъ церковномъ управленіи этимъ кладбищемъ, начатымъ Каликстомъ и болѣе того, что эта надпись имѣетъ огромную догматическую цѣнность (рис. 101).

Вотъ ея текстъ:

Cubiculum du plex cum arcisoliis et luminare
 Jussu Papae sui Marcellini Diaconus iste
 Jeverus fecit Mansionem in pace quietam
 Sibi suisque Memor quo membra dulcia somno
 Per longum tempas factori et iudici servet.
 Severa dulcis paréntibus et famulisque
 Reddidit octavum februaryas virgo kalendas.
 Quam Dominus nasci mira sapientia et arte
 Jusserat in carnem quod corpus pace quietum
 Hic est sepultum donec resurgat ab ipso
 Quique animam rapuit Spiritu sancto suo
 Castam pudicam et inviolabilem semper
 Quamque iterum Dominus spiritali gloria reddet
 Quae vixit annos novem et undecim menses
 Quindecim quoque dies sic est translata de sacclo.

Удивительно, что объ этой надписи говорится такъ мало въ различныхъ руководствахъ христіанской археологіи. Ограничива-

ются только замѣчаніемъ, что она свидѣтельствуесть о работахъ, исполненныхъ здѣсь во времена Діоклетіана.

Во-первыхъ, это первый документъ, гдѣ епископъ Рима называется папой. Затѣмъ, это торжественное и всѣмъ извѣстное свидѣтельство ученія Римской церкви о концинѣ міра и всеобщемъ воскресеніи, т. к. авторомъ этой надписи является первый діаконъ этой церкви. Все это очень важно, если обратитъ вниманіе на сущность второй части этой эпитафійи. Гробница здѣсь названа домомъ мира и покоя, которую Северій приготовилъ для себя и для своихъ, въ ожиданіи смерти; эта могила хранила долго почившихъ членовъ семьи Северія. Ихъ прахъ погребенъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока Господь его не оживить; Тотъ Господь, Который черезъ Святаго Духа взялъ душу непорочную, цѣломудренную и неизмѣнную и вернетъ ее, украшенную духовной славой, тѣлу, праху. Что можно найти болѣе поэтическаго о представленіи смерти, суда и всеобщаго воскресенія? Мы не сможемъ придумать ничего прелестнѣе этого поэтическаго сочиненія. Правда, что просодія совершенно здѣсь не соблюдена, но непосредственность чувства, классическій духъ образовъ, выраженій, простаго ритма,—все это дѣлаетъ ее, несмотря на нѣкоторыя погрѣшности просодіи, сокровищемъ погребальной эпитафійи.

Мы уже видѣли, что въ надписяхъ часто встрѣчается не только выраженіе *vivas in pace*, но также *dormis in pace in pace somni, manet in pace*. Эти выраженія дополняются надписью, которую мы изучаемъ въ настоящее время: „*cuius corpus in pace quietumpic est sepultum donec resurgat a Domino*“.

Я достаточно сказалъ о догматической цѣнности этой надписи: я объяснялъ ея *professo* еще въ другомъ сочиненіи ¹⁾. Замѣтимъ только еще, что эта усопшая Северія „*dulcis parentibus et famulisque*“—дѣвочка лѣтъ 10. Здѣсь, по всей вѣроятности, мы имѣемъ примѣръ обреченія дѣвочки съ младенчества на дѣвственность ея родителями, что дѣлалось часто среди первыхъ христіанъ; сдѣлавшись совершеннолѣтней, она могла и не исполнить этого обѣщанія, но если она умирала послѣ этого посвященія, ей давали титулъ дѣвы. Вотъ почему встрѣчаются эпитафійи дѣвъ шести лѣтъ, четырехъ, одного года, даже нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Мы знаемъ отъ св. Иеронима, что посвящали Богу дѣтей до ихъ рожденія. Название дѣвы считалось почетнымъ.

Въ комнатѣ 7-ой (рис. 53) находилась, по словамъ Стефана де-Росси, лѣстница.

Въ галлерей ВВ подѣ сводомъ одной гробницы (*arcosolium*) изображены четверо молящихся обоихъ половъ и разныхъ возрастовъ (к. № 8); кажется, что они выполнены тѣмъ же художникомъ, какъ и пять другихъ изображенныхъ выше. Эта гробница (*arcosolium*) названа „лѣвкой“, потому что ея сводъ украшенъ слѣпками двухъ цвѣточныхъ гирляндъ.

¹⁾ *Notiones archeol. christ.* т. II, часть 1-ая.

Комната № 9 очень большая. Въ гробницѣ (arcosolium) находится саркофагъ очень грубой работы; на лѣвой отъ арки стѣнѣ начертано красными буквами имя Patricius; имя это повторяется въ одной выгравированной надписи, находящейся здѣсь же: ...V... Patricius in pace.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ:

Въ виду затрудненій по изданію журнала и независящихъ отъ Редакціи обстоятельствъ, рисунки къ этой статьѣ будутъ даны въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ журнала.

РЕДАКЦІЯ.

Миссіонерская хроника.

Донесеніе

Совѣту Православнаго Миссіонерскаго Общества

Начальника Россійской духовной миссіи
въ Японіи Сергія, епископа Японскаго.

Имѣю честь почитательнѣйше представить Совѣту Православнаго Миссіонерскаго Общества слѣдующія свѣдѣнія о состояніи вѣренной мнѣ миссіи въ минувшемъ 1916 году.

Въ минувшій отчетный годъ просвѣщено свѣтомъ Св. Крещенія 1.080 человекъ (противъ 981 въ 1915 г. и 981 же въ 1914 г.). Особеннымъ оживленіемъ отличалась проповѣдь въ Тоокео, благодаря удачному подбору проповѣдниковъ. Хорошую жатву пожали мы, по обыкновенію, на сѣверо-востокъ Японіи. По обыкновенію же почти безплоднымъ для православія продолжалъ быть юго-западъ Японіи, царство католиковъ (Кюу—Сюу) и протестантовъ (Сикоку).

Членъ миссіи іеромонахъ Георгій Коджичъ, согласно указа Св. Синода отъ 26 октября 1916 года за № 13. 678, уволенъ отъ службы въ Японской духовной миссіи, съ оставленіемъ при исполненіи обязанностей военного священника въ арміи, съ каковой цѣлью онъ и находится въ отпускѣ съ августа 1914 года.

Изъ священниковъ скончался престарѣлый о. Петръ Кано. Изъ катихизаторовъ скончался въ среднихъ лѣтахъ Симонъ Тоокайринъ, 2 катихизатора оставили службу по болѣзни. 1 катихизаторъ уволенъ постановленіемъ Собора по причинѣ совершенной непригодности къ службѣ (бездѣятельности). 5 молодыхъ катихизаторовъ оставили церковную службу по личнымъ соображеніямъ. Трое изъ нихъ, къ прискорбію, изъ питомцевъ духовной семинаріи. Вновь приняты на службу 1 катихизаторъ и 3 катихизаторскихъ ученика.

За происшедшими перемѣнами составъ священно-церковно-служителей при вѣрѣнной мнѣ миссіи въ настоящее время таковъ: епископъ 1, діаконъ русскій 1, японцевъ: священниковъ 36, діаконѡвъ 8, іеродіаконѡвъ 1, катихизаторѡвъ 108 (изъ нихъ 2 въ званіи иподіакона), иподіаконъ 1.

Въ духовной семинаріи, въ Тоокео, находилось 67 учениковъ. Выпускные ученики 7 класса ежедневно произносили и произносятъ поученія въ Крестовой Церкви во время литургій. Ученики 6 класса произносятъ бесѣды на житія святыхъ дня во время вечернихъ служеній въ Крестовой Церкви.

Въ женскомъ училищѣ, въ Тоокео, находится 78 ученицъ, въ такомъ же училищѣ въ Кеото находится 27 ученицъ.

Всѣ ученики семинаріи содержатся на счетъ миссіи. Среди ученицъ женскихъ училищъ есть и платящія по 6 енъ въ мѣсяцъ, это дѣти состоятельныхъ родителей.

Миссія продолжала издавать двухнедѣльный журналъ „Сейкео-Дзихоо“ и ежемѣсячный „Сейкео-Еова“. Оба журнала, какъ издаваемые за миссійскій счетъ, вѣроятно, не отличаются богатствомъ своего содержанія и не привлекаютъ платныхъ подписчиковъ настолько, чтобы покрыть хотя одну пятую производимыхъ на нихъ расходовъ.

Частной инициативѣ (священника Алексѣя Савабе) обязанъ рожденіемъ въ минувшемъ году журнальчикъ Воскресныхъ школъ „Хоси-но Хикари“. Работая за свой рискъ, сотрудники сумѣли окупить подпискою свои расходы, не попросивъ отъ миссіи ни малѣйшей помощи.

Издательское дѣло миссіи, въ виду преслѣдовавшейся мною экономіи въ расходованіи денегъ во время войны, и по причинѣ вздорожанія цѣнъ на бумагу и рабочія руки, было сокращено, и миссія отпечатала лишь пять книгъ:

1. Наставленіе въ Законѣ Божіемъ архіеп. Агаѡдора, въ переводѣ на Японск. яз., 2-мъ изд.
2. Жизнь Пресвятой Богородицы, сост. Исаія Мидзусима.
3. Житіе преп. Іоанна Дамаскина, сост. Исаія Мидзусима.
4. Хоси-ноХикари, т.-е. Сіяніе Звѣзды для дѣтей къ празднику Звѣзды.
5. Протоколы бывшаго въ іюль Собора о.о. іереевъ.

Изъ особо примѣчательныхъ событій изъ жизни нашей юной Церкви считаю долгомъ отмѣтить состоявшееся освященіе вновь отстроенной каменной Воскресенской Церкви въ г. Хокодате. Но о семъ не примину рапортовать Совѣту Общества особо подробно, вмѣстѣ съ представленіемъ отчета по постройкѣ.

3 февраля пѣвчіе миссіи, т.-е. учащіеся семинаріи и женскаго училища, устроили первый въ Японіи Духовный концертъ. Добровольныя жертвы во время онаго, въ размѣрѣ, за очисткою всѣхъ расходовъ, 919 рублей были направлены мною въ пользу славной Кавказской арміи, 3 февраля взявшей Эрзерумъ.

Здѣшніе христіане, по моему предложенію, устроили сборъ подарковъ въ пользу русскихъ воиновъ со всей Японіи, и христіанской и языческой. 25 сентября было собрано: 26.443 папиросы, 15.343 мѣшечка разныхъ мелкихъ подарковъ: конвертовъ, бумаги, иголокъ, нитокъ, пуговицъ, ножницъ, ножичковъ, бритвъ и т. п., 1.000 коробокъ порошка противъ насѣкомыхъ, 5.000 пакетовъ зубнаго порошка, 600 полотенецъ (кромѣ того, всѣ „мѣшечки“ шились изъ полотенецъ же), 3.000 суконокъ для чистки ружей, 3988 кусковъ мыла, ящикъ сластей для г.г. офицеровъ. Всѣ подарки посланы въ 84 ящикахъ, въ Зимній Дворецъ.

Въ заключеніе повергаю на благовоззрѣніе Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества „приходо-расходный отчетъ“ по ввѣренной мнѣ миссіи за 1916 годъ. Экономическій годъ законченъ вполне благополучно, съ остаткомъ въ 6.78₀ енгъ 12 сень. Но сей остатокъ получился не отъ изобилія денегъ, а отъ тѣхъ экстренныхъ сокращеній въ расходъ, которыя я вынужденъ былъ произвести по причинѣ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, вслѣдствіе войны. Впрочемъ, сокращенія производились съ такимъ расчетомъ, чтобы не повліять нисколько на успѣхъ проповѣди, и не обидѣть лично ни одного человѣка.

Миссія сознаетъ тѣ великія, щедрыя милости, кои она получала и получаетъ отъ Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества. Со своей стороны, прилагая тщаніе каждой копѣйкѣ дать должное назначеніе, я осмѣливаюсь всепокорнѣе просить Совѣтъ Общества и впредь не оставить миссію „Японскую“, этотъ памятникъ трудовъ незабвеннаго святителя, архіепископа Николая Японскаго, своими милостями.

Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества покорнѣйшій слуга и богомолецъ Сергій, епископъ Японскій, начальникъ Россійской духовной миссіи въ Японіи.

30 января 1917 года.

Миссіонерская дѣятельность Христіанскихъ Церквей Запада.

Одна недѣля среди католическихъ миссіонеровъ.

(Окончаніе).

Разбойничій островъ Нигау.

Наконецъ мы дошли до селенія. Никто не выходилъ къ намъ навстрѣчу, хотя нельзя сказать, чтобъ нашъ пріѣздъ остался незамѣченнымъ. Во всѣхъ окнахъ виднѣлись головы туземцевъ, и на крыльцахъ коттеджей, построенныхъ изъ теса на англійскій ладъ, стояли группы стариковъ, женщинъ и дѣтей, бросающихъ на миссіонера недружелюбные взгляды, на которые онъ не обращалъ вниманія.

Мы прошли насквозь селеніе и оставились у одного дома, гдѣ жилъ единственный католикъ селенія. Миссіонеръ постучалъ въ дверь, но отвѣта не было. Мы обошли кругомъ двора, но домъ оказался совершенно пустъ, и намъ пришлось возвратиться тѣмъ же путемъ на взморье. Когда мы уже подходили къ берегу, вдругъ показался какой то человѣкъ, бѣгущій къ намъ на встрѣчу. Это и былъ конакъ, къ которому мы стучались и котораго не оказалось дома, такъ какъ онъ ждалъ насъ на взморьѣ и проглядѣлъ насъ, когда мы сходили съ парохода. Несмотря на то, что мы уже были у пристани, о. Ираклій не колеблясь повернулъ обратно и мы въ третій разъ прошли разстояніе между берегомъ и деревней, показавшееся мнѣ очень далекимъ, хотя оно и не превышало двухъ съ половиной километровъ.

Конакъ былъ человѣкъ сорока лѣтъ, съ небольшой сѣдой бородкой, окаймлявшей его бронзовое лицо, въ европейскомъ платьѣ. Онъ бѣгло говорилъ по-англійски и тотчасъ же, запыхавшись, началъ объяснять, почему мы разошлись. Отецъ Ираклій прервалъ его объясненія и спросилъ, въ какомъ положеніи дѣла.

— Я могу васъ порадовать, сказалъ тотъ. Послѣдній разъ, что вы сюда пріѣзжали, вы подарили одной изъ здѣшнихъ дѣвочекъ Евангеліе на Гавайскомъ языкѣ. Она скрыла его отъ родителей, неприязненно относящихся къ религіи вообще, къ католической въ особенности, но сама стала маленькой миссіонеркой. Собрала своихъ маленькихъ сестеръ и братьевъ, она стала читать и объяснять имъ евангеліе и нѣсколько разъ забѣгала ко мнѣ за объясненіями того, чего сама не понимала. Я подарилъ ей молитвенникъ и краткій катехизисъ, и вотъ она теперь устраиваетъ каждый день, когда родители уходятъ на работу, молитвенныя собранія, на которыя приходятъ и сосѣднія дѣти. Она имъ читаетъ священное писаніе, учитъ ихъ катехизису по книжкѣ, и всѣ вмѣстѣ молятся и поютъ гимны.

„На какой же мотивъ они поютъ?“ спросилъ о. Ираклій.

— На разные подходящіе мотивы, которымъ ихъ обучали въ школь.

„Такъ это дѣти протестанты?“ спросилъ я.

— Протестанты, отвѣчалъ мнѣ о. Ираклій.

„Такъ какъ же они были незнакомы съ Библией пока не получили ее отъ васъ?“

— Потому что родители ихъ люди ни во что не вѣрующіе. Ихъ предки когда-то приняли протестанство, скорѣе по примѣру остальныхъ гавайцевъ съ жаромъ бросившихся перенимать все европейское, чѣмъ по убѣжденію.

Нешуточная опасность.

Здѣшніе островитяне народъ уже попробовавшій европейской цивилизаціи и взявшій отъ нея все, что въ ней есть плохого. Храма у нихъ не имѣется, но въ каждомъ селеніи по двѣ или по три корчмы, биллиарды, кегельбаны, салоны для танцевъ и для музыки, лотерей, картежные притоны съ азартными играми, тиръ въ голубей, и т. п. развлечения. Библиотека всего одна на весь островъ, да и то школьная, при единственномъ училищѣ, къ торое содержатъ правительство на свой счетъ. Пасторовъ своихъ они повыгнали, а мнѣ объявили въ послѣдній мой пріѣздъ, что если я еще разъ сюда покажусь, то они пробьютъ мнѣ голову камнемъ. Я захватилъ га всякій случай два бинта для перевязки и корпию. Они очень мѣтко цѣлятся.

„Почему же два бинта?“ спросилъ я у миссіонера.

— На всякій случай, если они и къ вамъ отнесутся такъ же дружелюбно какъ и ко мнѣ.

Я разсмѣялся. Положительно, о. Ираклій былъ неистощимъ на развлечения.

„Съ вами не соскучишься, сказалъ я ему. Въ морѣ вы справлялись о моемъ искусствѣ плавать въ присутствіи морскихъ гнѣвъ, а на сушѣ вы предлагаете мнѣ состязаться съ вами относительно крѣпости головы.“

— Не принимайте моихъ словъ за шутку, сказалъ о. Ираклій. Мы дѣйствительно ежечасно подвергаемся опасностямъ и на морѣ и на сушѣ. Но разъ вы хотите познаться съ дѣйствительной жизнью миссіонера, то я не счелъ себя въ правѣ лишити васъ удовольствія сопутствовать мнѣ въ моей миссіонерской прогулкѣ, несмотря на опасности, съ которыми она сопряжена. Но въ то же время я считаю себя обязаннымъ васъ предупреждать каждый разъ, когда и гдѣ опасность предвидится и принимать мѣры, чтобы ее избѣжать или парализовать.

„Значитъ, сказалъ я, продолжая принимать разговоръ о. Ираклія за шутку, мы и въ самомъ дѣлѣ подвергаемся опасности быть побитыми камнями отъ этихъ туземцевъ?“

— По меньшей мѣрѣ. А если они до нашего отъѣзда узнаютъ о молитвенныхъ собраніяхъ своихъ дѣтей, которымъ роздали евангеліе и катехизисъ, то могу проручиться, что сегодня же удостоимся пальмовыхъ вѣнцовъ.

Въ погонѣ за мученическимъ вѣнцомъ.

„Отецъ Ираклій, сказалъ я, видя, что онъ говоритъ серьезно. Мученическіе вѣнцы такъ легко не достаются. Разъ вы знаете, что васъ зтѣсь ожидаетъ, зачѣмъ было сюда пріѣзжать? Вы сами мнѣ разсказывали, да и я вижу своими глазами, что это за народъ, который не только васъ не послушаетъ, но и слушать не станетъ вашихъ увѣщаній. Какую пользу вы видите для нихъ и для дѣла, что вы сюда пріѣхали? Я не раздѣляю, конечно, но вполнѣ понимаю ихъ

негодование, которое неминуемо вспыхнет, как только они узнают о пропагандѣ, которую вашъ агентъ началъ вести среди ихъ дѣтей. Какъ бы еще бѣдныя дѣти не пострадали!“

— Напротивъ, это бы и было хорошо! Какая бы это была прекрасная и благоухающая жертва передъ Господомъ! Здѣсь, на гавайскихъ островахъ еще не было настоящихъ гонений, ни славныхъ мученическихъ жертвъ. Это была бы первая, цвѣтъ и начатки племени, послѣ принесенія которой все племя бы обратилось.

Вѣдь истинное обращеніе невозможно для народа безъ пролитія мученической крови, какъ невозможно оно для каждаго человѣка въ отдѣльности безъ исповѣдничества вѣры. Исторія нашихъ миссій подтверждаетъ это. Гдѣ пролилась кровь миссіонера, тамъ жатва богаче, чѣмъ тамъ гдѣ гоненій не было. Въ другихъ полинезийскихъ островахъ, знаете ли вы, что сдѣлали первые прибывшіе туда миссіонеры иезуиты? Они ничего особеннаго не сдѣлали и не обратили ни одного язычника въ христіанство.

Они только дали себя убить. Когда ихъ кровь пролилась, туземцы сами послали за миссіонерами и обратились въ христіанство.

На ближайшихъ къ намъ Спорадскихъ островахъ дикіе долгое время не принимали христіанство, но когда пролилась мученическая кровь миссіонера, они обратились сразу, всѣмъ племенемъ. На островахъ Самоа господствовала протестанты, но когда на одномъ изъ острововъ убили католическаго миссіонера, тамъ не осталось болѣе ни одного протестанта и ни одного язычника; всѣ приняли католичество.

„Вы и желаете повторить этотъ опытъ на территоріи вашей миссії!“

— Именно, воскликнулъ съ фанатизмомъ о. Ираклій, и какъ можно было бы тогда не сомнѣваться въ успѣхѣ, если бы въ жертву была принесена такая славная и блестящая гекатомба, состоящая изъ невинныхъ дѣтей и ихъ пастыря!“

„Вы помните компъенскихъ мученицъ?“ спросилъ я миссіонера.

— Помню, отвѣтилъ тотъ, удивленный. Но какое онѣ имѣютъ отношеніе къ нашей миссії?

„Вотъ какое: когда двѣнадцать или четырнадцать, не помню, монахинь компъенскихъ были приговорены революціоннымъ комитетомъ къ смертной казни, каждая изъ нихъ, прежде чѣмъ, итти на плаху преклоняла голову предъ своей игуменьей, и говорила: матушка, благослови умереть! Испросили ли вы благословенія себѣ у епископа на этотъ подвигъ?“

Отецъ Ираклій, видимо, смутился.

Благоразуміе католическаго епископа.

— Намъ всегда угрожаетъ опасность, сказалъ онъ,—и испрашивая благословеніе передъ отправленіемъ на миссіонерскую службу мы тѣмъ самымъ испрашиваемъ себѣ благословенія и на всѣ могущія встрѣтиться намъ случайности, въ томъ числѣ и на смерть. Но вы правы, на этотъ подвигъ я спеціального разрѣшенія не испрашивалъ, и весьма возможно, что преосвященный мнѣ бы его не далъ, какъ онъ не далъ года два тому назадъ одному изъ нашихъ миссіонеровъ, который хотѣлъ вызвать озлобленіе туземцевъ одного изъ дальняго острововъ съ единственной цѣлью, чтобы его замучили и пролилась бы мученическая кровь.

Епископъ возразилъ: вы всегда должны быть стойки въ вѣрѣ и готовы на смерть, но никогда не должны дѣйствовать неблагоразумно, побуждать озлобленіе

язычниковъ и еретиковъ кротостью, но не вызывать его напрасно. Въ первомъ случаѣ оно гаснетъ или если доводитъ миссіонера до мученическаго конца, то кровь его дѣйствительно является плодотворнымъ сѣменемъ вѣры. Во второмъ смерть миссіонера не только не является подвигомъ и не приноситъ пользы, но въ глазахъ туземцевъ принимаетъ видъ справедливаго возмеждія и въ дальнѣйшемъ становится непреодолимой преградой для всякой новой попытки миссіонерскаго благовѣствованія.

Но въ данномъ случаѣ я туземцевъ протѣвъ себя не возстановлялъ и если они пылаютъ ко мнѣ ненавистью, то не я ее разжегъ.

И если они мнѣ угрожаютъ камнями за посѣщеніе ихъ острова, то это еще не причина, чтобы я отъ этого посѣщенія отказался.

Если бы мы шли только туда, гдѣ насъ зовутъ и проповѣдывали бы Евангеліе только тамъ, гдѣ желаютъ насъ слушать, то очень не многіе народы удостоились бы благовѣствованія. Помните, что отвѣчали святые апостолы Петръ и Іоаннъ сиведріону, запретившему имъ говорить и учить о имени Іисусовомъ? Они сказали: „судите, справедливо ли передъ Богомъ слушать васъ болѣе нежели Бога? Мы не можемъ не говорить о томъ, что видѣли и что слышали.“ (Дѣянія IV 19, 20).

Въ осадномъ положеніи.

Тѣмъ временемъ мы подошли къ жилищу мистера Леонардо, такъ звали пріятеля отца Ираклія, и онъ отворивъ дверь ключомъ, пригласилъ насъ войти. „Это первый запоръ, который я вижу на Сандвичевыхъ островахъ“, замѣтилъ я. Да, отвѣтилъ о. Ираклій, запоръ и замки существуютъ только на этомъ островѣ. Только здѣсь случаютъ я кражи и разбойныя нападенія. Одно это селеніе доставляетъ болѣе хлопотъ окружному суду въ Гонолулу, чѣмъ всѣ острова вмѣстѣ“. — „Чѣмъ это объяснить? спросилъ я. Тѣмъ что на э отъ островъ первые европейцы ссылали, съ позволенія мѣстной власти, своихъ преступниковъ. Населеніе и развратилось.

Едва мы успѣли войти въ домъ, какъ раздался свистъ, ударъ и звонъ разбитыхъ стеколъ. Кто-то бросилъ въ окно камень, а за первымъ камнемъ послѣдовали второй и третій.

„Развѣ тутъ нѣтъ полиціи?“—спросилъ я.

— Полиція состоитъ изъ такихъ же негодяевъ какъ они сами, отвѣтилъ Леонардо. Проидемте во внутренніе покои: тамъ будетъ безопаснѣй.

Окна внутреннихъ комнатъ выходили на дворъ. Въ нихъ тихо постучали, и хозяинъ осторожно выглянулъ. „Это Люси, шепнулъ онъ отцу Ираклію, „та дѣвочка о которой я говорилъ вамъ“.

— Что тебѣ надо, дитя мое?—спросилъ ее миссіонеръ, приоткрывая окошко. Выѣсто отвѣта дѣвочка, какъ котенокъ, вспрыгнула въ окно и очутилась въ комнатѣ.

— Отецъ мой, произнесла она шопотомъ, опускаясь на колѣни передъ миссіонеромъ. Умоляю васъ, окрестите меня!

„Неужели она не крещеная? подумалъ я, но тутъ вспомнилъ, что катслики въ случаѣ сомнѣнія перекрещиваютъ протестантовъ, и сталъ слушать далѣе.

— Дитя мое, тебѣ слѣдуетъ раньше поучиться кат. хизису и приготовить, какъ слѣдуетъ, отвѣтилъ миссіонеръ.

— Я готова, отецъ мой, сказала дѣвочка, но прошу васъ посѣшнить, такъ какъ боюсь умереть некрещеней.

— Отчего ты боишься умереть, дитя мое?

— Я не боюсь умереть, я боюсь не получить святого крещения, воскликнула дѣвочка, съ энтузіазмомъ, которымъ я невольно залюбовался. Она протянула къ небу свои черныя руки, и глаза ея засверкали.—Мои родители узнали, что я увѣровала и пригрозили мнѣ, что меня убьютъ. Такъ я хочу умереть католичкой.

„Но, милое дитя мое, воскликнулъ я; вамъ же не грозитъ никакой опасности? Напротивъ, вы можете навлечь ее на себя, если они провѣдаютъ, что вы креститесь!

— Они думаютъ, что я уже крещена, потому что стало извѣстно, что я сама крестила маленькыхъ.

„Какихъ маленькихъ? воскликнулъ о. Ираклій.

— Моихъ братьевъ и сестру. Вѣдь они не были совсѣмъ крещены, даже пасторомъ! Когда они родились, пасторъ не прѣзжалъ.

„Да, это вѣрно, сказалъ Леонардо. Они прогнали пастора какъ разъ передъ тѣмъ какъ родила Люси, и съ тѣхъ поръ ни одного христіанскаго священника къ намъ не заглядывало вплоть до васъ, отецъ Ираклій. И вотъ вамъ предстоитъ совершить здѣсь первую потребу. Я присоединяюсь къ ея просьбѣ, окрестите ее!

Треба среди опасности.

Отецъ Ираклій молча вынулъ требникъ и перекрестившись, дунулъ на лицо ребенка, на грудь, положилъ ей на голову руку и началъ дрожащимъ отъ волненія, голосомъ: „О имени твоемъ“...

Служба окончилась безпрятственно. Въ тотъ моментъ, когда о. Ираклій троекратно возливалъ воду на голову крещаемой, я невольно подумалъ о томъ, что въ сущности между католическимъ обливательнымъ крещеніемъ, если оно совершается по уставу и такъ, какъ его совершаютъ миссіонеръы и какъ совершилъ сейчасъ передо мной о. Ираклій и православнымъ погруженіемъ, если оно совершается истово, какъ у насъ въ Россіи, гораздо болѣе сходства, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Крещаемый стоитъ согнувшись, а крещающій льетъ воду ему на голову и на хребетъ изъ кувшина весьма обильно. Вода течетъ по всему тѣлу, стекаетъ по рукамъ и ногамъ и омываетъ все тѣло. При крещеніи взрослыхъ, которое у католиковъ совершается особо торжественно въ великую субботу а по нуждѣ и въ другіе дни, таинство совершается одновременно и погруженіемъ, и обливаніемъ. Крещаемые подволяются къ рѣкѣ, входятъ въ нее по поясъ, а священникъ съ особыхъ мостковъ, съ берега или съ лодки обливаетъ ихъ троекратно, причемъ они сами опускаютъ голову послѣ каждаго возліанія. Если одинъ крещаемый и крещеніе происходитъ въ крестильнѣ, устроенной при соборномъ храмѣ, въ приговорѣ, то крещаемый въ одной срачицѣ входитъ въ купель, въ которой налита вода, стоитъ въ ней по щиколку въ водѣ, а крещающій возливаетъ троекратно воду на голову и на все его тѣло. Въ данномъ случаѣ оазъ голову и не опускаетъ вовсе.

Но въ рѣкѣ или въ водоемѣ достаточно глубокомъ обливаніе всегда сопровождается съ погруженіемъ.

Бѣгство.

У о. Ираклія оказался и ящикъ съ маслами, такъ что крещеніе, несмотря на опасность извнѣ, было совершено имъ по полному чину. Но едва оно было

окончено, какъ за стѣной послышались новые удары отбрасываемыхъ камней и какихъ-то палокъ. Леонардъ забаррикадировалъ дверь, приставивъ къ ней комодъ и отворивъ окно на дворъ, черезъ которое вошла Люси, выпустилъ ее тѣмъ же путемъ, а затѣмъ пригласилъ меня послѣдовать ея примѣру. Мнѣ казалось унизительнымъ это дѣлать, тѣмъ болѣе, что я не зналъ, прыгнетъ ли изъ окна о. Ираклій.

Видя мое колебаніе въ такой моментъ, когда мѣшка было не время, а стуки усиливались, прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, о. Ираклій и Леонардо схватили меня подъ руку и высадили изъ окна, а затѣмъ и сами изъ него выпрыгнули. Дѣвочки ужъ и слѣдъ простыли. Мы же осторожно обошли дворъ, перешагнули черезъ плетень и задворками пробрались до края деревни. Здѣсь безъ всякихъ дальнѣйшихъ предосторожностей вышли на дорогу, которая была пуста и скорымъ шагомъ, чуть не бѣгомъ, добрались до пристани.

Здѣсь тоже все было пустынно, вѣроятно по случаю жары, отъ которой мы изнемогали, хотя шли все время тѣнью. Пароходъ долженъ былъ подойти не скоро, не раньше вечера, а въ челнокѣ мы всѣ пятеро умѣститься не могли. Говорю пятеро, потому что въ нашемъ челнокѣ кромѣ лодочника оказалась и Люси, прибѣжавшая сюда раньше насъ.

Было рѣшено, что лодочникъ останется ждать парохода, такъ какъ ему особой опасности не грозитъ, тогда какъ не только миссіонера, но и меня, и Люси, и Леонардо толпа фанатиковъ готова была растерзать въ куски. Леонардо сѣлъ на мѣсто лодочника, о. Ираклій сѣлъ у руля, Люси легла на дно лодки, чтобы ее не могли видѣть, что мы ее увозимъ, а меня посадили посрединѣ. О. Ираклій прочелъ молитву, и мы отчалили.

Я думаю, что мы возвращаемся въ Гонолулу, но увидѣлъ по солнцу, что направляемся на западъ.

— Мы держимъ путь на Тахуру, сказалъ о. Ираклій, когда я его спросилъ, куда мы ѣдемъ. Это ближайшій островъ, гдѣ мы будемъ въ всякой опасности. Бѣжать теперь моремъ до Гонолулу слишкомъ далеко, челнокъ сидитъ глубже, и море не особенно покойно.

Къ тому же у меня и дѣло есть еще на Тахурѣ. А вотъ взгляните лучше, что дѣлается на пристани, отъ которой мы только что отѣхали! Эти разбойники собираются насъ разстрѣлять!

Я надѣлъ очки, безъ которыхъ я такъ далеко видѣть не могъ, и моимъ глазамъ представилась толпа дикарей, угрожающихъ намъ палками и ружьями.

Леонардо приналегъ на весла, а надъ вашими головами просвистѣли пули.

— Сядьте на дно лодки,—скомандовалъ мнѣ Леонардо,—а то ваши развѣвающіяся одежды представляютъ имъ слишкомъ хорошую цѣль.

На дни челнока было мокро и тѣсно, но разсуждать не приходилось, и я кое-какъ устроился тамъ, положивъ голову на саквояжъ миссіонера. Лодка продолжала нестись по океану благодаря сильнымъ взмахамъ гребца, а пули летѣли намъ въ догонку, причѣмъ ни одна насъ не задѣла. Наконецъ, о. Ираклій повернулъ наискось лодку, а пули продолжали летѣть по прежнему направленію; изъ сего мы заключили, что наши непріатели насъ болѣе не видятъ и стрѣляютъ наугадъ. Ими было выпущено четырнадцать выстрѣловъ!

Въ Тахурѣ.

Островъ Нагау еще не скрылся изъ виду какъ мы увидѣли Тахуру, очертанія котораго до этого сливались съ горизонтомъ. Я давно уже сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ; какъ только мы вышли изъ сферы огня, взялъ у Леонарда

весла и сталъ грести. Съ непривычки я довольно скоро усталъ, такъ какъ началось небольшое волненіе и приходилось бороться съ волнами, которыя то подымали челнокъ, то его опускали. Черезъ какія-нибудь полчаса я выбился изъ силъ и вернулъ весла Леонардо. Мы понеслись быстрѣе и черезъ часъ уже подплывали къ Тахурѣ, гдѣ высадились на берегу недалеко отъ гавани и, привязавъ лодку къ стволу бамбука, отправились въ селеніе. Здѣсь жили одни протестанты, но они съ большимъ участіемъ отнеслись къ Люси, по дѣлу какъ намъ Леонардо, имѣвшій здѣсь друзей, рассказалъ о всемъ, что произошло и какой опасности подвергся этотъ ребенокъ. Впрочемъ у о. Ираклія и здѣсь нашлась овца его стада въ лицѣ мѣстнаго трактирщика. Такъ какъ при всей этой передрагѣ мы не успѣли ничего поѣсть, то всѣ очень проголодались и съ большимъ удовольствіемъ приняли предложенное намъ угощеніе здѣшняго мэра, любезно попросившаго насъ къ себѣ и общавшаго о. Ираклію позаботиться объ участи Люси.

О. Ираклій напутствуетъ умирающую протестантку.

Послѣ ужина миссіонеръ спросилъ нѣтъ ли тутъ въ поселкѣ больныхъ и когда ему сказали, что больна при смерти одна старая женщина, онъ отправился къ ней, и хотя это была лютеранка, его къ ней допустили, онъ предложилъ почитать ей библію и она согласилась.

Меня хозяева просили рассказать что-нибудь про Россію и я до полуночи занималъ гавантянъ разсказами, причемъ, конечно, старался придать имъ религіозную окраску. Около полуночи маѣ показали приготовленное для меня помѣщеніе, предложили фруктовъ и мѣстнаго вина, и я, усталый, удалился на покой, въ которомъ сильно нуждался послѣ пережитыхъ за этотъ день впечатлѣній.

Опять въ морѣ.

Рано на другое утро меня разбудилъ о. Ираклій.

— Намъ надо ѣхать, — сказалъ онъ, — такъ какъ здѣсь оставаться не безопасно. Какъ только взойдетъ солнце нигаудскіе разбойники приплывутъ сюда на своихъ лодкахъ и будутъ насъ здѣсь разыскивать.

„Почему же они вчера не бросились за нами въ догонку?“ — спросилъ я.

— Потому что нашъ отъѣздъ былъ слишкомъ для нихъ неожиданнымъ и они не знали еще, что мы увозимъ Люси. Теперь они вѣроятно замѣтили уже ея исчезновеніе и спохватились, но до восхода солнца не осмѣлятся выйти въ море. Намъ нужно торопиться. Мы поѣдемъ съ вами вдвоемъ, Леонардо останется здѣсь, его одного не тронуть, а Люси спрячутъ конаки. Насъ вдвоемъ тоже никто не тронетъ, хотя бы нигантыя насъ и вастигги, такъ какъ, не найдя съ нами своихъ земляковъ, они направятся ихъ разыскивать.

Море было спокойно, мы отвязали челнокъ, о. Ираклій положилъ въ него свой походный алтарь въ ручномъ чемоданчикѣ Леонардо который насъ провожалъ, принесъ двѣ плетенныя корзинки съ припасами, которыя опустилъ на дно лодки. О. Ираклій осмотрѣлъ весла, руль, испробовалъ нѣтъ ли течи и, убѣдившись, что лодка въ исправности, пригласилъ меня сѣсть въ нее, и мы отплыли.

Въ чемъ заключается успѣхъ миссіонерской проповѣди.

„Итакъ, вы сегодня безъ обѣдни?“ — сказалъ я о. Ираклію.

— Отчего вы такъ думаете? — спросилъ онъ.

„По припасамъ, которые вы захватили, предполагаю, что плаваніе будетъ продолжительное“.

— Вы правы, мы раньше вечера земли не увидимъ, но обѣдню я уже отслужилъ, причемъ имѣлъ счастье удостоить Люси ея перваго причастія. Леонардо, ея крестный отецъ, причащался тоже, а послѣ обѣдни я причастилъ старушку, которая умерла на моихъ рукахъ, какъ-будто ждала только этого момента, чтобы перейти въ лучшій міръ. Васъ я не хотѣлъ беспокоить, вы только-что легли спать, а я служилъ въ третьемъ часу ночи.

„Такъ вы значить совсѣмъ не отдыхали“,—воскликнулъ я.

— Развѣ время думать объ отдыхѣ, когда столько имѣешь неотложнаго дѣла? Если бы я легъ стдыхать, моя старушка умерла бы безъ покаянія и безъ напутствія, да вдобавокъ еще внѣ ограды Св. Церкви.

„Какъ же вы сдумѣли ее обѣднить“?—спросилъ я миссіонера.

— Я читалъ ей слово Божіе, а Господь отверзъ ей умъ и смягчилъ ея сердце. Она сказала, что хочетъ исповѣдываться и я ее исповѣдалъ. Она сказала, что хочетъ причаститься—и я ее причастилъ. Она сказала, что хочетъ умереть въ общеніи съ Церковью, и умерла какъ сказала.

„И вы ее не старались убѣждать“?

— Я только читалъ ей, выбирая тѣ мѣста, гдѣ говорилось, какъ Господь исцѣлялъ больныхъ, чтобы вселить въ нее увѣренность, что Господь можетъ ее исцѣлить и что Онъ проститъ ея грѣхи, если она съ вѣрою къ Нему обратится. Богъ тронулъ ея сердце и она обратилась.

„Такъ что ваши труды не пропали даромъ“,—замѣтилъ я.

— Никогда ни малѣйшій трудъ миссіонера даромъ не пропадаетъ,—отвѣтилъ о. Ираклій.—Ни логика убѣжденій, ни ораторское искусство, ни гипнозъ толпы никогда не даютъ тѣхъ результатовъ, какіе даетъ самый обыденный и скромный примѣръ самоотверженія миссіонера, постъ, молитва, уходъ за больными, или какое-нибудь дѣло милости. Лишній часть утомленія, ночаго бдѣнія, воздержанія отъ пищи, посвященный миссіонерскому дѣлу, болѣе значать передъ лицомъ Божіимъ, чѣмъ нѣсколько часовъ самой убѣдительною проповѣди. Вы знаете, если Господь не тронетъ сердца человѣка, то онъ будетъ спорить противъ очевидности. Возьмемъ для примѣра обращеніе евреевъ. Пока еврей, нафанатизованный Талмудомъ, относится къ Христу съ предубѣжденіемъ и ненавистью, никакія, самыя очевидныя доказательства не могутъ его переубѣдить. На исполненіе пророчествъ онъ скажетъ, что это или случай, или совпаденіе, или все евангеліе искусно подобрано такимъ образомъ, чтобы представилось, будто бы факты изъ жизни Спасителя совпадаютъ съ пророчествами. Припертый къ стѣнѣ, онъ станетъ, наконецъ, совершенно отрицать ихъ и говорить, что ихъ не было. Когда ему укажешь на седьмны Даниловы, то онъ заявитъ, что такъ какъ эти седьмны давно прешлі, то изъ этого слѣдуетъ, что ихъ надо понимать аллегорически. Когда ему укажешь, что пророчество Даниила о прекращеніи жертвъ исполнилось же въ назначенный срокъ, онъ скажетъ, что подъ Мессіей надо подразумѣвать многострадальную еврейскую націю, которая въ указанный Даниловъ срокъ лишилась своего политическаго самоопредѣленія. Итакъ безъ конца, на все у него найдется отвѣтъ, въ крайнемъ случаѣ онъ все будетъ отрицать или обвинять всѣ христіанскіе первоисточники въ подлогѣ. Но представьте себѣ еврея, который тронутъ благодатью Божіей и вдругъ полюбилъ невѣдомаго ему Мессію. Онъ станетъ искать Его и найдетъ Его. Его же книги ему Его и откроютъ. Онъ самъ начнетъ подыскивать соотвѣтствіе между пророчествами и фактами рожденія, жизни и смерти Христа, и безъ труда найдетъ ихъ, такъ какъ они

слишкомъ очевидны. Даже Талмудъ поможетъ ему въ этомъ, такъ какъ его чистое сердце сейчасъ же оскорбится той безпричинной ненавистью, которою Талмудъ пропитанъ къ Назарянину и ему станетъ ясно, что основой этой ненависти можетъ быть только одно: желаніе оправдать свое заблужденіе. И такъ,— продолжалъ о. Ираклій,—когда вы хотите убѣдить протестанта, напрасный трудъ будетъ пытаться съ нимъ спорить. Дѣйствуйте на его сердце. Заставьте его биться любовью къ Богу, къ Христу и Его Церкви. Когда онъ проникнется этой любовью, онъ самъ вамъ поможетъ найти тѣ доказательства, которые могутъ его убѣдить окончательно. И мы видимъ обратное со стороны враговъ церкви, которые стараются на своихъ слушателей не столько дѣйствовать логическимъ убѣжденіемъ, сколько возбуждая въ нихъ инстинктивную и безотчетную ненависть къ католической Церкви и ея служителямъ.

На челнокъ среди Тихаго океана.

Въ это время взошло солнце и все море засверкало ослѣпительной бѣлизной, казалось каждая капля морской пѣны въ брызгахъ на гребнѣ волнъ отражала дневное свѣтило.

„Куда же мы плывемъ? воскликнулъ я, видя, что солнце восходитъ не съ носу, а съ кормы, съ противоположной стороны, чѣмъ я ожидалъ.

— Мы ѣдемъ на западъ, къ отдаленнѣйшимъ островамъ нашего архипелага. Впрочемъ мнѣ нужно побывать только въ одномъ, который отъ насъ самый близкій. Оттуда мы вернемся домой на пароходѣ. А теперь такъ какъ намъ придется полдня плыть и не предвидится возможности читать брѣвиарій, я предлагаю заняться „умной молитвой“, т.е. созерцательнымъ размышленіемъ.

— А я буду читать часы—сказалъ я, чувствуя нерасположеніе къ „умному дѣланію“, должно быть по непривычкѣ къ нему и по неподготовленности къ этому дѣлу.

Отецъ Ираклій удивился. „Развѣ вы можете читать часы наизусть?“ спросилъ онъ.

— Конечно, — отвѣтилъ я, понимая почему онъ удивился. Вѣдь у васъ псалмы въ часахъ ежедневно мѣняются и, понятно, вы всю псалтирь наизусть знать не можете. Но въ восточномъ обрядѣ мы ежедневно прочитываемъ одни и тѣ же псалмы, и такъ какъ я съ ранняго дѣтства привыкъ ежедневно прочитывать всю службу, за исключеніемъ измѣняющихся ея частей.

И мы принялись каждый за свою молитву, причемъ о. Ираклій не переставалъ грести, а я сидѣлъ у руля, держа путь по указанному мнѣ направленію. Черезъ часъ я взялъ у него весла, и такъ какъ море было тише вчерашняго, а челнокъ легче, то и гребъ лучше, чѣмъ наканунѣ и не чувствовалъ почти никакой усталости.

Такимъ образомъ, чередуясь каждый часъ, доплыли мы до Мундоману.

Островъ Мундоману.

Здѣсь насъ никто не ждалъ. Мнѣ казалось, что это совсѣмъ дикій и безлюдный островъ. Нѣсколько кокосовыхъ пальмъ возвышались у самаго берега и отражались въ спокойныхъ водахъ небольшого заливчика, образуемаго песчаной отмелью, къ которой мы пристали.

Лодку мы втащили на мель, не безъ труда опрокинули, чтобъ вылить просочившуюся воду и, прежде чѣмъ идти вглубь острова, сѣли закутить, какъ для

того, чтобъ запастись силами, такъ для того, чтобъ облегчить корзину. Проезжая наша состояла главнымъ образомъ изъ фруктовъ, мѣстнаго легкаго вина и лепешекъ изъ рисовой муки. Облегчивъ свою ношу, мы отправились вдоль весело журчавшаго ручейка, обросшаго камышами, во внутрь страны.

Поднявшись на холмистую возвышенность, мы увидѣли нѣсколько домиковъ весьма первобытной постройки, крытыхъ камышомъ и соломой. Это и былъ поселокъ конаковъ, мѣстныхъ островитянъ. Около каждаго домика росло хлѣбное дерево, а кругомъ домиковъ, расположенныхъ полукругомъ, росли высокія стройныя пальмы. Мѣстность была удивительно красивая. Холмы были покрыты сочною травою какого то необычайно голубого цвѣта, въ родѣ бирюзы. Далѣе видѣлся прудъ или озеро, тоже окаймленное пальмами, а затѣмъ вали, за цвѣтущими полями, на которыхъ рядами стояли фруктовыя деревья и за склонами холмовъ, на которыхъ вился низкорослый виноградъ, отсвѣчивала подъ лучами солнца матовая полоса безбрежнаго океана.

Уголокъ земнаго рая.

— Это благословенный край,—сказалъ о. Ираклій. Чудный и равномерный климатъ, плодородная почва, миролюбивые жители, у которыхъ при этомъ есть все, что имъ нужно для беззаботной и счастливой жизни. Полное довольство и отсутствіе труда, если не считать трудомъ поддержаніе домашняго хозяйства, сборъ плодовъ, ловлю рыбы и выдѣлываніе тканей изъ волоконъ кокосоваго орѣха. Когда родится ребенокъ островитяне сажаютъ въ свой садъ зерно хлѣбнаго дерева и это дерево обезпечиваетъ его пропитаніе на всю его жизнь. Несмотря на эти условія, островитяне не развратились и не предались праздности. Они веселы, общительны, часто ѣздятъ въ Гонолулу, продаютъ свои издѣлія, выдѣлываютъ изъ гроздей винограда вино и изъ мякоти кокосовъ койру, гонятъ спиртъ изъ пальмоваго сока, солятъ рыбу, причемъ сами умѣютъ выпаривать соль изъ морской воды и вообще очень энергичны и дѣятельны. Правы у нихъ чисты, любятъ просвѣщеніе, имѣютъ школу и бібліотеку, всѣ грамотны и ежедневно получаютъ съ парохода газеты. Всѣ добрые христіане.

У островитянъ.

Мы направились къ крайнему домику, отличавшемуся отъ другихъ болѣе обширной террасой и болѣе просторнымъ садомъ, въ которомъ возмшалась цѣлая группа горделивыхъ пальмъ.

— Здѣсь живетъ мэръ поселка,—сказалъ о. Ираклій, —католикъ. Впрочемъ большинство жителей католики, но есть и протестанты, которые живутъ въ мирѣ и согласіи съ остальными жителями. Они очень терпимы и конфессіональной розни не высказываютъ. Пасторъ къ нимъ навѣдывается рѣдко, и когда я сюда являюсь, то рѣдко они обращаются ко мнѣ за совѣтомъ, за утѣшеніемъ, за духовной помощью. Бывали такіе случаи: меня звали умирающіе и я не только не отказывался преподавать имъ духовное утѣшеніе, но слушалъ ихъ исповѣдь и мазалъ ихъ освященнымъ елеемъ. Вы удивляетесь?

— Нисколько, — отвѣтилъ я, — напротивъ, мнѣ это очень нравится. Что же дальше?

— Они выздоравливали, въ слѣдующій мой пріѣздъ присоединялись къ св. церкви и причащались св. тайнъ. За ними принимали католичество и ихъ семьи и, такимъ образомъ, мало-по-малу почти все селеніе стало православнымъ. Каждая

три недѣли одинъ изъ нашихъ отцовъ прїѣзжаетъ сюда въ воскресенье служить обѣдно и завтра моя очередь.

— Завтра?—воскликнулъ я.—Развѣ вы намѣрены оставаться здѣсь до завтра?

— Что вы такъ испугались?—спросилъ о. Ираклій.

— Завтра, въ 8 часовъ вечера Аламида (пароходъ, на которомъ я долженъ былъ ѣхать дальше) уходитъ изъ Гонолулу!

— Такъ что же? Сегодня вечеромъ отсюда идетъ пароходъ, на которомъ вы можете вернуться въ миссію, а если желаете остаться со мной до завтра, то мы вернемся вмѣстѣ къ шести часамъ. Вы успѣете пообѣдать въ миссіи, со всѣми повидаться передъ отъѣздомъ и провести въ нашемъ кругу послѣднія минуты. Я вамъ отвѣчаю, что вы не опоздаете и пароходъ безъ васъ не отойдетъ.

У крыльца домика насъ встрѣтили хозяева, мэръ поселка съ женой и дѣтьми. Всѣ наперерывъ протягивали намъ руки и произносили: „добро пожаловать“. Войдя внутрь дома, я обратилъ вниманіе, что въ окнахъ этихъ помѣщеній не было ни рамъ, ни стеколъ. Отвѣ завѣшивались снаружи цыновками отъ жгучихъ лучей солнца, на подобіе маркизъ. Съ тѣнистой стороны эти занавѣси были приподняты и передъ нами разстилался чудный видъ на всю окрестность.

— Прежде всего пойдѣте помолитесь,—сказалъ о. Ираклій и всѣ прошли за нимъ во внутреннее помѣщеніе, гдѣ было устроено вѣчто въ родѣ домашней часовни съ католическимъ алтаремъ

Молитвы и молебны.

Молитва состояла въ безчисленномъ повтореніи Ангельскаго привѣтствія, изрѣдка прерываемаго молитвой Господней.

Какъ это утомительно, подумалъ я. Такъ молиться они могли и один, стоило для этого прїѣзжать священнику! И мнѣ живо представилось, какъ у насъ въ православной Руси, когда священникъ придетъ въ домъ помолиться, затеплится свѣчи передъ иконами, надѣзается облаченію, служитъ молебенъ или литія, читается слово Божіе, прикладываются ко кресу и евангелію, и все это такъ тепло, такъ ярко и такъ красочно и оставляетъ въ душѣ такое благоприятное чувство жизнерадостности, такое умиленіе на сердцѣ, какого не въ состояніи произвести сухія, мрачныя и черствыя латинскія молитвословія. И я задумался, почему это? И не могъ найти отвѣта другого, кромѣ того, что жизнерадостность восточныхъ и южныхъ народовъ, въ частности грековъ и древнихъ римлянъ, нашла себѣ утѣшеніе въ строѣ церковной жизни и богослуженія православныхъ народовъ, а мрачные сѣверяне, галлы и германцы, скандинавы и норманы, принявъ христіанство, внесли въ него отгѣнокъ своего суроваго мір-созерцанія, который еще сильнѣе выражается въ протестанствѣ и, пройдя кальвинизмъ во всѣхъ его формахъ, достигаетъ своего апогея въ пресвитеріанствѣ.

Среди конаковъ.

Окончивъ молитву, всѣ перешли на террасу, которая, какъ я замѣтилъ, играетъ роль гостиной во всѣхъ гавайскихъ домахъ. Намъ предложили кофе съ собственныхъ плантацій, очень душистый и поданный въ небольшихъ китайскихъ деревянныхъ лакированныхъ чашечкахъ, безъ сахара. Но за-то къ нему воданъ былъ настоящій челиный медъ, чрезвычайно ароматичный и поджаренные ломти плода хлѣбнаго дерева, напоминающаго вкусомъ ячменныя лепешки. Хозяйка распорядилась угощеніемъ, а хозяйки, почтительно стоя противъ о. Ираклія, докла-

дывалъ ему о состояніи его паствы. Послѣ угощенія о. Ираклій, котораго у крыльца ожидала уже куча народа, вышелъ къ нимъ и сталъ говорить съ ними по-гавайски. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобъ сдѣлать прогулку по острову и предаться немного собственнымъ мыслямъ. Но такъ какъ я не догадался взять въ руки молитвослова, признавъ что я чатаю службу и мнѣ нельзя мѣшать,—такъ пріучили гавайцевъ миссіонеры,—меня тотчасъ же обступили мѣстные жители, преимущественно молодежь, говорящая по-английски и я долженъ былъ у оветворить ихъ любопытство, рассказать имъ кто я и откуда, и что за страна Россія и какой тамъ народъ.

Прогулка по острову.

Когда я вернулся, то засталъ о. Ираклія извѣдующимъ завтрашнихъ причастниковъ. Тогда я взялъ канонникъ въ руки и снова отправился на прогулку и на этотъ разъ никто ко мнѣ не приставалъ. Выбравъ удобный и живописный уголокъ подъ кокосами у самаго взморья, противъ зката солнца, я сталъ пѣть вечерню. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я пѣлъ: «Свѣте тихій» и произносилъ слова: «пришедше на западъ солнца», дневное свѣтло приблизилось къ горизонту и коснулось моря. Не успѣлъ я еще дойти до „сподоби Господи въ вечеръ сей“ какъ солнце закатилось совершенно и блеснулъ его послѣдній радужный лучъ.

Наступилъ мракъ. Море загорѣлось фосфорическимъ свѣтомъ и со стороны поселка замелькали огоньки. Я не торопясь окончилъ всенощную послѣ чего при свѣтѣ звѣздъ вернулся въ часовню, гдѣ о. Ираклій уже клячилъ и повѣдывать и собирався ужинать.

— Какъ вы наши дорогу?—спросилъ онъ мнѣ.—Вы, вѣроятно, долго блуждали?

„Нисколько“, отвѣтилъ я. „Я отлично ориентировался по звѣздамъ и по огонькамъ. Я читалъ свое правило и не думалъ что вы будете беззакониться“.

— Я и не безпокоился,—сказалъ о. Ираклій.—Самое худое, что могло съ вами приключиться это то, что вы бы заблудились и не нашли дороги. Но островъ имѣетъ всего десять миль въ окружности и вы идя по взморью по одному направленію самое большое часа черезъ два были бы дома.

На волосокъ отъ смерти.

— А теперь, отны,—сказалъ хозяинъ,—позвольте прѣсвить васъ къ столу. Я удивляюсь, что сегодня пароходъ еще не пришелъ съ острововъ. Должно бытъ съ нимъ что-то приключилось. Это первое запозданіе за все время что этотъ рейсъ установленъ.

— Видите,—сказалъ мнѣ о. Ираклій,—какъ все идетъ къ лучшему. Если бы наше приключеніе въ Нугау, которое измѣнило нашъ маршрутъ, мы вчера бы отправились на дальнѣе острова, а сегодня дѣлжны бы были возвращаться съ этимъ злополучнымъ пароходомъ, и только съ нимъ прибыть на Мундугану. И тогда бы эти добрые люди, у которыхъ мы теперь го тимъ, лишились бы завтра своей обѣды.

Отецъ Ираклій сказалъ это замѣча ельно просто. Но меня не могло не поразить его полное самозабвеніе. Онъ безпокоился о томъ, какъ бы его паства не оказалась въ воскресеніе безъ бо ослуженія и нѣсколько не подумалъ о томъ, что если бы мы были на этомъ пароходѣ, то сами перенесли бы ту аварію,

изъ-за которой пароходъ не прибылъ во время. Мэръ спросилъ по каблю, что случилось съ сегодняшнимъ пароходомъ. Получился отвѣтъ, что отъ взрыва котла онъ затонулъ между островами Фрегатомъ и Неккеръ.

— Вотъ вамъ и тема для размышленія,—сказалъ мнѣ с. Ираклій.— Развѣ вы не видите въ этомъ особой милости Божіей по отношенію къ намъ?

„Вижу“, отвѣтилъ я, „и не въ первый разъ э о вижу и солдатаюсъ: почему именно къ намъ Господь такъ милостивъ, а не къ тѣмъ несчастнымъ, которые пострадали“.

— Потому что сказано: пагетъ отъ страны твоя тысяща и тма одесную тебе, къ тебѣ же не приблизится...

„А не потому ли, какъ сказано у Іова (XXI, 30), что въ день погибели пощажень бываетъ злодѣй и въ день гнѣва отводится въ с орону?“

— Нѣтъ, это къ намъ не относится!—вокликнулъ съ жаромъ о. Ираклій,—мы любимыя дѣти Божіи и ни одинъ волосъ съ головы нашей не падетъ безъ его воли! Но я охотнѣе бы утонулъ самъ, если бъ это могло спасти этихъ несчастныхъ!

Восьмой и послѣдній день.

На другое утро о. Ираклій отслужилъ обѣдню, причастилъ своихъ прихожанъ и совершилъ особое моленіе за пострадавшихъ въ аваріи парохода. Около полудня пришло извѣстіе по подводному кабелю, что не досчитались только двоихъ, всѣ стальные оказались хорошими пловцами и были подобраны съ ближайшаго острова лодками. Нѣкоторые доплыли до самаго острова. Всѣмъ была оказана немедленная помощь.

Послѣ обѣдни с. Ираклій завѣстилъ двухъ или трехъ больныхъ, обвинчалъ одну пару молодыхъ гавайцевъ, причемъ жениху было 14 лѣтъ, а невѣстѣ десять, и е.ва управлялся съ ребятами, какъ показалося пароходъ „Минерва“, на которомъ мы до жны были возвратиться въ Гонолулу.

Возвращеніе въ миссію и отъѣздъ.

Мы заходили въ Такуру и Нигау, при чемъ въ послѣднемъ мѣстѣ были очень удивлены когда увидѣли о. Ираклія живымъ и здоровымъ: почему-то вообразили, что онъ находился на потонувшемъ пароходѣ. Когда мы прибыли въ Гонолулу насъ на пристани ожидала толпа народа: слухъ разнесся что мы погибли, и самъ епископъ и братія о насъ сегопооились. Я хотѣлъ было тотчасъ же ѣхать на Алаиду, но Алаида стояла въ самой гавани у крѣпости и разводила пары, и отцы миссіонеры не хотѣли отпустить меня безъ ужина, на которомъ присутствовало еще нѣсколько новыхъ братьевъ. Епископъ произнесъ прощальную и весьма трогательную напутственную рѣчь, я сердечно благодарилъ его и всю братію за широкое гостепрѣимство, и особенно задумешно простился съ отцомъ Иракліемъ, съ которымъ въ теченіи восьми дней дѣлилъ и труды, и опасности. Вся братія вышла меня провожать на пристань и когда корабль тронулся, мнѣ стало грустно, что я съ этими добрыми людьми болѣе никогда не увижусь. Я успѣлъ за эту недѣлю къ нимъ привязаться и привыкнуть къ ихъ жизни и теперь почувствовать себя вдругъ такимъ одинокимъ среди Тихаго Океана.

Бывшій миссіонеръ.

VII ОТДѢЛЪ.

Миссіонерская хроника.

1.

Отчетъ о состояніи Русской Духовной Миссіи въ Китаѣ за 1916 годъ.

Къ концу отчетнаго года въ составѣ Миссіи находились одинъ Начальникъ Миссіи въ санѣ Епископа, три члена Миссіи, изъ нихъ двое въ санѣ архимандрита и одинъ священникъ; въ Успенскомъ монастырѣ были: одинъ архимандритъ, двѣнадцать іеромонаховъ, четыре іеродіакона (одинъ изъ нихъ китаецъ), пять священниковъ (трое изъ нихъ китайцы), шесть діаконъ (все китаецы) два иподіакона (китайцы), три псаломщика, семь манатейныхъ монаховъ (двое изъ нихъ китайцы, пять послушниковъ (изъ нихъ трое китайцы). Въ женскомъ монастырѣ состояли двѣ манатейныхъ монахини (одна изъ нихъ китаянка) и четыре рясофорныхъ послушницы (одна китаянка). Въ личномъ составѣ произошло лишь одно измѣненіе: архимандритъ управляющій Московскимъ подворьемъ выбылъ, а на мѣсто его принять священникъ Алексѣй Ефимовъ.

Въ отчетномъ году въ вѣдѣніи Миссіи состояли: 1) монастыри: а) Первоклассный Успенскій монастырь въ Пекинѣ, б) Крестовоздвиженскій скитъ близъ Пекина въ горахъ Си шань, в) женскій монастырь въ Пекинѣ; 2) пять подворій въ Петроградѣ въ г. Москвѣ, въ г. Харбинѣ, въ г. Дальнемъ и на станціи Маньчжурія; 3) девятнадцать церквей; 4) три часовни и пять кладбищъ; 5) станы въ тридцати двухъ пунктахъ; 6) одна семинарія въ Пекинѣ, восемнадцать мужскихъ и три женскихъ школы; 7) въ богадѣльнѣ близъ Пекина за Аньдинмыньскими воротами призрѣвалось 11 человекъ; пища выдавалась 72 человекамъ; 8) продолжали свою дѣятельность и другія учрежденія въ Пекинѣ.

Учащихъ въ школахъ Миссіи было болѣе 700; изъ нихъ 148 были на полномъ содержаніи; въ Шанхайской школѣ было 58 учениковъ.

Изъ язычества крещено семьсотъ шесть человекъ, умерло за годъ христіанъ 38, а всего съ прежде крещенными остается христіанъ шесть тысячъ двѣсти пятьдесятъ пять (6 255) человекъ.

Въ отчетномъ году переводческая коммиссія продолжала свои работы по переводамъ на общепонятный языкъ богослужебныхъ книгъ и провѣрѣе прежнихъ переводовъ, главнымъ образомъ Апостольскихъ посланій. Подъ руководствомъ ея за годъ напечатаны слѣдующія книги: 1) на китайскомъ языкѣ — типографскимъ наборомъ — Св. Евангеліе отъ Матвея и Марка, служба Пасхи и Апостолъ; литографіей изданы: Св. Евангеліе отъ Луки и отъ Іоанна, Служебникъ Церковныя Пѣснопѣнія, службы праздниковъ Рождества Христова, Богоявленія и Срѣтенія, Октоихъ, Молитвословъ (въ исправленномъ видѣ) и много другихъ мелкихъ работъ; 2) на русскомъ языкѣ: Краткая исторія Пекинской Пра-

пославной Миссії, журналъ „Китайскій Благовѣстникъ“ и Отрывной Международной Календарь.

Съ прїѣздомъ новаго Посланника отношенія Миссії къ Посольству установились нормальныя.

На подворьяхъ Петроградскомъ и Московскомъ продолжалась служба и назиданіе богомольцевъ пастырскимъ словомъ. На Харбинскомъ подворьи продолжалась приходская дѣятельность среди русскаго населенія. На станціи Маньчжурія строящійся храмъ возведенъ стѣнами до карнизовъ.

Указомъ Св. Синода отъ 27 Сентября за № 12367 открытъ штатъ изъ священника и псаломщика при подворьи въ Шанхаѣ, куда командированъ Архимандритъ Симонъ съ іеромонахомъ Евстаѣемъ.

Продолжающаяся война въ Европѣ не могла не отразиться на жизни Миссії. Паденіе цѣнности рубля удручающе повліяло на дѣла всѣхъ учреждений Миссії, вызвало сокращеніе штата служащихъ. Семинарія и многія школы закрыты, станы остались безъ руководителей, многимъ нуждающимся приходится съ горечью въ сердцѣ отказывать въ самой необходимой помощи. Миссіонерскихъ поѣздовъ почти не было вовсе.

Но возлагая твердое упованіе на помощь Божию, Миссія бодро вступаетъ въ новый годъ, благодаря Бога за все пережитое и перечувствованное въ мимошедшемъ лѣтѣ.

2.

Отчетъ о состояніи Шанхайскаго отдѣленія Духовной Миссії за 1916 годъ.

Лица. Настоятель Шанхайской церкви Духовной Миссії Членъ Миссії Архимандритъ Симонъ; іеромонахъ Евстаѣій—обучалъ китайцевъ учителей и учениковъ цѣлну и составилъ изъ нихъ приличный хоръ, завѣдывалъ расходомъ и вообще наблюдалъ за хозяйствомъ; діаконъ Амвросій Юй—преподавалъ въ старшемъ отдѣленіи школы священную исторію и другія свѣдѣнія по Закону Божию и занимался съ архимандритомъ Симономъ китайскимъ языкомъ; учитель Александръ Чень—преподавалъ въ старшемъ отдѣленіи школы китайскій языкъ и чтеніе богослужебныхъ книгъ переписывалъ новые переводы богослужебныхъ книгъ и провѣрялъ переписанные другими, велъ дѣловую переписку и исполнялъ порученія касательно закупки воска и т. п.; окончившій курсъ Пекинской семинаріи Тимошей Танъ—занимался съ архимандритомъ Симономъ китайскимъ языкомъ, преподавалъ въ младшемъ отдѣленіи школы китайскій языкъ и священную исторію, въ старшемъ отдѣленіи—молитвословъ, преподавалъ въ школѣ русскій языкъ и ариметику, на мѣсяцъ былъ командированъ въ Тайчжоу для проповѣди, переписывалъ книги; Филиппъ Мао—изъ прежнихъ учениковъ Шанхайской школы—нѣкоторое время преподавалъ въ младшемъ отдѣленіи китайскій языкъ и священную исторію, преподавалъ ариметику и

англійскій языкъ, переписывалъ книги, въ сентябрѣ согласно собственному желанію уволенъ; Арсеній Цао—изъ прежнихъ учениковъ Шанхайской школы—лучшій изъ пѣвчихъ, занимался въ младшемъ отдѣленіи школы преподаваніемъ объясненія символа вѣры и нѣкоторое время—китайскаго языка, переписывалъ ноты и книги, исполнялъ случайныя порученія, работалъ при уборкѣ въ церкви и въ домѣ; Ниль Сью—изъ прежнихъ учениковъ Шанхайской школы—нѣкоторое время былъ приходящимъ пѣвчимъ; Андрей Чжанъ—изъ учениковъ Пекинской семинаріи—живетъ при церкви съ сентября мѣсяца переписывалъ книги, работалъ при уборкѣ въ церкви и въ домѣ; участвовалъ въ церковномъ чтеніи и пѣніи; старикъ Максимъ Чжоу—призрѣаемый; Илія Чжанъ—поварь, его помощникъ Авдій Ся—исполняли всю работу по дому и по двору; Θεодузь Шэнъ—изъ прежнихъ учениковъ Шанхайской школы—работая въ типографіи, жилъ при церкви и исполнялъ нѣкоторыя работы, по увольненіи изъ типографіи нѣкоторое время—по случаю болѣзни Иліи—былъ за слугу; ученики Аонасій Ванъ и Макарій Ванъ попеременно исполняли обязанности пономаря.—Аонасію отпущалось на содержаніе два доллара въ мѣсяць, Макарій на своемъ содержаніи, ученикъ Іаковъ Ванъ—изъ Тайчжоу—на своемъ содержаніи.

Церковь. А) *Богослуженіе* совершалось ежедневно: въ воскресные и праздничные дни и въ субботы—литургія, въ прочіе дни—обѣдница, вечеромъ—вечерня и утреня, на праздники—всенощная, въ великомъ посту по средамъ и пятницамъ—литургія преждеосвященныхъ Даровъ. Вечерняя служба начиналась въ 6 часовъ, утреня — въ праздники въ 10 часовъ (дѣтсмъ въ 8), въ прочіе дни въ 6 часовъ. Б) *Прихожане.* Личный составъ русской колоніи въ продолженіе года измѣнялся. Значительная часть русскихъ въ Шанхаѣ принадлежитъ къ инославнымъ исповѣданіямъ. Православныхъ къ концу года было человекъ 40. Кромѣ того есть учащіяся въ школахъ и греки, о нихъ точныхъ свѣдѣній не имѣется. Большое собраніе русскихъ (и инославныхъ) въ церкви бывало только въ большіе праздники, а обычно бываетъ нѣсколько человекъ, иногда же совершенно никого изъ русскихъ не бываетъ на службѣ. Нѣкоторые изъ православныхъ совсѣмъ не посѣщали церковь даже и въ большіе праздники. Въ великомъ посту на исповѣди и у св. Причастія было 12 взрослыхъ и 8 дѣтей и въ рождественскомъ посту одна женщина. Бывали случаи причащенія младенцевъ. Два раза собирались русскіе на кладбище на панихиду. Были единичные случаи служенія молебна и панихиды. Окрещено 6 младенцевъ (2 греческихъ), было одно бракосочетаніе и пять погребеній (2 грека). Изъ китайцевъ, кромѣ служащихъ и живущихъ при церкви, приходили въ церковь въ разное время человекъ 40 (считая и призжихъ). В) *Зданіе церкви и имущество.* Попеченіемъ Генеральнаго Консула при посредствѣ Русско-Азіатскаго Банка весной произведено внутри церкви ремонтъ (окраска) и сдѣланы подвижные деревянные плиты отъ дождя на колокольнѣ. Усердіемъ прихожанъ пополнена ризница; сдѣлана черная атласная риза, бѣлая шелковая риза и стихарь, облаченіе на аналой, на столики, покрывала на престолъ и жертвенникъ, приобретены два большіхъ ковра, покрывающихъ почти весь полъ церкви, и два маленькихъ продолговатыхъ, приобретены новыя электрическія лампочки, сдѣланы три вѣшалки для одежды—на паперть.

Дома. Въ двухъ-этажномъ домѣ—гостинная, столовая и помѣщеніе для архимандрита. въ пристройкѣ—кухня одна комната занята іеромонахомъ, одна—учителемъ Александромъ Чэнь и одна нѣкоторое время сдавалась подъ квартиру. Въ нижнемъ этажѣ трехъ-этажнаго дома—школа, средній и верхній этажи (всего 8 комнатъ) бывали занимаемы квартирантами. Старый двухъ-этажный домикъ (7 комнатъ) занятъ китайцами служащими, учениками и слугами. На задней половѣ—въ бывшей ученической столовой—сладкѣ ненужныхъ вещей и китайская кухня, въ пристройкѣ—баня. Попеченіемъ Генеральнаго Консула при посредствѣ Русско-Азіатскаго Банка осенью въ двухъ-этажномъ домѣ произведенъ ремонтъ,—обращены водосточныя трубы, починена мебель, въ гостинную и столовую куплены занавѣски и салфетки.

Школа. Въ школѣ два отдѣленія. Старшіе ученики изучаютъ священную исторію ветхаго и новаго завета (по выпискамъ изъ Библіи), читаютъ Евангеліе отъ Матѳея на Пелянскомъ языкѣ, книгу Дѣяній св. Апостоловъ, часословъ, обтоихъ (воскресную службу 6-го гласа) изучаютъ молитвословъ, занимаются русскимъ языкомъ, ариеметикой, письмомъ, читаютъ учебники по китайскому языку, по исторіи, по географіи, пѣнію; старшихъ учениковъ восемь человекъ. Младшіе ученики изучаютъ по картинамъ братскую священную исторію ветхаго и новаго завета, читаютъ учебникъ по китайскому языку, занимаются письмомъ, ариеметикой, учатъ „синь-цзинь-вэнь-да“, нѣкоторые учатся по-русски и состоятъ въ числѣ пѣвчихъ. Въ праздники предъ литургіей ученики повторяютъ хоромъ символъ вѣры, заповѣди и молитвы. Кромѣ вышеупомянутыхъ троиухъ учениковъ, всѣ остальные живутъ дома, въ церкви бывають только по праздникамъ. Крещеныхъ въ числѣ учениковъ 15, а всего учениковъ къ концу года было 37.

Станы. Отчетъ о станахъ за 1916 г. напечатанъ въ Китайскомъ Благовѣстникѣ, о станахъ въ Хаймынь и въ Чжэ-цзинь въ выпускѣ 13-14, отъ 1-го августа 1916 г., а о станахъ въ Ху бэй и Цзянь-си нужно смотрѣть въ выпускѣ 19-20, отъ 25 ноября 1916 г. Въ концѣ года плата въ Хаймыньскіе станы сокращена и смѣта на содержаніе Хубэйскихъ становъ сокращена. А) *Количество пунктовъ, гдѣ велась проповѣдь.* Въ Хай-мынь 4; въ Чжэ-цзянь-9; въ Цзинь-си 2; въ Хубэй 17. Всего 32. Платныхъ квартиръ 11, собственныхъ помѣщеній 2. Б) *Количество служащихъ (съ платой) мисъ 11.* В) *Количество школъ 5.*

Крещеніе бракъ и исповѣдь. Въ Шанхай крещено 25 человекъ изъ нихъ 22 ученика школы. На исповѣди въ Шанхай было 30 человекъ, въ томъ числѣ 9 изъ новокрещеныхъ. При поѣздкѣ архимандрита Симона въ Чжэ-цзянь крещено 42 человекъ, на исповѣди было 47 человекъ. При поѣздкѣ архимандрита Симона въ Хаймынь крещено 32 человекъ, на исповѣди было 20 человекъ и причащено двое дѣтей. При поѣздкѣ архимандрита Симона въ Ху-бэй и Цзянь-си крещено 479 человекъ, на исповѣди было 192 человекъ и причащено трое дѣтей, совершенно одно бракосочетаніе. Всего крещено за 1916 годъ 578 человекъ. Умершихъ записано 11 человекъ.

Архимандритъ Симонъ.

Шанхай. 7-го января 1917 г.

Редакторъ Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

О подпискѣ на 1918 годъ.

Великая всемірная война и происшедшій на третьемъ году ея революціонный переворотъ вызвали небывалое разстройство въ общественной жизни страны и привели великую Россію къ совершенному безначалію и жизни въ ней къ полному развалу. Не мало и Православная Церковь въ истекающемъ году испытала волнений и беспорядковъ, возбуждаемыхъ и устраиваемыхъ разными безумными, своевольными нецерковными людьми, каковы бывшій оберъ-прокуроръ Львовъ, протоіерей Цвѣтковъ, профессоръ Титлиновъ и вмѣ подобныя революціонеры-реформаторы. Всероссійскій Церковный Соборъ много уже сдѣлалъ для упорядоченія жизни Церкви и управленія ею, и можно быть увѣреннымъ, что возглавленная теперь Патріархомъ, Русская Церковь крѣпко будетъ охранять истину Православія, и твердо содержать правила, принятія ею отъ Св. Отцевъ и Учителей, и что внѣшнія бури и волненія, коима и до сихъ поръ еще обуревается земля Русская, уже не смогутъ направить корабль нашей Церкви на ложный путь реформаціи. Но сдѣлать это и теперь все еще устремляются многіе революціонеры обновленцы и, пользуясь неустройствомъ окружающей насъ государственной и общественной жизни, стремятся и въ сферу Православной Церкви влить ядъ своеволія и безцерковья, внести въ жизнь и управленіе Церкви губительныя начала борьбы мірявъ и іерархіи, т.-е. преслужной „классовой борьбы“, вмѣсто духа любви и единенія.

Сложитъ оружіе и оставаться въ бездѣйствіи въ такое опасное и тревожное время мы считаемъ невозможнымъ, и потому, несмотря на немощныя трудности издательства журнала въ наше время, будемъ продолжать нашу „Церковность“ и въ будущемъ 1918 году, освѣщая вопросы и событія церковной и общественной жизни съ православно-церковной точки зрѣнія.

Въ виду техническихъ затрудненій печатанія журнала въ увеличенномъ объемѣ, влѣдствіе чего за послѣднее время № № журнала выходили съ большимъ запозданіемъ, въ 1918 году Церковность будетъ выходить въ объемѣ 4—8 страницъ, но по возможности аккуратно и еженедѣльно, при чемъ проповѣдническій матеріалъ и особыя поученія для дѣтей подъ заголовкомъ: „Въ школѣ“, будутъ печататься въ журналѣ и разсылаться подписчикамъ съ такими расчетомъ, чтобы могли быть поучены на мѣстѣ своевременно. Чтобы не лишать нашихъ подписчиковъ назидательнаго чтенія, въ первой половинѣ наступающаго 1918 года мы рѣшили предложить своимъ подписчикамъ въ качествѣ особаго приложенія ниже глѣдующія книги: 1) Митрополитъ Владиміръ—„Гдѣ истинное счастье: въ вѣрѣ или невѣрїи?“ 2) Профессоръ Алексѣй Введенскій—„Соціализмъ, какъ нравственная и теоретическая задача“. 3) Варжанскій—„Оружіе правды“, конспектъ для веденія противокатанскихъ бесѣдъ. 4) Сборникъ проповѣдей прот. І. Восторгова, изданный въ дополненіе къ 3-му тому полного собранія его сочиненій. 5) Листки и брошюры разныхъ названій.

Влѣдствіе непрерывнаго повышенія цѣвъ на рабочія руки и бумагу и неустановившагося порядка въ государственной и общественной жизни, подписка принимается только на полгода съ 1 января по 1 іюля 1918 года.

Подписная цѣна за полгода, со всѣми приложеніями, 6 рублей съ пересылкою. Безъ приложеній 3 рубля. Выписывающимъ сотнями и полусотнями для продажи при церквахъ и раздачи народу 2 рубля.

О подпискѣ на вторую половину года будетъ объявлено особо.

Адресъ Редакціи; Москва, Пятницкая, 18.

Редакторъ-издатель Прот. І. Восторговъ.

Оставш. въ небольш. количествѣ №№ журнала за прѣжнее время продаются сброшюрован. въ трехъ книгахъ: 1) за 1914 (съ мая) и 1915 гг., 2) за 1916 и 1-ю половину 1917 г. и 3) завремя засѣданій Церковнаго Собора въ 1917 году съ августа мѣсяца. Цѣна кажд. книги 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

„Православный Благовѣстникъ“,

журналъ внѣшной мисси,

будеть издаваться въ 1918 году по прежней программѣ, но въ сокращенномъ размѣрѣ, ежемѣсячно.

Цѣна прежняя: 6 руб. въ годъ съ пересылкой.

Редакторъ протоіерей **І. Восторговъ.**

Адресъ: Москва, Пятницкая, 18.

„ЦЕРКОВНО - ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ“

(2-й годъ изданія).

Болѣзненно осложнившаяся жизнь нашей многопечальной родины выдвигаетъ въ самой серьезной постановкѣ проблему церковнаго и общественнаго благоустройства на вѣчныхъ началахъ православной вѣры и заветовъ Евангелія.

Можетъ быть, никогда не чувствовалось съ такою силою, какъ сейчасъ, что лишь во Христѣ Спасителѣ и Его божественномъ словѣ мятущаяся мысль и совѣсть современнаго человѣка можетъ найти себѣ покой и утѣшеніе.

Неустанно звать глубоко встревоженную душу ко Христу и облегчать ей пониманіе социальныхъ потрясеній съ точки зрѣніа евангельской философіи жизни и ставить свою задачею „Церковно Общественная Мысль“.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяць.

Подписная плата: на годъ съ приложеніемъ „Официальныхъ извѣстій вѣдомства военно-морского духовенства“—18 руб., безъ приложенія — 15 руб. На полгода съ приложеніемъ — 10 руб., безъ приложенія — 8 руб.

При каждомъ № дають два листка для пароднаго чтенія. Разсрочка не допускается.

Адресъ редакціи: Кіевъ, Звѣринецъ, Инженерное училище, кв. 3.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Еп. Уфимскій Андрей: прот. Аггеевъ, К. М.; Богуславскій, Е. С.; Боголюбовъ, Д. И.; Глѣзке, Н. Э.; проф. — прот. Галаховъ, Іак. Іак.; прот. Егоровъ, І. Ф.; проф. Зѣньковскій, В. В.; прот. Капраловъ, Е. З.; проф. Кудравцевъ, П. П.; Макасовъ, А. И.; проф. Мищенко, О. И.; прот. Моревъ, І. В.; Платонова, А.; проф. Покровскій, А. И.; проф. Прокошевъ, П. А.; проф. — прот. Свѣтловъ, П. Я.; проф. Слезкинъ, П. Р.; проф. — свящ. Смирновъ, Н. П.; Соколовъ, В. П.; проф. Соколовъ, Л. А.; прот. Стещенко, К. К.; проф. Титлиновъ, Б. В.; Чирковъ, В. П.; протопресвитеръ Шавельскій, Г. И.; проф. Щукинъ, С. Н.; проф. Экземпларскій, В. И. и мн. др.

Союзъ „Церковность“

Союзъ объединяетъ ревнителей Православной Церкви изъ клира и мірянъ (обоюго пола церковно-совершеннолѣтнихъ) г. Москвы, Московской епархіи, по желанію—и изъ другихъ мѣстъ Россіи, въ дѣляхъ:

1) Взаимнаго содѣйствія пастырей и пасомыхъ въ устроеніи церковной, общественной и частной жизни на началахъ строгой православной церковности и священныхъ канонѡвъ.

2) Распространенія и укрѣпленія православно-христіанскаго вѣроученія и нравственности, живой взаимной связи въ Церкви, ради угожденія Богу и вѣчнаго душевнаго спасенія;

3) Устроенія приходской жизни, при условіи полного невмѣшательства Церкви, *какъ таковой*, въ политическую жизнь страны, за исключеніемъ случаевъ, когда политическія партіи и ученія будутъ касаться ученія и строя Церкви.

Примѣчаніе 1. За каждымъ членомъ Союза сохраняется полная свобода внѣ Союза и Церкви принадлежать къ избранной имъ политической группѣ.

Примѣчаніе 2. Союзъ имѣетъ своимъ органомъ журналъ „Церковность“.

Членскій взносъ устанавливается по 10 руб. въ годъ, считая въ томъ числѣ и подписную плату на журналъ безъ приложений.

Заявленія о желаніи вступить въ Союзъ просятъ присылать по адресу:—Москва, Пятницкая, 18, кв. 1, редакція журнала „Церковность“,—съ точнымъ обозначеніемъ своего адреса для рзысылки письменныхъ сообщеній, повѣстокъ и самаго журнала.
